

НАУКА И ТЕХНИКА СССР

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК за 1984 год

Основан в 1957 г.
академиком
М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

Ответственный редактор
С. О. ШМИДТ

МОСКВА «НАУКА»

1986

«Археографический ежегодник за 1984 год» включает статьи и сообщения по проблемам археографии, архивоведения и других специальных исторических дисциплин, обзоры документальных памятников.

Ряд материалов посвящен проблемам хранения и исследования документов официального и личного происхождения, развитию археографии в Сибири, Грузии, а также за рубежом, теоретическим проблемам архивоведения, вопросам изучения различных видов письменных источников с XIV в. до наших дней (о библиотеке московских государей XVI в., книге на Урале в XVIII в., крестьянских воспоминаниях 1920-х годов, документах по изучению истории фабрик и заводов, Великой Отечественной войны и др.), археографической деятельности многих видных ученых.

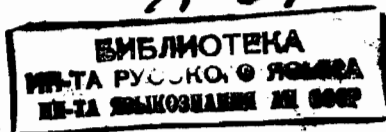
Редакционная коллегия:

С. О. ШМИДТ (ответственный редактор),
Ю. В. АНДРЮШАЙТИТЕ, Н. А. ДОЛДОБАНОВА
(ответственный секретарь),
В. А. ДЬЯКОВ, М. П. ИРОШНИКОВ, С. М. КАШТАНОВ,
Б. Г. ЛИТВАК (заместитель ответственного редактора),
Н. Н. ПОКРОВСКИЙ, В. А. ЧЕРНЫХ

Рецензенты:

О. М. МЕДУШЕВСКАЯ, С. В. МИРОНЕНКО

В(П)
А-84

81140

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В. А. Еремченко, Э. П. Иноземцева, А. А. Курносков

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКТОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ РСФСР ДОКУМЕНТАМИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Документы личного происхождения, поступившие в собственность государства, — богатейший источник по истории государственной, политической и общественной жизни нашей Родины, неотъемлемая часть ГАФ СССР. Дополняя материалы официального происхождения качественно иной, специфической, информацией, эта группа источников раскрывает взаимодействие личности и общества, позволяет оценить роль субъективных факторов в историческом процессе, преломление крупных исторических событий через восприятие личности.

Конституция СССР, законодательные акты об охране и использовании памятников истории и культуры, к которым отнесены и документальные памятники личного происхождения, Положение о Государственном архивном фонде СССР укрепили правовую основу и привели к активизации деятельности архивных органов РСФСР как специально уполномоченных государственных органов, осуществляющих государственный учет и контроль в области охраны документальных памятников¹.

В области комплектования государственных архивов республики документами личного происхождения в 70—80-х годах достигнуты определенные положительные результаты.

Эти результаты становятся более очевидными в сравнении с положением дел в недалеком прошлом. После проведенной в 20-х годах большой работы по концентрации в государственных архивах личных фондов политических, общественных, коммерческих деятелей, деятелей литературы и искусства дореволюционного периода и коллекций, собранных ими, это направление практически не развивалось. В государственных архивах страны еще в конце 50-х годов почти отсутствовали фонды представителей широких масс трудящихся. Лишь отдельные области РСФСР приступили к решению больших и сложных задач по комплектованию государственных архивов документами личного происхождения советского периода. В числе пионеров в развитии этой деятельности были архивисты Рязани, Хабаровска, Свердловска, Челябинска, Ставрополя².

С начала 60-х годов пополнение государственных архивов этими документами стало осуществляться более планомерно. Ежегодные поступления — около 10—15 тыс. ед. учета. Эти документы сосредоточиваются в ЛГАЛИ, центральных государственных архивах автономных республик, краевых, областных государственных архивах и их филиалах, а в последние годы и в районных (городских) государственных архивах республики.

¹ Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». — Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1978, ст. 1387; Положение о Государственном архивном фонде СССР. — Собрание постановлений Правительства СССР, 1980, № 10, ст. 71 (см. также: СА, 1980, № 4, с. 3—11); Положение о Главном архивном управлении при Совете Министров СССР. — Там же.

² Материалы Всесоюзного совещания-семинара по комплектованию государственных архивов материалами личного происхождения, экспертизе их ценности и фондированию. М., 1965, с. 5.

В немалой степени это стимулировалось деятельностью научных и общественных организаций, Междуведомственного научно-методического совета по работе с документами личного происхождения при Главархиве СССР. В свою очередь, обостренное внимание широкой общественности к проблемам собирания и сохранения данной категории памятников во многом было обусловлено развернувшимся в 60—70-х годах массовым движением по собиранию реликвий прошлого, которое приобрело форму движения «Красных следопытов», создания общественных музеев (производственных, школьных, региональных, краеведческих и др.), наконец, частного коллекционирования. Участие в движении миллионов людей, не располагающих необходимыми специальными знаниями, возникшая в связи с этим угроза несоблюдения элементарных норм собирания, сохранения и использования личных документов и фондов, вызвали обоснованную тревогу в кругах архивистов, сотрудников музеев, академических учреждений и вузов. Такая ситуация придала актуальность проблемам ценности и значимости личных документов и фондов. Особенно острое обсуждение этих проблем состоялось на страницах «Литературной газеты» в 1976—1977 гг.; большинство выступивших высказалось за сохранение документации не только выдающихся, но и «рядовых» людей³.

Ныне в государственных архивах Российской Федерации сосредоточено более 3,7 тыс. личных фондов и коллекций, в составе которых насчитывается 400 тыс. ед. хранения. Свыше двух третей — документы советского периода. На учете архивных учреждений республики 5,5 тыс. держателей личных фондов и коллекций, в распоряжении которых находится около 45 тыс. ед. учета⁴.

Теоретические и методические основы этого сравнительно молодого направления деятельности государственной архивной службы были в основном сформулированы в материалах и рекомендациях проведенного в мае 1965 г. Всесоюзного совещания-семинара по комплектованию государственных архивов материалами личного происхождения, экспертизе их ценности и фондированию, получили развитие и конкретизацию в коллективной монографии⁵, в ряде методических пособий и другой специальной архивоведческой литературе⁶, определив на многие годы формы

³ Лит. газ., 1976, 15, 22 сент., 13 окт., 1 дек.; 1977, 6 апр., 1, 22 июня. Эти проблемы обсуждались на Всесоюзной конференции по полевой археографии в декабре 1976 г. (*Шмидт С. О.* [Вступительное слово]. — В кн.: Проблемы полевой археографии. М., 1979, с. 4—15; *Курносов А. А.*, *Черных В. А.*, *Шмидт С. О.* О состоянии и задачах советской полевой археографии: К итогам первой Всесоюзной конференции по полевой археографии. — АЕ за 1977 год. М., 1978, с. 3—14), на IV съезде Общества охраны памятников (*Шмидт С. О.* Ответственность перед будущим. — Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, М., 1982, № 1, с. 130—136). Самое пристальное внимание уделяла этим вопросам пресса. См., например: *Иконников Ю.* Был солдат неизвестным: История одного поиска. — Подвиг: Военно-патриотический литературно-художественный альманах, М., 1980, вып. 21, с. 177—182.

⁴ Здесь и далее статистические показатели и фактические данные приводятся из «Материалов совещания-семинара по теме: „Комплектование государственных архивов РСФСР документами личного происхождения и их использование“». Республиканская (РСФСР) служба научно-технической информации (РСНТИ), № 3366н. (Москва, декабрь 1982 г.).

⁵ Теория и практика экспертизы ценности документов и комплектования государственных архивов СССР. — ТВНИИДАД. М., 1974, т. 4, ч. 2, гл. 4, § 4, 5.

⁶ Методические рекомендации по комплектованию Государственного архивного фонда СССР документальными материалами личных архивов. М., 1969; Методические рекомендации по научно-технической обработке документальных материалов фондов личного происхождения. М., 1971; О сборе, учете и использовании документальных памятников истории и культуры: (Рекомендации руководителю поисковой и музейной работы общественных музеев). М., 1980; Инструкция по научно-технической обработке документальных материалов фондов личного происхождения. М.; ЦГАЛИ СССР, 1962; Методические указания по работе с фондами личного происхождения. М.: ЦГАЛИ СССР, 1967; Методические рекомендации по обработке личных архивов (в помощь краеведам): Архивный отдел Пермского облисполкома. Пермь, 1975, РСНТИ, № 2465н; Методические рекомендации по выявлению и приобретению документальных памятников личного происхождения: Архивный отдел Владимирского облисполкома. — Владимир, 1979, РСНТИ, № 2642н и др. См. также: *Бли-*

и методы комплектования архивов этими документами. Однако до последнего времени данные вопросы рассматривались и разрабатывались в основном применительно к личным фондам и документам выдающихся деятелей науки, литературы и искусства, известных представителей отдельных отраслей народного хозяйства.

Между тем в отличие от специализированных архивов литературы и искусства местные государственные архивы РСФСР за прошедший период сконцентрировали документы представителей различных социальных групп советского общества (рабочих, колхозников, служащих и интеллигенции)⁷. Но далеко не все практические начинания в настоящее время получили достаточное обоснование.

Анализ состава и содержания документов личного происхождения за советский период в государственных архивах РСФСР⁸ выявляет некоторые вопросы, требующие дальнейшей разработки.

Самая многочисленная группа личных фондов в государственных архивах РСФСР — фонды деятелей литературы и искусства. Всего принято 766 их личных архивов (более 70 тыс. дел), что составляет по числу фондов четверть, а по количеству дел — треть от общего объема фондов советского периода, т. е. это самые крупные фонды соответствующей категории. Еще 1,5 тыс. фондодержателей этой группы взяты на учет. Их документы предполагается принять на хранение.

В составе этих фондов документы личностного характера (мемуары, дневники, переписка); комплексы документов, относящиеся к процессу создания научных, беллетристических и иных произведений и трудов (в том числе разнообразные оригиналы, копии и выписки из источников первичной информации, варианты текста и т. п.); документы, отразившие профессиональную деятельность фондобразователя (она не всегда совпадала со сферой его творчества); разнообразные биографические документы (удостоверения, мандаты, справки и т. п.); разного рода бытовые документы — финансовые, хозяйственные и иные. В общем комплексе эти группы документов всесторонне характеризуют владельца личного

нов А. М. Из опыта работы ЛГАЛИ по комплектованию документами личного происхождения. Л., 1978, РСНТИ, № 2379н; Он же. Комплектование и использование материалов частных коллекций. — СА, 1974, № 6; Волкова Н. Б. Комплектование ЦГАЛИ СССР материалами личных фондов деятелей литературы и искусства. — СА, 1974, № 6; Зелов Н. С. Из истории комплектования ЦГАОР СССР документами личного происхождения. — СА, 1981, № 3; Иноземцева Э. П. О задачах архивных учреждений РСФСР по сборанию и использованию документов личного происхождения в свете Закона СССР и Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и нового «Положения о Государственном архивном фонде СССР». — В кн.: Материалы совещания-семинара по теме «Комплектование государственных архивов РСФСР документами личного происхождения и их использование». М., 1982; Колосова Э. В., Цапкин В. В. Государственные архивы и документальные фонды личного происхождения. — ВА, 1965, № 4; Мамонов В. М. О сборании документов личного происхождения государственными архивами СССР. — АЕ за 1979 год. М., 1981; Мартынов С. А. Комплектование государственных архивов документами личного происхождения: ЛГАЛИ. — СА, 1981, № 3; Новикова А. А. О комплектовании государственных архивов фондами личного происхождения. — ВА, 1959, № 2; Новикова А. А., Федоров А. Г. Личные архивы и ведомства. — СА, 1970, № 3; Новикова А. А. Комплектование ЦГАНХ СССР документами личного происхождения. — СА, 1980, № 4; Сиренко Л. В. Комплектование государственных архивов документами личного происхождения: ЦГАОР УССР. — СА, 1979, № 6; Соловьев Ю. Е. Комплектование государственных архивов документами личного происхождения: ЦГАМЛИ БССР. — СА, 1981, № 3; Сырченко Л. Г. Личные фонды деятелей русской литературы и искусства в архивах СССР: Учебное пособие. М., 1975.

⁷ Иноземцева Э. П., Еремченко В. А. Комплектование государственных архивов документами личного происхождения: Государственные архивы РСФСР. — СА, 1979, № 6, с. 45—47.

⁸ Авторы использовали поступившие в отдел комплектования и экспертизы Глав-архива РСФСР материалы: аналитические справки по вопросам комплектования государственных архивов автономных республик, краев и областей документами личного происхождения; списки лиц, документы которых взяты на учет и подлежат передаче в государственные архивы; характеристики личных фондов и коллекций, поступивших на хранение.

архива: его творческую индивидуальность, взаимоотношения с обществом, положение его и его семьи в социальной жизни, уровень доходов и расходов и др.

Представление о содержании, информационных возможностях фондов этой группы дает, в частности, фонд Кайсына Кулиева — народного балкарского поэта, лауреата Государственной премии СССР, депутата Верховного Совета СССР, хранящийся в ЦГА Кабардино-Балкарской АССР. В фонде — 685 дел за 1941—1976 гг.: творческие рукописи, подстрочные переводы произведений поэта с балкарского на русский и с русского на балкарский языки, его статьи, выступления, в том числе переданные по центральному радиовещанию, письма к близким и родным, коллегам по профессии и общественным деятелям (в частности, к Р. Гамзатову, И. Л. Андронику, К. Я. Ваншенкину и др.), а также мандаты, удостоверения, переписка с избирателями. Ценную часть фонда представляют биографические материалы, в том числе более 60 индивидуальных и групповых фотографий с известными деятелями литературы и искусства. Фонд прошел научное описание и интенсивно используется. За последние десять лет исследователи обращались к нему более 1800 раз. Документы вошли в некоторые литературоведческие публикации, статьи в республиканской печати и в радиопередачи.

В ЦГА Марийской АССР хранится фонд писателя-драматурга, заслуженного деятеля искусств Марийской АССР А. А. Волкова. В фонде — 303 дела за 1946—1976 гг. Это рукописи пьес, драм, комедий (в том числе варианты текстов), переводы произведений с марийского на русский, дневниковые записи, афиши и программы Марийского государственного драматического театра им. Шкетана.

Существенное влияние на состав и объем отбираемых на государственное хранение документов фондообразователей этой группы наряду с критерием содержания документа оказывает критерий авторства (адресата), который в конечном счете сводится к прижизненной или посмертной оценке обществом деятельности фондообразователя и людей из его окружения, его и их вклада в развитие науки, культуры, искусства.

В ЛГАЛЛИ почти в полном объеме приняты документы писателей Д. И. Градина, Л. В. Успенского, поэта М. А. Дудина, искусствоведа Ю. И. Слонимского. В этой связи хочется отметить факты передачи личных архивов на государственное хранение самими фондообразователями. Их сотрудничество с архивистами может существенно улучшить насыщенность фондов, качество отбора документов. Фондообразователям и владельцам семейных архивов может оказать помощь и соответствующая методическая литература, в частности подготовленные пермскими архивистами «Методические рекомендации по обработке личных архивов» (1975).

При ограничении состава отбираемых на хранение документов не принимаются, как правило, черновые и подготовительные материалы к рукописям произведений, документы официального происхождения, если они дублируются в фондах соответствующих учреждений.

Другую группу личных фондов образуют архивы руководящих работников и специалистов различных отраслей народного хозяйства. Всего в государственных архивах республики сосредоточено 693 личных архива и коллекции такого рода (свыше 55 тыс. ед. хр.). В них содержатся практически такие же категории документов: творческие, биографические, изобразительные материалы, возникшие в процессе служебной и общественной деятельности, переписка.

В Госархиве Мурманской области хранится, например, личный фонд первого управляющего трестом «Апатит» В. И. Кондрикова. В фонде, кроме документов, отражающих биографические данные, служебную и общественную деятельность Кондрикова (которая сама по себе представляет немалый интерес, поскольку он возглавлял в годы первых пятилеток одно из предприятий общесоюзного значения), сосредоточены материалы, содержащие ценные данные о комплексном использовании богатств Кольского полуострова.

В переписке Кондрикова с С. М. Кировым, А. А. Ждановым, Г. К. Орджоникидзе, академиком А. Я. Ферсманом, иностранными специалистами, научно-исследовательскими, хозяйственными учреждениями, Ленинградским обкомом КПСС, облисполкомом, в его докладах, статьях, воспоминаниях о С. М. Кирове освещается история строительства треста «Апатит», первых электростанций, Кандалакшского алюминийевого завода, комбината «Североникель», других важнейших строек Кольского полуострова. В фонде сохранился протокол заседания конференции научно-исследовательских учреждений и хозяйственных органов, ведущих работы на Кольском полуострове, под председательством академика И. М. Губкина.

При отборе документов в личных архивах данной группы фондодержателей первостепенную роль играют критерии содержания и авторства документов. Особенность состава этих фондов — наличие в них, как правило, документов официального происхождения (иногда довольно многочисленных). Нередко эти документы отсутствуют в фондах соответствующих учреждений; тем не менее, считаясь с волей владельцев, работники архивных учреждений зачастую учитывают и хранят их в личном архиве. В личном фонде сохраняются официальные документы и тогда, когда копии имеются в фонде учреждения, особенно, когда фонд этого учреждения не относится к профилю государственного архива, принявшего личный фонд. В общем комплексе документов личного архива такие документы несут информацию и о фондообразователе.

Особую группу образуют личные фонды и документы тружеников промышленности и сельского хозяйства. Эта группа фондов сравнительно невелика. На государственное хранение в республике пока поступило лишь 190 таких фондов в объеме 5,5 тыс. ед. учета. В этих фондах — в основном биографические документы официального происхождения, переписка, материалы служебной и общественной деятельности, фотографии. При их отборе на государственное хранение важную роль играет критерий времени возникновения документов: документы, созданные в особо важные периоды истории нашего государства или связанные с деятельностью лица на крупных стройках эпохи, принимаются более полно.

Например, в ЦГА Удмуртской АССР в 1981 г. поступил фонд Антонины Михайловны Жигулевой, доярки, Героя Социалистического Труда. В фонде — 30 дел за 1953—1981 гг. (в основном биографического характера), связанных с производственной и общественной деятельностью: почетные грамоты, поздравительные адреса, автобиография, свидетельства об участии в ВДНХ в 1954—1958 гг. Эти документы использовались на выставке, посвященной 60-летию образования СССР в ижевском Доме политпросвещения.

Интересны принятые Госархивом Оренбургской области документы личного фонда В. М. Чердинцева, комбайнера совхоза «Рассвет» Токмакского района, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР, депутата Верховного Совета СССР, члена Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутата сельсовета с 40-летним стажем. Эти документы используются на выставках, в докладах, лекциях, радиопередачах.

Работа по выявлению и оценке документов представителей этой группы приводит к выводу: хотя у рядовых тружеников обычно создаются небогатые по составу и объему личные архивы, документальные свидетельства жизни этих людей представляют ценность для истории. Вопрос состоит в выработке соответствующих критериев отбора этих документов в местные архивы. В настоящее время на учете архивных учреждений РСФСР всего 810 владельцев таких собраний. К сожалению, работа по их выявлению ведется далеко не везде. Сказывается неопределенность суждений архивистов о критериях отбора документов этой группы фондообразователей.

В госархивах в особую группу выделяются документы участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (273 фонда и коллекции, 10 875 дел), Великой Отечественной войны и дру-

гих событий, связанных с вооруженной защитой социалистического государства (138 фондов и коллекций, свыше 5 тыс. дел). В этих фондах представлены документы прежде всего биографического характера, материалы служебной и общественной деятельности, переписка с родными и близкими, воспоминания, дневники.

Фонд Николая Дмитриевича Томина (1886—1924), командира Красной Армии, героя гражданской войны, советского военачальника, — в Государственном архиве Курганской области. Томин еще в годы первой русской революции принимал участие в работе марксистских кружков, Октябрьскую революцию встретил на посту председателя дивизионного комитета Первой Оренбургской казачьей дивизии, перешедшей на сторону Советской власти. Член КПСС с 1924 г. Награжден двумя орденами Красного Знамени. Погиб в борьбе с басмачами в Средней Азии.

В составе фонда — приказы, удостоверения, мандаты, справки, письма к матери и жене. Многие документы подписаны М. Н. Тухачевским, В. К. Блюхером. Эти ценные источники используются при подготовке юбилейных выставок, в периодической печати.

В государственных архивах республики представлены и документы личного происхождения ученых, деятельность которых тесно связана с развитием народного хозяйства и науки соответствующего региона. Концентрация этих фондов в государственных архивах республики происходит с учетом профиля архивов АН СССР. Всего в государственных архивах республики сосредоточено 462 таких фонда (59,9 тыс. дел). На учет поставлено еще 1504 фондодержателя, в том числе 728 коллекционеров, которые дали принципиальное согласие передать на государственное хранение свои документы.

В Государственном архиве Кировской области фонд Н. В. Рудницкого, ученого-селекционера, действительного члена ВАСХНИЛ, содержит 51 дело за 1911—1953 гг. Это материалы о научной и общественной деятельности, рукописи статей, авторские и соавторские свидетельства на вновь выведенные сорта сельскохозяйственных культур.

О фондах этой группы дает представление и личный архив историка, востоковеда профессора Н. Н. Пальмова в ЦГА Калмыцкой АССР. В нем 485 дел. Большую часть этих материалов составляют выписки из архивных источников по истории Калмыкии за период с XVII в. с комментариями ученого, его незаконченные работы. Многие документы характеризуют Пальмова как педагога и музейного деятеля (проекты учебных программ, дневниковые записи по Калмыцкому историко-этнографическому музею). Особенное значение имеет переписка Пальмова с учеными-востоковедами — академиками С. Ф. Ольденбургом, А. Н. Самойловичем.

Небезынтересные данные о количественном и видовом соотношении документов — представителей разных групп фондообразователей — получены на основе анализа личных архивов в объеме 12,7 тыс. дел в Государственном архиве Горьковской области (ГАГО). Эти данные подтверждают, что в личных фондах, которыми комплектуются местные государственные архивы, преобладают материалы служебно-общественной деятельности фондообразователей (в ГАГО — 75 % от общего объема дел этой категории, творческие рукописи составляют только седьмую часть). Лишь в фондах деятелей литературы и искусства они составили третью часть от общего объема дел.

Принимая во внимание роль и особенности деятельности каждой социальной группы нашего общества, преобладание архивов ученых, деятелей литературы и искусства кажется вполне естественным. Их социальная функция реализуется путем создания тех или иных, прежде всего оригинальных, текстов. Отсюда и значительный объем их фондов (100 и более дел).

Понятен более скромный удельный вес личных архивов руководящих работников органов управления как с точки зрения их числа, так и объема (около 70 дел). Создание документации этими фондообразователями входит в круг их служебных обязанностей. Поэтому личный архив может

сформироваться где-то на «стыке» официальной и личной жизни или за пределами служебных обязанностей.

Деятельность такой группы, как труженики народного хозяйства, ограничивается в основном производственной и общественной сферами. Поэтому невелико и число их, обычно небольших по объему (до 30 дел) личных архивов.

Видовой состав архивов каждой из названных групп также связан с характером деятельности фондообразователя. Как правило, от категории к категории снижается удельный вес документов собственно личного происхождения (творческие материалы, дневники, мемуарные источники, личная переписка) и повышается доля более или менее стереотипной документации.

Состав личных фондов в местных госархивах РСФСР определяется стремлением обеспечить представительность этих фондов по отношению ко всем социальным группам. Достигается это во многом на основе применения одного из специфических критериев экспертизы ценности документов при их отборе на государственное хранение — критерия «документотворческой активности», неодинаковой у разных социальных групп. Используя этот критерий и стремясь представить в составе источникового фонда документы всех социальных групп, архивы относительно «непродуктивных» в этом смысле групп принимаются в полном или почти полном объеме, хотя и содержат совсем немного документов личного характера.

Становится очевидным противоречие: неповторимые личные фонды первой группы весьма многочисленны и «богаты», а личные архивы представителей многих миллионов тружеников малочисленны и «бедны» (хотя известно, что и среди личных архивов рядовых людей встречаются совершенно уникальные по своей ценности собрания). Более того, наличие последних в государственных архивах РСФСР не вполне соответствует «элитарному» подходу в оценке фондов той или иной социальной принадлежности, подходу, который вытекает из оценки общественного признания деятельности фондообразователя⁹.

Таким образом, анализ тенденций и итогов работы архивных учреждений РСФСР по собиранию и использованию документов личного происхождения выявляет ряд принципиальных вопросов, требующих изучения. Главный из них — представительность документальных памятников личного происхождения, принимаемых на государственное хранение. Идея представительности в архивоведении не нова, хотя и не получила (незаслуженно!) достаточного развития. Еще в 30-х годах ее высказал Б. И. Анфилов применительно к категориям архивных фондов учреждений, документы которых должны быть приняты в государственные архивы без каких-либо изъятий¹⁰.

Очевидно, проблема состоит не в утверждении самого этого принципа, а в его конкретном наполнении применительно к документам личных фондов. Обеспечить такую представительность — значит включить в источниковую базу исторических исследований личные архивы и документы всех периодов истории нашего народа, его социальных групп (с учетом профессиональной принадлежности и территорий).

Было бы неверно толковать репрезентативность как прямую пропорциональность числа личных фондов в составе ГАФ к численности соответствующих социальных групп. Такая пропорциональность едва ли реальна, хотя в настоящее время высказываются и мнения относительно возможности прогнозирования приема на госхранение документов лич-

⁹ «Указанное ограничение может быть достигнуто на вполне объективной основе, так как, как правило, эти лица отмечаются правительственными и ведомственными наградами, присуждением почетных и ученых званий, степеней и т. п.» (ТВНИИДАД, т. 4, ч. 2, с. 304—305).

¹⁰ Анфилов Б. И. Пересмотр состава государственных архивов. — АД, 1935, № 2 (35, с. 28).

ного происхождения исходя из данных демографической статистики ¹¹. Теоретически возможность подобного подхода отрицать не следует. Однако число факторов, влияющих на создание и сохранность личной документации, слишком велико, а взаимодействие этих факторов слишком сложно и многогранно для построения сколько-нибудь приближенной к действительности модели.

Как свидетельствует опыт архивных органов РСФСР, практика исходит не из априорно взятых демографических или иных пропорций, а из реального наличия архивов. Количественная представительность в силу объективных и субъективных причин далеко не будет равна социальной, временной или региональной (например, сфера обслуживания занимает ныне большое число людей, но в архивах их фонды не представлены) ¹².

Именно поэтому и «элитарный» подход к выявлению и собиранию документов личного происхождения, выражающийся в терминах: «фонды передовиков производства», «фонды новаторов» и т. п., кажется малоперспективным для неспециализированных хранилищ. Это подтверждают конкретные обследования личных архивов, проведенные многими архивными органами РСФСР.

Особенно эффективно такая работа проводится владимирскими архивистами в тесном сотрудничестве с обкомом ВЛКСМ, отделением ВООПИК и другими организациями ¹³. Интересен и эксперимент, направленный на выявление личных архивов, поставленный научным студенческим кружком МГИАИ ¹⁴. Можно полагать, что именно такое конкретное обследование разных категорий личных архивов создаст необходимые предпосылки при планировании работ по выявлению и собиранию личной документации.

Не будем обсуждать степень объективности внешних проявлений общественного признания, их подвижность и зависимость от конкретной исторической обстановки и локальных ситуаций. Награды (в широком значении) отражают принятую данным обществом в данное время систему ценностей, а значит, и оценок деятельности данной личности. В этом смысле они сами по себе важны, значимы и, конечно, должны учитываться при определении судьбы того или иного документального собрания. Однако ограниченность критерия общественного признания фондообразователя определяется тем, что он ориентирован именно на фондообразователя, а не на фонд.

Получается, что первая, самая малочисленная группа потенциальных фондообразователей имеет максимальную вероятность не только создания, но и сохранения своих архивов, между тем как третья, значительно более многочисленная группа располагает меньшей вероятностью и образования, и тем более сохранения личных документальных собраний. Следовательно, выработанное на основе изучения личных архивов группы деятелей литературы и искусства деление их на категории, определяемое общественным признанием фондообразователя, лишь со многими оговорками можно применить к группе личных архивов руководящих работников и специалистов народного хозяйства. И оно совершенно исключается при определении судеб документальных собраний такой группы фондообразователей, как труженники заводов, колхозов.

¹¹ Илизаров Б. С., Зубкова Е. Ю., Акимова М. В. Проблемы изучения личных информационных, документальных и архивных фондов: (Социологический и историко-метрический аспекты). — В кн.: Научно-информационная деятельность государственных архивов. М., 1983, с. 138—147.

¹² Иноземцева З. П., Еремченко В. А. Указ. соч., с. 46—47.

¹³ Иноземцева З. П., Еремченко В. А. Указ. соч., с. 47; Альтман И. А., Альтман М. М. Государственные архивы и школьное краеведение: перспективы сотрудничества. — В кн.: Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры, ч. 1. Памятники нового времени и советской эпохи. М., 1982, с. 120—127.

¹⁴ Зубкова Е. Ю. Анкетирование как метод изучения документальных фондов: (Эксперимент студенческого научного кружка МГИАИ). — Там же, с. 151—159.

За подобным дифференцированным подходом, конечно, стоит неодинаковое значение фондов: в фондах первой группы фиксируется неповторимая творческая деятельность данной личности, в фондах третьей группы представлена повседневная жизнь миллионов тружеников. Отсюда, как нам представляется, и следует, что «элитарный» подход неприменим к фондам третьей группы и к большей части фондов второй, поскольку документы этих групп представляют не только создателей архивов, но и множество людей, близких к ним в моральном, духовном и материальном отношении.

Фонды, представляющие жизнь многих миллионов советских людей, должны быть сохранены, особенно если они содержат личные источники (дневники и т. п.).

Исходя из этого, можно принять предложения о применении к фондам и документам личного происхождения условно таких понятий, как уникальные и массовые¹⁵, имея при этом в виду, что у представителей массовых социальных групп личные архивы с точки зрения количественного и видового состава и содержания весьма специфичны. Формирование этих фондов требует дифференцированного определения состава документов при отборе на государственное хранение с учетом потребностей в их использовании, эффективность которого неодинакова в государственных архивохранилищах различных уровней.

Принятие такого подхода в отношении состава личных фондов неизбежно приводит нас к проблеме видовой представительности документации из личных архивов в источниковом фонде.

Очевидно, что личные документы (дневники, воспоминания, письма, творческие рукописи) независимо от авторства или корреспондента должны быть сохранены в полном объеме.

Документы, возникшие в процессе взаимоотношений фондообразователя и общества (наградные, хозяйственно-бытовые и др.) требуют дифференцированной оценки в зависимости от того, насколько они взаимодополняют друг друга и характеризуют повседневную жизнь лица как представителя данной группы общества в конкретных условиях места и времени. Стереотипность многих из них, особенно документов официального характера, позволяет считать целесообразным применение коллекционного метода включения их в состав источникового фонда.

Документы, возникшие в процессе служебной деятельности фондообразователя, целесообразно хранить в виде черновиков и набросков, фиксирующих процесс создания документа в случае, когда нет полной уверенности, что такие документы сохранились в фондах соответствующих учреждений.

Отношение к документам, более или менее случайно оказавшимся в фонде в результате того или иного стечения обстоятельств, зависит от ценности заключенной в этих документах информации безотносительно к составу самого личного фонда. Может быть, целесообразнее хранить их в фонде соответствующего учреждения, оставляя в личном фонде копии или перечень переданных документов. Тем самым будет обеспечено представление о первоначальном составе данного собрания.

Особенно внимательного отношения к себе требуют коллекции автографов, фотографий, тематических подборок, рукописных и печатных материалов и др.

Реализация принципа представительности состава личных фондов и документов в них на основе предложенного дифференцированного подхода создает, по нашему мнению, возможность решить проблему включения в источниковый фонд исторической науки репрезентативного комплекса источников. Опасения, связанные с возможностью перегрузки государственных архивов «малоценными» собраниями документов рядовых людей, представляются нам недостаточно обоснованными.

¹⁵ Илизаров Б. С., Зубкова Е. Ю., Акимова М. В. Указ. соч., с. 146—147.

Проблема отбора, размещения и наиболее эффективного использования документов личного происхождения в составе ГАФ СССР может быть решена с помощью государственных, ведомственных и общественных музеев, районных государственных архивов.

Общественные и ведомственные музеи могут сохранить документацию передовиков и новаторов производства, рядовых работников предприятий гораздо более полно, чем госархивы.

Вопросы собирания, учета и использования документов личного происхождения в свете Закона СССР и Закона РСФСР об охране и использовании памятников истории и культуры и Положения о ГАФ СССР 1980 г. обсуждались на совещаниях-семинарах, проведенных Главархивом РСФСР в декабре 1982 г. и Главархивом СССР в октябре 1983 г. Они были в центре внимания и общероссийского научного совещания, проведенного ВООПИК и Археографической комиссией АН СССР (Вологда, июнь 1983 г.)¹⁶, и ряда конференций, семинаров, совещаний, организованных ЦК ВЛКСМ, министерствами культуры, просвещения СССР и РСФСР, другими учреждениями и ведомствами.

Анализ дискуссий, состоявшихся на встречах специалистов, а также научной и научно-методической литературы, публикаций в прессе и других средствах массовой информации выявляет ряд сложных проблем, требующих изучения и незамедлительного решения.

Вопросы расширения сферы собирания массовых личных архивов путем вовлечения в эту работу районных и городских государственных архивов, а также экспертных комиссий и ведомственных архивов рассматривались как одно из важных направлений улучшения качества комплектования государственных архивов этой категорией источников. На совещаниях подчеркивалось, что, осуществляя контроль за состоянием учета, сохранности, качества обработки личных фондов, а также за передачей их в государственные архивы, музеи и библиотеки, государственная архивная служба должна в большей мере использовать помощь секций документальных памятников при местных отделениях Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры, в работе которых активное участие принимают представители всех заинтересованных организаций и общественности. Опыт показал, что вся деятельность в этом направлении в соответствии с Положением о Советах народных депутатов развивается при поддержке советских органов, осуществляющих функцию охраны и использования памятников истории и культуры.

Принятие нового законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры создает реальные возможности с учетом общегосударственных интересов решать совместно с заинтересованными организациями вопросы (нередко до сих пор вызывающие споры) о концентрации того или иного личного архива в одном государственном хранилище исходя из задач более эффективного использования. В этой связи все более настоятельной становится необходимость организации собирательской работы по согласованным планам, объединяющим и координирующим усилия всех государственных хранилищ документов личного происхождения. Такие планы могли бы разрабатываться по согласованию с управлениями культуры, другими заинтересованными органами, общественными организациями, утверждаться и контролироваться республиканскими, местными архивными органами как специально уполномоченными органами охраны документальных памятников.

Перед государственной архивной службой поставлены задачи обеспечения централизованного учета, контроля за сохранностью и использованием документов личного происхождения, координации и организационно-методического руководства собирательской деятельностью. Они должны быть решены.

¹⁶ СА, 1983, № 6, с. 82—83.

Н. Н. Покровский

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ПЕЧАТИ,
В СИБИРИ В 1965—1983 ГГ.

Председатель Археографической комиссии АН СССР академик М. Н. Тихомиров в последние годы жизни активно выступал за создание на востоке страны значительного археографического центра. Вопреки представлениям о том, что русский крестьянин-переселенец вряд ли вез в Сибирь за тысячи верст тяжелые древние фолианты, Михаил Николаевич предположил, что Сибирь, в сфере народной культуры во многом сходная с Поморьем, является перспективным регионом археографического поиска. Поэтому еще в конце 50-х годов Археографическая комиссия отправила в Сибирь и на Дальний Восток экспедиции под руководством А. И. Рогова и В. Б. Павлова-Сильванского. Их работа доказала, что древние книги в Сибири есть и организация их поиска вполне целесообразна¹. Одновременно выяснилось, что такой поиск удобнее вести из Сибири, а не из Москвы.

Огромные сибирские расстояния, замкнутость некоторых старообрядческих поселений, неизученность и специфичность сибирской старообрядческой истории требовали целенаправленной разработки сибирским научным центром большого комплекса проблем, связанных так или иначе с полевой археографией. Но ни ставить эти задачи, ни готовить соответствующие кадры было невозможно в отрыве от изучения общерусской культурной традиции, и следовательно, без подлинных памятников древнерусской письменности, которые еще предстояло найти. Этот замкнутый круг был разорван широкой постановкой вопроса о создании сибирского археографического центра и щедрым даром академика М. Н. Тихомирова, передавшего в 1965 г. Сибирскому отделению Академии наук свою знаменитую коллекцию древнерусских рукописей, старопечатных книг, документов и других раритетов².

Хотя дар М. Н. Тихомирова «воспринимался тогда не всеми однозначно»³, планы председателя Археографической комиссии были с самого начала горячо поддержаны главой новосибирских историков академиком А. П. Окладниковым. После прибытия Тихомировского собрания в Академгородок А. П. Окладников писал М. Н. Тихомирову: «Какое глубокое впечатление на всех нас, уже отчасти подготовленных к этому событию, на руководство Сибирского отделения Академии наук, на всех мыслящих и культурных людей Академического городка и Новосибирска в целом произвело прибытие сюда Вашего бесценного собрания рукописей и старопечатных книг.

¹ Павлов-Сильванский В. Б., Рогов А. И. Рукописи и старопечатные книги, собранные в Бурятской АССР в 1959 году. — АЕ за 1960 год. М., 1961, с. 216—221; *Они же*. Рукописи и старопечатные книги, приобретенные экспедицией Археографической комиссии в Бурятской АССР в 1960 году. — АЕ за 1961 год. М., 1962, с. 206—214. Собранные этими экспедициями книги были позднее переведены Сибирскому отделению комиссии.

² Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968; Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР. — АЕ за 1965 год. М., 1966; Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981.

³ Шмидт С. О. Издание и изучение наследия М. Н. Тихомирова. Тихомировские традиции. — В кн.: Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии, с. 19.

Для этого города и городка Науки, возникшего буквально на пустом месте, в девственном лесу, это значит несравнимо больше, чем для Москвы или Ленинграда, но и там это событие уже отозвалось, как мы знаем, многие переживают это событие, с одной стороны, как большую утрату для старых культурных центров. А более дальновидные — как событие исключительного культурного значения для Сибири — страны будущего. Именно так расценивает его М. А. Лаврентьев. Он как-то сказал, подводя итог длительным размышлениям по адресу нашему — историков и филологов: „Вы для нас — культура!“

Так вот, крупнейшим вкладом в развитие культуры, в самом высоком смысле этого слова, и является Ваш дар Сибирскому отделению и Сибири в целом. И мы понимаем, что он ко многому нас всех обязывает!»⁴

При энергичном содействии А. П. Окладникова планы развития археографической работы в Новосибирске были приняты руководителями Сибирского отделения Академии наук, в частности академиками М. А. Лаврентьевым и А. Л. Яншиным, которые ознакомились с Тихомировским собранием еще в Москве, на квартире М. Н. Тихомирова.

Археографические работы в новом научном центре начались в 1965 г., а 11 марта 1969 г. было оформлено решением бюро Отделения истории АН СССР создание Сибирского отделения Археографической комиссии. Первым его председателем стал А. П. Окладников.

Алексей Павлович Окладников принадлежал к числу тех археологов, которые умеют сочетать исследование вещественных источников с любовью к источникам письменным. Это сочетание было для него так же органично, как органично единство самого реального исторического процесса, отражаемого в этих двух видах исторических источников. Пристальное внимание к архивному документу, летописи, рассказу путешественника, записи легенды было всегда характерно для Алексея Павловича.

Первые шаги А. П. Окладникова как историка ознаменовались в конце 20-х годов разбором и изучением большого комплекса документов Иркутского губернского архива по истории ленского села Бирилюевского, а затем — документации русских приказных изб XVII в., воеводских канцелярий XVIII в. по истории русского и аборигенного населения Бурятии и Якутии. Историкун приходилось при этом решать важные археографические проблемы, связанные, в частности, со спецификой приказного и местного делопроизводства, с терминологическими особенностями отражения в русских источниках понятий аборигенного общества, в том числе со спецификой терминологии, с методами передачи русскими источниками особенностей местной фонетики, ономастики, топонимики.

В своей первой монографии⁵, посвященной истории западных бурят-монголов, А. П. Окладников уделял значительное внимание источниковедческой и археографической характеристике двух важных типов русских исторических источников по теме: массового документального материала приказного и воеводского делопроизводства и памятников иркутского летописания.

С непревзойденной с тех пор полнотой он выявлял и анализировал документы Сибирского приказа, миллеровских копий, местных архивов. Хочется особо подчеркнуть, что поставленные им в 1937 г. задачи широкого многопрофильного изучения и издания этих источников остаются актуальными и сегодня. Хотя с тех пор к ним многократно обращались разные исследователи, более широкое введение в научный оборот этого огромного массива ценных первоисточников по истории как русского, так и аборигенного населения Сибири продолжает оставаться одной из центральных задач сибирского источниковедения и археографии.

В ходе этой работы исследователи будут опять обращаться к первой монографии А. П. Окладникова, находя в ней в изобилии не только ука-

⁴ Шмидт С. О. Издание и изучение наследия М. Н. Тихомирова. . . , с. 16.

⁵ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937.

зания на наиболее интересные документы, но и приемы внешней и внутренней критики источника, проверки его датировок и реалий, сопоставлений с более поздним материалом, в том числе фольклорным, и т. д. Окладников ставит информативную ценность источника в зависимость от реальной жизненной позиции его автора, от степени понимания им местных условий. Особенно интересно в этом плане изучение отписок Петра Бекетова, Максима Перфильева и других землепроходцев. В беседе с нами А. П. Окладников говорил о важности издания подобных источников, в частности документов семейного архива Перфильевых, подаренных Сибирскому отделению Академии наук М. Н. Тихомировым и С. О. Шмидтом.

Интересные наблюдения были сделаны Окладниковым в этой монографии и о памятниках иркутского летописания. Справедливо отмечена связь подъема этого летописания во второй половине XVIII—начале XIX в. с расцветом иркутской торговли, с усилением иркутского купечества. Окладников правильно отметил наличие нескольких редакций памятника, правильно указал две из них. Следует особо подчеркнуть, что он пользовался «Иркутской летописью» не только по двум публикациям, но и по трем наиболее авторитетным рукописям. Он поставил вопрос о необходимости изучения источников иркутского летописания, точно отметил несколько мест, где текстологические разночтения свидетельствуют о различии источников разных редакций.

Окладников призывал к более внимательному, бережному отношению к записям фольклорного материала, сделанным исследователями прошлого и зачастую не введенными в научный оборот. В связи с этим он писал, что наша наука «остро нуждается. . . в таких материалах, где звучит голос самого народа о его нуждах и судьбе»⁶.

Все эти мысли о комплексном использовании письменных фольклорных, вещественных источников, как и значительный массив накопленных в эти годы документальных материалов XVII—XVIII вв., неоднократно публиковались А. П. Окладниковым в последующие годы⁷.

Подводя на заседании Президиума СО АН СССР в 1969 г. первые итоги работы новосибирских археографов, Окладников назвал согласованные еще с Тихомировым основные направления работы: археографические экспедиции, описание сибирских коллекций древних книг, выявление и спасение рукописных материалов по истории нового времени, создание археографических справочников, издание памятников письменности, включая обширный свод сибирских летописей. В настоящей статье мы рассказываем о работе, связанной с памятниками древней письменности и печати⁸.

Первая археографическая экспедиция В. Н. Алексеева, Е. И. Дергачевой-Скоп и Е. К. Ромодановской отбыла из Новосибирска летом 1965 г.;

⁶ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. . . , с. 13.

⁷ Окладников А. П. Из истории общественных отношений у якутов в XVII в.: Легенды о Тагыме и историческая действительность). — СЭ, 1949, № 2, с. 98—118; Он же. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.; Л., 1955 (первое издание — Якутск, 1949); Он же. Исторические рассказы и легенды нижней Лены. — Сборник Музея антропологии и этнографии, 1949, т. 11, с. 73—109; Он же. «Земля бородатых». — ТОДРЛ. Л., 1958, т. XIV, с. 516—524; Он же. Курейские тунгусы в XVIII веке. — В кн.: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968, с. 97—119.

⁸ В статье используются следующие цифровые обозначения сборников Сибирского отделения Археографической комиссии АН СССР серии «Археография и источниковедение Сибири»: I — Археография и источниковедение Сибири (Новосибирск, 1975); II — Источниковедение и археография Сибири (Новосибирск, 1977); III — Сибирская археография и источниковедение (Новосибирск, 1979); IV — Сибирское источниковедение и археография (Новосибирск, 1980); V — Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири (Новосибирск, 1982); VI — Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода (Новосибирск, 1982); VII — Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России (Новосибирск, 1983); VIII — Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России (Новосибирск., 1984).

проведенная ею разведка оказалась весьма успешной и дала ощутимый результат — 38 рукописных и старопечатных книг.

За прошедшие с тех пор годы археографическими экспедициями был охвачен основной ареал расселения старообрядцев в Сибири, многие районы Дальнего Востока и Средней Азии. Сибирские археографы, используя опыт старейших археографических центров — Ленинграда и Москвы, разработали собственную методику изучения книжности замкнутых старообрядческих регионов комплексных археографических экспедиций. В ряде случаев археографическая работа сочеталась с этнографической, фольклористической, музыковедческой. Подобная методика была разработана дальше и широко применена затем археографами Московского университета, Уральского научного центра⁹.

В результате 18-летней экспедиционной работы были выявлены остатки книжной культуры прошлого на огромных территориях востока страны, создано семь территориальных коллекций, приобретены целиком некоторые крестьянские библиотеки. Фонды хранилищ Новосибирска пополнились более чем 1700 памятниками древнерусской письменности и печати. Обнаружение неизвестного феномена — широкого распространения на востоке страны памятников древней письменности и печати — получило в науке название «археографического открытия Сибири»¹⁰. На ряде всесоюзных и международных конгрессов и совещаний оно было расценено как одно из наиболее важных достижений советской археографии. В ходе этих экспедиций в нескольких местах удалось наблюдать остатки древнерусской традиции переписывания книг, зафиксировать их¹¹.

Удалось установить значительную популярность в Сибири многих произведений древнерусской литературы, сборников постоянного состава, старопечатных книг XVI—первой половины XVII в. Уже первая экспедиция 1965 г. принесла интересный рукописный сборник с сочинениями Иосифа Волоцкого. Как установила Е. И. Скоп, почерк сборника оказался очень близок почерку одного из хронографов Тихомировского собрания. В найденных экспедициями списках известия теперь такие произведения древнерусской литературы, как «Послание к брату столпнику», предполагаемым автором которого является митрополит Илларион, слова Климента Смолятича, Кирилла Туровского, «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о царице Динаре», паремийные «Чтения о Борисе и Глебе» и многие другие. Некоторые из этих находок были вскоре введены в научный оборот, стали предметом исследований. Так, был тщательно изучен и описан «Торжественник» середины XV в., «Паремийник» того же времени, сибирский список «Повести о царице Динаре»¹². Одной из наиболее значительных находок оказался обнаруженный в 1968 г. на Алтае рукописный сборник конца XVI в., содержащий наиболее ранние и наиболее полные записи (в публицистической обработке) материалов о суде над известным писателем XVI в. Максимом Греком. Публикация текста источника и анализ его содержания были использованы во многих советских и за-

⁹ Тихомировские чтения 1970 г.: Материалы научной конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. М., 1970; Проблемы полевой археографии. М., 1979; Вопросы собрания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. Ч. II. Памятники старинной письменности. М., 1982.

¹⁰ Пащенко А. М. «Археографическое открытие» Сибири. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1974, М., 1975, с. 152—156; Шмидт С. О. Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины. — В кн.: Развитие советской исторической науки, 1970—1974. М., 1975, с. 338.

¹¹ Покровский Н. Н. О древнерусской рукописной традиции у староверов Сибири. — ТОДРЛ. Л., 1969, т. XXIV, с. 394—403; *Idem*. Western siberian scriptoria and binderies. — In: The Book Collector. L., 1971, vol. 20, N 1, p. 19—24.

¹² Черторицкая Т. В. Торжественник из собрания ИИФФ: (Опыт описания сборника постоянного состава). — II, с. 162—198; Соболева Л. С. Паремийные чтения Бориса и Глебу. — В кн.: Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975, с. 105—125; Троицкая-Киркинская Т. С. Сибирский список «Повести о царице Динаре» (XVI в.). — Там же, с. 64—82.

рубежных исследованиях по русской истории XVI в., привели к оживленной полемике¹³.

Другим важным итогом сибирских археографических экспедиций стало выявление значительного пласта местных крестьянских сочинений XVIII—XIX вв. Археографические экспедиции дали нам имена целого ряда неизвестных ранее крестьянских писателей — таких, как Мирон Иванович Галанин, холоп Максим, Гаврила Украинцев, а архивные разыскания помогли узнать их биографии, наполненные отчаянной борьбой с самодержавным государством и казенной церковью за свободу совести, за собственные убеждения¹⁴. Находки подобного рода, имеющие большое значение для изучения народного сознания, продолжают. В работу по выявлению обширного пласта произведений крестьянской литературы восточной части страны, ранее практически неизвестного, успешно включились сотрудники нового археографического центра — свердловского, работающего в тесном контакте с новосибирским. В Новосибирске и Свердловске хранятся сейчас четыре тома огромного компендиума крестьянской литературы, созданного в конце XIX в. в Зауралье, в иркутском крестьянском центре радикальной беспоповщины. Этот объемистый свод популярной в крестьянской среде литературы обещает исследователям немало интересного.

В результате дара М. Н. Тихомирова и работы сибирских археографических экспедиций в Новосибирске сейчас сосредоточены богатые коллекции русской старопечатной книги, научное значение которых трудно переоценить. Здесь — и дофедоровские издания, и книги, вышедшие из-под печатного станка русских первопечатников (как правило, в нескольких экземплярах), и первые украинские книги, и широкий ассортимент продукции Московского печатного двора XVII в., и многое другое. Обилие в сибирских сборах первых украинских и литовских изданий отражает известный факт украинского влияния на культурную жизнь Сибири конца XVII—XVIII в. Среди книг, обнаруженных новосибирскими экспедициями в фондах Тюменского краеведческого музея, — Триодь постная Швайпольта Фиоля и один из лучших в стране экземпляров Пятикнижия Ф. Скорины.

С самого начала деятельности новосибирского археографического центра предполагалось, что работа его не ограничится лишь выявлением и сбором древних книг, а будет ориентирована на широкое изучение сибирской книжности, культуры. Чтобы последнее не свелось к узкокраеведческим аспектам, особое внимание обращалось не только на органическое сочетание анализа сибирской специфики с постоянным учетом закономерностей общерусского культурно-исторического процесса. Ученые ленинградской и московской историко-филологических школ, начиная в Сибири новое дело, несмотря на значительную удаленность от книгохранилищ центра, сочли важным принципиальным правилом не отказываться от разработки общерусских тем. Подобную ориентацию приобрели и подготавливаемые в Новосибирске кадры молодых археографов. При таком подходе правильное освещение получало и бытование в Сибири общерусского книжного репертуара. Вполне понятно, что это стало возможным лишь благодаря помощи центральных научных учреждений:

¹³ Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1974; *Покровский Н. Н.* Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека. — ТОДРЛ, Л., 1981, т. XXXVI, с. 80—102.

¹⁴ *Покровский Н. Н.* Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. XXX, с. 173—183; *Он же.* Новые находки произведений крестьянской литературы Урала и Сибири в XVIII в. — АЕ за 1971 год. М., 1972, с. 376—377; *Он же.* К изучению памятников протеста крестьян-старообрядцев Западной Сибири середины XVIII в. — В кн.: Бахрушинские чтения, 1971, вып. II. Из истории социально-экономического и политического развития Сибири в XVII — начале XX вв. Новосибирск, 1974, с. 50—58; *Байдин В. И.* Новые источники по организации и идеологии урало-сибирского старообрядчества в конце XVIII — первой половине XIX в. — IV, с. 93—109.

Пушкинского Дома, Археографической комиссии, архивов, рукописных отделов ГБЛ, ГПБ, БАН, ГИМ.

Обстановка нового новосибирского центра и университета с отсутствием устоявшихся непреодолимых границ между разными специальностями немало способствовала тому, что археографические исследования удалось поставить как совместные историко-филологические, что является наиболее правильным подходом, ибо древняя книга есть в равной мере исторический и филологический источник, она может быть изучена лишь объединенными усилиями ученых как той, так и другой специальности, включая также искусствоведов, а при необходимости музыковедов, этнографов.

Значительная часть исследований, опубликованных учеными новосибирского археографического центра, относится именно к этой теме истории общерусского литературного, культурно-исторического процесса. Упомянутая находка материалов о судах 1525 и 1531 гг. над Максимом Греком, сборного судилища 1549 г. над его сотрудником Исаком Собакой позволила по-новому осветить некоторые стороны идеологической борьбы и литературной жизни России того времени. Введенные в научный оборот другие сведения того же сборника касались одной из редакций Жития Александра Невского, посланий и завещания Кирилла Белозерского, датировки идеологической реформы митрополита Макария, деятельности известного книжника конца XVI в. Ионы Думина. Впоследствии А. Т. Шашковым первоначальный круг вопросов, связанных с именем Максима Грека, был расширен хронологически: анализу подвергалась судьба его наследия в публицистике XVII—XVIII вв., появление широкого народного интереса к его творчеству¹⁵.

Для истории сибирской книжности важную роль играют процессы, происходившие в общерусской литературе второй половины XVII—начала XVIII в., периода, переходного от древней литературы к новой. Исследования Е. К. Ромодановской посвящены театру этого времени и группе политически заостренных повестей о «гордом царе» (повести о Дмитрии Римском, о царе Газие, о царе Аггее), а также «Истории» Ф. Грибоедова¹⁶.

Исследования Л. В. Титовой связаны с популярным уже в ранней древнерусской литературе циклом сказаний о царе Соломоне и очень своеобразным диалогическим памятником — «Беседой отца с сыном о женской злобе»¹⁷.

В Новосибирске в эти годы изучался ряд других произведений древнерусской литературы. Сибирские археографические ежегодники помещали исследования: Л. С. Соболевой о цикле сочинений о Борисе и Глебе,

¹⁵ См. сноску 13, а также: *Покровский Н. Н.* Сибирская находка: (Новое о Максиме Греке). — ВИ, 1969, № 11, с. 128—138; *Шашков А. Т.* Поморский кодекс сочинений Максима Грека. — II, с. 93—123; *Он же.* Тагильский сборник сочинений Максима Грека: (Кодикологические заметки). — VII, с. 4—14; *Он же.* Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII—начале XVIII вв.: (Подделка и ее разоблачение). — ТОДРЛ, Л., 1979, т. XXXIII, с. 80—87.

¹⁶ *Ромодановская Е. К.* Иудифь. — В кн.: Первые пьесы русского театра. Ранняя русская драматургия (XVII—первой половины XVIII вв.). М., 1972, с. 351—453; *Она же.* Повесть о Дмитрии Римском. — ТОДРЛ, Л., 1969, т. XXIV, с. 218—222; *Она же.* Западные сборники и оригинальная русская повесть. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. XXXIII, с. 164—174; *Она же.* О системе имен и подтексте в пьесе XVII в. «Иудифь». — VIII, с. 38—50; *Она же.* История о царях и великих князьях земли Русской Ф. А. Грибоедова в собрании М. Н. Тихомирова. — В кн.: Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1978, вып. 14, с. 69—83.

¹⁷ *Титова Л. В.* Неизданная редакция «Повести о рождении и похождениях царя Соломона». — ТОДРЛ, Л., 1979, т. XXXIII, с. 343—363; *Она же.* Задачи изучения литературной истории «Беседы отца с сыном о женской злобе». — III, с. 37—46; *Она же.* К вопросу о жанре «Беседы отца с сыном о женской злобе». — V, с. 62—72; *Она же.* «Беседа отца с сыном о женской злобе»: (Краткая характеристика редакции). — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 169—173; *Она же.* Сибирские списки «Беседы отца с сыном о женской злобе». — В кн.: Сибирское собрание М. Н. Тихомирова. . . , с. 97—101.

Е. А. Фет о «Софийском прологе», Т. В. Черторицкой о минейном «Торжественнике», Л. И. Журовой о «Повести о Луке Колоцком», Т. С. Троицкой о «Повести о царице Динаре», М. Н. Климовой о «Повести об Андрее Критском», А. И. Плигузова о памятниках нестяжательской полемики XVI в., А. Т. Шашкова об обличении на «Соловецкую челобитную» Юрия Крижанича, Т. Н. Ансит о «Повести о Францеле Венецыане», О. А. Савельевой о «Плаче Адама», Л. Б. Вороновой о сочинениях Игнатия Римского-Корсакова¹⁸. Следует назвать также исследования О. Н. Бахтиной о «Повести о Меркурии Смоленском», Г. А. Лончаковой о «Послании Новгородского архиепископа Василия»¹⁹.

Подобная широкая постановка исследований общерусского литературного процесса позволила тесно увязать с ним большой комплекс работ по изучению сибирской литературы и книжности. На первом месте здесь следует поставить чрезвычайно трудоемкую и объемную работу по изданию и изучению полного корпуса сибирских летописей. Эта большая тема была предложена как одна из главных для сибирских археографов еще Тихомировым. Работу было решено выполнять в рамках старейшей русской серии — Полного собрания русских летописей. Но и в рамках этого знаменитого издания сибирская публикация занимает совершенно особое место в связи с крайним обилием списков, сложностью археографической и текстологической работы. Летописные тексты готовятся к изданию сибирскими археографами В. Н. Алексеевым, Е. И. Дергачевой-Скоп, Н. Н. Покровским, Е. К. Ромодановской и ленинградской исследовательницей Н. А. Дворецкой; в этой работе участвуют также Л. В. Титова и Н. Д. Зольникова. К изданию привлекается более 200 списков обширных летописных памятников, выявлены отношения между ними. Во многом по-новому предстала общая картина развития летописной работы в Сибири. В основу публикации были положены общие представления об этапах и памятниках этой работы, сложившиеся в советской науке к моменту создания новосибирского археографического центра благодаря работам А. И. Андреева, Н. А. Дворецкой и Е. И. Дергачевой-Скоп²⁰. В ходе

¹⁸ *Соболева Л. С.* К вопросу об эволюции минейного текста, посвященного Борису и Глебу. — III, с. 5—12; *Фет Е. А.* О «Софийском Прологе» конца XII — начале XIII вв. — II, с. 78—92; *Черторицкая Т. В.* Торжественник из собрания ИИФФ. . . ; *Она же.* О составе минейных Торжественников. III; *Она же.* К вопросу о литературной истории древнерусского минейного Торжественника. — V, с. 5—27; *Журова Л. И.* Известия о Луке Колоцком в летописных сводах XV века. — III, с. 28—36; *Она же.* Ранние редакции «Повести о Луке Колоцком». — IV, с. 5—17; *Троицкая Т. С.* Ранние этапы литературной истории «Повести о Динаре» (XVI век). — V, с. 28—45; *Она же.* Поздняя рукописная традиция «Повести о царице Динаре». — В кн.: Книга в Сибири XVII—начале XX вв. Новосибирск, 1980, с. 122—138; *Климова М. Н.* Опыт текстологии Повести об Андрее Критском. — V, с. 46—61; *Она же.* Повесть об Андрее Критском и фольклор: (Некоторые аспекты сопоставительного анализа). VII, с. 27—38; *Шашков А. Т.* Обличение на «Соловецкую челобитную» Юрия Крижанича и споры XVII в. вокруг наследия Максима Грека. — IV, с. 59—72; *Плигузов А. И.* Текстологическая история «Собрания некоего старца». — VI, с. 5—16; *Ансит Т. Н.* К вопросу о происхождении «Повести о Францеле Венецыане». — III, с. 68—77; *Она же.* «Повесть о Францеле Венецыане» в рукописной традиции XVIII в. — V, с. 189—210; *Она же.* «Повесть о Францеле Венецыане» и ее читатели. — VII, с. 126—130; *Она же.* «Повесть о Францеле Венецыане» в собрании М. Н. Тихомирова. — В кн.: Сибирское собрание М. Н. Тихомирова. . . , с. 102—108; *Савельева О. А.* Структурные особенности Краткой и Пространной редакций «Плача Адама». — VIII, с. 152—165; *Воронова Л. Б.* Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова. — VIII, с. 185—201.

¹⁹ *Бахтина О. Н.* Новгородская Забелинская редакция «Повести о Меркурии Смоленском». — В кн.: Сибирское собрание М. Н. Тихомирова. . . , с. 138—158; *Она же.* К литературной истории «Повести о Меркурии Смоленском» (хронографическая и Минейная редакции). — В кн.: Книга в Сибири. . . , с. 139—171; *Лончакова Г. А.* «Послание Василия Калики Федору Доброму». — В кн.: Вопросы истории книжной культуры. . . , с. 83—104.

²⁰ *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири, XVII в. М.; Л., 1960. Вып. 1; *Дворецкая Н. А.* Археографический обзор списков повестей о походе Ермака. — ТОДРЛ. Л., 1957, т. XIII, с. 467—482; *Она же.* Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в. — ТОДРЛ, Л., 1958, т. XIV, с. 330—334; *Дергачева-Скоп Е. И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965 (особенно схема на с. 144—145).

многолетних работ над изданием эти представления были значительно расширены и уточнены. В настоящее время сдан в печать первый том корпуса сибирских летописей²¹. Готовится издание второго тома.

Работа по истории сибирского летописания привела также к появлению ряда монографических исследований по теме участников подготовки указанной публикации. Е. К. Ромодановской удалось найти подлинник знаменитого ядра сибирского летописания — Синодика ермаковым казакам. Подробный анализ находки был ею сделан в то время, когда гиперкритическое отношение к источнику чуть было не привело к объявлению его подложным²². Вскоре исследовательницей был введен в научный оборот новый источник по истории похода Ермака — сольвычегодские летописные записи о происхождении Ермака и его взаимоотношениях со Строгановыми²³. Третье важное наблюдение над ранней историей сибирского летописания было сделано Е. К. Ромодановской при анализе текста давно известного и изданного Погодинского летописца, который считался одной из поздних переделок Есиповской летописи. Е. К. Ромодановская изучила в его составе части, несомненно отразившие древнейшие записи очевидцев о походе Ермака²⁴. Она подвергла также подробному анализу историю того этапа сибирского летописания, который связан с именем Саввы Есипова. При этом исследовательница поставила развитие ветвистого древа сибирских летописей в связь со становлением других жанров сибирской литературы. Это обусловило изучение таких произведений, как «Повесть о городах Таре и Тюмени», «Сказание об Абалацкой иконе», а также памятников второй половины XVII—начала XVIII в. — сказаний об иконах и житий Василия Мангазейского и Симеона Верхотурского. В результате удалось восстановить цельную картину развития русской сибирской литературы первой половины XVII в. и проследить дальнейшую судьбу некоторых ее жанров²⁵.

Е. И. Дергачева-Скоп, успешно продолжая в Сибири начатые изыскания по истории сибирского летописания, публиковала итоги всестороннего анализа многопланового многогранного творчества С. У. Ремезова²⁶. В сфере интересов исследовательницы находится Строгановская летопись и возможный ее автор Семен Шаховской, а также Румянцевская летопись (повесть «О Сибири»), в которой Е. И. Дергачева-Скоп видит один из главных истоков официального сибирского летописания. Исследовательница продолжает изучение фольклорных основ сибирского летописания, устных казачьих летописей²⁷. Детальный кодикологический и текстологический анализ одного из сборников ГБЛ, содержащего сибирские летописные известия, в сопоставлении с несколькими другими подобными сборниками и документами Сибирского приказа позволил Е. И. Дергачевой-Скоп выяснить роль в сибирском летописании конца XVII—начала XVIII в.

²¹ ПСРЛ, т. 36. Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи (в печати).

²² Ромодановская Е. К. Синодик ермаковым казакам. — Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук, 1970, № 9, вып. 3, с. 14—21.

²³ Ромодановская Е. К. Строгановы и Ермак. — История СССР, 1976, № 3, с. 130—145.

²⁴ Ромодановская Е. К. Погодинский летописец: (К вопросу о начале сибирского летописания). — IV, с. 18—58.

²⁵ Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973; Она же. Сибирские повести об иконах XVII—начала XVIII вв. — В кн.: Освоение Сибири русскими в XVII—XIX вв. Новосибирск, 1968, с. 82—96; Она же. Легенда о Василии Мангазейском и туруханская литературная традиция. — В кн.: Бахрушинские чтения 1973 г. Новосибирск, 1973, вып. II, с. 62—71; Она же. О летописной части Окладной книги Сибири 1696—1697 гг. — VII, с. 39—45.

²⁶ Дергачева-Скоп Е. И. «Похвала» Сибири С. У. Ремезова. — ТОДРЛ, Л., 1965, т. XXI, с. 266—274; Она же. Заметки о жанре «Истории сибирской» С. У. Ремезова. Ст. I. — В кн.: Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971, с. 48—69. — То же. Ст. II. — В кн.: Проблемы литературы Сибири XVII—XX вв. Новосибирск, 1974, с. 5—23.

²⁷ См.: Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982, т. 1, с. 36—57.

тобольского дьяка М. Г. Романова, проследить его жизненный путь ²⁸.

В. Н. Алексеев предпринял детальный анализ уникальной рукописи БАН, содержащей Кунгурскую и Ремезовскую летописи. Текстологический анализ памятников сопровождался при этом тщательным искусствоведческим разбором знаменитых миниатюр рукописи, атрибуцией их ²⁹. Результаты этого анализа были приняты не только в нашей стране, но и за рубежом ³⁰.

Среди других исследований Новосибирского научного центра по истории сибирского летописания следует отметить работу Л. А. Ситникова по Черепановской летописи, Д. Я. Резуна о городских сибирских летописях как источнике по истории сибирского города ³¹. Н. Н. Покровский продолжил первые работы А. П. Окладникова по источниковедческому изучению различных редакций и списков Иркутской летописи — яркого памятника городской сибирской литературы XVIII—XIX вв. ³² Перечисленные исследования истории русской сибирской литературы XVII—первой половины XIX в. создали важные предпосылки (применительно к истории этого периода) для осуществления большого замысла Ю. С. Постного, активно поддержанного А. П. Окладниковым: написания фундаментальной академической Истории русской литературы Сибири. В соответствующих разделах двухтомника Е. И. Дергачева-Скоп, Е. К. Ромодановская и другие авторы подводят итог многочисленным исследованиям сибирской литературы феодального периода, создавая цельную, насыщенную живыми деталями картину литературного процесса этого времени ³³.

Другим направлением работы сибирских археографов было выявление и изучение повествовательных и документальных источников по истории общественного сознания сибирских народных масс. Из документальных памятников главное внимание уделялось судебно-следственным материалам, из нарративных — произведениям крестьянской письменности. Значительная старообрядческая окраска большинства крестьянских рукописей заставила сочетать археографический и источниковедческий анализ памятников с изучением истории старообрядчества, в этой последней сфере Новосибирский научный центр стал сейчас одним из самых авторитетных в стране.

Исследования эти обнаружили факт крайней активности крестьянского общественного сознания. Заключая монографический анализ истории крестьянского старообрядчества на востоке страны, нам пришлось прежде всего подчеркнуть: «Вряд ли будет преувеличением утверждать, что наиболее важным и волнующим итогом приведенных нами показаний источников XVIII в. является вывод о необычайной интенсивности идеологической борьбы крестьян с феодальной церковью и государством» ³⁴. Обна-

²⁸ *Дергачева-Скоп Е. И.* Автограф М. Г. Романова — одного из составителей Сибирского летописного свода. — V, с. 79—102.

²⁹ *Алексеев В. Н.* Кунгурская летопись в составе «Истории сибирской» С. У. Ремезова. — В кн.: Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1977, с. 80—86; *Он же.* Рисунки «Истории сибирской» С. У. Ремезова: (Проблемы атрибуции). — В кн.: Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974, сб. 2, с. 175—195.

³⁰ *Jermak's campaign in Siberia. A selection of documents. . .*, by Terence Armstrong. L., 1975, p. 29—32.

³¹ *Ситников Л. А.* Археографический обзор списков Черепановской летописи. — IV, с. 154—175; *Он же.* Черепановская летопись. — В кн.: Очерки русской литературы Сибири, т. 1, с. 171—173; *Резун Д. Я.* Анкета 1760-х годов как источник по истории городского летописания Сибири конца XVII — начала XVIII вв. — III, с. 58—67; *Он же.* Городовые летописи как источник по истории социальной борьбы и культуры городов Сибири XVII—начала XVIII в. — VI, с. 17—47; *Он же.* Очерки истории изучения сибирского города конца XVI—первой половины XVIII в. Новосибирск, 1982.

³² *Покровский Н. Н.* Иркутское летописание XVIII в. Иркутское летописание 1-й половины XIX в. — В кн.: Очерки русской литературы Сибири, т. 1, с. 173—175, 187—193.

³³ Очерки русской литературы Сибири, т. 1, разд. 1, 2, с. 27—338.

³⁴ *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974, с. 387.

ружилась картина постоянных политических и идеологических сражений, в ходе которых отчетливо проявлялись особенности крестьянских религиозных и политических взглядов и создавались все новые памятники протеста. Среди этих последних — выявленные сибирскими археографами исторические и догматические сочинения урало-сибирских крестьян, а также крестьянские жалобы, челобитные, наказы в Уложенную комиссию 1767 г., заговоры и другие фольклорные тексты.

Лишь постепенно исследователям открылась идеология крупного акта протеста XVIII в. — Тарского бунта 1722 г. Один за другим выявлялись документальные и повествовательные источники об этом выступлении³⁵. Характерное для этого протеста сочетание антимоноархических настроений с традиционным крестьянским монархизмом, умение заставить последний служить антифеодальным целям замечаются и в ряде других крестьянских сочинений, начиная от острых эсхатологических обличений и кончая крестьянскими жалобами. Жалобы являлись самостоятельным предметом изучения, однако сибирские археографы лишь приступают к выявлению и изучению этого массового источника³⁶. Отметим также, что в сибирских археографических сборниках осуществлена публикация московскими исследователями М. Т. Белявским и О. А. Осмельченко текстов всех наказов сибирских крестьян в Уложенную комиссию 1767 г.³⁷

Исследование эсхатологических сочинений с их страстными антимоноархическими обличениями также является самостоятельным направлением работ новосибирского археографического центра. Следует упомянуть также о трудах Н. С. Гурьяновой. Поскольку тема эта плохо разработана и в общерусском плане, ей неизбежно пришлось заниматься как общерусскими, так и сибирскими аспектами проблемы³⁸. Следует подчеркнуть, что значительная часть работ новосибирского центра, посвященных старообрядческой крестьянской письменности, неизбежно выходит за урало-сибирские рамки. Это относится и к исследованиям Л. К. Куандыковым памятников уставного творчества старообрядцев, к изучению О. Н. Садовой многочисленных старообрядческих сочинений против брака или в его защиту (старообрядческая «плебейская» аскеза, вызвавшая эту полемику, во многом напоминает картину, нарисованную Ф. Энгельсом для кануна Крестьянской войны в Германии). Сочинения наиболее радикального из ответвлений русского старообрядчества, бегунского, привлекающие сейчас внимание многих исследователей, не были еще объектом специального археографического и источниковедческого анализа, неизвестно даже число их. Этим определяется актуальность такого анализа, предпринимаемого А. И. Мальцевым³⁹.

³⁵ Покровский Н. Н. Тарское «противное письмо» 30 мая 1722 г. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 412—417; *Он же*. Новый документ тарского протеста. — II, с. 221—234; *Он же*. Следственное дело и Выговская повесть о тарских событиях 1722 г. — VII, с. 46—70; Мальцев А. И. Неизвестное сочинение С. Денисова о Тарском «бунте» 1722 г. — VI, с. 224—241.

³⁶ Покровский Н. Н. К изучению памятников протеста крестьян-старообрядцев середины XVIII в. — В кн.: Бахрушинские чтения, 1971. Новосибирск, 1971, вып. 2, с. 50—58; *Он же*. Жалоба уральских заводских крестьян 1790 г. — III, с. 155—182; Ильиных В. А. Крестьянские челобитные XVIII—первой половины XIX в.: (На материалах Западной Сибири). — IV, с. 81—92.

³⁷ I, с. 177—212; II, с. 202—220; IV, с. 185—207, 249—272; VII, с. 189—239.

³⁸ Гурьянова Н. С. Старообрядческие сочинения XIX века о Петре I — Антихристе. — IV, с. 136—153; *Она же*. Неизвестный памятник старообрядческой полемики конца XVIII—начала XIX в. об императорской власти. — V, с. 125—133; *Она же*. Царь и государственный герб в оценке старообрядческого автора XVIII в. — VI, с. 80—86; *Она же*. Старообрядческие сочинения XVIII—начала XIX вв. о догмате немоления за государя. — VII, с. 71—81; *Она же*. Старообрядческие сочинения XVIII—начала XIX вв. о догмате немоления за государя в федосеевском согласии. — VIII, с. 75—86.

³⁹ Куандыков Л. К. Рукопись № 3 из собрания И. Н. Заволока в Древлехрамнице Пушкинского дома. — IV, с. 121—135; *Он же*. Филипповские полемические сочинения XIX в. о скитской жизни. — V, с. 113—124; *Он же*. Идеология общежителства у старообрядцев-беспоповцев выговского согласия в XVIII в. — VI, с. 87—

Не случайно разработка этих тем сопровождается публикацией археографических обзоров. Нам не раз приходилось говорить на археографических конференциях о необходимости создания большого справочного пособия, охватывающего весь репертуар старообрядческой письменности. Известный справочник В. Г. Дружинина, без которого не может обойтись ни один археограф, описывающий рукописи XVII—XIX вв., весьма не полон и устарел. Однако подобный современный справочник может явиться лишь плодом многолетней работы коллектива ученых, а пока необходимо публиковать частичные археографические обзоры. Этой же цели служит и изучение новосибирскими археографами продукции главного центра старообрядческой письменности — Выгоречии⁴⁰.

Создатели крестьянской письменности — люди сложных и ярких судеб. Биографии многих крестьянских писателей, руководителей народного протеста вполне можно было бы писать в приключенческом остросюжетном жанре. Вполне понятно поэтому стремление новосибирских археографов насыщать свои труды человеческими реалиями, создавать биографические очерки таких людей⁴¹.

Этим бунтарям противостоит весь механизм абсолютистской власти и синодальной церкви, которые стремятся по-своему влиять на народное сознание. В XVIII в. многое меняется в церковной организации, источниках пополнения и подготовке приходского духовенства, его сословном статусе. Процессы эти плохо изучены в общерусском масштабе; ценное исследование Грегори Фриза преувеличивает, на наш взгляд, изолированность духовного сословия. В работах Н. Д. Зольниковой сословные и политические аспекты деятельности сибирского духовенства изучены на материале массовых источников западносибирского региона и общерусского законодательства⁴².

Проблема соотношения синодального православия и народных верований заставила обратить внимание на такие источники, как сборники заговоров, календарные обряды, судебно-следственные и законодательные материалы о борьбе церкви и государства с «крестьянским вариантом» православия. Разработка этих источников была в Новосибирске начата еще М. М. Громыко в ее интересных работах, посвященных трудовым традициям и верованиям сибиряков⁴³.

100; *Он же*. Развитие общежительного устава в Выговской старообрядческой общине. — VIII, с. 51—63; *Садовая О. Н.* Старообрядческие полемические сочинения о браке в XVIII—первой трети XIX вв.: (Обзор списков). — VI, с. 196—218; *Мальцев А. И.* Археографический обзор сочинений Евфимия. — VII, с. 164—178.

⁴⁰ Кроме упомянутого выше, отметим здесь следующие работы: *Дергачева-Сюп Е. И.* «Сердца болезна сестры убаждают оsten» — рукописный плач середины XVIII в. — В кн.: Научные библиотеки Сибири. . . , вып. 14, с. 41—68; *Покровский Н. Н.* О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества. — Там же, с. 19—40; *Плигузов А. И.* Авторские сборники основателей Выгодской пустыни. — V, с. 103—112; *Он же*. К изучению орнаментики ранних рукописей Выга. — VII, с. 82—101.

⁴¹ *Покровский Н. Н.* Сибирский Илья-пророк перед военным судом просвещенного абсолютизма. — Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук, 1972, № 6, вып. 2, с. 133—136; *Он же*. Исповедь алтайского крестьянина. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1978. Л., 1979, с. 49—57; *Он же*. Крестьянский руководитель сибирских староверов-поповцев середины XVIII в. Гаврила Марока. — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск, 1982, вып. 2, с. 17—27; *Он же*. Биография оренбургского казака. — VIII, с. 103—130; *Он же*. Путешествие за редкими книгами. М., 1984.

⁴² *Зольникова Н. Д.* Ставленнические дела как источник по социальным проблемам XVIII в. — II, с. 14—40; *Она же*. Табельные дни и организация политической службы духовенства в системе абсолютизма в Тобольской епархии 40—60-х годов XVIII в. — В кн.: Из истории Алтая. Томск, 1978, с. 204—219; *Она же*. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981; *Она же*. Борьба за контроль над сибирской приходской общиной и институт церковных старост (источники XVIII в.). — VIII, с. 87—102; *Gregory L. Freeze*. The Russian Levites. Parish Clergy in the XVIII c. Cambridge (Mass.); L., 1977.

⁴³ *Покровский Н. Н.* Документы XVIII в. об отношении Синода к народным календарным обрядам. — СЭ, 1982, № 5, с. 96—108; *Он же*. Исповедь алтайского крестьянина. . . ; см. также статьи Л. В. Островской, Н. Н. Покровского и М. М. Громыко

Новосибирские археографы уделяют значительное внимание непосредственно книговедческой тематике, истории книжной культуры Сибири: этим вопросам посвящен, в частности, ряд сборников и работ, изданных в ГПНТБ СО АН. И. А. Гузнер и Л. А. Ситников выявили и изучили, в частности, ряд книжных и документальных источников о составе сибирских библиотек, путях их комплектования. Особо важна задача изучения истории большой библиотеки Колывано-Воскресенских заводов; значительная часть ее фондов сохранилась до наших дней. Этими же исследователями был обнаружен ценный каталог екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева, опубликованный В. С. Астраханским⁴⁴. Библиотечная деятельность В. Н. Татищева оказала влияние и на книжную культуру Сибири. Особый интерес и сложность представляют изучение бытования в Сибири западноевропейской книги, выявление круга ее читателей⁴⁵. Были опубликованы некоторые итоги изучения музыкальных рукописей⁴⁶.

Весь этот обширный комплекс конкретных исследований по истории письменности и книги в Сибири, источниковедению истории общественного сознания сибиряков позволил подробно осветить эти проблемы в вышедших в 1982 г. в Новосибирске первых томах фундаментальных коллективных изданий «Очерк русской литературы Сибири» и «История крестьянства Сибири».

Остановимся еще на одном важном направлении работы новосибирского археографического центра. Речь идет о создании археографических справочников. В соответствии с многочисленными рекомендациями археографических конференций в Новосибирске создаются и публикуются описания коллекций рукописных и старопечатных книг, хранящихся в государственных фондах Сибири. Е. И. Дергачева-Скоп и Е. К. Ромодановская опубликовали обширное описание большой коллекции рукописей Тобольского архива. Опубликованы также описания рукописей Томского государственного университета, хранилищ Свердловска, а также небольших коллекций Тобольского, Тюменского и Омского музеев⁴⁷. В то же

в сборнике «Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII—начала XX вв.» (Новосибирск, 1975); *Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.

⁴⁴ *Гузнер И. А., Ситников Л. А.* Библиотеки Колывано-Воскресенских горных заводов в XVIII в. — В кн.: Вопросы истории книжной культуры, с. 9—50; *Гузнер И. А., В. Н. Татищев* и просветительская деятельность урало-сибирских библиотек в XVIII в. — В кн.: Революционные и прогрессивные традиции книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1979, с. 5—16; *Она же.* Библиотеки учебных заведений Сибири в первой половине XVIII в. — В кн.: Книга в Сибири XVII—начала XX вв. Новосибирск, 1980, с. 64—77; *Она же.* Книжное собрание В. Н. Татищева в составе библиотеки Екатеринбургской горной школы. — В кн.: Сибирское собрание М. Н. Тихомирова. . . , с. 159—169; *Ситников Л. А.* Книга на заводах Урала и Сибири во второй половине XVIII в. — В кн.: Революционные и прогрессивные традиции. . . , с. 17—30. *Астраханский В. С.* Каталог Екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева 1737 года. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1980. Л., 1980, с. 12—37.

⁴⁵ *Ревакина Н. В., Макарова Л. М.* Западноевропейская книга XV—XVIII вв. в библиотеках Сибири и Дальнего Востока. — В кн.: Вопросы истории книжной культуры, с. 149—165; *Макарова Л. М.* Инкунабулы сектора редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН СССР. — Там же, с. 166—172; *Ситников Л. А.* Западноевропейская книга в Сибири во второй половине XVIII в. — В кн.: Книга в Сибири. . . , с. 78—98.

⁴⁶ *Кручинина А. Н.* Описание музыкальных рукописей, приобретенных археографическими экспедициями СО АН СССР в 1970—1971 гг. — В кн.: Вопросы истории книжной культуры. . . , с. 215—234; *Шиндин Б. А.* Нотация демественного пения как система фиксации древнерусского певческого искусства. — Там же, с. 126—146.

⁴⁷ *Дергачева-Скоп Е. И., Ромодановская Е. К.* Собрание рукописных книг государственного архива Тюменской области в Тобольске. — I, с. 64—143; *Ромодановская Е. К.* Славяно-русские рукописи научной библиотеки Томского университета. — ТОДРЛ. Л., 1971, т. XXVI, с. 344—348; *Дергачева-Скоп Е. И.* Старинные рукописные книги в хранилищах Свердловска. — Там же, с. 338—343; *Ситников Л. А.* Рукописи Тобольского краеведческого архитектурного музея-заповедника. — III, с. 104—117; *Он же.* Рукописи Омского краеведческого музея. — IV, с. 176—177; *Покровский Н. Н.* Рукописи и старопечатные книги Тюменского областного музея. — I, с. 144—148; *Он же.* Книги кирилловской печати XVI—XVIII вв. в фон-

время в деле описания коллекций древних книг Сибири далеко не все благополучно. Запоздывает описание рукописей Новосибирска, не издано даже описание второй части Тихомировского собрания. Публикация описаний новосибирских старопечатных книг также занимает значительное время: если описание первых 58 изданий (поступления 1970—1971 гг.), составленное сотрудниками ИИФФ Г. П. Ениным и Л. С. Соболевой, было опубликовано в 1975 г.⁴⁸, то описание остальных книг ИИФФ, составленное Н. Д. Зольниковой, сдано в печать в 1983 г. для IX археографического сборника, а описание книг обширных коллекций ГПНТБ (В. Н. Алексеев) готовится к сдаче в печать. Ждут своей очереди рукописи Иркутска и старопечатные книги Тобольска.

Одновременно и в деле издания археографических справочников исследователям Новосибирска приходится далеко выходить за сибирские региональные рамки. Принятие Бюро Отделения Истории АН СССР решения об издании справочной серии «Рукописные богатства нашей страны» является весьма своевременным, ибо отставание в этом деле начинает заметно тормозить общее развитие филологической и исторической науки. Три общерусские справочные книги, вышедшие в Новосибирске, можно считать первым вкладом Новосибирского научного центра в осуществление этого важного патриотического дела⁴⁹.

В 1980 г., когда исполнилось 15 лет со дня получения Сибирским отделением АН СССР Тихомировского собрания, в Новосибирске проводились Тихомировские чтения Археографической комиссии АН СССР. Это был достойный повод, чтобы вспомнить о тихомировских традициях в науке (доклад С. О. Шмидта), подвести итоги развития основных направлений сибирской археографии. Опубликованные материалы чтений⁵⁰ свидетельствуют о том, что сибирские ученые стремятся выполнить обещание, сделанное академиком М. А. Лаврентьевым в письме к Михаилу Николаевичу, отправленном в связи с получением в Новосибирске первой части Тихомировского собрания: «Стоящие у истоков национальной культуры русского народа памятники не останутся здесь лежать мертвым капиталом»⁵¹. Ряд докладов на чтениях был посвящен книгам Тихомировского собрания: Е. И. Дергачева-Скоп сообщила о книгах В. Ф. Груздева в составе собрания М. Н. Тихомирова; Е. А. Апанович, Л. В. Титова, Т. Н. Апсит, В. Б. Коцеев и В. Н. Алексеев говорили об отдельных книгах и документальных материалах собрания.⁵²

Среди перспективных задач сибирской археографии следует назвать наряду с продолжением экспедиционной работы завершение издания корпуса сибирских летописей, интенсификацию научного описания рукописных и старопечатных книг сибирских собраний (планируется работа по составлению полных каталогов таких книг), участие в общесоюзных и международных изданиях — сводных каталогах славяно-русских рукописей и книг кирилловской печати, изучение и издание отдельных памятников древней письменности, включая источники по общественному сознанию народных масс.

дах Государственной публичной библиотеки Киргизской ССР им. Н. Г. Чернышевского. — V, с. 179—188.

⁴⁸ Енин Г. П., Соболева Л. С. Описание старопечатных книг (коллекция 1970—1971 гг.). — В кн.: Вопросы истории книжной культуры. . . , с. 173—214.

⁴⁹ Клепиков С. А. Филигранные бумаги русского производства XVIII—начала XX в. / Под ред. Н. Н. Покровского. М., 1978; Протасьева Т. Н. Описание Чудовского собрания рукописей / Под ред. Н. Н. Покровского. Новосибирск, 1980; Синайский патерик: Указатели / Под ред. Е. К. Ромодановской. Новосибирск, 1980.

⁵⁰ Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981.

⁵¹ Там же, с. 17.

⁵² Там же, с. 37—137.

Е. П. Метрели

**25-ЛЕТИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА
РУКОПИСЕЙ
АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР¹**

Грузинский народ справедливо гордится богатым многовековым прошлым, самобытной материальной и духовной культурой. Это то богатство, которое никогда не теряет своей ценности; напротив, со временем его значимость и ценность еще более увеличиваются.

Истории нашего народа знакомы имена людей, которые своим перво-степенным гражданским долгом считали заботу о собирании, сохранении и изучении материальных и духовных памятников грузинской культуры. Большую роль в этом начинании сыграли основоположники грузиноведения в Петербурге — академики Теймураз Багратиони и Мари Броссе². Но планомерный и общественный характер оно приняло только в 80-х годах XIX в., когда передовая грузинская интеллигенция образовала такие действующие общества, каким, к примеру, было основанное в 1879 г. Общество по распространению грамотности. Благодаря хорошей организации дела его деятельностью были охвачены даже самые отдаленные уголки и окраины Грузии. В обширной программе этого общества большое место занимали работы по собиранию и защите древних исторических памятников. Возглавляли это благородное дело ученые, известные писатели и общественные деятели Д. Кипиани, И. Чавчавадзе, Е. Такайшвили, Д. Каричашвили.

В этом же направлении большую роль сыграл и организованный в 1888 г. Церковный музей, основатели которого в короткий срок собрали затерянные в грузинских церквях и монастырях прекрасные произведения искусства и грузинские рукописные книги. Коллекция рукописей этого музея отличается древностью и особой значимостью. Работу музея направляли известные грузинские ученые и общественные деятели Д. Бакрадзе, Ф. Жордания и М. Джанашвили.

В 1907 г. образовалось еще одно научное общество: историко-этнографическое. Основателем его был Е. Такайшвили, чья неиссякаемая энергия, научная заинтересованность, бескорыстность и любовь к древностям дали возможность собрать коллекцию грузинских рукописей, включающую около 4 тыс. ед.

Таким образом, разбросанные по всей территории Грузии рукописи, большая часть памятников искусства и материальной и духовной культуры были собраны в хранилищах частных обществ и музеев. Однако охрана и изучение грузинских древностей в те времена не находились на должном уровне, так как необходимые для этого средства превышали возможности частных лиц и частных обществ. Осуществление этих мер стало возможным только после установления в Грузии Советской власти, когда охрана и изучение достижений национальной культуры стали предметом заботы государства³.

¹ К статье прилагается список опубликованных институтом книг, куда включены также издания Отдела рукописей Государственного музея Грузии по той проблематике, которая была продолжена в Институте рукописей.

² Орбели Р. Р. Собрание грузинских рукописей Института востоковедения АН СССР. — Учен. зап. Ин-та востоковедения АН СССР, Л., 1954, т. 9.

³ Абуладзе И. В. Хранение древних рукописей и публикация текстов в Советской Грузии. — Изв. Ин-та рукописей АН СССР, 1960, т. 2, с. VII—XXIII. На груз. яз.

В 1930 г. в Государственном музее Грузии был открыт отдел рукописей, где сосредоточились хранившиеся в одно время в Тбилисском университете коллекции рукописей и исторических документов из собраний упомянутых частных обществ и Церковного музея. С образованием отдела в его работу включились лучшие представители грузинской гуманитарной науки во главе с И. А. Джавахишвили.

В 1941 г. музей перешел в систему АН ГССР, что еще больше способствовало улучшению дела охраны и изучения рукописей. Из значительных начинаний этого периода следует отметить составление под руководством И. Джавахишвили инструкции по описанию рукописей и начало работы в этом направлении. В 1946 г. был опубликован первый том описания грузинских рукописей Государственного музея Грузии.

С 1953 г. отдел рукописей возглавил известный филолог, профессор Илья Абуладзе⁴. По его инициативе и при поддержке правительства Грузии с целью улучшения условий хранения и изучения рукописных фондов была подготовлена почва для создания научного института.

Постановлением Президиума АН ГССР от 30 июня 1958 г. на базе отдела рукописей Государственного музея Грузии был основан Институт рукописей; было запланировано строительство специального благоустроенного хранилища и здания для института. С 1962 г. институт носит имя академика К. С. Кекелидзе. Это не случайно, так как филологи института работают в основном по проблематике, разработанной Кекелидзе, углубляя и расширяя ее.

Институт рукописей был укомплектован в основном молодыми кадрами, которые под руководством И. В. Абуладзе прошли серьезную подготовку в области филологии и кодикологии. Научно-исследовательская и практическая деятельность Института рукописей определялась его спецификой. Институт одновременно является государственным хранилищем древних рукописей и научно-исследовательским учреждением.

В настоящее время в Институте рукописей шесть отделов: кодикологии и текстологии; древнегрузинской филологии; письменных исторических памятников; архивных фондов; отделы хранения, учета и экспозиции; гигиены и реставрации; фотолаборатория. В институте функционируют также кабинеты видных грузинских ученых (Джавахишвили, Кекелидзе, Абуладзе и др.), книжный фонд зарубежной научной литературы им. Н. Салия и научная библиотека с информационным и библиографическим отделами.

Основная цель института — обеспечение максимально благоприятных условий для хранения рукописных фондов и ухода за ними и одновременно изучение богатейшего рукописного наследия, публикация и популяризация памятников грузинской письменности.

В хранилищах института сосредоточены богатые рукописные фонды: грузинские рукописи V—XIX вв. (свыше 9 тыс. ед.), среди них 200 иллюстрированных рукописей X—XVIII вв., и 4 тыс. палимпсестных листов; около 4 тыс. рукописей на русском, армянском, греческом, персидском, арабском, сирийском, древнееврейском языках; 32 тыс. грузинских исторических документов XI—XIX вв.; количество иноязычных документов достигает 5 тыс. ед. Около 60 тыс. ед. хранения насчитывается в личных архивных фондах грузинских и русских общественных деятелей, ученых и писателей. В личном архиве известного ученого Г. Ф. Церетели хранится ценная коллекция папирусов. С каждым днем обогащается микро- и фототека института, в которой собраны микро- и фотокопии грузинских, русских, греческих, арабских, персидских, итальянских рукописей и документов как из хранилищ Советского Союза, так из зарубежных книгохранилищ и частных коллекций.

Естественно, что описание рукописей, составление каталогов исторических документов и личных архивов, путеводителей по фондам и раз-

⁴ Метрели Е. П. Илья Владимирович Абуладзе (1901—1968). — АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 465.

личных библиографических и других указателей научно-справочного характера — одна из главных задач института.

Начиная с 1946 г. и по сей день продолжают работы по описанию рукописей, совершенствуются принципы описания в соответствии с возрастающими требованиями к ним. В настоящее время описание предусматривает предварительное тщательное кодикологическое и историко-литературное изучение каждой рукописи; при этом учитываются история развития текстов, их переводы, обработки, редакции. Для всестороннего изучения рукописей в институте ведется специализация сотрудников в той или иной области средневековой литературы и науки. На сегодняшний день отделом рукописей Государственного музея Грузии, а затем Институтом рукописей опубликовано 24 тома описания рукописей, из них 21 том содержит описания грузинских рукописей институтского фонда по коллекциям. Накопление рукописей разного периода и разных литературных школ потребовало для изучения отдельных проблем или особо ценных памятников составления не только общих, но и тематических описаний. Так были составлены и опубликованы по фотокопиям два тома синайских грузинских рукописей (5.1—2)⁵. Третий том находится в печати.

Готовится описание грузинских рукописей Иерусалимской греческой патриаршей библиотеки и коллекции Афонского Иверского монастыря (по фотокопиям). Первый том описаний афонских рукописей находится в печати.

Одновременно опубликованы описание греческих рукописей⁶ и три тома описаний арабско-персидско-тюркских рукописей института (9—11)⁷. Совместно с Матенадараном заканчивается подготовка к изданию описания армянских рукописей института. Составлен каталог лицевых рукописей, готовится к изданию их пространное иллюстрированное описание.

Сотрудниками института составлено описание грузинских рукописей тбилисских книгохранилищ: Центрального исторического архива ГССР и Государственного литературного музея им. Г. Леонидзе. Закончилось также и составление описаний краеведческих музеев в Местии, Зугдиди, Телави, Гори, Ахалцихе. Некоторые из них будут напечатаны в 1986 г. Составляется сводный каталог грузинских рукописей. Ведется учет всех грузинских рукописей и документов, хранящихся за пределами республики. В настоящее время идет большая работа по описанию ценной коллекции грузинских рукописей ГИБ. Опубликовано описание грузинских рукописей ГБЛ⁸.

Естественно, описания рукописей полностью не могут заменить рукописи в процессе их изучения. Поэтому начиная с 1950-х годов АН ГССР прилагала все усилия для получения микрофильмов зарубежных собраний грузинских рукописей. В 1956 г. через Библиотеку АН ГССР институт приобрел микрофильмы синайских и иерусалимских коллекций грузинских рукописей.

В 1980 и 1982 гг. институт получил в дар от проживающих в Париже грузинских ученых Н. и К. Салия микрофильмы рукописей грузинских коллекций Парижской национальной и Ватиканской библиотек. В 1981 г. кинорежиссер Г. Патарая и исследователь А. Микаберидзе засняли коллекцию афонских грузинских рукописей и передали микрофильмы научным учреждениям. Таким образом, в настоящее время Институт рукописей

⁵ В статье литература указывается под порядковыми номерами прилагаемого списка «Основных трудов Института рукописей». Отдельные статьи указываются в сносках.

⁶ Гранстрем Е. Э. Греческие рукописи Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. — Вестн. Гос. музея Грузии, 1959, т. XX-V.

⁷ Абуладзе Ц. А. Описание и изучение восточных письменных памятников в Институте рукописей АН ГССР. — АЕ за 1981 год. М., 1982, с. 89—94.

⁸ Кутателадзе Л. И. Описание грузинских рукописей ГБЛ. — Вестн. Гос. музея Грузии, 1953, т. XVII-V.

располагает почти всеми важнейшими местными и зарубежными коллекциями грузинских рукописей.

Наряду с изучением зарубежных и местных моногенных коллекций рукописей в институте велась и ведется также большая работа по изучению истории местных и зарубежных очагов грузинской письменности и культуры⁹. По этой проблеме опубликовано: Путешествия грузинских ученых, писателей, общественных деятелей XVIII и XIX вв. в Палестину, на Афон (49, 52). Путешествия (особенно Тимофея Габашвили) содержат ценные, в некоторых случаях уникальные сведения для истории грузинских культурных центров (Иерусалима и Афона). Изучению этой проблемы посвящены работы Е. П. Метревели: «Материалы к истории Иерусалимской грузинской колонии XI—XVII вв.» (72), «Шеханская пустыня — неизвестный грузинский скрипторий в Палестине»¹⁰.

Готовится монография по истории Афоно-Иверского монастыря (X—XVI вв.), крупнейшего грузинского зарубежного культурного и литературного центра.

Одним из основных направлений в работе института являются систематизация, каталогизация и публикация материалов личных архивных фондов общественных деятелей, видных писателей и ученых Грузии.

В институте имеются также личные фонды русских деятелей на Кавказе. Например, фонд Е. Г. Вейденбаума привлекает внимание широкого круга исследователей богатством материала о Кавказе XIX столетия (Дневники) и составленной им биобиблиографической картотекой кавказских деятелей того же периода¹¹.

Осуществлена публикация описаний ряда личных архивов (12—15) и архивных материалов видных грузинских общественных деятелей (51, 67).

Сотрудники института постоянно исследуют вопросы грузинской дипломатики, палеографии, сфрагистики, филигранологии, эпиграфики, криптографии. За минувшие 25 лет немало работ было опубликовано по этой тематике в виде отдельных книг и статей в периодических изданиях института и во всесоюзных изданиях¹². В частности, осуществлена публикация образцов древнегрузинского письма (100); изучаются вопросы, связанные с созданием и развитием грузинского алфавита (102), правила сокращения (титлы)¹³, разделительные, технические и условные знаки, пунктуации¹⁴, художественное оформление заглавного письма¹⁵. Исследуются вопросы применения и обработки бумаги в древней Грузии, во-

⁹ Метревели Е. П. Значение синайской экспедиции 1902 г. в развитии грузиноведения. Тбилиси, 1976.

¹⁰ См.: Мравалтави. Тбилиси, 1976, т. 5, с. 22—44. На груз. яз.; рез. на рус. яз.

¹¹ Барнавели Э. Г. Документальное наследие Е. Г. Вейденбаума. — АЕ за 1978 год. М., 1979, с. 258.

¹² Шошиашвили Н. Ф. Развитие грузинской эпиграфики и палеографии. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 393—402; Хоштария (Броссе) Э. В. Состояние и перспективы собирания, изучения и публикации грузинских исторических документов. — В кн.: Источниковедческие разыскания, 1979. Тбилиси, 1984, с. 193—202.

¹³ Чанкиева П. А. Сокращения в грузинских рукописях V—X вв. — В кн.: Палеографические разыскания. Тбилиси, 1965, т. 1, с. 77—94; Она же. Сокращения в грузинских эпиграфических памятниках V—X вв. — Там же. Тбилиси, 1969, т. 2, с. 117—128 (все статьи на груз. яз.); Она же. Правила сокращения в памятниках древнегрузинской письменности. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР, с. 434—439.

¹⁴ Каджаиа Л. Р. Разделительные знаки в древнегрузинских рукописях (VII—X вв.). — В кн.: Палеографические разыскания, т. 1, с. 33—44; Она же. Условные знаки в грузинских рукописях с комментариями. — Там же, т. 2, с. 32—49; Она же. Два технических знака в древнегрузинских рукописях. — Там же, т. 2, с. 103—107 (все статьи на груз. яз.).

¹⁵ Мачавариани Е. М. Художественные особенности заглавного письма «асомтаври» по грузинским рукописям V—XII вв. — В кн.: Мравалтави. Тбилиси, 1973, т. 2, с. 216—248. На груз. яз.

дьяные знаки грузинских рукописей¹⁶, институт писцов¹⁷. Монографически изучены криптограммы грузинских рукописей (104).

На протяжении многих лет в институте велась большая работа по выявлению грузинских исторических документов в книгохранилищах и архивах Советского Союза и по составлению их сводного каталога. Историки института совместно с учеными Института истории им. И. Джавахишвили АН ГССР и ЦГИА ГССР приступили к подготовке издания Корпуса грузинских исторических документов, 1-й том которого опубликован (62а). Осуществлены отдельные публикации сборников документов и исторических приписок (62, 66, 68, 69, 71). Изданы материалы по исторической географии и топонимике Грузии (70).

Заканчивается работа над аннотированным именованным указателем к историческим документам X—XVII вв. (5000 ед.), где по каждой единице дается ценная документированная информация для изучения хронологии и генеалогии отдельных феодальных родов и фамилий. Закончилась также работа над подготовкой издания тюркских документов XVI—XVII вв. из хранилищ Грузии. В отечественных и зарубежных книгохранилищах выявлено несколько османских нарративных источников и документов по истории Грузии и Закавказья XVI—XVIII вв. (54—75), разрабатываются вопросы османской дипломатики.

Изучаются и публикуются арабоязычные документы XVIII в. дагестанского происхождения, отображающие грузино-дагестанские взаимоотношения¹⁸. Изучаются и издаются сохранившиеся в виде приписок к рукописным книгам документы и поминальные записи, имеющие историческое значение¹⁹. Ведутся источниковедческое и текстологическое исследование и публикация грузинских нарративных исторических сочинений (56, 74) и памятников средневекового права (76, 79), а также терминологические разыскания с целью раскрытия сущности ряда социально-политических институтов и воспроизведения некоторых существенных сторон генезиса феодализма в Грузии (94). Разрабатываются вопросы методики и принципы перевода грузинских исторических памятников на русский язык²⁰.

На основании богатого опыта, полученного в процессе работы над каталогизацией и публикацией исторических документов, сотрудниками института разрабатываются отдельные теоретические проблемы грузинской дипломатики²¹. Ведется систематическая и планомерная работа

¹⁶ *Патаридзе Р. М.* К вопросу обработки бумаги в феодальной Грузии. — В кн.: Палеографические разыскания, т. 1, с. 45—56; *Он же.* Водяные знаки грузинских рукописей XIV—XV вв. — Там же, с. 108—119; *Он же.* Водяной знак «Три полумесяца» в грузинских рукописях XVII—XVIII вв. — Там же, т. 2, с. 59—76; *Он же.* Водяной знак «Корона» со звездой и полумесяцем. — В кн.: Мравалтави, т. 2, с. 210—216; *Он же.* Водяные знаки рукописей «Вепхистакаосани». — В кн.: Мравалтави, т. 5, с. 98—107 (все статьи на груз. яз.).

¹⁷ *Гачечиладзе И. К.* Школа каллиграфов Месхишвили и один из его представителей Соломон Месхишвили. — Мацне. Сер. яз. и лит., 1974, № 2; *Она же.* Каллиграфическая деятельность Алекси Месхишвили. — В кн.: Мравалтави. Тбилиси, 1978, т. 6, с. 155—166; *Она же.* Каллиграфическая деятельность Давида ректора. — В кн.: Мравалтави, т. 5, с. 119—130 (все статьи на груз. яз.).

¹⁸ *Канчавели Н. П.* Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений (два арабских письма Ираклия II). — Мацне. Сер. ист., археол., этн. и ист. искусства, 1978, № 2; *Она же.* Два письма Ираклия II Магомеду Нуцал-хану. — Мацне. Сер. ист., археол., этн. и ист. искусства, 1979, № 4; *Она же.* Три арабских документа дагестанского происхождения. — В кн.: Мравалтави. Тбилиси, 1980, т. 8 (все статьи на груз. яз.) и др.

¹⁹ *Силогава В. И.* Исторические приписки Коридетского четвероевангелия. — В кн.: Мравалтави. Тбилиси, т. 13. На груз. яз.; *Клдиашвили Д. К.* Памятные приписки Хахульской рукописи. На груз. яз. В печати.

²⁰ *Хоштария (Броссе) Э. В.* По поводу русского перевода грузинских исторических источников. — Мацне. Сер. ист., археол., этн. и ист. искусства, 1979, № 1, с. 150—171. На груз. яз.

²¹ *Сургуладзе М. К.* Дипломатические особенности грузинских царских грамот XIV—XV вв. — В кн.: Грузинское источниковедение. Тбилиси, 1978, т. 5, с. 63—69.

по выявлению и изучению эпиграфических памятников отдельных регионов Грузии с целью создания в институте особого фонда их фотокопий и составления единого свода этих материалов²². Изучение и публикация эпиграфических памятников осуществляются и по их определенным хронологическим группам (105).

Будучи крупным грузиноведом и арменологом, И. В. Абуладзе в своей научной деятельности большое внимание уделял изучению армяно-грузинских литературных связей и армянских исторических источников. Он же основал серию «Грузино-армянские филологические штудии» (81, 1). Ученики И. В. Абуладзе по сей день успешно изучают и издают армянские исторические источники на грузинском и армянском языках (50, 53, 60, 61, 64).

Закончена многолетняя тема по подготовке к изданию «Истории Сисаканского дома Стефаноса Орбелиана» (армянский текст, грузинский перевод, исследование, комментарии). По той же программе изучаются и издаются исторические источники на арабском, тюркском и персидском языках (54, 65). Кроме того, подготовлена к изданию и сдана в печать хроника Иосифа Флавия («Древности иудейские»), перевод с греческого XII в. По международной программе сотрудники института принимают участие в подготовке греческих актов (X—XV вв.) Афонского Иверского монастыря, которые очень богаты грузинскими приписками X—XV вв. Грузинские приписки греческих актов содержат ценный материал по грузинской дипломатике. Работа ведется совместно с Лабораторией истории и цивилизации Византии (при Коллеж де Франс в Париже) (75а).

Со дня основания института под руководством его директора И. В. Абуладзе сотрудники приступили к комплексному и планомерному филологическому изучению оригинальных и переводных памятников грузинской письменности. Были намечены несколько крупных коллективных тем. В течение 1964—1968 гг. опубликован Корпус «Памятников древнегрузинской агиографической литературы» (в четырех томах), первое критическое издание по всем существующим рукописям X—XVIII вв. Позднее были изданы V (37,5) и VI (37,6) тома «Памятников». Закончена работа также над составлением симфонии-словаря «Памятников». Одновременно группа молодых филологов под руководством И. В. Абуладзе приступила к изучению древних грузинских переводов канонических и апокрифических книг Библии по существующим рукописным спискам (21, 22), был подготовлен к изданию «Грузинский словарь» по автографам известного лексикографа XVII—XVIII вв. С. С. Орбелиани²³. В 1973 г. опубликован (посмертно) «Словарь древнегрузинского языка» И. В. Абуладзе, плод его 20-летней кропотливой работы (95). И. В. Абуладзе совместно с известным руствелологом И. М. Гигинейшвили и группой сотрудников института на протяжении нескольких лет работал над установлением критического текста «Витязя в тигровой шкуре». Эта почти законченная работа в настоящее время хранится в институте в личном архиве ученого.

Изучение средневековой светской литературы занимает значительное место в тематике института. Им подготовлено к публикации первое критическое издание по всем существующим рукописям рыцарского романа XII в. «Амирандареджаниани». Исследованию грузино-персидских литературных связей посвящены следующие книги: «Персидские источники поэмы Теймураза I „Лейлмаджунуани“» (89) и «„Вис и Рамин“ Гургани и грузинский „Висрамиани“» (88). Совместно с Институтом истории груз.

На груз. яз.; *Она же*. К вопросу о дипломатическом изучении грузинских царских грамот. — В кн.: Источниковедческие разыскания, 1979, с. 180—186; *Она же*. Две разновидности судебных доказательств по данным царских грамот. — В кн.: Мравалтави, т. 8, с. 31—37. На груз. яз.

²² *Силогава В. И.* Грузинские эпиграфические памятники (итоги изучения и задачи). — Мацне. Сер. ист., археол., этн. и ист. искусства, 1975, № 1, с. 186—191; *Она же*. Изучение надписей Южной Грузии этнографической экспедицией Института рукописей. — В кн.: Мравалтави. Тбилиси, 1983, т. 10, с. 264—289. На груз. яз.

²³ *Орбелиани Сулхан-Саба*. Соч. Тбилиси, 1965. Т. 4. Ч. 1; 1966. Ч. 2. На груз. яз.

зинской литературы им. Ш. Руставели подготовлен к изданию энциклопедический труд Иоанна Багратиони «Калмасоба» (в печати).

Изучение средневекового культурного наследия Грузии вообще и письменного в частности тесно связано с изучением рукописей, по которым можно проследить длительный путь развития духовной жизни народа и определить основные вехи в развитии как письменности, так и других областей национальной культуры.

В истории грузинской средневековой культуры и письменности эти вехи четко очерчены и создают два начальных основных периода: первый охватывает V—X вв., второй — конец X—XIII в. Особенность и культурная ориентация каждой из этих эпох определяются внутренним и внешнеполитическим курсом грузинского государства данного отрезка времени. Грузинская средневековая письменность развивалась как в местных культурных центрах и скрипториях, так и в крупных зарубежных культурных очагах, в той среде, которая отвечала в данное время основному курсу развития грузинской культуры. В зависимости от этого грузинские культурные очаги и скриптории создавались то в одном регионе средневековой культуры, то в другом. Со временем один из них терял свое значение и передавал эстафету новому, который продолжал предыдущие традиции, одновременно приобщаясь к новой культурной среде, к новым достижениям средневековой культуры и науки, поднимая на новый уровень образованность тружеников грузинских местных центров и зарубежных колоний, создавая новые возможности для развития грузинской письменности и культуры. Таковы преемственность в местных и зарубежных очагах грузинской письменности, их культурная взаимосвязь и взаимодействие.

В местных грузинских очагах письменности полное развитие и завершение часто получали то или иное начинание или новые направления, которые возникали в зарубежных центрах.

Грузинские зарубежные культурные центры глобально охватывали духовную жизнь того региона, в котором они формировались, но в зависимости от того, в чем нуждалась грузинская письменность или культура и какие пробелы нужно было восполнить, в зарубежных очагах определялись отдельные области литературы или науки, которым и уделялось особое внимание. Таким образом, в грузинских культурных очагах велась как бы специализация по отдельным отраслям литературы и науки, чем и определялись содержание, направление и особенности их литературной продукции.

Как ни парадоксально, но в средние века, несмотря на большие трудности в передвижении, контакты между зарубежными грузинскими очагами письменности и между ними и местными очагами были налажены хорошо. Поэтому каждый из очагов довольно подробно был осведомлен о работе других, все же вместе служили интересам культуры своего народа и, следовательно, старались своевременно довести свою письменную продукцию до местных очагов, где в конечном счете аккумулировалось все, что делалось в области национальной литературы и культуры за рубежом или в Грузии. Поэтому изучение рукописей по отдельным коллекциям и собраниям имеет огромное значение. Благодаря этому можно учесть все те культурные притоки, которые вливались в единый поток национальной культуры и письменности.

С первых дней основания института научные кадры филологов готовились с таким расчетом, чтобы развернуть работу по исследованию и публикации не только древнегрузинских оригинальных памятников, но и переводных с греческого, арабского, сирийского, армянского. В этом направлении много было сделано Н. Я. Марром, К. С. Кекелидзе, А. Г. Шанидзе, И. В. Абуладзе, Ж. Гаритом. Ими же была выработана методика изучения древнегрузинских переводов, основанная на лингвистическом и лексическом анализе переводных текстов.

На базе Института рукописей И. В. Абуладзе приступил к изданию грузинских переводных памятников, древнейшие списки которых сохра-

нились в местных и зарубежных коллекциях. В 1959—1964 гг. он опубликовал четыре памятника.

1. Две древние редакции «Варлаама и Иоасафа» (23). Для пространной редакции И. В. Абуладзе впервые использовал и изучил иерусалимский список текста, который, по мнению ученого, переведен с арабского не позднее IX в.

2. «Поучение отцов» (40) по рукописям X—XI вв., древнейшая из них датируется 943 г. Ученый пришел к выводу, что памятник переведен не позднее IX в. в Палестине или в Южной Грузии после появления арабов на историческом поприще.

3. «Лимонарь» Иоанна Мосха (32), основная рукопись (Ath⁹) датирована 977 г. И. В. Абуладзе в тексте обнаружил ряд арабских слов и арабизированные собственные имена. Этот факт он связал с вопросом происхождения грузинского текста и отметил, что сравнительное изучение грузино-арабских версий может принести большую пользу для решения спорных и неясных вопросов, связанных с греческой и грузино-арабскими редакциями «Лимонаря».

4. К аналогичным выводам пришел И. В. Абуладзе в исследовании и публикации «Древнейшие редакции „Шестоднева“ Василия Кесарийского и толкования „Об устройении человека“ Григория Нисского» (27). Таким образом, четыре названных издания древнегрузинских переводов составляют группу переводных памятников, которые в основном создавались в палестинских письменных очагах в VIII—IX вв. в арабском окружении и либо являются переводами с арабского языка, либо носят сильный отпечаток арабской среды в лексике. Работа по выявлению древнегрузинских переводов, выполненных с арабских или сирийских моделей в палестинских центрах письменности, в Институте рукописей продолжается по сей день (17—18)²⁴.

Большое место в научной тематике института занимает изучение древнегрузинских переводов, выполненных с греческих моделей так называемых палестинского периода (V—X вв.) и афонского периода (X—XII вв.), которые включают в себя также продукцию местных и других зарубежных — константинопольской, черногорской (Сирия), петрицонской (Болгария) — литературных школ, выросших на иерусалимских и афонских традициях и в соответствии с требованиями времени развивших теорию перевода.

Особый интерес к грузинским палестинским письменным очагам давно зародился в кругах грузинских и зарубежных ученых. Но интенсивное изучение оригинальных и переводных памятников, выполненных в этих очагах, определение их направления, своеобразия, значения и места в истории древнегрузинской литературы и культуры заняли одно из ведущих мест в грузиноведении после того, как К. С. Кекелидзе опубликовал и определил значение и ценность Иерусалимского лекционария VII в.²⁵

Продолжая исследование проблем, поставленных К. С. Кекелидзе, группа филологов института изучила и издала ряд переводных памятников палестинского круга: Древнейший Тропология, составленный как гимнографическое дополнение к Иерусалимскому лекционарию (28), Древние редакции грузинского Ирмология (24), невмированный Ирмологий (36), древние Патерики (25, 1—2). Из памятников иерусалимского круга готовятся также новая редакция грузинского Тропология (по рукописям X в.) и, наконец, повторное критическое издание Иерусалимского

²⁴ Майсурадзе М. Д. Из истории грузинско-сирийских литературных отношений: (Грузинская версия «Мученичества св. Дроси»). — Мадне. Сер. яз. и лит., 1977, № 4. (На груз. яз.); Она же. К вопросу о происхождении агиографического памятника «Мученичество св. Дроси». — Сообщ. АН СССР, 1980, 97, № 2. На груз. яз.

²⁵ Кекелидзе Х. К. Иерусалимский канонарь VII в. (грузинская версия). Тифлис, 1912.

лекционария по всем существующим спискам. Опубликованные памятники и те, которые готовятся к публикации, раскрыли большие возможности для поэтапного изучения переводов ранневизантийской литературы, которые были распространены в Грузии с V по X в., изучения ранневизантийской гимнографии. Ввиду того что греческие модели этих древнейших переводов не сохранились или сохранились в переработанном виде, древнегрузинские переводы имеют важное значение и для изучения истории ранневизантийской литературы.

Уже много лет ведется работа также над древнейшим гомилетико-агиографическим сборником «Мравалтави» (Многоглав), который, как и Тропологий, является дополнением к Иерусалимскому лекционарию. За малым исключением сборник содержит очень ранние переводы «Слов» и «Поучений» византийских авторов, греческие, сиро-арабские и армянские модели которых либо исчезли, либо их первоначальные редакции претерпели большие изменения. В силу этого грузинский Многоглав, прошедший долгий путь развития (V—X вв.), ставит перед учеными — ориенталистами и византинистами — ряд важных проблем по текстологии трудов византийских авторов.

После выявления и прочтения И. А. Джавахишвили грузинских палимпсестов и их первых публикаций, выполненных им и А. Г. Шанидзе, работу над палимпсестами продолжил уже в Институте рукописей И. В. Абуладзе, но завершить и опубликовать прочитанные им палимпсесты не успел. В настоящее время осуществлена публикация 1-го тома палимпсестных «Ханметных текстов» (41). Изучение и публикация палимпсестных текстов и древнейших переводов расширили наше представление о репертуаре богатой грузинской переводной литературы, свидетельствующей о высоком уровне образованности и учености грузинских книжников V—X вв.; одновременно обрисовался фундамент, на котором развивалась грузинская оригинальная агиография, историография и ряд других отраслей средневековой науки и письменности. Особо богата литература этой эпохи переводами литургических памятников, в основе которых лежит литургическая практика иерусалимской церкви. Эти памятники грузинскими книжниками не просто переводились с греческого, но и адаптировались с национальными традициями и обрабатывались в соответствии с требованиями национальной церкви. В итоге к X в. грузинская письменность охватила необходимый репертуар богослужебных книг и научно-образовательной литературы своего времени, благодаря чему грузинский литературный язык обогатился научной, богословско-философской и юридической терминологией. Лучшим доказательством того, как широки были интересы и потребности грузинского читателя IX—X и предыдущих веков, является многообразный состав древнейшей учебной книги, так называемого «Шатбердского сборника» (X в.), изданного Институтом рукописей (45).

Начиная с IX в. у грузин по политическим соображениям наряду с тяготением к культурным центрам Палестины возрос интерес и к Константинополю — прославленной столице Византийской империи. Со второй половины IX в. в Византии появились первые грузинские монашеские поселенцы. К середине X в. на Олимпе уже существуют грузинские монастыри со скрипториями. С середины X в. борьба с общим врагом — арабами — активизировала политические взаимоотношения между Византией и Грузией. Представители грузинской военной знати устремились в Константинополь и прилегающие к Грузии восточные регионы Византии в поисках славы и наград; устремились в Византию и потоки образованных монахов, в основном также из феодальной знати, для приобщения ко всем областям византийской культуры и обогащения ее достижениями грузинской духовной литературы, науки и культуры. Большую роль в этом сыграли первые грузинские монахи, прибывшие на Афон в 70-х годах X в., обосновавшиеся первоначально в Лавре Афанасия, а впоследствии, в 980—982 гг., основавшие самостоятельный грузинский монастырь — Иверскую лавру.

Основатели Иверской лавры Иоанн и Евфимий Афониты с первых дней своей деятельности наметили обширную программу, которая была рассчитана не на одно поколение грузинских ученых книжников, переводчиков, писателей, поэтов.

Новая культурная ориентация на Константинополь потребовала от первых афонитов пересмотра ранних грузинских переводов богослужебных книг (иерусалимского толка), их обновления по новым греческим моделям, которыми пользовалась константинопольская церковь в X—XI вв., а также перевода памятников византийской письменности, определявших новые направления византийской литературы, философско-богословской мысли и науки.

Цель и методика работы требовала от афонитов глубокого знания греческого языка, всех областей современной им византийской науки и письменности. Такую всестороннюю подготовку афониты, их последователи и преемники приобретали в константинопольских частных и государственных высших школах, а также во время общения с лучшими умами своего времени. Требовалось от афонитов и глубокое знание внешней и внутренней политики и административной структуры византийского государства, и умение завоевать авторитет в правящих кругах Византии для поддержания престижа грузинского государства и церкви в сложных для Грузии политических взаимоотношениях с Византией. Видимо, намеченный афонитами и взятый государством курс на обновление грузинской богослужебной практики, которая веками складывалась, адаптировалась с местными народными обычаями и воспринималась как национальная традиция, вызвал сопротивление со стороны защитников традиции. В поисках компромиссного решения и одновременно для ускорения и облегчения своей работы афониты старались использовать ранние переводы традиционных книг и заново обработанный материал включать в свои новые переводы, максимально приблизив их к новым греческим моделям. Следовательно, для изучения переводной продукции первых афонитов необходимо выявление не только греческих моделей, которым они следовали, но и ранних переводов доафонского периода, которыми они широко пользовались. Для этого надо в первую очередь опубликовать хотя бы основные из множества их работ, а также их источники.

Изучению литературно-переводческой деятельности афонитов в Институте рукописей уделяется большое внимание. Опубликовано несколько переводов Евфимия Святогорца: «Поучения псевдо-Макария»²⁶, «Поучения Василия Кесарийского» (38), «Малый Номоканон» (80), «Патерик» (25). Из переводов Георгия Святогорца, подготовленных к печати, следует назвать Устав Константинопольской церкви (по рукописям XI в.) и «Толкование Григория Нисского на Песнь песней». Сдана в печать Минея с обширным исследованием, где раскрыты глубокие познания Георгия Святогорца в области византийской и грузинской гимнографии и его большое поэтическое дарование.

Закончена также монография о грузинском поэте X в. Иоанне Минцхи, авторе оригинальных стихир и канонов, которые почти полностью были включены в сборники, переведенные и составленные Георгием Святогорцем. Такая преемственность между писателями, поэтами и переводчиками разного времени и направления позволяет исследователям лучше проследить историю развития древнегрузинской письменности сквозь века и точнее определить место и значение каждой литературной школы.

Значение афонитов, которые вписали яркие страницы в историю грузинской средневековой письменности, не ограничивается только личным вкладом Евфимия и Георгия Святогорцев в дело обогащения грузинской письменности новыми произведениями и переводами. Главным было то огромное влияние, которое они оказывали на своих учеников, современников, культурно-общественную жизнь Грузии на протяжении по мень-

²⁶ С 1977 г. публикации института осуществляются в основном в серии «Памятники древнегрузинской письменности»; т. 1—6 этой серии уже вышли, т. 7—9 — в печати.

шей мере двух столетий (XI—XII). Все это время Евфимий и Георгий считались наивысшими авторитетами в просвещенных кругах как Грузии, так и зарубежных грузинских культурных центров, в которых взятый афонитами курс в научно-литературной деятельности получил дальнейшее развитие (труды таких видных ученых филологов и переводчиков, как Ефрем Мцире, Теофил, Арсен Икалтоели, Иоанн Петрицонели и др.).

В институте ведется изучение и подготовка к публикации сочинений и переводов названных авторов. Опубликовано оригинальное сочинение Ефрема Мцире «Повествование об обращении грузин — о том, в каких книгах об этом упоминается» (30), подготовлен к изданию его же большой труд по экзегетике «Толкование Псалтыри», опубликованы «Великий Номоканон» (77) и «Диалектика» Иоанна Дамаскина в переводах Арсена и Ефрема Мцире (31), «Сочинения Аммония, сына Гермия, в грузинской литературе» (39). Ведется большая работа по изучению и подготовке к изданию сборников метафрастской агиографии, первый том находится в печати. По международной программе готовится корпус «Слов» Григория Назианзина, в котором переводы представлены в 7 различных редакциях VII—XI вв. Такое обилие переводов, выполненных на протяжении пяти столетий, дает исследователю возможность проследить, как менялось отношение к византийскому автору и в соответствии с этим как менялась методика перевода. Одновременно ведется работа по изучению комментариев византийских авторов к «Словам» с целью их публикации. Все названные публикации грузинских средневековых памятников, исследования и монографии создают надежный фундамент для написания очерков по истории древнегрузинской письменности V—XII вв., что и является одной из основных задач филологов и историков литературы Института рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ИНСТИТУТА РУКОПИСЕЙ им. К. С. КЕКЕЛИДЗЕ АН ГССР¹

Описания рукописей и архивных фондов²

1. Описание грузинских рукописей (коллекция А) бывшего Церковного музея. Тбилиси, 1954—1985. Т. 1—5. На груз. яз.
  - 1.1. Т. 1. Ч. 1/ Сост. и подгот. к печати Т. М. Брегадзе, М. Н. Кавтария и Л. И. Кутателадзе; Под ред. Е. П. Метревели, 1973. 550 с.
  - 1.2. Т. 1. Ч. 2/ Сост. и подгот. к печати Т. М. Брегадзе, Л. К. Джамана, М. Н. Кавтария, Ц. В. Кахабришвили, Л. И. Кутателадзе, Т. Г. Мгалоблишвили; Под ред. Е. П. Метревели, 1976. 411 с.
  - 1.3. Т. 1. Ч. 3/ Сост. и подгот. к печати Т. М. Брегадзе, М. Н. Кавтария, Л. И. Кутателадзе; Под ред. Е. П. Метревели, 1980. 242 с.
  - 1.4. Т. 1, ч. 4. Сост. и подгот. к печати Т. М. Брегадзе, М. Н. Кавтария, Л. И. Кутателадзе; Под ред. Е. П. Метревели, 1985. 237 с.
  - 1.5. Т. 4/ Сост. Х. Г. Шарашидзе; Под общ. ред. К. С. Кекелидзе, 1954. 635 с.
  - 1.6. Т. 5/ Сост. Л. И. Кутателадзе/ Под ред. А. Г. Барамидзе, 1955. 314 с.
2. Описание грузинских рукописей. Коллекция (S) бывшего Общества распространения грамотности среди грузинского населения/ Под ред. Е. П. Метревели. Тбилиси, 1959—1973. Т. 1—7. На груз. яз.
  - 2.1. Т. 1/ Сост. и подгот. к печати Т. М. Брегадзе, Т. П. Енукидзе, Н. Г. Касрадзе, Л. И. Кутателадзе, Х. Г. Шарашидзе, 1959. 756 с.
  - 2.2. Т. 2/ Сост. и подгот. к печати А. К. Бакрадзе, Т. М. Брегадзе, Е. П. Метревели, М. А. Шанидзе, 1961. 418 с.
  - 2.3. Т. 3/ Сост. и подгот. к печати Т. П. Енукидзе, М. Н. Кавтария, Л. И. Кутателадзе, Х. Г. Шарашидзе, 1963. 342 с.
  - 2.4. Т. 4/ Сост. и подгот. к печати Т. М. Брегадзе, М. Н. Кавтария, Л. П. Каджаиа, Л. А. Кикнадзе, М. А. Шанидзе, Х. Г. Шарашидзе, Ц. А. Чанкиева, 1965. 364 с.
  - 2.5. Т. 5/ Сост. и подгот. к печати Т. М. Брегадзе, Т. П. Енукидзе, Л. А. Кикнадзе, М. А. Шанидзе, Ц. А. Чанкиева, 1967. 377 с.
  - 2.6. Т. 6/ Сост. и подгот. к печати Т. М. Брегадзе, Л. П. Каджаиа, Л. И. Кутателадзе, М. А. Шанидзе, Ц. А. Чанкиева, 1969. 377 с.

¹ Список составлен Н. Г. Таргамдзе.

² В данный раздел списка включены фундаментальные, затем краткие описания рукописей, каталоги рукописей по коллекциям, описания личных архивов, путеводители.

- 2.7. Т. 7/ Сост. и подгот. к печати Т. М. Брегадзе, М. Н. Кавтариа, Л. Р. Каджаиа, Л. И. Кутателадзе, Ц. А. Чанкиева, 1973. 317 с.
3. Описание грузинских рукописей Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа (коллекция Н). Рукописи Музея грузинского общества истории и этнографии. Тбилиси, 1946—1953. Т. 1—6. На груз. яз.
- 3.1. Т. 1/ Подгот. к печати Л. И. Кутателадзе, Н. Г. Касрадзе/ Под руководством и ред. И. В. Абуладзе, 1946. 391 с.
- 3.2. Т. 2/ Сост. и подгот. к печати Л. И. Кутателадзе; Под ред. И. В. Абуладзе, 1946. 392 с.
- 3.3. Т. 3/ Сост. Х. Г. Шарашидзе; Под ред. К. С. Кекелидзе, 1948. 522 с.
- 3.4. Т. 4/ Сост. Е. П. Метревели; Под общ. ред. К. С. Кекелидзе, 1950. 300 с.
- 3.5. Т. 5/ Сост. Л. Л. Мепаришвили; Под ред. А. Г. Барамидзе, 1949. 262 с.
- 3.6. Т. 6/ Сост. и подгот. к печати Н. Г. Касрадзе, Е. П. Метревели, Л. Л. Мепаришвили, Л. И. Кутателадзе и Х. Г. Шарашидзе; Под ред. А. Г. Барамидзе, 1953. 539 с.
4. Описание грузинских рукописей Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа. Новая (Q) коллекция/ Под ред. И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1957—1958. Т. 1, 2. На груз. яз.
- 4.1. Т. 1/ Сост. Е. П. Метревели, Х. Г. Шарашидзе, 1957. 509 с.
- 4.2. Т. 2/ Сост. и подгот. к печати Т. М. Брегадзе, Т. П. Енукидзе, Е. П. Метревели, Л. И. Кутателадзе, Х. Г. Шарашидзе, 1958. 448 с.
5. Описание грузинских рукописей. Синайская коллекция / Ред. Е. П. Метревели. Ч. 1, 2. Тбилиси, 1978—1979. На груз. яз.
- 5.1. Ч. 1/ Сост. и подгот. к печати Л. К. Джгамаиа, Е. П. Метревели, Ц. А. Чанкиева, Л. М. Хевсуриани, 1978. 247 с.
- 5.2. Ч. 2/ Сост. и подгот. к печати Ц. А. Чанкиева, Л. К. Джгамаиа, 1979. 332 с.
6. *Марр Н. Я.* Краткое описание грузинских рукописей библиотеки греческого патриархата в Иерусалиме/ Подгот. к печати Е. П. Метревели. Тбилиси, 1955. 86 с. На груз. яз.
7. Грузинские рукописи: Альбом/ Вступ. ст. Е. М. Мачавариани. Тбилиси, 1970. 22 с., 51 табл. На груз. яз.
8. Грузинские рукописи. Буклет. Тбилиси, 1971. 16 с. На груз. яз.
9. Каталог арабских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе (Коллекция L)/ Сост. Р. В. Гварамиа, Л. И. Мамулия, Н. Г. Канчавели. Тбилиси, 1978. Вып. 1. 229 с. На араб. и груз. яз.
10. Каталог арабских, турецких, персидских рукописей (коллекция K)/ Сост. Ц. А. Абуладзе, Р. В. Гварамиа, М. Г. Мамацашвили. Тбилиси, 1969. 210 с. На араб., перс., турк. и груз. яз.
11. Каталог персидских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе (коллекция АС)/ Сост. М. Г. Мамацашвили. Тбилиси, 1977. 194 с. На перс. и груз. яз.
12. Архив академика Е. С. Такайшвили: Описание/ Сост. и подгот. к изд. Е. Л. Келенджеридзе. Тбилиси, 1972. 250 с. На груз. яз.
13. Архив Д. И. Кипиани / Сост. и подгот. к печати Ш. Н. Гозалишвили. Тбилиси, 1951. XXIV, 205 с. На груз. яз.
14. Описание личного архива И. А. Джавахишвили / Сост. А. К. Бахрадзе и Н. И. Джавахишвили. Тбилиси, 1976. 367 с. На груз. яз.
15. Описание личного архива К. С. Кекелидзе/Сост. Р. Я. Кавиладзе. Тбилиси. 1979. 186 с. На груз. яз.
16. Путеводитель по хранилищам древних рукописей Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа. Тбилиси, 1951. 347 с. На груз. яз.

Публикации

Литературные памятники

17. Ал-Бустан по синайской рукописи X в. Арабский текст, груз. предисл. и коммент. изд. Р. В. Гварамиа. Тбилиси, 1965. 215 с. На груз. яз.
18. Арабско-грузинские версии повести Аммония «Убиение св. отцов в Синае и Раифе» (по рукописям IX—XI, XIII и XVII вв.)/ Тексты изд. и исслед. снабдила Р. В. Гварамиа. Тбилиси, 1973. 143 с. На груз. яз.
19. Греческое «Житие» Иоанна, Евфимия и Георгия Афонцев/ Греч. текст, груз. пер. и исслед. подгот. М. З. Мачханели. Тбилиси, 1982. 164 с. На груз. яз.; рез. на рус. и англ. яз.
20. Грузинская версия произведений Псевдо-Макария. Текст подгот. к изд., исслед. и снабдила словарем Г. А. Ницуа. Тбилиси, 1982. 411 с.: (Памятники древнегруз. письменности, вып. 4). На груз. яз.; рез. на рус. и нем. яз.
21. Грузинские версии апокрифических деяний апостолов: (По рукописям IX—XI вв.)/ Подгот. текстов, исслед. и словарь Ц. И. Курцикидзе. Тбилиси, 1969. 77, 113 с. На груз. яз.
22. Грузинские версии апокрифов Ветхого Завета: (По рукописям X—XVIII вв.)/ Подгот. к изд., предисл. и снабдила словарем Ц. А. Курцикидзе. Тбилиси, 1970. Кн. 1. 484 с. На груз. яз.
- 22^a. Грузинская версия апокрифической книги Никодима. Тбилиси, 1985. 91 с. На груз. яз.

23. Грузинские редакции повести «Варлаам и Иоасаф»/ Изд., исслед. и снабдил словарем И. В. Абуладзе; Под ред. А. Г. Шанидзе. Тбилиси, 1957. 48, 217 с. На груз. яз.
24. Две древние редакции грузинского Ирмология: (По рукописям X—XI вв.)/ Изд. и снабдила исслед. Е. П. Метревели. Тбилиси, 1971. 278 с. На груз. яз.; рез. на рус. яз.
25. Древнегрузинские переводы средневековых повелл/ Тексты к изд. подгот. М. Р. Двали. Тбилиси, 1966—1974. Кн. 1, 2. На груз. яз.
- 25.1. Кн. 1. Древняя редакция грузинского патерика в переводе Евфимия Афонского по рукописи XI в., 1966. 60, 172 с.
- 25.2. Кн. 2. Алфавитно-анонимные патерики, 1974. 342 с.
26. Древнегрузинские редакции псалтыри по рукописям X—XIII вв./ Текст изд. М. А. Шанидзе. Тбилиси, 1960. 485 с. На груз. яз.
27. Древнейшие редакции «Шестоднева» Василия Кесарийского и толкования «Об устройении человека» Григория Нисского: (По рукописям X—XIII вв.)/ Изд., исслед. и снабдил словарем И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1964. 273 с. На груз. яз.
28. Древнейший Иадгари/ К изд. подгот., исслед. и снабдили указателем Е. П. Метревели, Ц. А. Чанкиева, Л. М. Хевсуриани. Тбилиси, 1980. 942 с. (Памятники древнегруз. письменности; Вып. 2). На груз. яз.; рез. на рус. и фр. яз.
29. Древние редакции житий сирийских подвижников в Грузии/ Тексты и исслед. и вокабулярием изд. И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1955. 222 с. На груз. яз.
30. *Ефрем Мцирз*. Повествование об обращении грузин — о том, в каких книгах об этом упоминается Текст изд., снабдила введ., указателем и словарем Т. М. Брегадзе. Тбилиси, 1959. 22, 62 с. На груз. яз.
31. *Иоанн Дамаскин*. Диалектика/ Груз. текст подгот., исслед. и снабдила словарем М. А. Рапава. Тбилиси, 1976. 300 с. На груз. яз.; Рез. на рус. яз.
32. *Иоанн Мосх*. Лимонарь/ Текст с исслед. и словарем изд. И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1960. 171 с. На груз. яз.
33. *Кутателадзе Л. И.* «Грузинский словарь» Иоанна Багратиони. Тбилиси, 1975. 211 с. На груз. яз.
34. *Кутателадзе Л. И.* Редакции Толкового словаря грузинского языка Сулхана-Саба Орбелиани (по автографическим спискам). Тбилиси, 1957. 310 с. На груз. яз.; рез. на рус. яз.
35. Лексикографические работы Давида и Иоанна Багратиони/ Подгот. текста, исслед. и указателем снабдила Л. И. Кутателадзе. Тбилиси, 1967. 239 с. На груз. яз.
36. Невмированный Ирмологий (рукопись А-603)/ Подгот. текста, исслед. и указатель Г. И. Кикнадзе. Тбилиси, 1982. 938 с. (Памятники древнегруз. письменности; Вып. 3). На груз. яз.; рез. на рус. яз.
37. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Тбилиси, 1963—1980. Кн. 1—4, 6. На груз. яз.
- 37.1. Кн. 1 (V—X вв.)/ Подгот. к печати И. В. Абуладзе, Л. А. Атанелишвили, Н. Д. Гогуадзе, Л. Р. Каджама, Ц. И. Курцикидзе, Ц. А. Чанкиева, Ц. К. Джгамаи; Под ред. И. В. Абуладзе, 1963. 348 с.
- 37.2. Кн. 2 (XI—XV вв.)/ Подгот. к печати И. В. Абуладзе, Л. А. Атанелишвили, Н. Д. Гогуадзе, М. Ш. Долакидзе, Ц. И. Курцикидзе, Ц. А. Чанкиева, Ц. К. Джгамаи; Под ред. И. В. Абуладзе, 1967. 264 с.
- 37.3. Кн. 3. Метафрасные редакции (XI—XIII вв.)/ Подгот. к печати И. В. Абуладзе, М. Ш. Долакидзе, Ц. И. Курцикидзе; Под руководством и ред. И. В. Абуладзе, 1971. 312 с.
- 37.4. Кн. 4. Синаксарные редакции (XI—XVIII вв.)/ Подгот. к изд., и исслед. снабдил Э. П. Габидзашвили; Под ред. и руков. И. В. Абуладзе, 1968. 444 с.
- 37.5. Кн. 5. (XVIII в.)/ Подгот. к изд., исслед., снабдили словарем и указателем Э. П. Габидзашвили, М. Н. Кавтара, 1986.
- 37.6. Кн. 6. Антони Багратиони — «Мартирика»/ Текст к изд. подгот., исслед., снабдили словарем и указателем Э. П. Габидзашвили, М. Н. Кавтара, 1980. 644 с.
38. «Поучения» Василия Кесарийского в переводе Евфимия Афонского/ Подгот. к изд., текст исслед. и снабдила словарем Ц. И. Курцикидзе. Тбилиси, 1983. 72+277 с. (Памятники древнегруз. письменности; Вып. 5). На груз. яз.; рез. на рус. яз.
39. Сочинения Аммония, сына Гермия, в грузинской литературе/ Подгот. к изд., исслед. и снабдила словарем М. А. Рапава. Тбилиси, 1983. 254 с. (Памятники древнегруз. письменности; Вып. 6). На груз. яз.; рез. на рус. и нем. яз.
40. Поучения отцов (по рукописям X—XI вв.)/ Изд. И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1955. XII, 322 с. На груз. яз.
41. Ханметные тексты/ Подгот. текста, исслед. и симфония Л. Р. Каджама. Тбилиси, 1984. 349 с. На груз. яз.; рез. на рус. и англ. яз.
42. *Хонели Мосэ*. Амирандареджаниани/ Подгот. к изд., снабдила исслед. и словарем Л. А. Атанелишвили. Тбилиси, 1967, 0193+848 с. На груз. яз.
43. *Хонели Мосэ*. Амирандареджаниани/ К изд. подгот. Л. А. Атанелишвили. Тбилиси, 1969. 193 с. На груз. яз.
44. Хроника Александра Кипрского (по рукописям X—XIV вв.)/ Подгот. текст к изд., исслед., снабдила коммент. и словарем Т. Г. Мгалоблишвили. Тбилиси, 1978, 126 с. На груз. яз., рез. на рус. яз.
45. Шатбердский сборник X в./ Подгот. к изд. Б. К. Гигинеишвили, Э. А. Гиунашвили. Тбилиси, 1979. 243 с. (Памятники древнегруз. письменности; Вып. 1). На груз. яз.

46. Четыре памятника древнегрузинской письменности по рукописям X—XII вв. Тбилиси, 1965. 238 с. На груз. яз.

47. *Цуртавели Я.* Мученичество святой царицы Шушаник/ Текст к изд. подгот., снабдила предисл. и словарем Ц. И. Курцикидзе. Тбилиси, 1979. 94 с. На груз. яз.

48. *Цуртавели Я.* Мученичество Шушаники/ Груз. и арм. тексты изд. и исслед. снабдил вариантами, словарем и указателем И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1978. 120 с. На груз. яз.

Исторические труды, хроники, путешествия, отдельные источники

49. *Авалишвили Георгий.* Путешествие из Тбилиси в Иерусалим/ Подгот. к изд. текст, исслед., словарь и указатель Е. П. Метрели. Тбилиси, 1967. 387 с. На груз. яз.

50. *Аристахэс Ластивертци.* История/ Груз. пер. с исслед., коммент. и указатель изд. Е. В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1974, 241 с. На груз. яз.; рез. на рус. яз.

51. Архивные материалы об общественно-культурной жизни Грузии 70-х годов XIX в.: (Семейная переписка Туманишвили)/ Текст с исслед., коммент. и указателем подгот. к изд. Е. М. Абрамишвили. Тбилиси, 1965. 270 с. На груз. яз.

52. *Габашвили Тимотэ.* Путешествие/ Подгот. к изд. текст, исслед., указатель и словарь Е. П. Метрели. Тбилиси, 1956. 253, 161 с. На груз. яз.

53. *Георгий Аканский.* История народа стрельцов/ Арм. текст с груз. пер. и коммент. изд. Н. Ф. Шошиашвили. Тбилиси, 1961. 220 с. На груз. яз.

54. Гюрджизаде. Книга завоевания Тбилиси/ Турец. текст с груз. пер., введ. и примеч. изд. Ц. А. Абуладзе. Тбилиси, 1975. 83 с. На груз. яз.; рез. на рус. яз.

55. *Дадиани Нико.* Жизнь грузин/ Текст изд., предисл., коммент., снабдил указателями и словарем Ш. В. Бурджанадзе. Тбилиси, 1962. 383 с. На груз. яз.

56. *Джавашивили И. А.* Материалы к истории материальной культуры грузинского народа. Тбилиси, 1962—1965. Кн. 2—4. На груз. яз.

56.1. Кн. 2. Постель, мебель и посуда, 1965. 131 с.

56.2. Кн. 3—4. Одежда, ткани, рукоделие. Военное облачение и военное дело, 1962. 311 с.

57. *Джавашивили И. А.* Материалы по экономической истории Грузии. Тбилиси, 1964. Кн. 1. Ч. 4, 5. 145 с. На груз. яз.

58. *Джавашивили И. А.* Памятники экономической истории Грузии. Тбилиси, 1967—1974. Кн. 1, 2. На груз. яз.

58.1. Кн. 1. Демографические памятники, 1967. 383 с.

58.2. Кн. 2. XIII—XIV вв., 1974. 206 с.

59. Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник («Картлис Цховреба»)/ Груз. оригинал и древнеарм. пер. с исслед. и вокабулярием изд. И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1953. 343 с. На груз. яз.

60. Древнегрузинские переводы «Истории Орбелианов» Стефаноса Орбелиана/ Грузинско-армянские тексты подгот. к изд., предисл. и указателем снабдила Е. В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1978, 156 с. На груз. яз.

61. *Иоанн Драсханакертский.* История Армении (786—925 гг.)/ Арм. текст с груз. пер., исслед. и указатель изд. Е. В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1965, 317 с. На груз. яз.

62. Исторические документы Имеретинского царства и Гурийского и Одисского княжеств (1466—1770 гг.)/ Подгот. к изд. текст, предисл. и указатель Ш. В. Бурджанадзе. Тбилиси, 1958. Кн. 1. 215 с. На груз. яз.

62а. Корпус грузинских исторических документов. 1 т. Грузинские исторические документы IX—XIII вв./ Сост. и подгот. к изд. Т. Енукидзе, В. Силогва, Н. Шошиашвили. Тбилиси, 1984.

63. *Кавтара М. Н.* Из истории грузинской общественной мысли XVIII в.: (Эпистолярное наследие А. Багратиони). Тбилиси, 1971, 281 с. На груз. яз.

64. Книга посланий/ Арм. текст с груз. пер., исслед. и коммент. изд. З. Н. Алексидзе. Тбилиси, 1968, 297 с. На груз. яз.

65. *Мадж-ос-Салтанэ.* «Описание» города Тбилиси / Подгот. к изд., пер. и коммент. М. Г. Мамацашвили. Тбилиси, 1971. 113 с. На груз. яз.

66. Малые хроники (Исторические приписки пашалиев)/ Подгот. к изд. текстов, введ. и коммент. Дж. М. Одишели. Тбилиси, 1968, 144 с. На груз. яз.

67. Материалы об общественной и культурной жизни Грузии 60—90 годов XIX в./ Подгот. текст, предисл., коммент. и указатель Е. М. Абрамишвили. Тбилиси, 1981. 257 с. На груз. яз.

68. Материалы по истории Южной Грузии (XIII—XV вв.)/ Подгот. к изд. текст и исслед. Х. Г. Шарашидзе. Тбилиси, 1982. 159 с. На груз. яз.

69. Материалы по истории Южной Грузии (XV—XVI вв.)/ Публ. текстов, исслед. и указатель Х. Г. Шарашидзе. Тбилиси, 1961. 183 с. На груз. яз.

70. Материалы по исторической географии и топонимике Грузии / Подгот. к изд. З. Н. Алексидзе, Ш. В. Бурджанадзе. Тбилиси, 1964. Кн. 1: (По историческим документам X—XVII вв.). 283 с. На груз. яз.

71. Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии (конец 60-х—начало 90-х годов XVIII в.): Документы и материалы / Материал подобран к печати В. М. Гамрекели. Тбилиси, 1980. 220 с. На груз. яз.

72. *Метрели Е. П.* Материалы к истории Иерусалимской грузинской колонии (XI—XVII вв.). Тбилиси, 1962. 194 с. На груз. яз.

73. Несколько грузинских исторических документов XIV—XVIII вв./ Изд. Т. П. Енукидзе, Д. Э. Одишели и др. Тбилиси 1964. 151 с. На груз. яз.

74. *Орбелиани Папуна*. История Картли / Подгот. к изд. текст, исслед., снабдила указателем и словарем Е. В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1981. 281 с. На груз. яз.; рез. на рус. и англ. яз.

75. Турецкие источники по истории Самцхе-Саатабаго первой четверти XVI в. / Турецкие документы с груз. пер., исслед. и коммент. изд. Ц. А. Абуладзе. Тбилиси, 1983. 113 с. На груз. яз.; рез. на рус. яз.

75а. Archives de l'Athos. XIV. Actes d'Iviron. 1. Par J. Lefort. N. Oikonomides, D. Papachryssantou avec la collaboration d'H. Métrévéli. Paris, 1985.

Памятники средневекового права

76. *Вахтанг VI*. Законы царя Вахтанга VI / Подгот. к печати, исслед. и указатель терминов Т. П. Енукидзе. Тбилиси, 1955. 153 с. На груз. яз.

77. Великий Номоканон / Текст к изд. подгот. Э. П. Габидзашвили, Э. С. Гиунашвили, М. Ш. Долакидзе, Г. А. Нинуа. Тбилиси, 1975. 626 с. На груз. яз.; рез. на рус. яз.

78. *Габидзашвили Э. П.* Уложение Руис-Урбниского собора. Тбилиси, 1978. 197 с. На груз. яз.; рез. на рус. яз.

79. Греческое право из уложения царя Вахтанга VI / Тексты издала, исслед., снабдила словарем и указ. терминов Т. М. Брегадзе. Тбилиси, 1964. 95+273 с. На груз. яз.

80. Малый Номоканон / К изд. подгот. Э. С. Гиунашвили. Тбилиси, 1972. 254 с. На груз. яз.; рез. на рус. яз.

Исследования

Филология, история

81. *Абуладзе И. В.* Труды. Тбилиси, 1975—1981. Т. 1—4. На груз. яз.

81.1. Т. 1. Штудии по грузино-армянской филологии. 1975, 229 с.

81.2. Т. 2, 1976. 287 с.

81.3. Т. 3, 1981. 291 с.

81.4. Т. 4, 1985. 236 с.

82. *Гамрекели В. Н.* Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1976, 112 с. На рус. яз.

83. *Джанашиа Н. С.* Мученичество Шушаники: Историко-источниковедч. исслед. Тбилиси, 1980. 318 с. На груз. яз.

84. *Долакидзе М. Ш.* Древние редакции «Жития Иллариона Грузина». Тбилиси, 1974. 180 с. На груз. яз.; рез. на рус. яз.

85. *Кавтариа М. Н.* Из истории древней грузинской поэзии XVII—XVIII вв. Тбилиси, 1974. 328 с. На груз. яз.

86. *Кавтариа М. Н.* Литературная школа Давида Гареджа. Тбилиси, 1965. 191 с. На груз. яз.

87. *Курцикидзе Ц. И.* Грузинские версии апокрифических (неканонических) книг Ветхого Завета. Кн. 2. Исследование. Тбилиси, 1973. 344 с. На груз. яз.; рез. на рус. яз.

88. *Мамацашвили М. Г.* «Вис о Рамин» Гургани и грузинский «Висрамиани». Тбилиси, 1977. 258 с. На груз. яз.; рез. на рус. и фр. яз.

89. *Мамацашвили М. Г.* Персидские источники поэмы Теймураза I «Лейлмаджну-ниани». Тбилиси, 1967. 180 с. На груз. яз.; рез. на рус. яз.

90. Филологические разыскания: [Сборник]. Тбилиси, 1969. Т. 1, 179 с. На груз. яз.

91. *Шанидзе М. А.* Древнегрузинские переводы Книг псалмов. Тбилиси, 1979. 230 с. На груз. яз.; рез. на рус. яз.

92. *Шарашидзе Х. Г.* Первая типография в Грузии (1709—1722). Тбилиси, 1955. 216 с. На груз. яз.

93. Шота Руставели: Сборник. Ист., филол. разыскания. Тбилиси, 1966. 274 с. На рус. яз.

94. *Хоштариа (Броссе) Э. В.* Взаимоотношения низинных и горных регионов феодальной Грузии (источниковедч. разыскания). Тбилиси, 1984. 199 с.

Языкознание и лексикология

95. *Абуладзе И. В.* Словарь древнегрузинского языка: (Материалы). Тбилиси, 1973. 577 с.

96. *Абуладзе Ц. А.* Тюркские переводы словника словаря Сулхана Саба Орбелиани. Тбилиси, 1968. 257 с. На груз. яз.; рез. на рус. яз.

97. *Бабунашвили Е. А.* Антоний и вопросы грузинской грамматики. Тбилиси, 1970. 283 с. На груз. яз.; рез. на англ. яз.

98. Инверсионный указатель «Словаря древнегрузинского языка» И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1979. 128 с. На груз. яз.

99. *Сарджвеладзе З. А.* Указатели личных глагольных форм ханмэтных и хаэмэтных текстов. Тбилиси, 1971. 150 с. На груз. яз.

Палеография, эпиграфика

100. *Абуладзе И. В.* Образцы грузинского письма: (Палеографический альбом). Тбилиси, 1973. XV+415 с. На груз. яз.

101. *Атапелишвили Л. А.* Древнегрузинская тайнопись. Тбилиси, 1982. 430 с. На груз. яз.; рез. на рус. яз.

102. *Мачавариани Е. М.* Графические основы грузинского алфавита. Тбилиси, 1982. 105 с. На груз. яз.
 103. *Отхмезури Г. К.* Грузинские лапидарные надписи рубежа XII—XIII вв. как исторический источник. Тбилиси, 1981. 130 с. На груз. яз.; рез. на рус. яз.
 104. Палеографические разыскания: [Сборник]. Тбилиси, 1965—1969. Т. 1, 2. На груз. яз.; рез. на рус. яз.
 104.1. Т. 1, 1965. 156 с.
 104.2. Т. 2, 1969. 128 с.
 105. *Силогава В. И.* Надписи Западной Грузии (IX—XIII вв.). Тбилиси, 1980. 228 с. (Корпус грузинских лапидарных надписей; Вып. 2).
 106. *Сургуладзе М. К.* Древнегрузинские далеографические термины. Тбилиси, 1978. 156 с.

Библиография

107. Библиография трудов акад. Е. Такашвили / Подгот. к изд. и биогр. очерк Е. Л. Келенджеридзе. Тбилиси, 1963. 36 с.
 108. *Микадзе Г. В.* Библиография работ по древнегрузинской литературе. Тбилиси, 1968. Кн. 2. (1921—1965). 428 с.
 109. Список печатных трудов проф. И. В. Абуладзе. — В кн.: Мравалтави, 1974, сб. 1, с. 12—17.

Периодические издания

Известия Института рукописей АН СССР. На груз. яз.

110. Т. 1. 1959   113. Т. 4. 1962

111. Т. 2. 1960   114. Т. 5. 1963

112. Т. 3. 1961

Мравалтави: Историко-филологические разыскания. На груз. яз.

115. Т. 1. 1971   121. Т. 7. 1980

116. Т. 2. 1973   122. Т. 8. 1980

117. Т. 3. 1973   123. Т. 9. 1981

118. Т. 4. 1975   124. Т. 10. 1983

119. Т. 5. 1976   125. Т. 11. 1985

120. Т. 6. 1978

В. Н. Автократов

ПОНЯТИЕ «АРХИВНЫЙ ФОНД» В СОВЕТСКОМ АРХИВОВЕДЕНИИ 1920-х ГОДОВ

Изучение формирования важнейших архивоведческих понятий — существенная потребность современного архивоведения. Задача настоящей статьи — осветить по возможности сложный процесс выработки в 1920-х годах первых дефиниций архивного фонда и развернувшиеся при этом научные споры.

Реорганизация и централизация архивного дела на базе ленинского декрета от 1 июня 1918 г., формирование ЕГАФ создали, говоря современным науковедческим языком, «проблемную ситуацию». Требовалось разрешить противоречие между начавшейся бурной практической деятельностью архивистов и отсутствием ее необходимого теоретического обеспечения. Практический опыт, накопленный до революции в условиях децентрализованного архивного дела и отсутствия единой научной доктрины, был противоречив и мог использоваться только частично. Западноевропейские руководства по архивному делу не получили распространения в России, а тех, кто был с ними знаком, они подчас не удовлетворяли. Особенно это было свойственно петроградским архивистам. Заманчиво, конечно, говорил И. Л. Маяковский, «на место отрицательного опыта нашего архивного прошлого перенести en bloc положительный опыт. . . западноевропейских архивов, реципировав все выработанные ими методы и приемы». Но это обесценило бы имевшиеся в прошлом попытки «подлинной строительной работы над архивами», оторвало бы исторически сложившиеся русские архивы от взрастившей их почвы¹.

Возникшая ориентация на самостоятельное развитие русского архивоведения укреплялась сознанием, что революция, изменившая прежние представления об «исторической перспективе», является событием исключительным и необратимым. А. Е. Пресняков подчеркивал, что нельзя просто противодействовать «распаду старых форм архивного дела». Это явно не соответствует интересам исторической науки и настоящему требованию рациональной постановки архивного дела. Ведь при старом порядке основная масса архивов была «убогим захолустьем». Архивы следует преобразить и вывести «на свет живого и сознательного, планомерного изучения русской исторической жизни не только в ее давнем прошлом, но и прежде всего в мало осознанном, еле заметном новом и новейшем времени»².

Многие архивисты понимали, что «фонд» — основная классификационная единица, но природа фонда оставалась неясной: какого рода совокупность документов следует считать фондом? Является ли фонд также и учетной единицей? Страстная полемика «о двух принципах, которые возможно положить в основу будущего архивного строительства, — историческом (ведомственное происхождение архивных фондов) и логическом», среди участников подготовки декрета от 1 июня 1918 г. не была исчерпана соглашением положить в основу исторически сложившиеся и не подлежащие дроблению архивные фонды³. В этой установке имелась

¹ Маяковский И. Л. Исторический очерк архивного дела в России: Лекции, читанные слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г. Пг., 1920, кн. 2, с. 14.

² Пресняков А. Е. Реформа архивного дела. — РИЖ, 1918, № 5, с. 211—212.

³ Николаев А. С. Главное управление архивным делом. — ИА, 1919, кн. 1, с. 3—4.

существенная недоговоренность — зерно будущих противоречий. Они отразились уже осенью 1918 г. в лекциях, читавшихся на петроградских архивных курсах. Е. В. Тарле придерживался генетического подхода. «Целостность фонда ни в коем случае нарушать нельзя; нельзя разъединять те бумаги, которые были приняты (архивом от учреждения. — В. А.) в одной папке, в одной связке, в одном картоне. Мало того, нельзя разъединять и те папки, связки, картонки, которые вышли из одного ведомства», поскольку «для будущего исследователя именно важно уловить, что чиновник ведомства считал в свое время целостным, неразрывным делом». Отсюда — важность соблюдения «принципа целостности архивных фондов»⁴.

Противоположный взгляд отстаивала И. И. Любименко. Она сравнивала классификацию документов, принятую в английских архивах, где документы распределены «по фондам не по внутреннему содержанию, а по условиям поступления их в архив», и в МГАМИД, где существовала тематическая классификация, и отмечала предпочтительность последней. Заинтересованная историей русско-английских отношений XVI в., она нашла наиболее существенный русский материал по этому вопросу в трех фондах МГАМИД — «Английские грамоты», «Английские книги» и «Английские дела». «В Англии же мне пришлось, — говорила Любименко, — помимо двух фондов Public Office перебрать обширные и пестрые фонды в Британском музее и Оксфордской Бодлеенской библиотеке»⁵. Как видим, для Любименко всякая отдельная совокупность дел — «фонд». В ее оценке отчетливо выступает личный опыт. Однако, если бы тема не совпала с принятой в МГАМИД группировкой дел⁶, положение Любименко как исследователя оказалось бы совершенно иным. Тарле, ученый более широкого диапазона, с разносторонним опытом работы в русских и иностранных архивах (он руководил и одной из секций ЕГАФ), вопросы архивной классификации понимал гораздо глубже.

С Тарле полностью соглашался Николаев, прочитавший пропедевтический курс «Современная организация и постановка архивного дела в России»: «Альфа и омега архивного дела — понимание, что такое архивный фонд и неусыпное охранение целостности этого фонда». Нет места в архивах тем, говорил Николаев, кто усердствует в придумывании собственных систем расположения документов⁷.

⁴ Тарле Е. В. Национальный архив в Париже. — Сочинения: В 12-и т. М., 1958, т. 4, с. 604. Впервые опубликовано в кн.: История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на Мусульманском Востоке: Лекции, читанные слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г. Пг., 1920. Кн. 1.

⁵ Любименко И. Архивы Великобритании в их прошлом и настоящем. — В кн.: История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на Мусульманском Востоке: Лекции, читанные слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г., кн. 1, с. 227.

⁶ К этому времени в МГАМИД прежние взгляды о превосходстве тематической классификации были уже преодолены. Проводившееся М. К. Любавским в июне 1918 г. совещание московских историков обсуждало в числе первоочередных вопросов архивного дела проект общероссийских правил работы архивов, составленный тогда же сотрудником бывшего МГАМИД Н. В. Рождественским (1873—1920). Совещание согласилось с его формулировкой: «Всякая группа бумаг в архиве, объединенная единством происхождения (делопроизводство известного учреждения, фамильный архив, коллекция актов и пр.), признается в архиве особым фондом. . . Архиву вменяется в обязанность строго соблюдать индивидуальность такого фонда и не подвергать его дроблению и перемешиванию с другими [фондами]» (ЦГАДА, ф. 185 (Канцелярия 1 отделения Госархива РСФСР), оп. 1, д. 1, л. 107 об.). Погрешность формулировки налицо: в понятие «фонд» включено теоретически несовместимое с ним понятие «архивная коллекция».

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 7798-Р (А. С. Николаев), д. 8, л. 14 об. — 15. Лекции А. С. Николаева не были опубликованы, так же как лекции В. В. Смигирева по вопросам разработки и систематизации архивных материалов, В. Н. Куна — о выделении документов для уничтожения, Н. П. Черепнина — «о принципах и технике архивных передвижений», Г. А. Князева — об описях, В. Г. Дружинина — о печатных описаниях, А. И. Лебедева — об архивной статистике, и др. Причиной отказа от их публикации называлось то, что они читались в обстановке царивших в архивном

Весной и летом 1918 г. к работе в создававшихся архивных учреждениях была привлечена большая группа университетской профессуры, преподавателей археологических институтов и их учеников. Они заняли многие ведущие должности в Главархиве РСФСР, его Московском отделении, секциях и отделениях ЕГАФ.

В новых условиях, когда буржуазная историческая наука уже не имела перспектив дальнейшего развития, многие ее представители внесли существенный вклад в становление теории архивоведения. Это был результат умелого использования буржуазных ученых в интересах архивного строительства, что отвечало ленинской установке: «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство... А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах»⁸. Заметим, что буржуазные историки и архивисты в основном положительно отнеслись к реформе архивного дела⁹. Одни участвовали в разработке проекта декрета 1918 г. и развивавших его распорядительных и инструктивных материалов, другие одобряли декрет, называя его «первой золотой строкой в истории русского архивного дела»¹⁰. Однако не все ученые и специалисты, став сотрудниками новых архивных учреждений, понимали смысл революционных событий¹¹.

Университетские ученые, опиравшиеся на поддержку наиболее квалифицированных профессионалов, внесли в архивную работу определенную фундаментальность, стремление решать новые специальные вопросы на высоком научном уровне. Эта черта была воспринята и молодыми специалистами, учениками крупных ученых. Как и большинство старых архивных кадров, все эти ученые принадлежали в основном к двум буржуазным историческим школам — петроградской и московской. Между ними существовали расхождения, которые они не склонны были затуманить ни до, ни после Октябрьской революции¹².

Пресняков в 1917 г. охарактеризовал эти различия взглядов следующим образом. Московская школа, говорил он, ведущая начало от С. М. Соловьева, тяготеет к конструктивному, «историко-философским обобще-

---

деле «хаоса и косности», базировались «почти только на одной западноевропейской архивной науке» и требовали «проверки на опыте всероссийского масштаба» (*Маяковский И. Л., Николаев А. С.* Предиловие. — В кн.: *История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на Мусульманском Востоке: Лекции, читанные слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г., кн. 1, без пагинации*). Это объяснение читатели не приняли, выразив «самое горячее пожелание» скорее увидеть напечатанным выпуск лекций «Основы теории и техники архивного дела»: ведь «он так необходим при теперешнем строительстве архивного дела!» (*Олейников Т.* [М.] Ред. на кн.: *Лекции, читанные слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г., кн. 1—3*). — Воронеж. ист.-археол. вестн., 1921, вып. 1, с. 73.

⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 55.

⁹ *Шмидт С. О.* К истории архивного строительства в первые годы Советской власти. — В кн.: *Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений: Материалы юбилейной научной конференции архивистов Ленинграда, 13—14 июня 1968 г.* Л., 1970; *Он же.* Привлечение интеллигенции к советскому архивному строительству. — В кн.: *Интеллигенция и революция, XX век.* М., 1985.

¹⁰ *Козловский И. П.* Научное изучение архивов и задачи центральных исторических архивов. — Ад, Краснодар, 1921, вып. 1, с. 5.

¹¹ По свидетельству Н. М. Дружинина, работавшего в то время в бывшем МГАМИД, «идея централизации архивного дела вызывала всеобщее сочувствие» в «сложной среде» архивистов. Изменение настроений ученых в пользу сотрудничества с Советской властью особенно почувствовалось после революции в Германии и отмены Брестского договора. Но были и явно враждебные люди — такие, как Н. А. Бердяев и А. А. Кизеветтер. (Выступление Н. М. Дружинина см. в хронике: *Долдобанова Н. А.* Деятельность Археографической комиссии в 1969 г. — АЕ за 1969 год. М., 1971, с. 330—331).

¹² Говоря о двух исторических школах, автор употребляет терминологию, следуя за используемой литературой. См. также: *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. — В кн.: *Труды юбилейной научной сессии ЛГУ: Секция ист. наук.* Л., 1948, с. 3—5; *Он же.* Борис Александрович Романов. — В кн.: *Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей, посвященных памяти Б. А. Романова.* Л., 1971, с. 22—23; и др.

ниям», что особенно свойственно было В. О. Ключевскому. Представитель московской школы объединяет «слишком теоретический» подход к источникам: они «стали, собственно, не основой построения, а запасом иллюстраций к положениям защищаемой историко-социологической доктрины»¹³. Эта характеристика не точна, поскольку конструктивность построений, свойственная Соловьеву и Ключевскому, была в меньшей степени присуща московским историкам следующего поколения. Но Пресняков хотел подчеркнуть достоинства историков петроградской школы, «воспитанных в аудитории С. Ф. Платонова». Ее основная черта — «научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции»¹⁴. В характеристиках Преснякова отсутствовал анализ методологических посылок, но была доля истины: отношение к источнику и историческому построению у названных историков было различным. Пресняков не сказал, что виднейшее место в среде петроградских ученых занимал Лаппо-Данилевский, имевший не меньший научный вес, чем Платонов. Дело не в том, что Лаппо-Данилевский к этому времени занимался в основном не конкретно-историческими исследованиями, а методологией истории и источниковедения. Позже Пресняков объяснил: по его мнению, Лаппо-Данилевский был вне университетских школ. Он рано разошелся с Платоновым, и на него никакого влияния не оказал Ключевский¹⁵. (Этот взгляд спорен).

Своеобразной чертой раннего периода организации архивного дела в РСФСР была, как ее называли архивисты, «двустиличность»: Главархив до конца 1918 г. находился в Петрограде, а в Москве действовало Московское областное управление во главе с М. К. Любавским; затем Главархив переехал в Москву, а его место заняло Петроградское отделение, управлявшееся С. Ф. Платоновым. Различие научных подходов петроградских и московских историков к проблемам архивного дела постепенно обнаружилось в теоретической работе, главным образом при попытках сформулировать понятие архивного фонда.

Вопрос признавался исключительно сложным. «Понятие фонда, — говорил А. С. Николаев слушателям Архивных курсов в 1918 г., — крайне растяжимо и зачастую разными лицами употребляется в разном смысле. Много придется положить труда, чтобы создать новую, более точную терминологию». Он старался «лишь дать почувствовать то, чем является архивный фонд, показать, как он растет на корню. . . уловить дух того, что мы обозначаем этим термином». Николаев начал с рассказа, как из частной переписки складывается архивный фонд, отражающий данную личность. Подобным образом возникают семейные и родовые фонды. Так же и всякое учреждение со всей совокупностью входящих и исходящих бумаг образует собственный фонд. Развивая, как мы бы сказали, идею многоуровневой структуры фонда, Николаев рассматривал ее на примере архива (которым он заведовал) бывшего Министерства народного просвещения. Фонд этого министерства являлся соединением фондов департаментов, состоящих из фондов крупных подразделений, а эти последние — суммой архивных фондов мелких подразделений. Фонд министерства вместе с фондами учебных округов и учебных заведений составлял «Государственный архивный фонд, отражающий все работы по народному просвещению за данный период времени». Определение Николаев все же дал: «Архивным фондом. . . мы называем известную сумму бумаг, систематизированных и приведенных в порядок, касающихся семьи, рода, учреждения, всего государства»¹⁶. Из сказанного оставалось неясным,

¹³ Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великолукского государства». — ЛЗАК. Пг., 1920, вып. 30, с. 4—5.

¹⁴ Там же, с. 6.

¹⁵ Пресняков А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский. Пг., 1922, с. 25—26.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 7798-Р, оп. 1, д. 8, л. 10—12. Эти суждения явились определенным шагом к освоению Николаевым понятия архивного фонда. Полтора годами раньше он трактовал фонд просто как комплекс материалов ряда учреждений,

что представляет собой учреждение с точки зрения фондирования его документов, из скольких фондов состоит архив министерства, как их разграничивать и учитывать.

Оставляло открытыми подобные вопросы и появившееся в том же году определение Н. В. Русинова. Оно было сформулировано под нескрываемым влиянием французской архивистики и подсказано «соображениями об органической природе всякого фонда. . . Все, что жило самостоятельно в прошлом, должно жить самостоятельно и в архиве»¹⁷. Такая исторически сложившаяся группа документов, принадлежащих какому-либо учреждению, называется его архивным фондом, который может быть общим (например, архив отдела) и частным (архив подотдела, стола и проч.)»¹⁸.

Большинство петроградских архивистов входило в Союз российских архивных деятелей (Союз РАД), основанный Лаппо-Данилевским. Но среди них не было единства. Профессионалам, в частности Николаеву, импонировало поведение Платонова, начавшего весной 1918 г. активную работу в организованном Д. Б. Рязановым Центральном комитете по управлению архивами, а затем в Главархиве РСФСР¹⁹. Напротив, Андреев, возглавивший работу группы молодых архивистов, подчеркнуто хранил приверженность установкам своего учителя Лаппо-Данилевского.

Терминологическая работа в Петрограде началась раньше, чем в Москве. На I Всероссийской конференции архивных деятелей в 1921 г. Андреев говорил, что декрет от 1 июня 1918 г. и изданные в его развитие распоряжения внесли «в архивную жизнь целый ряд неизвестных дотоле понятий», в толковании которых «не заметно согласия, и, чем дальше развивалась работа, тем больше ощущалась необходимость хотя бы в предварительном истолковании этих терминов, введенных в нашу практику»²⁰.

Первым терминологическим сочинением в русском архивоведении был, по-видимому, доклад И. В. Пузино²¹, подготовленный в начале 1919 г. по заданию совещания управляющих петроградскими отделениями ЕГАФ. (Совещание было постоянным рабочим органом и возглавлялось Николаевым.) По словам Андреева, Пузино являлся «скорее теоре-

---

занимавшихся близкими вопросами (независимо от их ведомственной подчиненности), разграничивая документы только хронологически. Например к отдельному фонду он причислил все дела о цензуре и печати до 1865 г. Главного управления цензурой, Канцелярии министра народного просвещения, Департамента исполнительной полиции, Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания. См. изложение доклада Николаева 26 марта 1917 г. в статье: Комиссия по научному описанию Архива Министерства народного просвещения. — ЖМНП, 1917, № 7/8, с. 5.

¹⁷ Последняя фраза из кн.: *Desjardins G. Le service des archives departementales*. P., 1890.

¹⁸ *Русинов Н. В. К технике архивоведения: (Группировка и каталогизация архивных материалов)*. М., 1918, с. 1—2.

¹⁹ При образовании весной 1917 г. Союза РАД Платонов не был избран членом его совета, а выступать в незначительной роли кандидата в члены совета не захотел. Он появился на общем собрании Союза только 21 апреля 1918 г., когда Лаппо-Данилевский посчитал, что в данный момент Союзу, «вероятно, желательно иметь более подходящего председателя». Им, конечно, стал бы Платонов, но Лаппо-Данилевский взял заявление об отставке обратно и попытался ориентировать Союз на теоретическую работу. Платонов при жизни Лаппо-Данилевского собраний Союза больше не посещал. В мае 1919 г. он был избран его председателем, поставив перед ним в основном лекционно-просветительные задачи (ЦГАОР СССР, ф. 7789-Р (Общество РАД), оп. 1, д. 1, л. 14, 103—104, 110—111, 135, 140—141, 263—265, 290—294 и др.). В октябре 1919 г. Союз был переименован в Общество РАД. См. также: *Иванова Л. В.* Из истории Союза российских архивных деятелей в 1917—1924 гг. — В кн.: *Проблемы истории русского общественного движения и истории своей науки*. М., 1984; *Олигов А. В.* Фонд Общества российских архивных деятелей в ЦГАОР СССР (1917—1924 гг.). — В кн.: *Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. статей*. М., 1980. До начала 1920-х годов ощущалось некоторое взаимное отчуждение между архивистами из окружения Платонова и учениками Лаппо-Данилевского.

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р (Главархив СССР), оп. 9, д. 931, л. 3.

²¹ И. В. Пузино — историк, занимавшийся вопросами западноевропейского гуманизма. Иногда в печати встречаются другие инициалы (И. Л.) и написание фамилии: Пузыно.

тиком архивного дела, человеком, который довольно хорошо знал архивное дело на Западе». Определения терминов он дал, главным образом исходя из западноевропейской практики²². Об архивном фонде Пузино писал: «Этот термин охватывает такой комплекс архивалий, оставшихся от деятельности лица, общества или правительственного учреждения, который с достаточной полнотой характеризует таковую деятельность (например, Советский фонд, фонд Министерства двора)». Учреждением Пузино считал ведомство в целом и поэтому полагал правильным говорить об общем «Таможенном фонде», а не о фондах отдельных таможен. Но чтобы избежать формирования слишком больших фондов, он допускал их разделение — «хронологическое и актуальное»: «Фонд Министерства двора с 1830 по 1860 г.» или «Сенатский фонд, кассационные жалобы с 1880 по 1900 г.»²³.

Существенно переработанный с участием Г. А. Князева доклад был представлен совещанию управляющих как «Проект архивной терминологии». В фонде Николаева имеются две его редакции. Первая сохранила ряд свойственных Пузино выражений (он недостаточно хорошо владел русским литературным языком), но изменились формулировки; вторая по содержанию близка к первой, но отличается стилистически, есть и смысловые уточнения²⁴. Из ряда определений, содержащихся в проекте («единица архивного хранения», «делопроизводство», «ЕГАФ» и др.), совещание сочло достаточно выясненным только определение архивного фонда. Но именно оно вызвало возражения самого Князева: «... комиссия Пузино, желавшая согласовать все мнения, дала громоздкое и расплывчатое определение, а потому и неудачное»²⁵.

Собственно говоря, это было еще не определение, а краткий трактат. Термин «фонд» (говорилось во второй редакции) «определяется признаками двоякого рода. Во-первых, он охватывает такой комплекс материала, который с достаточной полнотой характеризует деятельность учреждения соответственно его компетенции и поставленному заданию, а также жизнь и деятельность отдельного лица». Но применяться этот термин может только к материалам учреждений, обладающих значительной независимостью в составе какого-либо министерства (или комиссариата) или другого «установления», а также к материалам учреждений, игравших важную роль («по мысли ли законодательного акта, его создавшего, или фактически»). Во-вторых, фондом можно назвать такое объединение, которое исторически сложилось «в группу архивного хранения». В случаях же раздробленного хранения материалов учреждений или лиц в разных архивах понятием фонда определяется все, вместе взятое, их архивное наследие, а сами отдельные части называются «собраниями» бумаг, архивных документов или дел данного учреждения или лица²⁶.

Дебаты были оживленными, отмечал Андреев на конференции 1921 г.; но там, на совещании управляющих, «собрались люди несколько иного склада ума и несколько иного отношения к вопросу, каким является вопрос о выработке понятий». Одобрение совещанием такого определения фонда «не вызвало сочувствия в той среде молодых архивистов, которые сравнительно недавно выступили (так в тексте. — В. А.) и к числу которых имею честь принадлежать и я»²⁷.

²² ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 931, л. 4. Выражение «скорее теоретик» у Андреева означало «отвлеченный теоретик».

²³ ЦГАОР СССР, ф. 7798-Р, оп. 1, д. 85, л. 22 об.

²⁴ Там же, л. 18—19 (первая редакция), л. 20—21 об. (вторая редакция).

²⁵ Там же, л. 120 об.

²⁶ Там же, л. 21—22 об. В первой редакции проекта это было сформулировано иначе: «Возможны случаи, когда в данном архиве вполне обособленный фонд хранится не в полном виде, а частью; другие же части этого фонда разбились по другим архивам. В таких случаях требуется по возможности оговорить, где именно хранятся остальные части данного фонда» (Там же, л. 18 об.).

²⁷ Там же, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 931, л. 4—5. В журнальном отчете формулировки сглажены. См.: *Печета В.* 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей (Москва, 29 сент.—3 окт. 1921 г.). — АД, 1923, вып. 1, с. 121—122.

Поиски дефиниции фонда велись в нескольких петроградских архивах. В 1-м отделении IV секции ЕГАФ (бывший Архив Министерства народного просвещения) они шли по линии упрощения взглядов Николаева, изложенных в рассмотренных выше лекциях 1918 г. Теперь считалось обязательным выделять фонды только двух уровней: общие и частные. Общие — это делопроизводства «более или менее самостоятельных в административном отношении учреждений» (департаменты, учебные заведения, ученые общества и т. п.), а частные — группы дел, «созданных работой отдельных ячеек учреждения, поскольку каждая такая группа выделена в общем фонде особой регистратурной нумерацией»²⁸. В Морском архиве (2-е отделение III секции ЕГАФ), руководимом А. И. Лебедевым, под началом которого работал Г. А. Князев, формировалось другое понимание фонда. Фонд характеризовался как всякий «отдельно регистрируемый комплекс единиц хранения архивного материала (будь то книг, сборников, дел, документов, карт, планов, чертежей и т. п.) или совершенно неразобранных бумаг, исторически сложившихся или соединенных в архиве в одно целое, объединенных общим названием и по большей части одной инвентарной нумерацией»²⁹.

В 1920 г. в Петрограде возник кружок архивных работников им. Лаппо-Данилевского, состоявший в основном из молодежи, — группа «одинаково мыслящих по существу», по определению его организатора Андреева³⁰. Здесь была выработана формулировка, опирающаяся на положения методологии Лаппо-Данилевского и одобренная коллегией научно-теоретической секции Петроградского отделения Главархива. Эту формулировку ее основные авторы — Андреев и Князев³¹, впоследствии выдающиеся советские ученые — пропагандировали и отстаивали до 1925 г.: «Архивным фондом называется совокупность единиц хранения архивного материала, объединенных в архиве в одно обособленное целое под одним названием и обычно имеющих самостоятельную для данного собрания архивную нумерацию. Архивным фондом может быть группа архивного материала: а) являющаяся результатом деятельности учреждения или лица — фондообразователя, б) собранного учреждением или лицом — фондособирателем — из результатов деятельности других учреждений или лиц и в) исторически сложившаяся или специально собранная в архиве»³². Налицо связь данной дефиниции с приведенной выше формулировкой, выработанной в Морском архиве. Она выражается прежде всего в признании фондами как исторически сложившихся, так и соединенных в архиве групп «единиц хранения архивного материала», а также в присвоении понятию «фонд» признаков общего наименования и самостоятельной нумерации дел. Однако новая дефиниция тщательно отработана в духе определенной концепции, чего не было прежде.

«На определении архивного фонда, — говорил Андреев на I Всероссийской конференции 1921 г., — казалось, сошлись не только старые практики архивного дела, но и группа архивных работников позднейшего времени. И нам казалось, что это понятие архивного фонда является единственным, под которым готовы подписаться если не все, то большинство работников Петроградского отделения. . . Нам казалось опасным подвер-

²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 7798-Р, оп. 1, д. 85, л. 43.

²⁹ Цит. по тез. докл. Лебедева «О систематической классификации архивных фондов и приемах учета и регистрации их» на I конференции архивных работников Петрограда в 1920 г. (ЦГАОР СССР, ф. 7798-Р, оп. 1, д. 119, л. 24). Неясно, почему требование общей инвентарной нумерации распространено на «совершенно неразобранные бумаги».

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 931, л. 5—7.

³¹ Князев выступал с докладом «Об архивной терминологии» в мае 1920 г. (I конференция архивных работников Петрограда: [Проспект]. Пг., 1920, с. 4). Глухие тезисы доклада см.: ЦГАОР СССР, ф. 7798-Р, оп. 1, д. 119, л. 14.

³² ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 931, л. 20. На листе карандашная надпись: «Так назыв. проект Андреева. А. А. Сергеев». Опубл.: Архивная терминология: (в дискуссионном порядке). Ленинградский проект архивной терминологии. — АД, 1925, вып. 2, с. 52.

гать это определение новому обсуждению, новому истолкованию, чтобы не нарушать этим того единства, которое было достигнуто с таким трудом»³³.

Члены кружка им. Лаппо-Данилевского рассматривали разработку терминологии как необходимое условие архивного строительства. Многие из них имели опыт терминологической работы — коллективный труд по созданию словаря частных актов в кружке-семинаре Лаппо-Данилевского³⁴. Занятия архивной терминологией явились для них случаем реализовать концепцию Лаппо-Данилевского, в особенности внедрить в архивное дело разработанную ими дефиницию фонда. Будучи убежденными в неоспоримых практических достоинствах последней, они не указывали ее методологических посылок.

В методологии Лаппо-Данилевского важное место занимало понятие объекта исторического познания, рассматривавшегося с субъективно-идеалистических позиций. Объектом могла стать любая часть действительности, если она понималась как содержание представления ученого о ней и при условии, что в отношении ее возможно научно обоснованное экзистенциальное, психологическое суждение. Но важнее всего изучать качественные изменения сознания, возникающие при взаимодействии субъекта с объектом исследования, а также (следует подчеркнуть в нашем анализе) «продукты», появляющиеся при этом взаимодействии. В применении к архивоведческому материалу историческими «объектами-продуктами», естественно, являются прежде всего документы и архивные фонды, поскольку архивист включает их в свое научное восприятие, в свое «одушевление». По Лаппо-Данилевскому, «исторический источник — реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением». Он всегда «индивидуализированный результат творчества данной общественной группы или данного лица». То, что выражает эту индивидуальность, преимущественно и становится историческим материалом исследователя³⁵. Это «единство чужого сознания»

³³ ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 931, л. 3.

³⁴ *Копанев А. И.* Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка. — ВИД. Л., 1978, т. 9, с. 88—89. Возникновение кружка было вызвано, по-видимому, тем, что Общество РАД оказалось не в состоянии организовывать теоретическую работу. Она не удавалась и «людям иного склада ума», стоящим близко к Платонову, которые к тому же остерегались активного натиска молодежи. Например, Николаев отклонил предложение быть почетным председателем кружка. Исключение составил Лебедев, открывший 14 июня 1920 г. первое заседание и участвовавший во многих других. Члены кружка, конечно, знали, что именно Лебедев созвал в 1917 г. учредительное собрание Союза РАД и являлся ближайшим сотрудником Лаппо-Данилевского. Позднее Андреев подчеркивал: «Кружок возник по частной инициативе и никакой легализации со стороны архива не имеет. Но его собрания открыты для всех». Только за первые 14 месяцев работы кружок провел 35 заседаний; три четверти из них были посвящены архивной терминологии. Имя Лаппо-Данилевского он получил в июне 1921 г. (ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 219, л. 97; д. 931, л. 4, 6—7; ф. 7789-Р, оп. 1, д. 1, л. 4; ф. 7798-Р, оп. 1, д. 85, л. 119—120; ср.: *Пичета В.* Указ. соч., с. 112). Другую картину рисует Пресняков: кружок Лаппо-Данилевского не прекратил работу после смерти своего руководителя и стал называться его именем весной 1919 г. (*Пресняков А. Е.* А. С. Лаппо-Данилевский, с. 29). Частично с этим согласуется замечание Маяковского (август 1921 г.), сделанное при выдвижении доклада Андреева на I Всероссийскую конференцию, о том, что кружок им. Лаппо-Данилевского «уже два года» разрабатывает архивную терминологию. Слышавший это Андреев поправки не внес, но «сообщил некоторые детали» (ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 219, л. 33—34). Возможно, старый кружок на какое-то время пережил своего руководителя и также занимался архивной терминологией. Не исключено, что доклад Грязева 1920 г. был результатом этих работ. Связь кружка Андреева с кружком Лаппо-Данилевского глубже просматривается в свете известного нам в отрывке свидетельства В. И. Пичеты (1924 г.), который говорил, что кружок петроградских архивистов под руководством Лаппо-Данилевского занимался спасением архивных фондов. «Если бы не героизм этих лиц, то множество архивов центральных учреждений России безвозвратно погибли бы» (цит. по ст.: *Шмидт С. О.* К истории архивного строительства в первые годы Советской власти, с. 30). Эта деятельность кружка могла иметь место до лета 1918 г., т. е. до начала работы Глав-архива.

³⁵ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1913, ч. 2. Методы исторического изучения, с. 321, 325, 375—376.

ученый способен обнаружить, применяя психологический метод (основной у Лаппо-Данилевского)³⁶. Достаточно ясно, что такое представление о сложном историческом источнике могло быть отнесено к архивному фонду.

Идея целеположенности создания источника, реализации психического продукта, перенесенная на почву архивоведения, сразу же находила подтверждение, поскольку в русских архивах было много искусственных формирований документов. Созданные по определенному замыслу и сгруппированные по продуманным классификационным схемам, они являли собой в этом смысле «единство чужого сознания». Но и то, что мы считаем фондами теперь, также принималось за реализацию психической деятельности. Например, учреждения работают и создают документы по свойственной им программе, объединены определенной целеположенностью и коллективным сознанием. Всякий исторический источник, считал Лаппо-Данилевский, есть построение историка³⁷. Поэтому для признания отдельной совокупности дел фондом не столь важно, какова природа «реализации психики», как сложилась данная совокупность дел, главное — эта совокупность может рассматриваться как некое целеположенное построение. Однако полностью игнорировать ее природу авторы определения фонда не хотели. Поэтому они и выделили три типа фондов: являющихся результатом деятельности учреждения или лица; собранных учреждением или лицом вне архива; собранных архивом или исторически сложившихся в архиве. Это деление отвечало концепции Лаппо-Данилевского, требующей использовать в необходимых случаях типизирующий метод, соотносившись с «типом культурного состояния», с которым «соотносится» источник³⁸.

В таких чертах можно представить себе образ мышления авторов петроградской дефиниции фонда. Их определение (приведенное выше) состоит как бы из двух слоев: нижний — описание способов образования трех типов фондов (это «реализованные продукты человеческой психики»); верхний — покрывающее их архивоведческое обобщение.

В. И. Пичета оценил доклад Андреева на конференции 1921 г. как имеющий «огромное принципиальное практическое и теоретическое значение». (Никаких видимых связей с охарактеризованной методологией в докладе не было.) Но конференция воздержалась от одобрения доклада, постановив образовать для всесторонней разработки терминологических вопросов комиссию при Главархиве³⁹. Фактически в Москве было создано две комиссии: 1) терминологическая: Ю. В. Готье (председатель), Д. Н. Егоров, М. К. Любавский, С. К. Богоявленский, В. В. Шереметевский, Н. П. Чулков, Н. Н. Ардашев, В. К. Клейн, В. И. Пичета, Н. Ф. Бельчиков; 2) по вопросам архивного описания: М. М. Богословский (председатель), С. К. Богоявленский, А. Н. Филиппов, В. Н. Сторожев, В. В. Шереметевский, А. А. Сергеев, М. О. Бендер, а также И. А. Голубцов, включившийся в работу несколько позже других⁴⁰.

Состав комиссии был представительным, но занятия терминологической комиссии не принесли результатов. По-видимому, она не была готова к специальной теоретико-терминологической работе. Однако ее отношение к петроградскому проекту отразили слова Ардашева. В протоколе это звучит так: «Необходимо обратиться к первоисточникам, к западноевропейской архивной практике. У нас может возникнуть коллизия между Лаппо-Данилевским — русским Бернгеймом — и нашей работой. . . Мы должны говорить от имени дипломатики, из нее черпать». Однако для Ардашева работа в области терминологии стала, скорее, поводом полемизировать

³⁶ Кондратьев Н. Д. Теория истории А. С. Лаппо-Данилевского: (К двадцатипятилетию научно-литературной деятельности). — Ист. обозрение, Пг., 1915, т. 20, с. 114—115.

³⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории, ч. 2, с. 376.

³⁸ Там же, с. 463—464 и сл.

³⁹ Пичета В. Указ. соч., с. 122, 131.

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 288, л. 17, 35, 71.

с петроградским ученым Н. П. Лихачевым по вопросу о том, что шире: понятие «акт» или понятие «документ»? Архивист Шереметевский пытался возражать против настроя уйти в область дипломатики, спросив: «На философско-теоретической или же на практической почве стоял Главархив, создавая настоящую комиссию?» Но члены комиссии приняли тезис Ардашева: «За основными понятиями принципиально следует обратиться не к архивоведам, а к дипломантам»⁴¹ (так в тексте. — В. А.). Этим они обрели себя на неудачу. Выказывание Ардашева против «русского Бернгейма» симптоматично. Лаппо-Данилевский умер еще в начале 1919 г.; критиковался не он персонально, а его взгляды, отразившиеся в петроградском проекте архивной терминологии. Это столкновение позволяет понять, почему московские архивные деятели попытались отдельно разрабатывать терминологию; причем их отношение к западноевропейским установкам было иным, чем в Петрограде⁴².

Московская терминологическая комиссия не выработала понятия «архивный фонд», и в двух утвержденных Центрархивом РСФСР в марте 1922 г. методических разработках (по описанию документов и по их учету) это понятие трактовалось с существенными разночтениями. Можно установить истоки несогласованности. В руководстве, подготовленном комиссией М. М. Богословского (основным автором был И. А. Голубцов), фондом признавалась «вся совокупность архивных документов, принадлежащих или принадлежавших определенному учреждению или лицу»⁴³. По сравнению с формулировкой Н. В. Рождественского (1918 г.) определение Голубцова отличалось большей степенью обобщения. Но фактор единства происхождения в нем не выделен; не учтено, что происхождение документов фонда и их последующая принадлежность не одно и то же⁴⁴. Однако для данной комиссии это не имело значения, поскольку описательные работы она связывала с фактическими существовавшими в архивах формами организации документов (комплексами дел).

Используя термин, применявшийся в МГАМИД и некоторых других архивах, Голубцов назвал комплексы дел «архивными разрядами» или «разделами»: это «всякий, имеющий свою архивную опись отдел хранимого в архиве материала, будь ли то целый фонд или какая-либо его часть или искусственно по какому-либо признаку объединенная группа единиц хранения» (подразумевалась коллекция). По-видимому, авторы имели целью, с одной стороны, найти понятие, охватывающее все реально существующие группы документов независимо от их природы, но при наличии у них отдельной описи, а с другой — создать единицу учета этих групп. («Опись-разряд» становилась единицей учета). Яснее звучал признак происхождения, когда речь шла о группировке неразобранного материала: требовалось

⁴¹ Там же, д. 290, л. 3—4.

⁴² Это отношение не являлось, однако, восторженным. Говоря о необходимости уяснить «весь колоссальный опыт Запада», Егоров подчеркивал, что «негодовать на нашу обычную „отсталость“ не приходится: на самом Западе нет общих удовлетворительных работ, нет даже зачастую специальных исследований по интересующему нас вопросу» (Егоров Д. — КА, 1922, кн. 1, с. 423. — Рец. на кн.: История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на Мусульманском Востоке. Лекции, читанные слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г. Пг., 1920. Кн. 1).

⁴³ Руководство по приему, размещению и составлению описей архивного материала. М., 1922, с. 5.

⁴⁴ И. А. Голубцову (сослуживцу Н. В. Рождественского по МГАМИД) формулировка Рождественского, вероятнее всего, была известна. Можно предположить, что Голубцов стремился преодолеть погрешность Рождественского, связывавшего, как отмечалось, с фактором единства происхождения документов возникновение не только архивных фондов, но и коллекций. Голубцов устранил из определения «фонд» упоминание о коллекциях, но этим не ограничился. Он заменил понятие «происхождение» понятием «принадлежность», чего делать не следовало, поскольку в строгой трактовке «принадлежность» обращена только к формированию коллекций из документов разных фондов, а не к образованию самих фондов. Фактически же, говоря о «принадлежности», Голубцов имел в виду и «принадлежность» и «происхождение». Неразработанность в те годы теории архивной классификации не позволила исследовать вопрос на должном научном уровне.

выяснить, к какому учреждению или лицу он относится, а затем распределить по структурным частям учреждений; частную переписку — по адресатам или корреспондентам ⁴⁵.

20 сентября 1921 г. коллегия научно-теоретического отдела Глав-архива, завершая подготовку к I Всероссийской конференции, обсудила доклад В. К. Клейна «Проект организации учета архивных фондов ЕГАФ». В основе доклада лежала идея о том, что централизованному учету подлежат не «архивы», а «архивные фонды». «Архивы» постоянно распадаются; из одного делается несколько. Или же они теряют свои наименования, присоединяясь к другим. Напротив, «архивный фонд, содержащий документы данного учреждения и носящий его наименование, никогда не исчезает; он может быть перемещен, и в таком случае меняет только свой адрес» ⁴⁶. Установление устойчивости природы фонда и четкое отмежевание понятия «фонд» от понятия «архив», доступное в то время не всем архивистам, — заслуга Клейна.

При обсуждении доклада ощущалась необходимость еще в одном понятии — «фондообразователь», но оно названо не было, хотя Егоров и был близок к этому, заметив, что не выяснено понятие о «фонде-учреждении». Богословский говорил о том, что понятие «фонд» не охватывает «всех категорий архивов». Например, «бумаги Рачинских», по его словам, не фонд, а всего лишь семейные бумаги. Недостаточен и термин «учреждение». Однако термин «архивный фонд» предпочтителен как общий и специальный ⁴⁷.

Положения Клейна легли в основу дальнейшей разработки вопросов фондового учета ⁴⁸. Характер этой задачи требовал использовать при определении понятия «фонд» признак происхождения документов. Ин-струкция Центрархива РСФСР (март 1922 г.) открывалась указанием: «В изменение ранее производившихся Центрархивом учетов всех архивных документов по месту нахождения их хранилищ, „архивов“, новый учет, намечаемый настоящей инструкцией, должен производиться по „архивным фондам“». Далее следовало определение: «Под наименованием „архивный фонд“ следует разуметь совокупность единиц хранения архивного материала, объединенных происхождением или принадлежностью одному учреждению или частному лицу (например, фонд дел Московской казенной палаты, фонд дел семейной переписки Рачинских и т. п.)» ⁴⁹.

Итак, в определение «фонд» впервые был ясно введен признак происхождения, но авторы формулировки еще не порывали и с термином «принадлежность», возможно потому, что теоретически не было еще выделено понятие «коллекция». Фонд как совокупность документов, сложившаяся

⁴⁵ Руководство по приему, размещению и составлению описей архивного материала, с. 7, 9, 13.

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 288, л. 31—34. Владимир Карлович Клейн (род. в 1883 г.) окончил Московский археологический институт; преподавал на его кафедрах истории русской архитектуры и чтения древних рукописей. С 1912 г. служил в МАМЮ (ЦГАДА, ф. 337 (Канцелярия МАМЮ), оп. 1, д. 983, л. 59—63). Историком наиболее известен книгой «Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15-го мая 1591 года» (М., 1913. Ч. 1, 2). С 1922 г. по январь 1935 г. работал в ГАИМК, ГИМ и Оружейной палате, став выдающимся «вещеведом-аналитиком» (по свидетельству работавшего с ним в ГИМ П. Г. Рындовского). Особо много больших результатов добился в изучении древних тканей.

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 288, л. 30. Заблуждение по вопросу о «семейных бумагах» вскоре рассеялось, а пример с документами Рачинских был использован, как далее увидим, именно для объяснения, что такое семейный фонд.

⁴⁸ Тезисы доклада Клейна для указанной конференции 1921 г. см.: ЦГАОР СССР, ф. 7798-Р, оп. 1, д. 121, л. 19—21. В печати назывались разные лица, выступившие с этим докладом: в «Архивном деле» — Вишневецкий (*Пичета В. Указ. соч.*, с. 124), а в «Русском историческом журнале» — Клейн (I Всероссийская конференция архивных деятелей. — РИЖ, 1922, № 8, с. 302). Выступление Клейна подтверждает Андреев (ЦГАОР СССР, ф. 7798-Р, оп. 1, д. 85, л. 133). Конференция приняла предложение положить в основу учета фонд. Вишневецкий выступил с докладом на эту тему на I съезде архивных деятелей РСФСР (Протоколы I съезда архивных деятелей РСФСР, 14—19 марта 1925 г. М.; Л., 1926, с. 281—282, 307).

⁴⁹ Опубликовано позже: Инструкция сотрудникам ЕГАФ по выявлению и учету архивных фондов. — АД, 1925, вып. 2, с. 99.

естественно-исторически, и коллекция, созданная архивистом либо собирателем-коллекционером, но всегда связанная фактором «принадлежности» (лицу, ученому обществу и др.), еще не противопоставлялись друг другу.

Петроградские архивисты продолжали отстаивать свое определение фонда. Интересен известный в протокольной записи доклад Князева, сделанный в декабре 1923 г. на заседании коллегии научно-теоретической секции Петроградского отделения Центрархива (председательствовал Маяковский). К понятию «архивный фонд», говорил Князев, можно подойти теоретически и практически. «Я избираю второй путь. . . Возьмем исторически сложившуюся или специально образованную группу единиц хранения архивного материала, обособленную в самостоятельное целое, групповую архивную единицу под общим названием и с одной, по возможности отдельной для данного собрания, нумерацией единиц хранения. Что, это может быть названо архивным фондом? Если нет, то как надо называть такую группу архивного материала, и что же в таком случае нужно называть архивным фондом, и нужны ли еще какие-либо другие подобные термины?» Подход Князева не был лишь практическим. Князев анализировал и обобщал. Но, говоря «теоретическое», он имел в виду «излишне теоретическое», что было свойственно, как считали петроградские историки, московской школе.

Большинство членов кружка им. Лаппо-Данилевского, по словам Князева, считало, что такую группу материала можно называть архивным фондом. Это удобно во всех отношениях, в частности для архивной статистики: «Регистрируются, с одной стороны, архивные фонды, а с другой — фондообразователи — учреждения или лица, от деятельности коих отложился архивный материал». Становились ненужными предлагаемые разными авторами дополнительные термины: «серия», «собрание документов» и др. Термины московского «Руководства по приему, размещению и составлению описей архивного материала» Князев считал неудачными, поскольку обособленная группа дел со своей нумерацией (т. е. именно то, что, с точки зрения Князева, было «фондом») в нем именовалась «разрядом», а архивный фонд определялся по «принципу принадлежности»⁵⁰. Примерно так же, замечал Князев, определяют архивный фонд Русинов, Снигирев⁵¹, Воронов и «общий их наставник» французский архивист Дежарден. Упрек, как видим, выражен не вполне академически. Русинов и Снигирев, по словам Князева, вводят дополнительный и ненужный термин «серия». Но первый подразумевает под серией группу архивного материала, объединенную внешней формой⁵², а второй — группу архивного материала, объединенную внешней формой и содержанием. Кроме того, Снигирев предлагал применять термин «рукописное собрание», если архивный материал не обладает признаком полноты.

Косвенно эта критика была направлена и против Николаева, заметившего (на одном из предыдущих заседаний), что в архивах существуют группы документов, выделенных из фондов учреждений. Например, большинство всеподданнейших докладов Министерства народного просвещения извлечены из дел и хранятся особо. «Собрания таковых докладов, — считал Николаев, — не фонд; поэтому не следовало ли бы установить для та-

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 931, л. 34—35. Определение Голубцова (1922 г.) опиралось на оба принципа — происхождения и принадлежности, как и петроградское определение фонда. Князев, вероятно, не чувствовал различия в содержании терминов. Может быть, считал их одинаково чуждыми, внушенными зарубежной литературой.

⁵¹ Князев имел в виду высказывания о понятии «фонд», содержащиеся в неопубликованных лекциях Снигирева, прочитанных на петроградских архивных курсах в 1918 г. Доклад Снигирева об архивном деле на Западе был зачитан в Обществе РАД в марте 1922 г. уже после смерти Снигирева (декабрь 1921 г.) (ЦГАОР СССР, ф. 7789-Р, оп. 1, д. 1, л. 157 об.). «Всегда склонный к теоретическим схемам, он стремился привнести в архивную реформу классификационную законченность и стройность» (Макаров А. Н. [Некролог В. В. Снигирева]. — Дела и дни, 1922, № 3, с. 238).

⁵² Например, дела, книги и т. п. (Русинов Н. В. Указ. соч., с. 1—2).

ких категорий понятие серии? Во всяком случае, подобное собрание следует отличать от фонда». Однако на это возразил Маяковский, напомнивший, что терминологией занимается Князев⁵³. Николаев уступил⁵⁴, высказавшись за «широкое определение» архивного фонда: не нужно приискивать другие равнозначные ему термины, как и названия для подразделений фонда, «ограничившись в последнем случае простым обозначением, например часть фонда». Его поддержал Пресняков: требуется «найти лишь наиболее удобное в практическом отношении определение, мирясь с неизбежной условностью его». Таким является определение Князева; к нему остается лишь добавить еще два-три термина для обозначения частей фонда: «например, отдел фонда, как часть органического целого». Дополнительно Князев объяснил, что в будущем «при конструировании новых фондов» распределять их нужно по фондообразователям. Коллегия секции с ним согласилась⁵⁵.

Терминологическая работа в Москве вновь активизировалась перед I съездом архивных деятелей РСФСР (состоялся в марте 1925 г.). В конце 1924 г. начала работу вторая терминологическая комиссия из трех человек — Б. И. Анфилова, И. А. Голубцова и А. А. Сергеева, которая почти сразу кооптировала в свой состав С. К. Богоявленского. В ее занятиях принимали участие М. С. Вишневский, а иногда В. В. Адоратский и М. К. Любавский⁵⁶. Комиссия разработала классическое определение архивного фонда, заменив этим определением, по существу, чисто служебные московские формулировки 1922 г. Выработанная в начале 1925 г. дефиниция — «московская формула» — была впоследствии уточнена, но в основе осталась теоретически неколебимой, поскольку опиралась на объективную закономерность — естественноисторическую природу фондообразования.

Основную работу по созданию дефиниции выполнил Анфилов накануне съезда. Задача осложнилась необходимостью учитывать доводы ленинградцев, которые на съезде должны были выступить с содокладом. Главная посылка Андреева и Князева заключалась в том, что понятие «фонд» должно отвечать реальным группировкам дел в архивах, а не быть отвлеченным теоретическим построением. Поэтому в «Тезисах по определению „архивный фонд“» Анфилова, помеченных 3 февраля 1925 г., говорилось, что «термин „архивный фонд“ соответствует реальным группировкам архивного материала и не содержит ничего отвлеченного. . . Реальные группировки архивного материала слагаются в процессе деятельности учреждений и лиц. В этом смысле архивные фонды представляют собой естественные образования».

Далее Анфилов анализировал вопрос о «фондах в фонде», решения которого не нашли в свое время Самоквасов⁵⁷, а затем Николаев и Русинов⁵⁸. Являясь естественно сложившимися группами архивного мате-

⁵³ ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 487, л. 18 об.—19.

⁵⁴ Николаев в это время не имел прежнего влияния в Петроградском отделении Центрархива, поскольку Платонов, к которому Николаев был близок, там больше не работал.

⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 931, л. 35—36 об. Отвергнув оба московских определения фонда, петроградские архивисты не приняли и инструкцию по выявлению и учету фондов. Они разработали «Инструкцию сотрудникам Ленинградского отделения Центрархива по выявлению и учету архивных фондов». Относительно собственного определения фонда была сделана оговорка, что оно «вводится временно, впредь до окончательного согласования его с Центрархивом» (Там же, д. 487, л. 60). По-видимому, авторы надеялись при поддержке высшего архивного органа утвердить его.

⁵⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 931, л. 111.

⁵⁷ См. об этом: *Автократов В. Н.* Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX—начала XX в. — АЕ за 1981 год. М., 1982, с. 16.

⁵⁸ Этот вопрос занимал в 1920-х годах и других архивистов. Так, казанский профессор И. М. Покровский первой задачей «систематизации архивных фондов» называл их расположение по отраслям учреждений, а второй — «выделение мелких архивных фондов из больших и сложных фондов» (Тезисы и планы докладов на 1-й областной архивной конференции. — В кн.: Записки Центрального архива Татарской Соц. Сов. республики. Казань, 1925, № 1, с. 30).

риала, фонды, отмечал Анфилов, «в соответствии со строением отложившихся учреждений» бывают простыми и сложными. Сложные фонды распадаются на фонды же, соответствующие самостоятельным частям учреждения или ведомства, а простые делятся только по внутренним ячейкам (отделам, подотделам) учреждения. Сложный («совокупный») фонд не может быть единицей учета, но является «основой для общей основной разгруппировки материалов по родовым признакам»: сообразно составу совокупных архивных фондов производится соединение материалов в секции ЕГАФ, «а также разделение их по архивам и другим обособленным группам, являющимся объектами заведывания; они же дают основную схему для построения центральной картотеки фондов». Как видим, Анфилов вплотную подошел к проблеме профилирования архивов и структуры будущего Центрального фондового каталога. Единицами учета, продолжал Анфилов, вследствие своей недробности, являются «простые» фонды: они «как бы естественные. . . единицы учета» (отзвук доклада Клейна). Однако «для раскрытия принципиального содержания понятия „архивный фонд“ нет надобности останавливаться на различии практических свойств архивных фондов простого и сложного строения», поскольку «существо содержания понятия „архивный фонд“ заключается в том, что он представляет собой обособленную группу архивного материала, образовавшуюся в процессе деятельности учреждения или лица»⁵⁹. Эти тезисы были положены в основу доклада Анфилова, в котором мысль о простых и сложных фондах развивалась подробнее⁶⁰.

26 февраля 1925 г. Анфилов выступил на заседании терминологической комиссии с третьим докладом — «Архивный фонд (опыт определения)», где продолжил анализ вопроса. Если процесс деятельности учреждений и лиц един, говорил Анфилов, то отлагается единый простой фонд; если же процесс распадается на самостоятельные ветви, то и органическая группировка материала распадается на самостоятельные ветви, не утрачивая органической связи целого». Однако здесь Анфилов пришел к мысли, что развивать определение понятия в данном направлении не следует. Оно стало бы громоздким, примерно таким: «1. Архивным фондом учреждения или лица называется совокупность архивного материала, органически отложившегося в процессе деятельности этого учреждения или лица. 2. Причем указанная совокупность может сама распасться на архивные фонды, соответствующие обособленным отраслям названного процесса». Так завершился важный этап работы Анфилова над дефиницией фонда, которая, однако, не соответствовала его собственным требованиям. «Думаю, — продолжал он, — что это не определение в чистом виде, а определение, искусственно связанное с кратким комментарием к нему. Самое же определение содержится в первой части приведенной формулы, и оно представляется мне удовлетворительным»⁶¹. Сейчас нам понятно, что совокупность близких по происхождению «простых» (по Анфилову) фондов — не «сложный» фонд, а комплекс родственных фондов. Так что некоторый скептицизм Анфилова ко второй части его определения справедлив. Но путь умозаключений, пройденный ученым за непродолжительное время, был необходим.

Комиссия согласилась с Анфиловым, внося поправку, казалось бы незначительную, но придававшую определению фонда другой оттенок: «Архивным фондом называется *вся* совокупность архивного материала, органически отложившегося от этого учреждения или лица». Однако в таком случае, как быть с фондами, не являющимися *всею* первоначальной совокупностью? «Идеальных архивных фондов, — возражал Анфилов, — вовсе не существует. Фондом мы резонно считаем только ту совокупность, которая имеется налицо, хотя бы она представляла собой лишь тысячную

⁵⁹ ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 931, л. 67—67 об. (курсив мой. — В. А.).

⁶⁰ Там же, л. 64—66 об. Доклад не датирован.

⁶¹ Там же, л. 69 об.

часть первоначального отложения»⁶². (Заметим, что тысячная доля — не обязательно ничтожная величина; она может выражаться сотнями единиц хранения). Однако на съезд архивных деятелей была вынесена формулировка со словом «вся». Там развернулись основные теоретические споры вокруг понятия «фонд». С докладами выступили Анфилов и Князев.

Раскрывая содержание «московской формулы», Анфилов указывал, что в ее основе лежит «производственный принцип» — процесс деятельности учреждения или лица, образующий определенные материалы и притягивающий к ним другие материалы. Несомненно, здесь схвачена и для того времени прекрасно объяснена суть фондообразования, а «производственный принцип» — не что иное, как инвариант принципа происхождения.

Но термином «принцип происхождения» Анфилов не пользовался. Видимо, он навел представления о голландской трактовке фонда, известной советским архивистам в изложении Голубцова⁶³. Анфилов воспроизвел в докладе голландское определение: «Архивный фонд есть совокупность письменных, чертежных и печатных документов, официально полученных или составленных учреждением или одним из его должностных лиц, поскольку, по крайней мере, эти документы были предназначены остаться на хранение в этом учреждении или у этого должностного лица». С первого взгляда видно, сказал Анфилов, как несовершенно это определение. «В нем много условностей, неточностей, встречаются такие выражения, как „поскольку“, „по крайней мере“ и т. п. Оно расплывчато, в нем нет той категоричности, которая должна быть присуща законченной формуле определения. По содержанию оно значительно уже нашего понимания термина „архивный фонд“ и с ним. . . явно расходится». Например, в голландском определении фонда нет места для материалов комиссий, созданных «при данном учреждении из посторонних специалистов», отказано называться фондами семейным архивам. Каждый, кто знаком «с нашей хотей бы ходячей, еще неоформленной идеей архивного фонда, ясно понимает, что нам с Фруином согласиться невозможно»⁶⁴.

Главным недостатком ленинградского определения Анфилов считал представление о характере связи, объединяющей материалы фонда. «Мы эту связь видели в органичности процесса отложения данного материала, а ленинградцы — во внешнем объединении материалов или в известной доле придавали значение и этому внешнему объединению; вспомним их „собранные“ или „специально образованные“ группы архивного материала. . . Под их определение подходили не только естественно образовавшиеся объединения, т. е. коллекции, собрания того или иного архивного материала, возникшие в результате целевой деятельности архивных работников, ведомств или частных лиц. «Такой материал мы фондами не признаем»⁶⁵.

Князев выступил не совсем удачно. Ограничившись, как сказано в протоколах съезда, «несколькими критическими замечаниями» в адрес дефи-

⁶² Там же, л. 68 (курсив мой. — В. А.). Определение «вся» должно было укрепить принцип недробности фонда, факты нарушения которого в 1920-х годах вызывали тревогу (Жданович Я., Любавский М. К вопросу о недроблении архивных фондов. — АД, 1926, вып. 5/6). Признак «всей совокупности» побуждал соединять разрозненные части фондов, препятствовал созданию нескольких фондов из документов, относящихся к одному фонду. «Очень важно указать, — разъяснялось в одном практическом пособии, — что под архивным фондом надо понимать архивный материал всех отделов, подотделов, столов, комиссий и т. д. какого-либо учреждения» (Сокрут К.. Как привести архивные материалы в порядок. Воронеж, 1931, с. 6).

⁶³ Голубцов И. Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов. — АД, 1925, вып. 2, 3/4 (Сокращ. пер. кн.: Muller S., Feith J. A., Fruin R. Handleiding voor het ordenen en beschrijven van archiven. Groningen, 1898).

⁶⁴ Протоколы I съезда архивных деятелей РСФСР, с. 249—250.

⁶⁵ Там же, с. 254. Понятие «коллекция», возможно, напомнила книга: Fournier P. F. Conseils pratiques pour le classement et l'inventaire des archives et l'édition des documents historiques écrits. P., 1924. Небольшим тиражом она была издана в переводе (стеклограф): Фурнье П. Ф. Практические советы для приведения в порядок и для издания письменных исторических документов / Пер. с фр. И. Голубцова. Б. м., Б. г.

ници фонда, предложенной Анфиловым, он зачитал далее тезисы своего доклада «К вопросу об архивном фонде», полемически направленного против известного нам определения Голубцова (1922 г.). Князев назвал это определение узким и «чисто теоретическим», не всегда соответствующим имеющимся в архивах группам материалов. Ленинградское же определение он считал широким и правильным, имеющим в виду всякую «устойчивую, реально существующую самостоятельную группу архивного материала, объединенную в одно обособленное целое по какому-либо сознательно принятому признаку» и являющуюся учетной групповой единицей. Это — следствие многообразия архивного материала, пояснял Князев в заключительном слове, отсюда — у фонда мог быть как «фондообразователь», так и «фондосоставитель»⁶⁶.

Андреев обратил критику непосредственно против определения фонда Анфиловым: «В московском проекте невозможно установить, что вкладывается в это понятие. Говорят, что архивный фонд есть отложившийся архив учреждения, тогда как само учреждение не поддается определению»⁶⁷.

Ленинградская дефиниция явилась результатом многих наблюдений над реальными и разнокачественными комплексами документов в архивах. Выражая в определенной мере итог накопления архивоведческого знания, она как бы описывала фактическое состояние вещей и не придавала решающего значения различию между естественноисторическими образованиями и искусственными, в известном смысле случайными. «Московская формула», напротив, отмежевывала исторически случайное. Но именно в силу своей абстрактности она схватывала сущность явления. Поэтому в ней была заложена способность оказывать сильнейшее влияние на развитие архивоведения и научной практики архивного дела. Однако некоторым делегатам съезда импонировали доводы Князева и Андреева; московская формула вызывала у них сомнение. Пожалуй, лучше всего это выразил И. Н. Третьяков (Ленинград), говоривший, что в практической работе архивист часто зависит от характера архивного материала. Поэтому невозможно логически или теоретически представить некое точное определение фонда: «Исходить нужно из действительности, а не строить схему, которая не совпадает с жизнью»⁶⁸.

В результате обсуждения Князев согласился, что «при конструировании... новых фондов» преимущество принадлежит московскому определению, но без слов «вся совокупность» и с указанием, что фонд — обособленная группа архивного материала. При обращении же к старым, устоявшимся группам архивного материала следует признать правомерными и другие способы конструирования, ибо требуется «нечто устойчивое, определенное»⁶⁹. В последних словах чувствовалась тревога за целост-

⁶⁶ Там же, с. 256, 261. Термином «фондосоставитель» в докладе Князева заменен термин «фондособиратель», фигурировавший в прежней редакции ленинградского определения.

⁶⁷ Протоколы I съезда архивных деятелей РСФСР, с. 257.

⁶⁸ Там же, с. 258. Упрощенное понимание соотношения архивной практики и науки, согласно которому для выработки понятий достаточно суммировать известные эмпирические факты, было свойственно многим. Московский архивист В. В. Шереметевский предлагал называть архивным фондом «совокупность единиц хранения, объединенных особым общим заглавием, соответствующим его индивидуальному характеру, и особой частной нумерацией единиц». Он давал следующую типологию фондов: 1) фонды естественные, явившиеся продуктом деятельности учреждения (или его отдела), могущие включать также документы, официально присоединенные к ним в период функционирования учреждения; 2) фонды искусственные двух видов: а) в которых, помимо ядра документов данного учреждения, имеются документы других учреждений, присоединенные «по недосмотру или своеобразному пониманию пользы службы» или вследствие случайных причин; б) в которых собраны документы разного происхождения, но общего содержания (*Шереметевский В.* Несколько замечаний по поводу ленинградского проекта архивной терминологии. — АД, 1925, вып. 2, с. 56—57). Нельзя не видеть, что это не только уточнение определения Андреева — Князева, но и четкая собственная позиция.

⁶⁹ Протоколы I съезда архивных деятелей РСФСР, с. 261. Как отмечалось, Князев это же говорил на одном из предварительных обсуждений вопроса в 1923 г.

ность уже существующих и вошедших в научный оборот архивных комплексов. Мысль о массовом их переформировании представлялась ленинградским архивистам неприемлемой. И они были правы, хотя последующая практика этих опасений не подтвердила (как правило, старые коллекции не расфондировались). Но на съезде речь шла в первую очередь о теоретическом решении: что считать собственно «фондом» и что таковым считать нельзя.

К сожалению, прения по вопросам терминологии были в некоторой степени приглушены выступлением руководителя Центрархива РСФСР М. Н. Покровского, направленным против организации высшего архивоведческого образования⁷⁰. «В старое время, — говорил он, — в высших учебных заведениях любили теории всякого рода. Так, например, теорию кооперации, теорию архивоведения, теорию музееведения и т. д. . . Эти разговоры о теориях есть отражение старой приверженности к книге, а жизнь сейчас нас от книги влечет и страстно тащит к практической работе»⁷¹.

На заседании архивно-технической секции, где рассматривались проблемы терминологии, этот взгляд был поддержан заместителем заведующего Центрархивом В. В. Максаковым. «Голые формулы практикам архивного дела мало что дадут», — сказал он. Создание терминологии не кабинетная работа, и ее настоящие результаты появятся только тогда, «когда будет услышан голос работников-практиков»⁷². Призывая подойти к решению вопроса таким же образом, как Третьяков, Максаков не учитывал, по-видимому, следующего обстоятельства: плодотворна научная ориентация не на всякую практику, а архивная практика того времени была противоречивой, теоретически не осмысленной, не освещенной научными представлениями о закономерностях фондообразования. Чтобы критерий практики действовал безошибочно, «необходимо *соединение познания и практики*»⁷³. Так и произошло с московской дефиницией, которая полностью доказала свою жизненность в результате широкого применения в советских архивах.

Однако на съезде 1925 г. позиция руководителей Центрархива РСФСР поставила авторов московского проекта в сложное положение. В заключительном выступлении Анфилова прозвучали компромиссные ноты, терминологическая работа была охарактеризована как «дело практическое, а отнюдь не научно-теоретическое». Анфилов отстаивал свои взгляды, насколько позволяла обстановка, одновременно правильно подчеркивая мысль о том, что, помимо «фонда», совершенно необходимо определить и такие понятия, как «коллекция архивного материала», «собрание» и др. Он сумел достаточно просто объяснить, что учетной единицей может стать не только фонд как «естественное образование», но и коллекция, собрание и др.⁷⁴ Это снимало апелляции к фактическому состоянию архивов.

Съезд признал «практически приемлемыми» определения, предложенные терминологической комиссией Центрархива РСФСР, но «при существующей неоформленности архивных понятий» не счел их окончательно установленными. Было признано необходимым дальнейшее уточнение терминологии с привлечением «архивистов с мест»⁷⁵. Терминологическая комиссия продолжала действовать еще несколько месяцев в более широком составе, но без представителей периферии. Это понятно: в республиках и губерниях РСФСР не было архивистов, подготовленных к теоретическим занятиям. Ленинградские архивисты, за исключением Вишневого, участия в работе не принимали.

Комиссия сняла из определения фонда слово «органически», поскольку было сочтено, что выражение «органически отложившийся» неясное, уво-

⁷⁰ Позже, как известно, М. Н. Покровский изменил свое мнение и содействовал открытию в 1930 г. Института архивоведения (затем — Историко-архивный институт).

⁷¹ Протоколы I съезда архивных деятелей РСФСР, с. 236—237.

⁷² Там же, с. 258—259.

⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 198.

⁷⁴ Протоколы I съезда архивных деятелей РСФСР, с. 261—264.

⁷⁵ Там же, с. 306.

дит в область биологии и допускает «неподходящее истолкование»⁷⁶. Понятие «органическое», распространенное в архивоведении конца XIX и начала XX в., вытекало из классического позитивизма, который привлекал понятия естественных наук, в том числе биологии, для истолкования социального развития и его форм. Исключение термина «органически» из определения фонда было вызвано, по-видимому, стремлением размежеваться с буржуазным архивоведением, в частности с голландскими авторами, сравнивавшими фонд с живым организмом, и в какой-то мере отражало влияние марксистской литературы, активно выступавшей в 1920-х годах против позитивистской социологии и неокантианства⁷⁷.

Правда, в «московской формуле» выражение «органически отложившийся» по существу явилось синонимом слов «естественноисторически отложившееся» и вполне соответствовало марксистскому пониманию изучаемых исторической наукой социальных институтов как «органических систем». Ведь качество «органического» передается и архивным фондам, возникшим в деятельности этих институтов. Архивоведение и после 1925 г. трактовало фонд как органически сложившуюся совокупность дел. Но именно в 1925 г. вопрос приобрел особую остроту в связи со статьей В. И. Веретенникова, где понятие органического единства фонда трактовалось в субъективно-идеалистическом духе⁷⁸.

11 сентября 1925 г. комиссия (в составе Б. И. Анфилова, М. С. Вишневого, И. А. Голубцова, В. А. Домбровского, В. В. Шереметевского и В. А. Смысловской) приняла определение: «Архивным фондом учреждения или лица называется вся совокупность архивного материала, отложившаяся у этого учреждения или лица в процессе их деятельности»⁷⁹. 6 октября определение было утверждено вместе с принятыми ранее определениями «архивная коллекция», «серия», «архивный разряд» и некоторыми другими.

Коллекция определялась как «собрание принадлежащего разным фондам архивного материала, объединенное общим названием». Здесь выделено основное качество коллекции, но нет признака, объединяющего ее. «Общее название» таковым может служить не всегда. Кроме того, «коллекция» в определении отождествлялась с «собранием», что также неверно⁸⁰. Тем не менее это был важный момент теоретического размежевания «исторического» и «логического» оснований в архивной классификации.

«Серией архивных единиц хранения» была признана «группа однородных по формальному признаку единиц, принадлежащих к одному фонду и вносимых в опись в последовательном порядке», а «архивным разрядом» — «всякая особо именуемая и вносимая в отдельную архивную инвентарную опись часть хранимого в архиве материала (будет ли то один или несколько фондов, архивная коллекция или доля фонда и коллекции)»⁸¹. «Серия» и «архивный разряд» — понятия, не привившиеся в советском архивоведении. На понятии «архивный разряд» особенно настаивал Голубцов⁸². Но это понятие излишне, поскольку не должно быть единиц учета и описей, охватывающих несколько фондов. Кроме того, «раз-

⁷⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 931, л. 113.

⁷⁷ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966, т. 4, с. 138—165; Барз М. А. Вопросы метода в современной буржуазной историографии. — ВИ, 1972, № 9, с. 65.

⁷⁸ Веретенников В. Уваги в досвіді по архівному будівництву. — Архівна справа, 1925, № 1. Три года спустя Голубцов подверг эту концепцию резкой критике, впрочем не касаясь ее методологических основ. Голубцов И. Рец. на кн.: Романовський В. Нариси з архівознавства: Історія архівної справи на Україні та принципи порядкування в архівах. Харків, 1927. — АД, 1928, № 3 (16), с. 99—100.

⁷⁹ ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 930, л. 16.

⁸⁰ Автократов В. Н. О разработке типологии фондов, коллекций и других документальных комплексов, хранящихся в государственных архивах. — ТВНИИДАД. М., 1974, т. 5, ч. 2.

⁸¹ ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 930, л. 19, 21, 26—26 об.

⁸² Там же, д. 931, л. 112—112 об.

рядами» в некоторых архивах традиционно назывались тематические коллекции. Напротив, отказаться от понятия «серия» в указанном значении не было объективных оснований, поскольку при систематизации дел обычно выделяются группы однородных по какому-то признаку (например, номинальному), т. е. понятие «серия» используется в скрытом виде.

«Московская формула» стояла выше современных ей западноевропейских определений, например Х. Дженкинсона и П. Ф. Фурнье⁸³. Через десять лет ее признал и Князев. «Позиция москвичей, — писал он, — была правильной», поскольку «слишком широкое понимание термина „архивный фонд“ могло внести большую путаницу в учет и классификацию архивного материала», а это привело бы к тому, что материалы многих фондообразователей оказались бы «вовсе не выявленными и не учтенными»⁸⁴. Думается, дело не столько в излишней широте понятия, сколько в необходимости его однозначности, точности и строгости. Всякое вводимое понятие должно обладать этими качествами и соответствовать реальным процессам (в данном случае фондообразованию), приводящим к определенному результату (здесь — к образованию фонда).

Несмотря на все расхождения, нельзя не видеть определенной близости «московской формулы» к той части ленинградской дефиниции, в которой Андреев и Князев характеризовали фонды типа «а», являвшиеся результатом деятельности учреждения или лица, т. е. собственно «архивные фонды». Но Анфилов резко изменил смысловой акцент: фонд не просто совокупность архивного материала, возникающая в результате деятельности учреждения или лица, а совокупность материала, отложившаяся в процессе деятельности («производственный принцип»). Это устраняло возможные в то время разночтения, поскольку при определенной заданности мышления «результат» мог пониматься и как итог собирания учреждением или лицом документов, не связанных происхождением с собственно процессом деятельности. Кроме того, Анфилов отказался от названных Андреевым и Князевым признаков фонда — целостности, обособленности, общего наименования (видимо, потому, что они вторичные, вытекающие из единого процесса деятельности) и от требования общей нумерации дел фонда. (В фонде возможно столько параллельных нумераций, сколько в нем опи-сей).

⁸³ Английское определение понятия «фонд» опиралось на приведенную выше голландскую трактовку, но представляло ее не в лучшем варианте. Английский «фонд» — это архивные материалы, явившиеся результатом деятельности какой-либо администрации, выступавшей как полное органическое целое и обладающей самостоятельностью (дословно: «...способной действовать независимо, без добавления полномочий или внешних авторитетов») в любой отрасли деятельности, которая официально была поручена ей». Разъяснялось, что не имеет значения численный состав администрации («состоит ли она из одного человека или из 20»), а также создана она «законодательным актом или выросла просто в результате сложившихся обстоятельств» (*Jenkinson H. A Manual of archive administration: Including the problems of war archives and archive — making. Oxford, 1922, p. 84*). В английских архивах более употребителен термин «архивная группа», практически идентичный термину «фонд» (*Ibid.*, p. 82—85). Определение Фурнье выросло из классической французской архивистики XIX в.: «Архивный фонд есть совокупность всякого рода документов и бумаг, могущих в какой-либо степени касаться прав и истории учреждения, семейства или отдельного лица и собранных этим учреждением, этим семейством или этим лицом в течение его существования для отправления его службы или для его нужд (дел). Документы архивного фонда находятся в естественной связи друг с другом и с тем учреждением, семейством или отдельным лицом, которым они принадлежали и от которых они происходят. . .». Именно этой естественной связью документов фонд отличается от коллекции документов, различных по происхождению и находящихся «в искусственной связи, произвольно установленной фантазией коллекционера» (*Фурнье П. Ф. Указ. соч.*, с. 3—4). В обоих определениях содержание понятия не освобождено от административно-правовой оболочки, не обладает необходимой архивоведческой самостоятельностью.

⁸⁴ *Князев Г. А. Теория и техника архивного дела: (Опыт систематического руководства)*. Л., 1935, с. 15. Принял Князев и понятие архивной коллекции: «Различие между фондом и разрядом (коллекцией) не всегда осуществляется на практике, и в некоторых архивах, особенно в учрежденческих, не отдают себе точного отчета, что такое архивный фонд» (Там же, с. 16).

Но терминологическую работу ленинградских архивистов нельзя недооценивать⁸⁵. Они начали ее раньше других и исследовали содержание ряда важных понятий: «архив», «архивный материал», «единица хранения» и др. Самой большой их заслугой было обогащение теории архивоведения понятием «фондообразователь». По свидетельству А. И. Лебедева (последнего председателя Общества РАД), этот термин предложил Г. С. Габаев⁸⁶. К сожалению, заслуга Габаева осталась незамеченной⁸⁷.

Московские архивисты термином «фондообразователь» тогда не воспользовались, не увидели скрытого в нем теоретического содержания. Возможно, они увидели в нем лишь вспомогательное звено отрицаемой ими концепции. К этому были основания: наряду с термином «фондообразователь» у Князева и Андреева фигурировал термин «фондосбиратель» (или «фондосоставитель»), не переживший 1920-х годов. В целом же разработка двух концепций послужила стимулом развития научной мысли, поисков «практичной теории». В частности, понятие «коллекция» было принято, чтобы обозначить и охарактеризовать реальные группы архивного материала, не подходившие под теоретический статус фонда, но настойчиво указанные ленинградцами.

1925 год явился для архивоведения переломным моментом: термин «фонд» стал научным понятием. Когда Анфилов и говорил на съезде, что понятие «фонд» — пока еще «неоформившаяся идея», это была с его стороны некоторая страховка. В действительности «московская формула» вскрыла объективное содержание категории «фонд», ставшей важнейшей теоретической единицей архивоведения и основанием для классификации архивных документов.

Как показывают рассмотренные документы Центрархива РСФСР, автором формулировки был Анфилов⁸⁸, сумевший отстоять ее в полемике с талантливыми учеными, сторонниками другого обоснования. Конечно, ему помогли Боговльенский, Голубцов и Сергеев, а решения принимались коллегиально. Благоприятной в целом была объективная обстановка для теоретической работы. Она развивалась в условиях широко развернувшейся практической деятельности по созданию и освоению ЕГАФ, сопровождавшейся рядом научных конференций и разработкой лекционных курсов и методических пособий⁸⁹.

⁸⁵ Не все ленинградские архивисты безоговорочно разделяли взгляды А. И. Андреева и Г. А. Князева на понятие «фонд». Колебался, как отмечалось, А. С. Николаев. Осторожно высказывался С. Н. Валк. Имея в виду известную коллекцию Грамот Коллегии экономики, он заметил, что строгий архивист отказался бы назвать ее «фондом» (*Валк С.* Сборник Грамот Коллегии экономики: (Историографический обзор). — Борьба классов, 1924, № 1/2, с. 240). Андреев же считал эти грамоты фондом (ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 219, л. 93 об.).

⁸⁶ ЦГАОР СССР, ф. 7789-Р, оп. 1, д. 1, л. 210 об.

⁸⁷ Георгий Соломонович Габаев (1877—1956) известен до революции работами по истории инженерных войск (Военная энциклопедия. СПб., 1912, т. 7, с. 129; Новый энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., Б./г., т. 12, стб. 287). С 1918 г. работал в Военном отделении III секции ЕГАФ, в 1921 г. вошел в научно-техническую комиссию Петроградского отделения Главархива, участвовал в собраниях кружка им. Лаппо-Данилевского (ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 219, л. 33, 101), затем работал в ленинградских музеях, печатался в советских изданиях (*Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. — В кн.: Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1929), в журналах «Музей» (1924), «Военно-исторический журнал» (1940), «Искусство» (1954) и др. Вопрос о том, как Габаев пришел к понятию «фондообразователь», требует отдельного изучения.

⁸⁸ Борис Иоасафович Анфилов (1882—1941) по первому призванию был военным. Участник русско-японской войны (тяжело ранен) и первой мировой. В 1911 г. окончил юридический факультет Московского университета. С начала 1920-х годов — сотрудник Главархива РСФСР. Анфилов оставил работу в 1939 г. (последствия ранения), не дослужив до пенсионного возраста. В 1960-х годах выяснилось, что в ряде его статей предвосхищены важные положения осуществленной в это время перестройки комплектования государственных архивов (*Елпатьевский А. В., Коленикина Т. Г., Цаплин В. В.* Научные основы экспертизы ценности документальных материалов советской эпохи и комплектование ими государственных архивов. — В кн.: Труды Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1966, т. 1, с. 38).

⁸⁹ *Максаков В. В.* История и организация архивного дела в СССР, 1917—1945 гг. М., 1969, с. 126—127 и др.

Вместе с тем обращает на себя внимание сдержанность, проявленная руководством Центрархива РСФСР к одобрению съездом определений московской комиссии. В обзоре работы съезда, написанном заведующим орготделом Центрархива, содержание дискуссии не раскрывалось, но говорилось, что терминология нуждается в уточнении⁹⁰. Когда же уточнения были внесены, новая редакция определений не стала нормой. Широкий круг архивистов знал определения 1925 г. только по протоколам съезда, где они приведены не все⁹¹. Это осложняло положение практических работников, особенно периферийных, отмечавших, что «если до Первого съезда разногласия в определении терминов были между ленинградскими и московскими архивистами, то в дальнейшем они наблюдаются уже в недрах самого Центрального архивного управления»⁹².

Видимо, по этой причине не была опубликована статья С. К. Богоявленского «Архивный фонд», написанная в развитие дискуссии на съезде. Московское определение автор считал лучшим из предложенных. Он выступал за незыблемость принципа неделимости фонда, против группировки «в одно целое» документов разных фондов, какими бы конкретными практическими соображениями это ни вызывалось. Ученый продолжал критику ленинградского определения, особенно за то, что оно «легализировало» формирование групп архивного материала по сознательно избранным признакам и называло их фондами⁹³.

Все же достоинства московского определения были настолько явными, что в 1929 г. оно вошло, хотя и в измененной редакции, в «Положение об архивном управлении РСФСР», утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР, получив таким образом нормативное значение. «Архивным фондом является группа архивных материалов, объединяющая в себе все архивные материалы, отложившиеся в деятельности определенного учреждения или лица»⁹⁴. Сохраняя в основе прежнюю семантику, это определение проигрывало в стилистике. Но нельзя не заметить также изменения его логического строя. Если дефиниция 1925 г. была номинативной, т. е. стремилась объяснить значение термина («архивным фондом называ-

⁹⁰ Константинов М. Съезд архивных деятелей РСФСР, 14—19 марта 1925 г. — АД, 1925, вып. 3/4, с. 47. Максаков в своей книге, написанной много лет спустя, посвятил архивному съезду 1925 г. несколько страниц, но о терминологических докладах ограничился замечанием, что они были интересными (Максаков В. В. Указ. соч., с. 176).

⁹¹ Протоколы I съезда архивных деятелей РСФСР, с. 250—255. Вторая редакция определения «фонд» воспроизведена Я. Н. Ждановичем (Жданович Я., Любавский М. Указ. соч., с. 57).

⁹² Матвеев И. Справочник архивного работника. — Нижегород. арх., 1931, № 2/3, с. 188. Справочник включал, в частности, 16 наиболее употребляемых терминов, выбранных из разных инструктивно-рекомендательных материалов по архивному делу и протоколов I съезда архивных деятелей (Там же, с. 190—192). У некоторых провинциальных архивистов сложилось мнение, что решение съезда о доработке терминов осталось невыполненным: «Это дело почему-то задержалось и еще не окончено до сих пор» (Богородский Н. Архивная терминология: Словарь названий, употребляющихся в архивной практике и в работе с архивными материалами. — В кн.: Материалы Архивного управления Западной области. Смоленск, 1935, с. 32. Словарь Богородского доведен до термина «Боны»).

⁹³ ААН, ф. 553 (С. К. Богоявленский), оп. 1, д. 31, л. 1—3. См. также: Станиславский А. Л. Личный фонд С. К. Богоявленского в Архиве АН СССР. — АЕ за 1972 год. М., 1974, с. 284.

⁹⁴ Положение об архивном управлении РСФСР. — АД, 1929, вып. 1 (18), с. 58; Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 — июнь 1941 г.). М., 1961, с. 37. Основным автором Положения был Анфилов. Под «архивным управлением» в наименовании Положения понимался не орган управления, а сфера деятельности. Высокий статус Положения не остановил противников закрепленного в нем определения фонда. На архивных курсах ЦАУ РСФСР 1930 г. излагался другой вариант, где к «московской формуле» присоединялась часть ленинградской дефиниции: «Архивным фондом называется совокупность архивных материалов, относящихся к деятельности учреждения, организации, предприятия, общества и т. п. или лица, объединенных под общим названием и имеющих самостоятельную для данного объединения нумерацию» (ЦГАОР СССР, ф. 5325-Р, оп. 9, д. 2164, л. 13). Эта версия не оставила следа в архивоведении.

ется. . .»), то новая дефиниция относилась к числу «реальных», обращающих внимание на объективные признаки предмета («архивным фондом является. . .»), что, по-видимому, преследовало цель повысить теоретический уровень понятия⁹⁵.

Методология науки рассматривает вопросы формирования и совершенствования понятийного аппарата как важнейший фактор развития теории. 1920-е годы были весьма плодотворным и неповторимым временем советского архивоведения, когда в острых, теоретически интересных и практически важных спорах талантливых ученых оно закладывалось как фактически новая научная дисциплина. Одним из высших достижений этих лет стала разработка дефиниции архивного фонда. Тогда же было выдвинуто неизвестное ранее понятие «фондообразователь». В результате укрепился историзм в теоретических построениях архивоведения, что оказало решающее влияние на совершенствование практики фондирования документов.

---

⁹⁵ Уточнившая это определение формулировка 1939 г. вернулась к номинативному типу: «Фондом называется совокупность архивных материалов, отложившихся в процессе деятельности определенного учреждения, предприятия, воинской части, общественной организации или их организационно и оперативно обособленных частей. Материалы, отложившиеся в результате деятельности отдельного лица, также признаются самостоятельным фондом» (Правила определения архивного фонда. — АД, 1939, № 3 (51), с. 140; Сборник руководящих материалов по архивному делу. . . , с. 163).

С. В. Чирков

К ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ПРАВИЛ ИЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В НАЧАЛЕ XX В.

История нормативно-археографической деятельности научных учреждений дореволюционной России привлекала внимание авторов специальных обзоров литературы по данной проблематике¹, исследовательских трудов², учебных пособий³. До сих пор, однако, не имеется достаточно полной истории разработки правил издания в начале XX в.; не проводилось сопоставления правил, созданных в различных научных учреждениях. Привлечение архивных материалов некоторых из этих учреждений (Археографической комиссии, МАМЮ и др.) позволяет более основательно изучить процесс возникновения правил издания, их изменения в связи с нуждами издательской практики и роль правил в этой практике. В настоящей статье рассматривается нормативная деятельность научных учреждений России в связи с изданием источников отечественной истории.

К началу XX в. русская археография имела как большой фонд осуществленных изданий источников и в связи с этим большой опыт методики издания, так и выработанные в разное время правила издания исторических источников. Появление таких правил относится еще к XVIII в. (приписываемые Н. И. Новикову высказывания в «Санкт-Петербургских ученых ведомостях» от 27 января 1777 г.). В 1830-х годах возникли «Правила для руководства Археографической комиссии»; в 1860—1870-х годах они были пересмотрены применительно к изданию летописей (в этом участвовали фактически все крупнейшие историки и филологи тогдашней России) и актов (при издании А. Ф. Бычковым «Донских дел» и др.). В большинстве случаев, однако, русские археографы не руководствовались при издании какими-либо официально утвержденными правилами. Особенно в конце XIX в. они гораздо чаще основывались на выработавшейся в науке традиции, брали за образец предшествовавшие публикации однотипного материала, внося и свои изменения в приемы издания. В редакционных предисловиях к публикациям оговаривались их приемы. «Культура правил», казалось, была вытеснена из археографии «культурой обычая».

На рубеже XIX и XX столетий в данной области наметился перелом, связанный в первую очередь с новым систематическим характером публикации источников, с появлением большого числа серийных изданий, включавших целые архивы и коллекции документов или разновидности памятников литературных, а также с распространением коллективной археографической работы. Серийные издания, требовавшие весьма длительной подготовки, должны были быть связаны единством эдичионных приемов, а работавший над изданием научный коллектив нуждался в единой методике. Поэтому крупные издательские планы, родившиеся в первые годы XX в., зачастую сопровождались формулировкой правил-инструкций. От них ученые шли к созданию правил публикации источников определенного вида, а затем в некоторых случаях и к более широкому обобщению археографических норм.

¹ Андреев А. И. О правилах издания исторических текстов. — АД, 1926, вып. 5/6, 7; Батаева Т. В. и др. Разработка правил публикации документов в дореволюционной и советской археографии. — ТМГИАИ, 1972, т. 29.

² Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948.

³ Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России. М., 1969; Эпштейн Д. М. История археографии дореволюционной России: Период капитализма. М., 1979.

Разработка правил издания летописных текстов, насколько удастся проследить по имеющимся данным, была сосредоточена в стенах крупнейшего до революции археографического учреждения России — Петербургской археографической комиссии. Начавший здесь работать в 1900 г. А. А. Шахматов уже в своей первой издательской программе наметил некоторые приемы передачи текста Ипатьевской летописи, высказавшись за дипломатические приемы передачи оригинала. Комиссия в этом случае ограничилась определением печатать летописи «сходно по орфографии» с издаваемой рукописью⁴. Эдиционные приемы Шахматова не сразу, однако сложились в готовую систему; имеются следы их эволюции. Так, на заседании Комиссии 5 мая 1901 г. ученый представил четыре образца набора одной и той же страницы XVII в. ПСРЛ (Западнорусские летописи). Образцы имели отличия в размещении текста на поле листа, в приемах передачи текста⁵. Видимо, тогда же наметилось резкое различие в способах передачи древнейшего текста (Ипатьевской летописи) и более позднего (Западнорусских летописей).

Нужда в унификации эдиционных приемов при издании летописей постоянно ощущалась сотрудниками комиссии, работавшими по подготовке очередных томов ПСРЛ. Так, на редакционном совещании 30 апреля 1904 г. редакторы XX и XVIII т. ПСРЛ С. А. Адрианов и А. Е. Пресняков просили указаний по приемам издания⁶, а 21 января 1905 г. В. Г. Дружинин представил записку об отсутствии точных правил издания для руководства редакторов⁷. Указания, дававшиеся редакторам на разных заседаниях комиссии, не всегда совпадали: варьировалось даже число столбцов на листе издания, пока наконец не было решено печатать текст в один столбец⁸.

За дело выработки правил издания летописей, требовавшее участия наиболее авторитетных специалистов в области текстологии летописания, взялся А. А. Шахматов, в ходе подготовки двух томов ПСРЛ (II и XVII), издания Радзивилловского списка в ОЛДП приобретший солидную методическую подготовку. Редакционному совещанию 1 марта 1905 г. Шахматов представил проект правил для издания летописей⁹, решено было его отпечатать и разослать на заключение членам и сотрудникам комиссии. Проект был размножен литографским путем, но не опубликован и не утвержден. В январе 1906 г. Шахматов возвратился к этому проекту и, по-видимому, с учетом его обсуждения составил новую редакцию проекта (рукопись ее сохранилась, хотя и не в фонде комиссии¹⁰). После нового обсуждения проект «Правил для издания летописных текстов» вошел в сводный проект под названием «Правила для изданий имп. Археографической комиссии», о котором придется еще говорить. Хотя официально проект и не был утвержден, редакторы ПСРЛ, по-видимому, использовали его в работе: вопросы о приемах передачи текста стали реже обсуждаться на заседаниях комиссии.

Издание актов источников приобрело в связи с пристальным вниманием к экономической истории в русской историографии начала XX в. сравнительно широкий размах. Помимо Археографической комиссии, издания актового материала осуществляли Академия наук, некоторые архивы, научные общества, ученые архивные комиссии и т. д. Не все эти организации, конечно, занимались выработкой правил издания актов. Наиболее существенный вклад в это дело внесли центральные научные учреждения.

Необходимость привести в систему применявшиеся уже на практике правила издания актов в Археографической комиссии обострилась в связи

⁴ ЛЗАК за 1900 год. СПб., 1901, вып. 13, с. 25, 35—36.

⁵ ЛО ААН, ф. 133, оп. 1а, д. 20, л. 156—159.

⁶ ЛЗАК за 1904 год. СПб., 1907, вып. 17, с. 23.

⁷ ЛЗАК за 1905 год. СПб., 1907, вып. 18, с. 5.

⁸ ЛЗАК за 1904 год, с. 24.

⁹ Археографические проекты А. А. Шахматова. — АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 296—297.

¹⁰ АЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 178.

с выдвинутым в начале 1905 г. планом нового издания серии «Акты Археографической комиссии». Эта новая серия должна была включить дополненный и исправленный материал трех знаменитых изданий XIX в.: «Акты Археографической экспедиции», «Акты исторические» и «Дополнения к Актам историческим»¹¹. В. Г. Дружинин разработал и 21 января 1905 г. представил редакционному совещанию «Проект правил для отдельных изданий» комиссии. Проект был составлен им на основании тех правил, «кои были преподаны ему покойным председателем комиссии А. Ф. Бычковым при поручении издания Донских дел»¹². Так как данный проект касался актов XVII в. и не говорил об особенностях передачи текста древнейших грамот, в 1906 г. А. А. Шахматовым были составлены краткие правила и для издания этой группы актов¹³. С. А. Адрианов подготовил правила составления указателей к отдельным изданиям¹⁴. По-видимому, в 1907 г. все эти проекты были сведены вместе и типографским способом издали упоминавшийся уже проект «Правил для изданий имп. Археографической комиссии». Проект этот получил сложную структуру: он включил 16 пунктов правил издания летописных текстов, 6 пунктов правил для издания грамот до XVI в., 22 пункта правил издания актов и 9 пунктов, касающихся составления указателей к изданиям¹⁵. Таким образом, в деятельности Археографической комиссии идея всеобъемлющих правил издания получила наиболее последовательное воплощение. Явственно намечается здесь переход от «культуры обычая» к «культуре правил».

Однако еще раньше началась работа над составлением правил издания актов в Академии наук, где протекала многогранная научная работа А. С. Лаппо-Данилевского. Так же как и в случае с правилами издания летописей, разработка новых правил была связана с предпринятым Академией наук по предложению А. С. Лаппо-Данилевского новым изданием — фонда грамот Коллегии экономии. Первый набросок правил издания грамот был подготовлен А. С. Лаппо-Данилевским уже в 1901 г.¹⁶ Но по мере того как продвигалась работа над изданием, правила эти совершенствовались и разрабатывались все более детально. Лаппо-Данилевский тщательно изучил многочисленную зарубежную литературу по изданию актов. В работе по составлению правил под его руководством приняли участие А. И. Андреев, Н. В. Борсук, В. И. Веретенников, П. Л. Маштаков, Н. И. Сидоров.

Ко времени начала печатания «Сборника грамот Коллегии экономии» (1909 г.) основной текст правил издания был закончен, но процесс их совершенствования продолжался: в них вносились изменения и дополнения по ходу издания. Так, сохранилась корректура (третья по счету) правил, набранная 7 июня 1916 г. Она включает 192 пункта правил (в окончательный вариант вошли 240); отсутствует еще такой важный отдел, как «Рукописный фонд, подлежащий изданию»¹⁷. Уже в последние месяцы жизни А. С. Лаппо-Данилевский (умер 7 февраля 1919 г.) «предполагал подвергнуть уже готовый текст правил еще дальнейшей переработке»¹⁸. Побочным результатом такого развития текста правил, процесса, нуждающегося в осмыслении, стало некоторое несоответствие между приемами издания напечатанных в «Сборнике грамот Коллегии экономии» актов, объясняющееся разновременностью их подготовки.

В итоге усилий Лаппо-Данилевского и его сотрудников «оказался составленным труд, который далеко превзошел собою все аналогичные об-

¹¹ ЛЗАК за 1905 год, с. 20.

¹² Там же, с. 5, 10—13.

¹³ АЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 178.

¹⁴ ЛЗАК за 1905 год, с. 5, 13—14.

¹⁵ ЛО ААН, ф. 133, оп. 1, д. 1232, л. 35—37.

¹⁶ Протоколы Общего собрания Академии наук. СПб., 1901, § 73.

¹⁷ АЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 178.

¹⁸ Андреев А. И. Предисловие. — В кн.: Правила издания Сборника грамот Коллегии экономии. Пг., 1922, с. I—II.

разцы правил издания документов; труд, значение которого для разрешения некоторых общих вопросов археографии далеко выходит за узкие прикладные рамки установления правил издания одного совсем особого фонда»¹⁹.

Как отметил С. Н. Валк, многие статьи упомянутых правил имели значение для всякого издания исторических документов, а не только для издания древнерусских актов. Тем не менее, задумав около 1906 г. проект издания «Памятников русского законодательства», Лаппо-Данилевский немедленно стал разрабатывать и проект правил издания. Проект этот сохранился в архиве²⁰, а так как издание не осуществилось, то и представляет интерес главным образом для характеристики эволюции издательской методики Лаппо-Данилевского.

В связи с изданием обширного фонда грамот Коллегии экономии возникли, как показывают архивные документы, и правила публикации документов в Московском архиве Министерства юстиции. Как известно, данный фонд начал разрабатываться С. А. Шумаковым еще до обращения к нему Лаппо-Данилевского. Когда издание фонда взяла в свои руки Академия наук, Шумаков принял в этом деле участие²¹. Однако длительная подготовка первого тома «Сборника» подтолкнула архивистов МАМЮ на самостоятельные шаги по изданию грамот Коллегии экономии. В январе 1912 г. Д. В. Цветаев уведомил неперменного секретаря Академии, что персонал архива по новому штату увеличен и «сумма, ежегодно отпускаемая на печатание архивных изданий, увеличена втрое против прежней», почему и предположено «издание актов архивного отдела, известных под названием „Грамоты Коллегии экономии“... на первых порах тех, которые относятся к уездам Центральной России»²². В связи с таким намерением в МАМЮ приступили в том же году к разработке планов издания. Уже 20 января свой проект представил С. А. Шумаков²³. В его обсуждении приняли участие Н. Н. Ардашев, Н. Н. Чулков, С. К. Шамбинаго. Другой проект составил С. Б. Веселовский²⁴. Правила издания вошли в указанные проекты в качестве составных частей. Н. Н. Ардашев в отдельной записке разработал вопрос о транскрипции рукописей XVII в.²⁵ Позднее он развил эту тему в докладе на заседании секции дипломатики археологического съезда Московского археологического института²⁶. Однако издание грамот Коллегии экономии в МАМЮ не состоялось. Уже 23 февраля Д. В. Цветаев писал С. Ф. Ольденбургу, что «во устранение всяких недоразумений и конфликтов, нежелательных в ученом мире», он отказывается от работы, «которая вызывала бы более чем недружелюбное отношение» со стороны Академии наук²⁷. Коллектив ученых, сформировавшийся в МАМЮ, перешел к другим издательским предприятиям, в частности к изданию «Сборника МАМЮ». К первому выпуску этого «Сборника» и были приложены «Правила для переписки и издания документов», датированные 1912 г.²⁸ Любопытно, что в ЦГАДА хранится два издания правил идентичного содержания. Одно из них, большого формата, именуется, как сказано: «Правила. . .». Второе, малого формата, имеет заголовок: «Извлечение из правил для переписки и издания документов»²⁹. Естественно было бы найти и полный текст правил; однако таковой от-

¹⁹ Валк С. Н. Советская археография, с. 44.

²⁰ АЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 178.

²¹ Колпаев А. И. Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка. — ВИД, Л., 1978, т. 9, с. 81—89.

²² ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 807, л. 1.

²³ Там же, д. 6298, л. 19—32.

²⁴ Там же, л. 40—45.

²⁵ Там же, д. 6277.

²⁶ Отчет о состоянии Московского археологического института в 1912—1913 ак. г. М., 1914, с. 109—110.

²⁷ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 807, л. 6 об.

²⁸ Там же, д. 6272. Перепечатаны в кн.: Хрестоматия по археографии. М., 1956, с. 164—165.

²⁹ ЦГАДА, ф. 337, оп. 1, д. 6272, л. 2—6; д. 9932.

сутствует, а к указанным «Извлечениям» приложено машинописное «Дополнение к правилам для переписки и издания документов».

Из письма Д. В. Цветаева к С. А. Шумакову видно, что указанные документы были составлены к ноябрю 1912 г.³⁰ Отсюда ясно, что они и явились результатом той работы по составлению правил издания, которая была предпринята в связи с проектом публикации грамот Коллегии экономики.

Таким образом, первые десятилетия XX в. отмечены появлением значительного количества правил издания исторических источников. Правила эти появились в разных научных учреждениях и в результате различных конкретных издательских предприятий. Рассмотрим перечисленные правила и их проекты, чтобы выяснить, имеют ли они общие черты и чем обусловлены эти общие черты и особенности правил.

Весьма существенный вопрос о выявлении и отборе источников для публикации обычно не отражался в проектах правил. Исключение составляют «Правила издания Сборника грамот Коллегии экономики», содержащие 1-й раздел — «Рукописный фонд, подлежащий изданию». Как мы видели, данный раздел был включен в состав правил уже на одном из последних этапов их редактирования. Можно полагать, что основным стимулом помещения такого раздела в правилах стала для Лаппо-Данилевского сложность определения действительного состава фонда грамот Коллегии экономики: к началу XX в. этот первоначально единый фонд был разбросан по нескольким хранилищам, и требовалась, по существу, его научная реконструкция для определения всей суммы материала, подлежащего публикации. Характерно, что сходную тему определения состава документов в издании находим и в проекте Шумакова. В отличие от Лаппо-Данилевского Шумаков считал возможным ограничиться тем материалом, который лежит в МАМЮ, и предупреждал, что грамот Коллегии экономики из других хранилищ «архивное издание, чтобы не усложнять дела, трогать не будет». Можно поэтому связать появление раздела, определяющего круг издаваемых источников, с потребностями издания известного архивного комплекса и предположить, что в более общих правилах издания для такого раздела места не найдется. Тем не менее придется отметить, что рассмотрение вопросов установления состава издания Лаппо-Данилевским оказалось значительным новшеством и тем примером, которому последовали составители правил издания уже в советское время. В необходимости введения в правила такого рода сведений, наметившейся уже в начале XX в., убеждают следующие данные.

При обсуждении проектов издания актового материала в Археографической комиссии в 1901 г. Лаппо-Данилевский «заметил о том, что желательно было бы выработать план будущих изданий Комиссии по части документальной, в котором точнее было бы указано относительное значение разнообразных групп документов, а следовательно, и той последовательности, в какой должно приступить к их изданию; в противном случае случайные заявления о важности какой-либо отдельной группы документов не могут быть оценены по достоинству»³¹. В 1904 г. новое Положение об Археографической комиссии установило, что комиссия «имеет целью научное описание и систематическое издание источников отечественной истории и памятников юридических и литературных до первой четверти XVIII в. включительно». В докладе В. Г. Дружинина в том же году подчеркивалось, что комиссия обязана «обратить особенное внимание на то, что вменено ей в руководство, а именно — издание памятников должно быть систематическое. Является поэтому необходимостью выработать план издания материалов, который, будучи приведен в исполнение, сообщил бы последующим изданиям Комиссии характер систематического издания материалов»³². Уже в следующем году Павлов-Сильван-

³⁰ Там же, д. 6272, л. 1.

³¹ ЛЗАК за 1901 год. СПб., 1902, вып. 14, с. 6.

³² ЛЗАК за 1904 год, с. 6—7.

ский предложил проект нового издания актов, где так говорил о принципах отбора источников для этого издания: «Приступать к обширной новой работе по старому плану выбора важнейших актов в наше время нет оснований потому, что мы ведем дело издания актов по другому плану — обширными полными коллекциями документов различных учреждений. Это дело, несомненно, более удовлетворяет потребностям науки. Следовало бы только вести его планомерно, заранее наметив подлежащие изданию коллекции и постепенность издания их соответственно их важности. . . У нас нередки обширные, дорогостоящие издания источников, остающиеся совершенно вне научного оборота, потому что они не отвечают очередным запросам исследователей. Издания памятников, касающихся придворной истории или политических сношений, естественно, ждут долго научной разработки в наше время, когда интересы большинства исследователей направлены на область внутренней истории»³³.

Таким образом, именно систематический характер публикации актового материала, в свою очередь обусловленный глубокими закономерностями развития отечественной науки, выводил на первый план потребность определения и разработки вопросов состава издания в актовых публикациях. Несомненно, навстречу такой необходимости шла Археологическая комиссия, когда она внесла в раздел «Общие положения» своего проекта правил для издания актов такой пункт: «Комиссия издает группы актов, представляющих однородное целое в научном отношении; бумаги, касающиеся делопроизводства отдельных старинных учреждений, или отделы архивов по возможности полностью». Показательно, что состав источников для публикации нарративных памятников оказался куда менее разработанным по сравнению с актовым материалом. Не особенно определенное требование Шахматова издать в составе ПСРЛ «все без исключения памятники нашего летописания» никогда не было внесено в проекты правил издания, а новый издательский проект, определявший состав ПСРЛ, был предложен только М. Д. Приселковым уже в советское время³⁴. Работы по определению состава «Полного собрания сочинений русских писателей» затянулись на долгие десятилетия. Что касается законодательных источников, то Лаппо-Данилевский с присущим ему систематизмом записал в проекте «Правил издания „Памятников русского законодательства“»: «В состав издания входят памятники русского законодательства со времени обнародования Уложения 1649 г. (включительно) и до обнародования Свода законов (исключительно), т. е. до 1831 г. (включительно). Переизданию в названной серии подлежат преимущественно те узаконения, текст которых имел известную историю и нуждался в научно-критической обработке. Проекты и т. п. материалы, не получившие силы закона, должны быть принимаемы во внимание при издании, но не в качестве самостоятельных памятников, а в качестве вспомогательного материала для издания соответствующих памятников законодательства».

Можно сделать вывод, что тенденция определения правилами состава издаваемых источников наметилась главным образом применительно к изданию актов и законодательных памятников, т. е. источников, вызывавших наиболее пристальное внимание исторической науки на рубеже XIX и XX столетий, и особенно ярко проявилась в нормативно-археологической деятельности Лаппо-Данилевского.

Тесно связанный с определением состава издания вопрос об установлении текста печатаемого памятника привлекал меньшее внимание авторов правил, в первую очередь по той причине, что издатели актов сталкиваются с этим вопросом достаточно редко. Все же Лаппо-Данилевский включил в Правила издания Сборника грамот Коллегии экономии пункт (94) об издании текста грамоты по подлиннику, а за отсутствием его — по черновику или лучшему из списков. В крайнем случае текст мог перепечатываться по существующему уже изданию. В проекте же правил из-

³³ Там же, с. 34—35 отд. паг.

³⁴ Валк С. Н. Советская археология, с. 139—141.

дания «Памятников русского законодательства» Лаппо-Данилевский рассмотрел этот вопрос сравнительно подробно: «Печатание каждого памятника производится на основании рукописных его текстов, имеющих прямое отношение к печатному, причем устанавливаются основные редакции (обозначаемые буквами) и выясняются их взаимоотношения и отмечаются перемены, происшедшие в высочайше утвержденном тексте; последние могли происходить иногда при печатании его, в корректуре, что может придавать и первым изданиям их самостоятельное научное значение». И здесь же примечание: «Сверх указанного рукописного материала желательно принимать во внимание проекты, записки, мнения и проч., имеющие прямое отношение к данному памятнику, и представляется на усмотрение редактора пользоваться и другим рукописным материалом, специально оговариваясь, однако, во введении, что именно из такого материала было принято им во внимание».

Как и в других случаях, перед нами — целая исследовательская программа, выраженная в лапидарных формулах издательских правил. Осуществление же такой программы по отношению к целому ряду памятников законодательства, по большей части советской эпохи, — дело нашей современности. Показательно тем не менее появление подобных идей уже в начале XX в.

Крайне важной и острой проблема установления текста оказывалась при издании летописных источников, как и других нарративных памятников с длительной рукописной традицией. Многие работы Шахматова и его сотрудников — издателей летописей — были посвящены разработке летописной текстологии в прикладном плане обоснования выбора текста для публикации. Но, очевидно, такое исследование воспринималось как отдельная научная задача. В проектах издательских правил вопросы установления летописных текстов отражения еще не получили.

Итак, вопросы рецензии текста отнюдь не привлекли еще достаточного внимания составителей правил издания источников в начале XX в. Объяснялось это в первую очередь характером издаваемых источников, а также состоянием «модели» правил, в которой главнейшее место занимали вопросы передачи текста. Исключение составляли правила Лаппо-Данилевского, опередившие свое время в этом отношении, как и во многих других.

Центральное место в правилах издания и их проектах оставалось за вопросами передачи текста источников. Некоторые проекты правил практически сводились к этому. Так, правила, подготовленные в МАМЮ, рассматривали в своих 17 пунктах (с приложением) исключительно методы передачи текста. Предшествовавший правилам проект Шумакова делился на три части, вторая из них включала «Правила переписки актов», а третья — «Правила издания актов» (отсюда странно удвоенное название правил МАМЮ). «Правила издания» касались составления заголовков и легенд и в окончательный текст не вошли. В «Правилах переписки» излагались в первую очередь вопросы правописания, причем недостаточно последовательно, что было отмечено Ардашевым: сначала Шумаков заявлял о намерении «орфографию подлинников сохранять во всех случаях, где нет сокращений (титл) в самом тексте»; затем давал ряд отступлений от точной передачи орфографии на том основании, что «для историков и юристов безусловно точное воспроизведение оригинальных текстов излишне, да и типографию без нужды затрудняет оно»; затем из соображений экономии места рекомендовал ввести громоздкую систему сокращения часто употребляемых в источниках слов и выпускать в официальных актах XVI—XVIII вв. «межи, выписки из более ранних актов, уже помещенных в издании, и выписки из ПСЗ».

Такое вмешательство в текст вызвало нарекания коллег Шумакова. Ардашев, считая, что «следовало бы установить сначала принципы транскрипции и затем раскрыть на примерах последовательное применение их», в своей записке остановился на транскрипции рукописей XVII в. Рассматривая задачу «предоставить текст источника надлежащим об-

разом в печатном виде» как одну из задач «внешней критики» письменных источников, Ардашев видел в изменении текста рукописей при печатной передаче не только право, но и обязанность редакции. Перечислив основные отличия орфографии XVIII в. от современной, Ардашев выдвинул два основных принципа передачи текста: «1) особенности начертания упразднить и 2) особенности произношения сохранить».

Веселовский считал несомненным, что «древнейшие акты XV и XVI вв. потребуют несколько иных приемов и познаний от редактора, чем акты XVII и XVIII вв.» Остановившись на приемах передачи текста актов поздних, он также считал, что в издании, предназначенном для историков, следует применить «облегченные» правила: сохраняя фонетические особенности текста, приблизить правописание к современному, за исключением буквы ъ, употребление которой и в современном ему правописании было «очень спорным».

Явившиеся итогом этих обсуждений правила МАМЮ сформулировали в качестве «основного» положения, что «особенности в области звуков, а также в образовании форм склонения и спряжения и в построении фраз остаются без изменения; не сохраняются только особенности начертания букв». Предусмотренные изменения касались словоразделения, отмены надстрочных, вязи и лигатур, раскрытия титл, осовременивания употребления заглавных букв и синтаксических знаков. Неисправное чтение оригинала следовало приводить в сноске, а в тексте — исправленное.

Правила издания грамот Коллегии экономии весьма обстоятельно рассматривали методы передачи текста. Ими устанавливались три варианта воспроизведения текста в зависимости от хронологической принадлежности грамот: XIV—XV вв., первой половины XVI в., второй половины XVI—XVIII вв. Текст грамот первой группы «печатается буква в букву со всеми сокращениями и без добавлений», с сохранением устаревших букв, надстрочных и синтаксических знаков, с применением «древнецерковнославянского» шрифта; пропуски и искажения текста исправляются только в примечаниях. Для печатания грамот первой половины XVI в. употребляется гражданский шрифт, а для букв, не имеющих в гражданском, — «новоцерковнославянский». Вводятся прописные буквы. Печатание текста поздних грамот производится с соблюдением приемов, которые мы теперь называем научно-критическими. Раскрываются титла, вязь и другие сокращения, надстрочные буквы вводятся в строку. Лаппо-Данилевский формулировал компромиссный подход к правилам правописания: они устанавливаются современными тексту, «если они установились», и современными редакции, «если способы написания колеблются». Ошибки писцов исправляются в тексте и приводятся в примечаниях. В грамоте со значительным количеством искажений, вызванных безграмотностью писца, «исправляются при печатании только те из ошибок, которые затрудняют понимание текста». Синтаксис грамот целиком устанавливался редакцией и определялся дипломатическим составом акта.

Отдельно и весьма подробно разработаны Лаппо-Данилевским правила передачи подписей, надписей, подтверждений и скреп. (Данная проблема была разработана, хотя и с меньшей подробностью, еще только в проекте Шумакова.)

Проект правил Археографической комиссии, как сказано, разделял правила для издания грамот до XVI в. и актов XVI—XVIII вв. В отличие от правил Лаппо-Данилевского древнейшие грамоты подлежали печатанию гражданским шрифтом, дополненным устаревшими буквами и знаками. Однако должна была соблюдаться «палеографическая точность» при передаче текста (термин крайне неточный, если принять во внимание гражданский шрифт и требование опускать надстрочные знаки, а также лишь условное обозначение окончаний строк). Следует заметить, что Шахматов вообще весьма скептически относился к возможности передать внешний облик древнерусской рукописи посредством применения «церковнославянского» шрифта (точнее — распространенных в начале XX в.

так называемых синодальных шрифтов), но стал одним из первых ученых, оценивших важное значение факсимильных воспроизведений древнерусских памятников.

В правилах передачи текста позднейших актов проект Археографической комиссии выдвигал принцип, возобладавший и в других нормативных попытках рассматриваемого периода: «Акты издаются гражданским шрифтом с сохранением фонетических особенностей подлинников, но без передачи точного начертания отдельных особых букв, в них встречающихся». Однако комиссия пошла даже дальше археографов МАМЮ в прямом требовании раскрывать титла и взметы «применительно к современной орфографии», оставив, впрочем, за редакторами право «раскрывать те или другие сокращения написания применительно к языку подлинника». Знаки препинания предусматривалось ставить по-современному, а в определении системы абзацев надлежало исходить из внутренних свойств памятника. Наконец, описки в подлиннике следовало исправлять в тексте, внося неправильно написанные слова оригинала в примечания. Таким образом, правила издания грамот Коллегии экономии и проект правил издания актов Археографической комиссии оказываются очень близкими в разрешении многих основных вопросов передачи текста источников. Если же учесть, что им в основных чертах не противоречат проекты, составленные московскими археографами, то можно сделать вывод о формировании в начале XX в. некоторого общенаучного единства в принципах передачи текста исторических источников.

Вывод этот не противоречит и требованиям правил издания летописных текстов, существенно отличавшихся от правил издания актов. Первым и наиболее существенным из таких отличий было установление проектом Археографической комиссии примата обычая над правилами при издании летописных текстов, основные списки которых восходят к XIV—первой половине XV в. Правила для каждого такого издания должны были выработываться комиссией отдельно. По-видимому, здесь имелись в виду различия в требованиях к передаче текста, предъявляемых историками и лингвистами. Можно утверждать, что именно из интересов лингвистической науки исходил Шахматов, когда в проекте правил издания русских летописей устанавливал, что «Текст летописных списков до XV века включительно передается с соблюдением палеографических особенностей письма, т. е. букв, не имеющих в гражданском алфавите, сокращенных написаний под титлами и под каморами. Впрочем, точки и псилы над гласными буквами опускаются». (Вновь отметим неточность термина: палеографические особенности состоят и в характере начертания букв. Речь здесь идет о приемах печатания, получивших впоследствии наименование дипломатических.) В то же время Шахматов, вероятно, не хотел игнорировать интересы историков, нередко жаловавшихся на трудности работы с текстом, изданным дипломатическими приемами, и предпочитавших поэтому ссылаться на отдельные издания древнейших летописей, осуществленные в 80-х годах XIX в. с соблюдением научно-критических приемов. Преамбула проекта правил комиссии не закрывала, таким образом, пути к чисто «историческим» изданиям. Что касается правил издания летописных текстов по более поздним спискам, то в существенных чертах они сходились с приемами издания поздних актов.

Важным вопросом, разрешавшимся в правилах, стал и вопрос о систематизации документов в издании. Естественно, он касался преимущественно актового материала. Проект Археографической комиссии, дававший вообще более обобщенные нормы по сравнению с другими рассматриваемыми документами, устанавливал альтернативу хронологического или систематического порядка. Лаппо-Данилевский признавал научно обоснованным хронологический способ расположения грамот Коллегии экономии, однако при печатании Сборника столкнулся с техническим затруднением: справочный аппарат МАМЮ не позволял выделить группы актов по хронологическому признаку; приходилось их пересылать отдельными частями общего фонда, так как печатание велось в Петербурге. Для того чтобы

обойти это затруднение, пришлось расположить грамоты в Сборнике «по областям и уездам Московского государства, границы которых определяются соответственно старинным административным делениям по официальным источникам». Соответствующая норма была зафиксирована в правилах. В пределах уезда грамоты располагались в строго хронологическом порядке.

Указанная система расположения грамот в издании подверглась резкой критике со стороны Ардашева и Веселовского. Ардашев, приводя аргументы общенаучного плана, заявлял, что материал, имеющий широкое научное значение, «требует и группировки, построенной на широком основании, позволяющем охватывать весь его состав за каждый данный момент, каковою может служить только хронологическая группировка». Веселовский считал, что «поуездный порядок издания не отвечает научным требованиям», так как «деление актов по уездам не лишено случайности, многие акты имеют общее значение, иные могут относиться к нескольким уездам». Он выдвигал ряд аргументов в пользу хронологической группировки.

Ближе знакомый с состоянием архивного фонда грамот Шумаков придерживался более реалистического взгляда. Он предупреждал, что «ни номерам архивных актов, ни распределению их в архиве хронологическому и поуездному доверять нельзя». Так как при подготовке издания придется иметь дело с весьма несовершенным справочным аппаратом, Шумаков, стремясь свести до минимума недостатки архивного распределения и описания актов, предлагал весьма сложную «порайонную—погубернскую систему» расположения актов в издании, близко, впрочем, напоминающую систему, принятую уже в изданных им обзорах актов некоторых губерний. Таким образом, в установлении систематизации актов при издании археографы исходили как из принципиальных научных соображений, так и из требований реально сложившейся в начале XX в. техники хранения и описания документальных материалов, которая нередко прямо противоречила научным принципам.

Правила составления заголовков и легенд в издании были разработаны в большинстве рассматриваемых нормативных документов весьма слабо. Например, проект Археографической комиссии предусматривал только, что «каждому акту предшествует заголовок, передающий вкратце содержание документа. В начале заголовка ставится год, месяц и число написания документа». Что до легенды, то «в конце акта дается его описание (печатанное курсивом), если внешность акта представляет какой-либо особый интерес; если же внешность акта обычного типа, то надлежит ограничиться лишь указанием числа листов составов (склеек), на которых акт написан». Только Лаппо-Данилевский посвятил этим вопросам два тщательно разработанных раздела (99 статей) правил. Изложение этих правил основано на таком тщательном исследовании проблем хронологии актов, их классификации, правовых оснований, архивной судьбы, что положения правил приобрели самостоятельное значение справочника по русской дипломатике. В этом отношении правила, составленные Лаппо-Данилевским, занимают совершенно особое место в отечественной археографии начала XX в.

Практические нужды Археографической комиссии потребовали составления особых правил для указателей к изданиям. Подготовивший их Адрианов исходил из преобладавшей в комиссии практики. По опубликованному проекту, издания «снабжаются глухими личными и географическими указателями. . . с кратким объяснением к данному имени и с простым перечислением страниц издания, на которых это имя встречается». В предметные указатели, прилагаемые к изданиям «лишь в тех случаях, когда того требует особый характер издаваемого материала», должны были входить «лишь термины, имеющие прямое отношение к различным сторонам древнего быта, т. е. к религиозным верованиям, сословным и родственным отношениям, к обстановке жизни, к ратному делу, термины юридические, меры, орудия производства и т. п.» В сложной системе научно-справочного аппарата Сборника грамот Коллегии экономии, по-

мимо общего указателя имен географических и личных (краткого по типу), предусматривались список хранилищ и список фондов, содержащих публикуемые акты, карта данного уезда «с обозначением на ней тех мест, к которым относятся печатаемые грамоты, и с историко-географическими примечаниями к ним, указатель разновидностей грамот, список их прежних изданий, оглавление публикуемых грамот в хронологическом порядке. Столь широкий состав научно-справочного аппарата, по существу, еще ждет анализа и освоения со стороны современных издателей актового материала.

Рассмотрение основных нормативно-археографических документов, появившихся в начале XX в., и сличение некоторых их положений показывает, что в указанное время наметилась тенденция к переходу от ориентации на традицию в деле публикации исторических источников (характерной для конца XIX в.) к ориентации на правила издания. Разрабатываются не универсальные своды правил, а нормы публикации источников той или иной разновидности. Правила издания, составленные в различных научных учреждениях, сближаются во многих основных положениях. Как наиболее выдающееся достижение рассмотренного периода следует расценивать созданные А. С. Лапто-Данилевским Правила издания Сборника грамот Коллегии экономики. Эти правила далеко переросли свое непосредственное назначение, многие их положения могут быть использованы и современной археографией.

С. М. Каштанов

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ
ЛАТИНСКИХ ГРАМОТ¹
(часть вторая)

Центральным вопросом издания источников являются, как известно, принципы передачи текста. В современной археографии они существенно варьируются в зависимости от хронологии, характера источников и типа публикации. В рассматриваемых нами международных правилах издания средневековых латинских документов² главным принципом передачи текста признается уважение к нему, недопустимость дополнения или сокращения его, недопустимость вообще какого-либо изменения текста, о котором читатель не был бы поставлен в известность. Этот принцип в полной мере проводится и в наших актовых публикациях.

Однако нефаксимильные издания не могут воспроизводить источник непосредственно в том виде, в каком он сохранился. Поэтому предусматриваются определенные правила передачи текста современными типографскими шрифтами, подчас с иным, чем в источнике, разделением текста на абзацы. Международные и национальные правила, в том числе и советские правила публикации исторических источников, единодушны в требовании соблюдения современной пунктуации, современных правил употребления прописных и строчных букв, раскрытия аббревиатур. Заметим, что это не относится к лингвистическим изданиям, которые воспроизводят источник ближе к оригиналу (без раскрытия титл, без применения современной пунктуации и т. д.).

Необходимость археографической обработки текста мотивируется в международных «Правилах» еще и тем, что ряд источников дошел в копиях, где изменение орфографии и пунктуации сопровождается иногда прямыми ошибками в передаче текста оригинала. Эта аргументация усиливается указанием на существование нескольких вариантов чтений, когда источник сохранился в нескольких списках и археограф вынужден выбирать между разными чтениями и предлагать свои поправки. Этот последний пункт «Правил» представляется нам недостаточно ясным. Археограф, как думается, должен стремиться к максимально точному воспроизведению списка, положенного в основу издания, и давать к нему варианты по другим спискам, если расхождения достаточно существенны. «Исправление» основного списка по другим допустимо в исключительных случаях, когда ошибка основного списка совершенно очевидна.

Весьма интересны содержащиеся в «Правилах» конкретные предложения относительно расположения текста, деления его на абзацы. Для латинских средневековых грамот характерны длинные строки, не разделяемые абзацами, за исключением строк, содержащих данные о месте и времени выдачи документа, а также строк, содержащих подписи или удостоверительные знаки (signa). Правила рекомендуют в основном соблюдать такое расположение текста и в публикации. Вместе с тем отмечается, что некоторые издательские центры (как, например, Monumenta Germaniae

¹ Первую часть статьи см. в АЕ за 1983 год (М., 1985, с. 37—48).

² Normalisation internationale des méthodes de publication des documents latins du Moyen Âge (Colloque de Barcelone, 2—5 oct. 1974); Rapport de R.-H. Bautier, secrétaire général, à l'occasion du V-e Congrès International de Diplomatie (Paris, 12—16 sept. 1977). Roma, 1977; окончательная редакция этих правил: Normes internationales pour l'édition des documents médiévaux. — In: Folia Caesaraugustana. Zaragoza, 1984, I, p. 13—64.

Historica) при публикации королевских и папских грамот выделяют абзацами протокол (начальный протокол), «текст» и эсхатокл (конечный протокол)³. После длительной дискуссии члены коллоквиума по дипломатике в Барселоне (1974 г.) пришли к выводу о пользе еще более дробного деления текста источника на абзацы в соответствии с известной дипломатической схемой (которую мы называем «условным формуляром»): с красной строки должны начинаться 1) начальный протокол, 2) преамбула, 3) наррация и 4) диспозиция, 5) «конечные формулы» (clauses finales), 6) подписи или удостоверительные знаки (signa), 7) дата.

Если такое деление на абзацы возможно для латинских грамот, из формуляра которых, собственно, и выведена эта схема, то оно часто неприменимо к русским актам, где формулы начального протокола нередко переплетаются с формулами преамбулы, наррации или диспозиции. Наиболее универсальным является, по-видимому, выделение даты и подписей. Такое выделение обычно проводится и в наших актовых изданиях. В основе разделения текста на абзацы должен лежать дипломатически-грамматический принцип, учитывающий прежде всего логику и структуру текста конкретного публикуемого акта: В обширной по составу диспозиции полезно выделение в качестве самостоятельных абзацев частей текста, имеющих свой особый предмет, вполне отличный от сюжетов, затрагиваемых в соседних частях текста.

В международных «Правилах» следование схеме «условного формуляра» (по нашей терминологии) также сопровождается известными оговорками. Так, говорится о неудобстве для читателей неразделения на абзацы пространных и сложных текстов (имеется в виду, вероятно, про странная диспозиция или наррация, которые не разбиваются на абзацы). Учитывается и нецелесообразность в отдельных случаях систематически производить деление текста по намеченной схеме.

Кроме того, в «Правилах» признается необходимость тематического деления текста для довольно значительного числа разновидностей документов. В актах регламентирующего характера и особенно касающихся экономических вопросов, а также в документах, состоящих из ясно различимых статей (конституции, договоры, сделки, третейские решения, грамоты, фиксирующие обычное право — кутюмы или определенные изъятия из общего права — franchises, и т. п.), рекомендуется делать абзац всякий раз, когда очередное условие или постановление вводится словом «item» или сам текст делится на статьи. В последнем случае предлагается нумеровать статьи, помещая номера в квадратных скобках.

Все это имеет прямые аналогии в русских источниках и в русской археографии. В ряде русских грамот постановления начинаются словом «также», вполне соответствующим латинскому «item». В отдельных публикациях грамот статьи, начинающиеся с «также», выделяются в абзац, но этот принцип последовательно не проводится. При издании документов, четко разделенных на статьи, в русской и советской археографии тоже принято нумеровать статьи; однако, к сожалению, часто номера приводятся без квадратных скобок (традиция, идущая от дореволюционной практики), что явно дезориентирует читателя.

В международных правилах указывается на необходимость выделять абзацем тексты включенных актов, приводимых в качестве «видимуса» (texte vidimé)⁴ или обычного списка.

«Включенные акты» могли находиться в составе больших цистерцианских панкарт (pancartes), которые представляли собой грамоты (обычно папские буллы), где в порядке подтверждения воспроизводились все предшествующие акты на те или иные объекты владения и собственности духовных учреждений.

³ Об этих категориях членения текста актового источника подробнее см.: *Кашина С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970, с. 27.

⁴ Vidimus — копия (как правило, королевской грамоты), сделанная с максимальным приближением к оригиналу и удостоверенная официальной властью.

В советских публикациях «включенные акты», передающие текст предшествующего акта полностью или в извлечениях, также выделяются абзацем и сопровождаются специальной оговоркой в примечании.

В латинских грамотах подписи, или *signa*, делались в виде столбца. «Правила» рекомендуют сохранять в публикациях эту форму расположения текста; однако в случаях, когда подписи очень многочисленны и расположены в два или несколько столбцов, предлагается печатать каждый столбец обычными длинными строками с указанием номера столбца (этот номер помещается в середине книжной строки, предшествующей публикации текста всего, столбца). При такой системе каждая последующая подпись должна отделяться от предыдущей точкой и тире.

До недавнего времени западная археография не придавала слишком большого значения нумерации строк публикуемого документа. Считалось, что это важно лишь для подлинников, причем достаточно ранних документов. Впрочем, в изданиях филологического и палеографического характера нумерация строк всегда практиковалась. В последнее время историки заинтересовались испанским опытом нумерации строк не только оригиналов, но и копий, которые кладутся в основу издания (при отсутствии оригинала). Нумерация строк всех публикуемых текстов позволила испанским издателям составлять указатели не дожидаясь верстки, поскольку в качестве отсылки стала браться не страница книги, находящейся в печати, а номер документа и номер строки.

Система ссылок не на страницы, а на номера документов принята также и в ряде наших актовых публикаций. Она введена в «Актах социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.»⁵, используется во второй части «Актов феодального землевладения и хозяйства»⁶ и в «Актах Русского государства»⁷. Однако нумерация строк в наших публикациях не практикуется, хотя в АСЭИ и АРГ отмечаются границы строк документов (в АСЭИ — только оригиналов), и номера строк в указателях не фигурируют. Для читателей и исследователей указание номеров не только документов, но и строк представляло бы большое удобство.

Задумываясь над полиграфическим оформлением нумерации и указания границ строк источника, авторы «Правил» предлагают два пути. Первый: границы строк отмечаются вертикальной или косой линией, правее которой наверху помещается номер идущей далее строки: «. . . |⁵. . .»; если при этом слово разделяется на две части переходом с одной строки на другую, знак границы строк дополняется соединительной черточкой. Второй путь (принятый филологами): не употребляя никаких разделительных знаков, перед началом новой строки ставят ее номер в квадратных скобках: «Itaque [2] ille». Этот путь, по мнению авторов «Правил», предпочтительнее.

Первый способ — введение номеров строк над строкой после разделительной линии — представляется и нам не вполне удачным, ибо он создает нагромождение цифр над строкой. Учитывая, что цифрами обозначаются палеографические примечания, а буквами — варианты, обилие надстрочных знаков надо признать чрезмерным и чреватым ошибками. К тому же при большом числе строк эти числа (может быть, и трехзначные, даже в случае ведения счета по сотням: I, 1—100, II, 1—100 и т. д.) крайне затрудняют восприятие текста, подготовку его к печати и набор.

Второй способ имеет тот недостаток, что квадратные скобки употребляются обычно для обозначения границ текста, реконструируемого издателями, номера же строк — это не реконструкция текста, и, следовательно, они должны даваться иначе. Мы бы предложили помещать их в круглых скобках, выделяя курсивом как элемент авторского текста. Номера листов помещаются при этой системе только на полях, а не внутри текста.

⁵ АСЭИ. М., 1952—1964. Т. 1—3.

⁶ АФЗХ, М., 1956. Ч. 2.

⁷ АРГ, 1505—1526 гг. М., 1975.

Указание повреждений текста и их характера рассматривается в «Правилах» как обязательный элемент «критического аппарата». Однако, если повреждения рукописи разнородны и все типы повреждений отмечены в общей форме в легенде, повторение подобных сведений в каждом конкретном случае признается излишним.

Каждый пропуск текста отмечается, согласно «Правилам», квадратными скобками. Квадратные скобки ставятся как при воспроизведении утраченного текста, так и при простой фиксации пропуска, когда невозможно установить исчезнувший текст. В последнем случае в квадратных скобках помещается определенное число точек — в соответствии с предполагаемым числом отсутствующих букв, если их не более десяти; или ничего не помещается, а делается примечание о длине пропуска в миллиметрах, когда утраченных букв явно более десяти. Это правило существенно отличается от нашей практики тем, что в наших публикациях не принято выражать величину пропуска в миллиметрах или числом точек (обычно ставится неопределенное число точек, лишь примерно соответствующее величине пропуска, как в «Духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV—XVI вв.»⁸, или просто многоточие — троеточие). Кроме того, у нас не принято заключать точки или условную лакуну в квадратные скобки, которые резервируются лишь для реконструкций текста. Примерное число утраченных букв в советских актовых публикациях обычно оговаривается в палеографических примечаниях.

Представляется, что ни отечественная, ни зарубежная практика не выработали пока оптимального варианта фиксации утраченных мест текста. Из зарубежного опыта стоило бы, может быть, использовать употребление квадратных скобок для указания границ как реконструируемых, так и нереконструируемых лакун, а также определение длины пропуска в миллиметрах.

В «Правилах» перечисляются наиболее типичные основания для уверенных реконструкций утраченного текста: сохранение середины слова, начальные и конечные буквы которого отсутствуют; наличие поврежденных или исчезнувших в оригинале слов в копии того же документа; возможность догадки о пропущенном слове по формуляру или, реже, по смыслу. Все эти основания учитываются и советской археографией. «Правила» предостерегают от вставки в текст документа неуверенных и сомнительных реконструкций, предлагая давать их только в примечаниях. В этом они также солидарны с нашей практикой.

В «Правилах» специально говорится о способах передачи текстов, дошедших только в виде фрагментов. При этом различаются два случая: когда текст состоит из нескольких вполне отделимых друг от друга фрагментов; когда все строки текста сохранились фрагментарно, например когда читается средняя часть строк, а по краям текст утрачен. В первом случае предлагается отделять один фрагмент от другого строчкой, сплошь заполненной многоточием, во втором — употреблять точки в квадратных скобках для воспроизведения примерной картины сохранности текста:

«Sciendum est quod Pelegrinus de Mon [te . . . . .]
. . . . .] dedit nobis terram quam de [dit . . . . .]
. . . . .] in dicta villa et fuit qu [ondam . . . . .]»⁹.

Заметим, что в «Правилах» нет указаний о числе точек, ставящихся для обозначения лакун в этом случае. Возможно, число точек должно приблизительно отражать количество утраченных строчных букв, даже если оно явно больше десяти. Не следует абсолютизировать значение точек в этом качестве, ибо подобный способ обозначения лакун не может отразить число надстрочных букв в сокращенно написанных словах и расхождение между числом реально существовавших букв и числом точек

⁸ ДДГ. М.; Л., 1950.

⁹ Normalisation. . . , p. 18; Normes. . . , p. 40 (здесь реконструировано «dederat» вместо «dedit»).

будет, как думается, тем больше, чем больше сама лакуна. Вот почему при обозначении значительных пропусков точками стоит практиковать и измерение лакун в миллиметрах. Правда, критерии отсчета могут варьироваться. В «Правилах», вероятно, имеется в виду отсчет по длине сохранившихся строк, однако часто длина строк в одном и том же документе разная. Как поступать в этом случае: брать за основу максимально большую строку или включать в измерение и размер бокового поля, оговаривая это в примечании или в археографическом предисловии? Наконец, как поступать, когда общая ширина листа неясна (отсутствуют правое и левое поле или одно из них)?

Универсальное изложение всех наиболее рациональных и вместе с тем точных способов обозначения лакун — дело будущего.

В «Правилах» довольно подробно излагается вопрос об употреблении разных шрифтов для передачи текста разных частей акта. Прежде всего затрагивается проблема отражения в печати тех выделений букв, которые имеются в самих документах, где, например, отдельные слова и выражения написаны удлинненными, заглавными, унциальными, жирными и тому подобными буквами. В «Правилах» напоминает, что Monumenta Germaniae Historica и Istituto storico italiano в своих публикациях помещают текст, написанный удлинненными буквами, между двух особых знаков, состоящих из трех поставленных друг на друга прямых крестиков: «‡ In nomine sanctae et individuae Trinitatis ‡». В «Правилах» резонно указывается, что в целях упрощения лучше передавать удлинненные буквы прописными печатными буквами. Слова, написанные жирными буквами, унциальными или маюскульными, предлагается печатать, в зависимости от типа письма, капитальными или большими заглавными буквами: «ITEM KAROLUS».

В наших актовых публикациях не принято печатать все слово заглавными буквами. Для выделенных в источнике букв и слов избирается так называемый полужирный шрифт, в котором прописной буквой передается первая буква первого слова в предложении и строчными — остальные буквы. Полужирный шрифт используется и при публикации летописных текстов для отражения киноварных и жирно написанных чернилами букв. К сожалению, не всегда оговаривается, в каком случае полужирный шрифт передает киноварь, а в каком — утолщенное написание чернилами.

Просто удлинненные, но не жирные буквы в наших публикациях никак не выделяются. Поскольку они чаще всего употребляются в начале предложений, их передает обычная заглавная буква. Читатель при этом не получает никакой информации о том, что первая буква слова необычно крупная, удлинненная и т. п. В палеографических примечаниях к некоторым актам мы пытались указывать размеры удлинненных букв¹⁰, однако как система этот принцип нигде не проводится.

В западной археографии существует устойчивая традиция шрифтового выделения тех частей текста, которые представляют собой заимствования из предшествующих актов, т. е. «включенные» места набираются особым шрифтом, как правило, более мелким, чем шрифт, употребляемый для передачи текста собственно данного акта, или, условно говоря, «нового» текста. В современной советской археографии «включенные» места набираются тем же шрифтом, что и остальной текст. В «Сборнике грамот Коллегии экономии» часть текста более раннего акта, включенная в более поздний акт, иногда опускалась со ссылкой на публикацию ее в позднем акте¹¹. Подобный прием, вообще говоря, недопустим, и «Правила» отнюдь не призывают к нему, рекомендуя лишь шрифтовые выделения.

¹⁰ АРГ, № 190, с. 190, примеч. 3—3; *Каишанов С. М.* По следам троичных копийных книг XVI в. — ЗОР ГБЛ. М., 1979, вып. 40, с. 58, примеч. 2.

¹¹ Так была издана без иммунитетной части жалованная грамота Ивана IV от 28 апреля 1578 г. Троице-Сергиеву монастырю (Сб. ГКЭ. Пг., 1922, т. 1, № 220а), поскольку иммунитетная часть этой грамоты была включена в жалованную грамоту Василия Шуйского 1606 г., опубликованную полностью (Там же, № 402).

Что касается нумерации выделяемых другим шрифтом отрывков, то проведение ее более всего характерно для немецкой издательской практики: номер заимствованного акта (тоже фигурирующего в данной публикации) приводится на полях.

Шрифты, используемые при публикации таких отрывков, варьируются. Французские археографы обычно публикуют первый отрывок прямым шрифтом, но более мелким по сравнению с основным, второй отрывок — курсивом и т. п. В Италии все «включенные» места набираются курсивом. Эта практика признана сейчас наиболее целесообразной, так как интересы экономии не позволяют прибегать к большому разнообразию шрифтов. Вместе с тем «Правила» рекомендуют делать примечание о начале воспроизведения «включенного» текста со ссылкой на соответствующий номер этого акта в публикации.

Последняя рекомендация, безусловно, справедлива. Труднее согласиться с необходимостью выделения «включенных» мест курсивом. Не говоря уже о том, что в наших публикациях курсив употребляется для набора составительского текста, отличаемого тем самым от текста источника, само выделение заимствованных мест особым шрифтом является элементом, скорее, исследовательской, чем собственно публикаторской, работы. Подобное разнообразие шрифтов вполне оправдано при реконструкции текстов. В своей реконструкции «Повести временных лет» А. А. Шахматов использовал различные шрифты для передачи разных частей «Повести». Так, крупным шрифтом набирался текст, восходящий, по мнению автора, к Начальному своду 1095 г.¹² Подобное же употребление разных шрифтов наблюдаем в реконструкции М. Д. Приселковым текста сторевшей Троицкой летописи¹³ и в некоторых других изданиях.

Обычно в актовых источниках заимствования из предыдущих документов органически сочетаются с новым текстом, нередко старый текст несколько изменяется, частично модернизируется, искажается орфография оригинала. Кроме того, издатель может учесть далеко не все заимствования. Например, в жалованных грамотах XVI—XVII вв. часто приводятся жалобы и просьбы заинтересованных лиц. Не исключено, что тут имело место использование текста их челобитных. Однако шрифтовое выделение подобных *partitio* и *retitio* невозможно, поскольку сами челобитные в большинстве случаев не сохранились.

Словом, принцип шрифтового выделения заимствований спорен. Археограф не должен, на наш взгляд, до такой степени предвирать работу исследователя и предопределять его текстологические выводы.

Употребление курсива для передачи текста предшествующих актов исключает, по мнению авторов «Правил», использование этого шрифта для передачи встречающихся в актах цитат из Библии, законодательных и других юридических и литературных источников, что мы часто наблюдаем в актовых публикациях. «Правила» безусловно высказываются за употребление в этих целях кавычек. Эта рекомендация представляется вполне правильной. В советских изданиях летописей цитаты из других, прямо названных источников нередко приводятся в кавычках¹⁴, иногда же — без кавычек. Отсутствие последних можно объяснить лишь тем, что приводимые в источниках цитаты бывают неточны и являются во многих случаях перифразом, а не цитатой в собственном смысле слова. В русском актовом материале цитаты из Библии и других общеизвестных памятников встречаются крайне редко. В изобилии их можно найти только в полемических произведениях, посланиях светских и духовных лиц. И в публикациях этих документов цитаты обычно заключаются в кавычки¹⁵.

¹² Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Ч. 1.

¹³ Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

¹⁴ ПСРЛ. М.; Л., 1962, т. 27, с. 166 (слова из «Исхода») и др.

¹⁵ См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским/Текст подготовили Я. С. Лурые и Ю. Д. Рыков. Л., 1979, с. 9, 11, 14 и др.

Названия или заголовки цитируемых сочинений «Правила» предлагают выделять апострофами ('...'), а при отсутствии этого знака в наборе — кавычками. В русские акты заголовки литературных произведений включались не часто, хотя названия законодательных кодексов и постановлений типа «Судебник», «Уложение», «Соборное Уложение» и другие фигурируют.

В литературных произведениях и посланиях приводятся такие заголовки произведений, как «Писание», «Евангелие», «Исход» и т. п. В нашей археографической практике не принято заключать их в кавычки, а употребление апострофов вместо кавычек вообще не является традицией русской археографии. Заголовки произведений в современных изданиях публикуются с большой буквы, и этим ограничивается их выделение. Стоит ли нам, следуя международным «Правилам», вводить для подобных названий кавычки, не вполне ясно.

«Правила» касаются вопроса о способах передачи иностранных слов и слов народного языка (вульгаризмов) в составе латинского текста. К числу вульгаризмов в широком смысле относятся национальные (нелатинские) формы названий лиц, мест, учреждений и предметов. Они представляют особый интерес с филологической точки зрения. Французская археографическая практика предусматривает передачу иностранных слов и вульгаризмов курсивом. Однако участники Барселонского коллоквиума, сознавая недопустимость употребления курсива в разных целях, предложили набирать эти слова в разрядку. Некоторые школы в дипломатике вообще отрицают необходимость какого бы то ни было шрифтового выделения подобных слов. Мы бы присоединились именно к этой точке зрения.

Участники коллоквиума были единодушны лишь в том, что в конце тома надо обязательно помещать указатель слов народного языка, вставленных в латинские тексты.

В «Правилах» обращается внимание на то, что некоторые документы, не воспроизводя целиком текст, на который они ссылаются, обрывают цитирование выражением «и так далее» или другими аналогичными по смыслу оборотами (*et cetera*, *etc. usque. . .*, *ut supra*, *in eodem modo*). Такие обороты предлагается передавать курсивом. Данное предложение нам кажется малоудачным. Здесь снова попытка решить текстологические вопросы за исследователя; причем, поскольку «включенные» тексты или цитаты рекомендуется передавать тоже курсивом, непонятно, что дает выделение курсивом указанных выше оборотов, прерывающих цитирование: цитата просто сольется с авторским текстом.

«Правила» не рекомендуют воспроизводить изобразительные элементы акта (монограмма, хрисмон и др.). Предлагается лишь отмечать в круглых скобках и курсивом их наличие в соответствующем месте при передаче текста — перед или после определенного слова, между определенными словами, внутри слова, рассекаемого знаком, например:

«Signum (*Monogramma*) Karoli . . .».

«(*Chrismon*) In nomine . . .».

«Signum Otberti qui subs—(*signum recognitionis et locus sigilli*)—scripsit»¹⁶.

Нам кажется, что наряду с таким способом передачи изобразительных элементов желательна и прямое воспроизведение их либо на своем месте после определения разновидности знака («*Chrismon*: X»), либо (когда изображение громоздко) в конце текста, в приложении к нему.

Из советских актовых публикаций только сборники «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» и АСЭИ дают воспроизведение символической инвокации (креста)¹⁷, а АСЭИ — также и «монограмм» дьяков. Заметим, между прочим, что эти «монограммы» было бы вернее называть не монограм-

¹⁶ Normalisation. . . , p. 20; Normes. . . , p. 42.

¹⁷ ГВНП. М.; Л., 1949; АСЭИ. Т. 1—3.

мами¹⁸ (ибо монограмма состоит из сочетания двух или нескольких букв имени, чего в данном случае не наблюдается), а парафами. Параф (*le paraphe*) — известная западной и византийской дипломатике форма орнаментального удостоверительного знака, начертанного единым росчерком пера (византийский *monosondylon*) и сопровождающего подпись¹⁹. Отсутствие воспроизведений изобразительных элементов, равно как и сведений о них в некоторых других наших актовых публикациях (таких, например, как ДДГ), является существенным недостатком.

Что касается содержащегося в международных «Правилах» предложения помещать сообщения об изобразительных элементах в круглых скобках и курсивом, то такой способ информации сам по себе возражений не вызывает, поскольку и круглые скобки, и курсив в наших публикациях предназначаются именно для текста, идущего от лица составителей.

После рассмотрения вопросов подачи и расположения текста документа в печати «Правила» переходят к проблеме транскрипции или передачи текста в узком смысле слова. В качестве самого общего принципа прокламируется полнейшее уважение к чтением оригинала. Даже очевидные ошибки должны исправляться только в примечаниях. Как известно, в советской археографии существуют различные точки зрения на этот счет. Неисправление чтений оригинала особенно характерно у нас для лингвистических изданий.

Когда археограф располагает только копиями, он должен, согласно «Правилам», положить в основу издания копию или группу копий, наиболее соответствующую утраченному оригиналу, традициям канцелярии и писца, обычаям письма в данном регионе и в данное время. Все эти пожелания в отношении выбора копий, правильные сами по себе, содержат слишком много критериев, которыми надо руководствоваться, а потому они слишком расплывчаты. Мы бы подчеркнули предпочтительность выбора древнейшей копии. Нельзя класть древнейшую копию в основу издания лишь тогда, когда она содержит очень много повреждений, крайне усложняющих издание и требующих широкого привлечения позднейших копий для восстановления текста древнейшей копии. Если копии представляют несколько разных редакций первоначального текста, необходимо опубликовать все редакции, опять-таки выбирая в качестве основного списка древнейший в данной редакции.

Авторы «Правил» формулируют общепринятое положение о недопустимости унификации орфографии публикуемого текста. Они выражают также разделяемое большинством археографов мнение относительно нецелесообразности приведения всех орфографических разночтений основного списка с другими списками: достаточно сделать общее замечание о характере разночтений в предисловии, комментариях или примечаниях к тексту. Если древние копии расходятся с копиями или изданиями, которые обязаны своим появлением деятельности эрудитов XVI—XVIII вв., следует иметь в виду, что эрудиты несколько «исправляли» средневековую латынь на классический лад, вводя «ae» и «oe» вместо «e», «e». Поэтому надо отдавать предпочтение тем копиям, где преобладает не классическая, а средневековая орфография.

В этих рекомендациях «Правила» до известной степени противоречат сами себе, ибо ранее в них говорилось, что эрудитские копии XVIII в. подчас более точно передают оригинал, чем копии средневековые²⁰.

В словах, где имеются дифтонги («rae», «quaе» и т. п.), «Правила» предлагают раскрывать аббревиатуры в соответствии с наиболее характерными для публикуемого текста чтениями. При отсутствии в наборе «e» («e» с седильей) издатель вправе передавать эту букву либо по классиче-

¹⁸ На неточность определения удостоверительных знаков дьяков в качестве «монограмм» мое внимание обратил В. А. Водов, которому приношу благодарность.

¹⁹ *Vocabulaire international de la diplomatique*. — In: *Folia Caesaraugustana*, I, p. 131—132, art. 138.

²⁰ *Normalisation* . . . , p. 12; *Normes* . . . , p. 32.

скому образцу (как «ae»), либо по средневековому (как «e»), но в любом случае он должен информировать читателя о принятом принципе.

В «Правилах» отмечается большое разнообразие в практике передачи букв «i» и «j». Немецкие, бельгийские и французские дипломаты и археографы передают букву «i» посредством «j», когда она имеет значение согласного («iactum», «jugum»). Испанские издатели при публикации источников, относящихся к эпохе примерно до середины X в. (до 950 г.), следуют в передаче «i» и «j» самим текстам, не заменяя одну букву другой. Англичане и итальянцы при издании источников, созданных в период до XV в. включительно, обычно пользуются для передачи «i» и «j» только знаком «i». Авторы «Правил» не считают возможным рекомендовать какую-либо унификацию приемов передачи «i» и «j», так как эта практика связана с определенными традициями классической филологии.

Известной аналогией к употреблению «i» и «j» в археографии латинских грамот может служить вопрос о передаче «и» и «і», а также знака «{» при издании славянорусских грамот. Знак «{» обычно передается посредством «и», хотя, может быть, правильнее было бы передавать его через «і», как считают некоторые филологи. Буква «і» используется в ГВНП, ДДГ и в АСЭИ (в последнем издании только для текстов, написанных до 1505 г.²¹); в АРГ, где печатаются акты начиная с 1505/06 г., «і» всегда заменяется буквой «и»²², что соответствует принципу, введенному в АСЭИ. Нам представляется, что и при издании текстов XVI в. следовало бы сохранять «і», как это делается в ДДГ²³. Даже если различие в звучании этих букв в XVI в. утратилось, употребление «і» интересно с точки зрения истории орфографии и графики. В изданиях XIX в. допускалась модернизация при передаче «и» и «і», связанная с тенденцией частичного привнесения правил правописания XIX в. в более ранние тексты. Такую практику следует, разумеется, отвергнуть, да теперь она и лишена почвы, поскольку буква «і» отсутствует в современном русском алфавите, хотя имеется в украинском и белорусском, где ее значение иное, чем в русских текстах XIV—XVI вв.

В советских «дипломатических» изданиях русских актов звук «й» передается буквой «и», а не «й», что правильно, ибо система надстрочных знаков, их употребление и значение в XIV—XVI вв. еще далеко не изучены. Звук «й» в этих текстах мог передаваться буквой «и» как с надстрочным знаком, так и без него. «Критические» издания с упрощенной транскрипцией, такие, как АФЭХ²⁴, употребляют «й» в соответствии с современным звучанием слова.

Международные «Правила» останавливаются на вопросе о звуковом содержании знака «у», который в ряде случаев обозначал двойное «і», вследствие чего, например, слово «Remedy» в выражении «Sancti Remedy» может передаваться как «Remedii». В нидерландских текстах «у» могло употребляться для обозначения 1) двойного «і», передающего краткое «і» («у»), 2) двойного «і», представляющего дифтонг («ij»), 3) двойного «і», выражающего краткий звук «ie» («ii»). «Правила» не дают никаких определенных рекомендаций относительно способов передачи «у» в тех или иных случаях.

К числу традиционных вопросов западной археографии относится проблема употребления «u» и «v», часто заменяющих друг друга. Обычно «u» передается через «v» тогда, когда оно выражает согласный. Только испанцы употребляют «u» во всех случаях при издании текстов, возникших в эпоху до XII в. включительно. «Правила» склоняются все же к общепринятой тенденции учета звукового значения знака и предлагают распространять

²¹ АСЭИ, т. 1, с. 8.

²² АРГ, с. 4.

²³ ДДГ, с. 6.

²⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951—1961. Ч. 1—3; Л., 1983. Ч. 4.

этот принцип на имена не только нарицательные, но и собственные. Археографам рекомендуется, например, давать чтения типа «Vido», а не «Uido», «Valtarius», а не «Ualtarius».

В русских текстах знак « $\check{v}$ » (ижица) мог передавать звуки «у» и «и», и не вполне ясно, как, например, транскрибировать слово «Тр $\check{v}$ фан», написанное через ижицу: «Трифан» или «Труфан»? Известно уменьшительное «Труфаник». Л. В. Черепнин в ДДГ не включает ижицу в состав сохраняемых букв, И. А. Голубцов в АСЭИ предлагает поступать с ижицей так же, как и с «i», т. е. сохранять ее в публикациях текстов до 1505 г. и заменять буквой «и» в текстах, написанных после 1505 г.²⁵ 1505 год — это весьма условная грань, а ижица встречается настолько редко, что ее без труда можно было бы сохранить и в изданиях текстов XVI в.

Вполне четкие указания даются в «Правилах» относительно двойного «и» («и»). В тех случаях, когда два «и» обозначают согласный «w», особенно в именах собственных германского происхождения, они передаются буквой «w», а не буквами «iu» или «vu»: «wadium», «Wido», «Waltharius» (но не «iuadium» или «vuadium», «Vuido» или «Vualtharius»). Вместе с тем в случаях очевидного звучания «vu» [vu] перед согласной употребляется именно это буквосочетание, а не знак «w»: «vulgus», «vulpis», «Vulfarius» (но не «Wlfarius»).

Средневековые писцы не делали существенного различия между написаниями «—cia» и «—tia», «—cio» и «—tio», «—cius» и «—tius» в конце слов. «Правила» рекомендуют при издании оригиналов во всех случаях соблюдать орфографию текста, если палеографически то или иное чтение вполне четко устанавливается. При издании копий авторы «Правил» советуют придерживаться тех чтений, которые преобладают в данной копии, и не давать разночтений к такого рода чтениям по другим копиям. Мы не уверены, что следует унифицировать чтения в копии, положенной в основу издания. Не лучше ли сохранять и в ней, как и в тексте оригинала, все различные чтения? Рекомендация же не давать орфографических разночтений по другим спискам кажется нам вполне правомерной.

В «Правилах» подчеркивается необходимость внимательного отношения к буквам с седильей в документах южного происхождения. Такими буквами, снабженными подстрочным диакритическим знаком, были «с», «d», «s» (в современном французском письме седилья применяется, как известно, лишь при «с»). «Правила» говорят, что наличие седильи в буквах следует отмечать в предисловии, однако авторы умалчивают о возможности прямого воспроизведения седильи под соответствующими буквами при публикации документов. Недостаточно конкретно сказано в «Правилах» и о важности различения «ç» и «z» в некоторых документах, особенно написанных в Каталонии, а также «s» в форме греческой сигмы, обозначающей обычно звук «z». Как должно реализовываться в публикации внимание к этим особенностям? Нужно ли буквально воспроизводить текст или применяться к звуковому значению букв и, следовательно, заменять одни знаки другими?

Следующая проблема, которая рассматривается в «Правилах», — это раскрытие аббревиатур. Предусматривается обязательное раскрытие сокращенных написаний, чтобы текст был читабельным. Выделение букв, восстановленных издателем, признается в принципе бесполезным. Исключение из этого правила делается только для некоторых ранних текстов, дошедших в оригинале и представляющих особый интерес с палеографической и филологической точек зрения. «Правила» рекомендуют в таких случаях приводить восстановленные буквы в скобках, а не курсивом, как это делается представителями ряда научных школ, т. е., например: «V(eat)us P(ate)r V(e)n(e)d(i)c(tu)s».

Данный способ раскрытия аббревиатур совпадает с применяющимся у нас, например, в «Записках Отдела Рукописей» (ГБЛ) при издании рус-

²⁵ См.: ДДГ, с. 6; АСЭИ, т. 1, с. 8.

ских документов. В ДДР, АСЭИ и АРГ правила сложнее: надстрочные буквы набираются курсивом, а восстанавливаемые даются в скобках корпусом.

Авторы международных «Правил» указывают, что употребление курсива в разных функциях ведет к его многозначности, двусмысленности. Действительно, в западных публикациях курсив часто обозначает и «включенный» текст, и обороты основного текста, обрывающие «включенный» текст, и слова народного языка, вкрапленные в латинский текст, и буквы, восстанавливаемые издателями, и др.

В наших наиболее сложных «дипломатических» изданиях употребляется курсив двух размеров: крупный, соответствующий корпусу, и мелкий, соответствующий петигу. Крупным курсивом набираются надстрочные буквы текста, составительские заголовки, пояснительные фразы о расположении части текста (например: «*На обороте*» и т. п.), мелким — надстрочные буквы в палеографических примечаниях, легенда, авторский текст палеографических примечаний и вариантов. В АСЭИ в отличие от ДДГ и АРГ авторский текст в примечаниях и вариантах, а также легенда печатаются не курсивом, а петиготом, с употреблением петита в разрядку для подзаголовков типа «С п и с к и», «П р и м е ч а н и я» и др. Цитируемые буквы текста источника даются в примечаниях в АСЭИ либо петиготом в кавычках, либо, реже, курсивом без кавычек; причем курсив в этих случаях передает не только надстрочные, но и строчные буквы. В ДДГ употребляется и мелкий курсив в разрядку — в подзаголовках типа «*Основание для датировки*».

Как видим, тут еще имеются возможности для дальнейшей унификации правил издания. Вероятно, во всех случаях как крупный, так и мелкий курсив должен обозначать надстрочные буквы: крупный — в основном тексте, мелкий — в цитатах из текста в примечаниях и вариантах. Трудно согласиться с авторами международных «Правил» и некоторыми нашими археографами, отрицающими значение конкретного показа состава аббревиатуры и способа ее раскрытия. При так называемых «критических» изданиях русских текстов XIV—XVII вв. употребление мягкого и твердого знаков перед гласными оказывается произвольным. Немотивированной и скрытой от читателя остается вставка не только «ера» и «еря», но и гласных — таких, как «а», «о», «е», «и». Наглядное раскрытие аббревиатур представляется, несомненно, более обоснованным способом издания средневековых текстов, чем безоговорочное раскрытие сокращенно написанных слов по усмотрению издателя. Это — достижение мировой археографии, к которому пришли не сразу и от которого едва ли верно просто отказаться, ссылаясь на неважность деталей правописания для историка или практическую трудность набора с чередованием корпуса, курсива и скобок.

Да и сами авторы «Правил», сказав о бесполезности в принципе выделения восстанавливаемых букв, в дальнейшем довольно подробно разъясняют методику реконструкции сокращенно написанных слов, в том числе и с употреблением скобок. Так, насколько можно понять авторов, скобки желательны при восстановлении полного написания сокращенных разными способами собственных имен. Когда имя передается в источнике только инициалом, в скобках добавляются последующие буквы: «W(illelmus)», «R(aimondus)». Когда мы сталкиваемся с суспенсией, т. е. написанием лишь первой части слова, в скобках добавляется его конец: «Guillelmus de Castell(ione)». Если окончание неясно, рекомендуется оставлять недописанное слово в том виде, в каком оно фигурирует в источнике, но ставить после него одну или несколько точек: «Guillelmus de Castell.» (Последнее слово может быть раскрыто по-разному: как «Castelleto», «Castellione», «Castellari» и т. п.)

Указание «Правил» относительно одной или нескольких точек после суспенсии вносит в этот вопрос некоторую путаницу. Поскольку точками предлагается обозначать утраченные буквы (см. выше), постольку и здесь они будут восприниматься, скорее, как сигнал о повреждении текста и

частичной утрате букв. Учитывая, что утраченные буквы обозначаются точками в квадратных скобках, точки для обозначения опущенных при суспенсии букв лучше помещать в круглых скобках и с таким расчетом, чтобы их число все же отражало мнение издателя о количестве отсутствующих букв.

Специально трактуется в «Правилах» вопрос о раскрытии сокращения «dns», которое может быть прочитано как «dominus» и как «domnus». Чтение «dominus» наиболее вероятно, когда имеется в виду бог («In nomine Domini») или господин, сеньор какой-либо земли («dominus terrae Salviņas»). Напротив, когда это сокращение предшествует имени или званию какого-либо лица, оно чаще всего раскрывается как «domnus»: «domnus Clemens», «domnus abbas».

Согласно «Правилам», издатель латинских текстов вправе игнорировать греческие буквы, входящие в состав некоторых сокращенно написанных слов.

Так, имя Иисуса, имеющее сокращенные формы «Ihs», «Ihu», передаются как «Jesus», «Jesu» (но не «Jhesus»; буква «h» тут и в подобных случаях, вероятно, заменяет греческую «τ»). Сокращения «Xps», «Xpi» (где присутствуют греческие «x» и «p») раскрываются с помощью только латинских букв, приобретая вид: «Christus», «Christi» (но не «Xpistus») или — в некоторых регионах — «Cristus», «Cristi». Сокращения «Ihlm», «Ihrlm», «Hrlm», «Hrslm» передаются латинскими буквами как «Jerusalem» (но не «Jherusalem»), «Hierusalem».

Что касается чисел, выраженных только цифрами или только буквами, а также частично цифрами и частично буквами, то при издании оригиналов грамот все эти числа воспроизводятся в полном соответствии с текстом: «III», «III°», «IV», «feria III^a», «M^o», «XII°»²⁶. Предусматривается, что если в копиях нового времени числа выражены арабскими цифрами, их следует при публикации заменять римскими. Тут снова авторов «Правил» можно упрекнуть в поощрении волевого вмешательства издателя в текст копии. Исследователь и сам поймет, что в средневековом оригинале были, скорее всего, римские цифры, но следует ли археографу искажать текст копии, если она кладется в основу издания? Не чрезмерны ли подобные «исправления» публикуемого текста? Вместе с тем хочется полностью согласиться с другим указанием составителей «Правил», где рекомендуется не передавать словами числа, выраженные в копиях римскими цифрами.

Р.-А. Ботье замечает, что принцип передачи чисел словами и римскими цифрами при публикации грамот является полной противоположностью принципу передачи всех чисел арабскими цифрами при издании финансовых и административных документов²⁷. Надо сказать, что и в советской археографической практике существует разный подход к передаче чисел в актах XIV—XVI вв. и в хозяйственной документации XVII—XVIII вв. При издании грамот сохраняются словесные обозначения чисел, но так называемая «буквенная цифирь» передается все же не буквами, а арабскими цифрами. При публикации хозяйственной документации XVII и особенно XVIII в. словесные определения чисел чаще всего заменяются арабскими цифрами.

²⁶ Normalisation... , p. 22; Normes... , p. 45.

²⁷ Ibid., ср. доклад Ботье о правилах издания финансовых, административных и до-
маниальных документов, а также писем и сборников корреспонденций: *Bautier R.-H.*
Pour une normalisation internationale des règles de publication des documents financiers,
domaniaux et administratifs et des lettres et recueils de correspondance. — In: Comité international des sciences historiques: XV-e Congrès international des sciences historiques. Bucarest, 1980, 10—17 août; Rapports. III. Organismes internationaux affiliés et commissions internes. Editura Academiei Republicii Socialiste România. [Bucureşti], 1980, p. 368—369; переиздано: Normes internationales pour la publication des documents financiers, administratifs et domaniaux du Moyen Âge. — In: *Folia CaesarAugustana*, I, p. 86—88.

На коллоквиуме в Барселоне было предложено полностью отказаться от практики передачи в издании грамот точек, которыми средневековые писцы окружали цифры. Согласно «Правилам», нужно писать, например, «cum MCC militibus», а не «cum .M. .CC. militibus», как в источнике; «M° CC° XXX° III°», а не «.M°. .CC°. .XXX°. .III°», как в источнике. Точки, однако, передают специфику средневекового мышления и письма. Отказ от них обеднит, как нам кажется, восприятие текста источника читателем и исследователем.

В «Правилах» отмечается, что при наборе нередко делается неверное разделение слова, переходящего с одной строки на другую. В связи с этим напоминает о необходимости соблюдения правил латинской грамматики и приводятся образцы правильного и неправильного переноса: «trans/tulit» (правильно), «tran/stulit» (ошибочно), «epi/scopus» (правильно), «epis/copus» (ошибочно) ²⁸.

---

²⁸ Продолжение статьи см.: АЕ за 1985 год.

В. М. Виноградов

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АРХИВОВЕДЕНИЯ В США

Одной из примечательных черт развития современной американской архивистики является повышение удельного веса теории в общем массиве исследований. Отход от традиционного эмпиризма, как ни парадоксально, во многом связан с кризисными явлениями в этой научной дисциплине, наиболее отчетливо проявившимися в середине 1970-х годов. Многие американские архивисты признают, что длительное пренебрежение разработкой коренных теоретико-методологических вопросов и ориентация на отжившие философско-исторические концепции как главную теоретическую опору архивоведения привели его к отставанию от запросов времени¹.

Распространению подобных критических взглядов содействовали новые тенденции в буржуазной историографии, связанные с развитием междисциплинарного подхода и количественных методов исследования источников, и изменения в сфере документообразования. Эти изменения, вызванные ростом автоматизированных систем управления, привели к внедрению так называемой «бесбумажной технологии» и применению ЭВМ для обработки, хранения и поиска документной информации. По прогнозам уже в 1990-х годах станет ощутимым постепенное отмирание традиционных текстовых документов и увеличение новых видов документов, предназначенных для автоматического считывания содержащейся в них информации². Все это поставило американских архивистов перед необходимостью пересмотреть многие традиционные каноны своей науки.

Направление развития американской архивистики, столкновение в ее среде различных, порой весьма противоречивых тенденций представляют интерес для советских архивистов и историков. В данной статье не ставится задача дать исчерпывающий обзор состояния современной архивоведческой мысли в США. Предпринята попытка проанализировать основные тенденции в решении проблем оценки и отбора документов на хранение, поиска ретроспективной документной информации, а также рассмотреть развернувшуюся между американскими архивистами дискуссию о будущем архивной теории в США.

Основные теоретические положения применяемой американскими архивистами системы оценки и отбора документов были разработаны во второй половине 1950-х годов первым крупным теоретиком архивного дела в США Т. Шелленбергом. В основе его теории лежит деление ценности документов на два вида: доказательную, которая относится к документам, отражающим эволюцию учреждения, его функции, структуру и основные виды деятельности, и информационную, указывающую на значение самой информации независимо от ее происхождения³. Поскольку основная функция архивов, по Шелленбергу, заключается в хранении документов государственного аппарата, преимущество при отборе отдается документам, обладающим доказательной ценностью. Документам, имеющим информационную ценность, в комплектовании архивов отводится второстепенная роль. Отправляясь от постулатов неокантианской мето-

¹ Ham F. G. The Archival edge. — Amer. arch., 1975, N 1, p. 5; Cappon L. The Archivist as collector. — Amer. arch., 1976, N 4, p. 429. (Далее: АА).

² Herschler D. H., Clang W. J. The «Paperless office»: A case study of the state department's foreign affairs information system. — АА, 1982, N 2, p. 142.

³ Schellenberg T. R. Modern archives principles and techniques. Melbourne, 1956, p. 139—140.

дологии истории, основанной на признании неповторимости и уникальности исторических событий и явлений, Шелленберг утверждал, что «архивисты должны хранить в полном объеме прежде всего такие документы, которые отражают уникальные исторические процессы и явления, выходящие за рамки заурядности и повседневности»⁴. Если же речь идет о «повседневных» социальных и экономических событиях, то сохраняться должна только обобщенная информация, а не масса «сырых статистических фактов»⁵.

В последующие годы логико-методологический аппарат оценки документов был расширен. К доказательной и информационной ценности добавились административная, правовая, финансовая и так называемая ценность «индивидуальных прав», которой обладают документы, предназначенные для защиты гражданских и имущественных прав отдельных граждан⁶. Но главным мерилом исторической значимости документов продолжает оставаться доказательная и тесно связанная с ней административная ценность. В методической литературе прочно утвердился учрежденческий подход, ориентирующий архивистов на преимущественное собирание документальных доказательств существования государственных учреждений. Ведущую роль в комплектовании архивов играют также документы политической и финансовой элиты. Поступающие в архивы документы обслуживают в основном такие традиционные темы американской буржуазной историографии, как политика, политические институты, право, военная история, духовная культура.

Выработанные в 1950-х годах ценностные ориентиры архивоведческого отбора постепенно стали приходиться в противоречие с изменившимися потребностями исторической науки. Хотя неокантианство вышло из моды, архивистика продолжает рассматривать его как свою главную теоретическую опору. Известные американские архивисты М. Фишбейн и Ф. Хэм отметили теоретическое отставание архивистики, ее изоляцию от новейших тенденций современной науки⁷.

В 1960-х годах значительная часть американских историков отвергла индивидуализирующий метод описательной историографии и обратилась к междисциплинарным связям и количественному анализу источников. На основе методов социологии, математической статистики, этнографии, антропологии, демографии, лингвистики возникли многочисленные «новые истории» — экономическая, политическая, социальная, нередко объединяемые в единую «количественную социально-научную историю»⁸. Советские историки уже подвергали критике несостоятельность исходных теоретических установок, лежащих в основе этих направлений⁹. Однако использование новых методов привело к определенному обогащению логико-методологических средств американских историков, расширению источниковой базы их исследований, пересмотру старых и выдвижению новых научных проблем. Интенсивно стали изучаться материальное производство и естественная среда, проблемы массового поведения избирателей, социально-экономическая и географическая мобильность, иммиграция, демографические сдвиги, урбанизация, история этнических и ре-

⁴ Schellenberg T. R. The Appraisal of modern public records. — Bull. Nat. arch., 1956, N 8, p. 240.

⁵ Ibid., p. 40.

⁶ Rieger M. The Appraisal of records for potential research values. — South. asian arch., 1976, N 3, p. 135—138.

⁷ Fishbein M. H. A Viewpoint on appraisal of national records. — AA, 1970, N 2, p. 184; Ham F. G. Op. cit., p. 5; См. также: Виноградов В. М. О некоторых аспектах проблемы ценности документов в современном буржуазном архивоведении. — СА, 1981, № 5.

⁸ Kousser I. M. Quantitative social-scientific history. — In: The Past before US: Contemporary historical writing in the United states. Ithaca, London: Cornell Univ. Press, 1980, p. 444.

⁹ См.: Гаджиев К. С., Сивачев Н. В. О междисциплинарном подходе в современной буржуазной историографии США. — Новая и новейшая история, 1977, № 6; Соколов А. К. О применении новых методов в исследованиях историков США. — В кн.: Математические методы в социально-экономических исследованиях. М., 1981.

лигиозных меньшинств, семья, образование и др. Все большая часть американских историков переходит от изучения истории элиты, запечатленной в многочисленных литературных источниках, к изучению жизни так называемых рядовых или безымянных американцев, не оставивших после себя индивидуальных письменных свидетельств¹⁰. Центральная методологическая задача, по словам М. Фриша, состоит в том, чтобы преодолеть ограниченность традиционных источников и найти путь к познанию жизни «молчаливого» большинства, длительное время отодвигавшегося на задний план в американской истории¹¹.

Новая «количественная социально-научная история» потребовала обращения историков к большим массивам исторической информации, позволяющей количественно измерить массовые явления в различных сферах общественной жизни. С начала 1960-х годов приверженцы этого направления сконцентрировали усилия на аккумуляции разрозненных исторических данных, поиске новых источников и создании единых программ обработки и хранения больших массивов исторической информации. Университетами и частными организациями создаются банки данных и машинные архивы, предназначенные для закодирования и машинной обработки комплексов массовых данных с целью их долговременного хранения и многоразового использования¹². Контроль за отбором и хранением документов, существующих в машинной форме записи, осуществляет созданная в 1969 г. при Национальном архиве США группа ЭВМ, которой руководит один из крупных специалистов в области «количественной» истории — Ч. Доллар. Все это, однако, не решает в целом проблемы концентрации разрозненных источников и создания общенациональных массивов исторической информации. Значительная часть машиночитаемых и других «количественных» источников остается в учреждениях или у исследователей вопреки требованиям централизации их хранения. Поэтому необходимо, как считают историки, создание специальных программ с целью собирания рассеянной по хранилищам исторической информации, ее обработки, хранения и повышения доступности для исследователей¹³.

Сдвиги в историографии и способах документирования неизбежно привели к переосмыслению многих ценностных представлений американской архивистики. Часть архивистов проявила упорную приверженность традиции, усматривая основное предназначение архивов в сохранении той части документации, которая отражает деятельность правительственных учреждений и институционализованных сфер жизни. М. Бричфорд заявил, что «сама функция государственных архивов побуждает архивистов быть поборниками институциональной истории и истории государственных учреждений»¹⁴. Большинство же выражает недовольство устаревшими представлениями о ценности документов и призывает к пересмотру их методологического основания. По мнению Ф. Хэма, М. Фишбеяна, В. Рэндела, Ф. Миллера, Г. Финча, хранимые в архивах документы все более перестают удовлетворять исследователей в области социальных наук, в частности социальной истории. И если историки сегодня все чаще обращаются к массовым источникам — цензам, переписям, налоговым и земельным описям, материалам судопроизводства, документам городского и сельского управления, избирательных компаний, опросов общественного мнения, церковным и приходским книгам, медицинским документам,

¹⁰ Kousser I. M. Op. cit., p. 444—445.

¹¹ Frisch M. American Urban history as example of recent historiography. — History and theory, 1979, N 2, p. 358.

¹² Kousser I. M. Op. cit., p. 447—450; Guide to resources and services 1978—1979. Ann Arbor, (Mich.), 1979; см. также: Бородкин Л. И., Селунская Н. Б. Методы изучения социальной истории в американской историографии: (По поводу «Проекта социальной истории Филадельфии»). — История СССР, 1978, № 2, с. 217—226; Соколов А. К. Указ. соч., с. 380—382.

¹³ Kousser I. M. Op. cit., p. 448.

¹⁴ Brichford M. I. Archives and manuscripts: appraisal and accessioning. Chicago, 1977, p. 9—10.

то архивы остаются хранилищами документов финансовой и духовной элиты, государственной администрации¹⁵. Известный специалист в области социальной истории Дж. Хенретта назвал американские архивы продуктом систематического предубеждения, которое превращает их, скорее, в «хранилища источников по антропологии элиты, чем социальной истории общества»¹⁶.

Наиболее радикально настроенные архивисты считают преувеличенной доказательную и административную ценность документов, не без основания полагая, что границы государственной и общественной жизни отнюдь не совпадают. Функционирование государственных учреждений, по мнению Ф. Миллера, обычно достаточно полно отражается в различных публикациях и документах с повторяющейся информацией¹⁷. Сторонники «учрежденческого» подхода, обосновывая свою позицию, нередко обращаются к одному из патриархов англо-американской архивистики Х. Дженкинсону, считавшему, что архивы служат своего рода «ведомственной памятью» для государственных служащих¹⁸. Вопреки этому Миллер утверждает, что в США — стране, не имеющей глубоких исторических традиций, — служащие государственного аппарата крайне редко интересуются служебными прецедентами давностью свыше нескольких лет даже в текущем делопроизводстве¹⁹. Он отрицает даже саму способность документов государственных учреждений, частных организаций адекватно отражать действительность: самая случайная запись устной истории часто отражает ее более точно. Он заключает, что скрупулезное сохранение протоколов, докладов, меморандумов, создающихся в высших звеньях государственного управления, наряду с незначительной выборкой судебных дел и других массовых источников, в том числе и возникающих вне государственного делопроизводства, может привести к нерепрезентативному отражению исторической действительности в документах архивохранилищ²⁰.

Несостоятельность ныне принятой системы оценки становится еще очевиднее при попытке распространить ее на нетрадиционные виды документов. Появление новых средств оргтехники, «бесбумажная» технология и применение ЭВМ для обработки делопроизводственной документации сопровождаются ростом числа машиночитаемых документов и сокращением доли традиционных текстовых документов. Среди архивных документов все более заметное место занимают перфокарты, перфоленты, магнитные ленты и диски, предназначенные для автоматического считывания. Специфика этой документации ставит перед архивистами задачу разработки новых оценочных критериев ее отбора на хранение. Как указывал Ч. Доллар, стандарты оценки для машиночитаемых документов уже «значительно отличаются от стандартов для текстовых документов, так как основным критерием их отбора является не доказательная, а информационная ценность»²¹. Иными словами, он предлагает исходить не из функциональных характеристик документов, а из качества содержащейся в них информации. Ф. Блуин отмечал, что ценность информации в новых видах документов обусловлена не «фактором ее происхождения, но самим фактом ее существования»²². Определение исторической ценности машиночитаемых документов, по мнению Доллара и Блуина, потребует от архивистов специальной подготовки. Американские архивисты разрабатывают весь комплекс вопросов, связанных с оценкой, отбором, хранением и обработ-

¹⁵ Ham F. G. Op. cit.; Fishbein M. N. Op. cit.; Rundel W. I., Finch H. State of historical records: A Summary. — AA, 1977, N 3; Miller F. M. Social history and archival practice. — AA, 1981, N 2.

¹⁶ Henretta J. An Anthropology of an elite. — Rev. amer. hist., 1979, N 3, p. 366.

¹⁷ Miller F. M. Op. cit., p. 120.

¹⁸ Jenkinson H. A Manual of archive administration. L., 1965, p. 153.

¹⁹ Miller F. M. Op. cit., p. 120.

²⁰ Ibid., p. 120.

²¹ Dollar C. M. Appraising machine-readable records. — AA, 1978, N 4, p. 423—424.

²² Blouin F. X. A new perspective on the appraisal of business records: A Review. — AA, 1979, N 3, p. 320.

кой машиночитаемых документов, о чем свидетельствует рост числа посвященных им исследований²³.

Развитие «количественной» истории и применение ЭВМ в исторических исследованиях содействуют пересмотру многих устоявшихся взглядов американских архивистов. Еще совсем недавно считалось, что хранение в архивах слишком большого числа документов является злом для историков, создавая «информационный шум», затрудняющий отбор наиболее значимой информации. Эту точку зрения разделяли и сами историки. Применение ЭВМ для систематизации, хранения и поиска массовой документации позволяет исследователям оперировать большими массивами исходных данных. Меняется и сама научная ориентация историков: познание единичного и уникального сменилось изучением общего и типического, история событий стала уступать место истории структур различной временной длительности. Такой подход предполагает обращение к однородной и сопоставимой информации массовых источников, позволяющей подметить повторяемость исторических явлений, т. е. установить их закономерности. Так Хэм и Фишбейн считают, что архивисты должны задаться вопросом: какие документы обладают большей исторической ценностью — традиционные индивидуальные или массовые, доступные количественному анализу? Ориентация архивов на отбор первых в ущерб вторым, по их мнению, противоречит общему направлению развития науки, в частности исторической²⁴.

Опровергается и положение Шелленберга о том, что масса первичной документации бесполезна и может быть уничтожена при условии ее переработки и обобщения в различных сводных отчетах²⁵. Его исходная посылка — максимальное извлечение информации первичных массовых источников при их однократном использовании и подготовке суммирующих документов, после чего они становятся бесполезными для архивного хранения. Как указывает Фишбейн, это не соответствует новым методам анализа и обработки информации, выявившим информационную неисчерпаемость исторических источников²⁶. Математико-статистические и машинные методы дают возможность, обращаясь к первичным массовым документам, уже подвергавшимся обработке, извлекать дополнительную информацию и ставить принципиально новые исследовательские вопросы. Кроме того, источники, зафиксировавшие первичную информацию, в семантическом отношении особенно ценны, так как наиболее адекватно отражают историческую действительность.

Наиболее приемлемым способом отбора современной массовой документации многие архивисты считают репрезентативную выборку, призванную отразить основное информационное содержание всего массива. Архивная выборка, полагает Ф. Боулз, включает в себя математический подход; ее основные элементы: установление однородности генеральной совокупности, репрезентативность выборки, величина отклонения — могут быть определены на основе хорошо разработанных методов математической статистики²⁷. Архивисты должны будут, по его мнению, овладеть математикой, чтобы построить модели репрезентативного отбора, обеспечивающие «подтягивание» архивистики до уровня современной науки.

Определенный интерес представляет обсуждение в американской архивистике вопроса о восполнении информационных лакун в традиционных документах с помощью таких систем документирования, как «устная история» и семейные биографии. Проблема возникла в связи с укреплением в американской историографии позиций «новой социальной истории»,

²³ *Fishbein M. H.* Appraising information in machine language form. — AA, 1972, N 1; *Dollar C. M.* Op. cit.; *Idem.* Computers, the national archives and researchers. — *Prologie*, 1976, N 2.

²⁴ *Fishbein M. H.* Op. cit., p. 183; *Ham F. G.* Op. cit., p. 12.

²⁵ *Schellenberg T. R.* The Appraisal of modern public records, p. 42.

²⁶ *Fishbein M. H.* Appraisal of twentieth century records for historical use. — *Illinois Libr.*, 1970, N 2, p. 160—161.

²⁷ *Boles F.* Sampling in archives. — AA, 1981, N 2, p. 126.

главной целью которой стало изучение «повседневной деятельности обычных людей»²⁸. Оказалось, что обширные пласты информации, касающиеся семьи, массовой культуры, социальной психологии, обыденного сознания, быта, нравов, образа жизни, либо вообще не фиксируются в традиционных документах, либо отражаются в них крайне отрывочно и фрагментарно.

Признание историками и архивистами этой проблемы способствовало оживлению интереса к «устной истории», т. е. записанным на магнитную ленту свидетельствам участников и очевидцев событий. Центры устной истории при университетах, библиотеках, государственных учреждениях, частных организациях осуществили ряд программ по интервьюированию представителей различных слоев общества — от политических и государственных деятелей до рядовых американцев: фермеров, рабочих, студентов, иммигрантов, представителей национальных и религиозных меньшинств²⁹.

Важным методом документирования жизни социальных групп, не оставивших литературных памятников, явилось собирание документов по истории семьи³⁰. Преподаватели университетов, колледжей, высших и средних школ стали поручать учащимся написание истории или биографии своих семей. Толчком к распространению этой практики послужил проект анонимной семейной истории, составленный в 1970 г. известными историками семьи Р. Брауном, Т. Гаревен и Д. Моделем с целью воссоздания семейных биографий и их концентрации в специальных архивохранилищах³¹. Семейные биографии имеют много общего с «устной историей», так как их основной источник — устные интервью с представителями разных поколений семьи.

Распространение «устной истории» и появление семейных биографий поставило ряд вопросов. Среди части историков и архивистов наметилась тенденция отрицать саму возможность использовать эти виды источников. Абсолютизовав искажающее влияние на информацию памяти и социально обусловленной позиции авторов этих источников, они утверждали, что последние вообще не могут соотноситься с исторической реальностью³². Однако данные качества не являются специфическими только для этих видов источников, они присущи и другим документам личного происхождения (мемуарам, дневникам, письмам, автобиографиям).

Тенденция отрицать за указанными видами документов право входить в систему исторических источников и быть объектом комплектования архивов не возобладали в американской историографии и архивистике. По словам У. Мосса, «при отсутствии первоисточников собирание устных свидетельств может способствовать реконструкции исторической действительности»³³. Поскольку большинство людей в наше время не документируют свою жизнь, для изучения современной истории собирание исторической информации посредством «устной истории» и семейных биографий становится необходимостью³⁴. Важнейшее направление деятельности архивистов — создание специальных хранилищ «устной истории» и семейных биографий и разработка методики их отбора, хранения, использования.

Сравнительно недавно в американской архивоведческой литературе стали обсуждаться проблемы формирования теории информационного

²⁸ Stearns P. N. Coming of age. — J. soc. hist., 1976, N 2, p. 254.

²⁹ Hoover H. T. Oral history in the United states. — In: The Past before us. . . , p. 391—407; Oral history and archivist: some questions to ask. The committee on oral history of the SAA. — AA, 1973, N 3, p. 361; Бэрг Маклин П. Устная история в США. — Новая и новейшая история, 1976, № 6.

³⁰ Hareven T. K. The History of the family as an interdisciplinary field. — J. Interdisc. hist., 1971, N 3, p. 399—414; Gordon M. The American family in social-historical perspective. N. Y., 1973.

³¹ Kuvig D. E. Family history: new opportunities for archivists. — AA, 1975, N 4, p. 512.

³² Ibid., p. 519.

³³ Moss W. W. Oral history: An appreciation. — AA, 1977, N 2, p. 439.

³⁴ Culbert D. H. Family history projects: the scholarly value of the informal sample. — AA, 1975, N 4, p. 534—535.

поиска. Длительное время архивы рассматривались в основном как системы хранения документной информации, что привело к недооценке вопросов развития архивных информационно-поисковых средств. Американские архивисты обращают внимание на ограниченность доступа к информации из-за разрыва между растущими объемами архивной документации и возможностями ее освоения с помощью традиционного научно-справочного аппарата. Они выражают недовольство состоянием информационного поиска и особенно отсутствием приемлемого решения его центральной задачи — обеспечения тематического доступа к архивной информации ³⁵.

Эту озабоченность в определенной степени разделяют и архивисты других стран. Особая острота проблемы в американской архивистике объясняется историческими причинами. В США значительно позже, чем в западноевропейских странах, утвердились классификация архивных документов по исторически сложившимся в сфере документообразования группам и связанный с ней принцип сохранения первоначальной внутренней структуры документальных образований. По словам Р. Бернера, до 1960 г. в американских архивах превалировала традиция сбора «исторических рукописей», ориентированная на отбор и хранение разрозненных, вырванных из своей естественной среды документов и их систематизацию по содержанию на основе искусственных библиотечных классификационных схем. Этим схемам соответствовали тематические справочные средства: каталоги, описи, указатели, путеводители, раскрывающие содержание каждого документа ³⁶. Противоречие между такой классификацией и интегральным характером современных документов, возникающих в деятельности государственных учреждений, побудило архивистов принять за основу классификации принцип происхождения. Но поскольку предметно-тематический поиск представлялся им логическим следствием библиотечной классификации, отказ от нее отрицательно повлиял на развитие тематических поисковых средств. Появился справочный аппарат, основывающийся на структуре документов, ибо генетическому принципу систематизации соответствуют генетически ориентированные средства информационного поиска. В результате, как отмечали М. Пэг и Ф. Миллер, основные справочные средства американских архивов — описи документных групп, серий, дел — содержат формальные данные о происхождении, функциях и структуре документов и очень мало говорят об их содержании ³⁷. Карточные же каталоги и тематические путеводители, призванные компенсировать ограниченность структурных поисковых средств, в американских архивах необязательны; они чаще встречаются в хранилищах рукописей, унаследовавших свои тематические справочные средства от библиотек.

Наиболее резко недостатки традиционного справочного аппарата в свете изменившихся запросов исторической науки критиковал Ф. Миллер. По его мнению, генетические поисковые средства даже при их тематической ориентации мало пригодны для эффективного удовлетворения узкопредметных и тематических запросов исследователей ³⁸. Их интересы все больше требуют выявления рассеянных в пространстве документов и получения систематизированных данных о семантическом составе документальной информации. Но генетически построенные справочники ориентируют в основном на установление места документа или совокупности документов в определенной группе ³⁹. Кроме того, по утверждению Миллера, традиционный архивный поиск, сформировавшийся под влиянием «старой исторической школы» с ее неторопливыми архивными разыскани-

³⁵ Miller F. M. Op. cit.; Pugh M. The Illusion of omniscience: subject access and the reference archivist. — AA, 1982, N 1; Berner R. C. Toward national archival priorities: a suggested basis for discussion. — AA, 1982, N 2.

³⁶ Berner R. C. Op. cit., p. 164—165.

³⁷ Miller F. M. Op. cit., p. 121; Pugh M. Op. cit., p. 35.

³⁸ Miller F. M. Op. cit., p. 121.

³⁹ Ibid., p. 121—122.

ями, уже не отвечает современным потребностям в быстрой информации. Генетические (как правило, одноаспектные) средства архивного информационного поиска предоставляют огромные массивы информации для сплошного перебора, и нередко совершаемые при этом «архивные открытия» выявляют несовершенство и неэффективность существующих учетных и поисковых механизмов ⁴⁰.

Рассмотрение состояния информационно-поисковых средств привело и к переосмыслению многих устоявшихся постулатов традиционного архивного поиска. К их числу относится, например, представление о роли архивиста как посредника между потребителем и поисковыми средствами, посредника, достаточно хорошо информированного в содержании документов и истории фондообразователей, для того, чтобы увязать тематический запрос с информацией поисковых средств, ориентированных по принципу происхождения ⁴¹. Успех тематического поиска, как указывал Р. Литл, ставится в зависимость от таких субъективных факторов, как опыт, знания и интуиция архивиста ⁴². Далее, было принято считать, что система поиска, основанная на принципе происхождения, будет «работать» только при наличии у потребителя некоторой априорной информации, инвариантной относительно поисковых средств. Как отмечали Ф. Брукс, Р. Бернер, Г. Бетис и Г. Пекхэм, «серьезный исследователь» должен хорошо ориентироваться в административной истории, чтобы связать свою тему с фондообразователями, документы которых могут содержать необходимые сведения ⁴³. И, наконец, последнее: традиционный архивный поиск рассматривался как процесс эвристического перебора больших массивов архивной информации, при котором исследователь заинтересован в непосредственном просмотре и отборе материала с целью выхода к искомым документам. Достоинство такого поиска — в установлении информационных связей между отдельными документами и документными группами, когда сами документы начинают выполнять поисковые функции ⁴⁴.

Американские архивисты по-разному оценивают указанные положения, прежде всего тезис о «всеведении» архивиста. В специальной работе Пэг показал, что рекомендуемая Шелленбергом тематическая специализация по архивным документам не может осуществляться, так как их обработка и поиск разделены функционально между разными группами архивистов ⁴⁵. Поэтому их способность безошибочно ассоциировать тематический запрос с названиями учреждений или лиц, документы которых содержат искомую информацию, объявляется Пэгом, скорее, исключением, чем правилом.

Не нашла подтверждения и посылка о генетическом подходе к поиску информации как единственном и решающем для «эрудированных» и «неэрудированных» потребителей. Для ее проверки Комитет Общества американских архивистов (по справочным средствам) провел в 1976 г. специальное исследование информационных запросов в хранилище исторических коллекций Мичигана. Как оказалось, 40 % исследователей (61 из 156) имели основательную подготовку по своей теме, 40 % были неподготовлены, 20 % имели незначительную подготовку. Но независимо от степени эрудиции примерно 50 % исследователей начинали с тематического запроса или обращались к карточному каталогу ⁴⁶. Эти данные были подтверждены М. Стевенсом, год спустя опросившим 123 историков со степенью доктора наук в штате Висконсин. Ответы показали равную

⁴⁰ Ibid., p. 122.

⁴¹ Schellenberg T. R. The Management of archives. N. Y., 1965, p. 109.

⁴² Lytle R. Intellectual acces to archives: report on an experiment. — AA, 1980, N 2, p. 194.

⁴³ Peckham H. Aiding the scholar in using manuscript collections. — AA, 1956, N 3, p. 221—228; Brooks Ph. Research in archives: the use of unpublished primary sources. Chicago, 1969, p. 12; Berner R., Bettis M. G. Description of manuscript collections: a single network system. — Coll. res. libr., 1969, N 3, p. 405—416.

⁴⁴ Pugh M. Op. cit., p. 37.

⁴⁵ Ibid., p. 39.

⁴⁶ Ibid., p. 40.

заинтересованность историков в двух формах поиска — генетической и основанной на тематическом каталоге ⁴⁷.

Разные типы запросов, по мнению Литла, есть объективная реальность, отражающая природу поисковых потребностей в архивной информации, и это определяет необходимость в обеих формах тематического поиска ⁴⁸. Применяемые методы архивного поиска, считают Литл и Бернер, должны соответствовать исследовательским задачам. Поэтому идеальным решением проблемы является создание системы справочников, включающих построенные по структурному принципу описи и основанные на предметном раскрытии содержания документов каталоги, тематические путеводители и обзоры.

Американским архивистам полвека спустя после создания Национального архива США приходится доказывать необходимость таких средств тематического поиска, как каталоги, тематические путеводители, указатели и обзоры. Этот факт свидетельствует об определенном отставании американской архивистики в формировании теории информационного поиска. Советские архивисты строят систему научно-справочного аппарата как комбинацию обеих форм тематического поиска: 1) генетической в своей основе — по путеводителям и описям и 2) систематическому каталогу, где ведущим признаком деления является не признак происхождения документов, а «принадлежность сведений о документальных материалах к той или иной отрасли деятельности, знаний или народного хозяйства и т. п.» ⁴⁹.

В отличие от Литла, Бернера, Пэга и других архивистов Миллер в принципе отвергает использование генетического поиска по описям документных групп и серий. Новейшие направления американской историографии, прежде всего междисциплинарная социальная история, современные технические средства и меняющийся характер архивных документов — таковы, по его мнению, основные факторы, побуждающие отказаться от систематизации документов по происхождению и основанной на ней методики архивного поиска. Архивисты должны «сосредоточить свое внимание на поиске архивной информации независимо от ее происхождения и на сборе разрозненной информации по отдельным темам из разных коллекций и документных групп и ее концентрации в одном месте» ⁵⁰. Использование электронно-решающих устройств позволит детально систематизировать архивный материал по содержанию и подготовить адекватные справочные средства для удовлетворения тематических запросов. Принцип происхождения Миллер трактует исключительно как основу физической классификации архивных документов и отрицает его возможности направлять информационный поиск ⁵¹. Идеалом Миллера является организация архивов типа банков данных с соответствующей рассортировкой политематической по содержанию архивной информации по отдельным темам.

Значительная часть американских архивистов указывает на трудности технического характера и экономическую нецелесообразность создания архивохранилища с полностью автоматизированными процессами хранения и поиска из-за низкой частоты запросов. Многие архивисты вполне обоснованно отвергли систематизацию архивных документов по содержанию, так как она привела бы к разрушению исторически сложившихся и складывающихся документных комплексов и для исследователей была бы

⁴⁷ Stevens M. E. The Historian and archival finding aids. — Geor. arch., 1977, N 1, p. 64—74.

⁴⁸ Lytle R. Intellectual acces to archives: provenance and contentindexing methods of subject retrieval. — AA, 1980, N 1, p. 64—65.

⁴⁹ Рудельсон К. И. Современные документные классификации. М., 1973, с. 113; см. также: Автократов В. Н. Вопросы традиционного архивного поиска. — В кн.: Вопросы кибернетики. Современные документальные системы. М., 1979; Основные положения развития системы научно-справочного аппарата к документам государственных архивов СССР. М., 1981.

⁵⁰ Miller F. M. Op. cit., p. 122.

⁵¹ Ibid., p. 122.

навсегда потеряна возможность исследования фактов в их исторической взаимосвязи.

Применение кибернетических методов в американских архивах идет по двум направлениям. Во-первых, создаются локальные автоматизированные информационно-поисковые системы на выборочные тематические комплексы документов, как правило наиболее интенсивно используемые. Введены в действие такие системы по документам 23 президентов США, начиная с К. Кулиджа, хранимым библиотекой конгресса, и по документам Континентального конгресса⁵². Во-вторых, создаются автоматизированные системы поиска информации по документам отдельных архивов. Созданная в архиве Балтиморского регионального центра институциональных исследований автоматизированная информационно-поисковая система включает пакет программ, охватывающих архив как сплошной ряд документов, индексированных на уровне дела независимо от их систематизации, и рассчитана на поиск и извлечение информации, проводимые в режиме диалога потребителя с системой⁵³. Однако из-за трудоемкости и высокой стоимости создания АИПС такого типа пока не получила широкого распространения в американских архивах, и вопросы выбора объекта автоматизации и тех или иных разновидностей ИПС в настоящее время оживленно обсуждаются в американской архивоведческой литературе.

Новые требования к архивам в связи с изменившимися запросами историографии привели к пересмотру традиционных представлений об архивистике как сугубо эмпирической дисциплине, неспособной самостоятельно вырабатывать теоретическое знание и потому заимствующей его из других наук. Выражая утилитарный подход к архивистике, С. Бак более 40 лет назад определял ее как сплав «отдельных частей разных дисциплин или областей знания с некоторыми принципами и техникой, вытекающими из практического опыта»⁵⁴.

С критикой подобных взглядов выступил архивист и историк Ф. Бурк, попытавшийся наметить контуры будущей архивной теории, которой, по его мнению, не располагает американская архивистика. Бурк утверждает, что не следует более заниматься вопросами, традиционными для архивистики, — систематизацией и описанием документов, структурой управленческих документов, подготовкой архивных публикаций, техникой микрофильмирования или ламинирования⁵⁵.

Предлагаемые Бурком вопросы для теоретизирования касаются в основном пограничных проблем, лежащих на стыке архивоведения с другими научными дисциплинами. Это изучение закономерностей документообразования и социологических аспектов управления документацией. Далее, познавательные функции архивистики, по мнению Бурка, должны быть направлены на выяснение природы исторического факта и связанных с ним гносеологических вопросов исторического опознания. Например: являются ли содержащиеся в документах исторические факты фрагментами самой исторической действительности или они — результат творения создателей этих документов? Могут ли архивисты быть уверенными, что мир исторических фактов, представленный в хранимых ими документах, относится к самой отошедшей в прошлое действительности, а не к сфере творящего ее сознания? Иными словами, ограничивается ли функция архивистов только хранением «письменных следов прошлого» или архивисты отвечают за достоверность содержащейся в этих «следах» информации⁵⁶? И далее: если формирование «аппарата фактов» зависит от непрерывно изменяющегося исторического видения историков и соответствующие ценностные представления пронизывают собой политику отбора до-

⁵² *Torchia M. M.* Two experiments in automated indexing: the presidential papers and the papers of the continental congress. — AA, 1976, N 4, p. 437—445.

⁵³ *Pederson E.* Archival outreach: SSA's 1976 Survey. — AA, 1978, N 2, p. 156—157.

⁵⁴ *Buck S. I.* The Training of american archivist. — AA, 1941, N 2, p. 85.

⁵⁵ *Burke F. I.* The future course of archival theory in the United States. — AA, 1981, N 1, p. 42.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 42—43.

кументов в архивы, что должны предпринять архивисты, чтобы преодолеть «преходящие» и «привходящие» субъективные мотивы или, по крайней мере, снизить их воздействие на архивное комплектование⁵⁷?

Эти вопросы возвращают архивистов к дискуссиям между позитивистами и релятивистами 1930—1950-х годов, что свидетельствует о методологической несостоятельности американской буржуазной философии истории.

Другой важнейшей областью теоретических исследований, считает Бурк, является изучение потребностей общества в ретроспективной документной информации, их природы и характера. Он формулирует следующие вопросы: «Является ли импульс к сохранению ценных документов недавно возникшим феноменом и, если это так, когда и почему он возник? Или он представляет собой порождение иудейско-христианской этики, как, например, хранение части распятия, подлинной торы или рукописных дневников Бригхэма Янга?»⁵⁸ Архивистам, по его мнению, предстоит выяснить правомерность хранения подлинников документов, так как для удовлетворения информационных потребностей, по-видимому, достаточно предоставления самой информации независимо от ее первоначального материального носителя. Если это так, «не смешивают ли архивисты антикварную ценность документов с антикварными ценностями музеев и художественных галерей?»⁵⁹. Значение этих вопросов для определения будущего архивов очевидно. От ответа на них зависит, должны ли архивы превратиться в центры, хранящие информацию в оптимально удобной для использования форме, в то время как образцы подлинников наиболее ценных документов будут передаваться в музеи, или архивы должны остаться, по выражению Бурка, «великими хранилищами реликвий».

Исследование указанных проблем совместными усилиями архивистов, историков и представителей других смежных дисциплин, изучающих природу информации и теорию управления, по убеждению Бурка, позволит создать некую новую философию архивов, представляющую сплав «теорий и догм», опирающийся на систему непреложных законов⁶⁰.

Следует признать, что Бурк поднимает общий для архивистов многих стран вопрос о недооценке аналитических и синтезирующих возможностей архивоведения при изучении закономерностей документообразования, достоверности и репрезентативности архивной информации, характера информационных потребностей общества. Его предложения о выходе за пределы традиционной архивной проблематики в более широкую сферу историко-философских и информационных проблем или так называемой «архивной философии» представляют интерес для советских архивистов. Но если для американской архивистики создание такой «архивной философии», по признанию самого Бурка, весьма отдаленная перспектива, то для советского архивоведения переход от эмпирической стадии к теоретической является уже пройденным этапом. Советское архивоведение имеет бесспорные достижения в разработке своих теоретико-методологических проблем⁶¹.

С наиболее развернутой критикой идей Бурка выступил Л. Капоне в работе под примечательным названием «О чем же все-таки следует теоретизировать?»⁶². Отмечая, как и Бурк, наличие кризисных явлений в американской архивистике, Капоне при этом не склонен полностью отрицать ее вклад в развитие архивной теории, указывая в особенности на труды

⁵⁷ Ibid., p. 43.

⁵⁸ Ibid., p. 44.

⁵⁹ Ibid., p. 45.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ См.: Рудельсон К. И. Современные документные классификации; Теория и практика экспертизы ценности документов и комплектования государственных архивов СССР. — ТВНИИДАД, 1974, т. IV, ч. I—II; Атократов В. Н. Теоретические проблемы советского архивоведения (1960—1970): Дис. . . д-ра ист. наук. М., 1982; и др.

⁶² Cappon L. What, then is there to theorize about. — AA, 1982, N 1, p. 19—25.

известного архивиста начала XX в. У. Леланда⁶³. По его мнению, Бурк отождествляет архивную теорию с теорией истории, стирает различия между архивистикой и историческими дисциплинами, на которые обращали внимание такие авторитеты англо-американской архивоведческой мысли, как У. Леланд, Х. Дженкинсон и М. Нортон⁶⁴. Архивистика, по утверждению Капоне, является вполне автономной отраслью знания, хотя он и признает плодотворность тесного взаимодействия между архивистикой и исторической наукой. Собственных суждений о качественном своеобразии архивоведческого знания, его структуре, границах, месте в кругу других научных дисциплин Капоне не высказывает, ограничиваясь критическими замечаниями в адрес Бурка, и вопрос, вынесенный в заглавие его статьи, остается открытым.

Как показывает анализ, в современной американской архивоведческой мысли произошли существенные изменения, связанные с критическим переосмыслением ряда традиционных представлений в области комплектования архивов, информационного поиска и формирования архивной теории. В то же время поиски новых решений при отсутствии прочной теоретической базы научных исследований неизбежно ограничены, и американские архивисты, как и прежде, оказываются не в состоянии ответить на многие назревшие вопросы архивного дела.

---

⁶³ Ibid., p. 21.

⁶⁴ Ibid., p. 22—23.

О ХРОНОЛОГИИ ТРОИЦКИХ АКТОВ КОНЦА XIV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV В.

Публикация почти всего корпуса актовых источников XIV—XV вв.¹ заложила хорошую основу для более углубленного изучения русской истории. Но датировка многих актов (особенно конца XIV—первой половины XV в.) пока весьма приблизительна. Источниковедческая мысль продолжает искать пути к уточнению хронологии различных крупных комплексов актов — княжеских духовных и договорных грамот², актов Северо-Восточной Руси³ и новгородско-псковских⁴. Этой проблеме посвящена и данная статья.

Для большинства частных актов Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., связанных с отказом земли в монастыри (жалованные, данные, духовные, купчие, меновные грамоты), характерно упоминание об игумене в статье о получении монастырем той или иной земли. Это говорит о достаточно развитой традиции упоминания в адресате или адресанте этих разновидностей настоятеля той корпорации, куда адресуется земельный вклад. И поэтому написание грамот, не упоминающих настоятеля, в период междуигуменства (междурхимандритства) весьма вероятно. В таких дошедших преимущественно в составе монастырских фондов разновидностях документов XIV—XV вв., как судные и разъезжие грамоты, упоминание настоятеля монастыря, по наблюдениям автора, скорее, исключение, чем правило. Судные и разъезжие грамоты — источники не договорного характера (которые требуют точного указания на договаривающиеся стороны⁵). Это, по сути дела, распоряжения, составившиеся представителями государственной власти о решении земельных споров между конфликтующими сторонами и не контролировавшиеся монастырскими старцами.

Предположение о написании актов Северо-Восточной Руси, не упоминающих игумена, в период междуигуменства (междурхимандритства) высказал еще И. А. Голубцов⁶. Но при датировке актов Северо-Восточной Руси он эту идею последовательно не провел. В дальнейшем мысль И. А. Голубцова встретила поддержку в работах С. М. Каштанова, который отметил, что традиция упоминать настоятеля в адресате (адресанте)

¹ ГВНИ. М.; Л., 1949; ДДГ. М.; Л. 1950; АФЗХ. М., 1951. Ч. I; 1956. Ч. II; АСЭИ. М., 1952. Т. I; 1958. Т. II; 1964. Т. III; *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966; *Корецкий В. И.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. — АЕ за 1967 год. М., 1969, с. 275—291; *Кобрин В. Б.* Грамоты XIV—XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря. — АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 406—410; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970; *Голубцов И. А., Назаров В. Д.* Акты XV—начала XVI в. — СА, 1970, № 4, с. 74—90.

² *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. (Далее — РФА) М.; Л., 1948; Ч. 1; *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1958, вып. 6; *Каштанов С. М.* К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV—начала XVI вв. — ВИД. Л., 1979, вып. 11, с. 238—251.

³ *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV—первой трети XVI в. М., 1967.

⁴ *Зимин А. А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1956, вып. 5; *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1; *Он же.* К хронологии новгородских актов Василия Темного. — АЕ за 1979 год. М., 1981, с. 43—49; *Андреев В. Ф.* О датировке некоторых двинских грамот. — ВИД. Л., 1978, вып. 10, с. 181—200.

⁵ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики, с. 8—10.

⁶ АСЭИ, т. I, с. 33, 55, 96, 129, 251, 252; т. II, с. 487; т. III, с. 156, 174, 472.

актов возникла на определенной (относительно поздней) ступени развития русского акта (самые первые русские акты адресовали вклад непосредственно корпорации, не упоминая настоятеля), а также в статье В. А. Кучкина и Б. Н. Флори⁷.

В настоящей статье под углом зрения вероятного написания в период междуигуменства актов, не упоминающих настоятеля монастыря, исследуются грамоты Троице-Сергиева монастыря конца XIV—первой половины XV в. Ко времени междуигуменства мог примыкать определенный период, когда новый настоятель был «наречен» на игуменство, но формально еще не был утвержден настоятелем. Такая практика хорошо известна по утверждению в сане митрополитов и новгородских владык. В эти периоды грамоты также могли оформляться только на корпорацию и не упоминать игумена. Так что в дальнейшем, говоря о «междуигуменстве», подразумеваю под этим термином не только период отсутствия настоятеля в монастыре, но и примыкающий к нему период между наречением и формальным утверждением настоятеля.

При систематическом учете монастырских актов, не упоминающих игумена (архимандрита), следует, конечно, помнить об известной условности моих соображений, исходящих из мысли о написании монастырского акта, не упоминающего настоятеля, в междуигуменство (междуархимандритство). Копиисты дошедших в списках грамот могли по небрежности пропустить упоминание об игумене⁸. Ниже я укажу и на некоторые другие возможные причины неупоминания игумена.

Игумены в Троице-Сергиевом монастыре менялись в 1391/92, 1393, 1399, 1427/28, 1432 гг., между 1 сентября 1444 и 27 мая 1446 г., между 10 мая и 4 декабря 1447 г. После Сергия Никон сразу стал игуменом. В других случаях место настоятеля какое-то время было вакантным. Последние два периода междуигуменства установлены на основании точно датированных актов, другие периоды — 1393, 1399, 1427/28, 1432 гг. — лишены таких твердых и бесспорных хронологических граней и в известной мере условны⁹. Из 158 троицких актов, относящихся к периоду до 1447 г., не упоминают игумена по имени 45. Особенно большой перевес актов, упоминающих настоятеля, прослеживается по жалованным грамотам (лишь 3 из 52 грамот не называют игумена)¹⁰. Значителен этот перевес и по данным грамотам — 43 и 17¹¹. Упомянут игумен в двух (из трех) завещаниях¹². В целом же для этих разновидностей актов, по которым земельный вклад оформляется от имени вкладчика, характерно явное преобладание документов, упоминающих игумена (3/4 из 115). Преобладание резко выражено в княжеских жалованных грамотах, чем в исходящих от частных лиц данных и духовных. Князья, видимо, предпочитали дожидаться, пока будет выбран новый настоятель и политическая ориентация монастыря станет более или менее определенной. Для других земле-владельцев это, думается, было не столь важно, и они не опасались давать земли корпорации, где не было настоятеля. Князья знали положение дел в иерархии крупнейшего монастыря Северо-Восточной Руси, а некоторые

⁷ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики, с. 406; *Он же.* Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.). — АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 109; *Кучкин В. А., Флора Б. Н.* О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями. — В кн.: *Актовые источниковедение.* М., 1979, с. 206—207.

⁸ Из привлекаемых к исследованию в настоящей статье 45 грамот только десять дошли в подлиннике (АСЭИ, т. I, № 70, 71, 115, 119, 120, 146, 148, 155, 160, 173).

⁹ *Брюсова В. Г.* Списки игуменов Троице-Сергиева монастыря первой половины XVI в. — АЕ за 1969 год. М., 1971, с. 294; АСЭИ, т. I, № 175, 179, 191, 192.

¹⁰ АСЭИ, т. I, № 29—31, 34, 35, 40, 42, 44, 46—49, 55, 57, 74, 76, 92—95, 97—99, 101—105, 109, 122, 133, 135, 139, 140, 165, 166, 170—172, 175, 179, 189, 191, 192; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики, № 1, 3, 4, 7, 8 (упоминают игумена); АСЭИ, т. I, № 107, 115, 180 (не упоминают игумена).

¹¹ АСЭИ, т. I, № 3—7, 12, 14, 21, 22, 26, 36, 37, 46, 54, 56, 58, 59, 61, 63—67, 77, 78, 80—82, 84, 90, 91, 96, 100, 113, 130, 164, 181—186, 193 (упоминают игумена); Там же, № 39, 53, 70, 71, 73, 124, 129, 138, 146, 148, 149, 152, 154, 155., 160, 177, 178 (не упоминают игумена).

¹² Там же, № 11, 38, 108.

вотчинники, живущие вдали от центра монастыря (Бежецкий Верх, Галич, Кострома), могли и не знать имени настоятеля. Вероятность этого фактора как причины неупоминания игумена для нескольких данных грамот следует учитывать¹³.

Купчие и меновные, оформляющие отказ земли в монастырь, писались на Северо-Востоке Руси в XV в. от имени игумена, келаря, старца, чернеца. Если купля или мена осуществлялась не непосредственно игуменом, то последний все же чаще всего упоминался: купля или мена оформлялась на корпорацию и ее настоятеля. Но для троицких купчих и меновных конца XIV—первой половины XV в. характерно примерное соответствие количества актов, упоминающих и не упоминающих настоятеля, и даже небольшое преобладание последних¹⁴.

Незнание положения дел в монастыре как причина неупоминания игумена для этих разновидностей актов исключена. Но возникает вероятность того, что те или иные приказчики — старцы, бывшие в оппозиции к игумену, — могли не включать его имя в текст грамоты. Перипетии борьбы различных групп старцев в Троице-Сергиевом монастыре за рассматриваемый период не могут быть выявлены из-за плохой сохранности источников. Поэтому указанную возможность следует учитывать, но, к сожалению, нельзя рассчитать степень ее вероятности для каждой из исследуемых грамот.

Большинство актов (35 из 45), не упоминающих игумена, адресуют земельный вклад корпорации: «в дом святой Троице», «в дом святой Троице Сергиева монастыря» и т. п. В пяти случаях в адресате (адресанте) указывается и «игумен», не названный по имени: «пожаловал есмь игумена с братьею», «к святой Троице в монастырь Сергия игумена и всей братии». То, что вопреки обычаю «игумен» не назван по имени, наводит на мысль об условном характере его упоминания в этой группе актов. В отношении жалованной Дмитрия Шемяки на троицкие села Угличского уезда (№ 115; здесь и далее в тексте нумерация соответствует принятой в томе 1 АСЭИ) условный характер упоминания об «игумене» подтверждается наличием в подлиннике пропуска между словами «пожаловал есмь игумена» и «с братьею», предназначенного для последующего вписывания имени настоятеля монастыря. Значит, в момент написания грамоты место настоятеля было вакантным. В междуигуменство, очевидно, составлена и жалованная грамота, выданная «келарю» монастыря¹⁵.

В пяти купчих и двух меновных не названа и корпорация, куда адресуется вклад. Купля и мена земли оформлены на келаря, старца или заказчика¹⁶. Известную условность предлагаемых датировок купчих и меновных, не упоминающих игумена, следует особенно подчеркнуть для этих семи актов. «Келари», «старцы», «заказчики» могли приобретать землю не для корпорации, а для себя.

Характер материала таков, что в основу очередности конкретного рассмотрения грамот, не упоминающих игумена, удобно положить географический принцип, а грамоты каждого уезда рассматривать в хронологическом порядке. Лишь иногда приходится отходить от этого порядка изучения грамот.

¹³ Составители десяти данных и двух духовных на земли, расположенные вблизи монастыря — Переяславль, Дмитров, Углич, Радонож, должны были знать имя настоятеля, если таковой был. Восемь грамот даны на отдаленные галицкие, бежецкие, костромские, новоторжские земли (АСЭИ, т. I, № 70, 71, 124, 129, 138, 146, 148, 149). Но, пожалуй, лишь составители четырех этих грамот могли не знать имени настоятеля. Три грамоты даны представителями высшей знати, которые, конечно, знали, что делается в Троице-Сергиевом монастыре, а одна — троицким чернецом (АСЭИ, т. I, № 70, 71, 148, 149).

¹⁴ Из девяти меновных в четырех (АСЭИ, т. I, № 62, 68, 75, 78) игумен упоминается, в пяти (Там же, № 86, 120, 144, 151, 173) — нет. Из 34 купчих грамот в 15 (АСЭИ, т. I, № 8, 15, 16, 20, 23—25, 27, 28, 32, 33, 60, 87—89) настоятель упоминают, в 19 (Там же, № 13, 18, 19, 45, 72, 83, 85, 111, 119, 121—123, 143, 147, 150, 168, 187, 227, 238) — нет.

¹⁵ АСЭИ, т. I, № 107, 115, 119, 146, 178, 180.

¹⁶ Там же, № 111, 120, 121, 122, 151, 173, 227.

Василий Темный пожаловал «Сергиева монастыря игумена с братьею» правом рыбной ловли в Ростовском озере и правом покупки двора в Ростове (№ 107). Аналогичная грамота выдана им и на имя Зиновия (№ 98). Жалованная на имя Зиновия писана в 1432—1444/45 гг. Грамоту, не упоминающую игумена, которую датировали второй четвертью XV в. — 1446—1448 гг.¹⁷, по-моему, следует отнести к междуигуменству 1427/28 г. или 1432 г.

Предлагаемая датировка основана на сопоставлении грамоты с судебным делом 1493—1494 гг. Из него явствует, что Троице-Сергиев монастырь имел двор в Ростове уже при Зиновии — за десять лет до судальщины (1435 г.), за 50 (1443—1444 гг.), 60 (1433—1434 гг.) лет до суда¹⁸. Следовательно, грамота, говорящая о праве на покупку двора в Ростове и не упоминающая игумена, составлена до Зиновия — в междуигуменство 1427/28 г. или 1432 г.

Не упоминают игумена данные Василия Константиновича и Федора Вельяминовича на новоторжское село Меденское (№ 70, 71), которое уже при Саве было за монастырем¹⁹. Следовательно, данные составлены в междуигуменство 1427/28 г.

Не упоминается игумен в данной Михаила Афанасьевича Княжнина на землю Игнатьевскую (№ 152), которая датируется 30—40-ми годами XV в., и в данной Василия Алферьевича Кучецкого на с. Морозово (№ 178), датируемой 1445—1449 гг., серединой XV в.²⁰ Обе данные упоминают Василия Борисовича Копнина, умершего к 29 июня 1449 г.²¹ В данной на землю Игнатьевскую (№ 152) Копнин фигурирует как «Василий Борисович», в данной на Морозово (№ 178) — как «Варсонофий чернец». Мирским именем Копнина называли акты времен игуменов Никона и Савы²², иноческим — акты времен игуменов Зиновия и Мартемьяна²³. Значит, данная № 152 составлена в междуигуменство 1427/28 г. или 1432 г., а данная № 178 — после пострижения Копнина в монастырь (при Зиновии) — в одно из междуигуменств 1444—1447 гг.

В данной Ивана Константиновича Добрынского на пустошь Цыльговскую в Московском уезде (№ 73), которую И. А. Голубцов датирует 1430—1445 гг., упомянут старец Феодосий, известный по актам 1428—1432 гг., 17 июня 1434 г.²⁴ Вероятная датировка данной — междуигуменство 1427/28 г. или 1432 г.

До нас дошел подлинник грамоты, по которой «инока Евпраксия» адресует земельный вклад «в дом живоначальной Троице святому Сергию по своему господине князе Дмитрии Ивановиче и по себе и по князем роду и по своему». В тексте грамоты названо бежецкое село Присеки (№ 160). Но слово «в Присек» — интерполяция 80-х годов XVI в., а первоначально в тексте значилось переяславское село Воронино²⁵. Грамота датируется XV в., 30-ми—50-ми годами XV в.²⁶, первой четвертью XV в.²⁷ Последняя

¹⁷ ПСЭИ. М., 1929, № 19, с. 15; Черепнин Л. В. РФА. М., 1951, ч. 2, с. 143—144; АСЭИ, т. I, с. 85—86; Кобрин В. Б. Землевладельческие права княжат в XV—первой трети XVI в. и процесс централизации Руси. — История СССР, 1981, № 4, с. 44.

¹⁸ АСЭИ, т. I, № 635, с. 547—549; Каштанов С. М. Социально-политическая история России. . ., с. 52—54.

¹⁹ АСЭИ, т. I, № 57, с. 56—57.

²⁰ Там же, с. 114, 129; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 423.

²¹ АСЭИ, т. I, № 224, с. 159—160.

²² Там же, № 7, 12, 20, 22, 29, 54.

²³ Там же, № 79, 193, 195.

²⁴ Там же, № 61, 63, 113.

²⁵ Зимин А. А. Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961, с. 249.

²⁶ Мейчик Д. М. Грамоты и акты XIV—XV вв. — В кн.: Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции. М., 1883, кн. 4 (далее: Мейчик), № 14, с. 128; Шумаков С. Д. Обзор грамот коллегии экономии (далее: Шумаков. Обзор). М., 1899, ч. 1, № 4, с. 2. АСЭИ, т. I, с. 117.

²⁷ АСЭИ, т. I, с. 603.

датировка наиболее близка к истине: ко 2 июня 1425 г. Воронино было за монастырем²⁸. Неупоминание игумена наводит на мысль о составлении данной в междуигуменство 1393 или 1399 г. Не вполне ясно, кем были упомянуты в данной князь Дмитрий Иванович и его жена Евпраксия²⁹.

По двум из трех вариантов (№ 18—20) купчей троицкого келаря Савы у Дубровы Раменьева на переяславскую землю Молитвинскую купля поступает «Святой Троице в дом» (№ 18—19), по одной — «Святой Троице да игумену Никону и всей братьи» (№ 20). Указанная особенность купчих на Молитвинскую позволяет уточнить принятую в литературе датировку их второй половиной игуменства Никона³⁰. Видимо, последний вариант купчей написан незадолго до смерти Никона, а два других (№ 18, 19) — вскоре после его смерти, когда Сава уже распорядился в монастыре, но еще не был игуменом (в 1427/28 г.). 1427/28 годом можно датировать и купчую кинельской пустоши Романовской келарем Савой у Кузьмы Яковлевича Воронина «Святой Троице в дом» (№ 45), относимую до сего времени к последним годам игуменства Никона³¹. При данной Алексее Бобоши «в дом святой Троице» на с. Шатровское (№ 53), которая датируется концом 20-х годов XV в.³², послушествует келарь Афанасий. Афанасий келарствовал в 1428—1432 гг.³³ Значит, данная составлена в 1427/28 г. (после ухода с келарства Савы, но до официального провозглашения его игуменом) или в 1432 г. Думаю, надо остановиться на первой дате. Бобоша постригся в монастырь «после мору», под которым, скорее всего, подразумевался мор 1426/27 г. Грамоту он пишет «в бельцах», но в момент ее составления готовится к пострижению.

Алексей Бобоша, по-видимому, в монастыше Авраамий, ставший келарем при Зиновии³⁴. Не упоминающие игумена два переяславских акта (датированных 30—40-ми годами XV в.³⁵), где в то же время упомянут «чернец» Авраамий, — он покупает у Ивана Пенты селище Поддыбское «в дом Святой Троице» (№ 143) и обменивается варницами у Соли Переяславской с чернецом Фофаном Дубенским (№ 144) — очевидно, писаны в 1432 г., между игуменствами Савы и Зиновия; в 1427/28 г. Алексей—Авраамий был еще «бельцем», а при Зиновии (1432—1444/45 гг.) — уже келарем. Три купчие (№ 168, 187, 227), не упоминающие игумена (их датировали 30—40-ми годами XV в., 1440—1447, 1446—1477 гг.³⁶), даны на имя келаря Авраамия. Эти купчие (из которых две оформляют покупку переяславских земель, а одна — гороховецких), скорее всего, следует датировать периодом междуигуменств, последовавших после Зиновия (1 сентября 1444—26 мая 1446 г. или 10 мая — декабря 1447 г.). На имя келаря Авраамия выдается жалованная грамота «князя великого» Дмитрия Шемяки на дмитровское село Микулинское Завельского Богород-

²⁸ Там же, № 44, с. 49.

²⁹ Предположение о тождестве князя Дмитрия Ивановича с умершим в начале 60-х годов XV в. князем Дмитрием Ивановичем Ряполовским (АСЭИ, т. I, с. 118; *Зимин А. А.* Актовые подделки. . . , с. 249) следует отвести. Не есть ли князь Дмитрий Иванович, «по душе» которого жена Евпраксия раздаст земельные вклады в монастыри, покойный Дмитрий Донской? Единственное, что, как будто бы, мешает принять эту идентификацию, — титулатура (просто «князь»). Но была ли титулатура князей в XIV в. достаточно устойчивой? И нельзя ли было в частном акте называть покойного великого князя просто «князем»?

³⁰ АСЭИ, т. I, с. 35—37; *Черепнин Л. В.* РФА, ч. 2, с. 32; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-восточной Руси XV—XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966, с. 84—85.

³¹ АСЭИ, т. I, с. 50; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история. . . , с. 77—78, 80.

³² По Арсению (*Арсений*). О вотчинных владениях Троице-Сергиева монастыря при жизни его основателя преподобного Сергия. — ЛЗАК. СПб., 1884, вып. VII, с. 157, примеч. 5), Бобоша—будущий келарь Авраамий; АСЭИ, т. I, с. 54—55.

³³ АСЭИ, т. I, № 54, 59, 61, 63.

³⁴ Там же, № 77, с. 68; № 391, с. 284; *Арсений*. О вотчинных владениях. . . , с. 157, примеч. 5; *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947, т. I, с. 167, 223.

³⁵ АСЭИ, т. I, с. 109—110; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история. . . , с. 85.

³⁶ АСЭИ, т. I, с. 123, 133, 161; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история. . . , с. 72—73.

ское³⁷. Она составлена 12 февраля (в этот день Шемяка стал великим князем) — 27 мая 1446 г. (день, когда в монастыре определено был игумен — Досифей³⁸).

Келарь Илларион выменял в Троице-Сергиев монастырь пустошь Касьяновскую у Соли Переяславской, отдав в Стромьинский монастырь архимандриту Афанасию московскую пустошь Белавинскую (№ 173). Один из послухов — Вассиан Хихилев — умер при Зиновии³⁹. Следовательно, меновная составлена в междуигуменство 1427/28 г. или 1432 г. (а не «около 1444 г.»⁴⁰). Первая дата маловероятна: в 1427/28 г. в монастыре келарствовал сначала Сава, потом Афанасий⁴¹.

Купчая троцкого чернеца Александра на двор у Соли Переяславской «Святой Троице в дом» (№ 83) доложена Воронцу — тиуну переяславского наместника Никиты Константиновича, которого убедительно отождествляют с Никитой Константиновичем Добрынским. В начале 40-х годов XV в. Никита перешел на службу к князю Ивану Можайскому и поэтому не мог быть великокняжеским наместником в Переяславле после игуменства Зиновия. Отсюда — 1427/28 или 1432 г. (а не 1432—1445 гг.)⁴² как время вероятного написания документа.

Данную жены Александра Редрикова Марьи на кинельскую пустошь Косинскую «Святой Троице. . . в Сергиев монастырь» (№ 154) датировали 20—40-ми годами XV в.⁴³ 2 июня 1425 г. Косинская за монастырем еще не была⁴⁴. Скорее всего, данная составлена в междуигуменство 1427/28 г. или 1432 г.: при данной на Косинскую послушествует Кузьма Редриков, известный по актам 1432 г.⁴⁵

«По приказу» Андрея Федоровича Голтяева его жена Акулина и племянник Алексей дают к «святой Троице» часть переяславского села Тарбеевского с озером (№ 177). И. А. Голубцов и Ю. Г. Алексеев справедливо полагают, что данная составлена после гибели Андрея Федоровича в битве под Суздалем 7 июля 1445 г.⁴⁶ Скорее всего, она написана до вступления на игуменство Досифея, т. е. по крайней мере, до 27 мая 1446 г.

Жалованная грамота Дмитрия Шемяки на углицкие владения Троице-Сергиева монастыря (№ 115) могла быть составлена в 1434—1446 (до 13 февраля) гг.⁴⁷ Неупоминание игумена уточняет датировку: 1 сентября 1444 г.—13 февраля 1446 г.

Некая Аксинья дала «по душе» мужа Ивана Андреевича углицкое село Прилуцкое «монастырю Святой Троицы» (№ 155). По Арсению (неправомерно отождествлявшему Ивана Андреевича с князем Иваном Можайским), документ писан в 1454 г.; по С. Б. Веселовскому и В. Д. На-

³⁷ АСЭИ, т. I, № 180.

³⁸ Тогда же, думается, Шемяка подтвердил и жалованную Василия Темного Троице-Сергиеву монастырю на четыре варницы и двор у Соли Переяславской, выданную в 1433—1445 гг. (АСЭИ, т. I, № 101, с. 81): «Сее грамоты князь великий Дмитрий Юрьевич не рушил, пожаловал келаря троцкого з братьею о всем, как писано в сей грамоте. А подписал Микита дьяк». Это подтверждение надо датировать 12 февраля—27 мая 1446 г. на тех же основаниях, что и жалованную Шемяки на Микулинское: по упоминанию о «великом княжении» Шемяки и по тому, что в монастыре распоряжался келарь.

³⁹ АСЭИ, т. I, № 75, 77.

⁴⁰ Шумаков, Обзор. М., 1900, ч. 2, № 1113; АСЭИ, т. I, с. 126.

⁴¹ Упомянуемого в меновой келаря Иллариона, думается, нельзя отождествить с действующим в конце 40-х—начале 50-х годов XV в. старцем и келарем Троице-Сергиева монастыря Илларионом (АСЭИ, т. I, № 181, 201, 204, 209, 214, 255, 256), как делает Л. В. Черепнин (АСЭИ, т. I, с. 674).

⁴² АСЭИ, т. I, с. 70, 598; № 171, с. 125; ПСРЛ. СПб., 1901, т. 12, с. 67; Веселовский С. Б. Исследования. . . , с. 309.

⁴³ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история. . . , с. 54; АСЭИ, т. I, с. 114.

⁴⁴ АСЭИ, т. I, № 44, с. 49.

⁴⁵ Там же, № 19, 60. В 50-х годах XV в. хозяйство ведет уже сын Кузьмы Семен (АСЭИ, т. I, № 522, с. 398, 629; Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история. . . , с. 54—55).

⁴⁶ АСЭИ, т. I, с. 128—129; Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история. . . , с. 78.

⁴⁷ С 1434 г. Шемяка управлял Угличем. В грамоте он именуется «князем» и, значит, выдавал ее до занятия великокняжеского престола 12 февраля 1446 г.

зарову — при Николе; по И. А. Голубцову — в 30—40-х годах ⁴⁸. При Досифее Прилуцкое входило в состав троицких владений ⁴⁹, а по рассмотренной выше грамоте Шемяки от 1 сентября 1444 г.—12 февраля 1446 г. на углицкие вотчины монастыря Прилуцкое за ним еще не числилось ⁵⁰. Очевидно, данная Аксинья составлялась в междугуменство, бывшее до Досифея, и в то же время после жалованной грамоты Шемяки от 1 сентября 1444—12 февраля 1446 гг. Хронологические рамки данной грамоты, следовательно, также 1 сентября 1444 г.—27 мая 1446 г. Муж Аксиньи Иван Андреевич дал в Троицкий монастырь углицкие пустоши Красное, Анисимово, Нехтино ⁵¹ по духовной грамоте сына своего Данила (№ 39). И в этой данной игумен не упомянут, что делает вероятным ее написание в период междугуменства. Грамота Ивана составлена после смерти Данилы, и, думается, задолго до написания данной Аксиньи, где Данила уже не упоминается, т. е. в предшествующие 1 сентября 1444—27 мая 1446 гг. периоды междугуменства, в 1427/28 г. или в 1432 г. (по И. А. Голубцову, документ составлен в 10—30-х годах XV в. ⁵²).

Не упоминают игумена грамоты князя Дмитрия Александровича Щепы-Ростовского. Одна из них (№ 147) оформляет продажу в монастырь земель Старое Ягренево, Фролово, Боркино, Икониково; другой акт — его данная на те же земли (№ 148). Грамоты написаны почти одновременно ⁵³. Указанные в них земли попали в монастырь в 1428—1456 гг. ⁵⁴ Их купил «чернец» Василь ⁵⁵, которого можно считать троицким поселским Присецкого (ведь указанные выше земли тянули к Присецкому ⁵⁶). В конце 30-х—начале 40-х годов XV в. в Присецком распоряжался Васильск Пианицын, который при Зиновии был «старцем» ⁵⁷. Следовательно, грамоты Дмитрия (в момент составления которых Василь был «чернецом») составлялись до Зиновия, в междугуменство 1432 г. (эту грамоту датировали концом XIV в., второй четвертью XV в., 30—40-ми годами XV в. ⁵⁸ Скорее всего, тогда же составлен и проект данной вдовы десятильника Александра Феодоры на с. Фроловское «в дом святой живоначальной Троицы в Сергиев монастырь» (№ 146) ⁵⁹, который датирован XIV—XV вв., второй четвертью XV в., 30—40-ми годами XV в. ⁶⁰ Ведь грамоту Феодоры писал тот же писец (Андрей Юрьевич Корякин), что и грамоты Дмитрия Ростовского.

Чернец Троице-Сергиева монастыря Григорий купил «в дом Святой Троицы» двор в Дмитрове у князя Петра Дмитриевича (№ 13). По упо-

⁴⁸ Арсений. О вотчинных владениях. . . , с. 165; АСЭИ, т. I, с. 115, 593; АРГ. М., 1975, ч. I, с. 307.

⁴⁹ АСЭИ, т. I, № 189, с. 134.

⁵⁰ АСЭИ, т. I, № 115, с. 91—92. В грамоте говорится о троицком строителе «в Прилуце». Но «Прилуцк» — район, образуемый изгибом Волги при выходе ее из Кашинского уезда, упоминаемый уже в грамоте 1411 г. (АСЭИ, т. I, № 29), — нельзя отождествлять с с. Прилуцким, одной из точек этого района (АСЭИ, т. I, с. 602). Думается, с. Прилуцкое можно отождествить именно с упоминаемым впервые в числе троицких владений в грамоте, выданной на имя Досифея, монастырем Рождества Христова в Прилуце: в писцовой книге 1593/94 г. этот монастырь показан именно в с. Прилуцком (ПКМГ. СПб., 1872, ч. I, с. 24).

⁵¹ АСЭИ, т. I, № 1, с. 26; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики, с. 226—268; ПКМГ. СПб., 1877, ч. II, с. 31, 33.

⁵² АСЭИ, т. I, с. 163.

⁵³ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики, № 5, с. 347—348.

⁵⁴ Скорее всего, Дмитрий выступал как вкладчик уже после смерти отца — князя Александра Федоровича, в последний раз упоминаемого летописями под 1427/28 г. (ПСРЛ. СПб., 1851, т. 5, с. 26). Вкладываемые Дмитрием земли были за монастырем к 1454—1456 гг. (*Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики, № 16, с. 371—372).

⁵⁵ АСЭИ, т. I, № 147, с. 111.

⁵⁶ Там же, № 367, с. 268—269.

⁵⁷ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики, № 16, с. 318—351.

⁵⁸ *Мейчик*, № 8, с. 128; *Шумаков*. Обзор, ч. 1, № 1, с. 1; ПСЭИ, № 182, с. 135; АСЭИ, т. I, с. 111, 112; *Черепнин Л. В.* РФА, ч. 2, с. 67—68; *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики, с. 348, 371.

⁵⁹ Фроловское в монастырь не поступило.

⁶⁰ *Мейчик*, № 3, с. 127; *Шумаков*, Обзор, ч. 1, № 2, с. 1; АСЭИ, т. I, с. 110—111; *Черепнин Л. В.* РФА, ч. 2, с. 67—68.

минанию в грамоте Петра Дмитриевича относим ее к 1399—1428 гг.⁶¹, по неупоминанию игумена — к 1399 г. или 1427/28 г. (в литературе грамота датирована 1392—1427 гг.)⁶².

Не упоминает игумена в статье о передаче дмитровского села Никольского-Озерецкого в Троице-Сергиев монастырь духовная князя Василия Васильевича Галицкого (№ 108). «Явленная» на утверждение 27 августа 1433 г., она, скорее всего, написана не в 1433 г.⁶³, а в междуигуменство 1432 г.

Одно из сел Василия, Аврамовское, оказалось у зятя его брата Ивана — Василия Румянцева, у которого, в свою очередь, было куплено троицким келарем Игнатием (№ 111). Купля состоялась 27 августа 1433 — 10 мая 1447 г.⁶⁴ Неупоминание в купчей игумена делает вероятным составление грамоты в междуигуменство, падающее на 1 сентября 1444 — 26 мая 1446 г.

Не упомянут игумен в меновой чернецов Мисаила и Геронтия с женой Александра Васильевича Евфимией и ее детьми Дмитрием и Александром. Монастырь обменивает дмитровское село Нестеровское на дмитровское село Бунятинское с деревней Аврамовской и пустошью Паниловской (№ 36). Грамоту датировали XV в., 1432—1445 гг., характеризовали как «недатированный акт XV в.»⁶⁵. Нестеровское было за монастырем при Саве, Бунятинское — при Зиновии⁶⁶. Отсюда датировка — междуигуменство 1432 г. Вероятно, к моменту составления меновой Александр Васильевич — муж упоминаемой в грамоте Евфимьи и отец Дмитрия и Александра — скончался. Поэтому купчая у Александра Васильевича (также не упоминающая игумена) троицкого чернца Геронтия Лихорева на четыре его дмитровские деревни (№ 85), датируемая И. А. Голубцовым 1432—1445 гг., скорее всего, писана до составления меновой на села Нестеровское и Бунятинское — в междуигуменство 1427/28 г. или 1432 г.⁶⁷

Посельский Троице-Сергиева монастыря Нерон купил «в дом живоначальной Троицы в Сергиев монастырь у Марьи Семеновой жены» и ее детей пустоши Митюрево, Дураново, Зайково, Смоляниново, Усово, Дуткино, Кудрино, Строево, Калитниково и ряд других пустошей близ Озерецкого (№ 238)⁶⁸. Из судебного дела 1474—1475 гг. выясняется, что Усово попало в монастырь примерно за 25—30 лет до разъезда. Учитывая приблизительность показаний в судебных делах и неупоминание игумена в купчей, считаем, что последняя составлена в междуигуменства 1444—1447 гг. или 1454 г. Причем первое вероятнее: в междуигуменство 1454 г. троицким посельским дмитровских вотчин в Инобажском стане Дмитровского уезда назван не Нерон, а Бака⁶⁹.

Данная Василия Алферьевича Кучецкого на костромское село Юринское (№ 129) составлена до 29 января 1438 г.⁷⁰ Неупоминание в ней игумена уточняет датировку — 1427/28 или 1432 г. Данная Юрия Кузьмина «в дом живоначальной Троице в Сергиев монастырь» на костромскую деревню Гилево (№ 138) составлялась между 29 января 1438 г. и 14 октября

⁶¹ Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV—середине XV в. — В кн.: Историческая география России, XII—начало XX в. М., 1975, с. 50—51; ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. 25, с. 247.

⁶² АСЭИ, т. I, с. 33, 591.

⁶³ Черепнин Л. В. РФА, ч. 2, с. 72; АСЭИ, т. I, с. 85; Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973, с. 321; Веселовский С. В. Исследования... с. 418.

⁶⁴ К 10 мая 1447 г. Аврамовское было троицким владением (АСЭИ, т. I, № 191, с. 136).

⁶⁵ Шумаков. Обзор. М., 1912, ч. 3, № 199, с. 60—61; АСЭИ, т. I, с. 72; Тихомиров М. Н. Российское государство в XV—XVII вв. М., 1973, с. 236.

⁶⁶ АСЭИ, т. I, № 62, с. 58—59; № 89, с. 73.

⁶⁷ Там же, с. 71.

⁶⁸ Там же, № 428, с. 316.

⁶⁹ Там же, № 250, с. 178—179; № 251, с. 180; Каптанов С. М. Очерки русской дипломатики, № 15, с. 368—370.

⁷⁰ АСЭИ, т. I, № 131, с. 100—101.

1448 г.⁷¹ Вероятно ее написание в междуигуменство 1 сентября 1444—27 мая 1446 гг. или 10 мая—4 декабря 1447 г., а не около 1433—1440 гг.⁷² Не упоминают игумена три акта на костромские земли — купчие на два наволока у Ивана Калинин (№ 122), на пустошь Оглоблинскую у Павла Захарьина (№ 123), данная Родиона Потапова на пустошь Потаповскую (№ 124). Они составлены, когда распорядителем троицких владений в костромских землях был старец Ферапонт⁷³, деятельность которого источники (относящиеся, правда, к концу XV в.) относят к началу 10-х—началу 40-х годов XV в.⁷⁴ Поэтому с учетом неупоминания игумена интересующие нас акты следует, видимо, датировать 1427/28 или 1432 г. (а не 1435—1440 гг.)⁷⁵.

Немалую разногласию вызывает датировка трех галицких актов — купчей чернеца Ивоны на с. Гнездиловское «к святой Троице в монастырь Сергиев игумену и всей братии» у жены Давыда Гнездилова Матрены и ее сына Ивана (№ 119), меновой старца Ивоны с неким Устином Поповым (№ 120), купчей старца Максима «в дом святой Троице» трех наволоков под Гнездиловым у Федора Григорьевича Гнездилова (№ 121); грамоты относили к XV в., к 30—40-м годам XV в. и даже к концу XV в.⁷⁶

По неупоминанию игумена можно предположить составление всех трех грамот в период междуигуменства. Купчая на Гнездилово (№ 119) составлена, думается, раньше меновой (№ 120): по первой из грамот Ивона — еще «чернец», по второй — уже «старец». Позднейшим из трех актов, видимо, является купчая на наволоки под Гнездиловым (№ 121). Приобретение трех наволоков под Гнездиловым, вероятно, последовало после приобретения самого с. Гнездилова (№ 119): противоположная связь между грамотами № 119 и 121 маловероятна. А упоминание в купчей на наволоки под Гнездиловым иного распорядителя галицких вотчин, старца Максима (вместо Ионы), говорит и о более позднем написании ее по сравнению с меновой (№ 120). Установив очередность составления грамот № 119—121 относительно одна другой, перейдем к установлению времени их написания. Меновная Ионы с Устином Поповым (№ 120) составлена, скорее всего, в междуигуменство 1432 г. Четвертина на Верхнем Колодязе в Петракове, которую променивает Ивона для Троице-Сергиева монастыря, попала туда при Саве⁷⁷. А в междуигуменство 40-х годов XV в. как мы увидим, эта четвертина снова попала в Троице-Сергиев монастырь. Несколько позднее составлена, видимо, купчая на наволоки под Гнездиловым (№ 121). Такой вывод делаю по упоминанию в купчей в качестве послуха, действовавшего до начала 40-х годов XV в., старца Ферапонта. Для самого раннего из рассматриваемых актов (купчей № 119) оставляю альтернативную датировку: 1427/28 или 1432 г.

Чернец Мина приобрел у Федора Фофанова сына Толтунова «в дом святой Троице Сергиеву монастырю» осьмину на Верхнем Колодязе в Севастьяновской варнице у Соли Галицкой (№ 72). Мина известен по актам

⁷¹ 29 января 1438 г. Гилево еще не было за Троице-Сергиевым монастырем, а 14 октября 1448 г. уже было (АСЭИ, т. I, № 131, с. 100; № 218, с. 153—154).

⁷² АСЭИ, т. I, с. 106; *Черепнин Л. В.* РФА, ч. 2, с. 38. Предположение И. А. Голубцова, что брат вкладчика Иван Кузьмин, по которому в монастырь дается Гилево, — погибший в 1438 г. под Белевым великокняжеский воевода Иван Кузьминский, вероятно. Но вклад по погибшем не обязательно был сделан сразу после смерти. Надежно и еще одно основание предлагаемой И. А. Голубцовым датировки: на суде в 1488—1490 гг. волостные крестьяне утверждали, что Гилево за 50 лет до процесса (т. е. в 1438—1440 гг.) было «землей великого князя черной» (АСЭИ, т. I, № 537, с. 414). Судное дело ведет, по-моему, не к той датировке, которую пытается обосновать И. А. Голубцов. Если в 1438—1440 гг. Гилево было волостной землей, оно не могло являться вотчиной Юрия Кузьмина и отчуждаться им в монастырь.

⁷³ АСЭИ, т. I, № 122, 123, 591.

⁷⁴ Там же, № 524, 585, 586, 591, 594; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история... с. 52—53.

⁷⁵ АСЭИ, т. I, с. 26—27.

⁷⁶ *Мейчик*, № 245, с. 149; *Шумаков*. Обзор. М., 1917, ч. 4, № 188, с. 88; № 320, с. 121—122; АСЭИ, т. I, с. 94—96, 600.

⁷⁷ АСЭИ, т. I, № 66, с. 61.

времен Никона, один из послухов при купчей (Константин Васильев) — по акту 1428—1432 гг.⁷⁸ Наиболее вероятная дата написания грамоты — междуигуменство 1427/28 г. Ее составление в 1432 г. маловероятно: едва ли в течение междуигуменства 1432 г. могли трижды меняться распорядители галицких вотчин Троице-Сергиева монастыря (Мина, Ивона, Максим).

Данная Назария «ко святой Троице в дом» на варницу на Среднем Колодызе у Соли Галицкой (№ 149) составлена до 15 августа 1449 г.⁷⁹ Послух при грамоте — симоновский старец Киприан, скорее всего бывший распорядителем галицких вотчин Симонова монастыря в конце 20-х — начале 30-х годов XV в.⁸⁰ Вероятная датировка данной — междуигуменство 1427/28 или 1432 г. (а не предлагаемая И. А. Голубцовым датировка: 1430—1440-е годы).

Купчая Троице-Сергиева монастыря на пожни с лесом в Огороде у Соли Галицкой у кузнеца Артемки (№ 150) и меновная варницами с Галицким Авраамиевым монастырем (№ 151), датируемые 30—40-ми годами XV в., 1455—1466 гг. XV в.⁸¹, составлены, думается, 1 сентября 1444—26 мая 1446 г. или 10 мая—4 декабря 1447 г. Распорядителя галицких вотчин монастыря «чернеца Вассиана», очевидно, следует отождествить с будущим игуменом. Вассиан стал игуменом между 3 марта и 22 сентября 1454 г.⁸², и составление рассматриваемых грамот в междуигуменство 1454 г. маловероятно: вряд ли за несколько месяцев можно было сделать головокружительную карьеру от чернеца до настоятеля. Нельзя датировать грамоты и междуигуменствами 1427/28 и 1432 гг. В Грамоте № 150 упомянут (старец) Мисаил, известный по актам 1432 и 1444—1446 гг. как «чернец», а по грамоте № 151 в Троице-Сергиев монастырь вновь поступает та четвертина на Верхнем Колодызе в Петракове варнице, что в 1432 г. была променена монастырем Устину Попову.

Троицкие акты конца XIV—первой половины XV в., не упоминающие игумена, составили 28 % учтенных актов. Почти все они восходят к междуигуменствам конца 20—40-х годов XV в. Условно считая, что междуигуменства 20—40-х годов XV в. вместе охватывают примерно три года, заключаем, что динамика земельных вкладов в монастырь в эти периоды была примерно в четыре-пять раз выше обычной (114 актов 1392—1447 гг., упоминающих игумена, охватывают, если вычесть периоды междуигуменств, примерно 50 лет). Междуигуменства конца 20-х—40-х годов XV в. в Троице-Сергиевом монастыре совпадали с теми событиями в жизни страны, которые благоприятствовали росту монастырского землевладения. Междуигуменство 1427/28 г. последовало после сильнейшего мора 1426/27 г., а, может быть, частично и совпало с ним. А междуигуменства 1432 и 1444—1447 гг. совпали с резким обострением внутриполитической обстановки в стране, с кульминационными моментами феодальной войны.

⁷⁸ Там же, № 27, 28, 66.

⁷⁹ Там же, № 255, с. 160—161.

⁸⁰ Симонов монастырь имел вотчины в галицких землях (Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV—первой половины XVI в. Л., 1979, с. 63; АСЭИ, т. II, № 368, 383). Когда их распорядителем был старец Киприан? В числе симоновских старцев середины 40—50-х годов XV в. Киприана не было (АСЭИ, т. II, № 343, 344, 347, 348, 355, 361). В то же время не его ли имеет в виду акт 1428—1432 гг., упоминающий «Киприянов двор» у Соли Галицкой (АСЭИ, т. I, № 65, с. 60)?

⁸¹ Мейчик, № 17, с. 128; Шумаков. Обзор, ч. 4, № 186, с. 87; АСЭИ, т. I, с. 113.

⁸² Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики, № 15, с. 368—370.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОИСКОВ «АНОНИМА» ДАБЕЛОВА В АРХИВЕ МАГИСТРАТА ТАРТУ

Значение розыска «Анонима» Дабелова¹ для исследования проблемы библиотеки Ивана Грозного вполне очевидно. Ведь документ — единственная, хотя и суммарная, опись античной библиотеки царя — известен в публикации копии, лишенной какой-либо точности и не отражающей его в полном объеме. Обнаружение подлинника позволило бы не только значительно уточнить состав библиотеки, но и получить другие новые данные, касающиеся вопроса. Не удивляет, что розыск оригинала предпринимали многократно².

Новую серию поисков «Анонима» определил учет ряда свидетельств источников, связанных с первоначальной находкой означенной описи. Напомним кратко историю ее обнаружения и публикации³. Немецкий правовед Х. Х. Дабелов, прибывший в Дерпт в 1819 г., ознакомился с «Анонимом» вскоре после своего приезда. От ученого дошло лишь два личных свидетельства. Первое относится к 1822 г., когда в его статье на юридические темы впервые в литературе упомянуто о существовании списка античной библиотеки⁴. Как здесь, так и в многочисленных иностранных откликах на сообщение Дабелова нет никаких данных, которые указывали хотя бы на хранилище, где была сделана находка, не говоря уже о других связанных с ней подробностях⁵. Об этом умалчивается и в ответе Дабелова на отрицательный отклик на его сообщение в немецкой газете⁶.

Итак, единственный ученый, давший свидетельство, что он видел список, не оставил собственноручных показаний, которые бы помогли понять, в каком архиве и каких материалах следует искать «Аноним». Сообщения по этому поводу археолога И. Я. Стеллецкого всегда вызывали подозрения относительно их достоверности.

Лишь после смерти Дабелова его коллега Ф. Клоссиус опубликовал первую в историографии статью, как-то восполнявшую отмеченный пробел. Статья издана сначала на русском языке⁷, а через несколько месяцев в исправленном и дополненном виде на немецком⁸. Здесь впервые узнаем, что «Аноним» как будто находился в Пернове. Сообщение дается в туман-

¹ Подлинность источника недавно многосторонне обоснована. См.: Амосов А. А. Античная библиотека Ивана Грозного. К вопросу о достоверности сохранившихся извещений. — В кн.: Книжное дело в России в XVI—XIX вв. Л., 1980.

² Зарубин Н. Н. Библиотека Ивана Грозного. Л., 1982, с. 17, 69.

³ Там же, с. 16—17.

⁴ *Dabelow Chr. Chr. Über die Juristenfakultät zu Dorpat.* — *Jahrbuch für Rechtsgelehrte in Russland.* Riga, 1922, Bd. I, S. 306—307.

⁵ Из одного замечания в пересказе актов речи Клоссиуса на годичном акте за 1829 г. в Дерптском университете как будто можно понять, что список находился в Дерпте (*Heidelberger Jahrbücher der Literatur*, 1829, Theil II, S. 653). Поскольку Дабелов, единственное лицо, способное в то время дать какие-то разъяснения о нахождении источника, не упоминал в связи с этим о Дерпте, отмеченное замечание следует считать сделанным, скорее, случайно.

⁶ *Dabelow Chr. Chr. Berichtigung der Recension.* — *Allgemeine Literaturzeitung*, Halle, 1825, N 101.

⁷ *Клоссиус Ф.* Библиотека великого князя Василия (IV) Иоанновича и царя Иоанна (IV) Васильевича. — *ЖМНП*, 1834, июнь.

⁸ *Clossius F.* Die Bibliothek des Grossfürsten Wassilij IV Iwanowitsch und des Zaren Iwan IV Wassiljewitsch. — In: *Dorpat. Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands.* Riga; Dorpat, 1834, Bd. III, H. 4.

ных выражениях, т. е., по словам Клоссиуса, он искал список, предположив с Дабеловым, что документ был в архиве магистрата Пернова⁹. Как известно, список не только не нашли при первых поисках в 1826 г., но, и это весьма примечательно, местные архивисты поставили фактически под сомнение возможность того, что он находился когда-либо в их собрании документов. Имеется краткое замечание Клоссиуса о безуспешности одновременных поисков и в других местах¹⁰. После длительного перерыва, в конце XIX в., они были снова проведены рижскими учеными¹¹. Однако нет сведений, какова была методика поисков; причем это касается розыска документа как при жизни Дабелова, так и в дальнейшем.

Но совокупность данных об «Анониме», сообщенная Дабеловым Клоссиусу и отраженная в отмеченных публикациях последнего, на наш взгляд, вполне достаточная, чтобы вести упорные поиски в архивах Прибалтики. Правда, как отмечено, не было одного существенного для них условия, а именно уверенности в местонахождении нужного архива. Других данных довольно много, и их использование могло позволить прежде и позволить в будущем избегать розыска вслепую.

Прежде чем заняться анализом данных, важных для поисков «Анонима» и давших нам возможность создать необходимый инструмент для последующей работы, нужно отметить, что, возобновив розыск документа, мы во многом должны были продолжить начинания в этом вопросе писателя В. Н. Осокина. В частности, в 1970 г. он получил в Пярну заверения от работников архива, что в газете «Ваба маа» за 1930-е годы была в свое время обнаружена статья, где говорилось о демонстрации списка библиотеки Ивана Грозного на местной выставке старых документов¹². Смерть помещала Осокину довести до конца организованную им проверку комплекта газеты на предмет нахождения статьи. Но и без этого Пярну как будто можно было считать тем местом, где прежде хранился «Аноним». А искать его надо было уже в Тарту, куда в наше время в ЦГИА ЭССР передан на хранение архив магистрата Пярну.

В принципе считая правильной методику поисков документа, примененную Осокиным и выражавшуюся в комплексном подходе к делу, и заинтересовав местные научные силы в проверке комплекта газеты, мы в августе 1982 г. сделали одновременно нашу первую попытку обнаружить список в архивных собраниях.

Естественно было обратить внимание прежде всего на фонд архива магистрата Пярну, поскольку, как отмечено, лишь этот город фигурировал и в прошлом, и в наше время как возможное первоначальное место хранения «Анонима». Опись фонда (№ 1000) в ЦГИА ЭССР сопоставлена с единственным источником по решаемому вопросу, т. е. с указанной статьей Клоссиуса в двух вариантах. Ознакомление с этим источником выявило большие расхождения в вариантах статьи, что могло произойти вследствие плохого знания русского или немецкого языка переводчиком. Первоначальный немецкий прототип статьи пропал, возможно, навсегда. Однако ее изданный немецкий вариант определяется Клоссиусом, что особо важно не только как добавление, но и как изменение русского¹³. Впрочем, Клоссиус употребляет выражение «изменения» как эвфемизм, так как недоброкачественность последнего варианта может быть установлена без большого труда.

Какие же данные, сообщенные Клоссиусом, должны были выполнить роль инструмента в деле розыска списка? Главное, что узнаем, — вхождение «Анонима» в состав одной из четырех связок документов, которые использовал в своих исследованиях местного права Дабелов. Эта по нумерации IV связка имела, несомненно, непрезентабельный вид, так как была

⁹ Клоссиус Ф. Указ. соч., с. 409.

¹⁰ Там же. Клоссиус говорит о его «осведомлении» в других местах; поэтому можно предполагать, что усиленных поисков он больше не вел.

¹¹ Зарубин Н. Н. Указ. соч., с. 17.

¹² Осокин В. Пермские чудеса. М., 1979, с. 22.

¹³ Clossius F. Op. cit., S. 289.

спита из бумаг разного формата без всякого порядка¹⁴. Последнее обстоятельство, а также особенно разнохарактерный состав документов связки быстро поставили под сомнение возможность ее обнаружения в природном виде: архивы Прибалтики носят на себе следы постоянного стремления упорядочить хранение документов на основе все большей систематизации. Интересующая нас связка после ее использования Дабеловым, была, по-видимому, расшита и разделена на тематические части. К счастью, эти части, со слов Дабелова, определены Клоссиусом. Напомним, что мы узнали на этот счет из немецкой статьи Клоссиуса.

1-й раздел связки (нумерацию разделов вводим мы для удобства описания материала) начинался с нескольких постановлений Плеттенберга, причем в своих бумагах Дабелов раздел помечал как «Coll. Per. IV, 1—110». На последнюю цифру следует обратить особое внимание, так как в русском варианте — «100». Столь же важно почувствовать как будто некоторое несоответствие: каким образом несколько постановлений Плеттенберга могли занимать целых 110 листов?

2-й раздел имеет столь же ярко выраженную характеристику — «протоколы совещаний и циркуляры о шведском церковном уставе». Ссылки на раздел даются как «Coll. Per. IV, 160—180». Формулировка раздела в русской статье ошибочно разбита на две части, так как переводчик не смог передать на русский язык предлог со значением «о»¹⁵.

Остается не совсем ясным, с какого листа 2-й раздел начинался. Учитывая особенность первой ссылки на материалы связки, где помечалось сразу более 100 листов, логичным будет считать вторую ссылку обозначением лишь какой-то части 2-го раздела, перед которой находилась другая его часть, если не допустить, что Дабелов не посчитал нужным или забыл отметить все разделы связки. Надо помнить, что он передал Клоссиусу данные о связке лишь в 1826 г.¹⁶, т. е. спустя шесть-семь лет после использования «Анонима».

Далее следует три раздела, объединенных тем, что все они имеют отношение к Дерпту и Пернову.

3-й раздел — известия о Дерпте и Пернове.

4-й раздел — Mess — и другие привилегии. Надо думать, что здесь шла речь о различных городских привилегиях, а не о привилегиях на отправление церковной службы, как сказано в русской статье¹⁷.

5-й раздел — известия о прежнем Дерптском университете, перемещенном в Пернов. Ссылки на этот раздел Дабелов давал как «Coll. Per. IV, 220, 241, 256».

Далее у Клоссиуса пометка, что среди разных документов о Дерпте и Пернове (Coll. Per. IV, 249) на 1½—2 листах пожелтевшей бумаги находился список библиотеки. Как это понимать? Следует ли тут видеть наличие 6-го раздела и тогда предполагать погрешность в обозначении листов (последняя ссылка на 5-й раздел должна быть, возможно, «246», или в 6-м разделе — ссылка «259»), или «6-й раздел какая-то часть 5-го? Для розыска «Анонима» эти вопросы важны: они подчеркивают значительную неясность в описании связки у Клоссиуса и предполагают в нем возможность ошибок. Вместе с тем отметим в обозначении как 3-го раздела, так и 6-го выдвигание Дерпта на первое место.

Опираясь на приведенную квалификацию частей связки, мы в августе 1982 г. предприняли попытку прощупать эти части, как сказано, в архиве магистрата Пярну. Результат был резко отрицательный: опись фонда не дала ничего, что бы позволило высказать предположение о нахождении в нем прежде интересующей нас связки. Такой результат способствовал

¹⁴ Ibid., S. 295.

¹⁵ Клоссиус Ф. Указ. соч., с. 408.

¹⁶ Там же, с. 407. В немецком варианте статьи дата опущена. Не потому ли, что это произошло гораздо позднее, т. е. незадолго до смерти Дабелова в 1830 г.?

¹⁷ Там же, с. 408.

предположению, что Дабелов мог видеть «Аноним» там, где ему было проще всего работать во время преподавания в Дерпте, а именно в архиве местного магистрата¹⁸.

Изучение описей архива магистрата Тарту (ф. 995) — более трудоемкое дело. Однако в многочисленных описях довольно быстро, хотя и почти в самом конце их, удалось обнаружить четыре идущие одна за другой тетради копий старых документов (опись 2-я, раздел 62-й — «Собрание писем и документов», № 6831—6834). Сразу могло возникнуть предположение: нахождение материала в конце описи и неопределенность заглавия описи вроде бы свидетельствуют о довольно случайном помещении когда-то распитых частей, образывавших прежде связку, в придуманный для этого раздел. Еще более важным представляется другое: 1-я тетрадь содержала среди многих других документов (последний датирован 1637-м годом) несколько постановлений Плеттенберга. Не подтверждает ли все это, что знаменитая связка, а в ней и «Аноним» когда-то находились в архиве магистрата Дерпта? А как же увязать с сообщением о «Ваба маа»?

Передача 2—4-й тетрадью в реставрацию отложила ознакомление с ними до января 1983 г. И вот накануне второго сеанса поисков приходит сообщение: в краеведческом музее Пярну найдена статья с уведомлением об обнаружении списка библиотеки; публикация же статьи в «Ваба маа» (за 1 апреля 1930 г.) — традиционная шутка. Итак, отпали последние казавшиеся вескими данные о связи «Анонима» с Пярну.

Общее ознакомление с 2—4-й тетрадями, тематически отчасти дополняющими, отчасти продолжающими 1-ю, создавало впечатление, что все четыре тетради не только по содержанию, но и по размеру когда-то составляли 1-й раздел искомой связки. Некоторые из многочисленных помет на полях тетрадью, помет, отражавших многократную перетасовку бумаг в архиве, оказались важными для поиска. Особенно замечательна помета на 1-м листе 1-й тетради. Сначала дается не очень ясный знак, который, возможно, передавал арабскую цифру «4» (не указывает ли она на номер связки?). Далее уже совсем ясно выведено «Vol. I» (римская цифра наложена на арабскую «2»). Термин «Volumen» как в 62-м разделе описи, так и в других частях архива часто служит для обозначения именно тетради. Таким образом, здесь как бы дается подтверждение того, что это — начало какого-то собрания.

Старая пагинация 1-й тетради доведена до 74, т. е. до единственного подлинного документа (XVI в.), пришитого к копиям. Второй лист грамоты, как часто бывает, почти чистый (только с пометой о ее содержании). Этот лист — без пагинации, как и последние три листа тетради (индекс) и листы остальных тетрадью.

Если копия документов 1-й тетради относится к XVII в., то 2-я тетрадь выполнена примерно на век позднее, но скопированные ее документы хронологически непосредственно примыкают к материалу 1-й тетради. Здесь есть извлечения привилегий времени Плеттенберга, а последняя (хронологически) копия датирована 1646-м годом. Она начинает всю тетрадь, но лишена теперь, как можно довольно точно установить, только первого листа¹⁹. Если учесть пропажу, то всего было 16 листов с текстом и 2 чистых листа. Трудно сказать, когда точно помечена 2-я тетрадь («V. I. est defect.» = «Volumen I est defectivum»). Некоторое отличие пометы от прежней (вид сокращения и цифры), возможно, говорит о ее более позднем проис-

¹⁸ Чтобы знакомиться с материалами из других архивов, ему, несомненно, приходилось туда специально выезжать. Надо отбросить неправильно сложившееся под влиянием русского варианта статьи Кlossиуса представление о том, что Дабелову посылали документы из архивов (*Кlossиус Ф. Указ. соч., с. 407*). В немецком варианте говорится лишь об извещении Дабелова о документах: «erhielt. . . Mittheilungen» (*Clossius F. Op. cit., S. 295*).

¹⁹ На 1-й сохранившейся странице на полях цифра «6», т. е. пометка соответствующего пункта документа. Так как на листах умещается примерно четыре-пять пунктов, пропажа лишь одного листа наиболее вероятна.

хождении, чем пометы 1-й тетради; но самое главное: совпадение номеров тетрадей еще больше свидетельствует о том, что последние воспринимались как нечто единое.

В этом убеждает также одинаковая нумерация остальных двух тетрадей («Vol. II»), которые по тематике не только близки между собой, но уже совпадают (в них входят копии документов наместника Горна: в 3-ю — 1681 г., в 4-ю — 1682 г.). На 1-м листе 3-й тетради также присутствует зачеркнутая помета «№ 4», что, возможно, тоже указывает на ее прежнее вхождение в IV связку²⁰. Размер тетрадей соответственно 9 листов (+1 практически чистый) и 8 листов.

Характер ссылок Дабелова на 1-ю тетрадь, т. е. сразу на 110 листов, говорит о том, что он вряд ли успел войти в подробное изучение соответствующих документов (во всяком случае, пока не удалось найти его бумаги с разработкой этих источников). Но даже такое цитирование предполагает подсчет им самим числа листов во всех четырех тетрадях, поскольку, как отмечалось, старая пагинация не была доведена даже до конца 1-й тетради. По-видимому, он учитывал лишь все заполненные листы, так как их сложение дает ровно число 110 (77+16+9+8), т. е. размер 1-го раздела связки согласно тексту немецкой статьи Клоссиуса. Доктор физико-математических наук А. А. Бармин оценил случайность такого совпадения в 0,43 %, что свидетельствует, в свою очередь, о большой точности заключения по поводу соответствия четырех рассмотренных тетрадей 1-му разделу связки.

Одновременно с изучением материала 62-го раздела 2-й описи фонда было обращено внимание на серию тетрадей²¹, часть которых, возможно, составляла 2-й раздел связки, а также на разрозненный материал по Дерптскому университету и городам Дерпту и Пернову, частично собранный в 63-м разделе той же описи. Этот раздел, завершающий описи архива магистрата Тарту, обладает характерным названием «Varia» («Различные материалы»), надо думать в какой-то степени отражающим пестроту состава документов IV связки.

Задача реконструкции 2-го раздела представляется не только сложной (ведь данные Клоссиуса не позволяют точно установить даже его размер), но и не столь существенной после получения определенных свидетельств о наличии бумаг IV связки среди архива. Наиболее важным теперь будет изучение архива на предмет выявления всех документов, которые могли входить в заключительные части связки. То обстоятельство, что точная локализация «Анонима» в связке остается не совсем ясной²², заставляет искать его в материалах как по университету, так и по городам Дерпту и Пернову.

Поиски нужно продолжать комплексно. Еще не проверены лекции Дабелова и Клоссиуса, которые, согласно имеющимся сведениям, хранятся в Литературном музее им. Крейцвальда²³, а также полностью не изучены бумаги (лекции и письма) этих ученых в рукописном отделе библиотеки Тартуского университета. При общем ознакомлении с письмами Клоссиуса удалось найти в них ряд мест, где затрагивается содержание «Анонима»²⁴. Изучение бумаг Дабелова и Клоссиуса должно решить вопрос,

²⁰ Все многочисленные цифры на тетрадях без специального исследования не могут быть объяснены. Упомянем еще три пометы, для которых напрашивается некоторое объяснение: 1) на полях 1-й тетради карандашом выведено «Vol. 1 et 2» (как бы намек на тесную связь всех тетрадей); 2) на полях 3 и 4-й тетрадей стоит «№ 1» (зачеркнутый во втором случае), что может указывать на принадлежность к 1-му разделу связки.

²¹ Ф. 995, оп. 2, № 3244—3250.

²² По немецкому варианту статьи Клоссиуса список находился среди «Dorpatensibus und Pernaviensibus» (Clossius F. Op. cit., S. 296). Это выражение (амальгама из двух языков), скорее, не указывает на раздел, а лишь отражает неуверенность относительно точного положения списка среди других бумаг.

²³ Осокин В. Указ. соч., с. 23.

²⁴ Briefe von Gelehrten, Freunden u. s. w. an Morgenstern. Clossius, N 59 — f. 80 (a. 1826?), N 66 — f. 87 (a. 1834).

нет ли в них каких-либо сведений, которые будут своеобразным дополнением к тому, что представляет собой исходный материал для поисков списка библиотеки Ивана Грозного.

В заключение отметим, что выше приходилось приводить данные, которые образуют цепь совпадений, позволяющую идентифицировать определенный архивный материал с IV связкой Дабелова. Несколько другое значение имеет еще одна находка в архиве магистрата Тарту, сделанная в конце наших работ: опись фонда, составленная в XVIII в., показывает наличие в нем собраний документов в виде именно четырех связок²⁵. Поскольку содержание связок все же не соответствует описанию Клоссиуса, сам факт наличия в архиве XVIII в. четырех связок может указывать лишь на то, что с собраниями бумаг в виде связок Дабелов знакомился в архиве магистрата Тарту. Однако надо учитывать, что в начале XIX в. вид и даже число связок могли измениться по сравнению с видом и числом их в XVIII в.

---

²⁵ Ф. 995, оп. 1, № 28181.

ИЗ ИСТОРИИ АРХИВА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ¹

При секуляризации церковного землевладения в середине XVIII в. акты, удостоверявшие вотчинные права монастырей, изымались из их архивов. В связи с этим практический интерес к архиву в Соловецком монастыре настолько угас, что новое описание грамот, хранившихся в нем, было проведено лишь через 100 лет после описания 1733 г. Наступил новый этап в изучении и описании соловецкого собрания документов: появился интерес к нему, как к комплексу исторических источников.

Разбор и описание соловецкого архива в XIX в. связаны с именем архимандрита Досифея Немчинова и с подготовкой к приезду в монастырь археографической экспедиции П. М. Строева.

Архимандрит Досифей Немчинов, постриженник Соловецкого монастыря, ставший его настоятелем (1826—1836 гг.), по его словам, «занимаясь по обязанности своей приведением в порядок монастырских дел», натолкнулся на некоторые древние документы в архиве, которые, как он понял, имели не столько локальное, сколько общеисторическое значение. «Сие открытие, — писал он в предисловии к книге по истории Соловецкого монастыря, — побудило меня заняться рассмотрением всех находящихся в оном архиве старинных бумаг, тем паче, что доньше никто не принимал на себя такового труда»². Не исключено, что побудительным толчком к архивным занятиям настоятеля послужило намерение Археографической экспедиции императорской Академии наук обследовать соловецкий архив одним из первых весной 1829 г. Организатор экспедиции П. М. Строев, предупреждая Досифея о скором посещении, писал: «Богом хранимая обитель свв. Зосимы и Савватия, настоятельствуемая вами, имеет многочисленное древнее книгохранилище и архив, до сего времени не рассмотренные никем из ученых археографов. По сей причине императорская Академия наук предназначила Археографической экспедиции начать свои действия с сего еще нечерпанного кладезя древностей»³. Строев изложил в письме задачи экспедиции по составлению обстоятельного каталога всех без исключения рукописей и актов и снятию копий с интереснейших из них. Однако экспедиции не удалось попасть на Соловки в 1829 г. из-за отсутствия казенных транспортных средств и сопротивления местного начальства⁴. Лишь в 1834 г. в Соловецкий монастырь направился помощник П. М. Строева Я. И. Бередников⁵.

К этому времени соловецкий архив был уже по распоряжению Досифея разобран и разделен на две части: 1) подлинные грамоты Новгородской республики, великокняжеские и царские грамоты, грамоты духовных властей — все эти наиболее ценные, по мнению Досифея, документы были перенесены из архива в монастырскую ризницу и тщательно описаны⁶;

¹ Продолжение; начало см.: АЕ за 1983 год. М., 1985.

² Досифей (Немчинов Д.). Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836, ч. I, с. 1.

³ ОР ГБЛ, ф. 291, д. 2240, л. 64—65 об. Опубликовано в кн.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, с. 181.

⁴ Там же, л. 201. Переписка опубликована у Барсукова на с. 182—183.

⁵ ОР ГБЛ, ф. 291, д. 2242, л. 267 об. — 268; Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 271.

⁶ На некоторых подлинных грамотах сохранились наклеенные бумажные ярлычки с надписью «по описи 1833 года № . . .». Сама опись в настоящее время не обнару-

2) копии жалованных грамот и частные акты (в подлинниках и списках), систематизированные по владениям монастыря, а также копияные книги остались, очевидно, в «архиве старых монастырских дел». Судя по упоминаниям в предисловии к копияной книге 1834 г., на них также была составлена опись⁷.

Общая характеристика этих групп документов и деятельности Досифея по приведению их в порядок дана в отчете Б. Д. Грекова об осмотре архива Соловецкого монастыря в 1917 г.⁸ Однако маловероятно, что настоятель принимал непосредственное участие в архивных работах. Не случайно, наверное, Бередников в письме к Строеву от 23 апреля 1837 г. писал: «Архимандрит Досифей чужими руками составляет книги, делает открытия . . . и печатает древности»⁹. Обнаруженная нами в фонде Синода переписка соловецких настоятелей с олонекским архиепископом Игнатием раскрывает имя непосредственного исполнителя работ по разбору, систематизации и описанию документов соловецкого архива в 30-х годах XIX в. Им был монах Кассиан¹⁰. По поручению Игнатия он занимался также поисками в монастырской библиотеке материалов по истории раскола. Кассиан позднее писал о своей деятельности следующее: «Старинный архив Соловецкого монастыря разбирал я столь тщательно, что каждый лоскут бумаги был в моих руках. Ветхости я починивал и столбцы, от времени распаявшиеся, склеивал, написал также новую опись. . .»¹¹; «собрать и написать три огромных тома копий грамот, валяющихся в здешней монастырской башне, было мое дело, они написаны по порядку времени»¹². Монах Кассиан (в миру Василий Воскресенский) был учителем Новоторжского приходского училища и сослан в Соловецкий монастырь, «за богохульные слова навсегда в число чернорабочих для обращения на путь истинный содержался под отражей»¹³. Его знания архимандрит Досифей использовал, вероятно, и для составления трехтомного труда по истории Соловецкого монастыря, опубликовав его под своим именем. Во всяком случае, в «Русском провинциальном некрополе» Кассиан назван автором «Исторического описания Соловецкого монастыря»¹⁴. Однако это предположение нуждается еще в дополнительном исследовании, а вот то, что Кассиан был одним из основных составителей упомянутых им в письме копияных книг, не вызывает сомнения. В три «огромных тома копий с грамот» (говоря словами Кассиана) были собраны списки с документов, помещенных «тщанием архимандрита Досифея» для хранения в ризницу. При составлении их была проведена определенная источниковедческая работа: все сохранившиеся грамоты в подлинниках, современных им копиях или копияных книгах сверены с описью 1733 г. и заголовки всех утраченных к 1833 г. грамот приведены в копияной книге по этой более ранней описи с соответствующей пометой. Все включенные в копияную книгу списки выстроены по хронологии, с пометами, указывающими с чего сделан список: с копии или с подлинника. Все три тома —

жена. Но на нее указывается и в предисловии к копияной книге, составленной по указанию того же Досифея в 1834 г.: «Грамоты, отмеченные словом „подлинная“ или „подлинный“: таковые хранятся в ризнице сего монастыря в подлинниках при особой описи, там же находящейся» (ГПБ, Сол., № 18/1477, л. 1 об.). О разборе архива и перенесении важнейших документов в ризницу упоминается также в кн.: *Досифей (Немчинов Д.)*. Географическое, историческое и статистическое описание. . . , ч. I, с. 3.

⁷ ГПБ, Сол. № 18/1477, л. 1 об.

⁸ *Греков Б. Д.* Отчет об осмотре архива Соловецкого монастыря. — ЛЗАК. Л., 1926, вып. 33, с. 47—95.

⁹ ОР ГБЛ, ф. 291, картон № 2250, д. 4, л. 17 об.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 2, д. 1664, л. 228—230.

¹¹ Там же, л. 173.

¹² Там же, л. 166.

¹³ ГААО, ф. 1367, оп. 1, д. 362, л. 54 об. Благодарю В. А. Вольнскую за сообщение этих сведений.

¹⁴ Русский провинциальный некрополь. М., 1914, т. 1, с. 397. Благодарю Я. П. Кошелева, указавшего мне на этот источник.

в лист, в кожаных переплетах, написаны несколькими почерками на бумаге с водяными знаками 1832 и 1833 гг.¹⁵

Том I — заголовок: «Копии с древних царских грамот, жалованных, несудимых и других содержаний, также указов и прочих документов, до настоящего времени в подлинниках и копиях сохранившихся в старинном архиве Соловецкого монастыря. Собраны и в порядке приведены по летам и царствующим особам тщанием настоятеля сей же обители архимандрита и кавалера Досифея Немчинова 1834 года, том I». Рукопись на 425 листах, содержит 281 список и 106 упоминаний несохранившихся грамот за период с XV в. по 1645 г.

Том II — заголовок: «Копии с грамот, собранных в подлинниках и копиях в старинном архиве Соловецкого монастыря и написанных по порядку времени с начала царствования царя Алексея Михайловича до времени единодержавия Петра Великого тщанием настоятеля сего же монастыря архимандрита и кавалера Досифея II, том II. 1835 г.» Рукопись на 523 листах (III+520), содержит 270 списков и 66 упоминаний несохранившихся грамот за период с 1646 по 1706 г.

Том III — заголовок: «Копии с патриарших и архиерейских грамот, найденных в подлинниках и копиях в старинном архиве Соловецкого монастыря и написанных по порядку времени тщанием настоятеля сего же монастыря архимандрита и кавалера Досифея II в Соловецком монастыре, 1835 года». Рукопись на 328 листах, содержит 312 списков с грамот 1491—1758 гг.

Помещение подлинных документов в ризницу сыграло важную роль в сохранении их в том составе, в котором был собран этот комплекс при Досифее. Ризничные ценности регулярно и тщательно описывались при смене каждого настоятеля, а описи направлялись в Синод, где сверялись с предыдущими и только после этого утверждались. Такой порядок был введен со времени учреждения Синода, заинтересованного в точных сведениях о доходах и богатствах монастырей, и с течением времени регламентирован целым рядом специальных указов, в частности указами «Об описании архиерейских и монастырских вотчин» 1763 г., января 29¹⁶, «О ведении во всех монастырях порядочных описей всему церковному и монастырскому имуществу» от 25 июня 1771 г.¹⁷, «О содержании пропнурованных за скрепами и печатями книг при всех домах архиерейских и монастырских для описи всего казенного имущества» от 17 июля 1788 г.¹⁸ и др. При направлении в монастырь нового настоятеля ему обычно вменялось в обязанность «монастырскую и церковную ризницу и прочее все монастырское имущество, освидетельствовав, принять при знатной того монастыря братии по описи»¹⁹. Но состав описей, последовательность описания были, очевидно, регламентированы не сразу и зависели в какой-то мере от усмотрения составителя. Так, в фонде Синода сохранились описи Соловецкого монастыря, составленные архимандритом Иеронимом в 1788—1789 гг.²⁰ Они состояли из шести книг, одна из которых содержала описание грамот (кн. 5). Правда, она составлялась вскоре после отправления самых ценных для монастыря грамот в Коллегию экономики и содержит перечень как оставшихся после этого царских и архиерейских грамот

¹⁵ ГПБ, Сол., № 18/1477, 19/1478, 20/1479. Оглавление первого сборника (л. 1—23), второго (л. 1—14), а также л. 94—145, 158—253, 408—425 первого сборника и весь третий сборник написаны на бумаге с водяным знаком: герб Вятской губернии в сопровождении литер «Ф» и «Р», дата «1833» (подобный см.: *Клепиков С. А.* Филиграния и штемпели. . . М., 1959, № 715). В первом сборнике имеются также филиграния: литеры «АФИД» и дата «1832» (л. 36—93, 279—291); литеры «ј» и «D» и дата «1832» (л. 146—157, 340—396, 397—407); литеры «АФ» и «ИД» (л. 292—315). Во втором сборнике на л. 15—523 водяной знак аналогичен знаку третьего тома, но с датой «1832».

¹⁶ ПСЗ, № 11745.

¹⁷ Там же, № 13621.

¹⁸ Там же, № 16688.

¹⁹ ЦГА СССР, ф. 796, оп. 58, д. 285, л. 190.

²⁰ Там же, ф. 834, оп. 3, д. 2421, кн. 1—6.

(л. 1—20), так и вывезенных грамот (л. 20 об.—29 об.); остальные же известные нам настоятельские описи вплоть до 1863 г. описаний грамот не содержат. Следующая опись — архимандрита Соловецкого монастыря Герасима Ионина 1793 г. — состояла уже из пяти книг²¹ и никакого, даже перечневого, описания архива не имела. В 1807 г. вновь направленному в Соловецкий монастырь архимандриту Иллариону в соответствии с предыдущими указами было вменено в обязанность «во всех соборных ризницах драгоценные редко употребляемые вещи хранить и содержать от всегда употребляемых особо за печатями протопопскими обще с ключарскими и прочих священников, и в те места одним протопопам и ключарям без оных не входить, на каковом основании поступать и во всех. . . монастырях, чиня осмотр ризницам и прочим церковным вещам самим настоятелем с наместниками и казначеями при лучших трех иеромонахах, по прошествии года о целостности тех ризниц рапортовать Святейшему Синоду»²². Но вновь составленные пять томов описи также не содержали описания архива или каких-либо грамот и документов²³. В 1833 г. издаются указы «О учинении пятилетнего осмотра ризничным вещим»²⁴ и «О наблюдении за качеством книг и рукописей, находящихся в библиотеках монастырских» с приложением специально разработанной формы описи печатным книгам и рукописям²⁵. И лишь в 1853 г. по инициативе митрополита московского Филарета было утверждено определение Синода «О порядке хранения церковного достояния в монастырях и церквях и о единообразном составлении описей оному»²⁶. Во вновь выработанной форме описи впервые предусматривалось внесение в ризничную опись наравне с другими драгоценностями и реликвиями рукописей на пергамене и на бумаге, грамот и древних актов. Согласно этому указанию в Соловецком монастыре были составлены описи монастырскому и церковному имуществу в шести томах и в 1863 г. представлены в двух экземплярах на утверждение Московской синодальной конторы, а на следующий год «поверены на месте с наличностью описанного имущества московским синодальным ризничим»²⁷, но утверждены не были из-за имеющихся «неточностей с наличностью и разноречий в описании». Лишь в 1867 г. исправленные и переписанные вновь описи были утверждены²⁸. Один из томов описи 1863 г. — «Главная опись письменности Соловецкого монастыря» хранится ныне в ЛОИИ²⁹ и содержит подробное описание каждой отдельной грамоты, находившейся в ризнице. Почти не отличается от нее по составу «Опись грамотам, разным документам и рукописным книгам, хранящимся в ризнице Соловецкого монастыря», написанная в 1885 г.³⁰ На подлинных документах ризничной коллекции имеются также пометы «по описи 1848 г. №. . .», но сама опись нами не обнаружена.

Какой-либо описи на остальной массив документов, оставшихся за пределами ризницы (хранившихся в «архиве старых монастырских дел», по выражению архимандрита Досифея), нам также обнаружить не удалось.

Не случайно судьба соловецкого архива волновала русских исследователей уже в первой четверти XIX в. Однако при самовластии монастырских властей, удаленности и изолированности монастыря его архив оставался малодоступным для исследователей.

²¹ Там же, ф. 796, оп. 72, д. 225, л. 120—341.

²² Там же, оп. 86, д. 431, л. 84—85.

²³ Там же, л. 75 об.—76.

²⁴ ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1, ч. 33, д. 44, л. 1.

²⁵ Там же, д. 238.

²⁶ Гаурилов А. В. Постановления и распоряжения святейшего Синода о сохранении и изучении памятников древности (1855—1880 гг.). — В кн.: Вестник археологии и истории, издаваемый археологическим институтом. СПб., 1886, с. 51—55.

²⁷ ЦГИА СССР ф. 834, оп. 3, д. 3214, л. 33—34 об.

²⁸ Там же, л. 79; ныне описи 1867 г. хранятся в ЦГАДА (ф. 1183, оп. 4, д. 405—407). Благодарю И. Я. Качалову за указание на эти описи.

²⁹ ЛОИИ, Колл. акт. книг № 2, д. 151.

³⁰ Там же, д. 153.

Я. И. Бередников, работавший в соловецком архиве с 12 июня по 29 июля 1834 г.³¹, нашел в нем массу интересных материалов и в письме от 7 июля 1834 г. сообщал П. М. Строеву, что переписал уже 200 актов³². Бередников пытался переписать как можно больше документов, так как справедливо опасался, что «все, пропущенное по каким-либо причинам при нынешнем обозрении древностей соловецких, пребудет долго, а может быть и всегда историку русскому неизвестным»³³.

Многие из привезенных Бередниковым списков были позднее опубликованы в изданиях Археографической комиссии и послужили источниковой базой для многочисленных исследований. В «Актах Археографической экспедиции» опубликована 91 грамота Соловецкого монастыря за 1459—1691 гг.³⁴, 14 соловецких грамот 1667—1674 гг. напечатаны в IV томе «Актов исторических»³⁵, 48 актов (1667—1675 гг.) — в V томе «Дополнений» к ним³⁶. Причем и в АИ и в ДАИ были помещены грамоты (14+48), подготовленные к публикации Строевым из принадлежавшего ему сборника актов 1666—1676 гг. на 507 л.³⁷ Этот сборник, очевидно, имел в виду П. М. Строев, когда в 1840 г. в письме председателю Археографической комиссии кн. П. А. Ширинскому-Шихматову сетовал на редакторов АИ, не включивших в IV том всех его грамот: «. . . там было сорок актов, а помещено два или три. . . Получив по благоприятному случаю Сборник всех актов Соловецких того времени, которых нет и в самом Архиве монастыря, я не поленился выписать из него все любопытное, и масса этих выписок представила дело в ясном свете и во всех подробностях; а гг. редакторы, поместив только два или три акта, и то наудачу, оставили его (т. е. дело обороны Соловецких иноков) в прежнем мраке». По его настоянию эти акты были включены в ДАИ³⁸. Сборник Погод. 1906, судя по записи в нем, был составлен черным попом Онанием на Московском соловецком подворье. В него были включены списки с 231 грамоты 1666—1675 гг., большинство из которых были выданы воеводам по челобитью строителя Московской службы Иринарха Тарбеева без прочета, и, очевидно, в архиве на Соловках их действительно не было.

В собрании Строева в ЛОИИ имеется также 9 актов (подлинники и списки)³⁹, в которых упоминается Соловецкий монастырь, но, скорее всего, они происходят не из соловецкого архива, а из архивов других монастырей, упомянутых в тех грамотах наряду с Соловецким монастырем.

Однако названные публикации далеко не исчерпывали богатой коллекции актовых источников соловецкого архива. Не случайно, Бередников на 26-й день своего пребывания на Соловках, сообщая П. М. Строеву краткий перечень «особенно примечательных» грамот, прибавлял: «извещая Вас о сих успехах в открытии древних дипломов, коих в портфелях моих, кроме исчисленных выше, считается уже переписанных *более двухсот* (курсив мой. — Т. Т.), смею присовокупить, что при всех неутомимых трудах я еще не имел времени приняться за библиотеку»⁴⁰. И после поездки Бередникова внимание к соловецкому архиву не ослабевало, но отсутствие практического доступа к нему закрывало исследователям возможность изучения интереснейших страниц истории.

³¹ ОР ГБЛ, ф. 291, д. 2242, л. 267 об.—268.

³² Там же, л. 258. (См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 271—272 без указания на число актов).

³³ Там же, л. 235.

³⁴ Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. I—IV.

³⁵ АИ. СПб., 1841. Т. IV.

³⁶ ДАИ. СПб., 1846. Т. V.

³⁷ Судя по составу и внешней характеристике, тождествен сборнику, попавшему в собрание Погодина среди других строевских рукописей и хранящемуся ныне в ГПБ (Погод., 1906). Благодарю С. М. Каштанова за указание на этот сборник.

³⁸ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 363.

³⁹ Архив П. М. Строева. Пг., 1915—1917, т. 1, 2, № 104, 172, 269, 292, 448, 483; Акты П. М. Строева см.: Курдюмов М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве императорской Археографической комиссии. СПб., 1908, № 655, 872, 878.

⁴⁰ ОР ГБЛ, ф. 291, д. 2242, л. 258.

Угроза нападения на Соловки английского флота со стороны Белого моря в 1854 г. стала причиной того, что 22 марта 1854 г. Синод издал указ; по которому предусматривалось перевезти все движимые ценности Соловецкого монастыря через Архангельск в более безопасное место — в Антониев Сийский монастырь, а рукописи передать в Московскую контору Синода⁴¹. Однако по предложению архангельского епископа Варлаама было решено все одновременно направить в Сийский монастырь, с тем чтобы книги оттуда перевезти в Москву по зимнему, более удобному и дешевому пути⁴². 20 мая 1854 г. все ценности, упакованные в 42 ящика и 4 бочки, в том числе 16 ящиков рукописей и старопечатных книг, были доставлены в Сийский монастырь⁴³. На следующий год по просьбе Казанской духовной академии, открывшей миссионерское отделение для борьбы с расколом, ее библиотеке временно передавалось из Сийского монастыря соловецкое книжное собрание, которое в дальнейшем так и осталось в ее составе⁴⁴. Среди соловецкого собрания в библиотеке Казанской духовной академии оказались и три тома Досифеевых копийных книг 1834—1835 гг.⁴⁵ Впоследствии, благодаря этому обстоятельству, весь комплекс актов ризничной коллекции, переписанный в названных книгах, стал доступным для исследования В. О. Ключевскому, написавшему на этом материале одну из ранних монографий⁴⁶.

В конце XIX в. вновь были сделаны попытки публикации соловецких документов, но издатели, очевидно, не имели возможности привлечь материалы соловецкого архива и ограничились другими собраниями. Так, в 1878 г. Н. Субботин издал 107 соловецких грамот из Синодального собрания⁴⁷. В 1880-х годах отдельные документы по истории Соловецкого монастыря печатаются в Чтениях Общества истории и древностей российских с подзаголовком «из рукописей Е. В. Барсова» но без каких-либо объяснений происхождения этого собрания⁴⁸.

В 1874 г. по ходатайству действительного члена Академии наук, помощника директора Публичной библиотеки А. Ф. Бычкова Синод разрешил профессору императорского Александровского (в прошлом — Царскосельского) лицея В. В. Никольскому «осмотреть монастырский архив и извлечь из хранящихся в нем актов и бумаг необходимые для его ученых исследований материалы» с условием, чтобы он «не ограничился личным знакомством с соловецким архивом, но представил результаты этого обозрения в комиссию в виде описания» в связи с тем, «что архив Соловецкого монастыря, как ставропигиального, составляет как бы часть архива Синодального, между тем в Синоде не имеется сведений ни о составе, ни о состоянии этого архива»⁴⁹.

В 1876 г. (с 16 по 22 июля) в Соловецком монастыре побывал А. Е. Виктор, который еще в конце 1860-х годов начал работу над полной библиографией старопечатных славянских книг. Главным объектом его внимания были оставшиеся в монастыре книги, но попутно он составил и беглую опись хранившихся в ризнице грамот с суммарной характеристикой их. Материалы, собранные Викторовым, были опубликованы уже после его смерти⁵⁰.

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 135, д. 545, л. 2—4.

⁴² Там же, л. 9.

⁴³ Там же, л. 32.

⁴⁴ Кужушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977, с. 24.

⁴⁵ Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881—1898. Ч. I—III (ныне — в ГПБ, Сол., № 18/1477, 19/1478, 20/1479).

⁴⁶ Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. М., 1867.

⁴⁷ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1878. Т. 3.

⁴⁸ Позднее изданы отдельной книгой: Новые материалы для истории старообрядчества XVII—XVIII вв., собранные Е. В. Барсовым. М., 1890.

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 44, д. 106, л. 2.

⁵⁰ Виктор А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890.

В 1887 г. С. А. Белокуров опубликовал часть описи Соловецкого монастыря 1676 г., хранившейся в Архиве Министерства юстиции. Белокуров опубликовал те разделы описи, которые характеризуют состав книжной палаты и архива монастыря. Он сопоставил сведения описи с сохранившимися книгами, идентифицировал 78 названий. Для идентификации упомянутых в описи актов автору следовало обратиться к монастырскому архиву, но у него такой возможности не было, и поэтому он лишь отметил: «Описание архива Соловецкого монастыря имеет также, по нашему мнению, большую важность, т. к. дает нам сведения о массе документов (всех 3174 номера), из которых очень многие не сохранились до нашего времени»⁵¹.

Интересные сведения о состоянии архива Соловецкого монастыря к началу XX в. можно извлечь из заполненной анкеты о состоянии архивов Архангельской губернии от 18 апреля 1900 г.⁵² Из анкеты видно, что соловецкий архив находился в неотапливаемой, но якобы сухой и светлой комнате под колокольней площадью 84 кв. аршина. Документы располагались «на полках, укрепленных в два ряда вдоль архива». На содержание помещения (отопление, освещение, хозяйственные и канцелярские расходы) никаких средств не выделялось. Заведовал архивом в качестве хранителя один из монашествующей братии, причем эти обязанности были для него «делом второстепенным», и никаких помощников ему или сторожей для архива не полагалось. Документы хранились «в столбцах, связках и обертках, связки 3—5 вершков толщиной». Ни описи, ни какой-либо общей нумерации хотя бы связкам в архиве не было. Поэтому на вопрос анкеты: «Каково количество всех дел по описи (если есть) или приблизительно: сотни, тысячи, десятки тысяч номеров. . . » — монахи вынуждены были отвечать: «За многочисленностью даже приблизительно нет возможности определить количество». А на вопрос, «нет ли книг, документов и дел XVI—XVII и XVIII вв. и сколько их», дан ответ: «Есть, но сколько их, в известность не приведено». Отвечая на вопрос о системе учета, монахи сообщают, что, кроме описи 1733 г. (уже упоминаемой нами), с 1800 г. ведутся отдельными книгами опись и алфавит; причем никаких правил о составлении описи не имеется и «никаких правительственных распоряжений, касающихся архива, не было». На старинных делах и связках были надписи на ярлыках, но «когда, кем и по какому поводу составлены», монахам «не известно». По описи, начатой в 1800 г., ко времени заполнения анкеты значилось 6026 номеров. Московское археологическое общество интересовало также в анкете, «открыт ли архив для ученых занятий, какие на этот счет правила и бывают ли (или бывали) и в каком числе лица для ученых занятий в архиве». Монастырские власти отвечали: «Хотя разные лица осматривали архив, но учеными исследованиями, кроме соловецкой братии, никто специально не занимался. Лицам, *заслуживающим доверия* (курсив мой. — Т. Т.), архив может быть открыт во всякое время».

Такое отношение к историческим памятникам древности веками вырабатывалось в монастыре, который хорошо следил за документами лишь до тех пор, пока они нужны были для обеспечения владельческих прав или впоследствии как свидетельство его «доблестной» истории (ризничная коллекция). Все же остальные документы, утратившие практическое значение для монастыря, самовластно уничтожались или гибли от «небрежения», а исследователи, «не заслуживающие доверия» монастырских властей, получали отказ в доступе к документам. Примером этого может служить неудачная попытка Соловецкого монастыря организовать публикацию исторического исследования о монастыре: в 1863 г. Соловецкая обитель заключила договор с А. И. Бюргером о написании им книги,

⁵¹ Белокуров С. А. Материалы для русской истории. Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 года) по современным описям. — ЧОИДР. М., 1877, кн. 1, с. 6.

⁵² ЛОИА, ф. 4 (Московское археологическое о-во), д. 282, л. 171—171 об.

посвященной истории монастыря⁵³. Однако через два года по соборному определению Бюргеру вменялось «оставить дальнейший труд, потому что из первых тетрадей видно, что описание сочиняется не в том тоне, в каком желала бы видеть его обитель»⁵⁴.

Вскоре после получения Археологическим обществом общих сведений о соловецком архиве, в том же, 1900 г., но, очевидно, в летнее время, когда была открыта навигация, Соловецкий монастырь посетил историк древнерусской рукописной книжности Н. К. Никольский, в черновиках которого сохранились записи о том, что во время его краткого пребывания на Соловках «выяснилась своеобразная точка зрения монастырских властей на задачи истории монастыря: в ней не должно быть ничего, что могло бы налагать какие-либо тени на историческую славу его, и потому порочащие эту славу материалы его не должны быть доступными исследователям, не смыкающим свой исторический кругозор с интересами монастыря. В связи с этим архив монастыря, с одной стороны, был частью заповедным для археографов, случайно заезжавших в монастырь; с другой стороны, производился в нем и разбор по изъятию из официального архива всего зазорного для памяти о прошлом»⁵⁵.

В 1908 г. в монастырский архив был допущен для снятия копий с документов, «понадобившихся Н. К. Никольскому, И. А. Шляпкину и другим», уроженец Архангельска И. А. Елизаровский, окончивший курс Петербургской духовной академии и одновременно курс Археологического института по отделению рукописей. Яркая характеристика состояния архива того времени представлена Елизаровским в его автобиографии⁵⁶ и диссертации, написанной на соловецких материалах⁵⁷: «Архивные документы в Соловках содержались весьма плохо. Сохранилось известие, что старые соловецкие рукописи много десятков лет лежали в полуразрушенной башне крепости, подвергаясь действию дождя и снега. . . Потом после протеста профессора Н. К. Никольского документы были перенесены в полуподвальное помещение, разложены по полкам небольшими стопками по признаку размера бумаги и даже вошли в «опись». Все такие «стопки» завернуты были в серую бумагу, перевязаны ниткой, пронумерованы и однообразно озаглавлены: № такой-то, «разные документы различных годов» или иногда: «документы разных веков». Около 1907 г. соловецкий настоятель, опасаясь, чтобы старые рукописи не вскрыли чего-нибудь «предосудительного» из истории монастыря, разрешил документы употреблять в братском нужнике. Сколько времени и в каком количестве «братия» пользовалась рукописями в указанных целях, точно неизвестно; но еще в 1908 г. я видел в уборной монашеского корпуса «короб» размером 1×2 метра, наполненный архивными материалами, в числе которых оказался свиток длиной 36 столбцов, содержащий опись библиотеки монастыря во время игуменства известного Филиппа Колычева, впоследствии митрополита Московского. При таком своеобразном отношении администрации монастыря к историческим письменным источникам нет ничего удивительного в том, что многие ценные документы бесследно утратились»⁵⁸.

Внимание к архиву Соловецкого монастыря вновь усилилось в связи с подготовкой издания «Памятников истории старообрядчества». На заседании редакционного совещания Археографической комиссии 1 декабря 1915 г. член Археографической комиссии В. Г. Дружинин обратил внимание собравшихся на то, что в архиве Соловецкого монастыря, по имею-

⁵³ ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 3220, л. 55—56.

⁵⁴ Там же, д. 3222, л. 5 об.

⁵⁵ ОР БАН, Картотека Н. К. Никольского, ящ. 163, л. 64.

⁵⁶ Арх. Арханг. пед. ин-та им. М. В. Ломоносова. Личное дело Ивана Автономовича Елизаровского, б/ф, оп. 6, св. 2. Благодарю С. А. Синеговского за указание на этот источник.

⁵⁷ Елизаровский И. А. К генетике современных народных говоров на территории бывших соловецких вотчин. Архангельск, 1942. Рукопись. — Б-ка Архангельского музея деревянного зодчества. Малые Корелы, № 1515.

⁵⁸ Там же, с. 9—10.

щимся в литературе указаниям, хранятся неизданные материалы для истории Соловецкого «мятежа». «И было бы желательно, — говорил он, — попутно с извлечением этих документов для издания Памятников по истории старообрядчества, попытаться получить ближайшие сведения обо всем архиве обители. Такую работу изъявил готовность принять на себя сотрудник комиссии Б. Д. Греков»⁵⁹. Археографическая комиссия одобрила эту инициативу, и летом 1916 г. Греков направился на Соловки «для обозрения архива».

Его отчет об этой поездке отличается большой подробностью и дает не только представление о количестве, составе и содержании документов соловецкого архива, но и конкретные сведения об их систематизации и степени сохранности⁶⁰. Отчет имеет особое значение как последнее по времени свидетельство о состоянии соловецкого архива до его разобшения.

Из отчета явствует, что накануне революции весь архив Соловецкого монастыря, за исключением документов, хранившихся в ризнице, находился на грани гибели. Документы в связках лежали на полках во влажном неотопляемом помещении. «Все, что лежит здесь, — писал автор отчета, — насквозь пропитано влагой (зимой, надо полагать, архив покрывается инеем) и за короткое лето высохнуть не успевает. Бумаги, лежащие внизу, ближе к полу, гниют»⁶¹.

В результате получения такой информации Археографическая комиссия на заседании 17 января 1917 г. приняла решение: «Войдя в соглашение с Синодом, командировать Б. Д. Грекова в Соловки еще раз летом 1917 г. для перевозки архива в комиссию»⁶².

30 января 1917 г. председатель Археографической комиссии граф С. Д. Шереметев обратился к обер-прокурору Синода с просьбой содействовать «спасению от гибели одного из самых богатых монастырских архивов в России», «драгоценного для истории не только обители, но и всего нашего Севера»⁶³. Но предложение о перевозке соловецкого архива было сначала отклонено Синодом под предлогом того, что «с приобщением далекого Севера к русской столице Петрограду и всем градам и весям Российского государства путем устройства Мурманской железной дороги для всех интересующихся хранящимися в архиве Соловецкого монастыря рукописями и документами представляется полная возможность к обозрению таковых в архиве»⁶⁴. Синод счел возможным лишь дать распоряжение о переводе архива в другое, более сухое помещение обители.

Лишь в июне 1917 г. после обращения в Синод начальника синодального архива К. Здравомыслова было принято решение о перевозке соловецкого архива из монастыря в Петроград. В письме Здравомыслова говорится об «исторической ценности архива Соловецкого монастыря и полной безнадежности сохранить его для науки, если он останется в монастыре»⁶⁵. Вскоре после получения предписания Синода о вывозе соловецкого архива соловецкий архимандрит отправился в Москву с ходатайством оставить в монастыре хотя бы ризничную коллекцию грамот, объясняя это тем, что, «не имея этих документов, обитель останется без юридических доказательств на владение и может лишиться многого, что особенно допустимо в переживаемое тревожное время»⁶⁶. Отсутствие настоятеля послужило предлогом для того, чтобы Грекова, прибывшего в монастырь 21 июля 1917 г., не допускали для работы в ризницу, а упакованный к 1 августа в 24 ящика архив не отпускали из монастыря⁶⁷. Греков был

⁵⁹ Извлечения из протоколов императорской Археографической комиссии за 1915 г. — ЛЗАК. Пг., 1916. Вып. 28.

⁶⁰ Греков Б. Д. Указ. соч., с. 77—95.

⁶¹ Там же, с. 79.

⁶² Там же, с. 77 (примеч.).

⁶³ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 204, отд. II, стол. 2, ед. хр. 98, л. 2—3.

⁶⁴ Там же, л. 4 об.—5.

⁶⁵ Там же, л. 6.

⁶⁶ Там же, л. 9.

⁶⁷ Акт передачи архива Соловецкого монастыря в архив Святейшего Синода. См.: ЛОИИ, ф. 123 (Соловецкий монастырь), приложение к оп. 2.

вынужден уехать из монастыря без архива за новыми распоряжениями Синода. Время тянулось, и обстановка резко осложнилась: видимо, уже в это время перевозка архива в Петроград стала невозможной. 2 августа Греков отправил из Архангельска телеграмму обер-прокурору Синода: «Получил Вашу телеграмму. Необходимо телеграфно побудить настоятеля разрешить перевозку в Архангельск, где жду и повезу дальше. . .»⁶⁸. Только после двух последовавших предписаний Синода от 5 и 10 августа монахи согласились передать архив, и лишь 22 августа переправили его в Архангельск; причем настоятелю удалось добиться разрешения оставить в монастыре коллекцию грамот, хранившихся в ризнице⁶⁹.

Сложное политическое положение (начало корниловского мятежа, сдача Риги немцам 22 августа, угроза Петрограду) явилось объективной причиной невозможности перевезти архив из Архангельска в Петроград. Как сообщалось в отчете о деятельности Археографической комиссии за 1917 г., «ввиду выяснившейся в то время необходимости эвакуации центральных архивов, архив Соловецкого монастыря был направлен в Пермь, где с согласия местного преосвященного помещен в зданиях его ведомства»⁷⁰. Из примечаний Археографической комиссии к опубликованному в 1926 г. отчету Грекова явствует, что архив помещался в здании бывшей духовной семинарии под наблюдением Грекова до его отъезда из Перми в 1918 г. Далее сообщалось: «О дальнейшей судьбе архива комиссия точных сведений не имеет; ей известно, что архив несколько раз перевозился с места на место, находился на территории боев гражданской войны и сейчас в разобранном виде лежит на стеллажах Пермского губархбюро»⁷¹.

Некоторые сведения о состоянии архива в Перми можно получить из краткой справки, данной профессором Пермского университета А. А. Савичем, работавшим в течение двух лет над его материалами. «Этот архивный материал использован нами в Перми во время пребывания здесь (в Государственном музее) Соловецкого архива. Перебрасывание этого архивного фонда во время гражданской войны из одного помещения в другое привело его в хаотическое состояние. В течение непродолжительного двухгодичного срока изучения этого архивного фонда нам удалось только просушить несколько ящичков и разложить приблизительно в хронологическом порядке документы XVI—XVII вв.»⁷² Лишь в 1926 г. «архив старых дел» Соловецкого монастыря, перевезенный Грековым в Пермь, был отправлен в Москву, в Древлехранилище⁷³, и ныне хранится в ЦГАДА. Несмотря на все сложности, большую часть соловецкого архива удалось спасти, а в 1929—1930 гг. были предприняты первые публикации документов, ставших доступными исследователям⁷⁴.

В первые годы Советской власти в нашей стране было сделано все возможное для сохранения памятников культуры и истории. Материалы, которые долгие годы оставались в полном и бесконтрольном владении невежественных монастырских властей, недоступные для исследователей, стали предметом внимания правительства и, несмотря на тяжелые условия военного времени, были спасены от грозившей им гибели.

«Благодаря декретам и постановлениям, изданным в области охраны памятников, учет и охрана произведений искусства стали государственным делом, — пишет в своей статье непосредственный участник спасения соловецкого архива Н. Н. Померанцев. — В результате работы, проведенной органами охраны памятников и отдельными лицами, удалось

⁶⁸ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 204, отд. II, стол 2, ед. хр. 98, л. 12.

⁶⁹ Там же, л. 9—10.

⁷⁰ ЛЗАК. Пг., 1923, вып. 31, с. 10.

⁷¹ ЛЗАК, вып. 33, с. 47.

⁷² Савич А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, с. 12.

⁷³ Померанцев Н. Н. В Москву переведен архив Соловецкого монастыря. — Веч. Москва, 1926, 14 дек.

⁷⁴ Чаев Н. С. Северные грамоты XV в. — ЛЗАК. Л., 1929, вып. 35; Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. Л., 1930.

открыть и спасти от гибели огромное количество выдающихся первоклассных произведений искусства и памятников культуры»⁷⁵.

Вскоре после свержения белогвардейского правительства в Архангельске и установления Советской власти во всей губернии (21 февраля 1920 г.) Соловецкий монастырь был упразднен, а его имущество национализировано⁷⁶. В соответствии с Инструкцией по учету, хранению и передаче религиозного имущества, разработанной в 1920 г. в дополнение к декрету от 23 января 1918 г., в 1921 г. на Соловки прибыл уполномоченный отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины Б. Н. Молас⁷⁷. Его поездка носила ознакомительный характер и имела цель информировать центр о музейных ценностях во всей губернии. В Соловецком монастыре Молас составил список предметов, имевших художественно-историческое значение и хранящихся в ризнице монастыря. В составе перечисленных им ценностей названа и ризничная коллекция подлинных грамот XV—XVIII вв. и книг, не вывезенная из монастыря Б. Д. Грековым. Осенью 1922 г. на Соловки были направлены эксперты Государственного музейного фонда М. П. Мошков и Ф. А. Каликин для вывоза части коллекции в центр. «Нам удалось, — писали они в отчете, — в первую категорию для Петербурга отобрать почти все лучшее шитье и лучшие рукописи, кроме грамот»⁷⁸. В акте изъятия от 7 октября 1922 г.⁷⁹ перечислены вывезенные ценности, среди них: «№№ 85—88 Евангелия рукописные XVI—XVII вв., № 89 Апостол рукописный Филиппа, № 90 ркп. Правила св. Апостол в I°, № 91 ркп. сборник вкладная XVII в. в 4°, № 92 ркп. сборник в I° XVII в., № 93 ркп. Лапсаик в I° XV в., № 94 ркп. сборник в 4° XVII в., № 96 ркп. история Иосифа Флавия в 4°, № 97 ркп. псалтырь Палицына в 4°, № 98 ркп. архивная в I°, № 99 ркп. кормовая в 4°, № 100 ркп. Житие Сергия в 4°, № 101 ркп. книги переписные 8 штук в коробке в 4°, № 102 ркп. Главник в I°, № 103 ркп. вкладная в I°, № 104 ркп. переписная в 4°, № 105 ркп. копии с жалованных грамот, № 106 ркп. дела князей Волконских № 1—75 в коробке, № 107 ркп. книги переписные 7 штук в коробке, № 108 план Соловецких тюрем 1848 г., № 109 ркп. кормовая в 4°, № 110 грамота на пергаменте Великого Новгорода за 8-ю свинцовыми печатями». Все эти рукописи были переданы в Археографическую комиссию⁸⁰ и ныне хранятся частью в РО БАН⁸¹, частью в архиве ЛОИИ⁸².

Однако для сохранения целостности уникальной музейной коллекции Соловецкого монастыря Главмузей Наркомпроса принял решение о вывозе в одно центральное хранилище всего соловецкого собрания. Летом 1923 г. Центральный отдел музеев командировал на Соловецкие острова Н. Н. Померанцева, П. Д. Барановского и Е. И. Силина для окончательного решения вопроса, так как дальнейшее сохранение соловецкой коллекции в упраздненном монастыре было небезопасно. Коллекция была тщательно описана и перевезена в Москву, в Объединенный музей декоративного искусства (ныне Государственные музеи Московского Кремля). В составе коллекции вывезены и грамоты, хранившиеся в ризнице монастыря.

Некоторые рукописи XVIII—XIX вв. (главным образом синодики и сочинения соловецких монахов), а также известное количество мона-

⁷⁵ Померанцев Н. Н. Революционный народ хранит памятники культуры. — Искусство, 1968, № 4, с. 38.

⁷⁶ Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917—1921 гг.). М., 1975, с. 66, 70, 99.

⁷⁷ ОРМ ГММК, ф. 20, 1921 г., д. 12.

⁷⁸ Там же, л. 147.

⁷⁹ ГААО, ф. 352, оп. 1, д. 296, л. 33. Благодарю Ю. М. Критского за указание на источник.

⁸⁰ Акт передачи от 18 ноября 1922 г. — ОРМ ГММК, ф. 20, 1921 г., д. 12, л. 169.

⁸¹ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела БАН, XIX—XX вв. М.; Л., 1958, вып. 2, с. 176—177 (собр. № 4).

⁸² ЛОИИ, Колл. акт. книг № 2. См.: ЛЗАК, вып. 32, с. 84—85.

стырских делопроизводственных материалов XIX—начала XX в. оставались какое-то время в стенах монастыря, где был создан небольшой музей. Затем они попали частью в Государственный архив Архангельской области, частью — в Музей истории религии и атеизма в Ленинграде; причем большинство делопроизводственных документов исчезло.

Таким образом завершилось распределение соловецкого рукописного собрания по хранилищам. Соловецкие сокровища, в том числе и документальные материалы, были спасены и стали доступны для исследователей.

В настоящее время большая часть архива Соловецкого монастыря (столбцы и дела) хранится в ЦГАДА. Фонд Соловецкого монастыря (№ 1201) насчитывается 11 953 ед. хр. конца XV—начала XX в. В составе коллекции грамот Коллегии экономии (ф. ГКЭ) находятся грамоты, вывезенные из монастырского архива в 1767 г. Большая коллекция жалованных и указных грамот XVI—XVIII вв., а также описи XVIII—XIX вв. (по существу, ризничная коллекция грамот почти в полном составе, за исключением новгородских грамот XV в., переданных из музеев Кремля в Археографическую комиссию для публикации⁸³, осуществленной Н. С. Чаевым) хранится в ОРМ ГММК. В Синодальном собрании ОР ГИМ имеются соловецкие документы, отражающие историю восстания старообрядцев (1668—1676 гг.), а в Епархиальном собрании — 54 рукописи XVII—XIX вв., главным образом житийного и богослужебного характера, а также синодики Соловецкого монастыря. Отдельные грамоты и сборники, попавшие в частные собрания, хранятся ныне в ОР ГБЛ (собрания Муханова и Румянцева) и РО ГПБ (собрание Погодина). Актовые книги и часть монастырских описей XVI—XIX вв., а также новгородские грамоты XV в. из ризничной коллекции Соловецкого монастыря сосредоточены в Архиве ЛОИИ СССР. Синодики XVIII—XIX вв. и сочинения соловецких монахов (всего 28 ед.) после расформирования Центрального антирелигиозного музея попали в Музей истории религии и атеизма в Ленинграде, включившего в свой состав материалы Музея Соловецкого общества краеведения. В составе соловецкой библиотеки, переведенной из Казанской духовной академии в РО ГПБ, хранятся Досифеевы копийные сборники 1834—1835 гг. Отдельные описи XVIII—XIX вв. отложились в фонде Синода (ЦГИА СССР). Там же хранится переписка соловецких настоятелей. В Государственном архиве Архангельской области, в фонде Соловецкого монастыря, имеется 16 ед. хр. XVII—XX вв. (три прихода-расходные книги 1698—1699 гг., четыре тома «Главной церковной и ризничной описи» 1866 г. — начала XX в., книги исповедальная, записи допросов при пострижении в монахи, купчие XVIII в., летописец XIX в. и др.).

⁸³ Отношение ученого секретаря Археографической комиссии АН СССР от 28 декабря 1926 г. — ОРМ ГММК, ф. 20, 1927 г., д. 4, л. 3.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИЙ ПО ИСПРАВЛЕНИЮ ДРЕВНЕРУССКИХ ПЕВЧЕСКИХ КНИГ В XVII В.

Почти каждая крупная работа в области изучения древнерусской профессиональной музыкальной культуры так или иначе затрагивает деятельность двух комиссий по исправлению крюковых книг в XVII в. И это понятно: велико значение реформы, которую должны были подготовить члены комиссий, реформы, которая назрела, по крайней мере, еще за столетие до их созыва в Москве. Вместе с тем накопившиеся в русской и советской историографии сведения о комиссиях довольно противоречивы, часто не обоснованы, не подтверждаются источниками.

Поскольку о явлениях, вызвавших к середине XVII в. вопрос о немедленной реформе в древнерусском певческом искусстве, уже неоднократно писалось, остановимся на них очень коротко. Прежде всего исправление певческих книг было вызвано господством в них *раздельноречия*, или *хомонии*, т. е. своеобразной манеры исполнения текстов песнопений с вставками в слова между согласными звуками не существующих в речи гласных (отсюда — раздельноречие), что было главным образом следствием озвучивания при пении древнерусских полугласных «ъ» и «ь», имевших над собой нотные знаки, и замены их на письме соответственно на «о» и «е» (денесе, празднико, седохохо, грехохо, сотвориохо и т. п.; отсюда — хомония)¹. Это явление делало тексты песнопений непонятными, но в представлении большинства оно стало своего рода стилевым элементом профессионального пения и поэтому сохранялось длительное время. В XVII в. все чаще раздаются призывы к исправлению раздельноречных книг².

Кроме обычной текстовой части книг, в пересмотре и унификации нуждались и нотные тексты. Существование на огромной территории России разных певческих школ (как особых направлений в искусстве) привело к тому, что одни и те же знаки нотации, лицевые и фитные обороты распевались в различных районах по-разному³. Чтобы сделать пение единообразным в рамках всего государства, следовало собрать представителей этих школ для выработки единой певческой «азбуки», а также для редакции мелодий песнопений.

Таким образом, перед мастерами певческого дела, которым предстояло собраться для исправления нотированных книг, вставали две большие задачи: «еже бы всякое пение было во истинноречном пении», исправить хомовые тексты песнопений; а чтобы пение было «езде во всех градах и честных обителех и селех устроено равночинно», унифици-

¹ О причинах и времени зарождения раздельноречия существуют разные точки зрения. См.: *Разумовский Д. В.* Церковное пение в России. М., 1867, вып. 1, с. 63—67 и др.; *Металлов В. М.* Очерк истории православного церковного пения в России. М., 1915, с. 53—55; *Успенский Н. Д.* Древнерусское певческое искусство. М., 1971, с. 325—326; *Бражников М. В.* Статьи о древнерусской музыке. Л., 1975, с. 9, 47—48.

² Например, автор «Сказания о различных ересях» Евфросин в 1651 г. призывал царя и патриарха исправить «с печатных церковных книг и с харатейных книгу Ирмолой, ирмосы, и Октай и Стихорали в существенном разуме речей» (Музыкальная эстетика России XI—XVIII вв. / Сост. А. И. Рогов. М., 1973, с. 73).

³ Евфросин отмечал, что, собравшись, «краснопевцы» разных школ не могли вместе петь: «Укоряющиеся друг другу поносят, себе же каждо величает и хвалится глаголет: „Аз емь Шайдуров ученик.“ А ин хвалит Лукошково учение, а ин же — Баскаков перевод. . . а ин-усольский, а ин-Крестьянинов» (Там же, с. 71).

ровать и нотные тексты⁴. Позже первая из задач более конкретизируется: образцами для текстов крюковых рукописей станут «новоисправленные» в ходе никоновских реформ певческие книги. Кроме того, чтобы сохранить это единообразие, будет решено наладить печатание певческих книг.

О деятельности Первой комиссии единственным источником (других пока обнаружить не удалось) остается предисловие к известному труду Второй комиссии «Извещению о согласнейших пометах», над которым «грудился Александр Мезенец и прочии». Среди тех немногочисленных сведений, которые здесь имеются, указана и точная дата, когда «царским повелением во царствующем величии граде Москве дидакалов собрано к тому знаменному устроению. . . 14 человек»⁵. Однако в существующих исследованиях разных лет мы встречаем разные даты начала работы комиссии.

Впервые текст предисловия к «Извещению» опубликовал В. М. Ундольский, переведя указанную в списке дату «7160» как «1652» г.⁶ И. П. Сахаров, коснувшись работы Комиссии, перевел дату «7160» как «1651», но уточнил, что «правление» певческих книг началось в 1652 г.⁷ Д. В. Разумовский во всех трудах также отмечал, что Первая комиссия начала работу в 1652 г.⁸ Основывался он на рукописях, из которых считал лучшей хранящуюся в библиотеке Ундольского⁹. В 1887 г. другой видный представитель русской музыкальной медиэвистики — С. В. Смоленский сообщил, что им обнаружен прекрасный список «Извещения» в рукописном сборнике, принадлежавшем казанскому торговцу Л. В. Елкину¹⁰. Автор коротко пересказал содержание сообщаемых памятником сведений о комиссиях, указав, что первая из них собралась в 1652 г.¹¹ Но когда в следующем году (1888) он полностью издал «Извещение» по списку той же «рукописи Елкина», то в тексте стояла дата «7163» (1655) г.¹²

Будучи серьезным исследователем, В. М. Металлов (знавший «Извещение» по разным рукописям) в своем «Очерке истории православного церковного пения в России» остался верен первой датировке. Это вызвало резкие замечания А. А. Игнатьева, обвинившего В. М. Металлова в слепом следовании Д. В. Разумовскому. В качестве доказательств того, что Первая комиссия была собрана в 1655 г., Игнатьев приводит следующее: исправление шло при Никоне (патриарх с июля 1652 г.), так как предыдущий патриарх Иосиф был противником исправления раздельно-речия (имеется в виду замечание по этому поводу никоновского биографа Ивана Шушерина¹³); «моровое поветрие» (чума), которое указывается в «Извещении» в качестве одной из причин прекращения работы комис-

⁴ См.: Азбука знаменного пения (Извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца (1668 года) / Изд. С. В. Смоленский. Казань, 1888, с. 1. (Далее: Извещение).

⁵ Там же. Отметим, что само слово «комиссия» в источниках не встречается. Очевидно, впервые оно было употреблено Д. В. Разумовским, а затем прочно вошло в научную литературу.

⁶ Ундольский В. М. Замечания для истории церковного пения в России. М., 1846, с. 12—13. В. М. Ундольский использовал сборник, который хранится сейчас в его собрании (ОР ГБЛ, ф. 310, № 176). Далее автор цитирует и другой список «Извещения» (с. 16), который принадлежал ему (ОР ГБЛ, ф. 310, № 1218), но в этом случае он, по-видимому, ошибочно ссылается на сборник МГАМИД, № 455, в котором «Извещения» нет (ЦГАДА, ф. 181, № 455).

⁷ Сахаров И. П. Исследования о русском церковном песнопении. СПб., 1849, ч. 1, с. 28; ч. 2, с. 11.

⁸ Разумовский Д. В. О нотных безлинейных рукописях церковного знаменного пения. М., 1863, с. 81; Он же. Богослужбное пение православной греко-российской церкви. М., 1886, с. 50; и др.

⁹ Разумовский Д. В. О нотных безлинейных рукописях. . . , с. 138. Это указанный сборник: ОР ГБЛ, ф. 310, № 176.

¹⁰ Смоленский С. В. Общий очерк исторического и музыкального значения певчих рукописей Соловецкой библиотеки и «азбуки певчей» Александра Мезенца. Казань, 1887, с. 14.

¹¹ Там же, с. 9, 16.

¹² Извещение, с. 1.

¹³ Шушерин Иоанн. Известие о рождении и воспитании и о житии святейшаго Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1890, с. 21.

сии, вспыхнуло в Москве в конце 1655 г. (это положение никак не аргументируется); наконец, как главное доказательство приводится «письменное» свидетельство «Извещения» в виде публикации С. В. Смоленского¹⁴. В целом работа А. А. Игнатьева — пересказ давно уже известного и установленного его предшественниками (причем с явным игнорированием последнего факта). Положительное значение ее заключается только в постановке вопроса, а также в том, что на нее откликнулся В. М. Металлов. Статья последнего в одном из выпусков периодического издания Московской духовной академии, выполненная на высоком научном уровне, и решает вопрос о времени созыва Первой комиссии в 1652 г. достаточно убедительно¹⁵. Однако, по-видимому, эта работа осталась известной лишь очень узкому кругу людей, а затем о ней и совсем забыли. Во всяком случае, до настоящего времени большинство исследователей вслед за С. В. Смоленским и А. А. Игнатьевым датируют деятельность Первой комиссии 1655 г.¹⁶ Поэтому есть необходимость остановиться на статье В. М. Металлова кратко рассмотреть систему его аргументов, дополнить и уточнить их.

Остановившись на доказательствах А. А. Игнатьева, исследователь замечает, что «Извещение» не указывает, при каком патриархе Алексей Михайлович приказал собрать дидаскалов. Это не характерно для документов того времени, когда они касались церковных дел. Поэтому В. М. Металлов предполагает, что царь созвал Первую комиссию в период «между-патриаршества» (от смерти Иосифа до поставления Никона), т. е. между 15 апреля и 25 июля 1652 г.¹⁷ Вскоре комиссия вынуждена была прервать работу. Весной 1654 г. начались боевые действия с Польшей¹⁸. Затем (по С. М. Соловьеву и И. Е. Забелину) в июле—декабре 1654 г. случилась первая и наиболее сильная вспышка чумы в Москве. Далее В. М. Металлов ошибочно пытается представить дату июль—декабрь 1654 г. как июль 1653—декабрь 1654 г. по сентябрьскому летоисчислению¹⁹. Поэтому, по его подсчетам, комиссия проработала около года или полутора лет. Наконец, отметив недостатки публикации «Извещения» С. В. Смоленским (в частности, воспроизведение текста по рукописи Елкина без учета различий в других рукописях), В. М. Металлов обращается к письменным источникам, известным ему спискам памятника.

Прежде всего рассматриваются списки «Извещения», о которых знал и С. В. Смоленский. В одном из них утрачено начало предисловия, поэтому даты созыва Первой комиссии нет²⁰. В другом указана дата «лета 7160»²¹. Эта же дата стоит и в следующем списке, который впервые ввел в научный оборот сам С. В. Смоленский²². Далее В. М. Металлов переходит к рукописям, известным ему. В первой указано, что комиссия со-

¹⁴ *Игнатьев А. А.* Церковно-правительственные комиссии по исправлению богослужебного пения русской церкви во второй половине XVII века. Казань, 1910, с. 32—35.

¹⁵ *Металлов В. М.* К вопросу о комиссиях по исправлению богослужебных певческих книг русской церкви в XVII в. — В кн.: Богословский вестник. Сергиев Посад, 1912, т. 2, № 6, с. 423—450.

¹⁶ *Финдейзен Н. Ф.* Очерки по истории музыки в России. М.; Л., 1928, вып. 1, с. 286; *Бражников М. В.* «Азбука» Александра Мезенца. — Сов. музыка, 1968, № 6, с. 102; *Рогов А. И.* Музыка. — В кн.: Очерки русской культуры XVII в. М., 1979, т. 2, с. 278; и др.

¹⁷ *Металлов В. М.* К вопросу о комиссиях. . . , с. 434. Здесь может быть и другая причина. «Извещение» написано после Собора 1666—1667 гг. Возможно, его авторы не стали упоминать только что осужденного Никона. Но несомненно, что комиссия собралась после смерти Иосифа, скорее летом 1652 г.

¹⁸ Там же, с. 436. Этот факт, также указанный в «Извещении» в качестве причины прекращения деятельности комиссии, А. А. Игнатьев игнорировал.

¹⁹ Там же, с. 438. В данном случае получается, что чума длилась в Москве полтора года, т. е. с июля 161 (1653) г. по декабрь 163 (1654) г. Выше (с. 437) автор сам приводит цитаты работ И. Е. Забелина и С. М. Соловьева, из которых следует, что чума, начавшись в июле, прекратилась в декабре того же, 1654 г.

²⁰ ОР ГБЛ, ф. 310, № 1218.

²¹ Там же, № 176, л. 1.

²² ОР ГПБ, QXII. 1, л. 64 об. В опубликованном М. В. Бражниковым предисловии к «Извещению» по этой рукописи снова встречаем дату «7163» (1655) г. (*Бражни-*

бралась «лета 7160»²³, во второй — «лета 7160-го»²⁴. Таким образом, предполагает исследователь, готовя публикацию, С. В. Смоленский в последней приставке «го», бывшей очевидно, и в рукописи Елкина (с которой воспроизводился текст), выпустил букву «о». Так возникла дата «7163» (ЗРЪГ), или «1655» г.²⁵

Во всех перечисленных В. М. Металловым четырех списках «Извещения» встречается одна дата созыва Первой комиссии — 7160 (1652) г. Рассмотрим другие списки. «Извещение» есть в сборниках из собрания Д. В. Разумовского, но в один из них памятник включен без предисловия²⁶; зато в двух остальных обозначены даты: «лета 7160» и «лета 7160-го»²⁷. В сборнике из собрания МГАМИД также говорится, что 14 дидаскалов собралось «во преходящее время лета 7160»²⁸. То же находим в прекрасном списке, созданном в первой четверти XIX в. в старообрядческой среде и хранящемся на Урале²⁹. Таким образом, до настоящего времени нам пока неизвестно ни одной рукописи с указанием 7163 (1655) г. Думается, что этого вполне достаточно, чтобы считать датой начала работы Первой комиссии 1652 г.

Итак, летом 1652 г. правительству Алексея Михайловича «соблагоизволися» наконец «о церковном знаменном пении предел учинити». В Москве «царским повелением» были собраны 14 мастеров певческого искусства (дидаскалов). «Извещение» дает о них очень скудные сведения. Сообщается, что комиссия была составлена из «разных чинов от святых божия церкви чиновачальников и всякого церковного чина избранных людей»³⁰.

Работа членов Второй комиссии оплачивалась через Приказ книгопечатного дела, а сама комиссия действовала при Московском печатном дворе (подробней будет сказано ниже). О Первой комиссии ничего подобного обнаружить пока не удалось. Среди сохранившихся документов Приказа книгопечатного дела за 1650-е годы упоминаний о ней нет. Ни «чинов», ни имен 14 дидаскалов мы пока не знаем. Комиссия проработала до лета 1654 г. (когда в условиях войны и начавшейся эпидемии чумы должна была прекратить свою деятельность), т. е. около двух лет. Учитывая огромные задачи, которые стояли перед мастерами пения, попытаемся определить, что же они успели сделать за это время.

Прежде всего дидаскалы, вероятно, собрали большое количество древних певческих рукописей, среди которых было много «староистинно-речных». Исправление (как и непевческих книг в то время) планировалось вести по древним русским книгам. В «Извещении» упоминается, что в распоряжении Второй комиссии были «харатейные ирмологии» и книги «прочаго церковного пения», написанные «до настоящего сего времени за четыре ста лет и вящше», т. е. в XIII—XIV вв.³¹. Учитывая небольшой срок работы Второй комиссии ее малочисленный состав, можно полагать, что рукописи эти были собраны еще членами Первой комиссии. В расходных книгах Приказа книгопечатного дела с 1652 г. встречается большое число записей о покупке по нескольку (от двух до шести) «харатейных» книг «для справки»³².

ков М. В. Древнерусская теория музыки. Л., 1972, с. 415). Вероятно, источник был «исправлен» в соответствии с публикацией С. В. Смоленского.

²³ ОР ГИМ, Сип. певч., № 219, л. 408. В сборнике помещены только Предисловие к «Извещению» и оканчивающие его вирши.

²⁴ ОР ГИМ, Сип. певч., № 727, л. 1.

²⁵ См.: Металлов В. М. К вопросу о комиссиях. . . , с. 442—445.

²⁶ ОР ГБЛ, ф. 379, № 16.

²⁷ Там же, № 3, л. 1 об.; № 19, л. 1.

²⁸ ЦГАДА, ф. 181, № 750, л. 1 об.

²⁹ ГАСО, ф. 75 (Старообрядческая церковь), оп. 1, № 21, л. 56.

³⁰ Извещение, с. 1.

³¹ Там же, с. 6.

³² ЦГАДА, ф. 1182, № 51, 55 и др.

Для решения вопроса о единообразии нотных текстов следовало усовершенствовать и унифицировать само нотное письмо — крюковую нотацию. Поэтому заслуживает внимания вскользь сделанное В. М. Металловым замечание о том, что киноварные «согласные литерные пометы» были, возможно, приведены в порядок Первой комиссией³³. Написанное во второй половине XVII в. «Сказание о зарембах» сообщает, что «створены те. озорительные пометки. . . русскими философы после литовского разорения при державе. . . царя и великого князя Михаила Федоровича». Далее перечисляются «творцы сим озорительным пометкам»: «москвитин» Лука — поп Никольской церкви у Арбатских ворот, Федор Копыл из Великого Устюга, Семен Баскаков из Нижнего Новгорода, игумен Павлова монастыря Памва из Вологды, Григорий Зепалов и Кирилл Гомулин. Затем идут мастера, работавшие над усовершенствованием помет позже (очевидно, при Алексее Михайловиче). Это мастера, с которыми автор «Сказания» сам был знаком («и аз у них слышах и переводы их видевах потом с ними много беседовах и елика уразумех, тако и написах»): Лев Зуб, Иван Шайдур, Тихон Корела³⁴. Во многих рукописях первой половины XVII в. действительно при знаменах встречаются «пометки». Иногда это только пометы, сохранившиеся и позже как указательные (р, в, и и др.), но часты и такие, которых в рукописях после середины XVII в. нет (д, о, сц и др.)³⁵. Примерно с середины третьей четверти

XVII в. повсеместно входит в употребление уже единая система киноварных помет, получивших в литературе наименование «шайдуровских». В основе приписывания пометам авторства одного Шайдурова лежит другое сочинение: «Сказание о пометках, еже пишутся в пении над знаменем». Автор его сообщает, что «бе некий дидакал», новгородец Иоанн Иоакимов сын, с «нелепым» прозвищем Шайдур, что «сей убо Иоанн многим прилежанием и великим тщанием изобреде знаменного пения и изящного доброгласия. Ему и сия откры бог подлинник пометкам»³⁶.

Сомнение в том, что автором помет (именно тех, которые раскрываются в «Сказании о зарембах» и «Извещении»³⁷) является один Шайдур, уже высказывал М. В. Бражников. Как и весь знаменый распев, пометы нуждались в систематизации. Эту работу ученый связывал с деятельностью Второй комиссии³⁸. По моему мнению, работа эта была проведена раньше — Первой комиссией. Вторая комиссия проработала очень недолго. В своем теоретическом труде она, наоборот, отказывается от помет и использует их (уже систематизированные и известные певцам) лишь

³³ Металлов В. М. К вопросу о комиссиях. . . , с. 439.

³⁴ ОР ГИМ, Син. певч., № 219, л. 376 об.—378. Соотнесение встречающихся в певческих рукописях авторских распевов с именами всех этих мастеров дает возможность получить сведения об авторах некоторых произведений. Так, развод одной из «строк» песнопения Праздников XVII в., обозначенный как «Лукин распев» (Там же, л. 424), вероятно, принадлежит «москвитину» попу Луке. Другая «строка» приведена в источнике «по Памвину» распеву, т. е. дается в интерпретации вологодского игумена Памвы (ЦГАДА, ф. 181, № 600, л. 90 об.). Песнопение «Августу единовластельствующую», обозначенное в рукописи как «распев Львов» (ОР БАН, Осн., 32.16.18, л. 205), очевидно, написано мастером-распевщиком Львом Зубом. Один из распевов стихир «Придите ублажимо Иосифа», имеющий указание «ин перевод Баскаков» (ОР БАН, Тек., № 280, л. 289—291), несомненно, принадлежит нижегородцу Семену Баскакову.

³⁵ Например: ОР ГПБ, Кир.-Бел., № 605/862, 612/869, 617/874; Сол., № 277/292; Соф., № 492; ОР ГБЛ, ф. 210, № 1; ф. 379, № 29; ЦГАДА, ф. 381, № 289, 316. В этой связи укажу на уникальное «Сказание пометкам, аще над коим знаменем писаны» (конец XVII в.), которое говорит о значении этих помет: г — «громко», д — «держи», ш — «опрокинь», з — «завоши», с — «скоро» или «светло» и т. д. (ОР ГБЛ, ф. 299, № 212, л. 173).

³⁶ ОР ГБЛ, ф. 379, № 1, л. 5 об.—6 об. Здесь и далее разрядка моя.

³⁷ Назову также иные интереснейшие теоретические пособия по системе помет: «Роспись пометкам мастерским», «Сказание о пометках в седми согласиях» и др. (ОР ГБЛ, ф. 299, № 212).

³⁸ Бражников М. В. Древнерусская теория музыки, с. 296 и далее.

для объяснения новой системы признаков: «Пометам же, которые прежде быша, zde указание намерения ради во кратце изъясниша [короче изложить новую систему]»³⁹.

Вполне возможно предположить, что мастера-теоретики, с которыми «много беседовах» автор «Сказания о зарембах», собрались для выработки единой теории помет и унификации нотописи. Они изучали «окозрительные пометки» предшествующих теоретиков (от них, скорее всего, автор и узнал об остальных мастерах); но всеобщее признание получила система новгородца Ивана Акимовича Шайдура, которая и была принята за основу. Источники не говорят, что эти теоретики прибыли для участия в Первой комиссии, но по времени их деятельность совпадает с ее работой⁴⁰. Сами мастера, по-видимому, не составили общее теоретическое руководство (они успели систематизировать только пометы) и с вынужденным прекращением работы разбегались. Так единая система «согласнейших помет» в короткий срок стала известна в стране, вошла в книги.

Первая комиссия выполнила подготовительную работу и только начала реформу певческого искусства. После того как «праворечное знаменное правление присечеса» летом 1654 г., «по тех же временех, от 163 [1654—1655] и 164 [1655—1656] и нижайше тех лет, начаша царствующаго града Москвы, во всех городех, и в монастырех, и в селех знаменного пения малоискуснии мастера койждо всяк от себе исправляти на правую речь пение». Однако разрозненно мастера «во единогласие не придоша». В стране господствовало «велье разгласие, что и во единой церкви не токмо трием или многим, но и двема пети стало согласно невозможно»⁴¹. Для успешного преодоления «разгласия» и исправления певческих книг требовалось снова собрать ведущих мастеров, продолжить дело, начатое Первой комиссией.

Когда собралась Вторая комиссия, источники прямо не сообщают. И. П. Сахаров полагал, что в 1668 г.⁴² Д. В. Разумовский сначала считал, что это был 1656 год⁴³, но затем он стал рассматривать деятельность этой комиссии как следствие Московского собора 1666—1667 гг.⁴⁴ Все последующие исследователи также связывали созыв Второй комиссии с этим собором, но датой ее работы указывали 1666⁴⁵, 1667 гг.⁴⁶ или 1668 г.⁴⁷

В предисловии к «Извещению» говорится, что царь Алексей Михайлович после совета с патриархом Иоасафом «повелеша богомольцу своему Павлу, преосвященнейшему митрополиту Сарскому и Подонскому, паки мастеров собрати, добре ведущих знаменное пение». Всего было собрано «мастеров шесть человек»⁴⁸. Поскольку известно, что в 60—70-х годах XVII в. Павел возглавлял Московский печатный двор, то следы комиссии следовало искать в документах ведавшего этим двором Приказа книгопечатного дела. Впервые обзор этих документов опубликовал И. Мансветов, причем в данном обзоре промелькнули и сведения о некоторых членах Второй комиссии⁴⁹. После И. Мансветова с источниками работал Д. В. Ра-

³⁹ Извещение, с. 2.

⁴⁰ Как отмечалось, слово «комиссия» введено исследователями. Даже о Второй комиссии сохранившиеся документы не говорят как об особом учреждении.

⁴¹ Извещение, с. 1—2.

⁴² Сахаров И. П. Указ. соч., с. 30.

⁴³ Разумовский Д. В. О нотных безлинейных рукописях. . . , с. 90 и др. Очевидно, автор исходил из указанной в «Извещении» последней даты «164» (1656), когда «малоискуснии мастера» сами исправляли «на правую речь пение». См.: Извещение, с. 1.

⁴⁴ Разумовский Д. В. Церковное пение в России, с. 79. Собор действительно признал необходимость «гласное пение пети на речь (См.: Ундольский В. М. Указ. соч., с. 17).

⁴⁵ Рогов А. И. Музыка, с. 278; Музыкальная эстетика. . . , с. 29.

⁴⁶ Смоленский С. В. Общий очерк. . . , с. 14, 16 и др.

⁴⁷ Металлов В. М. Азбука крюкового пения. М., 1899, с. 1; Финдейзен Н. Указ. соч., с. 330; Бражников М. В. «Азбука» Александра Мезенца, с. 102; Он же. Древнерусская теория музыки, с. 330 и др.; Успенский Н. Д. Указ. соч., с. 331.

⁴⁸ Извещение, с. 2.

⁴⁹ См.: Мансветов И. Как у нас правилась церковные книги. Материалы для книжной справки в XVII столетии. М., 1883.

зумовский⁵⁰. Он опубликовал имена всех шести мастеров и копии с их автографов. Однако ссылки на документы исследователь сделал неверно, указав, что «автографы» «сняты с росписок в расходных книгах 171 и 172 (1663 и 1664) г.»⁵¹. В. М. Металлов, не проверив эти сведения, предположил, что «первая комиссия из 14 человек. . . впоследствии не разбрелась окончательно, а некоторые из ее членов сумели пристроиться на печатном дворе, занимаясь тем же делом»; следовательно, Вторая комиссия «или частично, или целиком была составлена из этих, пристроившихся на печатном дворе бывших членов Первой комиссии 1652 года»⁵².

В ЦГАДА мною были просмотрены сохранившиеся «расходные», или «окладные» книги Приказа книгопечатного дела за 1650—1682 гг.⁵³ Судя по опубликованным сведениям, Д. В. Разумовский был знаком с делами этого фонда № 64 (1663—1664 гг.) и № 68 (1667—1674 гг.). Но, как отмечалось, сам он указал, что они охватывают только 1663 и 1664 гг. Неверно даны и номера листов, на которых встречаются имена членов комиссии. Так, из шести указанных автором листов дела № 64 только на двух действительно находятся нужные нам записи и автографы.

Точку зрения В. М. Металлова о том, что во Второй комиссии работали бывшие члены комиссии 1652 г., следует признать несостоятельной. Все автографы (мы их обнаруживаем и в книгах за 1661 и 1662 гг.) принадлежат только одному из участников Второй комиссии — Александру Печерскому. До работы в комиссии этот старец Чудова монастыря являлся штатным справщиком Московского печатного двора (с марта 1661 г.)⁵⁴. Нет никаких оснований полагать, что он «пристроился» сюда после работы в комиссии 1652 г.

В опубликованном И. Мансветовым списке справщиков Московского печатного двора, учтенных в «окладных» книгах XVII в., кроме Александра Печерского, под 1657 г. упоминается имя еще одного «старца Александра»⁵⁵. Некоторые исследователи склонны видеть в нем имя другого (известного и по «Извещению») члена Второй комиссии — Александра Мезенца⁵⁶. Действительно, с сентября 1657 г. при Печатном дворе начал работать «книжный чтец старец Александр». Сам он, расписываясь за «государево жалование» обычно называл себя «чернец Александр»⁵⁷. Сравнение почерков показывает, что почерк «чтеца» принадлежал не Мезенцу, а чернецу Александру Шестакову⁵⁸.

Таким образом, высказанные в исследовательской литературе предположения о работе в составе Второй комиссии участников комиссии 1652 г., источниками пока не подтверждаются.

Самые полные сведения о членах Второй комиссии содержатся в «расходной» книге Приказа книгопечатного дела за 1667—1674 гг. В ней имеется запись, что в октябре 178 (1669) г. «по указу великого государя и по памяти ис приказу Большого Дворца за приписью дьяка Андрея Селина велено *давать с приказу книг Печатного дела праворечного пения справщиком: старцу Чудова монастыря Александру Печерскому, Савина монастыря старцу Александру Мезенцу и из Ярославля дьякону Конд-*

⁵⁰ Следует признать неверным распространенное в литературе мнение, что Д. В. Разумовский впервые «обнаружил» эти источники.

⁵¹ Разумовский Д. В. Богослужбное пение. . . , с. 50—51.

⁵² Металлов В. М. К вопросу о комиссиях. . . , с. 448—449.

⁵³ ЦГАДА, ф. 1182, № 45, 48, 49, 51, 54, 55, 60, 62—64, 68, 70, 71, 73, 74, 78. Эти источники дополняют (а часто и дублируют) книги указов по Печатному двору: № 66 (1667 г.), № 67 (1664—1724 гг.), № 69 (1667—1676 гг.), № 101 (1668—1689 гг.).

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 1182, № 60, л. 498 об.; № 62, л. 2 об.; № 63, л. 6 об. Здесь указано только имя «Александр». По почерку можно определить под ним Александра Печерского. Ср.: № 64, л. 3 об., 94.

⁵⁵ Мансветов И. Указ. соч., с. 27.

⁵⁶ Н. Д. Успенский пишет, что Александр Мезенец с 1657 г. был справщиком Московского печатного двора (Музыкальная энциклопедия. М., 1976, т. 3, стб. 493). М. В. Бражников полагает, что мастер непрерывно работал при дворе со времени Первой комиссии. См.: Бражников М. В. Древнерусская теория музыки, с. 330.

⁵⁷ Например: ЦГАДА, ф. 1182, № 55, л. 333 об., 393 об.; № 60, л. 57 об.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 1182, № 64, л. 4 об.

рату Ларионову, да святайшаго патриарха певчему дьяку Федору Константину, да воложенину Григорию Носу, да усольцу Фадеем Никитину поденного корму по два алтына на день генваря с 1-го числа — четырем человекам, а двум старцам Александром февралю с 8 числа прошлого 177 [1669] году августа по 1 число того ж году». Далее идут подсчеты, сколько денег «доведетца добавить» перечисленным мастерам после удержания сумм аванса, выданного в апреле и мае 1669 г., а затем — и росписи самих дидакалов-справщиков в получении жалования⁵⁹.

Как следует из приведенной записи, члены комиссии не одновременно начали работу. Кондрат Ларионов, Федор Константинов, Григорий Нос и Фадеем Никитин приступили с 1 января, а старцы Александр Печерский и Александр Мезенец — с 8 февраля 1669 г. Вполне возможно, что в течение 1668 г. велась переписка с известнейшими в то время музыкальными центрами, производился отбор мастеров «добре ведущих знаменное пение», их сбор в Москве. Начала функционировать Вторая комиссия с января 1669 г. После трех месяцев работы рядовых мастеров и двух месяцев работы старцев всем им впервые выдали «великого государя жалование»⁶⁰. В октябре 178 (1669) г. комиссия получила расчет почти за всю работу в предыдущем 177 (1669) г. В дальнейшем «поденной корм» «по два алтына на день» справщикам выдавался также после четырех-пяти месяцев работы⁶¹. Как правило, все расходы на комиссию записывались после учета выплаты денег штатным служащим Печатного двора или в «прочих расходах». Следовательно, с самого начала комиссия рассматривалась как отдельное кратковременное учреждение.

Шесть мастеров певческого дела пребывали в составе Второй комиссии разное количество времени. Заканчивали они свою деятельность (как и начинали) неодновременно. По-видимому, срок участия каждого определялся той работой, которую он должен был выполнить. В Москве собрались мастера, знающие все тонкости древнерусского певческого искусства: «лица и их розводы и попевки московского, что Христианинов, и усольских и иных мастеров»⁶². Рядовые члены комиссии представляли различные школы и должны были, очевидно, заниматься редакцией мелодического материала певческих книг. Старец Александр Мезенец был в то время ведущим музыкальным теоретиком⁶³. Александра Печерского, бывшего штатного справщика⁶⁴, пригласили в комиссию, скорее, как редактора текстовой части певческих книг. По мере выполнения каждым своих задач он из комиссии выбывал.

Первым оставил комиссию ярославец Кондрат Ларионов, проработавший в ней пять месяцев (январь — май 1669 г.)⁶⁵. Труд патриаршего певчего дьяка Федора Константинова и усольца Фаддея Никитина оплатили до 1 декабря 1669 г.⁶⁶, т. е. в составе комиссии они были 11 месяцев (январь—ноябрь 1669 г.). Наконец, 21 апреля 1670 г. оставшиеся справщики Александр Печерский, Александр Мезенец и Григорий Нос в послед-

⁵⁹ Там же, № 68, л. 152 об.—153. Этим устанавливалось постоянное финансирование работы комиссии Приказом.

⁶⁰ 7 апреля 1669 г. «два старца Александра» получили в Приказе книгопечатного дела по 2,5 рубля, остальные — по 5 рублей: «указ великого государя на писме прислал преосвященный Павел. . . за своею рукою (Там же, л. 99). 24 мая Кондрат Ларионов получил еще 4 рубля (Там же, л. 101 об.). Очевидно, это был аванс, так как затем эти деньги вычли из общей суммы жалования за 1669 г.

⁶¹ Например: ЦГАДА, ф. 1182, № 68, л. 163—163 об., 172 об.

⁶² Извещение, с. 2.

⁶³ В акrostихе к «Извещению» как бы указывается его ведущая роль в составлении этого теоретического труда: «Трудился Александер Мезенец и прочии» (Там же, с. 23—24).

⁶⁴ В «окладных» книгах среди справщиков 1667—1668 гг. имя Печерского не упоминается (ЦГАДА, ф. 1182, № 68, 71). Возможно, к этому времени он оставил службу при Печатном дворе.

⁶⁵ После выплаты денег в апреле и мае 1669 г. Ларионову жалование не выдавалось (в приведенной выше записи за октябрь он упоминается, но деньги ему начислены не были). Если учесть, что мастерам «поденной корм» был положен в 2 алтына, то можно считать, что сумма в 9 рублей дана Ларионову за пять месяцев.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 1182, № 68, л. 163. Далее их имена не встречаются.

ний раз вместе получили деньги за работу, выполненную с 1 декабря 1669 по 1 мая 1670 г.⁶⁷ Таким образом, Вторая комиссия по исправлению певческих книг, проработав в общей сложности около полутора лет (январь 1669—апрель 1670 г.), закончила свою деятельность. Имена старцев раздельно встречаются в документах и в последующее время.

«Извещение» указывает, что первым результатом деятельности шести дидакалов было исправление певческого Ирмология («и ти первые исправша знаменного пения по истинноречию сия Ирмосы») ⁶⁸. Справщики окончательно отредактировали тексты и мелодии ирмосов. Неоднородным с этого времени становится и состав различных списков памятника. Например, в продолжение всего XVI и первой половины XVII в. подбор песнопений Ирмология был необычайно устойчив ⁶⁹. В списки включалось, как правило, около 690 ирмосов (без розников). С последней трети XVII в. состав ирмосов в некоторых рукописях существенно меняется.

Исправление певческого Ирмология шло несколькими путями: 1) тексты ирмосов выверялись по «новоисправленным» печатным книгам; 2) некоторые из ирмосов были совсем исключены; 3) большое количество ирмосов было внесено из канонов, не бывших ранее в служебно-певческой практике. После всех исправлений и дополнений общее количество ирмосов увеличилось почти в полтора раза (около 1020) ⁷⁰. Однако наряду с такими рукописями Ирмология новой редакции продолжалось и создание списков с подбором ирмосов, близким к рукописям предыдущего периода. Отличались они главным образом исправленными текстами ⁷¹. Следовательно, Ирмологий в окончательной редакции Второй комиссии существовал уже в двух типах рукописей. Первый из них можно назвать полным; второй, образующий по отношению к первому его сокращенный вариант, — неполным. Ирмологий должен был стать своего рода образцом для исправления остальных певческих книг. Кроме того, как свидетельствуют сохранившиеся в старообрядчестве традиции, Ирмологий был основной книгой при овладении певческим искусством ⁷². Именно к нему и приложили члены комиссии обобщающий музыкально-теоретический труд «Извещение о согласнейших пометах, во кратце изложенных (со изящным намерением), требующим учиться пения».

«Извещение» уже неоднократно исследовалось, и нет необходимости останавливаться на его содержании ⁷³. Как отмечалось, в акростихе, завершающем это сочинение, указано: «Трудился Александр Мезенец и прочий». Вероятно, поэтому большинство исследователей считают Мезенца единственным автором труда, а некоторые полагают, что он возглавлял и комиссию. На мой взгляд, ближе к истине мнение М. В. Бражникова о том, что Александр Мезенец написал это «образцовое певческое руководство», но «следует видеть за ним целую группу музыкальных и церковных деятелей, связанных едиными целями и взглядами» ⁷⁴. Очевидно, этот мастер обобщил труд всех членов комиссии, представлявших разные

⁶⁷ Там же, л. 172 об.

⁶⁸ Извещение, с. 2. Ирмос — первая строфа, соединяющая в гимнографии песнь канона с тропарем и определяющая его напев и метрику. Приведение певческих книг в соответствие с непевческими печатными началось еще до работы комиссии. Так, в 1666 г. «в дому» князя Ю. С. Урусова, «добре пекущегося о исправлении» книжном, под надзором А. Мезенца шло исправление и написание «наречных» книг (ОР ГИМ, Сив. пев., № 728).

⁶⁹ Изменения, касающиеся 1—2 ирмосов некоторых гласов и песней (например, ирмосов в честь Ольги), не могут служить основанием для выделения каких-либо типов рукописей памятника.

⁷⁰ Например: ОР ГБЛ, ф. 310, № 1139; ф. 379, № 16; ОР БАН, Тек., № 302; ОР ГПБ, Кир.-Бел., № 601/858, 627/884; Сол., № 276/279, 286/277.

⁷¹ Например: ОР ГПБ, Сол., № 288/277; ОР БАН, Арханг., № 38, 39, 40.

⁷² См.: *Владышевская Т. Ф.* К вопросу об изучении традиций древнерусского певческого искусства. — В кн.: *Из истории русской и советской музыки.* М., 1976, вып. 2, с. 40—61; *Миронова Н. В., Парфентьев Н. П.* О методике обучения древнерусскому певческому искусству. — В кн.: *Из истории духовной культуры дореволюционного Урала.* Свердловск, 1979, с. 85—89.

⁷³ См.: *Бражников М. В.* Древнерусская теория музыки, гл. 10.

⁷⁴ Там же, с. 330.

школы в певческом искусстве: «Извещение», излагая теорию знаменного пения, указывает также «различия», существовавшие в ведущих в то время школах: московской и усольской. Для утверждения же, что Александр Мезенец возглавлял Вторую комиссию, нет оснований.

Как видно из документов, старцы Александр Печерский и Александр Мезенец начали работу в комиссии позже остальных мастеров. Жалование все дидаскалы получали одинаковое. Интересно, что во всех записях первым всегда указывается Александр Печерский. За время деятельности комиссии он ни разу не получил деньги сам (обычно в том, что жалование взял «на себя и на товарища своего старца Александра Печерского», расписывался Александр Мезенец)⁷⁵. Это свидетельствует либо об очень преклонном возрасте мастера-справщика, либо о его особом положении. Вполне возможно, что общей работой Второй комиссии руководил Александр Печерский, старец того же монастыря (Чудова), в котором митрополит Павел был архимандритом (1659—1664 гг.⁷⁶) незадолго до того, как его назначили «ведать книг Печатной двор» (с июня 1667 г.)⁷⁷. После роспуска комиссии именно Александр Печерский был оставлен при Печатном дворе. Он регулярно получал жалование, по-прежнему именовался «наречного пения справщиком» и, по-видимому, следил за работами по практическому претворению дела комиссии.

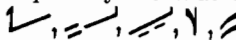
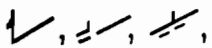
Сохранить в дальнейшем единую редакцию мелодий и текстов песнопений можно было только путем централизованного издания исправленных певческих книг. В техническом отношении печатание нотированных текстов в то время оказалось делом довольно сложным; оно еще более усложнялось введением при знаменах киноварных помет (после Первой комиссии). Занявшись подготовкой музыкальных текстов к печати, мастера неизбежно столкнулись с вопросом дальнейшего усовершенствования крюковой записи. За основу решено было принять созданную Мезенцем еще накануне Второй комиссии систему признаков⁷⁸. Комиссия провозгласила: «И ныне в нашем старороссийском знамени сим согласовным пометам, сими известительными литерами, в печатном тиснении быти неместно: но вместо тех согласных указательных литер знамя в пении признаками гласоизвестительне»⁷⁹. Поскольку признаки писались как составная часть знамен и выполняли функции помет (давая высотное соотношение знаков нотации), они более всего подходили для типографского воспроизведения крюковой нотописи. Сразу же после работы Второй комиссии Печатный двор приступил к осуществлению этого важного дела.

⁷⁵ Такие факты наблюдаются и позже. Так, однажды «государево жалование, поденного корму, на старца Александра чернец диакона Анофрей взял по его велению и руку приложил» (ЦГАДА, ф. 1182, № 68, л. 213). В другой раз «на старца Александра книгохранителя диакона Иван деньги взял» (Там же, л. 246).

⁷⁶ О нем см.: *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 163, 1036.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. 1182, № 66, л. 8; № 67, л. 12.

⁷⁸ Вероятно, еще в 1666 г. «в дому» князя Ю. С. Урусова, исправляя певческие книги, Александр Мезенец приступил к разработке так называемых «признаков», которые писались чернилами как составная часть знамен и должны были усовершенствовать нотное письмо. (Пиццам приходилось выполнять двойную работу: выписывать крюковой текст чернилами, затем вписывать киноварью пометы). В завершеном под руководством мастера 11 июля 1666 г. певческом сборнике (пометном) признаки уже встречаются (ОР ГИМ, Син. пев., № 728, л. 1, 8, 54 об. и др.). Должно быть, все это и предопределило участие Александра Мезенца во Второй комиссии как музыкального теоретика.

⁷⁹ В имеющемся описании признаков как обозначений «в два ряда над текстом» за признаки приняты добавочные знаки при основных знаменах, например подвертка и др. См.: Музыкальная эстетика России. . . , с. 97; *Рогов А. И.* Музыка, с. 278. Мезенец разделил все знамена на «беспризначные» (если при них были пометы ГН, ГН, М, ГВ — графическое изображение первых звуков в согласиях звукоряда) и «призначные»: вместо помет Н, Н, П, П (вторые звуки согласий) признаки писались в знаменах посередине или слева: вместо последних (верхних) звуков согласий, обозначавшихся пометами Ц, В и В, признаки писались в знаменах сверху или справа: (см.: Извещение, с. 3, 8, 9).

Вслед за Д. В. Разумовским в исследовательской литературе распространилось мнение, что только в 1678 г. на Печатном дворе был изготовлен «полный набор знаменных нот» для печатания певческих книг⁸⁰. Однако источники свидетельствуют о том, что такая работа была сделана в течение года после работы Второй комиссии. Так, в марте 1671 г. Павел приказал выдать 10 рублей наборщику Ивану Варфоломееву, «что надзирал у дела знаменные азбуки заводу. . . и тою новою знаменною азбукою набрал образец». Тогда же было выдано «словолитцу Ивану Андрееву за дело новые формы, и пуансонов стальных, и матриц медных, и знамены новые певчие азбуки денег тридцат рублей»⁸¹. Кроме того, «за то ж наречного пения дело дано в розных числах ис казенных (денег). . . резцам»⁸². Наконец, 16 мая 1671 г. царь Алексей Михайлович указал «напечатать наречные Ирмосы под знаменем нового роспеву, по заводу 2400 книг»⁸³. Но по каким-то причинам это не было исполнено. Во всяком случае, пока неизвестно ни одного печатного экземпляра крюкового Ирмология или другой певческой книги. Изготовленные же пуансоны, матрицы, набор знамен долго хранились на Московском печатном дворе. П. А. Бессонов встретил их в Описи имущества Двора за 1681 г., затем — в документах XVIII в.⁸⁴

После исправления членами Второй комиссии Ирмология предстояло исправить и остальные певческие книги. Очевидно, для этих целей и был оставлен при Печатном дворе Александр Печерский. Еще до комиссии он работал здесь вместе с известными справщиками Арсением Сухановым, Арсением Греком, Дионисием Греком⁸⁵. Печерский, несомненно, прекрасно знал богослужебные книги; поэтому отданное ему предпочтение не было случайным. После комиссии старец проработал при Печатном дворе до 1 сентября 1671 г. Он, именуясь «наречного пения справщиком», систематически получал прежнее жалование через каждые три-четыре месяца⁸⁶. Должно быть, для корректуры нотных текстов дважды привлекался и Александр Мезенец. 15 декабря 1670 г. Павел приказал выдать ему 10 рублей; причем было отмечено, что, «как ему указ великого государя будет о корму, и те деньги у него в часть некормомых денег»⁸⁷. Однако такого указа так и не последовало, и Мезенец не был зачислен на жалование — «корм». 8 января 1673 г. он еще раз получил 10 рублей как «праворечного пения справщик»⁸⁸, и в дальнейшем его имя исчезает из расходных книг Приказа книгопечатного дела.

В соответствии с непевческими служебными книгами приводились, как и Ирмологий, остальные певческие книги. В некоторых из них, кроме редакции мелодий и текстов, часть песнопений также заменялась. В Октоихе полностью были сменены песнопения всех малых вечереи, по которым и можно легко и быстро определить рукописи новой редакции⁸⁹. В Праздниках песнопения заменили только в малых вечернях на подвижные праздники⁹⁰. В остальных певческих книгах тексты в основном только

⁸⁰ Металлов В. М. Азбука крюкового пения, с. II.

⁸¹ ЦГАДА, ф. 1182, № 68, л. 221, 238; № 69, л. 45 об.

⁸² Там же, № 69, л. 46.

⁸³ Там же, № 101, л. 6.

⁸⁴ Бессонов П. А. Судьба нотных певческих книг. — В кн.: Православное обозрение. М., 1864, № 5, с. 28—30.

⁸⁵ ЦГАДА, ф. 1182, № 62, л. 1—2 об.; № 63, л. 5—6 об.; № 64, л. 93—94.

⁸⁶ Там же, № 68, л. 186 об., 213, 242 об., 246.

⁸⁷ Там же, с. 215 об.

⁸⁸ Там же, л. 331.

⁸⁹ Например, в первом гласе вместо прежних богородична «Радуйся от нас», «иных» стихир «Нетленнорождши бога», «Огня божественного» и «Увы мне что будет» и богородична «Се к тебе прихожу» были включены соответственно песнопения: «Девственное торжество», «Преблагословенна еси», «Одержими скорбми», «Обновися мир». «Облак тя света» (ОР ГБЛ, ф. 37, № 361, ф. 379, № 16; ОР ГПБ, Кир.-Бел., № 600/857, 707/964; Сол., № 280/277; ОР БАН, Арханг., № 30, 35 и др.).

⁹⁰ Например, на Вознесение вместо «на господи воззвах» стихир «Ты человеком существо», «Апостолом Христовым» и «Вознесением твоим», завершавшихся славником «Приидите верных собори», и «на стиховне» стихир «Чудо неволенно», «Возсия

редактировались. Не дожидаясь когда будет налажено печатание исправленных книг, правительство создало штат «писцов наречного пения», который сразу же приступил к интенсивной работе⁹¹. Поэтому наречные книги довольно широко распространяются уже с начала 70-х годов XVII в., о чем свидетельствуют записи, оставленные в них писцами и владельцами.

Итак, усилием двух десятков мастеров реформа древнерусского певческого искусства оказалась осуществленной. Однако дидаскалы опоздали. Взоры русских музыкантов второй половины XVII в. были уже обращены к новому искусству — партесному многоголосию с его более простой теорией и системой нотного письма. Поэтому осуществилось не все, что было задумано «наречного пения справщиками».

светлые» и «Якоже учеником», завершавшихся славником «Хвалу богоподобну», были включены соответственно: «Господь вознесся», «Господи твоему вознесению», «На горах святых», «Господи смотрения», «Господи апостоли», «Возшел на небеса», «Возшел еси», «Ангели твои», «Родился еси» (ОР ГБЛ, ф. 37, № 361; ф. 379, № 18; ОР ГПБ, Кир.-Бел., № 628/885, 630/887; Сол., № 282/277, 286/227; ОР БАН, Арханг., № 30, 43, 44 и др.).

⁹¹ В одной из записей за 1671 г. говорится, что «писец наречного пения Сенка Исидоров» получил «в Набережные хоромы к писму книг наречного пения фунт киновари тертого» (ЦГАДА, ф. 1182, № 68, л. 272 об.). В первой половине 80-х годов XVII в. в штате этих писцов упоминается бывший член Второй комиссии «наречного пения мастер» уSOLEЦ Фаддей Никитин (ЦГАДА, ф. 396, № 124, л. 32 об.; № 125, л. 52; № 128, л. 50; № 254, л. 101 об.).

СТАТЕЙНЫЕ СПИСКИ РУССКИХ ПОСЛОВ В ИСПАНИЮ XVII В.

Статейные списки русских послов — важнейший источник по истории внешней политики и международных отношений Российского государства XV—XVII вв. В то же время благодаря присущим этому виду русской письменности особенностям статейные списки содержат не только отчеты о выполнении послами дипломатических поручений, но и записи их путевых впечатлений. Они являются важным источником информации о зарубежных странах. Однако, несмотря на бесспорную источниковую ценность, значительная часть статейных списков до сих пор не подвергалась источниковедческому и археографическому изучению. Это относится, в частности, к статейным спискам русских послов в Испанию XVII в.

Испания по сравнению с другими западноевропейскими странами сравнительно поздно попала в орбиту внешнеполитических интересов России. Если дипломатические сношения Российского государства со Священной Римской империей (Германией) и итальянскими государствами завязались в конце XV в., с Англией — в середине XVI в., с Францией и Республикой Соединенных провинций (Голландией) — в начале XVII в., то с Испанией — лишь в середине XVII в.

Установление дипломатических контактов с Испанией было связано с происшедшим в 60-х годах XVII в. поворотом во внешней политике Российского государства. В 1667 г. между Россией и Речью Посполитой было заключено Андрусовское перемирие, положившее конец длительной конфронтации Российского государства с Польшей. По условиям перемирия к России отходили навечно Смоленск и Левобережная Украина и на два года Киев; Правобережная Украина и Белоруссия оставались за Речью Посполитой. Продолжительность перемирия определялась в тринадцать с половиной лет. Заключение Андрусовского перемирия и переход под власть России Левобережной Украины повлекли за собой обострение русско-турецких отношений.

Во второй половине XVII в. разнонациональная, военно-феодалная Османская империя переживала период разложения. Но во время правления визирей Кепрелю (1656—1676 гг.) благодаря известному упорядочению военной системы и основ государственного аппарата Турция получила возможность возобновить военные действия в Европе. Объектом их стала и Украина, частично воссоединенная с Российским государством, частично оставшаяся под властью Польши. Турецкая политика обусловила, с одной стороны, русско-польское сближение, а с другой — попытку России создать антитурецкий блок европейских государств. В поисках союзников против Турции русское правительство обращает свой взор на Испанию, давнего противника турок, и туда в 60—80-х годах XVII в. направляет четыре русских посольства: посольство стольника П. И. Потемкина и дьяка С. Румянцева в 1667—1668 гг., посольство переводчика Андрея Виниуса в 1673 г., посольство стольника П. И. Потемкина и дьяка С. Полкова в 1681 г., посольство стольника князя Я. Долгорукова и стольника князя Я. Мышецкого в 1687—1688 гг.; кроме того, в 1687—1688 гг. в Испании побывал гонец Н. Бехтеев с поручением объявить о предстоящем приезде послов Я. Долгорукова и Я. Мышецкого¹.

¹ Русские посольства в Испанию соединялись обычно с посольствами в другие западноевропейские страны. Приведенные нами хронологические данные означают время пребывания русских посольств в Испании.

Из материалов названных посольств опубликованы статейный список и некоторые документы первого посольства П. Потемкина². Документация остальных посольств остается до сих пор неизданной и неизученной³.

В настоящей статье сообщаются основные данные о рукописях статейных списков русских посольств в Испанию XVII в. и анализируется их содержание как источников сведений о зарубежных странах, и в первую очередь об Испании.

Подлинный, статейный список посольства П. Потемкина и С. Румянцева 1667—1668 гг. хранится в ЦГАДА в фонде сношений с Францией. Он представляет собой рукопись (книгу), написанную скорописью второй половины XVII в. несколькими почерками, в четверку, на 523 листах, в кожаном переплете. Рукопись включает статейный список посольства П. Потемкина в Испанию (л. 2—228), во Францию (л. 230—480), расходную книгу того же посольства (л. 484—523 об.) со скрепой по листам: «Диак Семен Румянцев». (Наличие этой скрепы позволяет думать, что расходные книги посольств вели дьяки). На л. 1 запись: «177 года июня в 15 день подали стольник Петр Потемкин да дьяк Семен Румянцев». На л. 2 — виньетка, расписанная красками и золотом. В Библиотеке Академии наук находится копия статейного списка П. Потемкина и С. Румянцева: рукопись в четверку, на 425 листах, писанная скорописью последней четверти XVII в.⁴

Петр Иванович Потемкин, стольник и наместник⁵ Боровский, и Степан Румянцев, дьяк, осенью 1667 г. были направлены в качестве посланников в Испанию и Францию. Наказ, определявший содержание миссии посланников к испанскому двору, предписывал известить испанского короля и его «думных людей» о заключении на тринадцать с половиной лет перемирия с Польшей, предложить испанскому королю дружбу и любовь царя, договориться о свободной торговле купцов обеих сторон, указать на необходимость соединения христианских государств против Турции.

Во время пребывания в Мадриде с 27 февраля по 7 июня 1668 г. русские посланники имели аудиенции у короля Испании Карла II Габсбурга, его матери, вдовствующей королевы Марианы Австрийской, вели переговоры с испанскими сановниками и уехали, получив грамоту Карла II о желательности дружбы с московским царем и развития торговли между их подданными⁶. Однако ответное испанское посольство в Москву не состоя-

² ДРВ. 2-е изд., М., 1788, ч. IV, с. 360—457; Сын отечества, 1850, кн. 5, с. 1—14; кн. 6, с. 1—16; кн. 9, с. 1—24; La Russie du XVII-e s. dans ses rapports avec l'Europe occidentale, par le prince Emmanuel Gailitzine. P., 1885 (здесь дан перевод на французский язык статейного списка посольства П. И. Потемкина в Испанию и Францию в 1667—1668 гг.).

³ Перечень русских посольств в Испанию во второй половине XVII в. с лаконичным указанием их целей дает Н. Н. Бантыш-Каменский (Обзор внешних сношений России. М., 1894, ч. 1, с. 162—164). В популярной статье К. П. Массальский изложил содержание некоторых отрывков статейного списка посольства П. Потемкина 1667—1668 гг. (Массальский К. П. Русское посольство в Испанию и Францию в 1667—1668 гг. — Библиотека для чтения, 1838, т. 31). То же самое сделал применительно к статейному списку Я. Долгорукова и Я. Мыщецкого 1687—1688 гг. Д. И. Языков по имевшейся у него копии этого статейного списка (Языков Д. И. Русское посольство во Францию и Испанию в 1687 г. — Библиотека для чтения, 1835, т. 9). С. М. Соловьев привлекал неизданные материалы из Архива Посольского приказа, но по поводу русско-испанских отношений XVII в. ограничился лишь несколькими замечаниями (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961, т. 12, кн. 4, с. 541; 1962, т. 14, кн. 7, с. 412—413). М. П. Алексеев в своих работах о русско-испанских культурных связях, говоря о состоянии их в XVII в., привлек несколько мест из статейного списка посольства Потемкина 1667—1668 гг. и упомянул о том, что после него в XVII в. были еще три посольства в Испанию (Алексеев М. П. Этюды из истории испано-русских литературных отношений. — В кн.: Культура Испании. Б. м., 1940, с. 361—363; Он же. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964, с. 18—21).

⁴ ЦГАДА, ф. 93, оп. 1, д. 5; ОР БАН, 17.9.12 (описание этой рукописи см.: Исторические сборники XV—XVII вв.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 2, М.; Л., 1965, с. 197—198).

⁵ Согласно существовавшему в русской дипломатической службе посольскому обряду, послан и посланникам на время их посольства присваивался титул наместников.

⁶ Сын отечества, 1850, кн. 5, с. 12—14; кн. 6, с. 2—3, 9—10; кн. 9, с. 18—21.

лось, и никаких практических последствий в сфере русско-испанских отношений посольство П. Потемкина и С. Румянцева не повлекло. Но для ознакомления дипломатических кругов Москвы с Испанией материалы посольства имели большое значение, так как Посольский приказ располагал о ней скудными сведениями. Достаточно сказать, что грамота Алексея Михайловича от 4 июня 1667 г., с которой посланники отправились в Испанию, была адресована королю Филиппу IV, умершему в 1665 г.⁷ Весьма возможно, что в силу отсутствия достаточной информации об Испании первые русские послы получили от руководства Посольского приказа, во главе которого в 1667 г. был поставлен выдающийся русский дипломат и просвещенный деятель А. Л. Ордин-Нащокин, предписание собрать как можно больше сведений о далекой стране. В пользу такого предположения свидетельствуют некоторые особенности статейного списка П. Потемкина и С. Румянцева, на которых мы остановимся ниже.

В соответствии со сложившимся еще в XIX в. формуляром статейный список посольства П. Потемкина и С. Румянцева носил дневниковый характер. Список исключал записанные в хронологической последовательности отчет русских посланников о выполнении данного им поручения и путевые заметки.

Русские дипломаты отплыли из Архангельска на «икрян» корабле⁸ 1 октября 1667 г. и, обогнув Европу, 4 декабря прибыли в расположенный на юго-западном побережье Испании порт Кадис. Затем их путь в Мадрид пролегал по территории Испании через Севилью, Кордову, Гренаду. Из Мадрида во Францию посланники выехали 7 июня 1668 г. и через Вальядолид, Бургос достигли 25 июня пограничного города Ируна («Айрон»). Таким образом, П. Потемкин и С. Румянцев проехали с юга на север всю Испанию.

В статейном списке перечисляются города и местечки, в которых побывали путешественники, отмечаются особенности пути (так, например, сообщается, что часть дороги из Мадрида во Францию посланники ехали верхом, а в кареты и телеги были впряжены быки, так как путь вел через труднопроходимые горы). Иногда названия городов сопровождаются некоторыми сведениями о них. О Севилье, например, сказано, что там имеется королевский дворец с садом, в котором есть «воды взводные» и травы «сажены разными образами», — так, по-своему, русские путешественники описали фонтаны и декоративные посадки растений в парке знаменитого севильского дворца Алькасара. По поводу Толедо они записали: «Город Толедо в Испании великий, славный, многолюдный: прежь сего бывала де тут столица». Большое впечатление на русских дипломатов произвело посещение королевского «потешного двора» — увеселительного дворца под Мадридом; посланники упоминают находившиеся там в саду фонтаны, пруды, конную статую короля Филиппа IV; перечисляют диковинные для русского человека деревья: кипарисы, лимоны, ореховые и другие⁹. Путевые записи посланников знакомили в какой-то степени с географией Испании, особенностями ее природы и достопримечательностями некоторых городов.

Описывая аудиенции у короля Карла II и королевы-матери Марианы Австрийской, посланники не только останавливались на официальной стороне, но сообщали и об убранстве комнат, одежде короля и королевы, сановников и придворных, освещая, таким образом, церемониал и быт испанского дворца. С испанской кухней знакомили описания трапез, которыми потчевали посланников на посольском дворе в Мадриде.

Перечисленные сведения об Испании, записанные русскими дипломатами, являлись результатом сделанных ими наблюдений, преимущественно визуального порядка. Но, помимо этих наблюдений, в статейном списке П. Потемкина и С. Румянцева встречается целый ряд данных, свидетель-

⁷ Там же, кн. 9, с. 9—14.

⁸ Судно с икрой, раз в год отправлявшееся из Архангельска в Италию.

⁹ ДРВ. 2-е изд., ч. IV, с. 438—439, 374, 376, 428—429.

ствовавших о желании посланцев из далекой Московии побольше узнать о стране, в которую они впервые попали. Эти данные русские дипломаты собирали путем расспросов в первую очередь испанских сановников и особенно «приставов» — так посланники называли, употребляя русский термин, курировавших их сотрудников испанской дипломатической службы.

По приезде в Мадрид во время беседы с «приставом» посланники спрашивали его, в частности: «не бывало ли Испанское государство за арапы», «бываю ли у испанского короля ссылки с турецким султаном», «королева-мать в государстве Испанском совершенно ль владетельна»? На первый вопрос «пристав» ответил, что арабы владели Испанией лет 600, а еще раньше она находилась под властью римлян; от арабов Испания освобождена четырьмястами лет назад, и многие тысячи арабов с семьями были переселены в «их Арабскую землю» (в последнем случае имелось в виду, очевидно, изгнание морисков из Испании в начале XVII в.). О взаимоотношениях с Турцией «пристав» сказал, что «ссылки» между испанскими королями и турецкими султанами бывают крайне редко, а «совершенного любительства межъ ими никогда не бывало». На последний вопрос по поводу положения королевы-матери «пристав» сообщил, что в связи с малолетством короля она так «владетельна», что без нее «никакие государственные дела не делаются»¹⁰.

Структура и формуляр статейных списков, как они сложились к XVII в., не предусматривали сосредоточения известий о стране, где находились русские послы, в каком-то особом разделе списка. Эти известия были разбросаны на протяжении всего текста в виде вкраплений в отчеты послов о выполнении порученных им дипломатических миссий; в конце статейных списков помещались лишь краткие обзоры внешнеполитических связей страны, в которой побывали русские послы, поскольку Посольский приказ особенно интересовал вопросы международной жизни.

В отличие от принятой структуры в статейном списке П. Потемкина и С. Румянцева основная часть сведений об Испании сосредоточена в заключительном разделе списка; причем этот раздел включает известия не только о международных связях Испании, но и об ее внутривосточном положении, экономике, природе, нравах и обычаях населения и т. д. Наличие такого раздела (который мы условно назовем «Запиской об Испании») и позволяет думать, что П. Потемкин и С. Румянцев не только собирали с особенной тщательностью сведения об Испании, но и специально систематизировали их, чтобы дать представление о всех важнейших аспектах жизни страны, с которой Русское государство впервые установило дипломатические сношения. Весьма вероятно, что эта работа была проделана русскими посланниками по заданию руководства Посольского приказа.

«Записка об Испании» начинается с раздела, имеющего заголовок «О дружбе испанского короля, с которыми государи послы ссылаются, и которых королей и курфюрстов послы и резиденты по скольку лет в Испанском государстве живут»¹¹. Остановимся на наиболее существенных местах этого раздела.

Послы указывали, что испанский король с римским папой находится в дружбе и любви, потому что он с ним «единоверен», с «римским цесарем» — «в крайней дружбе и любви», в частности, потому, что цесарь (имеется в виду император Леопольд I) приходится королеве-матери Мариане Австрийской родным братом, а королю Карлу II дядей. Русские дипломаты правильно подчеркнули приверженность испанского короля католицизму и его главе, римскому папе, и исключительно тесные связи, существовавшие у испанских Габсбургов с австрийскими.

Интересна характеристика испано-французских отношений: французский король Людовик XIV, женатый на сестре Карла II, после смерти ее

¹⁰ Там же, с. 382—387.

¹¹ Там же, с. 441—445.

отца, испанского короля Филиппа IV, начал войну с Испанией и, ссылаясь на то, что Филипп IV не дал за дочью обещанного приданого, захватил половину испанской Фландрии. Но в конфликт вмешались римский папа, император, английский король и Голландские штаты, и по их настоянию французский король отдал многие города испанскому королю и заключил с ним мир. Однако этот мир не может быть прочным, и французский король снова начнет войну против испанского короля.

В записи русских посланников правильно переданы основные моменты так называемой деволуционной (из-за наследства) войны (1667—1668 гг.), во время которой Людовик XIV использовал вопрос о приданом своей жены в качестве повода для захвата испанской Фландрии. Но военные успехи Франции вызвали недовольство Англии и Голландии, опасавшихся чрезмерного усиления могущества Франции, и они заключили с Швецией союз, главной целью которого было принудить французского короля к миру с Испанией. По условиям мира, подписанного в 1668 г. в Эко-Ла-Шапеле, Фландрия оставалась за Испанией, но ряд крепостей на территории Фландрии, а также Франш-Конте переходили к Франции. Заключенный мир, как это правильно подметили посланники, не мог быть прочным.

Касаясь взаимоотношений Испании с Англией, Польшей, Венецией, П. Потемкин и С. Румянцев отмечают, что испанский король с правителями этих стран находится «в дружбе и любви».

Информация правильная: Испанию и Венецию объединяла борьба с турками, которую им приходилось вести на Средиземном море; испанские Габсбурги, как и австрийские, были связаны с польской королевской семьей (жена польского короля Михаила Вишневецкого была сестрой императора Леопольда I и вдовствующей испанской королевы Марианы); Англию к сближению с Испанией в тот момент побуждала боязнь усиления Франции. Русские посланники отметили также наличие дипломатических связей Испании с Голландией и германскими княжествами.

По поводу взаимоотношений Испании с Турцией они заметили, что дружбы между ними никогда не было, об отношениях же с Персией записали, что испанский король с шахом находится в «любви и ссылке», только не частой, так как от Испании до персидского шаха надо год идти на корабле (Испания, так же как и другие европейские государства, находившиеся под турецкой угрозой, стремилась поддерживать хорошие отношения с Ираном, правители которого из династии Сефевидов вели войны с Турцией).

Об испано-португальских отношениях посланники дают историческую справку: Португалия раньше находилась под властью Испании, затем португальцы начали борьбу за независимость, провозгласили собственного короля и в течение 27 лет вели войну с Испанией (война закончилась в 1668 г. мирным договором, по которому Испания признавала независимость Португалии).

Вслед за известиями о международном положении Испании в «Записке» следует генеалогическая справка о ее королях из династии Габсбургов¹²: когда король Карл I (он же император Карл V) стал старым, он ушел в монастырь, оставив Испанию своему сыну Филиппу, а «цесарские владения» — брату Максимилиану; испанскими королями последовательно были Филипп II, Филипп III, Филипп IV, а теперь — его сын Карл семи лет (в этой справке в качестве преемника Карла V на императорском престоле ошибочно назван Максимилиан; в действительности преемником Карла V был его брат Фердинанд, а уже ему наследовал его сын, император Максимилиан II).

Характеризуя современное состояние верховной власти в Испании, русские послы в соответствии с действительным положением дел указывают, что при малолетнем короле существует совет, на который «положены всякие государственные дела»; в совет входят шесть человек: «президент

¹² Там же, с. 445—446.

кастильский» (очевидно, имеется в виду председатель королевского совета), «кардинал ди Арагон» (вице-канцлер Арагонский), великий инквизитор, архиепископ Толедский, «конда де Пиноррада» (граф Пеньяранда), маркиз «де Атона» (Айтон). Большой властью пользуется мать короля Мариана Австрийская, «владетельная» в Испанском государстве: ей о всяких делах «бояре» докладывают, и без ее ведома никакие великие дела вершить нельзя¹³.

В следующем разделе «Записки об Испании», имеющем заголовок «О чинах великородных людей Испанского государства»¹⁴, названы четыре чина: первый — «дюки» (герцоги), второй — маркизы, третий — «конты» (графы), четвертый — кавалеры, природные дворяне и дворянские дети. Представители первых трех чинов — по словам русских посланников, — «великородные люди из древних лет» — принадлежали к потомственной аристократии, четвертый же чин был аналогичен, по мнению посланников, русскому дворянству, т. е. включал в свой состав средних и мелких феодалов.

В разделе «О вере Испанского государства»¹⁵ подчеркивается религиозная нетерпимость, царившая тогда в Испании: людям некаатолической веры «немочно» жить в Испанском государстве, писали посланники. Далее отмечается многочисленность, красота и богатство испанских церквей и монастырей (в начале XVII в. в Испании было построено огромное количество монастырей, духовенство владело четвертой частью территории страны).

Специальное место в рассматриваемом разделе отводится описанию Эскориала и знаменитого севильского собора. На посланцев из далекой Москвы большое впечатление произвели размеры Эскориала и величие его построек: по их словам «такого-де кляштора¹⁶ нет в Риме и во всей Италии, строеньем таким великим». О севильском соборе они записали, что он «строенья древняго. . . И в том костеле с девяносто приделов, а во всяком особая служба. . . Столпов в том костеле с тысячу, не добре толсты, потому что деланы те столпы из дикого ростиранного камня; своды в том костеле каменные, резные, и на стенах в костеле притчи многия резныя ж. У того же костела сделана колокольня добре высока. . . А сказывают, что та колокольня преж и костела того севильского сделана»¹⁷. Севильский собор, поражающий своими размерами, количеством алтарей, колонн, искусной резьбой по камню действительно был «древняго строенья»: он строился в течение нескольких веков на основе древнего мавританского здания; колокольня же при нем, знаменитая Хиральда, была перестроена из минарета. После Эскориала собор был одной из самых монументальных построек в Испании.

Касаюсь вопросов экономического развития Испании, посланники останавливаются на состоянии торговли и сельского хозяйства. Они подметили, что в другие земли испанцы для торговли ездят мало, потому что изо всех земель к ним привозят всякие товары; за эти товары берут золото и серебро. Больше всего в Испании торгуют голландцы, которые «живут домами» (очевидно, постоянно) в городах. Продукты стоят в Испании очень дорого, и цены на них (приводятся) очень высокие. При перечислении возделываемых злаков (пшеница двух сортов — похожая на русскую и завезенная из Америки, ячмень) и садовых культур (лимоны, апельсины, гранаты, виноград, оливки, грецкие орехи и др.) указываются сроки уборки урожая. В качестве фактора, благоприятствующего развитию земледелия и садоводства, назван климат, и в частности мягкость зимы, благодаря чему снег на полях не лежит, «трава зеленеет и сады цветут и растут круглый год». Любопытны наблюдения над населенностью городов и сельских мест-

¹³ Там же, с. 446—447.

¹⁴ Там же, с. 447.

¹⁵ Там же, с. 447—449.

¹⁶ «Кляштор» — монастырь; Эскориал был одновременно дворцом, монастырем и усыпальницей испанских королей.

¹⁷ ДРВ. 2-е изд., ч. IV, с. 449.

ностей: в городах «многолюдство большое», дома каменные, много церквей и монастырей, «а сел и деревень великих мало; которою дорогою шли посланники, и в тех местах не многолюдно»¹⁸.

В лаконичных и бесхитростных записях московских дипломатов правильно подмечен ряд характерных признаков экономической жизни Испании второй половины XVII в.: пассивный характер внешней торговли, значительная роль в ней голландских купцов; утечка из страны, в частности по внешнеторговым каналам, золота и серебра; необычайная дороговизна, являвшаяся следствием революции цен, ударившей в первую очередь по Испании; обезлюдение и запустение сельских местностей, обусловленное кризисом сельского хозяйства.

Небольшой отрывок «Записки об Испании» посвящен нравам и быту испанцев¹⁹. «Во нравах своеобычны, высоки. . . — писали о них русские посланники, — неупьянчивы: хмельного питья пьют мало, а едят по малу жь. Домостройные люди, наипаче всего домашний покой любят». В качестве национальных черт испанцев посланники отмечают своеобразие их обычаев и гордость. Указывают на особенность испанского костюма — преобладание в нем черного цвета: «В Испанском государстве великородные и всяких чинов люди платье носят черное».

Давая общую характеристику Испании, П. Потемкин и С. Румянцев особо останавливаются на описании входившей в ее состав Бискайской земли (современная Страна басков)²⁰. Сообщив, что в ней родится всякий хлеб и есть много садов, они отмечают далее наличие там больших запасов железной руды и высоту «безмерную» гор, о которые «облацы трутца». По словам посланников, пограничное положение Бискайской земли обусловило освобождение ее населения от всяких поборов в пользу испанского короля, с тем чтобы оно было всегда наготове отражать нападения врагов. Возможно, что Бискайская земля привлекала внимание русских дипломатов не только потому, что через нее пролегал их путь, но и в силу сохранения за ее населением древних вольностей, согласно которым бискайские провинции имели свои кортесы, налоговые привилегии и население несло военную службу лишь на своей территории. В частности, одной из привилегий жителей Бискайской земли являлось освобождение их от всяких налогов кастильского происхождения: очевидно, именно эта привилегия нашла отражение в статейном списке П. Потемкина и С. Румянцева.

Сравнительно много места в «Записке об Испании» занимают сведения об ее далеких заокеанских владениях — Западной Индии (Америке)²¹. Сообщается, что в горах Западной Индии копают золото и серебро, переплавляют его в слитки и привозят морем, «великим океаном», раз в два года в Кадис и Севилью. Путь от Кадиса до Западной Индии занимает девять недель «благополучным ветром». Корабли из Западной Индии приходят «компанией» по 30 кораблей и больше, и на каждом бывает по 60—70 и больше пушек и по триста—пятьсот «служилых людей». Такая стража необходима для защиты от нападений турецких кораблей.

Отметив значение для Испании ее заокеанских владений как источника поступления золота и серебра, посланники сообщают, что Западная Индия досталась испанскому королю 180 лет назад (цифра округлена); туда из Испании были «переведены» многие люди «для опасенья, что в той Западной Индии жили люди идолопоклонники». Здесь сказывается испанский источник информации: колонизация Америки, имевшая целью эксплуатацию ее природных и людских ресурсов, объясняется религиозными мотивами. Интересно известие о продолжавшемся сопротивлении коренного населения Америки испанцам: по словам посланников, население Западной Индии, еще не подпавшее под власть испанского короля, вступает в «великие бои» с испанцами, живет «в крепких местах межъ гор»

¹⁸ Там же, с. 450—452.

¹⁹ Там же, с. 449—450.

²⁰ Там же, с. 452.

²¹ Там же, с. 453—454.

(имелось в виду, возможно, восстание в Мексике населения Терауантепека в 1660 г., а также война с арауканами в Чили, продолжавшаяся до 1641 г. и закончившаяся признанием этого народа независимым и «союзным» Испании²²).

Далее, в разделе «Записки об Испании», посвященном Западной Индии, сообщается, что часть ее принадлежит португальскому королю; в этой части «родятся» жемчуг, изумруд и сахар (речь идет, очевидно, о португальских владениях на территории современной Бразилии).

Характеристика заокеанских и островных владений Испании заканчивается указанием на принадлежность ей Канарских островов, где «родятся всякие пряные зелья и сахар» и «всякого изобилия много».

В статейных списках трех последующих русских посольств в Испанию, имевших место в XVII в., раздел, подобный только что рассмотренной «Записке об Испании», где дана разносторонняя и вместе с тем компактно систематизированная характеристика Испании, отсутствует. Это объясняется, возможно, тем, что последующие посольства в Испанию не получали от Посольского приказа специального задания по сбору сведений о всех сторонах ее жизни, поскольку такая работа была уже выполнена П. Потемкиным и С. Румянцевым.

Начало 70-х годов в истории Восточной Европы отмечено усилением турецкой угрозы. Вскоре после Андрусовского перемирия изменил Русскому государству гетман Левобережной Украины Брюховецкий; с ним соединился гетман Правобережной Украины Дорошенко, отложившийся от Польши. Оба гетмана вступили в сношения с Турцией и Крымским ханством. В 1672 г. Турция начала войну с целью захвата Украины, поляки же на Правобережной Украине терпели поражения, и турки овладели важной крепостью Каменцом-Подольским.

Обострение отношений с Турцией побудило русское правительство активизировать дипломатическую деятельность в Западной Европе. В 1672 г. ко всем наиболее влиятельным европейским дворам были отправлены русские посольства с целью создания антитурецкой коалиции. В Вену к императору был направлен И. Менезиус, в Англию, Францию, Испанию — А. Виниус, в Швецию, Данию и Голландию — Е. И. Украинцев.

Подлинный статейный список посольства Виниуса 1672—1674 гг. находится в ЦГАДА в фонде сношений с Англией. Рукопись в четвертку, имеет 144 нумерованных листа, в кожаном переплете, писана скорописью второй половины XVII в., несколькими почерками, начало статейного списка отсутствует (текст начинается с изложения переговоров посланников с комендантом Нового города о пропуске их через границу с Лифляндией). Состав рукописи: статейный список посольства А. Виниуса в Англию (л. 3—33), Францию (л. 34—89 об.), Испанию (л. 90—144).

А. Виниус, выехавший из Москвы в октябре 1672 г., вез английскому, французскому и испанскому королям грамоты царя Алексея Михайловича, в которых царь извещал о событиях на Украине, в частности о взятии турками Каменца-Подольского, своем намерении оказать помощь польскому королю и просил каждого из королей в свою очередь помочь польскому королю ратными людьми и заключением соответствующего договора²³.

А. Виниус после посещения Лондона и Парижа пересек 25 июня 1673 г. испанскую границу и 6 июля прибыл в Мадрид. Там он пробыл сравнительно недолго, и уже 24 августа мы видим его в «корабельной пристани „Бильбоа“» (г. Бильбао), откуда 5 сентября на корабле он отправляется

²² *Альтамира-и-Крвега Рафаэль*. История Испании. М., 1951, т. 2, с. 114.

²³ Грамоты царя Алексея Михайловича французскому, испанскому и английскому королям. — ПДСДР. СПб., 1856, т. 4, стб. 803—809 (некоторые документы посольства А. Виниуса — грамоты королям, наказ А. Виниусу, его донесения с пути — попали в состав фонда сношений с Империей и поэтому напечатаны в четвертом томе ПДСДР).

в обратный путь²⁴. В Мадриде А. Виниус получил ответную грамоту Карла II царю Алексею Михайловичу, где в самой общей форме выражалось пожелание испанского короля помочь королю польскому²⁵.

Часть статейного списка А. Виниуса, посвященная Испании, помимо изложения переговоров, которые он вел в Мадриде, содержит описание пути по стране, приема на посольском дворе в Мадриде и аудиенций у короля и королевы-матери. Однако путевых наблюдений (о природе, достопримечательностях, нраве и быте и т. д.) статейный список А. Виниуса включает меньше, нежели статейные списки других русских посольств в Испании в XVII в. Зато его заключительная часть, отводившаяся по традиции характеристике международного положения страны, отличается большой содержательностью; она состоит из двух разделов: 1) характеристики собственно международных отношений Испании; 2) характеристики государственного строя и организации власти в Испанском королевстве.

Первый раздел имеет заголовок «А в ссылке и в союзе король Гишпанской», после которого следует перечень монархов и правительств с указанием, в каких отношениях и почему находится с ними испанский король²⁶.

Перечень начинается с римского папы. Касаясь взаимоотношений с ним испанского короля, А. Виниус отмечает, как делали все русские дипломаты, наличие между ними самых тесных связей; дополнительно он указывает на поступления папе больших доходов из Испании и испанских владений в Италии.

О взаимоотношениях испанского короля с императором сказано, что они всегда находятся «в ссылке» и войны между ними никогда не бывает, потому что испанский король с императором «одного аустрийского дому, произошли от Карла V, цесаря и короля Гишпанского». Далее А. Виниус указывает, что мать короля, сестра императора Леопольда I, «ныне есть во время малолетствия сына своего правительница, без совета брата своего ничто не совершает».

Отмечая, что верховная власть в Испании находится в полной зависимости от императора, А. Виниус, вероятно, преувеличивает, но вместе с тем правильно отмечает традиционные связи испанских Габсбургов с австрийскими. Последнее определялось не только близким родством, как думал в духе своего времени А. Виниус, но и общим направлением политики императора и испанского короля, имевшей целью укрепление феодальных режимов.

По поводу испано-французских отношений А. Виниус сообщает, что с Францией существует мир, но он не прочен. Испания оказывает помощь Голландии, против которой открыла военные действия Франция в 1672 г., так как опасается, что если Франция овладеет Голландией, то такая же участь постигнет затем и испанские Нидерланды. Однако помощь Голландии является ограниченной, поскольку испанский король не хочет вступать в войну с французским королем, находящимся в «великом собрании (имеются в виду военные силы Франции. — Н. К.) и преуспейнии». Но, несмотря на ограниченность испанской помощи Голландии, французский король «зело негодует» на испанского; ожидают, что между ними скоро начнется война. Касаясь взаимоотношений с Голландией, А. Виниус отмечает, что между испанским королем и Голландскими штатами имеются «ныне ссылки и союз», но затем вновь подчеркивает, что большой помощи голландцам испанский король не оказывает, боясь войны с французским королем и «отчасти старого ради неприятельства: неприятно видети их, галанцев, в преспейнии».

Виниус правильно показал трудность положения Испании в связи

²⁴ Статейный список посольства А. Виниуса в Испанию. — ЦГАДА, ф. 35, оп. 1, д. 16, л. 90—125 об.

²⁵ Выписка о бытности в Испании А. Виниуса. — ЦГАДА, ф. 58 (Сношения с Испанией), оп. 1, д. 13, л. 3—7.

²⁶ ЦГАДА, ф. 35, оп. 1, д. 16, л. 121 об.—124.

с планами Людовика XIV, неуклонно стремившегося к установлению первенствующего положения в Европе, очень большую сложность позиции Испании в отношении Голландии: с одной стороны, стремление Испании оказать помощь Голландии в войне против Франции, а с другой — нерешительность в оказании этой помощи, обусловленную как боязнью Франции, так и сохранявшейся старой неприязнью к Голландии (Республика Соединенных провинций возникла в результате освобождения северных провинций Нидерландов от владычества Испании). Только после того, как в руках французов, начавших, как указано, военные действия против Голландии в 1672 г., оказались все голландские земли, опоясавшие с севера испанские Нидерланды, Испания и Империя заключили в 1674 г. союзный договор с Голландией и официально вступили в войну с Францией²⁷.

Об испано-английских отношениях А. Виниус сообщает, что у испанского короля с английским «ссылка бывает всегда для великих торговых промыслов, которые англичане в Гишпании имеют». Но английский король недоволен помощью, которую Испания оказывает Голландии (в 1672—1674 гг. Англия воевала с Голландией на стороне Франции).

С датским, шведским и польским королями, указывает А. Виниус, «ссылки частой не бывает». Русский дипломат правильно подметил, что Дания, Швеция и Польша не занимали большого места в системе внешнеполитических связей Испании.

Как и все русские послы, он отмечает хорошие отношения Испании с Венецианской республикой, обусловленные в первую очередь необходимостью для обоих государств постоянно противостоять турецкой опасности.

Виниус сообщает интересные данные об испанской политике на Средиземном море, направленной на подрыв турецкого могущества: испанский король собирается оказать грекам Морейского королевства по их просьбе помощь против турок и уже принял под свою защиту рыцарей Мальтийского ордена («главных неприятелей туркам»), посылая им «по вся года» деньги и «всякой запас» из принадлежавшего Испании Сицилийского королевства.

Второй раздел заключительной части статейного списка Виниуса²⁸ снабжен заголовком: «О правлении Гишпанского государства». Этот раздел, в свою очередь, делится на три пункта. Текст первого пункта гласит: «Гишпанское королевство и прочие земли, присовокупленные к тому, правятся правлением единовластным, и короли Гишпанские [как сами испанцы сказывают]²⁹ во управление всяких государственных делех самовластны, что хотят, так и творят, також королева нынешняя во время малолетствия сына своего; однако ж она без совету семи человек, первых своих сенаторей [коих король ей совета ради в делех великих приставил], ничто в государственных делех не совершает». А. Виниус очень точно передает абсолютистский характер власти испанских королей, не ограниченный никакими государственными институтами (кортесы, обладавшие правом вотировать налоги, находились в упадке и в царствование Карла II ни разу не собирались), а также сосредоточение реальной власти во время малолетства Карла II в руках его матери Марианы Австрийской, обязанной считаться, согласно политическому завещанию Филиппа IV, лишь с персонально назначенным им советом из высших сановников (совет был задуман как временное учреждение до совершеннолетия короля).

Во втором пункте указывается, что «каждое королевство [коих в Гишпании принадлежит много] и каждое дело имеет свой разряд и приказ, и потому в Мадриде больши тридцати приказов, к которым принадлежат думных и ратманов и секретарей и писарей множество, которым дается из доходов королевских жалованье великое». Пользуясь привычной на ро-

²⁷ *Альтамиро-и-Кривиа Рафаэль*. История Испании, т. 2, с. 117.

²⁸ ЦГАДА, ф. 35, оп. 1, д. 16, л. 124 об.—125.

²⁹ Здесь и далее прямые скобки перенесены из рукописи статейного списка А. Виниуса.

дине терминологией, А. Виниус правильно отмечает разветвленность бюрократического государственного аппарата Испании и наличие огромной армии чиновников, поглощавшей львиную долю средств государственной казны.

В третьем пункте, специально посвященном вопросу о государственных доходах и расходах, указывается, что доходы Испанского королевства «зело велики», но и расходы также, так как испанский король во всех отдаленных владениях своих — Неаполе, Сицилии, Милане, Фландрии, Бургундии, островах Средиземного моря, Индии (Америке) и многих других — должен держать, «опасности ради от своих неприятелей», большие военные силы, на которые тратятся огромные средства. И поэтому в самой Испании «малоллюдно», и там едва можно собрать 40 или 50 тыс. войска, и на Средиземном море — 23 военных корабля, а в Кадисе и других океанских портах — 20 или 30 военных кораблей, которые сопровождают королевские корабли, груженные золотом и серебром из Америки³⁰. Виниус, определяя численность войск, которые могли быть собраны в самой Испании, и кораблей, базировавшихся в испанских портах, возможно, ошибался. Но он очень точно подметил, что Испания могла поддерживать свою власть во всех многочисленных европейских и заокеанских владениях ценой огромного напряжения людских и материальных ресурсов, напряжения, приводившего к их истощению — обезлюдению Испании и оскудению государственной казны.

Для статейного списка А. Виниуса характерно, как мы показали, особое внимание к международному положению, государственному строю и организации власти в Испании. Он единственный из русских дипломатов XVII в., кто попытался дать определение государственного строя Испании. Добавим, что он это сделал не только для Испании, но и для Англии и Франции, в которых побывал ранее. Отмеченная особенность статейного списка А. Виниуса не случайна. А. Виниус, сын голландского купца А. Д. Виниуса, обосновавшегося в России, основателя и владельца Тульских железоделательных заводов, получил хорошее образование. Знал западноевропейские языки и был переводчиком Посольского приказа. В 1675 г. его назначили начальником русской почты. Он пробовал свои силы и на литературном поприще. Позже мы видим его в числе сподвижников Петра I³¹. Принадлежность А. Виниуса к кругу просвещенных государственных деятелей России XVII в. наложила отпечаток на его статейный список.

Во второй половине 70-х годов XVII в. имело место новое обострение русско-турецких отношений. В 1676—1681 гг. между Россией и Турцией происходила война, во время которой, в 1678 г., с Польшей была достигнута договоренность о продлении Андрусовского перемирия на тринадцать с половиной лет, начиная с июля 1680 г., когда истекал его срок³². Об этом было решено поставить в известность европейские дворы, и осенью 1680 г. во Францию, Испанию и Англию были отправлены в ранге посланников уже знакомый нам стольник П. Потемкин и дьяк С. Полков.

Подлинник статейного списка посольства П. Потемкина и С. Полкова, хранящийся в ЦГАДА в фонде сношений с Францией, представляет собой рукопись (книгу) в лист, на 353 листах, в кожаном переплете, писанную скорописью разных рук конца XVII в. Текст статейного списка посольства во Францию занимает л. 1—141, в Испанию — л. 141 об.—257 об., в Англию — л. 258—353³³. В том же фонде сношений с Францией находится список со статейного списка посольства П. Потемкина и С. Полкова³⁴: рукопись (книга) в лист, на 271 листе, в картонном переплете, писана скорописью конца XVII в. разными почерками; на л. 1—125 об. — текст

³⁰ ЦГАДА, ф. 35, оп. 1, д. 16, л. 125—125 об.

³¹ Козловский И. П. Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого. СПб., 1911.

³² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962, т. 13, кн. 7, с. 222.

³³ ЦГАДА, ф. 93, оп. 1, д. 7.

³⁴ Там же, д. 8.

статейного списка во Францию, на л. 125 об. — 193—в Испанию, на л. 193—271 об. — в Англию.

В ЦГАДА, в делах испанского двора, содержится развернутая инструкция посланникам о задачах их миссии в Испанию: сообщить о продлении перемирия с Польшей и желании царя Федора Алексеевича обновить и укрепить дружбу, существовавшую у его отца с испанским королем. Много места отводится в наказе вопросам торговли: посланники должны получить разрешение для русских купцов приезжать и торговать в Испании, ставить там дворы, исповедовать свою веру; такими же правами должны были пользоваться испанские купцы, которые будут приезжать в Архангельск; пошлины с их товаров должны взиматься так же, как и с товаров купцов других государств (размеры пошлин указываются)³⁵.

Посланники в октябре 1680 г. выехали из Москвы и через Новгород и Псков прибыли в Ригу, откуда должны были отправиться дальше на корабле, но не смогли это сделать из-за непогоды и льдов. По суше они проехали через немецкие княжества в Голландию и 13 марта 1681 г. из Роттердама отправились на корабле к французскому городу Кале («Калис»). После посещения французского двора прибыли 1 июня в испанский пограничный город Ирун, а в конце июня — в Мадрид; из Мадрида в обратный путь отправились в сентябре 1681 г.³⁶

Статейный список посольства П. Потемкина в Испанию 1681 г. содержит меньше сведений о ней, нежели статейный список первого посольства Потемкина 1667—1668 гг. Это объясняется, вероятно, тем, что русский дипломат в Испании был вторично. Но и во втором статейном списке П. Потемкина имеются новые интересные наблюдения, в частности над жизнью высшего света Мадрида и королевского двора.

К числу таких наблюдений относятся описание состязаний всадников в день имени королевы-матери, обычая в Мадриде после полудня выезжать для прогулки за город (при этом улицы, по которым проезжали кареты, поливались водой «для пыли», так как «в тех странах» летом жара большая и дождей бывает мало). Интересно описание одежды короля и его приближенных во время приема послов: король был одет по «их (испанскому. — Н. К.) изычаю» в черном платье, на голове у него — черная шляпа с перьями, на обшлагах рукавов и на башмаках — алмазные «запаны». Около короля стояли «бояре, ближние же люди», также в черном платье и шляпах³⁷ (привилегией высшего слоя испанской знати, грандов, являлось право оставаться в шляпах в присутствии короля).

Для порядков, царивших при испанском дворе, и состояния верховной власти показателен один эпизод, рассказанный русскими посланниками. После аудиенции у короля посланники получили от него распоряжение ехать для дальнейших переговоров к «ближнему королевскому боярину дукде де Мединецели» (первому министру герцогу де Мединасели). Когда удивленные посланники спросили «тайным обычаем» королевского «дворянина», которому был «приказан» Посольский двор, чем вызвано такое распоряжение, тот ответил «тайно», что король во всем поступает согласно желанию герцога «и матери-де своей, королевина величества дони Мариании де-Устрии» так не слушает, как герцога³⁸. Рассказ П. Потемкина и С. Полкова рисует систему фаворитизма, характерную для испанского двора XVI в. Фаворитизм процветал при Филиппе III и Филиппе IV. Во время малолетства Карла II верховная власть была сосредоточена, как уже отмечалось, в руках его матери. После же совершеннолетия Карла II к подчинению своему влиянию больного и слабовольного короля стремились его жена Мария-Луиза Орлеанская, племянница Людовика XIV, и стоявшая за нею французская партия (в противовес австрийской

³⁵ Отправление в Испанию посланников П. Потемкина и С. Полкова. — ЦГАДА, ф. 58, оп. 1, д. 14, л. 38—62.

³⁶ Статейный список посольства П. Потемкина и С. Полкова. — ЦГАДА, ф. 98, оп. 1, д. 7, л. 144 об.—254.

³⁷ Там же, л. 177—177 об., 201—204 об.

³⁸ Там же, л. 205—210 об., 213 об.—218 об., 228—228 об.

партии, возглавляемой матерью короля), а также временщики. Один из моментов борьбы за влияние на короля, когда его мать была оттеснена на задний план всеильным временщиком герцогом де Мединасели, очень ярко отражен в статейном списке П. Потемкина и С. Полкова.

Раздел статейного списка П. Потемкина и С. Полкова, посвященный характеристике внешнеполитического положения Испании³⁹, начинается с традиционных указаний на «дружбу и любовь» испанского короля к римскому папе и императору и не менее традиционного для XVII в. указания на неприязненные отношения с французским королем, несмотря на близкое свойство (родная сестра Карла II замужем за Людовиком XIV, а племянница Людовика — за Карлом). Дополнительно к этой самой общей оценке испано-французских отношений русские дипломаты рассказывают о тактике, которую часто применяли французские войска для захвата городов в испанской Фландрии: не брать их приступом, а окружать плотным кольцом, полностью ликвидируя возможность поставки продовольствия и ожидая, когда защитники будут вынуждены сдаться.

Касаясь взаимоотношений Испании с другими европейскими государствами, посланники писали, что с датским королем испанский король находится в «ссылке», с Голландией у него «мир и приятство великое», со шведским королем он намерен вступить в союз.

Статейный список П. Потемкина и С. Полкова отразил расстановку сил в Европе в начале 80-х годов. Война Франции с Голландией (с 1672 г.), на стороне которой в 1674 г. выступили Испания и Империя, закончилась в 1678 г.: по миру, заключенному в Нимвегене, Франция получила значительные территориальные приращения, главным образом за счет испанских владений. Однако политические деятели Европы чувствовали, что Людовик XIV не будет довольствоваться достигнутым, и по договору, заключенному в 1681 г. в Гааге, создали новую антифранцузскую коалицию, состоящую из императора, некоторых немецких князей, Голландии и Швеции. Подготовку к созданию этой коалиции (намерение испанского короля вступить в союз со шведским) зафиксировали русские посланники.

По поводу испано-турецких отношений в статейном списке И. Потемкина и С. Полкова сообщается что хотя Испания и Турция официально не находятся в состоянии войны, но дружбы между ними нет, и «де во Африке турские люди на море гишпанских купецких людей корабли разбивают, также де и гишпанского короля подданные люди, которые поблиску Турецкие земли на островах живут, таким же обычаем турецкие корабли разбивают».

В середине 80-х годов во внешней политике России произошли важные события. В 1686 г. между Россией и Польшей был подписан «вечный» мир. По его условиям к Русскому государству отходили навечно Левобережная Украина, Киев и Смоленщина; Россия брала обязательство предпринять поход против вассала турецкого султана, крымского хана, чтобы отвлечь его силы от Польши. В такой обстановке было решено послать во Францию и Испанию с целью привлечения их к антитурецкой коалиции посольство в составе князя А. Долгорукова, князя Я. Мышецкого и дьяка К. Алексеева. Еще до их отъезда был отправлен из Москвы во Францию и Испанию гонец жилец Н. Бехтеев, который должен был известить тамошние дворы о предстоящем прибытии русского посольства.

Подлинник статейного списка Н. Бехтеева находится в фонде сношений с Францией: рукопись в лист, писана скорописью конца XVII в., разных рук, на 39 нумерованных листах, в кожаном переплете (на л. 1—15 — текст статейного списка посольства во Францию, на л. 15 об.—35 — в Испанию, л. 36—39 занимает текст расходной книги гонца).

26 февраля 1687 г. Н. Бехтеев выехал из Москвы в Ригу, оттуда на корабле отплыл в Голландию, далее сухопутным путем направился в Париж и приехал туда 29 июля, 4 сентября он уже был в пограничном испанском городе Сан-Себастьяне (на северо-западном побережье Испании),

³⁹ Там же, л. 247—249 об.

а 20 сентября — в Мадриде. Получив в самом конце ноября аудиенцию у Карла II, он 1 января 1688 г. выехал из Мадрида в Бильбао, оттуда по морю — в Ревель и 15 мая был в Москве ⁴⁰.

Статейный список Н. Бехтеева очень краток. Интересны только находящиеся в самом конце списка новости международной жизни, которые русский гонец слышал во время пребывания во Франции и Испании ⁴¹.

В центре новостей — действия французского короля; причем оценка им дается с точки зрения интересов Испании и Австрии, в соответствии, очевидно, с источником информации русского гонца. Указывается, что французский король отнимает у испанского короля земли и города, а у императора отнял город Страсбург, поддерживает Имре Тёкёи (Тенкеля), поднявшего в Венгрии восстание против императора, а также турецкого султана; во время осады турками Вены (1683 г.) французские войска стояли на «цесарском рубеже», ожидая только взятия Вены, чтобы вторгнуться в немецкие земли и подчинить их власти французского короля. Зная о намерениях французского короля, император не вступает с ним «ни в какую дружбу», хотя в настоящее время между Францией, с одной стороны, Империей и Испанией, — с другой, заключено перемирие на 20 лет (имеется в виду мирный договор, подписанный в Регенсбурге в 1684 г. на 20 лет, которым закончилась война 1683—1684 гг.). В союзе с императором и испанским королем состоят Швеция, Голландия и некоторые немецкие курфюрсты (эти государства создали в 1686 г. так называемую Аугсбургскую лигу). На стороне Франции — Англия (Карл II Стюарт ориентировался на Францию) и датский король, надеявшийся в сближении с Францией найти опору против Швеции.

Подчеркивая, что испанский король и император «во всякой дружбе и братстве живут, потому что они единого поколения» (имеется в виду принадлежность к дому Габсбургов), Н. Бехтеев отмечает, что в происходящей войне между Империей и Турцией испанский король императору «казною денежною . . . великое вспоможение . . . чинил» и посылал свои корабли против Турецкой земли; король с турецким султаном никогда «миру и пересылки не имеет» (речь идет о постоянной напряженности в отношениях между Испанией и Турцией, нередко переходившей в состояние необъявленной войны).

Закljučая обзор международных отношений в Европе, Н. Бехтеев подчеркивает, что в настоящее время там установился «покой», но он не прочен, и европейские государи находятся «в собрании», т. е. держат наготове свои военные силы. Далее дается справка об этих силах: у испанского короля больших войск нет, так как он вынужден держать их в отдаленных владениях; у английского короля «в готовности» конницы и пехоты тысяч 20, а кораблей 60; у датского короля «в готовности» ратных людей тысяч 15, кораблей 30; у шведского короля в Сконе («Шконской земле») «в готовности» ратных людей тысяч 20, а кораблей 40, так как он опасается французского и датского королей; у Голландии «в готовности» ратных людей тысяч 30, кораблей 50.

Н. Бехтеев освещает расстановку политических сил в Европе, показывает наличие в середине 80-х годов двух группировок — профранцузской, состоящей из Франции, Англии и Дании, и антифранцузской, в которую входили Империя, Испания, Голландия и Швеция. Политика Людовика XIV привела к объединению в одном лагере таких стран, как Империя и Испания, где сохранились феодальные отношения, и идущая по пути капиталистического развития Голландия. Интересна справка о военных силах европейских стран; весьма возможно, что в ней имеются ошибки, но сам факт сбора подобных сведений является показателем возрастания уровня русской дипломатической службы.

Из немногочисленных известий статейного списка Н. Бехтеева, касающихся внутривосточной жизни Испании, отметим лишь запись

⁴⁰ Статейный список посольства Н. Бехтеева. — ЦГАДА, ф. 93, оп. 1, д. 14, л. 1—35.

⁴¹ Там же, л. 33—35.

слов «кондуктора» (так назван чиновник испанской дипломатической службы) о том, что в Мадриде послы всех государей приходят с грамотами к первому министру, которому «вручено правление Гишпанского государства»⁴². Эта лаконичная запись как нельзя лучше передает атмосферу всевластия временщиков в правление Карла II.

Вслед за Н. Бехтеевым из Москвы во Францию и Испанию выехали великие и полномочные послы — стольник и симбирский наместник князь Я. Долгоруков и стольник и болховский наместник князь Я. Мышецкий. Статейный список их посольства (подлинник) хранится в ЦГАДА в фонде сношений с Францией: рукопись в лист, на 190 листах, писанная скорописью конца XVII в., разных рук, в кожаном переплете (на л. 1—110 об. — статейный список посольства во Францию, на л. 111—190 — в Испанию).

Долгоруков и Мышецкий должны были известить о заключении Россией «вечного мира» с Польшей и союза с нею против Турции и просить у испанского короля заем в 2 или 3 млн. ефимков, обещая от имени царей Петра Алексеевича и Ивана Алексеевича «воздать» за то «радением» царских войск в борьбе с турками; если испанский король отказался бы предоставить безвозмездный заем, то послы должны были предложить погашать долг в Архангельске после окончания войны с турками русскими товарами — поташом, смольчугою, пенькою и другими товарами, которые понадобятся Испании⁴³.

Я. Долгоруков и Я. Мышецкий, в феврале 1687 г. выехавшие из Москвы, 23 апреля были в Риге и оттуда на корабле отправились во Францию; не доехав, должны были высадиться в голландском городе Бриле. От Бриля «прокопными водами» (каналами) послы достигли французского города Дюнкерка и затем направились в Париж. После пребывания при французском дворе выехали в Испанию и 30 сентября достигли испанского города Сан-Себастьяна. С 26 ноября по 31 декабря находились в Мадриде, где имели аудиенции у короля и вели переговоры с испанскими сановниками.

Просьба русского правительства о займе была отклонена со следующими разъяснениями: король оказывает денежную помощь императору в войне с Турцией; кроме того, он тратит большие средства на строительство кораблей и содержание на них ратных людей, которые бьются с турками, и оттого королевской казне «великое есть оскудение». Предложение о заключении союза против Турции также было отклонено: король посылал к императору посла с аналогичным предложением, но до сих пор от императора ответа не поступило, а без императора король не может вступить в проектируемый союз. Отклонено и предложение о заключении договора о торговле, хотя послам было сказано, что король желает, чтобы подданные царей свободно ездили торговать в Испанию, а подданные короля — в Архангельск⁴⁴. Результатом посольства явилась врученная послам грамота Карла II, в которой выражалось пожелание о возрастании любви и дружбы между королем и русскими царями⁴⁵.

В статейном списке послы рассказывали о своем въезде в Мадрид, смотреть который собралось множество людей в каретах и верхом, поездке во дворец на прием к королю (послы ехали верхом, по испанскому обычаю, а карету везли за ними «для почета»), аудиенции у короля, во время которой присутствовала и королева, стоявшая в углу за золочеными решетками вместе с несколькими дамами, последующих аудиенциях у королевы и королевы-матери.

Не раскрывая подробнее содержания записей, характеризующих церемониал и быт испанского двора (эти записи не дают ничего нового по сравнению с предшествующими статейными списками), остановимся лишь на

⁴² Там же, л. 18.

⁴³ Отпуск наказа послам Я. Долгорукову, Я. Мышецкому и К. Алексееву. — ЦГАДА, ф. 58, оп. 1, д. 17, л. 54—55.

⁴⁴ Статейный список посольства Я. Долгорукова и Я. Мышецкого. — ЦГАДА, ф. 93, оп. 1, д. 15, л. 143 об.—160 об.

⁴⁵ Отпуск наказа Я. Долгорукову и Я. Мышецкому. — ЦГАДА, ф. 58, оп. 1, д. 17, л. 67—72.

одной из них: 15 декабря «комиссар» короля, приехавший на посольский двор, сказал, что король, жалую послов, приказал «строить» для них на своем дворе «новую комедию»; 23 декабря послы были в «комедии», но содержание пьесы на чужом языке до них не дошло, и они внесли в статейный список лишь запись о том, что устроенные для них места были покрыты ценными коврами, а король с женою и матерью сидели наверху за золочеными решетками⁴⁶. Очевидно, русские посланники присутствовали на спектакле светского содержания, поскольку он назван «комедией».

Последняя часть статейного списка Я. Долгорукова и Я. Мышецкого содержит «всякие ведомости про всех европейских государей»⁴⁷. Подчеркивается ослабление Испании: «Гиспанское государство ныне стало отверсто и в крепости ратей за многим нестроением ослабело». Отмечается помощь Франции Турции в ее наступлении на Австрию и стремление Людовика XIV овладеть императорской короной. Подмечено в статейном списке и то обстоятельство, что генералиссимусом войск императора был лотарингский герцог, которому император обещал после победы над Францией возвратить его владения (французы в 1670 г. заняли Лотарингию, герцог которой находился в союзе с Голландией). В качестве «крепких друзей» французского короля названы английский и португальский короли, а также бранденбургский курфюрст. (Английский король Яков II, занявший трон после смерти Карла II Стюарта в 1685 г., подобно своему предшественнику, ориентировался на Францию; король Португалии, недавно освободившейся от испанского владычества, в хороших отношениях с Францией усматривал гарантию независимости Португалии; бранденбургский курфюрст, неоднократно менявший свою внешнеполитическую ориентацию, в рассматриваемое время примыкал к французской группировке). В заключение обзора международных отношений в Европе констатируется напряженность англо-голландских и шведско-датских отношений.

Очень интересны записанные русскими дипломатами известия о внутриаполитических событиях в Англии и Франции: французский король «изгнал из государства своего кальвинов многие тысячи, от чего в государстве его доходов, сказывают, умалилось блиско пяти милеонов»; «английский король ныне в государстве своем великую неприязнь имеет, и зело ненавидим всеми своими подданными за то, что он сам и при дворе его служащие — римские веры, а подданные его великая часть кальвинов, а иные люторы и иных разных вер. И сказывают, что он поступает к подданным своим в веру жестоко, а надеется на французского короля»⁴⁸.

Отмена Людовиком XIV в 1685 г. Нантского эдикта, предоставившего гугенотам свободу вероисповедания, и последующие преследования гугенотов привели к эмиграции из Франции значительной части населения, что пагубно отразилось на состоянии промышленности и государственных финансов. В Англии правительство Якова II Стюарта, католика, проводило прокатолическую политику, вызывавшую негодование со стороны англиканской церкви и населения, придерживавшегося различных течений протестантизма.

Статьейные списки русских посольств в Испанию во второй половине XVII в. — это первые памятники, отразившие впечатления русских людей от знакомства с ней. Как мы уже отмечали, в статейных списках русских посольств (в какую бы страну они ни направлялись) среди сведений об этой стране преобладали известия о ее международном положении и внешней политике. Эти известия, сконцентрированные, как правило, в заключительных разделах статейных списков, являлись ответом на специальный вопросник, включаемый в наказы послам: послам предписывалось «проездивать тайно», в каких взаимоотношениях находится король

⁴⁶ Статейный список посольства Я. Долгорукова и Я. Мышецкого. — ЦГАДА, ф. 93, оп. 1, д. 15, л. 161а об.—165 об.

⁴⁷ Там же, л. 186 об.—189 об.

⁴⁸ Там же, л. 187 об., 189.

страны, где они были, с императором, папой и другими королями, с кем он состоит в «миру» и «ссылке», с кем нет и почему⁴⁹.

В статейных списках русских посольств в Испанию второй половины XVII в. очень точно называется главный фактор, определявший международный климат в Европе того времени: стремление Людовика XIV к территориальному расширению французских владений. Осуществить свои намерения Людовик XIV хотел в первую очередь за счет Испании. Отсюда — неоднократные войны (1667—1668, 1674—1678, 1683—1684 гг.)⁵⁰, которые он вел против Испании и союзных с ней государств. Угроза Испании со стороны Франции, состав антифранцузских и профранцузских коалиций отражены в статейных списках. Также отражено в них и состояние постоянной конфронтации между Испанией и Турцией, выражавшееся, в частности, в вооруженных столкновениях испанских и турецких кораблей на Средиземном море.

Касааясь политического и экономического положения Испании, русские дипломаты подметили ряд признаков, свидетельствующих об его ухудшении: слабость королевской власти, несмотря на ее абсолютистский характер, влияние на нее временщиков; огромное напряжение людских и финансовых ресурсов, которое требовалось для поддержания владычества Испании в ее европейских и заокеанских владениях; роль американских колоний как источника поступления золота и серебра; истощение, несмотря на наличие этого источника, государственной казны, средства которой уходили, в частности, на содержание многочисленной армии чиновников; необычайная дороговизна (результат революции цен); обезлюдение сельских местностей (следствие кризиса сельского хозяйства).

Подробно описан в статейных списках церемониал приема послов, существовавший при испанском дворе. Внимание русских дипломатов привлекали также, хотя и в меньшей степени, природа Испании, занятия ее населения, достопримечательности городов, архитектурные памятники, нравы и быт испанцев.

Источниками сведений об Испании, внесенных русскими послами в статейные списки, являлись частично визуальные наблюдения (это относится в первую очередь к описаниям природы, архитектурных памятников, костюмов и т. д.). Пользовались русские послы и письменными источниками — прессой того времени. В статейном списке Я. Долгорукова и Я. Мышецкого описан, например, визит к ним в Мадрид посла императора — графа Комеса, во время беседы с которым, обсуждая политические новости, русские послы ссылались на «куранты» — газеты⁵¹. В донесении тех же послов из Испании указывается, в частности, что капитан французского корабля приносил им французские газеты, полученные из Франции⁵². Обращение к газетам русских дипломатов, находящихся за рубежом, было естественно, так как этим видом информации они привыкли пользоваться и у себя на родине: западноевропейские газеты в XVII в.

⁴⁹ Приведем для примера вопросник из наказа Андрею Виниусу: «Да будучи ему, Андрею, в Аглинской и во Французской и в Гишпанской землях проведывать себестайно: с ьными окрестными государи и с папою и с цесарем римским и з Галанскими статы и виницеяны, ссылки у них есть ли или война, и буде есть, почему, и с которыми государи или владетели в миру или не в миру. И нынешняя ево, Андреева от великого государя к ним присылка надобна ль, и у французского и аглинского королей, с Галанскими статы миру чаёт ли, и на чем, и хто ныне в той войне меж их силен, и про иные всякие весты, которые великому государю, его царскому величеству и всему Московскому государству надобны. А проведав, записывать себе имянно и подлинно в статейный список, и всяким вестям записку, приехав к Москве, подать в Посольском приказе окольному Артемону Сергеевичю Матвееву, дяком думному Григорью Богданову да Якову Поздышеву да Ивану Евстафьеву» (Отправление А. Виниуса к аглинскому, французскому и испанскому дворам. — ЦГАДА, ф. 35, оп. 1, д. 229, л. 50—51).

⁵⁰ Последняя в XVII в. война между Францией и Испанией, 1689—1697 гг., выходит за рамки хронологического отрезка, который освещается в статейных списках русских посольств в Испанию в XVII в.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 93, оп. 1, д. 15, л. 177—178.

⁵² Там же, д. 12, л. 249 об.

поступали в Посольский приказ, и там на их основе для нужд работников приказа и правительства составлялись на русском языке сводки новостей, являвшиеся предтечей первых русских регулярных газет. Но главный источник информации русских послов был устный — беседы с людьми, с которыми они сталкивались в Испании. В первую очередь это были сотрудники испанской дипломатической службы, которые постоянно называются в статейных списках. Но естественно, что, находясь в Испании, иногда длительное время, русские дипломаты вступали в контакты и с представителями других категорий населения, и с представителями других национальностей, разговоры с которыми тоже использовались для сбора сведений. Об этом, в частности, пишет Н. Бехтеев, предпославший обзор международного положения в своем статейном списке указание, что вести, которые излагаются, он слышал в Испании и Франции от французов и испанцев и «иных государств иноземцев»⁵³.

Общение с испанцами для русских дипломатов было нелегким делом, так как испанского языка никто из членов посольства не знал, равно как и в Испании никто не знал русского. Официальные беседы велись при помощи двух переводчиков: так, например, в бытность П. Потемкина в Испании в 1681 г. во время аудиенции у короля речи посланника с русского на латинский переводил посольский переводчик, а с латинского на испанский — королевский переводчик; во время аудиенции у Карла II в 1673 г. речь А. Виниуса с русского на французский переводил «французанин» (по-видимому, француз, привлеченный русским посланником для переводческой работы), а с французского на испанский — «кондуктор» (испанский чиновник)⁵⁴. Очевидно, неофициальные контакты осуществлялись также при помощи двух переводчиков, хотя представляется вероятным, что во время иногда длительного пребывания в Испании отдельные члены русских посольств приобретали некоторое знание испанского языка⁵⁵ и могли непосредственно общаться с населением.

Несмотря на языковой барьер, русские послы во время пребывания в Испании сумели собрать о ней разнообразные сведения, освещавшие, как мы постарались это показать, в той или иной степени многие аспекты ее жизни. Документация русских посольств в Испанию, поступавшая в Посольский приказ, сыграла поэтому большую роль в деле ознакомления дипломатических и правительственных кругов Москвы с далекой страной. Ряд известий, отраженных в статейных списках русских посольств в Испанию, касался событий, происходивших в других странах, особенно событий международной жизни Западной Европы. Поэтому статейные списки русских посольств в Испанию (так же, как и в другие страны) способствовали ориентации русского правительства в европейских делах и выработке его внешнеполитического курса.

⁵³ Там же, д. 14, л. 33.

⁵⁴ Статейный список посольства П. Потемкина 1681 г. — ЦГАДА, ф. 93, оп. 1, д. 7, л. 171 об.; Статейный список посольства А. Виниуса. — ЦГАДА, ф. 35, оп. 1, д. 16, л. 97.

⁵⁵ Обоснование этой точки зрения см.: *Алексеев М. П.* Этюды из истории испано-русских литературных отношений, с. 363.

Е. И. Самгина

ПИСЬМА ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ
(Новые поступления
Государственного исторического музея)

За последнее десятилетие комплектование ОПИ ГИМ происходит, как правило, через закупочную комиссию, путем дарения, сбора современного материала в историко-бытовых экспедициях. Документов XVII и XVIII вв. поступает крайне мало. Это в основном купчие, отпускные прошения, патенты на чины и ордена, свидетельства об образовании, документы о земельных владениях — то, что обычно хранят в личных семейных архивах. Поэтому поступление в 1972 г. в ОПИ такого материала, как письма царевича Алексея Петровича, вызвало большой интерес у историков и научной общественности¹.

В 1971 г. один из коллекционеров Франции предложил дирекции ГИМ купить сборник писем царевича Алексея. После проведенной экспертизы (первоначально по фотографиям, затем — по самому сборнику) комиссия специалистов пришла к заключению о подлинности писем и целесообразности приобретения их ОПИ ГИМ².

Что представляют из себя письма, какой характер они носят и что нового дают для исследователя истории России первой четверти XVIII в.? Эти и другие вопросы стояли перед нами при их изучении. Состоит сборник из 134 писем за 1704—1713 гг. Написаны они на 159 листах, которые в целях сохранности были наклеены на листы голубой бумаги (с белой датой — 1813 г.) и затем в начале XIX в. в семье Строгановых сплетены в книгу, о чем свидетельствует тиснение золотом на переплете: «Книгхран графа Строганова» — и корешке: «Письма царевича Алексея Петровича». Сами письма написаны на бумаге конца XVII—начала XVIII в., как правило, на одной лишь странице (иногда с продолжением на обороте); лишь несколько писем — на трех-четырёх страницах. Они адресованы Петру I (4 письма), А. Д. Меншикову (117 писем), Д. М. Меншиковой (13 писем). Одно письмо Меншикову от полковника Загрязского попало в переплет случайно.

На письмах сохранились пометы о получении их и нумерация листов, сделанные возможно в канцеляриях Меншиковых. При переплете хронологическая последовательность и нумерация поступления писем нарушена. После опалы А. Д. Меншикова его архив был полностью разрознен, в настоящее время он находится в ЦГАДА, ГБЛ, ЦГВИА, ГИМ, АЛОИИ. По-видимому, из архива Меншиковых письма царевича Алексея попали в собрание Строгановых, а в начале прошлого века были вывезены за границу. Лишь в 1969 г. они оказались в Париже в руках последнего владельца, который пожелал вернуть их в Россию.

Изучение писем царевича Алексея к А. Д. Меншикову, помещенных в нашем Строгановском сборнике, и уже опубликованных писем царевича к Петру I свидетельствует о том, что царевич писал по два, а то и больше писем в день с изложением одних и тех же событий (с некоторыми разночтениями)³.

¹ Об этом писала «Правда» в статье, посвященной 100-летию юбилею музея. (См.: Капустин М. Из глубины веков. — Правда, 1972, 11 февр).

² ОПИ ГИМ, ф. 439, 102584/4996.

³ Письма царевича Алексея к его родителю государю Петру Великому, государыне Екатерине Алексеевне и кабинет-секретарю Макарову. Одесса, 1849; Письма и

Из писем, находящихся в сборнике, следует выделить группу поздравительных с малой информацией (их около 50) к Петру I, А. Д. Меншикову и Д. М. Меншиковой за 1706—1712 гг. В них царевич обращается к своим адресатам с поздравлениями по поводу дней рождения, именин, праздников и обычно с просьбой отписать о своем здоровье. Несмотря на краткость содержания, они дают некоторые новые сведения для биографии царевича, раскрывают нам бытовую сторону жизни царевича Алексея, Петра I и А. Д. Меншикова: их взаимоотношения и интересы, подношение подарков, посылка денег и т. д.

Все письма Алексея Петровича написаны во время Северной войны, поэтому в них отражаются события того времени. Так, шесть его писем за 1707—1708 гг. касаются непосредственно истории Москвы. Именно осенью 1707 г. Петр I принимает решение об укреплении московского гарнизона на случай вторжения шведов. Издаются указы (пункты) о сооружении в Москве специальных укреплений — бастионов и бельварков. Петр I поручает царевичу контроль за выполнением этих работ (по указу «государя батюшки» «послан я к Москве с пунктами и велено городское дело и гарнизон к зиме управить»). В письмах Петру I и Меншикову царевич сообщает подробности о выполнении поручения. В письме от 30 октября 1708 г. он докладывает Меншикову о проведенном смотре, о готовности к сборам московского гарнизона, пытается дать оценку: «дело здешнее городское было худо до сего времени». В письмах подробно излагается, какие укрепления устраиваются вокруг Кремля и Китай-города.

Петр I поручает царевичу Алексею одно из важных государственных дел — заниматься сбором рекрутов и «недорослей по городам», укреплением действующей армии: 28 писем за 1707—1712 гг. содержат подробные сведения о городах, где царевич бывал, собирал провиант, составлял ведомости; сообщают об устройстве магазинов. Особо отмечает Алексей Петрович трудности, с которыми столкнулся при сборе провианта в Краковском и Сандомирском воеводствах Польши (в письмах из Кракова, Дрездена, Вильны). Каждый раз отмечает, что делает это, исполняя волю отца.

В письме из Смоленска от 23 июня 1707 г. после рассказа о сборе хлеба (овса) и поздравления с победой под Быховом сообщается о подарке, полученном им от Мазепы (лошадь «с турецким убором», которую он хочет подарить Меншикову и спрашивает, куда ее прислать). В письмах находит отражение проводимая Петром I политика переустройства армии, ее реорганизация на единообразие оружия, формы одежды, создание дворянских рот. Два письма за апрель 1708 г. свидетельствуют об озабоченности царевича, Петра I и Меншикова народным движением под руководством Кондратия Булавина на Дону.

Интересна группа из 11 писем за 1706—1710 гг., адресованных Меншиковым, с поздравлениями по поводу отдельных побед русских войск над неприятелем. На основании дат отправляемых писем удалось выяснить, о каких победах идет речь: сражение под Калишем, взятие Выборга, Полтавская битва (поздравляя с победой под Полтавой, царевич пишет: «с новополученной преславной викторией»).

Не только дела военные волновали царевича Алексея. В письмах к Меншикову он пытается отреагировать на вводимые Петром новые порядки и организационные реформы. В письме от января 1708 г. говорится о создании «конзилии министров», когда оставшиеся судьи в приказах должны съезжаться на три дня в неделю для решения важных дел в отсутствие Петра. Затрагиваются вопросы о злоупотреблении в Поместном приказе. Рассматриваются вводимые новшества: устройство «ассамблей», «карнавалов», первых фейерверков («из пушек стреляли довольно»).

Таким образом, важность писем Алексея несомненна, несмотря на то, что около 15% их по содержанию совпадают с опубликованными.

Р. Г. Пилюя

КНИГА В КУЛЬТУРЕ УРАЛА XVIII В.
(Круг чтения уральского горнозаводского населения)

Характерной чертой современных исследований в области полевой археологии стало стремление перейти от анализа отдельных находок к установлению их места в общей системе культуры прошлого. Изучение местной книжно-рукописной традиции как существенной составной части культуры народа, начатое В. И. Малышевым, получило продолжение в работах А. А. Амосова, Н. Ю. Бубнова, В. П. Бударагина, Е. И. Дергачевой-Скоп, И. В. Поздеевой, Н. Н. Покровского и других ученых.

Разыскания письменных памятников в среде их бытования, составляющие суть полевой археологии, существенно расширили источниковую основу анализа народной культуры¹. Отметим, однако, что внимание археологов привлекло преимущественно круг чтения крестьянства. Сведений о том, что читали мастеровые и работные люди, крестьяне, приписанные к заводам, опубликовано мало².

Целью данной статьи является выяснение условий возникновения и развития книжной традиции Урала, места книги в культуре новых сословных групп, порожденных развитием России периода позднего феодализма, — мастеровых и работных людей, приписных крестьян края.

Изучение книжной традиции как части истории культуры определенного региона страны предполагает предварительное выяснение тех экономических, социальных, политических факторов, которые определяли его историческое развитие в исследуемый период, того социального слоя, где сохранялась эта традиция.

Методологическое значение для изучения истории и культуры Урала имеют работы В. И. Ленина, отмечавшего, что развитие крупной горной промышленности стало здесь «главным явлением экономической жизни края». «С положением и интересами уральской горнопромышленности, —

¹ Курносоев А. А., Черных В. А., Шмидт С. О. О состоянии и задачах советской полевой археологии: (К итогам Первой Всесоюзной конференции по полевой археологии). — АЕ за 1977 год. М., 1978, с. 3—14; Покровский Н. Н. Археологические экспедиции и проблемы изучения народной культуры. — В кн.: Проблемы полевой археологии. М., 1979, с. 100—111.

² В интересной статье Е. К. Благовещенской, специально посвященной изучению круга чтения трудящихся (на основе записей на книгах отдела редких книг ГПБ), не учтено ни одной записи мастеровых и работных людей XVIII в. (Благовещенская Е. К. Надписи крестьян и дворовых XVII—XVIII вв. — История СССР, 1965, № 1). Данные о библиотеках горнозаводского населения см.: Вагина П. А. Материалы к спецсеминару по истории горнозаводской промышленности и классовый борьба на Урале второй половины XVIII в. для студентов исторического факультета. Свердловск, 1962, вып. 1, с. 4—5, 9, 34; Она же. Из истории предпринимательства среди крепостных рабочих Урала второй половины XVIII в.: (На примере крестьянина Нязе-Петровского завода Петра Михайлова). — В кн.: Вопросы истории Урала. Свердловск, 1965, вып. 6, с. 5—32; О библиотеках старообрядцев Урала XVIII в. см.: Покровский Н. Н. О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества. — В кн.: Научные библиотеки Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, вып. 14, с. 26—27; Русские письменные и устные традиции и духовная культура: (По материалам археологических экспедиций МГУ 1966—1980 г.). М., 1982. Обзор литературы по культуре Урала XVIII в. см.: Пилюя Р. Г. К вопросу об изучении культуры Урала XVIII в. — В кн.: Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. Свердловск, 1982, с. 82—88; Она же. Об изучении памятников истории духовной культуры Урала. — В кн.: Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982, ч. 2. Памятники старинной письменности, с. 96—105.

писал В. И. Ленин, — связаны и история колонизации, и настоящее положение края»³.

Указывая на «оригинальный строй» уральской промышленности, В. И. Ленин обращался к истории ее возникновения и дальнейшего развития. «В основе „организации труда“ на Урале издавна лежало крепостное право, которое и до сих пор, до самого конца XIX века, дает о себе знать на весьма важных сторонах горнозаводского быта»⁴. Важная роль крупной горной промышленности, основанной на крепостном праве, относительная замкнутость Урала, оторванность его от центра России⁵ отразились на культуре, быте жителей Урала. Этот быт сложился в основном уже в XVIII в., сохраняя многие свои признаки и позже — в XIX в. Говоря об этнографической точности уральских рассказов Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. И. Ленин отмечал: «В произведениях этого писателя рельефно выступает особый быт Урала (курсив мой. — Р. П.), близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с „добросовестным ребяческим развратом“, „господ“, с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и Россию»⁶.

«Особый быт Урала», по существу, являлся региональным проявлением общих закономерностей русской культуры XVIII—XIX вв., обусловленным отмеченными выше факторами развития края, и отразился в его книжной традиции. «Замкнутость Урала», тормозящее влияние пережитков крепостничества на социально-экономическое и культурное развитие края в пореформенный период способствовали сохранению здесь многих элементов культуры прошлого, в частности памятников письменности предшествующего времени.

Средой бытования памятников письменности в условиях XVIII в. было горнозаводское население края⁷ — мастеровые и работные люди, приписные крестьяне. Судьбы этих людей, условия их жизни и постоянная борьба против эксплуатации со стороны заводчиков и государства не могли не отразиться на книжной традиции Урала XVIII в. Естественно, что ее корни уходят в глубь истории культуры края XVII в. и даже XVI в. Сибирские летописи, рукописные Хронографы, старопечатные книги XVI—XVII вв., хранившиеся на Урале в XVII в., оставались и в XVIII в. частью круга чтения уральцев⁸.

Велика роль раскола в формировании местной книжной традиции. Уже в первые годы возникновения старообрядчества на Урале были сосланы в Сибирь его вожди. «Научен бысть от псевдопророка Аввакума протопопа» верхоурский служилый атаман Яков Лепихин, ставший позднее одним из руководителей урало-сибирского раскола⁹ и автором многих «листов», содержащих, в частности, символические изображения церкви, захваченной антихристом. Странники старовер. и нашлись и в монасты-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 416.

⁴ Там же, т. 3, с. 485.

⁵ Там же, с. 488.

⁶ Там же.

⁷ Это различные в сословном отношении группы населения, объединенные необходимостью выполнять заводские работы на основе феодальной зависимости от заводчиков или в форме феодальной повинности государству. Подробнее о составе горнозаводского населения см.: Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII в.: (К вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979, с. 59; Черныш М. И. О составе сословия «горнозаводское население», разложении сословной группы «мастеровые» и структуре горнозаводских рабочих. — В кн.: Развитие промышленности. . . , с. 33—41.

⁸ Мудрова Н. А. Библиотека Строгановых в XVI—XVII вв. и зарождение книжной традиции Урала. — В кн.: Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников. . . , с. 88—96; Пижоя Р. Г., Шашков А. Г. Записи на рукописных и старопечатных книгах XVI—XVII вв. собрания Уральского университета. — В кн.: Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979, с. 21—27.

⁹ Димитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере. М., 1745, ч. 3, гл. 8, л. 14 об.

рях (так, несомненно, широкое распространение раскол получил в крупнейшем в Зауралье Далматовском монастыре), и в среде крестьян, служилых людей, посадского люда¹⁰.

Полемические сочинения, создававшиеся в крае, тесно смыкались с крестьянскими челобитными, обосновывали законность и справедливость борьбы против светских и церковных властей. В этих памятниках ясно видна социальная обусловленность протеста, скрывающегося за религиозной оболочкой. Так, крестьяне, затворившиеся в деревне Мостовка в марте 1681 г. от преследовавших их «воинских людей», угрожая самосожжением, писали царю: «Пожалуй нас. . . вели нам быть в старой вере да. . . вели дать твой царский указ. . . чтоб те приказные люди к нам нагло не приезжали. . . и нас, бедных, не разоряли»¹¹.

Между уральским расколом второй половины XVII и XVIII в. существует прочная связь, выражавшаяся в единстве авторитетов, в преемственности решений догматических вопросов местного раскола.

Эсхатологические прогнозы второй половины XVII в. приписались кстати и в XVIII в. Первые десятилетия XVIII в., казалось, полностью подтвердили предсказания старообрядческих старцев о скором наступлении «последних времен». Уральских крестьян сотнями посылали в далекий Петербург, тысячами направляли на строительство казенных и частных заводов. Этот гнет и реформы в области культуры и быта, противоречившие традициям крестьян и посадского люда, способствовали распространению на Урале убеждения, что Петр I — «швед обменной», «он-де антихрист»¹². Отсюда следовал вывод: «Роды их царские пошли неистовые, и мы-де за того государя богу за здравие не молим». У старца Варсонофия, арестованного в 1723 г. в деревне Утке-Межевой за распространение этих слухов, была конфискована среди семи книг и рукопись «Четыи Минея, писана во 1/4 листа, в которой писано о разных раскольнических противностях»¹³.

Однако уральский раскол XVIII в. отличался от раскола второй половины XVII в. Причины отличия коренились в изменении хозяйства края, в появлении крупной горной промышленности. С одной стороны, раскол снабжал аргументами крестьян, боровшихся против насильственной приписки к заводам¹⁴. С другой стороны, возникавшие горные заводы испытывали острую нехватку рабочих рук, вынуждая даже представителей государственной власти принимать беглых и сквозь пальцы смотреть на распространение раскола на заводах в первой трети XVIII в.¹⁵ Горные заводы стали центрами староверия, они оказались в окружении расколь-

¹⁰ *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVIII в. СПб., 1898, с. XXXI—XXXII, LXXXV—LXXXVI, 019—034; *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII в.: Церковно-исторический очерк. СПб., 1908, с. 11—21; *Оглоблин Н. Н.* Старец Авраамий Венгерский. — В кн.: На сибирские темы: Сборник в пользу Томских воскресных школ и Гоголевского народного дома. СПб., 1905, с. 92—115; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в., М., 1972, с. 362—364.

¹¹ ДАИ. СПб., 1862, т. 8, с. 221. Следы влияния челобитной мостовских крестьян можно обнаружить в «послании сибирской братии» протопопа Аввакума. — РИБ. Л., 1927, т. 39, с. IX—XII.

¹² *Есинов Г.* Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб., 1863, с. 40—41.

¹³ Там же, с. 52.

¹⁴ Массовое бегство приписных крестьян с Екатеринбургского и других заводов Урала в 1726—1729 гг. имело отчетливую старообрядческую окраску. См.: Сб. РИО, т. 69, с. 621—623; *Павленко Н. И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, с. 502—510. Обращает на себя внимание хронологическая и территориальная близость районов, охваченных движением приписных крестьян и самосожжениями в 50—60-х годах XVIII в. См.: *Сапожников Д. И.* Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII до конца XVIII в.). М., 1891, с. 111—132; *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

¹⁵ *Заозерская Е. И.* Способы обеспечения рабочей силой частных мануфактур во второй четверти XVIII в. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М., 1952, с. 287.

ничьих пустыней и келий. Заводская администрация нередко выступала прямой пособницей раскола. Достаточно указать, что петровский указ о двойном подушном окладе старообрядцев фактически не выполнялся здесь до начала 30-х годов XVIII в. Местное горное начальство прямо отвечало, что двойного «сбору не бывало и ныне нет»¹⁶.

Круг чтения населения частных заводов в начале XVIII в. весьма точно очерчен В. Н. Татищевым, управлявшим уральской горной промышленностью в 1720—1722 и 1734—1738 гг.: «У них (жителей заводов. — Р. П.) учителя-раскольники и книги употребляют старые»¹⁷.

Увлечение историей начальника Главного правления сибирских и казанских заводов в сочетании со служебным рвением, своеобразно понятым просветительством и стремлением соблюсти казенную выгоду дорого обошлось местному расколу.

Сыск староверов, организованный по инициативе Татищева в конце 1735—начале 1736 г.¹⁸, сопровождался поиском книг и конфискацией их у арестованных раскольников. После неудачного налета на черномосточинские скиты под Нижним Тагилом (кто-то предупредил скитников) В. Н. Татищев выговаривал 5 января 1736 г. поручику Арефьеву, командовавшему воинским отрядом: «Токмо удивительно, что книг мало у них (раскольников. — Р. П.) нашлось»¹⁹. Поручику П. Костыгину, конвоировавшему захваченных старцев и стариц в монастыри (их будущие места заключения), Татищев указывал: «Когда будеш отдавать в монастырь старцев и стариц, то оных тебе осмотреть, в их шкарбу не имеетца ль каких книг или каких записок, или тетраток писменных. И ежели явятца, то отобразь, и описать порознь каждую, книга или записка, или тетратка, и у кого именно найдена и привезь суда»²⁰.

Среди арестованных оказались старцы Ефрем Панов, переплетчик, и Ефим Поляков, ювелир²¹. В их келье, кроме часов боевых, серебряных риз для икон, ртути, «железных инструментов медного дела», захватили и библиотеку, насчитывавшую, судя по описи, 38 печатных и 9 рукописных книг. Печатными были Библия, Кормчая, сочинения Ефрема Сирина, «граматика руская», «букварь на трех языках», «граматика греческая», рукописными — сочинения Ирсифа Волоцкого, Иоанна Дамаскина, два Цветника, певчие изрядники и трезвоны²².

Вскоре стало известно, что ризы, медные позолоченные складни, часы в келье были собственностью владельца Шайтанского завода В. Н. Демидова и екатеринбургского купца Михаила Бармина. На запросы об имуществе, сделанные сыном Михаила Бармина Семеном и приказчиком Демидова Т. Мосоловым, немедленно последовала резолюция Татищева о возвращении часов и окладов их хозяевам.

Сразу же после положительного ответа В. Н. Татищева в канцелярию Главного завода правления было направлено новое прошение²³. Его авторами были Р. Ф. Набатов, приказчик заводчика П. Осокина, один из

¹⁶ ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 560, л. 592 об. Благодарю А. В. Черноухова за указанный мне

¹⁷ факт.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 12, л. 515.

¹⁹ Подробнее см.: *Покровский Н. Н. Антифеодальный протест...*, с. 67—108.

Библиотека Пермского педагогического института. Книга секретных дел Главного заводов правления 1735—1737 гг., л. 73. (Далее: КСД). Арефьеву пришлось оправдываться, что «те их старческие пожитки и книги были сысканы в лесах на возах, а другие были в снегу, а в кельях их я ничего не застал и того ради оных книг и пожитков явилось малое число» (КСД, л. 85). Эти объяснения не избавили Арефьева от специального расследования и обвинений в попустительстве староверам (КСД, л. 141—142). Другой офицер, поручик К. Порецкий, был отдан по приказу Татищева под суд.

²⁰ КСД, л. 85.

²¹ Стоит отметить, что в числе 29 старцев, арестованных по указу Татищева в конце декабря 1735 г., было четыре плотника, пять токарей, три ткача, один ювелир, один переплетчик и три человека, «писавших скоропись» (КСД, л. 107—107 об.).

²² КСД, л. 69—70.

²³ Ответ В. Н. Татищева на первую челобитную С. Бармина датирован 5 января 1736 г., на вторую — С. Бармина и Р. Набатова — 8 января 1736 г. Следовательно, вторая челобитная написана между 5 и 8 января.

крупнейших деятелей урало-сибирского старообрядчества²⁴, и упомянутый выше Семен Бармин. Они сообщали, что большая часть книг была передана ими старцам «для переплету», и просили Татищева «нижайшим образом отдать» книги. К челобитной приложены списки книг²⁵. Не отказываясь в принципе вернуть книги их владельцам, начальник Главного заводов правления поставил перед Р. Набатовым и С. Барминым условие. Собственноручной резолюцией Татищев потребовал от них «онье книги описать, а имянно: печатные, в котором году напечатаны; а писменные — на скольких листах или страницах, и нет ли в которой внутри или на конце вырванных листов. Также же ежели которой при описи показана, где оные написать имянно и против того. . . оставить поле»²⁶. Такого почти библиографического описания Набатов и Бармин выполнить не смогли. Решения о выдаче им книг в деле нет. Нет сведений о передаче этих книг и в Тобольскую митрополию. Скорее всего, книги стали частью собрания самого Татищева.

Однако сводить местную книжную традицию только к старообрядческой, или, скажем шире, к кириллической, книжности было бы неверно. Существовая в условиях нового времени, развиваясь в среде горнозаводского населения, эта традиция не могла не испытывать на себе влияние новой культуры. Сохранившиеся описи библиотек горнозаводских жителей, записи на рукописях и книгах гражданской печати подтверждают вывод Б. И. Краснобаева, что старая и новая культура, будучи в принципе противоположными системами, в XVIII в. успешно сосуществовали в одном обществе, и даже в одном человеке²⁷.

Важным условием успешной деятельности уральской горной промышленности было наличие здесь квалифицированных опытных специалистов. Поэтому глубоко закономерно, что создание школ при казенных (а затем и частных) заводах В. Н. Татищев и В. де Геннин, управлявшие горным делом на Урале в 20—30-х годах XVIII в. оценивали как одно из важнейших дел²⁸. Для подготовки специалистов, нужны были книги. Первые библиотеки для школ в Екатеринбурге появились уже в 20-х годах. Книжный фонд их был объединен в одну «казенную горную библиотеку» при канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов в 1735 г. В течение 1735—1737 гг. по указанию Татищева неоднократно производилась попытка по специально составленной им росписи книг в Москве и Петербурге «в пользу здешних школ» на русском, немецком и латинском языках. Позднее, уезжая начальником Оренбургской экспедиции, Татищев подарил свою личную библиотеку школам Екатеринбурга²⁹.

²⁴ Подробные сведения о деятельности этого незаурядного человека были собраны и опубликованы в кн.: Покровский Н. Н. Антифеодальный протест. . . , с. 72—82, 91, 96—99.

²⁵ С. Бармин назвал своими 19 книг (в том числе 12 — Миней месячные), Р. Набатов — 17 (русская и греческая грамматики, Кормчая, Просветитель Иосифа Волоцкого, букварь и др.) (КСД, л. 81). Если заявление Р. Набатова и С. Бармина соответствует истине и не было просто попыткой вырчить захваченные книги, то перед нами часть первоначального состава библиотеки Р. Набатова. Н. Н. Покровским опубликована опись книг Р. Набатова, сделанная в 1745 г., в которой перечислено 50 книг (*Покровский Н. Н. О роли древних рукописных и старопечатных книг. . .*, с. 26—27). КСД, л. 81 об.

²⁶ *Краснобаев Б. И.* Русская культура XVIII в.: Предмет и задачи изучения. — История СССР, 1976, № 6, с. 43.

²⁷ *Демидова Н. Ф.* Инструкция В. Н. Демидова о порядке преподавания в школах при Уральских горных заводах. — ИА, 1950, т. 5; *Сафронова А. М.* Инструкция В. Н. Демидова о порядке школьного преподавания. — Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск, 1975; см. также: ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 1410, л. 170 об.—171.

²⁸ Книги В. Н. Татищева в фондах Свердловского краеведческого музея: (Предварительная информация). Свердловск, 1962; *Голендухин Л. Д.* Новые материалы к биографии В. Н. Татищева. — В кн.: *Материалы к биографии В. Н. Татищева: Доклады на секциях Ученого совета Свердловского областного краеведческого музея.* Свердловск, 1964; *Гузнер И. В.* Н. Татищев и просветительская деятельность урало-сибирских библиотек в XVII в. — Там же, с. 5—16.

В Екатеринбургских словесной и арифметической школах обучались, а следовательно, имели доступ к этим книгам дети мастеров, подмастерьев, работников, составлявшие 50 % всех учащихся. Среди 85 учеников в 1728 г. были представители Уктусского, Каменского, Алапаевского, Екатеринбургского заводов, Камышловского и Арамильского дистриктов³⁰. Другим центром подготовки специалистов на Урале стало Нижнетагильское училище, основанное, по всей вероятности, в начале 60-х годов XVIII в. Обучение здесь носило сословный характер, правом учиться пользовались по преимуществу дети заводских служащих, высшей прослойки управленческого аппарата горнозаводской вотчины. Школьники изучали арифметику, геометрию, черчение, рисование, письмо. Учебниками для них служили обычно закупавшиеся в больших количествах азбуки, буквари, псалтыри и часословы, но присылались сюда и «Юности честное зерцало», и «Первое учение отроком» Феофана Прокоповича, и руководства по арифметике, геометрии, рисованию. Поступали в библиотеку училища и педагогические сочинения А. Т. Болотова, И. И. Бецкого, Ф. де Фенелона³¹. В ряде случаев для подготовки высококвалифицированных специалистов практиковалась посылка екатеринбургских школьников в Петербург, как об этом свидетельствует дело о командированном в 1735 г. в Академию наук «для обучения маркшейдерских и математических инструментов» сыне молотового мастера Д. Козицына³².

В середине XVIII в., пожалуй, впервые в библиотеках горнозаводского населения оказываются специальные научные издания. Берг-коллегия, высшее государственное учреждение, заведовавшее горной промышленностью, занималась также изданием книг по горному делу. Так, готовилось к публикации десятитомное сочинение президента Берг-коллегии И. И. Шлатера. Однако со сбытом этого издания дело обстояло плохо: Берг-коллегия констатировала, что «партикулярные люди неохотно те книги покупают, и по ученым от Берг-коллегии в города публикам никого желателей не нашлось»³³. Для обеспечения сбыта было предложено следующее: эти книги раздавать «партикулярным людям» безденежно, а расходы поставить в счет десятинных денег, получаемых с частных заводов. В дальнейшем Берг-коллегия прибегала к принудительной продаже, рассылке специальных изданий частным заводчикам, конторам казенных заводов и горным офицерам. Часть тиража этих книг продавалась частным лицам.

Когда в 1774 г. Берг-коллегия рассматривала вопрос о продаже книги маркшейдера Алексея Маркова по подземной геологии, было принято решение разослать на каждый завод по два экземпляра книги, установив за нее цену: с заводчиков — по 65 коп. за книгу, на казенных заводах — по 42 коп. Для горных офицеров было оставлено 50 экз. по 42 коп. экземпляр, для «партикулярных» — 56 экз. по 65 коп.³⁴ Так же распространялась и книга, написанная шихтмейстером Волковым и студентом Бабашиным³⁵.

Свидетельствовать, что эти специальные издания доходили до населения горных заводов (служителей по преимуществу), может упоминающаяся в описи библиотеки служителя Осокинских заводов Петра Михайлова «Книга с планом и примечаниями о строении медных заводов и о установлении при оных медеплавильных для плавки руд печей и пленсофей и при штыковых горнах формам и подлежащего в горны для набивки мусора»³⁶, а также «Книга мемориальная», составленная служителем Не-

³⁰ Пензин Э. А. Из истории Екатеринбургских школ 1720—1730 гг.: (по документам Сибирского обербергамта). — В кн.: Из истории духовной культуры дореволюционного Урала, с. 124—132.

³¹ Лысова О. А., Осипова Л. А. К вопросу о развитии горно-технического образования на Урале в XVIII в. — Там же, с. 97—111.

³² ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 1410, л. 252—260.

³³ ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 43, л. 23—25 об.; кн. 431, л. 381—381 об.; 401 об.—402.

³⁴ Там же, кн. 431, л. 381—381 об.

³⁵ Там же, л. 401—401 об.

³⁶ Там же, кн. 1355, л. 16—23. Об этой библиотеке см. ниже.

вьянского завода Г. Махотиним³⁷. Вместе с тем не следует преувеличивать уровень грамотности, распространения книг (в том числе и светских) в среде уральского горнозаводского населения. По запросу главной Нижнетагильской заводской конторы, сделанному в 1798 г., выяснилось, что на Васильево-Шайтанском заводе «к письмоводству имеющих из жителей . . . не имеетца», на Лайском заводе нашли «самых малограмотных» пять человек, в Черноисточинском — только четыре «умели писать». Больше всего грамотных нашлось на Нижнетагильском (Выйском) заводе, где, кстати, находилось в дальнейшем училище, — 58 человек³⁸.

Другим подтверждением относительно низкого уровня грамотности служит «Именная роспись» — чрезвычайно подробное описание имущества жителей трех южноуральских заводов И. Осокина: Верхне- и Нижне-Троицкого, Усень-Ивановского. В 238 дворах в начале 1774 г. была учтена только одна (!) библиотека, насчитывающая восемь книг, оцененная в 13 руб.; и в двух домах хранились медные чернильницы (в 15 и 30 коп.), что хотя бы косвенно могло дать основание для предположения о грамотности их владельцев³⁹. Однако в этой единственной библиотеке жителя Троицкого завода Василия Челнокова оказались «Гистория о взятии города Азова», печатный «Синописис», первый по существу учебник русской истории, и «Гистория Цареградская, когда брал предписанный город турецкий царь Магмет Абмуратов». Тяга к историческим сочинениям демократического читателя XVIII в., «мещан», отмеченная еще Н. И. Новиковым⁴⁰, в полной мере отразилась на составе этого собрания. Не миновали его и рыцарские романы, также находившие себе читателя в XVIII в., и гораздо позднее — «Гистория о Францеле и Винцыане», «Гистория о Бове-королевиче». Были здесь книги достаточно традиционные: «Акатихизис большой печатный», «Тетрадь, писанная уставом о явлении Казанской Божьей матери» и «Цветник, выписанный из разных книг, уставом на 13 тетрадях в переплете»⁴¹.

В описи имущества другого жителя Нязе-Петровского завода, Петра Михайлова, содержится гораздо больший перечень книг⁴². За свою сложную, богатую событиями жизнь П. Михайлов; сын крестьянки подмосковного Данилова монастыря, бежавшей на Иргинский завод П. Осокина, собрал богатую библиотеку. В деле П. Михайлова сохранился составленный им самим «Реестр пожитков и экипажу»; имущество этого крепостного оценивалось в 1514 руб. 36 коп., в том числе 84 старопечатные, рукописные книги, издания гражданской печати и свыше 1000 правительственных «указов в связках». Старопечатные и рукописные книги П. Михайлова достаточно традиционны — эсхатологические сочинения Кирилла Иерусалимского и Ефрема Сирина, Минеи, Кормчие, Псалтырь с воследованием и др. Рядом с ними — «Книга писменная, называемая Летописец, о крещении князя Владимира».

Однако это библиотека заводского служителя, вчерашнего подмастерья при плавке меди, и рядом с Минеями, Цветниками и учительным Евангелием оказывается «Книга с планом и примечаниями о строении медных

³⁷ ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 391.

³⁸ Лысова О. А., Осипова Л. А. К вопросу о развитии горнотехнического образования на Урале в XVIII в., с. 108.

³⁹ Вагина П. А. Материалы к спецсеминару. . . , вып. 1, с. 4—5, 9, 30, 34. Принимая во внимание исключительность ситуации, в которой составлялась эта опись (население заводов спешно было вывезено карательным отрядом генерал-майора Фреймана в Казань, будучи вынужденным оставить все имущество, сгоревшее позднее вместе с заводами во время боевых действий), сведения, сообщаемые в «Именной росписи», можно считать достоверными.

⁴⁰ Н. И. Новиков и его современники. Избр. соч. М., 1961, с. 323.

⁴¹ Вагина П. А. Материалы к спецсеминару. . . , вып. 1, с. 30—31. Любопытно отметить, что дорожке всего — по 5 руб. каждый — были оценены Катехизис и Цветник. Следующей по стоимости стала тетрадь с повестью о явлении иконы Казанской божьей матери (60 коп.). Остальные, чисто светские книги стоили дешевле — от 30 до 50 коп.

⁴² Вагина П. А. Из истории предпринимательства среди крепостных рабочих Урала второй половины XVIII в.; с. 5—32; см. также: ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 1374, л. 460—468; кн. 1355, л. 4—112.

заводов. . .» Поражает подбор книг гражданской печати. Здесь — многочисленные издания Н. И. Новикова по русской истории, «Житие» Петра I и его письма, труды Вольного экономического общества, Письмовник Курганова, собрание древнерусских пословиц, напечатанное Н. И. Новиковым.

В библиотеке П. Михайлова много книг по педагогике, книг для детей — буквари, «Наставление сыну», популярные в XVIII в. гравированные Эзоповы басни, «Шведская школа», учебники по арифметике, использовавшийся для обучения (отметим, дворян) «Российский апофегмат». В книжном собрании Михайлова нашлось место и противораскольничьим сочинениям Питирима, Симеона Полоцкого, Стефана Яворского, которые соседствуют с Цветниками и старопечатными, явно дониконовскими изданиями. В библиотеке Михайлова — превосходная подборка юридических изданий: от «Соборного Уложения» царя Алексея Михайловича до «Наказа» Екатерины II. Здесь и Берг-привилегия, и регламенты Главному магистрату и Камер-коллегии, и многочисленные «книги, собранные разных годов указы».

Интерес уральского крепостного крестьянина к действующему праву Российской империи не случаен: в нем не только отразилась деятельность П. Михайлова как служителя заводской конторы «по приходу и расходу денег», а затем доверенного лица заводчика Я. Петрова по продаже в Петербургском порту железа, приказчика, распорядившегося значительными капиталами — до 100 тыс. руб.⁴³ (Позднее П. Михайлов пытался добиться личного освобождения от заводчиков, обосновывая свое требование ссылкой на юридические документы Российской империи.) Правовые знания становились для него оружием, надеждой на лучшее будущее⁴⁴.

Иного характера были крестьянские библиотеки. А. А. Гриненко удалось выявить в фондах ПОКМ книжное собрание, составленное крестьянами с. Слутка строгановской вотчины в 50—70-х годах XVIII в.⁴⁵ Большинство книг (скорее, тетрадей) принадлежало Василию Ивановичу Демидову, однофамильцу заводчиков, строгановскому крепостному. Он владел сборником, в состав которого входили известнейшие произведения демократической сатиры XVII в.⁴⁶: «Повесть о бражнике, яко вниде в рай», «Азбука о голом и небогатом человеке», «Повесть о Шемякином суде», «Повесть о Фоме и Ереме», «Повесть о куре и лисице». Заканчивался сборник таблицей умножения. В другую тетрадь В. И. Демидов «февраля 17 дня 1778 года» переписал «Письмо турецкого султана запорожским казакам в Чигирин»⁴⁷. Были в его собрании рукописные «Лусидориос»⁴⁸ и «Лечебник»⁴⁹.

Убедительным свидетельством читательских интересов уральцев XVIII в. могут служить рукописные сборники этой поры — своеобразные библиотечки в одном переплете.

Характерен в этом отношении рукописный сборник середины XVIII в., в состав которого входили переписанные из официальных изданий сочинения о взятии русскими войсками в 1734 г. Гданьска, сказание об Азовской брани, «Временник, сиречь летописец», и, кроме того, «Сказание об Адаме, о Михайловом царстве и антихриста рождении», «Сказание о Георгии и змие» и др.⁵⁰ Среди владельцев этого сборника в XVIII в. были, судя по записям, новоусольский житель Иван Хилков (именующий себя

⁴³ ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 1355, л. 15, 24.

⁴⁴ Потерпев поражение в борьбе с заводчиками, П. Михайлов бежал в 1778 г. из-под ареста, был схвачен в Москве и выслан назад в Нязе-Петровский завод как «человек беспокойный и подозрительный» (ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 1374, л. 460).

⁴⁵ Гриненко А. А. Среда бытования рукописных и старопечатных книг XVI—первой половины XIX в. на Урале: (Записи как исторический источник). — УГУ. Ист. фак. Рукопись диплом. работы. Свердловск, 1982, л. 28—29.

⁴⁶ ПОКМ, 20. Р. Сборник датируется 70-ми годами XVIII в.

⁴⁷ ПОКМ, 27.Р.

⁴⁸ ПОКМ, 28.Р.

⁴⁹ ПОКМ, 22.Р.

⁵⁰ УГУ, Свердловское собрание, 1; р. 14.

в другом случае крестьянином), приказчик Петр Кычин, «пробирной ученик Егосихинского завода Александр Тарабукин».

На протяжении всего XVIII в. продолжали писать, читать и переписывать «волшебные» книги, наполненные заговорами от болезней, руководствами для любовной магии, «для присушивания девок». Показательна история, случившаяся с полевым рудокопщиком Ульяном Рудаковым. На него донесли, что он имеет такую «волшебную» книгу. На допросе в полиции в марте 1753 г. У. Рудаков сообщил, что написал эту книгу со слов жены другого рудокопщика Полевского завода — Татьяны Ивановой, «в чем она и сама не запырала». Следователи выяснили, что научилась Татьяна Иванова этим заговорам от своей свекрови. Светские власти, руководствуясь обычной практикой того времени, передали дело Екатеринбургскому приказному духовному правлению.

Более опытные в подобных делах священники попытались установить, не связан ли Ульян с расколом и почему в книге, кроме заговоров о «присушивании девок», находится еще и заговор «об отваде печали». Ульян оправдывался, что и он, и отец его, Петр Рудаков, — исправные прихожане, бывают на исповеди, книгу он написал «подлинно по простоте своей», а «по облегчению печали. . . никакой не имеет к тому страсти». Просто он решил записать слышанный в том же Полевском заводе заговор от зубной боли, с помощью которого «Полевского завода рудокопщика жена Парасковья. . . от болезни освободилась». «Более же никакие чародейства. . . сказать не смеет».

Делу о волшебной книге дали ход: книгу послали тобольскому митрополиту Сильвестру, под арестом оказался и сам Ульян Рудаков. Неизвестно, чем бы закончилось для Рудакова это дело, если бы не вмешались заводские власти, потребовавшие возвращения квалифицированного (и, заметим, грамотного) работника. Спустя почти год, в феврале 1754 г., Ульян Рудаков был отпущен на поруки и отослан назад на Полевской завод⁵¹.

«Воровские заговорные письма», «приворотные письма» были обнаружены в 1707 г. при аресте Федора Молодого — рудознатца и неудачливого заводчика, владельца небольшого Мазуевского железодельного завода в Кунгурском уезде⁵². Екатеринбургские горные власти долго расследовали в 1739—1740 гг. дело о заводском работнике Козме Тестове, распространявшем «волшебные письма», гарантировавшие успех и на службе («и как де пойдеш к командиру, и оный де всегда до тебя будет милостлив»), и в личной жизни (были еще и «приворотные» письма)⁵³.

Особое место в кругу чтения горнозаводского населения XVIII в. занимали правовые памятники — сборники документов, законодательные акты (Соборное Уложение 1649 г., Берг-привилегия, правительственные манифесты и др.).

Обычно эти памятники не относят к «чтению». Принято обращать внимание главным образом на практическую пользу юридических документов, считать их, скорее, справочной, чем читаемой, литературой. Думается, что такое противопоставление не совсем оправданно. Конечно, практическая применимость правовых памятников XVII—XVIII вв. для людей XVIII в. несомненна. Но именно эта «функциональность» юридических памятников, а также присущее правительственным манифестам и указам XVIII в. стремление убедить читателей и слушателей в «общенародной пользе» как основном мотиве деятельности законодателя, в защите всех подданных от «лихоимства» и злоупотреблений чиновников⁵⁴ отводили манифестам и указам особое место в кругу чтения, превращали их в своеобразное материальное воплощение идей «наивного монархизма»

⁵¹ ГАСО, ф. 6, оп. 2, д. 398, л. 1—3.

⁵² Преображенский А. А. Из истории первых частных заводов на Урале в начале XVIII в. — Из, 1958, т. 63, с. 170, 177.

⁵³ ГАПО, ф. 297, оп. 1, д. 1108, л. 3—21 об.

⁵⁴ Раскин Д. И. Из истории общественного сознания русского крепостного крестьянства XVIII в.: Автореф. . . канд. ист. наук. Л., 1975, с. 15.

для широких слоев трудящихся. В этом качестве они равноправны по отношению к другим памятникам общественной мысли XVIII в.⁵⁵

Книги, состоящие целиком из правовых памятников, или сборники, включающие наряду с другими и юридические сочинения, не были редкими в библиотеках жителей Урала XVIII в. Нижнетагильскому заводскому служителю А. Бредихину в XVIII в. принадлежал сборник, в который входили «Артикул воинский», «Генеральный регламент», «Вексельный устав»⁵⁶. В другом сборнике, владельцем которого был житель Оренбургской губернии, находим указы и инструкции Сенату, описание г. Кунгура в XVIII в., «Разговор прусского короля Фридриха II с фельдмаршалом Венделем июля 30 дня 1759 года о победах русских»⁵⁷. Большое место юридические документы занимали в уже упоминавшейся выше библиотеке П. Михайлова и в другом книжном собрании, сложившемся во второй половине XVIII в., — в библиотеке верхотурского купца и рудознатца Петра Ентальцева. Там правительственные указы и манифесты соседствовали с «Летописцем Дмитрия Ростовского» и сочинениями Крекшина о Петре I⁵⁸.

Свидетельством широкого распространения правовых документов в среде мастеровых и работных людей, приписных крестьян служат многочисленные челобитные⁵⁹. Аргументированные по всем правилам тогдашней юридической практики, учитывающие наличие противоречий в развитии законодательства Российской империи, между местными губернскими учреждениями и горными властями, челобитные жителей приписных слобод и деревень, мастеровых и работных людей стали одним из ярких проявлений классовой борьбы трудящихся Урала. Тобольский губернатор Д. Чичерин в 1766 г. был вынужден признать эффективность правовой самозащиты крестьян перед местными чиновниками. Враждебно относясь к челобитным, губернатор писал, что крестьяне «являются с челобитными, показывая во оных взятки на управителей, и хотя управители и оправдание приносят, и присягами очищаются, но просители, соглашаясь великим числом, показывают, почему в силе законов то принять должно, управителя обвинить, отрешить и оштрафовать. А другие, уже определенные на те места, спасаясь того же, поступают по их (крестьян. — Р. П.) воле»⁶⁰. Свои рассуждения о вреде челобитных для сибирской администрации губернатор закончил напоминанием, что крестьяне, от лица которых поданы челобитные, были участниками недавнего восстания приписных в 1762 г. в Утяцкой и Курганской слободах. «Наивный монар-

⁵⁵ Об уважении к правовым документам как следствии «наивного монархизма» трудящихся свидетельствует приказ пугачевского сотника Батыркая Иткинина. Осинской земской конторе «у осинских пахотных солдат... принять... казенное Уложение, так и Зерцало держать... честно под караулом» (Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений, 1773—1774. М., 1975, с. 157).

⁵⁶ Нижнетагильский краеведческий музей, № 4664.

⁵⁷ Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968, с. 53.

⁵⁸ ГАСО, ф. 156, оп. 1, д. 52, 53.

⁵⁹ Бернадский В. Н. Очерки из истории классовой борьбы и общественно-политической мысли России в третьей четверти XVIII в. Л., 1962; Мавродин В. В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России XVIII в. Л., 1964; Мартынов М. Н. Наказы приписных крестьян как исторический источник. — АЕ за 1963 год. М., 1964. Некоторые прошения, челобитные и наказания были опубликованы. См., в частности: Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в. М., 1937; Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. М.; Л., 1949. Т. 1; Орлов А. С. Челобитные уральского горнозаводского населения в комиссию А. А. Вяземского (1763—1764 гг.). — Уральский археографический ежегодник за 1971 год. Свердловск, 1974; Он же. Волнения на Урале в середине XVIII в. (К вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979; Беляевский М. Т. Наказ исетских крестьян в Уложенную комиссию в 1767—1768 гг. — Уральский археографический ежегодник за 1973 г., Свердловск, 1975; Покровский Н. Н. Жалоба уральских заводских крестьян в 1790 г. — В кн.: Сибирская археология и источниковедение. Новосибирск, 1979; Черкасова А. С. Социальная борьба на заводах Урала в первой половине XVIII в. Пермь, 1980.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 512, л. 1—2. Отметим, что эффективность челобитных объяснялась в определенной степени и хорошим знанием действующего права Российской империи. Это знание было невозможно без наличия в среде трудящихся юридической литературы.

хизм», вера в возможность найти правду при помощи челобитных никак не мешали крестьянам «с дубьем» выступать против феодального гнета.

Подведем итоги. Книжной традицией мы считаем область культуры, общественной мысли, по преимуществу выразившейся в появлении и сохранении исторически обусловленного круга чтения.

Книжная традиция отразила взгляды определенного социального слоя (в данном случае — горнозаводского населения Урала). Книжная традиция есть временная и региональная характеристика книжности⁶¹.

В книжной традиции Урала XVIII в. сочетались памятники древнерусской литературы с произведениями, созданными в XVIII в. Эта особенность, вообще характерная для демократической культуры XVIII в., обращала на себя внимание современников, посещавших Урал. А. Н. Радищев отметил в своем дневнике по пути в сибирскую ссылку, что на базаре в г. Кунгуре «продают книги русские: прологи, четьи-минеи, Квинта Курция, Физиогномия»⁶². В то же время прослеживается включение в круг чтения уральцев специальной технической литературы, а также учебных книг.

Следует отметить также, что репертуар книг, приобретенных в археографических экспедициях последних десятилетий, уже круга чтения уральцев, известного по архивным данным. Практически редки находки светских, учебных книг, юридических сборников. Отчасти здесь проявились издержки методики, ориентировавшей преимущественно на поиск древних рукописей.

Но главная причина, безусловно, не в этом.

Самый круг чтения складывался исторически, включая (и выключая) на определенных этапах большие группы памятников письменности. Так, юридические сборники утратили свою актуальность после существенного изменения правового положения горнозаводского населения, после отмены принципа «горной свободы» в 1782 г.⁶³ и ликвидации в 1807 г. института приписного крестьянства.

Ненужность этих книг в новых условиях предопределила их судьбу, разделенную вместе с юридическими сборниками и учебными книгами. В то же время богослужебная, церковно-учительная литература оставалась неизменной (особенно у староверов) и много позднее. Это определило и несравненно более высокий удельный вес последней в находках археографов.

Эти изменения необходимо учитывать при характеристике местной книжной традиции как составной части «особого быта Урала».

⁶¹ Амосов А. А., Бударагин В. П., Морозов В. П., Пилюх Р. Г. О некоторых проблемах полевой археографии. — В кн.: Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983, с. 5—19.

⁶² Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3-х т. М.; Л., 1952, т. 3, с. 257; Квинта Курция история об Александре Великом царе Македонском. . . / Пер. с лат. Степана Краппенинникова. СПб., 1750. Ч. 2; Физиогном, или Хиромантих совершенной. . . М., 1795.

⁶³ Кузин А. А. История открытий рудных месторождений в России до середины XIX в. М., 1961, с. 151.

К ИСТОРИИ ВВЕДЕНИЯ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ «ВРЕМЕННОКА» ИВАНА ТИМОФЕЕВА

«Временник» дьяка Ивана Тимофеева, являющийся крупнейшим произведением отечественной публицистики начала XVII в., вошел в научный обиход в 1834 г., когда в своем известном обзоре памятников древнерусской письменности о нем сообщил П. М. Строев¹. Знаменитому археографу обычно приписывается заслуга находки «Временника»², рукопись которого хранилась тогда во Флорищевой пустыни Владимирской губернии³. Исследователи «книги» Тимофеева, однако, не обратили внимания на приведенные Н. П. Барсуковым еще более столетия тому назад данные самого П. М. Строева, касающиеся обнаружения флорищевских рукописей. Они позволяют по-новому представить обстоятельства находки «Временника».

Весной 1833 г. П. М. Строев из Владимира направил своего спутника Я. И. Бередникова в Переяславль Залесский, Александров и Юрьев. Встретились они уже в Нижнем Новгороде, куда Я. И. Бередников привез список рукописей, обнаруженных во Флорищевой пустыни. В этом перечне под № 41 значится «Временник» (без указания авторства). П. М. Строев обратился к владимирскому епископу Парфению с просьбой о том, чтобы он приказал доставить девять наиболее ценных из выявленных Бередниковым флорищевских рукописей во Владимир к августу 1833 г. П. М. Строев намеревался «в несколько дней сделать из них нужные извлечения». В письме к П. А. Ширинскому-Шихматову от 2 декабря 1847 г. он вспоминает, что виденный Я. И. Бередниковым во Флорищевой обители сборник грамот святейших патриархов (он фигурирует в составленном последнем списке монастырских рукописей наряду с «Временником») «несколько после» был прислан «во Владимирский архиерейский дом». Из очередного археографического «путешествия» П. М. Строев вернулся в начале 1833 г.⁴ Надо полагать, что флорищевские рукописи он изучал в течение предыдущего месяца.

На л. 1 рукописи «Временника» (над текстом) имеется помета: «№ 108. Была посылаема». Вероятно, она сделана библиотекарем Флорищевой пустыни. Под № 108 «Временник» значится в перечне монастырских рукописей, составленном Н. А. Артлебенем в начале 40-х годов прошлого века; позже он хранился в библиотеке Флорищевой пустыни под № 108/682⁵. Оттуда рукопись «была посылаема», очевидно, во Владимир летом 1833 г.

¹ Строев П. Хронологическое указание материалов отечественной истории, литературы, правоведения до начала XVIII столетия. — ЖМНП, 1834, ч. 1, отд. 2, с. 175, § 164.

² См.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888, с. 128; Полосин И. И. Иван Тимофеев — историк, мыслитель и дьяк XVII века. — Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1949, т. 60, вып. 2, с. 136, 138; Державина О. А. Археографический комментарий. — В кн.: Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951, с. 415.

³ Георгиевский В. Флорищева пустынь: Историко-археологическое описание с рисунками. Вязники, 1896, с. 165.

⁴ Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, с. 258, 259, 263; 450. В отчете о деятельности Археографической комиссии также отмечено, что Я. И. Бередников первым из ее членов осмотрел (до 1834 г.) архив Флорищевой пустыни. См.: Отчеты о занятиях и изданиях Археографической комиссии за двадцатипятилетие ее существования (1834—1959 г.) и речи, читанные в публичном ее собрании 27 декабря 1859 года. СПб., 1860, с. 7.

⁵ Державина О. А. Археографический комментарий, с. 415—418.

Другие факты отправки ее из монастыря нам неизвестны. Когда же рукопись «Временника» передали в древнехранилище Александро-Невского братства, она имела другой номер; тогда вряд ли можно было писать и о ее «посылке».

Об авторе «Временника» известно из приписки на л. 277 об. рукописи: «Новгородский митрополит Исидор понуждает бывающая предложить писанию дьяка Ивана Тимофеева». По-видимому, нашедший ее Я. И. Бердников из-за нехватки времени не смог установить, кому принадлежит замечательная «книга» о событиях Смуты и предыстории лихолетья. П. М. Строев же, имевший возможность около месяца ознакомиться с рукописями Флорищевской пустыни, сумел это сделать, хотя ошибочно счел Тимофеева дьяком новгородского митрополита. Он же датировал памятник началом XVII в., определил (правда, не совсем точно) хронологические рамки повествования Тимофеева, коснулся вопроса о структуре «Временника», заметил, что полное «словоизвятий» «писание» дьяка содержит любопытные известия⁶.

Итак, «Временник» Ивана Тимофеева был найден не П. М. Строевым, а деятельным членом Археографической комиссии (впоследствии тоже академиком) Я. И. Бердниковым. Тем не менее честь открытия этого выдающегося памятника древнерусской общественной мысли принадлежит П. М. Строеву, которому удалось атрибутировать произведение и выяснить время его создания.

---

⁶ Строев П. Хронологическое указание. . . , с. 175, § 164; Он же. Библиографический словарь и черновые к нему материалы / Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882, с. 269—271.

Т. П. Коржихина

ДОКУМЕНТЫ ДОБРОВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ
ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ КАПИТАЛИЗМА
К СОЦИАЛИЗМУ В СССР (1917—1936).
СОСТОЯНИЕ И ПОТРЕБНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ

К числу крупных проблем, привлекающих всевозрастающее внимание исследователей, относится история общественных организаций СССР. Необходимость изучения их вызывается не только научной, но и практической потребностью более глубокого рассмотрения всей системы политической организации общества, составной частью которой наряду с Коммунистической партией и Советским государством выступают и общественные организации.

Исходя из характера и назначения общественных организаций, их можно условно классифицировать так: а) профсоюзы, б) кооперативные организации, в) молодежные объединения, г) добровольные общества и союзы. Последняя группа является самой представительной по разнообразию и количеству. Сюда входят: научные общества (в области физико-технических и математических наук, химико-технологических и биологических наук, гуманитарных и общественных наук, медицинские, инженерно-технические общества), оборонно-спортивные, культурно-просветительные общества, объединения в области взаимопомощи и социальной помощи, творческие общества и союзы (литераторов, художников, архитекторов, журналистов, музыкантов, кинематографистов, театральных работников).

В настоящее время состояние изучения и особенно собирания материалов общественных организаций трудно признать удовлетворительным. Анализ историографии вопроса позволяет сделать следующие выводы: особенно пристально исследуются ныне действующие общественные организации; интерес к ним проявляют главным образом юристы, в меньшей степени — историки. Немногочисленны публикации документов¹.

Отчасти это можно объяснить плохой сохранностью документов. Если сохранность материалов первых трех групп (профсоюзов, кооперации, молодежных объединений) не вызывает особого беспокойства (хотя и здесь имеются значительные лакуны, в частности по профсоюзам за 1917—1921 гг.), то комплектование государственных архивов материалами добровольных обществ оставляет желать лучшего. Особенно плохо обстоит дело с документами общественных организаций, существовавших в 1917—1936 гг.

Анализ исследовательской литературы по истории добровольных обществ переходного периода показывает, что, несмотря на кажущееся обилие работ, представить развитие историографии как процесс невозможно. Фрагментарность — вот основная черта историографии темы². Специальные работы по изучению источниковой базы представляют большую редкость, а методика ее исследования разработана явно недостаточно³.

¹ Единственная крупная специальная публикация — учебное пособие Т. Т. Попова и Д. Т. Субботина «К истории советских общественных организаций: (Сб. архивных документов)». М., 1970; Рец.: Коржихина Т. П. Первый сборник документов об обществах и союзах. — СА, 1971, № 5.

² Коржихина Т. П. История добровольных обществ и союзов СССР в советской историографии. — ВИ, 1981, № 3.

³ Филимонов С. Б. Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области): К методике изучения истории советского исторического краеведения. 2-е изд. М., 1980.

История общественных организаций переходного периода необычайно сложна для исследования в силу нескольких причин: а) огромного количества самих объединений, б) очевидной неразработанности многих важных сюжетов этой темы, в) отсутствия общепринятой внутренней периодизации развития общественных организаций и т. п.

В настоящей статье речь пойдет о материалах добровольных обществ и союзов переходного периода. Их количество, разнообразие по функциям и задачам, степень участия в общественно-политической жизни страны того времени требуют специального учета и выявления всех сохранившихся материалов, дифференцированного подхода при определении круга документов, которые должны поступить на государственное хранение⁴. А для успешного решения этих задач, в свою очередь, необходима научная разработка общих и источниковедческих проблем истории добровольных обществ государства диктатуры пролетариата.

Первая проблема, с которой сталкивается исследователь, это выявление сети этих организаций. Никаких списков добровольных обществ и союзов, ни территориальных, ни отраслевых, в 20—30-х годах не публиковалось. Некоторые сведения за 1917—1933 гг. можно почерпнуть из изданий типа «*Вся Москва*», «*Вся Россия*»⁵. Однако значительная часть обществ и союзов в эти справочники не попала. Издаваемые НКВД РСФСР «*Статистические обзоры*»⁶ перечней и списков не давали, публикуя лишь количественную статистику обществ и союзов с разбивкой на классификационные группы.

Значительно больше сведений можно почерпнуть из архивных материалов государственных органов. Известно, что в связи с изданием 3 августа 1922 г. закона «*О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих целей извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними*»⁷ они должны были пройти регистрацию в НКВД РСФСР. Судя по отчетам обществ, последние, указывая дату утверждения устава, приводили еще и номер «по реестру», что позволяет предположить, что таковой постоянно велся в наркомате. Наши многолетние поиски этого реестра пока не увенчались успехом. Такой реестр мог дать если не исчерпывающую, то, во всяком случае, более полную картину: не исчерпывающую потому, что не регистрировались так называемые «массовые» общества с миллионными составами типа «*Долой неграмотность*», МОПР, Союз безбожников, Осоавиахим и т. п. На 1 января 1928 г. только по РСФСР насчитывалось 4480 обществ (без автономных республик, Москвы и Ленинграда, не представивших сведений, а именно в Москве базировались правления массовых добровольных обществ), в которых состояло 1 425 427 человек⁸. В фонде НКВД РСФСР можно обнаружить много других списков утвержденных и зарегистрированных обществ по состоянию на определенную дату⁹. Дополняют эти сведения составлявшиеся в Главнауке Наркомпроса РСФСР многочисленные списки (краткие и с пояснительными данными) преимущественно научных и литературно-художественных обществ. Можно встретить подобные перечни в материалах других наркоматов, если перед данным наркоматом отчитывалось несколько обществ.

Однако в 20-х годах, точнее — до появления нового закона 1932 г., некоторые общества были как бы «безнадзорными». Регистрация и утверж-

⁴ Подробнее см.: Шмидт С. О. Ответственность перед будущим. — Памятники Отечества, 1982, № 1.

⁵ *Вся Москва*: Адресная и справочная книга на 1917 год. М., 1917; *Вся Москва*: Адресная и справочная книга на 1923 год. М., 1923; *Вся Россия*: Справочная и адресная книга на 1923 год. М., 1923; и др.

⁶ См., например: Статистический обзор деятельности местных административных органов Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (М., 1926. Вып. 6) и др.

⁷ СУ РСФСР, 1922, № 49, ст. 622.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 81, д. 95, л. 17. Список всероссийских обществ на 1 января 1928 г.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 62, д. 777; оп. 77, д. 256, л. 47—50; оп. 81, д. 95, л. 1—15, и др.

дение устава по закону 1922 г. давали им право на существование, но не устанавливали прямого руководства каждым обществом со стороны конкретного государственного органа. В силу этого многие общества существовали как бы сами по себе, и выявление их для исследователя представляет большую трудность. Порой чисто случайно можно обнаружить существование таких обществ, как Общество генетического изучения музыкальных профессий (1927—1932 гг.), работавшее на базе лаборатории академика И. П. Павлова, или Общество по развитию и распространению идей кремации (ОРРИК) (1927—1932 гг.), председателем которого был А. В. Луначарский. Поэтому все обнаруживаемые списки нуждаются в уточнениях, дополнениях, поправках, учитывая и еще одно обстоятельство: система обществ и союзов не была стабильной — одни общества распадались, другие создавались, и на протяжении рассматриваемого периода все общественные организации прошли сложный путь организационного развития. От множества мелких, региональных, узкоцеховых организаций, разобщенных, а порой враждующих между собой, все они стремились к созданию крупных, республиканских или всесоюзных объединений. Объяснялось это не только тем, что крупные общества были менее стеснены в средствах, но также и тем, что массовые общественные организации могли решать более крупные и масштабные задачи, активнее представлять интересы в государственных учреждениях. Таким образом, вся совокупность общественных организаций на протяжении 1917—1936 гг. находилась в движении, что и составляет главную трудность в деле выявления их сети.

В связи с этим наиболее полное и всестороннее выявление сети общественных организаций — одна из главных проблем, от решения которой зависят и многие другие вопросы изучения истории общественных организаций переходного периода. Решение этой проблемы позволило бы разработать научную классификацию общественных организаций, периодизацию их историй, решить вопросы терминологии и т. п.

Другим важным вопросом является изучение документов добровольных обществ и союзов. Комплекс источников, отложившихся в результате их деятельности, значительно отличался от аналогичного комплекса государственных учреждений и состоял обычно из следующих групп: 1) документы, связанные с легализацией общества (список членов-учредителей, первый устав, документ об уплате гербового сбора); 2) устав с последующими изменениями; 3) протоколы съездов обществ, правлений (центральных комитетов, бюро и т. п.); 4) материалы ревизионных комиссий; 5) стенограммы различных собраний, съездов, совещаний; 6) переписка; 7) отчеты о деятельности общества; 8) отчеты подведомственных обществам учреждений; 9) научные труды членов общества; 10) документы, связанные с ликвидацией общества.

Все указанные документы откладывались в фонде данной общественной организации, кроме первой и последней групп. Это обстоятельство требует пояснения.

Сразу же после Октября Советское правительство не ликвидировало деятельности многочисленных дореволюционных обществ и союзов. Старые общества «молчали» лишь первые три-четыре месяца. Затем, чувствуя необходимость легализоваться, как они делали до революции¹⁰, начинали входить с прошениями о регистрации в разные инстанции. Регистрировались они в первое время (до 1922 г.) в самых неожиданных местах: в Наркомпросе, в Моссовете, во ВЦИК, а Общество друзей Российского исторического музея зарегистрировалось в Московском совете народных нотариусов¹¹. С появлением упомянутого закона 1922 г. общества должны были представить устав, протокол первого собрания о создании общества, список членов-учредителей по определенной форме и гербовый сбор (тогда — 100 руб.) в НКВД РСФСР или его

¹⁰ Подробнее см.: Степанский А. Д. Материалы легальных общественных организаций царской России (середина XVIII в.—февраль 1917 г.). — АЕ за 1978 год. М., 1979.

¹¹ ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 37, л. 119.

местный орган. Не зарегистрировавшиеся в двухнедельный срок общества и союзы объявлялись закрытыми. 19 августа 1922 г. заведующий Главнаукой профессор И. И. Гливенко разослал циркуляр, где говорилось, что всем обществам, желающим остаться в ведении Главнауки, «независимо от регистрации в НКВД» необходимо представить копию квитанции о регистрации, копию устава, список членов исполнительного органа и ежегодно (к 1 февраля или 1 октября) давать отчеты о деятельности. Общества, которые не представят этих документов, предполагалось исключить из системы учреждений Главнауки¹². Поэтому в фонде Главнауки отложился огромный массив документов добровольных обществ. А так как общества присылали вместе с требуемыми документами еще и отчеты за прошлые (дореволюционные) годы, то создается возможность судить об истоках общественных движений, проследить начальный период деятельности обществ уже в новых условиях.

В течение 1922—1924 гг. все общества и союзы прошли перерегистрацию. Закон 1922 г. сводил надзор за деятельностью обществ в основном к регистрации и утверждению уставов. И, конечно, общества не знали такой «бюрократической регламентации несвободы», по выражению В. И. Ленина¹³, которой подвергались дореволюционные общества: обязанности представлять сведения о расходовании средств, цензуры повестки дня собраний, предварительной цензуры докладов, лекций и т. п.¹⁴

Что касается документов о ликвидации обществ, то, как правило, их следует искать в трех направлениях. Если общество самоликвидировалось, то документы об этом отложились в его материалах. Если решение о ликвидации общества принимал надзорный (НКВД РСФСР) или контролирующий орган (в большинстве случаев близкий по характеру деятельности наркомат — Наркомпрос, Наркомздрав, Наркомзем и т. п.), то материалы о ликвидации следует искать в фондах этих государственных органов. И, наконец, документы ликвидированного общества могут находиться в материалах «наследователя». В 1929—1932 гг. проводилась перестройка научных, культурно-просветительных и литературно-художественных обществ; и многим из них, главным образом небольшим по составу, локальным по характеру, было предложено объединиться. Например, Обществу им. А. П. Чехова и его эпохи и Обществу «Кружок памяти Валерия Брюсова» было предложено ликвидироваться, а работу перенести в Общество друзей литературного музея при Ленинской библиотеке¹⁵.

Основным документом, определяющим правовое положение, задачи и характер деятельности общества, являлся его устав. Как писал В. И. Ленин, «устав есть формальное выражение организованности»¹⁶. Стереотип этого документа на протяжении всего периода не оставался неизменным. Если в первые годы уставы — в значительной степени — продукт творчества учредителей, к концу периода заметна известная их типизация, происходившая под влиянием новых положений об обществах. До издания закона 1922 г. многие общества действовали на основании старых дореволюционных уставов; некоторые представляли уставы, переработанные лишь в самой незначительной степени.

Действовавшее в период 1922—1928 гг. законодательство не предписывало определенной структуры устава, а давало лишь перечень положений, которые должны быть обязательно отражены в нем: например, указывалось, что необходимо отразить в уставе порядок вступления в члены общества, но не говорилось, каков именно должен быть этот порядок.

К специфическим особенностям обществ и союзов относились добровольность членства, участие членов общества в управлении делами об-

¹² ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 8, д. 170, л. 16.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 170.

¹⁴ Подробнее см.: Степанский А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX—XX вв. М., 1980, с. 9—26.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 57, д. 272, л. 153; оп. 64, д. 249, л. 68.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 352.

щества. Не ограничивалось в уставах, хотя и не оговаривалось специально одновременное пребывание в нескольких обществах. Членами общества могли быть взрослые и дети (с 12-, с 14-летнего возраста в разных обществах). В большинстве обществ членство определялось как индивидуальное, но так как закон допускал и коллективное, требовалось, чтобы вхождение в общество юридических лиц оговаривалось уставом.

Относительно территориального масштаба деятельности обществ нужно сказать, что в первые годы большинство их определяли районом своей деятельности «всю Россию», «РСФСР»; но фактически далеко не все из них могли быть отнесены к всероссийским объединениям, многим не удавалось выйти за рамки города. Встречались случаи, когда фактический район деятельности общества был шире, чем его уставное название: например, Московское общество испытателей природы (МОИП) было фактически всесоюзным, имело отделения на местах. Это обстоятельство представляется важным с точки зрения комплектования архивов и отнесения обществ к рангу всесоюзных, республиканских, местных.

Устав общества содержал нормы, закрепляющие его внутреннее устройство, органы управления. Следует иметь в виду, что порой в общественных организациях существовали весьма своеобразные институты. Так, одна из старейших общественных организаций — Русское театральное общество — помимо общепринятых органов управления (съезд, правление и т. п.), имела корпоративный суд — первую инстанцию по делам чести членов общества¹⁷. Он избирался общим собранием членов РТО из девяти человек сроком на три года и мог в качестве меры наказания вынести выговор, временно удалить или исключить из членов общества.

Наиболее полным источником по характеру информации о деятельности общества являются их отчеты. Они содержат сведения об истории возникновения общества, его составе (количественном и персональном) и организационном устройстве, подведомственных организациях (лабораториях, станциях, клубах, магазинах и т. п.), направлениях деятельности общества, участии в различных съездах и совещаниях, международных связях и т. д. Часто к отчетам самих обществ (особенно научных) прилагались отчеты подведомственных учреждений. Многие отчеты иллюстрировались схемами, графиками, фотографиями. Публикации отчетов либо отдельными изданиями, либо в журналах наиболее характерны для первой половины 20-х годов.

В деятельности большинства общественных организаций огромную роль играли общи собрания. Для немногочисленных по составу обществ они были чуть ли не единственной формой работы и единственным средством общения. Крупные общества имели возможность периодически собирать съезды, делегатские собрания, в перерывах между которыми вся практическая работа обществ сосредоточивалась в выборных органах (правлениях, ЦК, ЦБ и т. п.). Все эти собрания протоколировались, иногда кратко, иногда подробно; съезды же, как правило, стенографировались. Стенограммы и протоколы отражали с достаточной полнотой всю «жизнь» организации. Здесь зафиксированы страстные научные споры и проблемы финансирования тех или иных мероприятий, проекты и предложения, с которыми общество выступало перед государственными органами, и обсуждение личных качеств принимаемых членов. Значение этих источников трудно переоценить.

Особенно хотелось бы обратить внимание на такой вид документов, как доклады на заседаниях обществ. Например, в Обществе педагогов-марксистов в 1930 г. прошли дискуссии по докладу Н. К. Крупской о задачах и системе народного образования в реконструктивный период. В 1930—1931 гг. Н. К. Крупская выступила в Обществе с несколькими научными докладами о политехнической подготовке педагогических кадров (13 ноября 1930 г.), о политехнизации учебной работы (31 марта 1931 г.) и др. В Обществе статистиков-марксистов выступали с докла-

¹⁷ ЦГАЛИ СССР, ф. 970, оп. 4, д. 1, л. 1—8.

дами С. Г. Струмилин («Законы роста населения», «Проблема безработицы» и др.), В. Н. Старовский и др.¹⁸ Такие примеры можно приводить по каждой без исключения общественной организации. Далекое не всегда прочитанные доклады публиковались. Поэтому сохранившиеся в протоколах заседаний обществ являются, порой, единственными источниками.

Касаясь издательской деятельности обществ, следует иметь в виду, что по сравнению с дореволюционными организациями она была значительно меньше, хотя почти все, даже самые немногочисленные по составу общества стремились к этому. Преодолевая материальные и чисто полиграфические затруднения, в большинстве случаев на средства обществ, а часто и на личные средства членов общества издавали труды, журналы, отдельные, иногда уникальные произведения. Чаще других видов документов издавались уставы, реже — отчеты; совсем не публиковались протоколы правлений, бюро, комитетов. Объем и характер печатной продукции — определенные показатели активности и значительности общества. Большой частью общества стремились издавать отдельные труды как результат своей научной, пропагандистской или популяризаторской деятельности. Русское общество друзей книги (РОДК) за девять лет существования издало 158 работ. Лучшие из них — «Домик в Коломне» (М., 1929) с иллюстрациями В. А. Фаворского¹⁹, «Памяти Н. А. Некрасова: К 50-летию со дня смерти» (М., 1928), несколько монографий об экслибрисе²⁰. Художественно-историческое общество изучения русской усадьбы, обследовав загородные усадьбы и исторические места, составило карты и подготовило серию «Подмосковные музеи»²¹ (и все это на личные средства членов общества), выпущенную Госиздатом. Всероссийская ассоциация натуралистов (АСНАТ) издала в 1924 г. в качестве приложения к «Известиям АСНАТ» работу К. Э. Циолковского «История моего дирижабля».

Значительно большую ценность представляет периодика добровольных обществ. До начала 30-х годов подавляющее большинство общественных организаций имело свои журналы или газеты, а некоторые наиболее крупные общества всесоюзного характера — по несколько журналов. И это тоже было своеобразным показателем значимости общества: Всероссийское общество крестьянских писателей издавало один журнал («Трудовая нива»), а Общество друзей радио — пять журналов и газет. К 1928 г. научные медицинские общества издавали самостоятельно 24 журнала и совместно с государственными медицинскими учреждениями 25 журналов²².

Периодические издания обществ и союзов поразительны по информативности. Несмотря на малый объем изданий, небольшие тиражи, они содержат богатейшие сведения о деятельности обществ и союзов. Здесь публиковались и официальные материалы государственных органов (законы, инструкции), статьи видных деятелей партии и государства и, как правило, имелся раздел (чаще он назывался «Хроника событий»), в котором помещались самые разнообразные сведения о внутренней жизни общества: о прошедших заседаниях и вопросах, которые на них рассматривались, о финансовом положении общества, о приеме новых членов, об изданиях общества, об участии представителей общества в работе различных совещаний, о присутствии на заседаниях коллегий наркоматов и т. п.

Периодика общественных организаций имеет для исследователя ничем не заменимую ценность в том случае, если не сохранились документы

¹⁸ ААН СССР, ф. 365, оп. 1, д. 3, 10, 14, 15; ф. 420, оп. 1, д. 6—17.

¹⁹ К сожалению, из 500 экземпляров тиража объединение «Международная книга» 400 экземпляров отправило за границу.

²⁰ Московский экслибрис. М., 1926; *Базыкин М. С.* Наши книжные знаки. М., 1925; *Лукомский В. К.* Фальсификат в экслибрисе. М., 1929; и др.

²¹ Подмосковные музеи: Путеводители / Под ред. И. Лазаревского и В. Згура. М., 1925. Вып. 1—6.

²² Подсчитано по: Периодическая печать СССР, 1917—1949: Журналы, труды и бюллетени по здравоохранению, медицине, физической культуре и спорту. М., 1956.

общества. Так, по истории Общества по борьбе с алкоголизмом, материалов которого нет в архивах, журнал «Трезвость и культура» (1928—1931 г.), по существу, единственный источник. В подобных случаях только по периодике и можно составить основной информационный каркас данных о конкретной общественной организации. Однако в подобных случаях не обойтись без привлечения еще двух групп источников: а) мемуаров, б) документов государственных учреждений.

К сожалению, мемуарная литература по истории общественных организаций крайне незначительна и сама по себе малоинформативна. Как правило, их авторы с разной степенью осведомленности освещают события государственной жизни и своего профессионального круга. В ней можно почерпнуть самые разнообразные сведения о времени, о людях, о событиях, но почти никогда мемуаристы не рассказывают об организационном устройстве общества, о работе выборных органов и т. п., т. е. о том, что касается истории создания, функций, структуры, деятельности общества. К редким исключениям относятся мемуары С. Ю. Левика о профсоюзе работников искусств, Е. Д. Стасовой о работе МОПРа, О. А. Лежава-Куйбышевой о создании Автодора, Г. М. Крамарова о создании Общества межпланетных сообщений, Е. А. Кацмана и П. А. Радимова об Ассоциации художников революционной России и некоторые другие ²³.

В свою очередь, в материалах государственных органов можно найти довольно много сведений об общественных организациях. С одной стороны, эти документы характеризуют отношения между государственными органами и общественными организациями, с другой — помогают восполнить пробелы в материалах самих обществ, так как содержат в большинстве случаев самые существенные для понимания вопроса документы. В государственных органах (главным образом в наркоматах) откладывались такие разновидности документов, как уставы и списки учредителей обществ, их отчеты, переписка и т. п. Огромное значение в этом смысле имеют фонды наркоматов просвещения республик для воссоздания истории, например, научных, культурно-просветительных и литературно-художественных обществ. Ю. Смолич в своих воспоминаниях приводит названия многих литературно-художественных группировок 20-х годов на Украине (Гарт, Плуг, Аспанфут, Забой, Политфронт, ЛЮКАФ и др., всего 23 общества) и с глубоким сожалением отмечает, что современники почти ничего не знают о них, да и никогда не узнают, так как материалы их в 1941 г. были уничтожены автором этих мемуаров ²⁴.

Перейдем к вопросу о сохранности документов общественных организаций и тем проблемам, которые возникают в связи с ним. Нам уже пришлось выступать об этом в печати ²⁵, но за прошедшие десять лет практически ничего не изменилось, и комплектование государственных архивов материалами общественных организаций оставляет желать лучшего.

Плохо обстоит дело с документами научных, инженерно-технических, медицинских обществ 20—30-х годов. Как справедливо отмечала А. И. Кардаш, материалы их в полном объеме в государственные хранилища не поступали, оказались распыленными, а многие утрачены ²⁶. Не найдены материалы многих культурно-просветительных объединений: Общества друзей письменности и искусств, Общества любителей старины, Общества «Долой неграмотность», Общества друзей Дома-музея П. И. Чайковского, Общества друзей музея А. Н. Скрябина, Всероссийского шахматного союза, Всесоюзного общества друзей музеев революции и др.

²³ Левик С. Ю. Четверть века в опере. М., 1970; Стасова Е. Д. Воспоминания. М., 1969; Лежава-Куйбышева О. А. На хозяйственном фронте. — История СССР, 1974, № 4; Крамаров Г. М. На заре космонавтики. М., 1965; Кацман Е. А. Записки художника. М., 1962; Радимов П. А. О родном и близком: Воспоминания. М., 1973.

²⁴ Смолич Ю. Рассказ о непокое. М., 1971, с. 305—307.

²⁵ Коржигина Т. П. О комплектовании государственных архивов СССР материалами общественных организаций. — СА, 1973, № 4.

²⁶ Кардаш А. И. Организация научно-технических обществ в СССР (1921—1929 гг.): Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1967, с. 5.

В государственных архивах отсутствуют материалы многих добровольных обществ литераторов (Вольной философской ассоциации — ВОЛЬФИЛА, одним из учредителей которой был А. Блок; Общества поэтов и критиков «Литературный особняк», группы «Серапионовы братья» и многих других), художников (обществ «Свободное творчество», «Бытие», «Жар-цвет», «Четыре искусства», Общества им. И. С. Репина, Союза «Искусство — жизнь» и многих других), музыкантов (Ассоциации камерной музыки, Общества им. Л. Бетховена, Общества генетического изучения музыкальных профессий, Общества им. И. С. Баха и др.), кинематографистов (Всероссийского общества кинодеятелей, Общества строителей пролетарского кино (ОСПК) и др.).

Большой помехой в изучении общественных организаций является распыленность материалов многих из них по нескольким хранилищам. Например, в трех местах хранятся материалы старейшего Общества любителей российской словесности (ЦГАЛИ СССР, ИРЛИ, ОР ГБЛ), Товарищества передвижных художественных выставок (ЦГАЛИ СССР, ЦГИА СССР, ОР ГТГ), Московского археологического общества (ЦГАЛИ СССР, ОПИ ГИМ, Рукописный архив ЛОИА) и т. п. Так как далеко не все архивы издали путеводители или справочники, розыск документов обществ и союзов порой напоминает детективное приключение.

Утрата документов многих добровольных обществ и союзов особенно ощутима в изучении общественно-политической жизни страны 20—30-х годов. И не только потому, что они играли определенную роль в становлении и развитии советской культуры. Общественные организации сыграли значительную роль в складывании советского образа жизни. Присущие им такие черты, как коллективизм, энтузиазм, массовость, инициатива в организации различных общественных движений, имели немаловажное значение в формировании общественного мнения, всего быта и уклада жизни в те годы. Следует напомнить, что классы, социальные группы и другие общности людей не могут быть непосредственными субъектами политических отношений, не имея собственной организации. В. И. Ленин указывал: *«Абсолютно невозможно определить волю широкого слоя, если он не организован в одну организацию»*²⁷.

Без преувеличения можно сказать, что наше представление об истории основных политических, экономических и социально-культурных движений в стране в переходный период значительно обогатилось бы, если бы исследователи изучали деятельность не только государства и его институтов, но и общественных организаций того времени как составной части политической организации общества.

В настоящее время состояние изучения общественных организаций выдвигает целый ряд проблем и перед исследователями, и перед архивистами. Главные из них, на наш взгляд, следующие:

1. Необходима разработка истории и теории общественных организаций переходного периода. В связи с принятием Конституции СССР 1977 г. неизмеримо выросла роль этих организаций, однако многое в их деятельности, формах, методах работы уходит корнями в прошлое, в тот переходный период, когда они должны были определить свое место в политической структуре нового общества. И без полного знания того, что было сделано в послеоктябрьский период, мы лишены возможности выбора «наследства».

2. Необходимо провести работу по выявлению сети всех общественных организаций, существовавших в период 1917—1936 гг., учитывая как организации всесоюзного характера (что могли бы взять на себя архивисты центральных архивов СССР), республиканского (соответственно архивисты союзных и автономных республик), так и местного (в данном случае — работники местных архивов и краеведы).

3. Уже сейчас, пока еще не так велика временная дистанция, необходимо начать планомерный розыск документов тех обществ и союзов, мате-

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 36.

риалов которых нет в государственных архивах. Объектами обследования должны стать ведомственные архивы, музеи, библиотеки, картинные галереи, личные коллекции и собрания, чтобы можно было в результате иметь хотя бы указатель мест хранения материалов общественных организаций.

4. Необходима разработка источниковедческих и историографических вопросов истории общественных организаций СССР с выявлением их специфики, в том числе особенностей делопроизводства и документации, приемов описания, публикации и использования документов в научных и практических целях. В настоящей статье мы лишь коснулись этих вопросов, охарактеризовав в самом общем виде основные черты, свойственные материалам обществ и союзов.

5. Возможно, пришло время поставить вопрос о создании самостоятельного центрального государственного архива СССР общественных организаций.

В. В. Кабанов

СОБИРАНИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ В 20-Х ГОДАХ
КРЕСТЬЯНСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ
ОБ АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ
В РОССИИ

Начало собирания и публикации документов по аграрной истории советского общества, в том числе и воспоминаний крестьян, связано с деятельностью Истпарта и Наркомзема РСФСР. 25 февраля 1919 г. Наркомзем принял решение начать поиск материалов по аграрному движению в России и создать архив аграрной революции¹. Оно не было осуществлено. С 1920 г. центром собирания мемуаров участников революции становится Истпарт и его отделения на местах.

Истпартом был накоплен большой опыт создания принципиально новой социально и тематически направленной мемуаристики, которая была сознательно и организовано вызвана к жизни новыми общественно-политическими задачами.

По замыслу М. С. Ольминского и других деятелей Истпарта не личность автора должна была обуславливать характер и содержание воспоминаний, а событие, очевидцем или участником которого он был². С целью всестороннего освещения исторических событий Истпарт широко применял анкетный метод написания мемуаров. Специально разработанные вопросы должны были облегчить работу мемуариста³.

Деятельность Истпарта и его бюро на местах была направлена преимущественно на организацию воспоминаний рабочих, но время от времени появлялись и воспоминания о крестьянском движении и революции в деревне⁴.

Это главная тема воспоминаний. Вторая тема — классовая борьба и гражданская война в 1918—1920 гг.⁵ Наконец, третья тема, органически примыкающая к названным, — воспоминания крестьян о В. И. Ленине⁶.

¹ ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 1, д. 330, л. 190.

² *Ольминский М.* О мемуарах. — В кн.: Из эпохи «Звезды» и «Правды». М., 1921; *Батурин Н.* Конспект-минимум для воспоминаний. — Там же; *Гелис Иосиф.* Как надо писать мемуары: (Методологический очерк). — Пролетарская революция, 1925, № 7; и др.

³ Подробнее об этом см.: *Пересветов В. А.* Деятельность Истпарта по собиранию воспоминаний об Октябрьской революции и гражданской войне. — ВИ, 1981, № 5.

⁴ *Булатов Б.* Октябрьские дни в деревне. — Спутник коммуниста, Тверь, 1922, № 11; *Гагарин А.* Крестьянство нашей губернии и Красный Октябрь: (Из личных воспоминаний). — Партийная мысль, Смоленск, 1922, № 10; *Староженко Е.* Как протекала Октябрьская революция в деревне на Тереке. — Коммунистический путь, Пятигорск, 1922, № 2—4; *Ленский С. В.* С. Быково Царицынской губернии Николаевского уезда. — Партийный спутник, Царицын, 1923, № 11, 12; *Бунаров В.* Октябрьская революция в деревне: (Воспоминания). — Коммунистический путь, Саратов, 1923, № 9; *Гуцев М.* 17 и 18 годы в Гомельском уезде: (Из воспоминаний крестьянина-коммуниста). — Изв. Гомельского губкома РКП (б), 1924, № 65; и др. Об этом см.: *Кабанов В. В.* Документальные публикации по аграрной истории советского общества (1917—1972). — АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 10—11.

⁵ *Елтышин.* В Каширине. — Крот, Кунгур, 1923, № 3; *Дроздова П.* Четыре раза ставили под расстрел. — Крестьянка, 1925, № 6; *Ситникова.* В карательном отряде. — Там же; *Чуев Т.* Чернодольское восстание. — Сибирские огни, Новосибирск, 1927, № 5, 6; *Борисова К.* Научились ненавидеть врагов. — Крестьянка, 1927, № 20; и др.

⁶ *Маврочан А. К.* (Сост.). Ленин и крестьянство. М., 1925; *Малкин И. Т.* (сост.). Крестьяне о Ленине. М., 1927. См. об этом: *Ершов Н. Н., Ю. Я. Синцов.* Публикации воспоминаний крестьян о встречах с В. И. Лениным в конце 1920—1921 г. — АЕ за 1977 год. М., 1978.

Общее число журнальных публикаций невелико: не более двух-трех десятков; они имели популярный характер, появлялись эпизодически на страницах преимущественно местных журналов. Это очень мало по сравнению, скажем, с издававшимися тогда же воспоминаниями советских и партийных работников, рабочих, и, наконец, командиров и бойцов Красной Армии.

Что касается подборки воспоминаний о В. И. Ленине, то по своему характеру это были тоже публикации, рассчитанные на массового читателя, на пропагандистскую и просветительскую работу. Например, сборник, составленный А. К. Маврочаном, предназначался для клубов и изб-читален.

Обращает на себя внимание небольшой — в две—пять страниц — объем крестьянских воспоминаний. Немногословность — общая черта не привыкшего к литературной работе трудового человека. Крестьянин-практик выделяет самое существенное в своем повествовании. В то же время воспоминания нередко грешили отсутствием точных или хотя бы приблизительных хронологических дат описываемых событий, некоторой хаотичностью и несвязанностью изложенного материала, смещением его во времени и т. д. Становилось очевидным, что крестьянину нужно помочь совладать с пером и бумагой, помочь более обстоятельно, чем это делали анкеты Истпарта. Нужно было приблизить вопросы к конкретно-историческим условиям деревни эпохи революции.

Такую попытку предприняло Татарское бюро Истпарта, опубликовав примерный план написания воспоминаний о крестьянском движении в 1917—1918 гг. в Татарии⁷. Планом предусматривалось придерживаться ответов на вопросы: кто из крестьян принимал участие в захвате и разделе помещичьих земель и имущества, каково было отношение к закону о социализации земли, работали ли в волости продотряды и кто им помогал, кто участвовал в выборе комбедов, как крестьянство встретило нашествие белочехов и колчаковцев и т. д.

Однако результаты были незначительны. Воспоминания стали появляться, интересные воспоминания о реакции крестьян на приход белочехов, о борьбе с кулацкими мятежами, но они были написаны не крестьянами⁸.

Более удачной оказалась попытка, предпринятая летом 1925 г. известным историком-марксистом, партийным и советским работником, редактором «Крестьянской газеты» Я. А. Яковлевым. Он разослал обращение к 2 тыс. селькорам газеты с просьбой написать для готовящейся книги о борьбе крестьян с помещиками в 1917 г. свои воспоминания об этих событиях.

Обращение включало вопросник из 15 пунктов и анкету для биографических сведений об авторе воспоминаний⁹. Несмотря на то что обращение было адресовано селькорам, стало быть грамотным крестьянам, имевшим навыки написания корреспонденций, редакция «Крестьянской газеты» сочла целесообразным все же дать вопросник достаточно детализированным. Фактически 15 пунктов дробились еще на 75 подпунктов. В каждом пункте было от двух до пяти подпунктов, а то и больше. Так, после первого пункта, в котором запрашивались сведения о помещиках и помещичьих хозяйствах, находившихся в районе жительства селькора,

⁷ *Зн-ий Н.* План воспоминаний о крестьянском революционном движении в 1917—1918 гг. в Татарреспублике. Казань, 1923.

⁸ *Волков И.* Воспоминания бывшего царского каторжанина. — Пути революции, Казань, 1922, № 1; *Симонов Г.* Революция в деревне (1917 г.). — Былое Урала, Уфа, 1924, № 4; и др.

⁹ В анкете, в частности, был такой вопрос: «Как вы писали корреспонденцию о 1917 г.: а) по своим личным воспоминаниям, б) по рассказам других, в) по другим каким-либо источникам (литература и т. д.)?» В качестве перекрестного проверочного вопроса был и такой: «Где находился во время описываемых событий?» (1917 год в деревне. М.: Л., 1929, с. 28). Об обращении к селькорам, собранных воспоминаниях и их публикации см.: *Сиволапова Г. Ф.* Исследования Я. А. Яковлева по истории Октябрьской революции. — История и историки, 1974. М., 1976, с. 229—233.

следовал обстоятельный второй пункт о крестьянском движении. Редакцию интересовало, «с чего оно начиналось; какие требования выставляли крестьяне; кому они их предъявляли; какие требования были в начале революции, например в марте месяце; какие требования крестьяне выставляли летом, в июне-июле месяце; что делали крестьяне в октябре; не переходили ли к разгрому помещиков; не было ли захватов пахотной земли; не было ли захватов урожаев; не было ли захватов лугов и сена; не было ли потрав; не было ли захватов имений, инвентаря, запасов, домашнего имущества; не захватывали ли лес; не было ли запрещено помещикам рубить, продавать и вывозить лес; не было ли случаев, когда заставляли помещика пашню, или лес, или луга сдавать крестьянам в аренду по грошевым ценам»¹⁰.

Как видно, уже этот пункт максимально ориентировал селькора в сложном комплексе разнообразных форм проявления классовой борьбы в деревне и нацеливал его на достаточно подробный ответ. Кстати, ответы на все вопросы предлагалось давать в свободной форме.

Последующие пункты вопросника развивали тему: за что боролись крестьяне; о характере движения сельскохозяйственных рабочих; о борьбе правительств с крестьянами; об отношении солдат, возвратившихся с фронта, к аграрному движению; о крестьянских руководителях; об отношении крестьян к монастырской земле, земле хуторян и отрубников; о роли рабочих города в крестьянском движении; о политических партиях; об Октябрьской революции, В. И. Ленине, Советской власти¹¹.

Направленность вопросов всецело определялась поставленной задачей: воспоминания «должны были послужить дополнительным материалом»¹² к изучению крестьянского движения в 1917 г. для «Истории Октябрьской революции», которую готовил Я. А. Яковлев.

Собственно, концепция аграрного движения от Февраля к Октябрю уже была отработана, и полученный от селькоров материал должен был не проверить, не уточнить ее, а лишь проиллюстрировать. В такой заданности, априорности подразумевалась известная ограниченность в определении ценности крестьянина-мемуариста. Но в то же время практика подсказывала, что такая «фабрика по производству мемуаров» и не могла выдавать продукцию в массовом масштабе иного свойства.

Селькоры горячо откликнулись на обращение Яковлева, и к октябрю 1925 г. было получено 490 корреспонденций из 57 губерний и 225 уездов страны общим объемом приблизительно в 2500 страниц.

Успех начинания, предпринятого «Крестьянской газетой», определялся тем, что обращение было адресовано не крестьянам вообще, а крестьянам — сельским корреспондентам, объединенным уже несколько лет вокруг авторитетной, охотно читаемой газеты, с которой был налажен постоянный контакт. Селькоры просили «почаще давать им такие задания». Они писали, что «такую работу мы будем выполнять с великим желанием и охотно»¹³.

На основе присланных корреспонденций были составлены две подборки под редакцией Я. А. Яковлева, выпущенные издательством «Крестьянская газета». В первый сборник вошло 21 воспоминание¹⁴. «Письма заслуживают того, — писал в предисловии Яковлев, — чтобы их прочитали десятки тысяч рабочих и крестьян»¹⁵. Второй сборник состоял из 10 воспоминаний¹⁶. Назначение изданий, приуроченных к десятилетию Октября, было исключительно просветительское. Организаторы изданий стремились к тому, чтобы до каждого рабочего и крестьянина дошло понимание значения нашей революции, причин ее по-

¹⁰ 1917 год в деревне. М.; Л., 1929, с. 26.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 16.

¹³ Там же, с. 17.

¹⁴ Война крестьян с помещиками: (Воспоминания крестьян). М., 1926.

¹⁵ Там же, с. 5.

¹⁶ Революция в деревне в 1917 г.: Воспоминания крестьян. М., 1927.

беды. Поэтому возникает замысел создания новой, более обстоятельной публикации.

Для нее было отобрано 59 корреспонденций (по 37 губерниям и 54 уездам)¹⁷. Эта книга включала, помимо новых воспоминаний, четыре воспоминания из сборника 1926 г. и одно — из сборника 1927 г. (всего, таким образом, вышло в свет 85 корреспонденций из 490 присланных). Уже публиковавшиеся воспоминания в новом издании были представлены без ранее имевших место сокращений, даны другие заголовки, уточнены отдельные факты, местожительство некоторых корреспондентов. В одном случае оказалась измененной фамилия автора¹⁸.

Содержание новой книги, как и двух предыдущих, определялось содержанием вопросника, разосланного в 1925 г.

Книга 1929 г. знаменует собой уже как бы переходный тип издания от популярного к научному (здесь несомненно влияние и опыта Я. А. Яковлева как одного из первых исследователей советской деревни, и его сотрудничества с М. Н. Покровским и Центрархивом по подготовке к публикациям архивных документов). В сборнике имеются историческое предисловие, написанное Яковлевым, его вопросник, предисловие от составителя И. В. Игрицкого, в котором рассказывается, как были получены крестьянские мемуары, дается характеристика состава авторов по возрасту, социальному происхождению, партийности, обосновывается отбор и редакционная правка текстов.

Отбор воспоминаний для публикации проводился опять же в соответствии с замыслом подготовки книги по истории Октября. Для публикаторов было важно соблюсти погубернскую представительность материалов и их типичность. Выделялись «самые показательные, самые характерные», наиболее полно и достоверно описываемые события, преимущественно 1917 г. С точки зрения формы предпочтение отдавалось корреспонденциям «простого описательного характера», а не художественного или полухудожественного.

Понятно, что публикаторы стремились равномерно представить все губернии; если же от одной губернии поступало много материала, пусть даже очень хорошего, но больше, чем требовалось для представительства, определенная часть его не включалась.

Типичность же определялась адекватностью отражения воспоминаниями характера крестьянского движения в той или иной губернии, установленного на основе анализа сводок Главного управления по делам милиции МВД Временного правительства о крестьянских выступлениях. Изучение этих сводок приводило исследователей 20-х годов, Я. А. Яковлева в частности, к выводу о том, что территория России по размаху крестьянского движения подразделялась на районы крестьянского восстания, районы сильного крестьянского движения и районы сравнительно слабого и незначительного движения. Корреспонденции должны были дать «по отдельным районам иллюстрации тех событий, которые протекали в деревне в 1917 г.»¹⁹.

Распределение территории России на районы по степени интенсивности крестьянского движения в основе логично и оправданно. Однако отнесение губерний к той или иной из трех названных категорий районов лишь на основании данных управления милиции (иных материалов в распоряжении исследователей тех лет не было) не всегда было объективным. Например, Самарская губерния была причислена к району слабого развития крестьянского движения. Соответственно подбирался и типичный иллюстративный материал. Воспоминания же, свидетельствующие об остроте классовой борьбы, опускались как нетипичные. Впоследствии

¹⁷ 1917 год в деревне. В 1967 г. вышло второе издание. Его общую оценку и сравнение с первым (более полным) изданием см.: Кабанов В. Крестьянские мемуары. — Новый мир, 1967, № 10.

¹⁸ Ср.: Война крестьян с помещиками, с. 32, 50, 72; Революция в деревне в 1917 г., с. 41; 1917 год в деревне, с. 57, 114, 253, 318.

¹⁹ 1917 год в деревне, с. 17.

историки ввели в научный оборот большое количество новых фактов, которые показали, что в Самарской губернии крестьянское движение достигало весьма значительного размаха²⁰. Последние разработки местных историков меняют сложившееся ранее представление о развитии революционного движения в Приуралье и других районах.

Накоплению материала по истории крестьянского движения в 1917 г. в какой-то мере могло бы помочь привлечение всего комплекса крестьянских воспоминаний, написанных в 1925 г. по заданию «Крестьянской газеты», однако их судьба неизвестна. В архиве редакции их разыскать не удалось. Правда, там имеются воспоминания, написанные, так сказать, стихийно. Это тоже рассказы о революции, установлении Советской власти, о Красной Армии, участии в гражданской войне, о жизни крестьян при царе. Некоторые из них опубликованы²¹, другие остались в архиве. Сохранившийся материал своеобразен и сложен. На плохой бумаге, плохим пером или карандашом, очень неразборчиво и полуграмотно писались всевозможные «воспоминания», «истории», «рассказы отцов» и пр., писались прозой и стихами.

Содержание и форма их удивительны, уникальны. Можно вспомнить стихи Есенина, несколько перефразируя их, о том, что крестьяне в воспоминаниях «корявыми, нематыми речами свою рассказывают жись». Наивные и неожиданные образы, суждения, выводы. И даже подписи необычны. Так, «хлебороб» «с хутора Радищево, что на Кубани», приславший «мое воспоминание о 19 г.», подписался: «сочинитель Архип Николаевич Попов». Свой материал он просил поместить «в нашей обожаемой Крестьянской газете»²².

«Крестьянский народный поэт» Марк Трифонович Пономаренко, житель Покровской слободы Таганрогского округа, воспоминания написал в стихах. Там, между прочим, есть такие строчки:

«Учредилку разогнали, и Керенский убежал,
С ним дворяне, генералы — большевик всех разогнал.
Революцию не нужно худым словом вспоминать,
Мужиков-рабочих дружно сумел Ленин запаять»²³.

Вообще потребность в поэтическом изъяснении прослеживается по многим крестьянским корреспонденциям (воспоминания как жанр часто становится весьма условной формой), особенно в связи со смертью В. И. Ленина²⁴.

Воспоминания крестьян, написанные по собственному почину, поступали в различные организации и учреждения, на имя известных политических деятелей, писателей, в редакции газет.

Газетные публикации крестьянских воспоминаний — область неведомого и неучтенного материала. Выявить его — предстоящая задача историков.

В дальнейшем важную роль в развитии мемуарной литературы сыграло обращение А. М. Горького к участникам гражданской войны с призывом создать ее историю²⁵. Его призыв нашел живой отклик. Многие воспоминания были собраны комиссиями содействия изданию многотомной «Истории гражданской войны», созданными в 1932 г. в республиках, краях и областях. За короткий срок в секретариат Главной редакции издания поступило около 1500 рукописей, в большинстве своем — воспоминания, причем 30 % авторов были крестьяне²⁶.

²⁰ Кострикин В. И. Крестьянское движение накануне Октября. — В кн.: Октябрь и советское крестьянство. 1917—1927 гг. М., 1977, с. 33, 39.

²¹ Крестьянская газета, 1924, 24 февр., 15 июня; 1925, 3 нояб.

²² ЦГАНХ СССР, ф. 369 (редакция «Крестьянской газеты»), оп. 4, д. 198, л. 6—7. Обработка фонда не завершена, дела не прошиты, листы не пронумерованы.

²³ Там же, л. 37—38.

²⁴ Там же, оп. 3, д. 52, 372.

²⁵ Правда, 1931, 31 июля.

²⁶ История гражданской войны. Бюллетень № 1. М., 1932, с. 34.

Часть мемуаров была издана, но значительное число воспоминаний, написанных в 20-х—начале 30-х годов, не было опубликовано и отложилось в партархивах. С оживлением археографической деятельности в конце 50-х годов публикация числа крестьянских воспоминаний возрастает²⁷. Однако необходима оговорка.

Огромные социально-экономические и культурные сдвиги, происшедшие в стране за годы Советской власти, изменили облик крестьян. У многих изменился социальный статус. Вчерашние крестьяне стали рабочими, учителями, врачами, специалистами сельского хозяйства, государственными и партийными деятелями. Термин «крестьянские воспоминания» становится в известной мере условным.

Но важнейшая черта мемуаров 20-х годов оказалась преемственной: по-прежнему не личность мемуариста, а событие, участником или свидетелем которого он был, определяет их отличительное от традиционных мемуаров качество.

Потребности современной историографии, заострившие интерес к проблемам социальным, проблемам личностным, к истории крестьянства как класса, повысили ценность мемуаров. При сохранении интереса к фактической стороне все большее внимание исследователей привлекают и личности самих мемуаристов — участников и очевидцев реальной истории, поглощенных всеусредняющей статистикой и обобщающими материалами. С годами круг этих лиц все более сужается и вскоре иссякнет совсем. Тем самым возрастает задача розыска, хранения и публикации уже написанных мемуаров.

---

²⁷ См.: История советского общества в воспоминаниях современников, 1917—1957: Аннотированный указатель мемуарной литературы. М., 1958. Ч. II. Журнальные публикации, вып. 1. М., 1961; вып. 2. М., 1967.

А. В. Рябов

О КРИТИКЕ ПРОВЕНИЕНЦПРИНЦИПА В СОВЕТСКОЙ АРХИВОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 30-х ГОДОВ

1930-е годы знаменуют собой важный этап в становлении советского архивоведения. В это время была завершена начатая еще в 20-х годах на базе социалистической централизации архивного дела разработка принципов научной организации документов ГАФ СССР; в основных чертах определены контуры системы научно-справочного аппарата к ним; сформулированы в соответствии с требованиями советской исторической науки методы и приемы описания документов.

К числу основных проблем, стоявших в центре внимания советских архивистов 30-х годов, относились вопросы внутрифондовой систематизации. Острота постановки этих вопросов обуславливалась необходимостью упорядочения на единых теоретических и методических основах огромных документальных массивов, отложившихся в деятельности как дореволюционных, так и советских учреждений, и скорейшего введения документов в научный оборот. Очевидно, что разработка проблемы внутрифондовой систематизации в советском архивоведении началась не с нуля. Ей предшествовало изучение и критическое переосмысление опыта русского дореволюционного и западноевропейского архивоведения по данной проблеме. В связи с тем что в русском дореволюционном архивоведении эти вопросы в теоретическом аспекте фактически не ставились, в советской архивоведческой литературе особое внимание было уделено изучению и критическому разбору трудов западноевропейских архивистов конца XIX—первой трети XX в., в которых получила законченное выражение своеобразная трактовка провениенцпринципа (принципа происхождения) в построении архивных фондов. В библиотеке МГИАИ сохранились оригиналы работ видных представителей западноевропейского архивоведения и сделанные с них в 30-х годах переводы: *Дженкинсон И.* Руководство по архивоведению и проблема современных архивов. Оксфорд, 1922. Пер. с англ. Н. А. Павловой, А. И. Брострем и Л. Н. Покровской. М., 1932—1934. Машинопись; *Джонсон Ч.* Хранение документов. Лондон, 1919. Пер. с англ. А. Соколовой. М., 1931. Стеклограф; *Казанова Е.* Архивистика. Рим, 1928. Пер. с ит. М. И. Глизенко, А. И. Брострем. М., 1931. Стеклограф; *Кейзер Г.* Провениенцпринцип во французских архивах. — In: *Archivstudien*. Дрезден, 1931. Пер. с нем. С. М. Гордон. М., 1933. Машинопись; *Мюллер С., Фейт Й., Фруин Р.* Руководство для упорядочения и описания архивов. Гаага, 1910. Пер. с фр. Л. Н. Покровской. М., 1931. Машинопись; *Фурнье П. Ф.* Практические советы для приведения в порядок и описания архивов и для издания письменных исторических документов. Париж, 1924. Пер. с фр. И. А. Голубцова. М., 1931. Машинопись; *Шультце И.* Мысли о провениенцпринципе. — In: *Archivstudien*. Дрезден, 1931. Пер. с нем. С. М. Гордон. М., 1933. Машинопись¹. Анализ этих переводов показал, что они выполнены

¹ *Jenkinson H.* A manual of archive administration including the problems of war archives and archive making. Oxford, 1922; *Jonson C.* The care of documents and management of archives. L., 1919; *Casanova E.* Archivistica. Roma, 1928; *Kaiser H.* Das Provenienzprinzip im französischen Archivwesen. — In: *Archivstudien*. Dresden, 1931, S. 125—130; *Muller S., Feith J. A., Fruin R.* Manuel pour le classement et la description des archives. La Haye, 1910; *Fournier P. F.* Conseils pratiques pour le classement et l'inventaire des archives et l'édition des documents historiques écrits. P., 1924; *Schultze J.* Gedanken zum «Provenienzgrundsatz». — In: *Archivstudien*. Dresden, 1931, S. 225—236.

профессионально и достаточно точно отражают содержание работ западноевропейских архивистов. Указанное обстоятельство позволило использовать переводную литературу при написании данной статьи. Такой подход представляется правильным потому, что именно переводы этих работ послужили материалом для изучения положений западноевропейского архивоведения по вопросам внутрифондовой систематизации в статьях архивистов 30-х годов, рассмотренных нами.

Исследование вопросов критики провениенцпринципа в построении архивных фондов в трудах советских архивистов 30-х годов имеет большое значение для изучения истории советского архивоведения в целом. Оно поможет не только полнее проанализировать генезис взглядов советских архивистов по вопросам внутрифондовой систематизации, но и всесторонне оценить значение положений и установок 30-х годов для развития теории фондовой классификации. Именно в рассматриваемый период в нашем архивоведении были сформулированы принципы и методы организации документов внутри архивных фондов, используемые в основных чертах и в современной архивной практике. В связи с тем что в настоящее время областные архивы продолжают осуществлять переработку описей к документам фондов дореволюционных учреждений, поставленные в статье вопросы имеют также практическое значение для выработки научного подхода к решению указанной задачи.

Критика советскими архивистами 30-х годов установок западноевропейского архивоведения по проблеме внутрифондовой систематизации получила неодинаковые оценки в литературе на различных этапах развития советского архивоведения. Критическое отношение к провениенцпринципу в построении архивных фондов, сформировавшееся в 30-х годах, прочно утвердилось в архивоведческой мысли 40—60-х годов. Оно было закреплено в учебных пособиях по теории и практике архивного дела². При этом теоретические и методические положения по осуществлению внутрифондовой систематизации, разработанные советскими архивистами, противопоставлялись принципу происхождения. Несмотря на то что в 60-х годах в нашей архивоведческой литературе сохранилось резко негативное отношение к провениенцпринципу в построении архивных фондов, в эти годы наметился несколько иной подход к оценке теоретического наследия советского архивоведения предшествующего периода по проблеме внутрифондовой систематизации. Так, по словам Л. И. Солодовниковой, советские архивисты, развенчивая провениенцпринцип в теории, на практике разрабатывали схемы систематизации, представлявшие из себя «комбинации из требования провениенцпринципа и принципа уважения к фонду»³. Таким образом, в 60-х годах у некоторой части советских архивистов стало складываться мнение, будто бы принципы и методы внутрифондовой систематизации, сформулированные в нашем архивоведении в 30-х годах, по существу мало чем отличались от установок западноевропейского архивоведения конца XIX—первой трети XX в., а критика этих установок в большой степени носила декларативный характер.

В 70-х годах позиция советских архивистов предшествующего периода в вопросе о провениенцпринципе получила новую оценку. В. Н. Автократов убедительно показал естественноисторическую основу принципа происхождения в построении архивных фондов, постулированную самой

² Митяев К. Г. Теория и практика архивного дела: Учеб. пособие. М., 1946, с. 92; Теория и практика архивного дела в СССР: Учеб. пособие / Под ред. Г. А. Белова, А. И. Логиновой, К. Г. Митяева, Н. Р. Прокопенко. М., 1958, с. 51; Петровская М. Ф. Систематизация документальных материалов в советских архивах: Учеб. пособие. М., 1959, с. 30—32; Теория и практика архивного дела в СССР: Учебник / Под ред. Л. А. Никифорова и Г. А. Белова. М., 1966, с. 50—51.

³ Солодовникова Л. И. Фондирование документальных материалов в государственных архивах. — В кн.: Материалы Всесоюзного семинара по вопросам фондирования и учета документальных материалов. М., 1963, с. 13.

природой процесса фондообразования⁴. Он отметил, что в советской архивоведческой литературе 30-х годов, по сути, критиковался не принцип происхождения как таковой, а его первичная форма — явный (или строгий) регистратурпринцип, отдельные ошибочные положения которого (запрещение исправлять неправильно сформированные дела и отклонения от канцелярского порядка их расположения) незаслуженно отождествлялись с принципом происхождения в целом. Это способствовало формированию негативного отношения к провениенципринципу, что оказало сдерживающее влияние на развитие теории архивоведения. По мнению Автократова, положительная сторона критики советскими архивистами 30-х годов явного регистратурпринципа заключалась в противопоставлении его ошибочным установкам требования «сломать неправильную внутреннюю организацию фонда, искажающую действительную связь между документами, если это не нарушает единства фонда и способствует лучшему использованию документов»⁵. К сожалению, в работах Автократова не рассмотрен вопрос о том, в каких конкретных формах советские архивисты 30-х годов предлагали изменять неправильную внутрифондовую организацию документов. Позиция, выдвинутая в статьях Автократова, оказала сильное влияние на оценку положений провениенципринципа по вопросам внутрифондовой систематизации, изложенную во втором издании учебника теории и практики архивного дела⁶.

Анализ литературы показывает, что в нашем архивоведении все еще не дана полная и всесторонняя характеристика взглядов советских архивистов 30-х годов по вопросам критики западноевропейских и русских дореволюционных трактовок провениенципринципа в построении архивных фондов. Поэтому в настоящей статье представляется целесообразным подробно рассмотреть основные направления этой критики, с тем чтобы выявить в ней положения и установки, имеющие фундаментальное значение для развития принципов и методики внутрифондовой систематизации в советском архивоведении, и отделить их от ошибочных, исторически обусловленных взглядов.

В советской архивоведческой литературе 30-х годов, обсуждались два метода внутрифондовой систематизации: в соответствии с происхождением документов и по тематическим группам. Подавляющее большинство архивистов понимало ограниченные возможности использования метода тематической группировки. Его применение связывалось главным образом с теми случаями, когда восстановить делопроизводственную систему организации документов фонда было невозможно или она обнаруживала свою полную непригодность как с научной, так и с практической точки зрения⁷. До середины 30-х годов в нашем архивоведении ведущим принципом классификации считался провениенципринцип⁸, положения которого формулировались под сильным влиянием идей западноевропейского архивоведения конца XIX — первой трети XX в.⁹ По мнению

⁴ Автократов В. Н. Общая теория архивоведения. — ВИ, 1973, № 8, с. 59—72; См. также: Автократов В. Н. Понятие происхождения в архивоведении. — АЕ за 1978 год. М., 1979, с. 142—149.

⁵ Автократов В. Н. Общая теория архивоведения, с. 67.

⁶ Теория и практика архивного дела в СССР: Учебник / Под ред. Ф. И. Долгих, К. И. Рудельсон. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980, с. 44. Оценка теоретических установок провениенципринципа в западноевропейском архивоведении, аналогичная точке зрения В. Н. Автократова, дана Н. В. Бржостовской и Б. С. Елизаровым в скантом очерке в монографии «Архивное дело с древнейших времен до 1917 г.» (ТВНИИДАД, 1979, т. 8, ч. 1, 2).

⁷ Архивознавство: Елементарний підручник. Харків, 1932. Ч. 1; Князев Г. А. Теория и техника архивного дела: (Опыт систематического руководства). Л., 1935, с. 32; Чабров Г. К вопросу о систематизации архивных материалов. — Ленинградский архивист, 1933, вып. 1, с. 80.

⁸ Здесь и далее в тексте используется термин «провениенципринцип», так как именно этот термин, а не термин «принцип происхождения» превалировал в архивоведческой литературе 30-х годов.

⁹ Барабашов А. Упорядочение архивных материалов, отложившихся в системе копиручета. — АД, 1932, вып. 30/31, с. 101; Князев Г. А. Указ. соч., с. 32; Руководство

западноевропейских архивистов, применение провениенцпринципа должно было основываться на соблюдении двух требований: недробимости исторически сложившихся документальных комплексов и обязательного сохранения делопроизводственной структуры фондов.

Во второй половине 30-х годов И. С. Назин, З. Н. Доброва и Н. А. Фомин в статьях, опубликованных в журнале «Архивное дело», дали анализ провениенцпринципа как метода классификации документов в понимании западноевропейских и русских дореволюционных архивистов. Как будет показано, этот анализ не всегда носил глубокий и всесторонний характер: в ряде аспектов прослеживались определенная предвзятость и субъективизм в оценках¹⁰. Отметив положительное значение требования недробимости архивных фондов, советские архивисты подвергли острой критике установки западноевропейского архивоведения по вопросам внутрифондовой систематизации. Сущность этой критики фактически сводилась к следующим положениям: во-первых, провениенцпринцип якобы запрещал исправлять ошибки, допущенные канцеляристами при формировании дел, и отклонения от делопроизводственного порядка расположения единиц хранения; во-вторых, он ориентировал архивистов на закрепление неверной систематизации дел внутри фондов¹¹. Было сформулировано и еще одно направление критики провениенцпринципа. Там же И. С. Назин и З. Н. Доброва высказали мнение, согласно которому применение этого метода систематизации в ряде случаев вело к сохранению несоответствия структуры фонда основной политической задаче фондообразователя¹². Однако данное положение по существу носило декларативный характер, так как не было объяснено его авторами и не подтверждалось конкретными примерами из архивной практики.

Рассмотрим два основных направления критики провениенцпринципа более подробно. Анализ приведенной литературы позволяет констатировать, что в установках западноевропейского архивоведения по вопросам внутрифондовой систематизации не содержалось указаний на запрещение исправлять ошибки, допущенные при формировании дел, а также отклонения от первоначального порядка хранения документов в канцелярии (регистратуре) учреждения. Так, голландские архивисты С. Мюллер, Й. Фейт и Р. Фруин отмечали, что правило сохранения делопроизводственной структуры «основано не на раболепстве перед старой организацией архивного фонда; оно говорит о восстановлении старого порядка не потому, чтобы этот последний сам по себе не поддавался улучшению; оно, наоборот, допускает возможность отступлений от этого старого порядка»¹³. Далее они высказались еще более определенно: «Первоначальный порядок архивного фонда может быть изменен для исправления отклонений от общей структуры фонда, должны ли эти отклонения быть отнесены за счет ошибок некоторых хранителей или же они происходят от временного изменения в системе хранения архивных документов»¹⁴. В трудах других западноевропейских архивистов¹⁵, переведенных на русский язык, содержатся аналогичные положения. Они высказаны в ходе рассмотрения конкретных случаев осуществления внутрифондовой систематизации, хотя и не изложены в столь законченной форме, как в работе С. Мюллера Й. Фейта и Р. Фруина.

Правила и инструкции, разработанные для ведомственных архивов дореволюционной России, в большинстве своем не содержали каких-либо

по приему, размещению и составлению описей архивного материала. М., 1922, с. 7; Чабров Г. О разборке архивной россыпи. — АД, 1930, вып. 22/23, с. 67; и др.

¹⁰ Назин И., Доброва З. Провениенцпринцип в построении архивного фонда. — АД, 1937, № 1 (42), с. 56—68; Фомин Н. Систематизация архивных материалов. — АД, 1937, № 2 (43), с. 75—101; № 3 (44), с. 39—72.

¹¹ Назин И., Доброва З. Указ. соч., с. 62.

¹² Там же.

¹³ Мюллер С., Фейт Й., Фруин Р. Указ. соч., с. 58.

¹⁴ Там же, с. 61.

¹⁵ Джонсон Ч. Указ. соч., с. 9—10; Казанова Е. Указ. соч., с. 292—295.

конкретных указаний о том, как должен поступать архивист в тех случаях, когда в архив учреждения передавались неправильно сформированные дела. Вследствие этого сотрудники архивов зачастую не принимали никаких мер для исправления ошибок, допущенных делопроизводителями. Лишь инструкция архиву Морского министерства (1887 г.) предписывала возвращать дела в структурные подразделения, если были нарушены требования к их оформлению¹⁶.

Вполне очевидно, что советским архивистам 30-х годов при обработке фондов дореволюционных, а иногда и советских учреждений приходилось сталкиваться с неправильно сформированными делами. Поэтому при критическом разборе различных трактовок провениенципринципа они уделяли такое большое внимание вопросу об исправлении ошибок, допущенных при формировании дел.

Однако советские архивисты 30-х годов ошибочно связывали практический опыт осуществления внутрифондовой систематизации в архивах русских дореволюционных учреждений с теоретическими установками провениенципринципа, сформулированными в западноевропейском архивоведении. Эта ошибка объясняется определенными издержками в научной дискуссии, новизной и сложностью проблемы. Тем не менее она не отменяет того значения, которое имела критика провениенципринципа в русской дореволюционной архивной практике для деятельности государственных архивов по упорядочению документов. К сожалению, в изданной позднее архивоведческой литературе и разработанных в МГИАИ лекционных курсах освещенные советскими архивистами 30-х годов провениенципринципа в построении архивных фондов стало по существу сводиться к вопросу об исправлении неправильно сформированных дел. При этом часто упускалось другое, по нашему мнению, более важное направление рассматриваемой критики.

Советские архивисты 30-х годов справедливо указывали, что применение принципа происхождения в трактовке западноевропейского архивоведения и русской дореволюционной архивной практики, абсолютизированных канцелярский порядок хранения дел, приводило к закреплению неверной систематизации их в фонде¹⁷. В связи с этим широко известность в советской архивоведческой литературе получило высказывание С. Мюллера, Й. Фейта и Р. Фруина, впервые приведенное в обзоре И. А. Голубцова: «Невероятно, чтобы даже совсем неопытный канцелярист мог создать порядок, по существу несовместимый с организацией управления; а если бы это и случилось, то новую классификацию архивных бумаг должна преуказывать старая организация архива, а не учреждения, ибо сериями книг, связок, досье и т. п. фиксируется в первую очередь организация архива, а не учреждения»¹⁸.

Взгляды западноевропейских архивистов по изучаемому вопросу основывались на убеждении, что внутрифондовая систематизация должна прежде всего удовлетворять практическим потребностям учреждения, которое зачастую оставалось собственником своих документов даже после сдачи их в государственный архив, и лишь во вторую очередь отвечать интересам научных изысканий¹⁹.

В большинстве ведомственных архивов России, как правило, сохранилась систематизация дел, сложившаяся еще в канцеляриях учреждений. Размещение дел в архивохранилищах осуществлялось в следующем порядке: сначала они группировались по структурным подразделениям, а затем — по годам. Систематизация могла производиться и в обратной последовательности. В пределах структурно-хронологических и хронологически-структурных групп дела располагались по датам заведения или

¹⁶ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916, т. 1, с. 449.

¹⁷ Назин И., Доброва Э. Указ. соч., с. 65; Фокин Н. Указ. соч., с. 98.

¹⁸ Голубцов И. Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов. — АД, 1925, вып. II, с. 30.

¹⁹ Мюллер С., Фейт Й, Фруин Р. Указ. соч., с. 65; Джонсон Ч. Указ. соч., с. 4.

по алфавиту их наименований²⁰. Такой порядок с точки зрения его практического осуществления был простым и удобным, однако не позволяя отразить основных направлений и вопросов деятельности учреждений, что значительно затрудняло использование документов в интересах научных исследований. В тех редких случаях, когда предпринимались попытки расположить дела в систематическом порядке, как было при обработке фонда Канцелярии Государственной думы, группировка получалась неудовлетворительной, потому что в ее основе лежали общественно-политические взгляды, далекие от научного понимания исторического процесса²¹.

Таким образом, советские архивисты в своей работе не могли использовать сформулированного в западноевропейском архивоведении и широко применявшегося в дореволюционной архивной практике положения об обязательном сохранении в архиве канцелярского порядка расположения дел. Они считали, что систематизация документов фонда должна в одинаковой степени отвечать задачам ее практического осуществления и использования в учреждении и интересам научных исследований. Но для достижения этой цели необходимо было создать принципиально новую методику внутрифондовой систематизации. Большая заслуга в ее разработке принадлежит Н. А. Фомину. Он исходил из положения, что внутрифондовая систематизация должна основываться не на старом порядке хранения, а на самом производственном процессе учреждения-фондообразователя, являясь логическим отражением деятельности учреждения по всем его производственным операциям в целом²². С точки зрения Н. А. Фомина, хронологический порядок расположения дел в пределах структурно-хронологических и хронологически-структурных групп, применявшийся в архивах дореволюционной России и некритически воспринятый в 20-х годах советскими учреждениями, был сугубо формальным, так как при его использовании однородные по составу документов и содержанию дела, отражавшие отдельные направления и функции учреждений, размещались в различных местах фонда. Аналогичную оценку дал Н. А. Фомин и алфавитному порядку расположения единиц хранения. Он предложил использовать при осуществлении систематизации все признаки группировки дел внутри фонда для того, чтобы «всякий предмет учреждения, всякий факт его жизни и работы нашел свое логическое место в историческом процессе развития и деятельности учреждения»²³. Выбор того или иного признака в качестве основания деления, по мнению Н. А. Фомина, должен был обуславливаться составом и содержанием единиц хранения. В связи с этим применение хронологического или алфавитного порядка расположения дел могло носить лишь ограниченный характер. Например, хронологический порядок рекомендовалось использовать для группировки единиц хранения, касающихся какого-либо одного процесса, если в них последовательно отразились стадии развития данного процесса²⁴.

Принципы и методы внутрифондовой систематизации, сформулированные Н. А. Фоминым, легли в основу «Правил систематизации архивных материалов в государственных архивах СССР» (М., 1938). Внедрение правил позволило архивистам осуществлять единую научную организацию документов в делопроизводстве и архивах советских учреждений, отвечающую как практическим целям, так и научным. В то же время разработанные в правилах принципы и методика могли быть использованы в качестве инструментария для пересистематизации документов фондов дореволюционных учреждений, а также советских.

²⁰ Шобузов М. Н. Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России: Учебное пособие. М., 1955, с. 48.

²¹ Опись дел архива Канцелярии Государственной думы. СПб.; Пг., 1914—1915. Т. I, II.

²² Фомин Н. Указ. соч., с. 42.

²³ Там же, с. 86.

²⁴ Там же, с. 41.

Таким образом, критика советскими архивистами 30-х годов первичной формы принципа происхождения — явного регистрационного принципа по вопросу о том, стоит ли в архиве сохранять в неприкосновенности канцелярский порядок расположения дел, имела конструктивный характер. Эта критика нацеливалась на корректировку применявшегося в архивах формального порядка расположения единиц хранения в пределах структурно-хронологических и хронологически-структурных групп в соответствии с принципами и методикой внутрифондовой систематизации советского архивоведения.

С позиций современной теории фондирования изменения фондовых структур допустимы лишь в определенных границах, называемых соблюдением «информационной непротиворечивости», «то есть при условии, что измененная структура сохраняет генетические связи между документами фонда, не искажает функциональных характеристик структурных подразделений фондообразователя»²⁵. Предложенные в 30-х годах варианты корректировки схем систематизации фондов учреждений, в которых применялся формальный порядок расположения дел, отвечают этому требованию, так как они, сохраняя в неприкосновенности генетические структуры фондов, позволяют четко отразить основные направления или вопросы деятельности конкретных структурных подразделений. Поэтому рассмотренный аспект критики советскими архивистами 30-х годов западноевропейских интерпретаций провенцианского принципа и его применения в русской дореволюционной архивной практике не потерял значения и в современных условиях.

Для изучения организации делопроизводства учреждения вовсе не обязательно оставлять без изменений канцелярский порядок хранения дел. Для подобной цели достаточно сохранить экземпляр старой описи, фиксирующей первоначальное расположение единиц хранения в фонде, и подробно рассмотреть особенности постановки делопроизводства в учреждении в историко-археографическом предисловии к описи.

Критический разбор советскими архивистами 30-х годов западноевропейских и русских дореволюционных трактовок провенцианского принципа послужил отправным пунктом для разработки в советском архивоведении принципов и методики внутрифондовой систематизации, основанных на диалектико-материалистическом понимании исторического процесса. Сформулированная в конце 30-х годов методика претерпела в дальнейшем определенные изменения. В частности, в настоящее время на третьей ступени систематизации деление обычно осуществляется не по предметно-вопросному признаку, как предлагалось в статье Н. А. Фомина и «Правилах» 1938 г., а по номинальному, с помощью которого в условиях значительного сокращения количества разновидностей документов, подлежащих государственному хранению, можно выделить группы дел, отражающие важнейшие функции современных советских учреждений: планирование, учет, отчетность и др. Однако основные установки внутрифондовой систематизации, разработанные в 30-х годах, предполагающие ее осуществление с использованием всех признаков группировки дел, остались без изменения.

Сформулированное в западноевропейском архивоведении требование обязательного сохранения в архиве систематизации дел, полученной еще в канцелярии учреждения, во многом могло быть объяснено тем, что это требование относилось к работе с документацией средневековых учреждений, часть которых в отдельных странах (например, Англии, Голландии) продолжала функционировать в новое и новейшее время. Средневековые учреждения не имели четко разграниченных функций, применяли специфические формы делопроизводства (в России — книги и столбцы). Нередко отдельные вопросы вместе с соответствующей документацией передавались для решения из одного учреждения в другое, в результате чего документы

²⁵ Автократов В. Н. Фондирование и учет документов: (О двух частных теориях архивоведения). — ТВНИИДАД, 1978, т. 7, ч. 1, с. 16.

перемешивались. Структура сложившихся в средние века документальных комплексов была сложной и запутанной. Попытки систематизировать их с тех же позиций, что и документы фондообразователей нового и новейшего времени, могли привести только к искажениям исторических особенностей деятельности средневековых учреждений. Характеризуя специфику организации делопроизводства в данных учреждениях, голландские архивисты С. Мюллер, Й. Фейт и Р. Фруин писали: «Лица, которые в то время управляли, лучше нас знали природу своего архива и требования практики; и даже в тех случаях, когда они применяли странные, на наш современный взгляд, приемы, соединяя в одной книге или одном отчете документы, касающиеся различных предметов, внести какие-либо изменения в настоящее время не представляется возможным»²⁶. Таким образом, известная абсолютизация канцелярского порядка хранения документов в трудах западноевропейских архивистов применительно к задачам систематизации документальных комплексов средневековых учреждений выглядела достаточно правомерной.

Аналогичный подход к систематизации документов учреждений, действовавших в средние века на территории СССР, был разработан советскими архивистами в 30-х годах. Яркий пример — обработка фондов центральных учреждений Русского государства в XVI—XVII вв. — приказов. Значительную часть данных фондов составляли столбцы — склеенные свитки документов, зачастую состоявшие из нескольких самых различных дел, соединенных вместе подъячим или дьяком. Систематизация столбцов с помощью методики, созданной советскими архивистами 30-х годов для документации фондообразователей XIX—XX вв., оказалась невозможной, так как она вела к нарушению генетических связей между составными частями столбцов²⁷. С учетом особенностей работы по упорядочению документальных комплексов средневековых учреждений в текст «Правил систематизации архивных материалов в государственных архивах СССР» было внесено указание о распространении их действия только на документацию учреждений второй половины XVIII—XX в.²⁸ Следовательно, в области методического обеспечения работ по осуществлению внутрифондовой систематизации документов средневековых учреждений советские архивисты 30-х годов пришли к тому же выводу, что и представители западноевропейского архивоведения: о необходимости оставлять без изменения в архиве делопроизводственный порядок хранения документов. Однако в отличие от трудов западноевропейских архивистов в советской архивоведческой литературе 30-х годов этот вопрос не ставился в теоретическом плане.

Критикуя интерпретации принципа происхождения в построении архивных фондов, господствовавшие в западноевропейском архивоведении, и применение данного принципа в русской дореволюционной архивной практике, советские архивисты 30-х годов неправильно относили негативные стороны этих интерпретаций и практического опыта архивов к провинциенципринципу в целом, объявляя принцип происхождения ненаучным. Как отметил В. Н. Автократов, такая позиция породила глубокое недоверие к принципу происхождения, что не могло в конечном счете не оказать отрицательного воздействия на развитие теории советского архивоведения²⁹. Тем не менее ошибочная оценка, данная провинциенципринципу в 30-х годах, не должна, по нашему мнению, заслонять конструктивного аспекта критики его применения в западноевропейских и русских дореволюционных архивах и того значения, которое имела эта критика для становления взглядов советских архивистов по вопросам внутрифондовой систематизации.

²⁶ Мюллер С., Фейт Й., Фруин Р. Указ. соч., с. 54.

²⁷ Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII веке. — В кн.: Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVIII веков. М., 1973, с. 361.

²⁸ Правила систематизации архивных материалов в государственных архивах СССР. М., 1938, с. 5.

²⁹ Автократов В. Н. Общая теория архивоведения, с. 66.

Проведенный в статье анализ позволяет сделать следующие выводы. В 30-х годах советские архивисты, намечая пути к решению задачи упорядочения документов в архивах, справедливо критиковали дореволюционную архивную практику за то, что она не нацеливала сотрудников архивов на исправление неправильно сформированных дел. При этом ее недостатки необоснованно приписывались принципу происхождения как таковому, предполагавшему даже в интерпретации западноевропейского архивоведения конца XIX—первой трети XX в. исправление подобных отклонений. Сформулированное в западноевропейской архивоведческой литературе положение о необходимости обязательного сохранения в архиве делопроизводственной организации документов фонда не могло быть использовано советскими архивистами при работе с документальными комплексами русских дореволюционных, а также советских учреждений 20-х годов, систематизация дел в которых основывалась на формальном порядке их расположения в пределах структурно-хронологических и хронологически-структурных групп единиц хранения. Этот порядок не позволял четко показать функции структурных подразделений фондообразователя. Данное направление критики первичной формы принципа происхождения — явного регистратурпринципа — представляется наиболее важным, не потерявшим своего значения для архивной практики и по сей день. Именно это направление послужило началом разработки в советском архивоведении принципов и методики внутрифондовой систематизации, успешно применяющихся и в настоящее время.

Е. Н. Кушева

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ СОВЕТ И ПУБЛИКАТОРСКАЯ РАБОТА
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
(1948—1951)**

Основные археографические работы в рамках АН СССР в первой половине 1930-х годов сосредоточились в Историко-археографическом институте в Ленинграде, развернувшем активную деятельность¹ и организовавшем особую Московскую группу для работы в московских хранилищах. С 1936 г. с создания в Москве Института истории АН СССР Историко-археографический институт был преобразован в Ленинградское отделение Института истории, а его Московская группа — в археографический сектор института. С этого времени начались поиски организационных форм археографической работы Института истории.

В конце 1930-х годов археографический сектор Института истории был расформирован, его сотрудники и археографические работы переданы в соответствующие секторы Института. Тогда и возникла мысль о создании Археографического совета для координации археографической деятельности секторов.

Еще в 1936 г. в ЛОИИ и в Институте истории в Москве состоялась совещания с обсуждением поставленных возглавлявшим тогда ЛОИИ Б. Д. Грековым вопросов подготовки изданий периода феодализма. Были намечены планы серийных изданий таких основных источников, как летописи, законодательные памятники, акты, известия иностранных писателей о России (*Rossica*) и др., работа над которыми началась и в Ленинграде, и в Москве². Война прервала эти археографические работы. В Москве они возобновились в 1943 г. с реэвакуацией Института истории из Ташкента в Москву.

Созданная в 1944 г. в Москве «на правах сектора» Института истории Археографическая комиссия и продолжила выполнение этих планов³. Ее председателем был Б. Д. Греков, а ученым секретарем А. И. Андреев (приехавший в Москву в конце 1942 г. из Ташкента, куда был эвакуирован из блокадного Ленинграда). По предложению Андреева возобновилось издание «Писем и бумаг императора Петра Великого», начатое еще в 1870-х годах и оборвавшееся в 1918 г. на первом выпуске т. VII⁴. Штат комиссии состоял из семи сотрудников, но часть археографических работ выполнялась и в секторах под наблюдением комиссии.

В 1945 г. Институтом истории и его Археографической комиссией был составлен перспективный план на 1946—1950-е годы. В нем значительное место заняли подготовка и выпуск в свет томов летописей, законодательных памятников, актов и «Писем и бумаг императора Петра Великого»⁵.

В феврале 1948 г. организация археографической работы института была изменена. Вместо Археографической комиссии создавался Археогра-

¹ *Валк С. Н.* Советская археография. М.; Л., 1948, с. 23—24 и др.

² *Валк С. Н.* Б. Д. Греков как деятель археографии. — АЕ за 1958 год. М., 1960, с. 227—228. — То же. — В кн.: Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова. М., 1982, с. 21; *Носов Н. Е.* Академик Борис Дмитриевич Греков—источниковед. — ВИД, 1983, вып. XV, с. 19—23.

³ *Греков Б. Д.* Исторические публикации Академии наук. — ИАН. Сер. ист. и филос., 1945, т. II, вып. 3, с. 183—190.

⁴ *Подъяпольская Е. П.* Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого». — АЕ за 1972 год. М., 1974, с. 66—68.

⁵ НАИИ, ф. 1, оп. 1, д. 138, 139 (нумерация дел временная).

фический совет при дирекции института, состав которого был утвержден Президиумом АН СССР 17 апреля 1948 г.⁶ По принятому дирекцией «положению» об Археографическом совете археографическая работа велась в секторах института; Археографическому совету была определена координационная и контролирующая роль: рассмотрение планов, тематики, итогов археографической работы, наблюдение за подготовкой публикаций, правилами их издания и за выпуском их в свет.

Утвержденный Президиумом Академии наук состав совета был следующий: председатель — Б. Д. Греков, заместители председателя — В. И. Шунков, С. Д. Сказкин, Е. А. Луцкий, ученый секретарь — Е. Н. Кушева и 13 членов (число их в сентябре 1948 г. было доведено до 16), 11 из которых вместе с Б. Д. Грековым были редакторами подготавливавшихся археографических изданий; в совет входил начальник ГАУ В. Д. Стыров и директор архива МИД В. М. Хвостов; от ЛОИИ членами совета были К. Н. Сербина (тогда исполнявшая обязанности заведующего ЛОИИ) и С. Н. Валк; членами совета в Ленинграде были также уехавший из Москвы в Ленинград в 1949 г. А. И. Андреев и военный историк Н. А. Новиков. В дальнейшем состав совета и его бюро изменялись: в связи с назначением В. И. Шункова в октябре 1949 г. директором Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР заместителем председателя Археографического совета был назначен С. Л. Утченко, в 1950 г. вторым ученым секретарем — Н. С. Трусова; в том же году в Президиум АН СССР был представлен расширенный состав совета, в который включались не только редакторы изданий, но и некоторые составители (утверждение его состоялось в марте 1951 г.)⁷.

Пленум Археографического совета собирался редко⁸. Основная его работа протекала в расширенных заседаниях бюро совета, созданных по тому или иному вопросу совещаниях специалистов, в постоянном контакте с секторами, с ЛОИИ и с архивами — ЦГАОР, ЦГИАМ, ЦГВИА, ЦГАДА, ЦГИАЛ, ЦГАВМФ. Каждая публикация документов обычно рассматривалась не один раз — в процессе подготовки, в уже рекомендованном сектором или ЛОИИ варианте; после прохождения через Археографический совет или его бюро утверждалась к печати Ученым советом института. Важнейшим видом изданий являлись фундаментальные научно-критические публикации источников, основанные на углубленной источниковедческой работе, задуманные нередко как многотомные, серийные.

В 1948—1950 гг. возможности выпуска в свет публикаций документов были широкими, так как война задержала подготовку коллективных трудов и монографий. Своей основной задачей Археографический совет считал выпуск в свет публикаций большого научного значения. Некоторые из них были готовы еще до войны, подготовка других закончена ЛОИИ и Археографической комиссией в 1944—1947 гг. или начата ею с включением в перспективный план 1946—1950 гг.; наконец, готовились к печати и новые публикации вне этого плана⁹.

Работа по наблюдению за подготовкой публикаций к печати, за печатанием, по связям с московским и ленинградским отделениями Издательства АН СССР велась постоянно и членами бюро, и членами совета. Греков, как его председатель, был всегда в курсе обсуждавшихся вопросов, возникавших затруднений.

В марте 1951 г. работа Археографического совета прекратилась, а в 1953 г. был создан специальный сектор публикации источников, позже получивший название сектора источниковедения и публикации документов дооктябрьского периода (заведующий — А. А. Новосельский); в 1956 г.

⁶ ААН, ф. 2, оп. 16, д. 11, 68.

⁷ Там же, оп. 6а, д. 84.

⁸ В статье используются материалы ААН, НАИИ, личного архива автора статьи (отчеты, планы, списки работ, протоколы заседаний совета и его бюро, переписка и др.) и воспоминания автора.

⁹ Отчеты Археографической комиссии и Археографического совета за 1947—1951 гг. — НАИИ, ф. 1, оп. 1, д. 187, 227, 231, 888.

начал работу и специальный сектор источниковедения и публикации документов советского периода (заведующий — Д. А. Чугаев)¹⁰.

Годы функционирования Археографического совета оставили заметные следы в археографической деятельности Института истории и его Ленинградского отделения. Количественные итоги появившихся за это время публикаций внушительны: в 1948—1951 гг. (по март 1951 г.) вышли из печати 24 тома; в марте 1951 г. находились в производстве в издательстве еще 12 томов, которые увидели свет в ближайшие же годы; но и позднее продолжалась в Институте истории подготовка томов нескольких начатых серий, печатание которых постепенно осуществлялось¹¹. Около 50 сотрудников института принимали участие в археографической деятельности; среди них — крупные археографы с многолетним опытом; большинство вело параллельно исследовательскую работу в секторах; и лишь 11 были заняты только археографией, приобретая специализацию. Большой объем работы был возможен благодаря контакту с публикаторскими отделами архивов.

Мы не ставим цель дать подробный обзор всей обширной археографической продукции Института истории конца 1940-х — начала 1950-х годов и его Ленинградского отделения; это сделано в докладе В. И. Шункова и А. А. Новосельского на X Международном историческом конгрессе в Риме в 1955 г.¹²; обстоятельный обзор дала в 1962 г. Е. М. Тальман¹³; о ряде изданий писал С. Н. Валк в своих статьях о Б. Д. Грекове и М. Н. Тихомирове как археографах¹⁴; они были предметом многочисленных рецензий и статей, посвященных итогам изучения отдельных периодов истории СССР. Цель настоящего сообщения — познакомить на конкретных примерах с деятельностью Археографического совета и секторов Института истории, с возникавшими в ходе практической работы трудностями и общими вопросами археографии, вызывавшими иной раз дискуссии; напомнить о неосуществленных замыслах и о тех, реализация которых требует длительного времени.

Передача археографической работы в секторы института преследовала две основные цели: 1) расширить хронологические рамки публикаций Института истории, не выходящие до того за пределы XIX в. с явным преобладанием изданий по периоду феодализма; 2) приблизить тематику публикаций к исследовательским задачам, решением которых были заняты сотрудники секторов и которые входили в планы института.

Институт истории не имел опыта подготовки публикаций документов советского периода. Эта работа выполнялась Центрархивом, Наркоминделом (потом МИД), Центральными и местными истпартами, ИМЭЛ и некоторыми другими научными учреждениями¹⁵. Сектор истории СССР советского периода, которым в 1948 г. заведовал Е. А. Луцкий¹⁶, предложил Археографическому совету капитальную публикацию «Национализация земли в 1917—1918 гг.», подготовленную сектором совместно с ЦГАОР (под редакцией Е. А. Луцкого). На заседаниях совета и его бюро этой публикации уделялось большое внимание. Однако I том, многократно обсуждавшийся, рецензированный и утвержденный к печати Ученым советом

¹⁰ Пушкарев Л. Н. Четыре года работы сектора источниковедения и издания исторических документов дооктябрьского периода (1953—1957). — АЕ за 1957 год. М., 1958, с. 480; НАИИ, ф. 1, оп. 1, личное дело Д. А. Чугаева.

¹¹ Пушкарев Л. Н. Указ. соч.

¹² Шунков В. И., Новосельский А. А. Издание исторических источников в СССР: (Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме). М., 1955. На рус. и фр. яз.; Дружинин Н. М. Проблемы истории СССР на международном конгрессе историков в Риме. — ИЗ, 1956, т. 55, с. 5; Atti del X Congresso Internazionale di scienza storiche. Roma, 4—11 sett. 1955. Roma, 1957 p. 106—107.

¹³ Тальман Е. М. Археографическая деятельность Института истории Академии наук СССР, 1945—1959. — ТМГИАИ, 1962, т. 15, с. 113—146.

¹⁴ Валк С. Н. Б. Д. Греков как деятель археографии, с. 223—232; *Он же*. Археографическая деятельность М. Н. Тихомирова. — АЕ за 1962 год. М., 1963, с. 5—20.

¹⁵ Валк С. Н. Советская археография, с. 256—289.

¹⁶ Рыбаков Ю. Я. К 60-летию Е. А. Луцкого. — АЕ за 1967 год. М., 1968, с. 339—340.

института, в свет не вышел. Позднее, в 1954 г., был издан подготовленный институтом совместно с ЦГАОР однотомный сборник «Аграрная политика Советской власти (1917—1918)»¹⁷.

Второй сборник документов советского сектора, составленный С. И. Якубовской под редакцией Э. Б. Генкиной, «Образование СССР (1917—1924)», вышедший в Москве в 1949 г., был подготовлен как пособие для семинарских занятий в вузах, т. е. отличался по характеру от обычных академических изданий.

В 1950-х годах вопросы методологии и методики издания документов советского периода подверглись обсуждению и разработке. В 1960 г. ГАУ были опубликованы «Правила издания документов советского периода», в подготовке которых приняли участие сотрудники Института истории Д. А. Чугаев, А. А. Новосельский, Л. Н. Пушкарев и др.; редактировал «Правила» С. Н. Валк¹⁸. С конца 1950-х годов начали выходить в свет сборники материалов и документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции (т. 1—10, 1957—1964), истории индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства, подготовленные институтом совместно с другими научными учреждениями и с архивами.

По XIX—XX вв. в 1920—1930-х годах в публикаторской деятельности советских научных учреждений обозначились две темы, требовавшие многолетней работы и многотомных изданий документов, — рабочее движение и крестьянское движение в России¹⁹. В послевоенные годы по инициативе А. М. Панкратовой в ЦГИАМ началась подготовка многотомной публикации «Рабочее движение в России в XIX в.», вышедшей в 4-х т. в 1950—1963 гг. Редактором первых трех томов была Панкратова; через нее как члена Археографического совета и осуществлялась связь этого издания с Институтом истории²⁰. Параллельно в институте была развернута подготовка сборников документов по крестьянскому движению в России в XIX в. Работа по этой теме велась еще до войны. Е. А. Мороховцом были собраны материалы к ряду томов, а двухтомный сборник «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права» был в основном готов (в него вошли донесения свитских генералов, флигель-адъютантов, губернских прокуроров и уездных стряпчих, т. е. документы, исходившие с мест событий). Сборник издан в 1949 г. под редакцией Н. М. Дружинина; его археографическую обработку выполнила Е. К. Пшеницына, специализировавшаяся и в дальнейшем по публикации документов крестьянского движения XIX в. В ЛОИИ С. Н. Валк совместно с ЦГИАЛ подготовили к изданию еженедельные доклады министров внутренних дел Александру II о проведении крестьянской реформы в 1861—1862 гг. Эта публикация вышла в свет в 1950 г.²¹

В 1948 г. Н. М. Дружинин предложил сектору капитализма, а затем и Археографическому совету план серийного издания документов по крестьянскому движению 1825—1870-х годов, с ЦГИАЛ была достигнута договоренность о продолжении этой серии на 1880-е годы. В 1948—1951 гг. в секторе капитализма велась работа по двум томам — 1850-е и 1870-е годы (эти десятилетия были выбраны в первую очередь как связанные с первой и второй революционными ситуациями в России). Общее руководство при-

¹⁷ Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.): Документы и материалы / Сост. И. И. Варжо. Отв. ред. Т. А. Ремезова. М., 1954.

¹⁸ Чугаев Д. А. О методике археографии советской эпохи. — АЕ за 1962 год. М., 1963, с. 359—365; Ознобишин Д. В. Дмитрий Агеевич Чугаев (1899—1973). — АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 351—352. Список научных трудов Д. А. Чугаева: (К 75-летию со дня рождения). — АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 345.

¹⁹ Валк С. Н. Советская археография, с. 181—255.

²⁰ Бадя Л. В. Академик А. М. Панкратова — историк рабочего класса СССР. М., 1979, с. 125—137.

²¹ Отмена крепостного права: Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы, 1861—1862. / Отв. ред. С. Н. Валк. М.; Л., 1950. Том был подготовлен старшими научными сотрудниками ЦГИАЛ Г. М. Дейчем и В. М. Меламедовой.

надлежало Дружинину, в работе участвовали К. В. Сивков, Е. К. Пшеницына, Д. Я. Брилон. Предметом обсуждений стал вопрос отбора для издания из массы сохранившихся в архивных фондах документов. Были определены основные принципы решения: в подготавливаемые тома отбирались документы, отражающие массовые волнения крестьян, возникавшие по разным причинам; не включались единичные случаи протеста, не повлекшие за собой массового или группового участия крестьян; было обращено особое внимание составителей на факты волнений, имевших экономическую основу, как одну из наименее изученных сторон крестьянского движения. К 1951 г. работа значительно продвинулась, но не была завершена. Позже, в 1959—1968 гг., Институт истории совместно с ГАУ, ЦГИАЛ, затем ЦГИА СССР осуществил по разработанному Дружининым плану и под его руководством 8-томное издание документов по истории крестьянского движения в России с конца XVIII в. по 1900 г. В нескольких томах были использованы материалы, собранные в Институте в конце 1940-х—начале 1950-х годов, как и опыт работы тех лет²².

До войны ЛОИИ совместно с Ленинградским филиалом ЦГВИА издал в 1937 и 1941 гг. первый и второй тома «Дела петрашевцев», третий том вышел в 1951 г.²³

По периоду империализма была подготовлена одна публикация. В. Д. Бонч-Бруевич предложил Археографическому совету сборник документов из своего собрания — коллекцию документов Главного штаба и других военных учреждений Петербурга январских дней 1905 г., предшествовавших 9 января, написанных в течение дня 9 января и в последующие дни. Сборник был подготовлен к печати, по предложению его редактора Н. С. Трусовой дополнен большевистскими листовками о 9 января (составившими вторую часть), прошел обсуждение и рецензирование, был утвержден к печати, доведен в издательстве до верстки. Позже, при издании Институтом истории совместно с ГАУ и ЦГИАМ многотомной публикации по истории революции 1905—1907 гг., часть документов этой коллекции Бонч-Бруевича вошла в том, посвященный революционным событиям января—марта 1905 г.²⁴

Наибольшее число публикаций было подготовлено и выпущено в свет по периоду феодализма. Это отражало основное направление археографической работы Института истории в довоенное время, Археографической комиссии 1944—1948 гг. и перспективного плана 1946—1950 гг. По серии законодательных памятников в 1940 и 1947 гг. вышли в свет первый и второй тома капитального комментированного издания «Правды Русской», подготовленного специалистами Москвы и Ленинграда. Третий том был определен для фотомеханического воспроизведения 15 списков «Русской правды». В конце 1940-х—начале 1950-х годов его подготовку вел в Москве крупный исследователь памятника В. П. Любимов. Технические трудности задерживали работу; выпуск третьего тома, завершающего это замечательное издание, осуществился лишь в 1963 г.²⁵

В серии «Законодательные памятники Русского централизованного государства XV—XVII вв.» еще до войны и в послевоенные годы в ЛОИИ велась работа по комментированному изданию судебников, к которому в Москве был привлечен Л. В. Черешнин. Том «Судебники XV—XVI вв.»

²² Крестьянское движение в России в XIX—начале XX в., 1857 — май 1861. М., 1963, с. 37; Крестьянское движение в России в XIX—начале XX в., 1870—1880. М., 1968, с. 52; Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М., 1978, с. 72—73, 79; Папна Э. С. Н. М. Дружинин — археограф. — АЕ за 1971 год. М., 1972, с. 245—249.

²³ Дело петрашевцев. Т. III / Подгот. к печати В. Р. Лейкиной-Свирской; Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1951.

²⁴ Революция 1905—1907 гг. в России. Начало первой русской революции, Январь — март 1905 г. / Под ред. Н. С. Трусовой (отв. ред.), А. А. Новосельского и Л. Н. Пушкарева. М., 1955, с. XXX, XXXII.

²⁵ Правда Русская / Под общ. ред. Б. Д. Грекова. Т. 3. Факсимильное воспроизведение текстов / Отв. ред. А. А. Новосельский; Подгот. к печати: В. П. Любимов, А. А. Новосельский, Л. В. Черешнин, А. Н. Насонов, А. А. Зимин, Н. А. Бакланова. М., 1963.

издан в 1952 г. Тексты судебныхников подготовили Л. В. Черепнин и Р. Б. Мюллер; комментарии к судебнику 1497 г. написал Л. В. Черепнин, к судебнику 1550 г. — Б. А. Романов, к судебнику 1589 г. — А. И. Копанев, редакторами тома были И. И. Смирнов и С. Н. Валк, общая редакция принадлежала Б. Д. Грекову.

Параллельно с осуществлением этого издания в ЛОИИ Р. Б. Мюллер готовила к изданию указы, вышедшие за период с 1550 по 1649 г. — до Соборного уложения 1649 г. Предложенный ею Археографическому совету план издания вызвал в совете и его бюро оживленные споры. Р. Б. Мюллер (ее поддерживали И. И. Смирнов, А. И. Андреев, а также Б. А. Романов и С. Н. Валк) предложила издать указы в строго хронологическом порядке, своего рода «свод законов» независимо от нахождения многих из них в указных книгах приказов. При обсуждении в Москве высказывалось мнение, что дошедшие до нас хотя бы в отрывках указные книги приказов надо публиковать как памятники, отражающие участие приказов в законодательной деятельности (об этом говорили С. В. Бахрушин, И. А. Голубцов, А. И. Яковлев; к их мнению примкнул Б. Д. Греков, к нему склонялся А. А. Зимин). Эти споры, а также новые архивные находки самой Р. Б. Мюллер и других исследователей задержали работу, вызвали необходимость более подробно аргументировать составительнице свою точку зрения, что и было изложено ею позже в двух статьях²⁶.

Плодотворной и внушительной по результатам стала работа по серийному изданию актов.

До войны группа сотрудников ЛОИИ под руководством Валка в основном подготовила том «Грамот Великого Новгорода и Пскова», который после доработки вышел в свет в 1949 г. Еще в последние годы войны и в первые послевоенные годы в Институте истории в Москве началась коллективная подготовка публикации с условным названием в отчетах и планах «Древнейшие московские акты», целью которой было издать все сохранившиеся акты Северо-Восточной Руси по 1505 г. Встали вопросы о принципах издания и о том, как использовать результаты длившейся десятилетиями работы С. Б. Веселовского по подготовке к печати актов Троице-Сергиева монастыря. И здесь возникли острые споры. А. И. Андреев (к его точке зрения в Ленинграде примыкал И. И. Смирнов) считал необходимым строго хронологический принцип издания независимо от происхождения акта из того или иного фонда. Другая сторона (С. Б. Веселовский, С. В. Бахрушин, И. А. Голубцов, А. А. Зимин и др.; это мнение поддержал и Б. Д. Греков) отстаивала принцип издания актов по исторически сложившимся фондам — прежде всего по сохранившимся фондам монастырей. Основанием для этого служила не только и даже не столько практическая сторона дела: строго хронологический принцип откладывал доведение до печати хотя бы первого тома на длительный, не поддающийся определению срок; главным принципиальным доводом была необходимость дать публикацию комплексов источников для изучения проблемы феодального землевладения. Решили подготовить в первом томе акты Троице-Сергиева монастыря по 1505 г. на основе сборника актов С. Б. Веселовского. Дополнительную работу выполнил коллектив сотрудников (И. А. Голубцов, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин), и первый том «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.» вышел в свет уже в 1952 г. под редакцией Б. Д. Грекова. Это фундаментальное издание было продолжено вторым (М., 1958) и завершено третьим (М., 1964) томами, подготовленными И. А. Голубцовым под редакцией Л. В. Черепнина²⁷.

²⁶ Мюллер Р. Б. Некоторые замечания об издании законодательных актов второй половины XVI в. — ПИ, 1960, т. 9, с. 333—340; Она же. Законодательные акты второй половины XVI и первой половины XVII в. и принципы их издания. — ВИД, 1976, вып. 8, с. 84—95. В настоящее время это издание и комментированное издание Уложения 1649 г. осуществляются ЛОИИ.

²⁷ «Строго фондовый характер» носит и подготовленная ЛОИИ публикация северных актов XVI в. См.: Носов Н. Е. Актовые источники по истории русского Севера и

Осуществлялось издание нескольких сборников актов: «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (М.; Л., 1950) и сборник актов Московского митрополичьего дома, начавший серию «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.» (М., 1951). Оба сборника, подготовленные Л. В. Черепниным, вышли под редакцией С. В. Бахрушина; для второго тома названной серии А. А. Зимин готовил в те же годы акты Иосифо-Волоколамского монастыря (они вышли под редакцией Л. В. Черепнина в 1956 г.).

В дореволюционные годы А. И. Яковлев начал подготовку издания новгородских кабальных книг, частично осуществленного им в 1938 г.²⁸ и вызвавшего рецензию В. И. Шункова, в которой обосновывалась необходимость сокращенного издания таких массовых источников, как записные кабальные книги²⁹. Еще до войны Шунков подготовил к печати не вошедшие в сборник Яковлева и в более ранние публикации Новгородские кабальные книги (по 1609 г.) как опыт сокращенного издания; ни до войны, ни в послевоенные годы оно не было осуществлено³⁰.

В 1950-х годах Яковлев предполагал заняться изданием всех «древнейших» новгородских кабальных книг и записных книг старых крепостей 1597—1598 гг., остающихся неопубликованными. В связи с этим начались поиски подлинника так называемой «Книги Лакиера» — той части записной книги старых крепостей 1598 г., которая была опубликована в извлечениях в 1855 г. харьковским ученым А. Б. Лакиером³¹. Смерть А. И. Яковлева в 1951 г. помешала осуществлению его замысла³².

В 1936 г. в ЛОИИ был поставлен вопрос о необходимости издания нового «Полного собрания русских летописей» ввиду того, что многие тома прежнего издания не отвечали современным научным требованиям. М. Д. Приселков составил план нового издания — огромные масштабы предстоящей работы остановили его реализацию³³. Однако подготовка к изданию ряда летописей продолжалась, после окончания войны оказалась возможным выпустить их в свет. Так, в 1950 г. вышла Новгородская I летопись, подготовленная А. Н. Насоновым³⁴. В том же году была издана выполненная М. Д. Приселковым до войны реконструкция сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи, подготовленная к печати К. Н. Сербиной³⁵. Она же подготовила «Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)» (М.; Л., 1950). Если эти летописи были изданы вне оборвавшейся в 1921 г. на т. XXIV серии ПСРЛ, то М. Н. Тихомиров опубликовал в 1949 г. «Московский летописный свод конца XV в.» как т. XXV этого издания (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV).

некоторые вопросы изучения социального расслоения крестьянства XVI в. — ВИД, 1982, вып. 13, с. 25.

²⁸ А. И. Яковлев (1878—1951). — ВИ, 1951, № 9, с. 183; *Душинов С. М.* К истории отечественной археографии (издания, подготовленные А. И. Яковлевым). — АЕ за 1976 год. М., 1977, с. 114—115.

²⁹ *Шмидт С. О.* В. И. Шунков — источниковед и археограф. — АЕ за 1967 год, с. 360—361.

³⁰ Одной из причин этого, возможно, была новизна приемов подготовки текстов. См.: *Кушева Е. Н.* О работе В. И. Шункова по подготовке издания кабальных книг конца XVI—начала XVII в. и записных книг старых крепостей 1597—1598 гг. — АЕ за 1975 год. М., 1976, с. 189—198. Вопрос о необходимости издания подготовленного Шунковым тома кабальных книг был поставлен на заседании Археографической комиссии в 1976 г. См.: Тихомировские чтения 1976 г. — АЕ за 1977 год. М., 1978, с. 240—241.

³¹ Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855, кн. 2, 1-я половина, отд. 2, с. 31—75.

³² *Панеев В. М.* Холопство в XVI—начале XVII в. / Отв. ред. Н. Е. Носов. Л., 1975, с. 262—265.

³³ *Валк С. Н.* Советская археография, с. 139—146; *Он же.* Б. Д. Греков как деятель археографии, с. 227—228; *Лурье Я. С.* Изучение русского летописания. — ВИД, 1968, вып. 1, с. 11 и др.

³⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.; Л., 1950.

³⁵ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста / Отв. ред. К. Н. Сербина. М.; Л., 1950.

В 1948 г. вопрос об издании нового полного собрания русских летописей вновь был поставлен. М. Н. Тихомиров составил проект специальной инструкции³⁶, вопрос этот не раз обсуждался в Москве в 1948—1951 гг. с привлечением Д. С. Лихачева и К. Н. Сербиной. Ясно определилась необходимость большой подготовительной работы по обследованию рукописей, содержащих летописные тексты. Как в 1930-х годах, так и в конце 1940-х—начале 1950-х годов грандиозность задачи нового издания ПСРЛ остановила его осуществление, что не прекратило развернувшихся в дальнейшем разысканий и издания неизвестных ранее летописей³⁷.

Одной из больших проблем в работах сектора истории СССР периода феодализма была проблема предпосылок и процесса складывания всероссийского рынка, начала «нового периода» в истории России. Значение записных книг внутренних таможен Русского государства как ценнейшего источника для изучения этой проблемы было ясно. А. И. Яковлев возбудил вопрос об их издании со свойственным ему размахом. Еще до 1917 г. он обратил внимание на сохранившийся в МАМЮ (теперь ЦГАДА) огромный массив таможенных книг трех городов северного речного пути — Великого Устюга, Соли Вычегодской и Тотьмы за 1620—1670-е годы и организовал их копирование. В послевоенные годы по ходатайству Яковлева Президиум Академии наук выделил Институту истории четыре штатные единицы специально для осуществления издания таможенных книг. В штате сектора была образована группа из приглашенных Яковлевым сотрудников — Л. Н. Пушкарева, З. Н. Бочкаревой, Н. Г. Вершининой-Савич, Г. А. Ляховой-Федоровой. В секторе истории СССР периода феодализма (заведующий С. В. Бахрушин) план издания подвергся тщательному обсуждению, был доложен Археографическому совету, утвержден, и уже в 1948 г. началась работа по его выполнению. Было признано рациональным отказаться от последовательного издания таможенных книг и предложено трехтомное издание с публикацией таможенных книг трех названных городов по трем периодам XVII в.: 1630-е, 1650-е и 1670-е годы (по две по возможности синхронные книги этих городов для каждого из трех десятилетий), с тем чтобы показать процесс товарного обращения в динамике. Первый том появился в свет в 1950 г., второй и третий — в 1951 г.³⁸

До войны коллектив сотрудников московской группы Историко-археографического института, затем археографического сектора Института истории (руководитель А. Н. Сперанский, его сотрудники: Н. Г. Бережков, В. И. Шунков, Н. В. Устюгов) подготовили публикацию документов о ремесле и формах найма в Московском государстве XVII в. Первый том (три выпуска) в 1941 г. был готов к печати, но война помешала изданию. Археографическому совету было известно об этом, тема привлекала внимание А. М. Панкратовой, но до публикации в послевоенные годы не дошла очередь, и машинопись готового труда и сейчас остается неизданной³⁹.

В 1950 г. директор ЦГАДА В. Н. Шумилов обратился в Археографический совет с предложением совместного капитального издания документов «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», подготовку которого вела сотрудница публикаторского отдела ЦГАДА Е. А. Швецова. С 1930-х годов тема крестьянских войн в России определилась как центральная в изучении проблемы классовой борьбы в эпоху феодализма. Предложение было принято, редактором от Института истории назначен А. А. Новосельский. Результатом многолетней тщательной работы Швецовой по выявлению, анализу и отбору документов и их подготовке к печати

³⁶ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979, с. 342—354; Тальман Е. М. Указ. соч., с. 114—115; Валк С. Н. Археографическая деятельность М. Н. Тихомирова, с. 8.

³⁷ Буганов В. И. Об издании русских летописей. — АЕ за 1971 год, с. 17—28. Созданная в 1957—1959 гг. в Институте истории специальная группа по изданию ПСРЛ выпустила в 1983 г. уже 37-й том ПСРЛ.

³⁸ Душинов С. М. Указ. соч., с. 117—118.

³⁹ НАИИ, шифр А, р. 1, оп. 2, д. 40—46; Булгаков М. Б. Обзор фонда А. Н. Сперанского. — АЕ за 1969 год. М., 1971, с. 287.

явилась четырехтомная публикация в пяти книгах (т. I—III изданы в 1954—1962 гг. под редакцией А. А. Новосельского и В. И. Лебедева, т. IV, дополнительный, — в 1976 г. под редакцией Л. В. Черепнина).

При подготовке этой публикации одним из сложных вопросов, требовавшим обсуждений и рецензий, был вопрос отбора документов для печати из массы материалов, выявленных в различных фондах и хранилищах. Стремление помочь углубленной работе исследователей вызвало особый характер примечаний, где большое место занимают ссылки на выявленные документы, не включенные в издание, но дополняющие опубликованные.

Как указывалось, в 1943 г. в Москве по инициативе А. И. Андреева и под его руководством была создана группа для продолжения издания «Письма и бумаги императора Петра Великого». В состав группы входили Н. А. Бакланова, Е. П. Подъяпольская, С. А. Фейгина, Т. К. Крылова и А. П. Глаголева; в 1943 г. короткое время ее возглавлял Ю. В. Готье. Уже в 1946 г. был издан вып. 2 т. VII (вып. 1 вышел в 1918 г.), в 1948 г. — вып. 1 т. VIII, в 1951 г. — вып. 2 того же тома, в 1950—1952 гг. вып. 1 и 2 т. IX (с 1950 г. в связи с отъездом Андреева в Ленинград редактором стал Б. Б. Кафенгауз). Особенностью советского издания по сравнению с дореволюционным было большое внимание ко вторым выпускам томов, превышающим по объему первые: если первые включают письма и бумаги самого Петра, то вторые — письма и бумаги его корреспондентов и сотрудников, а также документы, освещающие обстановку; благодаря этому смягчается персонификация Петра I и дается широкий круг сведений о событиях эпохи⁴⁰.

В послевоенное время в изучении XVIII в. в Москве и Ленинграде большое место заняли две темы — история крестьянства и развитие при господстве феодализма зачатков новых капиталистических отношений. Это отразилось на тематике публикаций документов XVIII в.

Созданная под руководством Б. Д. Грекова комиссия по истории земледелия в СССР предложила Археографическому совету [подготовленную К. В. Сивковым при участии на начальном этапе А. М. Станиславской, затем Е. И. Индовой публикацию «Материалов по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.». Она вышла в свет в 1951 г. и была основана на «отписных книгах» конфискованных вотчин и поместий из фондов Поместного приказа и Вотчинной коллегии (ЦГАДА). Хронологические рамки сохранившихся книг позволяют продолжить до 80-х годов XVIII в. издание этих материалов, особенно ценных для изучения крестьянского хозяйства, а также истории земледелия⁴¹; эта возможность остается неиспользованной.

В 1950 г. в ЦГАДА под редакцией Б. Б. Кафенгауза была в основном закончена обработка т. I крестьянских наказов в Уложенную комиссию 1767 г., составленного кончившей аспирантуру АОН К. Г. Анисимовой (в дореволюционном серийном издании наказов в «Сборнике РИО» крестьянские указы не были опубликованы). Археографический совет принял предложение ГАУ и ЦГАДА издать этот том совместно. Состоявшееся в 1951 г. уже в Археографической комиссии обсуждение этой публикации показало необходимость доработки⁴².

Еще в 1930-х годах Историко-археографический институт осуществил ряд публикаций, посвященных крепостной мануфактуре XVIII в.⁴³ Уже

⁴⁰ Подъяпольская Е. П. Указ. соч., с. 56—61. Выраженный В. В. Макасовым и М. С. Селезневым упрек в том, что в вышедших после войны томах объем примечаний превышает объем текстов самого Петра, не учитывал этих задач советского издания (Макасов В. В., Селезнев М. С. О публикации документальных материалов в СССР. — ВИ, 1952, № 2, с. 101). Работа над серийным изданием продолжается; последний вышедший том — 12-й — появился в 1977 г.

⁴¹ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. / Подгот. к печати и предисл. К. В. Сивкова. М., 1951, с. 4—6; ЦГАДА: Путеводитель. М., 1946, с. 272—273 (Канцелярия конфискации).

⁴² НАИИ, ф. 1, р. III, оп. 1, д. 3.

⁴³ Валк С. Н. Советская археография, с. 152—153, с. 163—167.

тогда выяснилась важность изучения непривилегированной крестьянской промышленности для проблемы развития капитализма в России. В 1935 г. вышел в свет подготовленный коллективом сотрудников ЛОИИ под редакцией В. Н. Кашина т. I «Материалов по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.», а перед войной И. В. Мешалиным были в основном подготовлены т. II и III этой серии⁴⁴. Том II после смерти И. В. Мешалина в 1942 г. был издан ЛОИИ (1950), т. III остался неопубликованным.

Историко-археографический институт в первой половине 1930-х годов и ЛОИИ в довоенные годы подготовили и частично осуществили издания сборников документов по истории народов СССР⁴⁵. После войны, благодаря созданию Академий наук союзных республик, филиалов Академии наук СССР и научно-исследовательских институтов в автономных республиках РСФСР, подготовка публикаций по этой тематике не заняла в Институте истории заметного места; но одна из серий, начатая Историко-археографическим институтом, была продолжена. Совет министров Башкирской АССР и Башкирский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории обратились в ЦГАДА и в Институт истории АН СССР с просьбой возобновить издание материалов по истории Башкирской АССР, начатое в 1936 г. Историко-археографическим институтом изданием т. I под редакцией А. П. Чулошникова (т. II был подготовлен перед войной, но издание его задержалось из-за смерти А. П. Чулошникова)⁴⁶. Составление плана публикации поручили Н. В. Устюгову, который предложил проспект шеститомного издания. В ЦГАДА работа возобновилась подготовкой т. III, вышедшего уже в 1949 г. Его составителем была Н. Ф. Демидова (при участии Т. Д. Лавренцовой), тогда сотрудница публикаторского отдела ЦГАДА, редактором — Н. В. Устюгов, ответственным редактором — Б. Д. Греков. Том посвящен экономическим и социальным отношениям в Башкирии в первой половине XVIII в., в нем широко использованы записные крепостные книги Уфимской крепостной канторы XVIII в., подобные источники до того еще не публиковались. Издание тома показало, какие ценные сведения по социально-экономическим отношениям нерусских народов можно извлечь из архивных фондов местных русских учреждений⁴⁷. Позже эту серию продолжили т. IV (ч. 1, 2) и V (М., 1956—1960).

Созданный в Институте истории в последние годы войны военно-исторический сектор организовал совместно с ГАУ, ЦГВИА и ЦГАВМФ широкую работу по изданию многотомных документальных серий «Русские полководцы» и «Русские флотоводцы»; они хорошо известны. В 1948—1951 гг. вышли первые тома серий: «А. В. Суворов», «М. И. Кутузов», «Адмирал Ушаков». Издание осуществлялось Воениздатом и не проходило утверждения Археографическим советом и Ученым советом Института истории.

Институт истории АН СССР, основанный в 1936 г., объединил изучение истории СССР и всеобщей истории. Назначение С. Д. Сказкина заместителем председателя Археографического совета предполагало, что археографическую работу будут вести и сектора всеобщей истории. Однако в 1948—1951 гг. она не развернулась.

Серия «Предшественники научного социализма», выходящая под общим руководством В. П. Волгина, осуществлялась, как и ряд изданий ЛОИИ, без обсуждения в Археографическом совете. В ЛОИИ велась подготовка т. 2 «Актов Кремоны» по собранию Архива ЛОИИ (т. 1 вышел

⁴⁴ Там же, с. 165; Аллатова В. Д. Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда: (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР). — АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 247—248.

⁴⁵ Валк С. И. Советская археология, с. 147—148, 160—161, 178, 198—199.

⁴⁶ Аллатова В. Д. Указ. соч., с. 252—253.

⁴⁷ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 3. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. М.; Л., 1949, с. 3—4. Рецензию Е. Н. Кушевой на это издание см.: ВИ, 1950, № 3, с. 125—127.

в 1937 г., т. 2 — в 1961 г.)⁴⁸ и надписей Боспора Киммерийского. Это сложное издание потребовало многолетней совместной с археологами коллективной работы и было осуществлено в 1965 г.⁴⁹ Специалисты ЛОИИ по византиноведению работали над переводами трудов нескольких византийских писателей (Агафий Миринейский, Никифор, Синесий Киренский и др.)⁵⁰.

Разносторонняя археографическая деятельность ЛОИИ заслуживает специального обзора.

План 1936 г. предполагал публикацию известий иностранных писателей о России, выполнение которой было начато до войны при активнейшем участии С. А. Аннинского, знатока Россиики. После войны Б. Д. Греков считал необходимым возобновление изданий этой серии, в первую очередь выполненных Аннинским переводов⁵¹, велись их поиски, начата была и переписка с харьковским арабистом А. П. Ковалевским, осуществившим перевод и издание «Путешествия Ибн-Фадлана на Волгу» (Л., 1939)⁵². В настоящее время Россияки входит в состав запланированного сектором древнейших государств на территории СССР «Корпуса древнейших источников по истории народов СССР»⁵³, работа над которым ведется.

В 1949 г. изданием т. 4 возобновилось (начатое в ЛОИИ в 1936 г. и оборвавшееся на т. 3 в 1940 г.) издание неперIODических сборников «Исторический архив», названное С. Н. Валком «полезнейшим»⁵⁴. Оно ставило задачу публиковать отдельные ценные документы или небольшие по объему группы документов, не входящих в тематические сборники (редколлегия: Б. Д. Греков — отв. ред.; И. У. Будовниц — отв. секр.), и принимало к печати материалы не только сотрудников института, но и поступавшие со стороны. В 1950—1951 гг. были изданы т. 5—7. Последовавшие за ними и подготовленные уже сектором публикации источников т. 8—10 (1953—1954; редколлегия т. 8 возглавлял Б. Д. Греков, т. 9—10 — А. А. Новосельский) были изданы по несколько иному принципу — как тематические: т. 8 посвящен историческим судьбам русского крестьянства, т. 9 — уральской промышленности XVIII—первой половины XIX в. В т. 10 был опубликован дневник полковника Рапевского. Издание неперIODического «Исторического архива» в 1954 г. прекратилось с выходом в свет с 1955 г. перIODического «Исторического архива» — журнала, выпускавшегося Институтом истории АН СССР при участии ИМЛ и ГАУ.

Все это показывает, что археографическая деятельность Института истории, его секторов, ЛОИИ и Археографического совета в 1948—1951 гг., как и Археографической комиссии 1944—1948 гг., носила практический характер. Но в ходе археографической работы неизбежно вставали вопросы методологии и методики; им были посвящены и многие страницы «Советской археографии» С. Н. Валка. Приведенные примеры подтверждают неразрывную связь теории и практики. Остановлюсь подробнее на нескольких общих вопросах, не потерявших значения и в настоящее время.

Определение темы и задач вновь начинаемых археографических работ, выяснение значения для советской исторической науки рекомендованных к печати изданий документов, оценка подготовительной источниковедческой работы — все это требовало обращения к вопросам методологии.

⁴⁸ Акты Крeмоны XIII—XVI веков в собрании АН СССР / Под ред. В. И. Рутенбурга и Е. Ч. Скржинской. М.; Л., 1961. Т. 2.

⁴⁹ Корпус боспорских надписей / Под. ред. В. В. Струве (отв. ред.) и др. М.; Л., 1965 (ЛОИИ, ЛОИА).

⁵⁰ Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер., ст. и предисл. М. В. Левченко; отв. ред. Л. А. Мацулевич. М.; Л., 1953. См. также: Византийский временник. М., 1950, т. 3, с. 349—387; 1953, т. 6, с. 327—357.

⁵¹ Пашуто В. Т. Советский археограф С. А. Аннинский. — АЕ за 1969 год. М., 1971, с. 179—183. Обзор фонда С. А. Аннинского см.: Алпатога В. Д. Указ. соч., с. 242—243.

⁵² Валк С. Н. Советская археография, с. 146.

⁵³ Корпус древнейших источников по истории народов СССР: Материалы совещания археографов-медиевистов РСФСР, 11—12 апреля 1972 г. М., 1973. Ротапр.; Новосельцев А. П. Творческий путь В. Т. Пашуто. — История СССР, 1984, № 4, с. 83.

⁵⁴ Валк С. Н. Советская археография, с. 24.

Один из основных методологических принципов — полнота информации по теме публикации — являлся предметом подробных обсуждений на заседаниях Археографического совета и его бюро.

В изданиях Историко-археографического института первой половины 30-х годов нередко обширные предисловия исследовательского характера по теме сборников документов, основанные на входивших в них материалах. Такие предисловия были признаны ненужными. Но указывалось на необходимость исторических предисловий, которые давали бы сведения об обстановке, отражали результаты источниковедческой работы и содержали классовую характеристику публикуемых источников. Обязательным считалось археографическое введение.

Предметом многочисленных обсуждений был вопрос о передаче текста документов периода феодализма. Возникали разногласия, и вышедшие в те годы издания решали вопрос неоднозначно. Споры шли в основном о том, стремиться ли в изданиях документов феодального периода, особенно до XVI в., удовлетворять интересы не только историков, но и филологов или готовить их для историков-исследователей, как определялось «Правилами издания документов XVI—XVII вв.», принятыми в 1936 г. Историко-археографическим институтом⁵⁵.

Вышедшие в 1949 г. под редакцией С. Н. Валка «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» были подготовлены без учета интересов филологов. В названной выше инструкции об издании русских летописей М. Н. Тихомиров также не считал возможным усложнять работу по подготовке их текста⁵⁶. Все послевоенные издания летописей осуществлены именно так.

Не давало усложненного текста и издание трех судебных Русского государства: единственный сохранившийся список судебного 1497 г. сопровождается его фотомеханическим воспроизведением. Для актов Северо-Восточной Руси особые правила передачи текста были разработаны И. А. Голубцовым и утверждены в 1948 г. А. И. Андреевым как ученым секретарем Археографической комиссии. Они предусматривали издание подлинников актов по 1505 г. по усложненному способу: с сохранением вышедших из употребления букв и системой скобок для выносных букв и раскрытия титл. Л. В. Черепнин издал «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», стремясь удовлетворить и филологов. Эта сторона издания вызвала критику Б. А. Романова, считавшего, что филолог не сможет обойтись без обращения к подлиннику или его фотокопии, между тем как усложненная передача текста мешает исследовательской работе историка⁵⁷. Осуществленные в послевоенные годы издания документов, начиная с XVI в., передавали текст по правилам 1936 г.

Вопрос о передаче текста документов феодального периода решается и сейчас неоднозначно в продолжающихся изданиях актов⁵⁸.

Число сохранившихся документов увеличивается с XVI в., особенно резко — с XVII в. Невозможность их исчерпывающей публикации ставила и продолжает ставить вопрос о том, как осуществлять издание массовых источников. Об опыте подготовки сокращенного издания новгородских кабальных книг, предпринятого В. И. Шунковым перед войной, говорилось выше. В 1948 г. К. Г. Митяев выдвинул предложение табличной передачи содержания таможенных книг (на примере книг Смоленской та-

⁵⁵ ПИ, 1936, т. 2, с. 315—333.

⁵⁶ Тихомиров М. Н. Русское летописание, с. 351.

⁵⁷ В «Письмах и бумагах императора Петра Великого» по особым правилам публикуются подлинники текстов самого Петра, как было принято в дореволюционных томах издания А. И. и И. А. Бычковыми. Это правило сохраняется в советском издании не из-за интересов филологов, а из-за чрезвычайного своеобразия почерка Петра. См.: Майкова Т. С. Проект инструкции по изданию «Писем и бумаг Петра Великого». — ПИ, 1961, т. 9, с. 439—463.

⁵⁸ См.: Полоцкие грамоты XIII—начала XVI в. / Сост. А. Л. Хорошкевич; Отв. ред. А. А. Зимин. М., 1977—1982. Вып. 1—4. Ротапр.; Акты Московского государства 1505—1526 гг. М., 1975, с. 4—5; См. также: Носов Н. Е. Указ. соч.

можни)⁵⁹. А. И. Яковлев не последовал этому предложению: из огромного массива таможенных книг XVII в. северного речного пути им было опубликовано 18; в их текст введены лишь сокращения многократно повторяемых слов. Издатели отписных книг конфискованных имений первой четверти XVIII в. пошли дальше по пути сокращения текстов: устоявшийся формуляр, его вводная часть даны полностью в документе № 1; некоторые перечни заменены цифровыми подсчетами, данными курсивом, и др.⁶⁰.

В книге «Советская археография» С. Н. Валк посвятил специальный раздел правилам издания источников и дал подробный анализ последнего печатного предшествовавшего его книге издания правил «Основные правила публикации документов государственного архивного фонда Союза СССР» (М., 1945, Институт истории АН СССР, ГАУ). О необходимости подготовить новые правила подняла вопрос А. М. Панкратова на первом же заседании Археографического совета в апреле 1948 г. За годы деятельности совета эта задача не была выполнена; но археографическая практика, обсуждения, споры давали обширный материал, использованный при подготовке проекта новых правил, изданных в 1955 г.⁶¹

В 1948 г. М. Н. Тихомиров выступил на страницах «Вопросов истории» со статьей о необходимости спешной организации археографической экспедиции для сбора рукописей и документов у населения, напоминая, что «время не терпит», и обратился за поддержкой в Археографический совет и дирекцию Института истории. В 1949 г. Отделение истории и философии АН СССР возбудило перед Президиумом АН СССР ходатайство об ассигновании необходимых для экспедиции средств. Оно не было удовлетворено ни в 1949, ни в 1950 г., и экспедиция не состоялась. Но Михаил Николаевич не оставил мысли о необходимости археографических экспедиций и о включении в деятельность Академии наук вопросов общего руководства этим важным делом, что оказалось возможным для Археографической комиссии, созданной по его инициативе в 1956 г.⁶²

В отчете об археографической деятельности Института истории за 1950 г. указывалось на возникшие затруднения. Редакторы археографических изданий и многие составители были заняты по коллективным трудам «История Москвы», «Очерки истории СССР», «Всемирная история» авторской и ответственной редакторской работой; возникла необходимость ограничить их занятия археографией. Это стало одной из основных причин изменения организации археографических работ института.⁶³

В марте 1951 г. Археографический совет был заменен постоянной Археографической комиссией Института истории, но вскоре археографические работы сосредоточились в двух специальных его секторах — публикации и источниковедения дооктябрьского и советского периодов. Рассмотрение дальнейшей археографической деятельности Института истории не входит в задачу настоящей статьи.

⁵⁹ Митяев К. Г. К вопросу о передаче содержания таможенных книг XVII в.: (Смоленские таможенные книги). — ТМГИАИ, 1948, т. 4, с. 281—300. Ряд таблиц, составленных по таможенным книгам Тихвинского посада, дала К. Н. Сербина в книге «Очерки из социально-экономической истории русского города» (М.; Л., 1951).

⁶⁰ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. Широкое обсуждение вопроса об издании массовых источников разных эпох состоялось на заседании Археографической комиссии в 1976 г. Последним шагом в выработке приемов издания массовых источников является составление таблиц с применением математических методов. См.: Тихомировские чтения 1976 г. — АЕ за 1977 год, с. 221—252. Табличным способом изданы ЛОИИ сборники «Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI—XVII вв.» (М.; Л., 1977. Вып. 1—4. Ротапр.) и «Хозяйство крепостного крестьянина XVII в. Переписная книга 1671 г. по с. Лыскову с приселками и деревнями» (М.; Л., 1982. Вып. 1, 2. Ротапр.).

⁶¹ Правила издания документов: (Проект). На правах рукописи. М., 1954 (Ин-т истории АН СССР, ГАУ, Историко-архивный ин-т); Правила издания исторических документов. М., 1955 (Ин-т истории АН СССР, ГАУ, МГИАИ).

⁶² Павлов-Сильванский В. Б. М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций. — АЕ за 1970 год. М., 1971, с. 249—253; Шмидт С. О. 25 лет Археографической комиссии АН СССР. — АЕ за 1981 год. М., 1982, с. 235—237.

⁶³ НАИИ, ф. 1, оп. 1, д. 138, 227, 231.

М. Ф. Шумейко

**ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ
ПАРТИЙНО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ БЕЛОРУССИИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**
(по материалам ПА ИИП при ЦК КП Белоруссии)

Успешное научное исследование истории советского партизанского движения и подполья в годы Великой Отечественной войны во многом зависит от состояния источниковой базы. В 1961 году в редакционной статье журнала «История СССР» признавалось целесообразным усилить историко-ведческое изучение материалов о партизанском движении и подполье, широко организовать сбор воспоминаний участников борьбы, используя богатый опыт работавших в годы войны и первые послевоенные годы комиссий по истории Великой Отечественной войны¹. Проблема пополнения источниковой базы продолжает оставаться актуальной и сегодня, несмотря на значительный шаг вперед в деле собирания источников.

Не менее важной остается и проблема научной разработки накопленного документального богатства. Значительное количество источников по истории всенародной борьбы в тылу врага сохранилось в Белоруссии, которую в годы войны советские люди по праву с любовью и уважением называли партизанской республикой. На ее территории вели бои с оккупантами 213 партизанских бригад, в состав которых входило около 1000 отрядов; 258 отрядов были отдельно действующими. В рядах партизан насчитывалось свыше 370 тыс. бойцов. 70 тыс. подпольщиков боролись в городах и других населенных пунктах².

Значительна научная и практическая ценность хранящихся в ПА ИИП при ЦК КП Белоруссии документов по истории подполья, часть из которых опубликована³. Однако недостаточно изучен вопрос о складывании источниковой базы, ее влияния на ход изучения всенародной борьбы в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, составной частью которой является подпольная борьба. Можно назвать лишь несколько статей, в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы состояния источниковой базы для изучения подполья.

Так, статья С. З. Почанина касается источниковой базы, в ней отмечается, что в Партийном архиве «хранится много ценнейших документальных материалов подпольных партийных и комсомольских комитетов, отражающих многогранную работу Коммунистической партии по организации и руководству борьбой трудящихся против немецко-фашистских захватчиков»⁴. Наибольший интерес в плане изучения методики работы над историей Минского партийного подполья (в том числе и исследования формирования его источниковой базы) представляет статья этого же автора «Научно-исследовательская и справочная работа по материалам парти-

¹ Создадим историю народного партизанского движения 1941—1945 гг. — История СССР, 1961, 2, с. 9. На ограниченность источниковой базы как одну из причин недостатков в литературе по этой теме указывали также академик А. М. Самсонов и А. А. Курносков (ВИ, 1964, № 12, с. 110).

² Сурганов Ф. Подвиг ратный, подвиг трудовой. — Коммунист Белоруссии, 1974, № 6, с. 12.

³ См.: Беларуская ССР у Вялікай Айчыннай вайне Савецкага Саюза (1941—1945 гг.): Бібліяграфічны паказальнік літаратуры (1941—1971 гг.). Мінск, 1980.

⁴ Почанин С. З. К изучению партийного подполья в Белоруссии. — Вопросы истории КПСС, 1964, № 12, с. 72.

занского движения и партийного подполья в период Великой Отечественной войны»⁵.

В то же время исследователь антифашистского подполья в западных областях Белоруссии А. А. Факторович отмечает слабое отражение в документах партийного архива вопросов, связанных с подпольем в этих областях. «Особенно бедно, — пишет он, — представлены события первого периода войны — периода зарождения и начала деятельности антифашистских организаций и групп, патриотов-одиночек»⁶.

Авторы коллективной монографии, изданной ИМЛ при ЦК КПСС и посвященной деятельности подпольных партийных органов и организаций на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны, указывая на малоизученность в первое послевоенное десятилетие проблемы партийного подполья, как одну из основных причин этого отмечают узость источниковой базы. «Во второй половине 50-х годов, — пишут они, — положение существенно изменилось. Партийные комитеты республик, краев и областей, подвергавшихся оккупации, проделали значительную работу по изучению подполья, уточнению количества и состава подпольных партийных органов и организаций, выявили ранее неизвестные. Архивы собрали большое количество документов и материалов о партийном подполье, систематизировали их. Исследователи получили более широкий доступ к документам и материалам по истории всенародной борьбы в тылу врага, в том числе партийного подполья»⁷. Данная характеристика улучшения источниковой базы по истории партийного подполья может быть отнесена и к Белоруссии.

В первое послевоенное десятилетие в Белоруссии велась довольно интенсивная работа по выявлению, накоплению и первоначальному изучению источников, отражающих историю партизанского движения и подполья в военные годы. Эта деятельность тогда была подчинена не только и подчас не столько интересам исторической науки, сколько непосредственно практическим целям.

Последующий период формирования источниковой базы по истории подполья в оккупированной Белоруссии характеризуется прежде всего стремлением собрать еще сохранившиеся у многих лиц, принимавших участие в партизанском движении и подполье, документы и материалы, закрепить уцелевшие в памяти свидетельства героического прошлого. С этой целью ЦК КП Белоруссии в 1969 г. принял постановление, направленное на улучшение научной разработки истории всенародной борьбы в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны⁸. В соответствии с ним Партийный архив разработал и разослал местным партийным органам методические рекомендации, в которых предлагалось для изучения подполья и оформления соответствующих документов создать при горкомах и райкомах партии комиссии из представителей городских или районных комитетов партии, местных историков, журналистов, юристов.

Одно из центральных мест в рекомендациях занимает вопрос о собирании документов, подтверждающих и раскрывающих деятельность подполья. Было признано целесообразным начинать изучение подполья с определения круга лиц, которые могут быть признаны как подпольщики, установления с ними контактов, выявления и сбора по возможности всех материалов, имеющих прямое или косвенное отношение к подполью (подлинные отчеты, протоколы, письма, боевые характеристики, справки, воспоминания, записи бесед и т. д.). Изучение данных материалов, по мне-

⁵ Научно-информационный бюллетень ЦПА ИМЛ. М., 1961, № 4.

⁶ Факторович А. А. Подпольные антифашистские организации — помощники КП (б)Б в борьбе против оккупантов на территории западных областей Белоруссии (1941—1944 гг.): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Минск, 1967, с. 9.

⁷ Партийное подполье: Деятельность подпольных партийных органов и организаций на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М., 1983, с. 9.

⁸ Сов. Белоруссия, 1969, 23 июля.

нию составителей рекомендации, поможет определить характер подполья, его структуру, выявить боевую деятельность.

Принятие данного постановления и выработка рекомендаций, направленных на восстановление списка личного состава и круга боевой деятельности подпольных организаций и групп, сыграли значительную роль в деле пополнения исторической базы для изучения подполья в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Начиная с 1969 г. Партийным архивом принято свыше тысячи дел установленных подпольных организаций и групп, действовавших на территории республики в годы войны. В совокупности с имеющимися в архиве материалами, опубликованными мемуарами, сборниками документов они представляют собой ценный источник по истории героической борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

Накопленные документальные материалы были широко использованы как в авторских монографиях, так и в коллективном труде о всенародной борьбе в Белоруссии против фашистских оккупантов⁹.

Задача настоящего сообщения — выделить некоторые наиболее характерные категории источников по истории подполья, проследить, насколько возможно, пути их создания, отметить отдельные периоды, для которых типично возникновение тех или иных документов. Мы ограничиваем предмет исследования территориальными подпольными партийными, комсомольскими и антифашистскими организациями и группами, действовавшими в Белоруссии, как наименее изученными и слабо документированными. Сообщение не претендует на всесторонность и полноту охвата источников, содержащих информацию о подполье.

Мы выделяем следующие категории источников: директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР, ЦК КП(б)Б и СНК БССР, постановления ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)Б, протоколы заседаний бюро ЦК КП(б)Б, подпольных обкомов и райкомов партии, территориальных подпольных организаций и групп, отчеты уполномоченных ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ, подпольных обкомов и райкомов партии и комсомола, приказы командования партизанских формирований, отчеты и дневники боевой деятельности отрядов и бригад, истории отрядов и бригад, стенограммы бесед с участниками партизанского движения и подполья, письма, дневники, воспоминания партизан и подпольщиков и другие источники.

Условия, в которых приходилось жить и работать подпольщикам (фашистский террор, угроза провала, соблюдение строгой конспирации), обусловили и состав источников, с которыми приходится иметь дело современному исследователю. Сохранилась (да их и создавалось немного) лишь незначительная часть материалов, выработанных патриотами непосредственно в подполье¹⁰. Большая часть информации о подполье дошла в составе документов подпольных партийных и комсомольских органов, партизанских формирований, Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б.

Важнейшей группой источников являются постановления и директивы ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР и ЦК КП(б)Б, которые послужили основой для развертывания борьбы в тылу врага. Среди них — «Директива Сов-

⁹ Хацкевич А. Ф., Крючок Р. Р. Становление партизанского движения в Белоруссии и дружба народов. Минск, 1980; Тозиц А. А. В дни суровых испытаний: Укрепление рядов КП(б)Б в условиях подполья в годы Великой Отечественной войны (1941—1944). Минск, 1981; Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1983. Т. 1.

¹⁰ Это обстоятельство отметил и автор предисловия к сборнику документов о всенародной борьбе в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны П. П. Липило: «К сожалению, в архивах отложилось очень мало подлинных документов о подпольной борьбе советских патриотов в этот и более поздние периоды. Удалось выявить и отобрать для тома лишь незначительное количество документальных материалов, проливающих свет на организацию и деятельность территориальных подпольных партийных, комсомольских и антифашистских организаций и групп, а также одиночек-подпольщиков» (Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, Июнь 1941 — июль 1944: Документы и материалы: В 3-х т. Минск, 1967—1982, т. 1, с. 30).

наркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям фронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков» от 29 июня 1941 г., «Постановление ЦК ВКП(б) об организации борьбы в тылу германских войск» от 18 июля 1941 г.¹¹, директивы ЦК КП(б)Б о переходе на подпольную работу партийных организаций районов, занятых врагом (от 30 июня 1941 г.), о развертывании партизанской войны в тылу врага (от 1 июля 1941 г.)¹² и др.

Быстрое продвижение противника в первые дни войны не везде одинаково позволило партийным организациям республикам подготовиться к переходу в подполье, и это приходилось делать уже в сложнейших условиях оккупационного режима. Однако в восточных областях еще до захвата их врагом была разработана и начала осуществляться система мероприятий, направленных на борьбу против захватчиков. Это нашло свое отражение в ряде директивных документов ЦК КП(б)Б областным партийным организациям. Одним из них является постановление ЦК КП(б)Б от 18 июля 1941 г. «О подготовке партийного подполья и партизанских отрядов в Гомельской области»¹³. Большое значение для активизации подполья имели решения состоявшегося в феврале 1943 г. в Москве V Пленума ЦК КП(б)Б¹⁴.

Очень ценную группу источников по истории подполья составляют протоколы заседаний ЦК КП(б)Б. В них отражена колоссальная работа Компартии Белоруссии по организации отпора наступающему врагу, созданию и развертыванию боевой деятельности партизанских отрядов и подпольных групп, руководству их борьбой. В протоколах содержатся сведения о назначении организаторов ЦК КП(б)Б по партийному подполью и партизанскому движению по областям и районам республики, аналогичные данные об уполномоченных ЦК ЛКСМБ. Так, из протокола за июль 1943 г. видно, что при рассмотрении вопроса о мерах по расширению партизанского движения в Витебской области признавалась большая роль территориальных подпольных организаций и групп в проведении политической работы среди местного населения, намечались пути дальнейшего развертывания сети территориального подполья в области как за счет оставшихся или оставленных в оккупированных районах коммунистов, так и за счет комсомольцев, беспартийных активистов.

Значительную группу источников составляют докладные записки и отчеты уполномоченных ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ, подпольных обкомов, горкомов и райкомов партии и комсомола, отложившиеся как в фондах ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ, так и в фондах областных и районных подпольных комитетов партии и комсомола. Во всех без исключения документах наряду с информацией о создании и деятельности подпольных партийных и комсомольских органов, партизанских отрядов и бригад на территории области (района) содержатся и сведения о численности и боевой работе действовавших или вновь создаваемых территориальных подпольных организаций и групп. Начиная с 1943 г. почти во всех оперативных отчетах подпольных партийных и комсомольских органов появляется раздел «Подпольная работа», в котором даются сведения о подполье на территории района, города, области.

Диапазон создания этих документов очень широк. Он охватывает период с первых дней войны до самого освобождения территории Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Например, еще за неделю до оккупации Россонского района находившийся там инструктор ЦК КП(б)Б В. П. Камлюк информировал секретаря Витебского обкома партии И. А. Стулова о подготовке районной партийной организации к переходу

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. т. 6, с. 17—19, с. 23—24.

¹² Всенародное партизанское движение в Белоруссии. . . , т. 1, с. 52—59.

¹³ Подвиги их бессмертны. Минск, 1978, с. 217; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 3, д. 1209, д. 165.

¹⁴ Всенародное партизанское движение в Белоруссии. . . , т. 2, кн. 1, с. 166, 184—189; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 214.

на нелегальную работу¹⁵. Ровно через год секретарь Россонского подпольного райкома партии В. Я. Лапенко докладывал секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко и И. А. Стулову о деятельности коммунистов-подпольщиков, комсомольцев, беспартийных активистов¹⁶. Аналогичные сведения содержатся и в докладных записках секретаря Гомельского подпольного обкома партии И. П. Кожара, секретаря Гомельского подпольного обкома комсомола А. Д. Рудака, уполномоченного ЦК ЛКСМБ В. И. Карасева и др.¹⁷

Этап зарождения партизанского движения и подполья отражен, в небольшой, но важной группе документов истребительных отрядов, полков и батальонов народного ополчения, часть которых опубликована¹⁸.

Если для периода организационного оформления и становления подполья характерны преимущественно директивные документы партийных органов, направленные на развертывание всенародной борьбы против врага, то с ростом партизанского движения и подполья в Белоруссии все больше появляется партизанских материалов оперативного характера, в которых отражена и подпольная борьба. В тех случаях, когда партизанские формирования создавались на основе ранее действовавших подпольных организаций и групп, это обстоятельство оговаривалось в приказах по вновь создаваемым отрядам. Так было, например, с организацией партизанского отряда им. И. В. Сталина на территории Россонского района Витебской области. 30 апреля 1942 г. часть подпольной группы д. Межево под руководством командира Красной Армии Р. А. Охотина решила перейти к партизанским действиям. В изданном в этот же день приказе № 1 по отряду говорилось: «Подпольную работу партизанской группы считать законченной. С сего числа партизанскую группу считать действующей на основе и в принципе военной присяги РККА»¹⁹.

Организовав еще в июле 1941 г. подпольную группу в д. Бережное Мирского района Барановичской обл., патриоты решили создать партизанский отряд, подготовить для него людей, оружие. С марта 1942 г. все встречи подпольщиков стали фиксироваться протоколами. Сделано это было, как объяснил в своих воспоминаниях через 30 с лишним лет постоянный секретарь подпольных собраний Е. И. Кремко, для того, чтобы в случае разоблачения и гибели подпольщиков сохранились свидетельства их деятельности²⁰. Случай исключительный и с точки зрения соблюдения конспирации весьма отрицательный. Однако благодаря ему сохранились подлинные документы о патриотической борьбе молодежи д. Бережное против оккупантов. Протоколы хранились у И. А. Кремко, а после войны были переданы в Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, откуда в 1974 г. поступили в Партийный архив²¹. Во время войны с них были сняты многочисленные копии, в том числе и самим секретарем собраний²², которые оказались в различных фондах партийного архива²³. Копия протокола № 2 от 12 марта 1942 г. опубли-

¹⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 77, л. 226—229.

¹⁶ Там же, д. 247, л. 154—158, 52; ф. 3793, оп. 1, д. 6, л. 7—9.

¹⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 68, л. 155, 162—163; ф. 63, оп. 16, д. 1, л. 9—10 и др.

¹⁸ Всенародное партизанское движение в Белоруссии. . . , т. 1, с. 54—57, 64—67, 70—71 и др.; *Андрющенко Н. К.* Народное ополчение Белоруссии. Минск, 1980, с. 5—6.

¹⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 4, д. 27, л. 35, 104—105; оп. 3, д. 107, л. 10—11.

²⁰ Там же, ф. 4890, оп. 1, д. 1, л. 44.

²¹ Там же, ф. 3582, оп. 1, д. 3, л. 1—5.

²² Там же, ф. 3572, оп. 1, д. 1, л. 55—60. Очевидно, Е. И. Кремко сделал копии по памяти, находясь в партизанском отряде, ибо, совпадая по существу рассматриваемых на собраниях вопросов, текстуально копии не совпадают с подлинником.

²³ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 75, л. 20—22; ф. 3572, оп. 1, д. 1, л. 31—32. Копии этих протоколов были включены в «Справку о работе подпольных комсомольских и молодежных антифашистских организаций по Барановичской области», направленную в ЦК ЛКСМБ. Копия «Справки» отложилась в материалах Барановичского подпольного обкома комсомола.

кована²⁴, причем составители сборника ошибочно приняли ее за подлинник.

Информация о деятельности подпольщиков содержится в дневниках партизанских отрядов и бригад, донесениях о диверсионной деятельности, в сопроводительных письмах и записках к разведанным, трофейным документам, передаваемым в отряды. В большинстве случаев подпольные организации и группы имели связи с партизанскими отрядами и бригадами. Поэтому вполне понятно, что вся документация, связанная с работой подпольщиков, оседала в делопроизводстве этих отрядов и бригад.

Значительный интерес представляет переписка командования партизанских отрядов и бригад, работников подпольных партийных и комсомольских органов и организаций с ответственными работниками ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ, дневники и письма партизан. В подобного рода документах наряду с описанием героических дел партизан и подпольщиков имеются сведения и о численном составе некоторых подпольных организаций и групп, их структуре. Вполне понятно, что все эти письма носили строго секретный характер. Нередко они уточняли содержание публиковавшихся по горячим следам (а потому не всегда тщательно проверенных) событий репортажей из освобожденных городов и сел, в которых действовали патриоты.

Так, согласно указания секретаря ЦК ЛКСМБ, два месяца, с 23 сентября по 20 ноября 1943 г., ответственный работник ЦК ЛКСМБ А. В. Кузьмина находилась в освобожденных районах Гомельской области. По итогам командировки была составлена докладная записка, в которой Кузьмина подробно осветила подпольную деятельность патриотов г. Добруша под руководством подпольного райкома комсомола²⁵. Одновременно в освобожденном Добруше находились и специальные корреспонденты «Правды» и «Комсомольской правды». 12 декабря 1943 г. в «Правде» был опубликован репортаж Л. Коробова «Подпольщики Добруша», в котором наряду с верным освещением деятельности комсомольско-молодежного подполья имелся и ряд ошибок фактического порядка²⁶. Содержание докладной записки А. В. Кузьминой (уточняя и конкретизируя изложенные в репортаже события) дает возможность установить, вследствие чего могли произойти ошибки. Так, в записке она сообщает о собирании материалов о Добрушском подполье и указывает, что у нее были специальные корреспонденты, которым она рассказала, что знала. Она отмечает, что все это делалось наспех²⁷. Можно предположить, что эти обстоятельства — спешка, рассказы из «вторых рук» — и явились причиной ошибок.

По соединении партизанских отрядов и бригад с частями Красной Армии командованию партизанских формирований было дано указание наряду с оформлением и передачей в Белорусский штаб партизанского движения документов оперативного характера (приказов, дневников боевых действий, карт, схем и пр.) составлять «Истории» создания и деятельности партизанских отрядов и бригад. Следует заметить, что в некоторых отрядах и бригадах «Истории» начинали создаваться по инициативе командования еще задолго до соединения с Красной Армией²⁸.

Как правило, они составлялись по единой схеме: описание возникновения отрядов, бригад, их боевой деятельности, организации боевого обеспечения, агентурной разведки, связей. Наряду с этим во многих

²⁴ Всенародное партизанское движение в Белоруссии. . . , т. 1, с. 154—155. В отличие от копии в подлиннике этого протокола названы наряду с фамилиями участников собрания и их псевдонимы.

²⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 63, оп. 16, д. 3, л. 277—285.

²⁶ Репортаж с фронтов войны, 1941—1945. М., 1970, с. 188—192; Савецкая Беларусь, 1943, 24 лістапада.

²⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 63, оп. 16, д. 3, л. 275.

²⁸ См., например: «Историю бригады „За Советскую Белоруссию“» Минской области, которая была написана в ноябре 1943—марте 1944 г. (Минская область была освобождена летом 1944 г.) (ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4071, оп. 1, д. 4, л. 23, 52; ф. 750, оп. 1, д. 139, л. 1—71.) В ПА ИИП при ЦК КПБ хранится свыше 250 «Историй» по всем областям республики.

«Историях» содержатся разделы, освещающие деятельность подпольных организаций и групп, которые «выходили» на эти формирования или создавались по их указаниям. В некоторых случаях составлялись даже списки подпольщиков с указанием руководителей, сроков деятельности, описанием их боевой, разведывательной и пропагандистской работы²⁹.

Существенную роль в формировании источниковой базы (в том числе и по истории подполья в Белоруссии) сыграла утвержденная решением бюро ЦК КП(б)Б от 2 июня 1942 г. Комиссия по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б³⁰. Перед комиссией стояла задача: собрать и сохранить как можно больше документов и материалов об участии Белоруссии в Великой Отечественной войне, вести их пропаганду путем публикации сборников документов, организации выставок и т. д.

Анализ состава фонда комиссии³¹ показывает, что она в основном выполнила поставленные перед ней задачи. Благодаря ее деятельности были сохранены многие источники, имеющие важное научное и практическое значение. С созданием комиссии в нее начали поступать документы из Центрального и Белорусского штабов партизанского движения, партизанских бригад и отрядов, подпольных партийных органов оккупированной территории Белоруссии³².

За годы войны комиссия провела значительную работу по сбору, обобщению и изданию источников по истории Великой Отечественной войны, в том числе и истории партизанского движения и подполья в Белоруссии. В отчете комиссии, составленном 21 мая 1945 г., указывалось, что ею было собрано около 18 тыс. документов и материалов, свыше 2,5 тыс. рисунков и фотоснимков, проведено и стенографировано 170 бесед с командирами партизанских бригад и отрядов, рядовыми партизанами, систематизированы и обобщены материалы по 33 темам, подготовлены и изданы 5 сборников документов и брошюр. Более года экспонировалась в Москве в залах ГИМ организованная комиссией выставка «Белоруссия живет, Белоруссия борется!», на базе которой по решению ЦК КП(б)Б в сентябре 1943 г. был создан Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны³³.

С самого начала своей деятельности комиссия поддерживала тесную связь с Комиссией по истории Великой Отечественной войны АН СССР, от которой она получала необходимые методические рекомендации, копии стенограмм бесед с белорусскими партизанами и подпольщиками, Героями Советского Союза — уроженцами Белоруссии³⁴. В свою очередь, Комиссия при ЦК КП(б)Б передавала в центральную комиссию копии всех важнейших систематизированных материалов и документов, комплекты

²⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 4, д. 39, л. 235—246; д. 100, л. 210а—235; д. 157, л. 36, 37, 72; д. 215, л. 22—27; д. 294, л. 88—90 и др. Некоторые исследователи считают содержащиеся в «Историях» сведения о подполье неконкретными и не всегда точными на том основании, что они, как правило, составлялись уже после соединения партизан с Красной Армией, когда события начального периода войны были отделены значительным промежуток времени, а документов, необходимых для их воспроизведения, не было (*Факторович А. А.* Указ. соч., с. 9). Это замечание, никоим образом не умаляющее значения данных документов как источников, представляется нам, требует от исследователей критического отношения к сведениям о подполье, содержащимся в «Историях».

³⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 3, д. 1236; л. 2; *Князько Г. Д.* Рукописные издания партизан Белоруссии. Минск, 1979, с. 67, 68. Кроме характеристики в работе Г. Д. Князько и упоминания в статье Б. В. Левшина «Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (В кн.: История и историки: Историографический ежегодник, 1974 г. М., 1976, с. 315), деятельность этой комиссии не нашла отражения в историографии.

³¹ В ф. 358 дел: документы канцелярии, материалы, характеризующие творческую деятельность комиссии и источники, собранные ею. В составе последнего раздела — 19 томов стенограмм бесед с участниками партизанского движения и подполья, сформированных по географическому принципу (ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 750, оп. 1, д. 111—128, 306).

³² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 750, оп. 1, д. 7, л. 58, 59, 76 и др.

³³ Там же, д. 4, л. 63—66.

³⁴ Там же, л. 16, 81—100; д. 7, л. 267, 327—348; д. 8, л. 2, 3, 16, 97 и др.

газет и листовок, издававшихся на оккупированной территории Белоруссии, экземпляры стенограмм бесед, проводившихся сотрудниками комиссии³⁵. Так, в феврале—августе 1943 г. ею были переданы стенограммы бесед с Ф. Ф. Капустой, Р. Н. Мачульским, И. Л. Сацункевичем, В. З. Коржом, Р. В. Шкредо, Г. А. Половчаней и др.³⁶, академиком АН БССР Н. А. Прилежаевым, профессором И. А. Ветохиным³⁷.

Центральный Комитет КП(б)Б придавал большое значение деятельности комиссии. Через девять месяцев после ее создания на заседании бюро ЦК КП(б)Б обсуждался вопрос о ее работе по сбору документов и материалов. Было отмечено, что комиссия не использовала всех возможностей и источников для систематического накопления документов и материалов. ЦК КП(б)Б обязал комиссию более широко и систематически вести работу по собиранию документов, поручил обкомам партии выделить в ее распоряжение уполномоченных³⁸.

Определенное значение для активизации работы комиссии как по собиранию документов, так и по улучшению их учета и хранения сыграли решения состоявшейся 1—3 июня 1943 г. в Москве конференции историков-архивистов СССР. В ее работе принял участие и научный сотрудник Комиссии при ЦК КП(б)Б И. К. Купреев. В кратком отчете об итогах работы конференции он обратил внимание на задачи, поставленные в докладе профессора В. В. Максакова перед государственными архивами по собиранию и хранению документальных материалов Великой Отечественной войны, и отметил, что они должны являться и задачами работы Комиссии. «В Комиссии по истории Отечественной войны, — писал он, — необходимо поставить учет и хранение всех собираемых и поступающих материалов так, чтобы ни один документ не был истребан или пропан. Перед отправкой материалов в Уфу [здесь в годы войны находился Партийный архив ЦК КП(б)Б. — М. Ш.] необходимо распределять их по отделам и оставлять в своих делах краткое описание содержания всех отправляемых материалов»³⁹.

Основные виды письменных источников, собранных комиссией: приказы (копии) ВШПД, отдельных партизанских бригад и отрядов (подлинники и копии), приветствия партийных, советских и общественных организаций, командования фронтов трудящимся Советской Белоруссии в связи с 25-летием республики, докладные записки и письма партизан, дневники и записки, партизанские стенгазеты, рукописные журналы, листовки, газеты, вырезки из газет, обобщенные по определенным темам, трофейные документы, в основном пропагандистского характера, и др. Особый интерес представляют стенограммы бесед с руководителями подпольных партийных и комсомольских органов; партизанами и подпольщиками, советскими гражданами, проживавшими в оккупированных немецко-фашистскими захватчиками городах и селах Белоруссии⁴⁰.

Комиссия придавала большое значение созданию и сохранению этого вида источников⁴¹. Ее члены, как видно из документов, использовали любую возможность для бесед с прибывавшими в советский тыл на лечение, отдых или по служебным делам командирами партизанских формирований,

³⁵ Там же, д. 12, л. 37; д. 7, л. 77.

³⁶ Там же, д. 7, л. 143, 153.

³⁷ Там же, д. 11, л. 26.

³⁸ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 3, д. 1249, л. 85.

³⁹ Там же, ф. 750, оп. 1, д. 14, л. 4.

⁴⁰ Первым на стенограммы, создаваемые центральной комиссией, обратил внимание А. А. Курносов. Их анализ как источников по истории войны он сделал в статье «Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР» (АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 118—132).

⁴¹ Показательна в этом отношении резолюция председателя комиссии, секретаря ЦК КП(б) Б Т. С. Горбунова на сопроводительном письме к стенограммам, присланным из центральной комиссии: «Все эти стенограммы, как и ранее посланные Вам (В. Д. Стальнову — ответственному секретарю комиссии. — М. Ш.), надо показать авторам, чтобы они подписали их. Храните все это, как искл[ючительно] важный материал, необх[одимый] для написания истории партизанского движения Белоруссии» (ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 750, оп. 1, д. 7, л. 333).

работниками подпольных партийных и комсомольских органов, рядовыми партизанами и подпольщиками. По мере продвижения Красной Армии сотрудники комиссии выезжали в освобожденные города и села Белоруссии и там записывали беседы.

Одними из первых были проведены и застенографированы беседы с участниками партизанского движения и подполья в Витебской области. Из двадцати десять было проведено и записано в июне — сентябре 1942 г. внештатным сотрудником комиссии политруком И. И. Шкадаревичем⁴². Среди интервьюируемых — командиры и комиссары партизанских отрядов, вышедших за линию фронта, работники подпольных партийных органов, вызванные в Москву для отчетов, и др.

16 августа 1943 г. старший научный сотрудник комиссии И. К. Купреев провел, а стенографистка З. А. Бережковская записала беседу с раненым в июле 1943 г. и отправленным на лечение в Москву первым секретарем Рогачевского подпольного райкома партии С. М. Свердловым⁴³. Интервьюируемый подробно остановился на освещении подготовки и перехода райкомов партии и комсомола к подпольной работе, уделив особое внимание характеристике организационно-пропагандистской работы среди населения. Сведения о состоянии подпольной работы в городах Гомельской области содержатся в стенограмме беседы с секретарем Гомельского подпольного обкома партии И. П. Кожаром, проведенной 18 декабря 1943 г. в Москве В. Д. Стальновым⁴⁴.

27 июня 1943 г. с помощью партизан и минских подпольщиков были выведены из оккупированного Минска академик АН БССР известный химик Н. А. Прилежаев и директор Минского института теоретической и клинической медицины профессор И. А. Ветохин. 5 августа 1943 г. их вывезли в Москву, а уже 9 августа И. К. Купреев провел с академиком и профессором беседы, стенограммы которых хранятся в архиве⁴⁵. Ученые подробно рассказали об уничтожении фашистскими варварами научных и культурных ценностей Минска, разграблении ими Государственной библиотеки БССР имени В. И. Ленина, Фундаментальной библиотеки имени Я. Коласа АН БССР, Минской областной библиотеки имени А. С. Пушкина, библиотеки Политехнического института. В беседе был затронут и вопрос о связи ученых с минскими подпольщиками.

Обстоятельные воспоминания были застенографированы в результате беседы 23 августа 1943 г. с одним из организаторов и руководителей Брестского антифашистского комитета — И. И. Жишко, вызванным в июне 1943 г. в Москву для отчета перед ЦК КП(б)Б о работе комитета⁴⁶. В воспоминаниях нашли отражение такие вопросы, как организация связи с местным активом, создание райкомов и подрайкомов на оккупированной территории, их состав, боевая деятельность. Значительная часть беседы посвящена созданию Комитета борьбы с немецкими оккупантами (так до июля 1943 г. назывался Брестский антифашистский комитет), его боевой и агитационно-пропагандистской деятельности. Основная же часть бесед (15) с участниками партизанского движения и подполья в Брестской области была проведена сотрудницей Центральной комиссии АН СССР Ф. Л. Еловцан в течение недели ее пребывания в недавно освобожденном Бресте⁴⁷.

Ряд бесед был проведен и застенографирован сотрудниками комиссии при ЦК КП(б)Б с участниками минского подполья. Среди них — Герои Советского Союза И. М. Тимчук, Е. Г. Мазаник, М. Б. Осипова и др.⁴⁸

Подобные стенограммы, записанные по горячим следам, представляют собой ценный источник, дающий современному исследователю кроме ин-

⁴² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 750, оп. 1, д. 116.

⁴³ Там же, д. 117, л. 1—9.

⁴⁴ Там же, л. 22—71.

⁴⁵ Там же, д. 118, л. 40—50, 60—74.

⁴⁶ Там же, д. 114, л. 1—25.

⁴⁷ Там же, д. 114.

⁴⁸ Там же, д. 118, 119.

гересной информации и возможность почувствовать своеобразный «дух времени»⁴⁹. Они же существенно дополняют, уточняют, конкретизируют современные источники мемуарного характера.

К сожалению, этот вид источников до сих пор мало использовался исследователями, в том числе и изучавшими историю создания и деятельности подпольных организаций и групп в городах и других населенных пунктах Белоруссии. Достаточно сказать, что в сборнике статей и материалов, специально посвященном подпольной борьбе советских людей в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, имеются всего лишь две ссылки на эти документы⁵⁰. Обошли их своим вниманием и исследователи подполья в западных областях Белоруссии.

Значительную группу источников по истории подполья составляют мемуары бывших организаторов и руководителей борьбы против оккупантов, командиров и политработников партизанских формирований, рядовых участников партизанского движения и подполья. Работа по написанию воспоминаний началась сразу же по окончании войны и продолжается до настоящего времени в республике. Особенно активно она велась с начала 70-х годов: в это время было подготовлено большинство мемуаров, переизданы ранее вышедшие. К настоящему времени практически по всем областям Белоруссии имеются мемуарные источники, существенно дополняющие архивные документы военного времени⁵¹. Авторы воспоминаний, обладавшие различными литературными способностями, принимавшие неодинаковое участие в подполье или партизанском движении, по-разному освещают пережитые ими события. Но все воспоминания объединяет одно: отчетливо прослеживается руководящая и направляющая роль партии в организации борьбы против захватчиков, показан массовый героизм советского народа. Из сотен и тысяч «маленьких» воспоминаний в целом складывается грандиозная картина партизанского движения и подполья, развернувшегося в годы Великой Отечественной войны в оккупированной Белоруссии.

Помимо этих, получивших широкое распространение и одобрение общественностью республики источников личного происхождения, в Партийном архиве хранится ряд других воспоминаний, созданных в 1965—1980 гг. Среди авторов — бывшие секретари подпольных горкомов и райкомов партии и комсомола, командиры партизанских бригад и отрядов, рядовые партизаны и подпольщики. В воспоминаниях содержится информация, которая может быть использована в совокупности с другими источниками. Здесь более, чем в других источниках, дает о себе знать «налет времени»: описываемые события бывают хронологически сдвинуты, фамилии изменены, анализ конкретной деятельности времени войны зачастую дается с позиций сегодняшнего дня, с учетом имеющейся литературы.

Партийный архив представляет собой единственное архивохранилище в республике, где сосредоточен материал по рассматриваемому вопросу. Большая источниковая база по истории партийно-патриотического подполья Белоруссии в годы Великой Отечественной войны дает возможность исследователям шире и всестороннее изучать его. Она способствует проведению глубокого источниковедческого анализа имеющихся документов с целью установления достоверности тех или иных событий. Изучение формирования этой базы поможет историкам лучше ориентироваться в имеющихся массивах источников, подскажет пути поиска еще неизвестных материалов, возможно, позволит по-новому взглянуть на уже неоднократно используемые.

⁴⁹ Особенность стенограмм как источников, наиболее достоверно отражающих события недавнего прошлого, совершенно точно подметил А. А. Курносков, писавший: «Эти рассказы записывались с минимальным разрывом во времени. . . Поэтому содержание рассказов не деформировано дефектами памяти, последующей историографической или литературной традицией» (*Курносков А. А. Указ. соч.*, с. 119).

⁵⁰ Подвиги их бессмертны. . . , с. 377—378.

⁵¹ В Белоруссии издано свыше 200 мемуарных книг, освещающих партизанское движение и подполье. См.: Научная летопись героизма. — Гродненская правда, 1982, 15 июня.

Г. И. Злоказов

**ОБОБЩЕНИЕ ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ ГАЗЕТЫ «ТРУД»
О ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦИИ СССР 1977 г.
В СВОДКАХ РЕДАКЦИИ
(К вопросу о репрезентативности сводок)**

В современной архивоведческой литературе активно дискутируются вопросы комплектования архивохранилищ фондами, в которых отлагается такая разновидность источников, как письма трудящихся. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть конкретную практику учета, обобщения и систематизации содержания писем для выяснения вопроса экспертизы этой документации.

В данной статье предпринимается попытка раскрыть степень репрезентативности редакционных сводок писем читателей по отношению к их общей совокупности, поступившей в редакцию центрального органа советских профсоюзов газеты «Труд» во время всенародного обсуждения проекта новой Конституции СССР. Анализ построен на документах из архива газеты за 1977 г., поэтому далее в тексте даны только их названия.

Обсуждение проекта Конституции СССР происходило в июне—сентябре 1977 г. Письма трудящихся с оценкой проекта, направлявшиеся ими в органы массовой информации, являлись неотъемлемой составной частью всего обширного комплекса материалов обсуждения. Важнейшей задачей было обобщение предложений и своевременное информирование о них Конституционной комиссией. Для этого редакции центральных газет составляли текущие еженедельные сводки по единой, строго определенной форме.

Кроме центральных газет, радио и телевидения, декадные сводки о предложениях и замечаниях в Конституционную комиссию представляли также Президиумы Верховных Советов союзных республик, автономных республик РСФСР, исполкомы краевых и областных Советов, центральные органы общественных организаций. Министерства и ведомства также представляли соответствующие сводки, но в конце месяца.

Сведения в еженедельных сводках должны были сообщать о предложениях и замечаниях по всем положениям обсуждавшегося документа в строгой последовательности его разделов, глав и статей. Сводки имели следующие графы:

Предложения и замечания	Кем внесено предложение, замечание	Где внесено предложение, замечание	Сколько всего аналогичных предложений, замечаний
1	2	3	4

Огромная по масштабам работа по анализу конституционной почты была проделана редакциями центральных газет, и в том числе редакцией «Труда»¹. Обобщенная характеристика конституционной почты дана в до-

¹ Подробнее о работе редакций газет «Правда», «Известия», «Труд» см.: Злоказов Г. И. Документы всенародного обсуждения проекта новой Конституции СССР как исторический источник. М., 1984; *Он же* Обсуждение проекта Конституции СССР 1977 года: (Обзор материалов центральных газет). — ИЗ, 1983, т. 109.

кументе редакции под названием «Записка о рассмотрении писем, поступивших в редакцию газеты „Труд“, и о приеме трудящихся в 1977 г.». По оценке авторов «Записки», в письмах выражалось полное одобрение проекта Основного Закона СССР, говорилось о поддержке внутренней и внешней политики КПСС. Одновременно авторами писем вносились предложения и замечания к проекту.

Значительную часть конституционной почты составляли «письма-размышления о времени и о себе, о советском образе жизни», о тех высотах, которые достигла страна развитого социализма. Еще одна группа писем была посвящена критике недостатков в жизни трудовых коллективов, в деятельности государственных, советских, хозяйственных, общественных органов.

Общее число полученных редакцией писем о проекте Конституции достигло почти 5 тыс. Эта цифра включает и те письма, которые пришли после завершения обсуждения и не попали в сводки.

Задачей редакции являлось выявление предложений к проекту и отбор материала с целью публикаций. Для работы с письмами была выделена специальная постоянная по составу группа сотрудников, учитывавших предложения читателей и производивших подсчеты. Ими было подготовлено 11 декадных сводок (336 с. машинописи) о предложениях и замечаниях к проекту и 8 сообщений (45 с. машинописи) только с цифровыми данными о числе авторов и предложений.

Как сводки, так и сообщения составлялись один раз в десять дней. Однако если первая сводка была подготовлена уже к 20 июня 1977 г., то сообщения вместе со сводками стали поступать только с 20 июля. Поэтому общее число тематических сводок (11) превышает число сообщений (8).

Для более полного учета поступивших предложений практика подсказала необходимость выделения в сообщениях таких разделов: «1. Число граждан, выступивших в газете в связи с обсуждением проекта Конституции СССР; 2. Число предложений и замечаний по проекту Конституции СССР в опубликованных материалах; 3. Поступило писем граждан (кроме опубликованных) в газету; 4. Внесено предложений и замечаний к проекту Конституции СССР в этих письмах». В документах этого рода содержатся сведения о числе предложений и замечаний по каждой статье Конституции как в опубликованных материалах, так и в письмах.

Согласно последнему сообщению от 30 сентября 1977 г., на эту дату получено 3492 письма, в которых выявлено 2524 предложения и замечания к проекту. Кроме того, на страницах газеты «Труд» высказалось 549 человек, внесшие 517 предложений.

Сводки составлялись с таким расчетом, чтобы вместить в себя максимум информации о предложениях авторов писем. Этому способствовала и приведенная выше форма составления сводок, которая предполагала выяснение существа предложений вместе с краткими сведениями об авторах. Кроме того, в сводках «Труда» в отличие от сводок других газет фиксировались предложения, сформулированные авторами публикаций в газете (см. 3-ю графу сводки).

Одновременно сотрудниками редакции была разработана четкая система учета информации, содержащейся в письмах, и ее последующего введения в тематические сводки. Это осуществлялось путем составления специальных карточек, прилагаемых к письмам. В карточку вписывался дословный текст предложения читателя газеты. По форме она близка к тематической сводке. В результате устанавливалась четкая логическая связь: письмо — карточка — сводка.

Остановимся теперь непосредственно на вопросе о том, насколько полно получили отражение в декадных сводках предложения авторов писем о проекте Конституции СССР 1977 г.

В связи с этим проанализируем сводку редакции газеты «Труд» от 20 августа 1977 г. Выбор именно этой сводки объясняется тем, что она наиболее представительна и по числу писем, и по количеству предложений по сравнению с другими подобными документами. Согласно приложен-

ному к сводке сообщению о ходе обсуждения проекта с 11 по 20 августа газета получила 571 письмо, в которых было выявлено 432 предложения и замечания. Кроме того, 95 человек выступили на конституционной странице, сделав еще 74 предложения. Общий итог — 506 предложений за декаду, что составляет почти 17 % всех предложений, полученных за время обсуждения.

По данным редакции, этот показатель оказался наиболее высоким за все время обсуждения проекта. Общий объем сводки — 28 с. машинописного текста. Кроме того, 7 с. занимает текст сообщения с цифровыми данными о ходе обсуждения проекта Основного Закона.

Предложения и замечания читателей к проекту Конституции СССР располагались в сводках в точном соответствии с содержанием Основного Закона, последовательно по разделам, главам и статьям. Сводки открывались выдержками из писем с оценкой проекта в целом, его вступительной части. Если среди читательских материалов не было предложений по конкретной статье или разделу, эти статья и раздел в сводке пропускались.

Как говорилось, в сводках «Труда» помещались также выдержки из газетных публикаций. Однако основное место было предоставлено письмам. По подсчетам автора, в анализируемой сводке предложений от 20 августа зафиксировано 206 выдержек из писем и 42 — из публикаций со страниц «Труда». Это подтверждает, что основным первичным материалом для комплектования сводок являлись письма трудящихся.

Помимо того, что часть писем непосредственно вводилась в 1-ю графу сводки, в 4-й графе специально указывалось общее число аналогичных предложений и замечаний. Тем самым принималось во внимание мнение и других авторов по конкретному вопросу, выдержки из писем которых не вошли в сводку. Это усиливало степень представительности сводки как выразителя мнений читателей. Однако сведения в 4-й графе сводки приводились, к сожалению, не всегда, т. е. не по каждому текстовому отрывку. Очевидно, при отборе материала главное внимание уделялось содержанию предложений, их глубине, важности, актуальности. По нашим подсчетам, данные об аналогичных предложениях в 4-й графе сводки от 20 августа приведены 59 раз. Это составляет почти четвертую часть от общего числа 248 выдержек. Пробелы в 4-й графе восполняются соответствующими сведениями о числе предложений по той или иной статье Конституции из другого документа редакции — сообщения.

Так, в сводке от 20 августа приводится выдержка из письма Мельниковой, рабочей приборостроительного завода г. Северодонецка Ворошиловградской обл., касающаяся оценки проекта: «В проекте Конституции СССР отражена забота о благополучии всех граждан СССР». Как отмечается в графе 4-й сводки, подобные оценки были высказаны в нескольких десятках писем читателей, или в 45 аналогичных по смыслу высказываниях. Однако редакция не могла привести их все и отобрала одно, наиболее близкое по содержанию к другим письмам.

Многие читатели газеты высказывали свое мнение по ст. 60, вменяющей в обязанность каждому добросовестно трудиться, соблюдать трудовую дисциплину. Одно из них принадлежало пенсионеру В. Морозюку из Ворошиловградской обл., ветерану Великой Отечественной войны, предложившему следующую формулировку ст. 60: «Все трудоспособные граждане СССР обязаны работать. Лица, уклоняющиеся от полезного труда, наказываются по закону». Из 4-й графы сводки мы узнаем, что в письмах было выявлено 18 подобных предложений. Полное число таких или близких к ним по смыслу предложений фиксировалось в сообщении. По его данным, за вторую декаду августа по ст. 60 читателями было внесено 27 предложений в письмах и 6 в опубликованных газетой материалах, а с начала обсуждения в июне 1977 г. — соответственно 120 и 30 предложений².

² В сообщениях о ходе обсуждения обычно указывались данные за декаду и за все время дискуссии. Общие итоговые данные приводились в скобках.

Из анализируемого документа можно сделать вывод о положительном отношении читателей к введению в Конституцию ст. 49 о праве на критику недостатков. В сводке приводится мнение электрослесаря П. И. Мазура из г. Котовска МССР в поддержку статьи как наиболее характерное в ряду сходных по смыслу 29 предложений. Таким образом, мнения по меньшей мере еще 28 авторов зафиксированы в сводке. Поскольку многие письма коллективные, число авторов, очевидно, было еще большим. Всего же, согласно сообщению о ходе обсуждения, читатели газеты за вторую декаду августа внесли по ст. 49 в своих письмах 31 предложение, а с начала обсуждения — 75 предложений.

Одной из наиболее оживленно дебатировавшихся читателями являлась ст. 43, утверждающая право на материальное обеспечение после прекращения трудовой деятельности. По данным сообщения о ходе обсуждения проекта, авторы писем с начала дискуссии внесли 295 различных предложений и замечаний по этой статье, в том числе 110 поступили за вторую десятидневку. В сводке от 20 августа о предложениях и замечаниях по этой статье приводятся выдержки из письма Л. Т. Семенова (г. Уссурийск Приморского края). Автор считал необходимым записать: «право на пенсию по старости зависит от непрерывного трудового стажа». Из содержания сводки видно, что это было одно из сходных по смыслу предложений, фигурировавших и в других письмах читателей (общим числом 31).

Особенностью конституционной почты «Труда» являлось поступление значительного количества коллективных писем от рабочих, посвященных проблемам труда, отдыха, образования, охраны здоровья. Сводки, естественно, не могли назвать поименно всех авторов таких писем, число которых порой достигало нескольких десятков и более. В рассматриваемой сводке процитированы шесть коллективных писем: комсомольцев западных электросетей «Дальэнерго» (г. Лесозаводск Приморского края), станочников завода чистых металлов (г. Светловодск Кировоградской обл.), 22 работников центральной исследовательской лаборатории машиностроительного завода им. Дзержинского (г. Пермь), работниц металлургического завода (г. Енакиеве Донецкой обл.) и др. Вводя коллективные письма трудящихся в свои сводки, редакция тем самым информировала о мнениях целых производственных групп, трудовых коллективов. Все это, представляется, повышает степень репрезентативности конституционных сводок, их информационную ценность, а также значение как разновидности массовой документации.

Как говорилось, предложения читателей располагались в сводках в строгой последовательности в соответствии с порядком разделов, глав и статей проекта Конституции. Такое расположение материала позволяло четко представить смысл предложений авторов писем и публикаций относительно экономической и политической системы развитого социализма, прав и обязанностей граждан, избирательной системы, национальной политики Советского общенародного государства, развития культуры и образования в стране. Одновременно при составлении сводок выдерживался принцип всесторонности, предполагавший включение в содержание документов дискуссионных и даже явно неправильных положений. Иными словами, последовательно соблюдались глубоко демократический подход, уважительное отношение к голосу трудящегося.

Дискуссионные положения нашли свое место и в сводке от 20 августа. Например, пенсионеры В. Ю. Миткевич и М. С. Забаровец, предлагая свою формулировку ст. 1 (в ней идет речь о Советском Союзе как общенародном государстве), утверждали, что в СССР уже преодолено деление общества на классы. Они явно упускали из виду, что преодоление классовых граней в основном произойдет лишь в будущем.

В связи с обсуждением гл. 2, посвященной экономической системе, ошибочным было и предложение инженера В. Д. Кожевникова из Ленинабада записать в Основной Закон положение об обязанности местных органов власти устанавливать максимальный размер цен на рынках. Оно свидетельствовало об отсутствии у автора ясности относительно соот-

ношения экономических и административных методов регулирования колхозной торговли.

В то же время составители сводок включали и такие предложения, которые явно выходили за рамки Конституции, излишне ее детализируя. Но они могли быть учтены при совершенствовании текущего законодательства, принятии решений в политической и хозяйственной сфере. Таким явно «неконституционным» было предложение о том, чтобы включить в проект требование о борьбе с шумом, особенно в жилых помещениях; предложение о запрещении вырубки лесов вокруг городов, сел для оберегания флоры и фауны, уменьшения эрозии почвы и сохранения мест отдыха для трудящихся; предложение о включении в Конституцию специальной статьи о праве граждан на охрану труда, которая должна была предусматривать создание здоровых условий труда, развитие и совершенствование техники безопасности и производственной санитарии с целью полного устранения причин производственного травматизма и профессиональных заболеваний.

Значительную часть данной сводки (как и остальных) представляли конкретные предложения по дальнейшему совершенствованию вынесенного на обсуждение проекта, при полном одобрении основных, стержневых положений документа. Эти предложения находились в органическом единстве с содержанием обсуждавшихся статей. Часть этих предложений, совпадавших с идеями, высказанными в разных формах многими другими советскими людьми, была воплощена затем в окончательном тексте Конституции СССР. Остановимся на этих предложениях.

В сводке редакции от 20 августа приводится выдержка из публикации письма механизатора колхоза им. В. И. Ленина Аламединского района КиргССР В. Майника, в которой была изложена просьба тружеников артели внести в проект дополнение о том, что «колхозы несут ответственность за наиболее рациональное использование закрепленных за ними земель». Такие пожелания выдвигались многими участниками общенародной дискуссии. И они нашли свое место в ст. 12 Основного Закона: «Колхозы, как и другие землепользователи, обязаны эффективно использовать землю, бережно относиться к ней, повышать ее плодородие»³.

Важные предложения, учтенные при доработке проекта, содержались в письмах и публикациях, посвященных ст. 14 (о роли общественно полезного труда при социализме) и уже упомянутой ст. 60, устанавливающей обязанность добросовестно трудиться в избранной области общественно полезной деятельности.

Как видно из рассматриваемой сводки, читатели «Труда» предлагали «предусмотреть ответственность лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда» (В. Зубов, бригадир Гулькевичского комбината подсобных предприятий из Краснодарского края, юрист И. Панчишин из г. Пскова и др.). Читатели считали, что «тунеядство, уклонение от выполнения общественно полезного труда и всякое другое проявление паразитизма как несоответствующее социалистическим понятиям об обязанностях граждан СССР должно караться советскими законами» (Л. Ф. Селютин, г. Уфа).

В сводке приводятся мнения о необходимости лишения дополнительных льгот нерадивых работников, злостно нарушающих трудовую и производственную дисциплину, правила социалистического общежития. Одновременно читатели ставили вопрос о том, чтобы руководители предприятий и учреждений «несли ответственность за рациональное использование трудового времени, воспитывали в каждом труженике чувство высокой личной ответственности за порученное дело, за максимально полезное использование каждой рабочей минуты и сами были на высоте» (группа рабочих участка СМУ треста «Севкавказремстроймонтаж» из г. Туапсе). Идя навстречу многочисленным предложениям трудящихся,

³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 9.

Конституционная комиссия дополнила ст. 60 словами: «Уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества»⁴.

В сводке показана реакция читателей на ст. 35 о равноправии женщин. Они предлагали ввести в статью пункт о сокращенном рабочем дне для женщин, имеющих детей. При сравнении проекта Конституции и окончательного текста можно видеть, что ст. 35 была усилена словами о постепенном сокращении рабочего времени женщин, имеющих малолетних детей⁵.

В 24-х предложениях к ст. 44 читатели высказывались за то, чтобы внести в обязанность граждан СССР бережно относиться к своему жилью как общественному достоянию, а также предоставлять трудящимся благоустроенное жилище. Эти предложения были введены в текст Основного Закона и получили официальное закрепление⁶.

Сводка от 20 августа раскрывает глубоко заинтересованное отношение авторов конституционной почты и публикаций к проблеме своевременного внедрения в хозяйственную практику научно-технических изобретений и открытий как одного из условий быстрого прогресса науки и техники, создания материально-технической базы коммунизма. Об этом говорилось в письмах М. Т. Цупикова (г. Ворошиловград), электрослесаря Зубченко (г. Донецк), рабочего Г. Н. Крамарева (г. Львов), майора запаса И. Парасюка (г. Бердянск). Парасюк предложил усилить редакцию ст. 47 следующим образом: «Права авторов, изобретателей и рационализаторов охраняются законом, а срочное внедрение эффективных изобретений и рационализаторских предложений гарантируется и контролируется государством».

Эта мысль, высказанная не только участниками дискуссии в «Труде», получила законодательное отражение в ст. 47, дополненной словами о том, что государство «организует внедрение изобретений и рационализаторских предложений в народном хозяйстве и другие сферы жизни»⁷.

В связи с обсуждением статей о советской избирательной системе и полномочиях народных представителей авторы писем поддержали линию партии, направленную на дальнейшую демократизацию избирательной системы. В сводке от 20 августа показано также неоднозначное отношение читателей к вопросу о возрасте депутатов Советов. Многие считали, что 18-летний возраст, указанный в проекте, недостаточен для ответственного и сознательного исполнения депутатских обязанностей (горняк А. Шишков из поселка Аварийный Тульской обл., ветеран труда И. И. Лобанов из г. Тореза Донецкой обл., ветеран Великой Отечественной войны П. Г. Арефьев из Волгограда, Т. Кротов из Новосибирска). В текст ст. 96 (по проекту Конституции — ст. 95) были внесены изменения. Если в проекте Основного Закона говорилось о праве избирать и быть избранными в Советы народных депутатов с 18 лет, то в окончательном документе имеется дополнение о том, что в Верховный Совет СССР могут избираться лишь лица, достигшие 21 года⁸.

Таким образом, сотрудники редакции стремились добиться скрупулезной передачи в Конституционную комиссию практически всех наиболее важных мнений читателей газеты о проекте исторического документа, подводившего итог 60-летнему периоду существования Советского государства.

Конституционные сводки четко запечатали эту напряженнейшую работу редакции центральной профсоюзной газеты. Эта работа способствовала укреплению связей старейшей советской газеты с ее читателями, поскольку связь с читателями «через почтовые ящики газеты и индиви-

⁴ Там же, с. 21.

⁵ Там же, с. 15.

⁶ Там же, с. 17—18.

⁷ Там же, с. 18.

⁸ Там же, с. 28.

дуальную переписку» является одной из действенных форм общения советской печати с массами ⁹.

Анализ данной конституционной сводки «Труда» при сопоставлении ее непосредственно с письмами о проекте Конституции позволяет сделать вывод о широкой представительности сводок редакции как источников и о возможностях их изучения как своеобразных систематизаторов сведений, имеющих в конституционной почте «Труда».

Видимо, возможно применение данной методики и к рассмотрению конституционных сводок, находящихся в архивах редакций других центральных газет.

Значение научного рассмотрения конституционных сводок редакций центральных газет важно также в связи с возрастанием роли писем трудящихся как разновидности массовой документации в условиях зрелого социалистического общества. Являясь действенным каналом связи партии и Советского государства с народом, письма трудящихся — один из важных показателей участия масс в управлении обществом. Письма с конкретными предложениями и замечаниями, направляемые в партийные и государственные органы, в газеты и журналы, реально содействуют разработке и принятию важнейших законодательных актов, управленческих решений, являются вкладом трудящихся в процесс всестороннего совершенствования развитого социализма. Как подчеркивается в решении Политбюро ЦК КПСС «О письмах трудящихся, поступивших в ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР», принятом в декабре 1982 г., «они являются наказом трудящихся партийным и советским органам» ¹⁰. О роли писем трудящихся на современном этапе жизни советского общества говорилось также на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС ¹¹.

Введение в научный оборот такой специфической документации, как редакционная почта и конституционные сводки редакций центральных газет за 1977 г., будет способствовать расширению фронта архивоведческого исследования писем трудящихся как источников по истории развитого социализма.

⁹ Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 1 декабря 1924 г. «О формах связи газет с рабочими и крестьянскими читателями». — В кн.: КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1979, с. 108.

¹⁰ Справочник партийного работника. М., 1983, вып. 23, с. 504.

¹¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 44.

ОРГАНИЗАЦИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1981—1983 ГГ.

Весной 1981 г. в Ярославле была создана археографическая группа, объединившая поначалу нескольких энтузиастов ЯГУ и ОНБ им. Н. А. Некрасова. Свою задачу группа видела прежде всего в возобновлении археографических работ по спасению памятников письменности, бытующих на территории области. В более широком плане работа такой группы представлялась как попытка восстановления давних археографических традиций края, зафиксированных и фактом существования богатейших книжно-рукописных коллекций, начало которым было положено в XVIII в.¹, и особенно направлениями деятельности Ярославской губернской ученой архивной комиссии².

В советское время, начиная с 50-х годов, вводятся в научный оборот публикациями В. В. Лукьянова описания наиболее значительных ярославских рукописных коллекций, поставленных на государственное хранение³. Вместе с тем серьезная задача организации в крае полевых археографических изысканий оставалась желать лучшего. Хотя за период с 1961 по 1979 г. в разные районы области выезжали с археографическими целями 15 групп, далеко не равнозначных по составу и срокам работы, археографическое изучение области, по существу, так и не началось.

За эти годы местные ярославские учреждения (ЯИАМЗ, ГАЯО) провели шесть кратковременных выездов самостоятельно и один — совместно с ОР ГБЛ; остальные экспедиции были организованы ОР ГБЛ, МГУ, БАН, а также Загорским музеем-заповедником; совсем не проводились экспедиции в 1963—1966, 1970—1972 гг.⁴ Единого плана работ не суще-

¹ Одной из первых появляется ростовская книжно-рукописная библиотека братьев Хлебниковых. Коллекции книг и рукописей И. А. Вахрамеева, А. А. Титова, В. И. Лествицына хорошо известны специалистам. См., например: *Рогов А. И.* Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962, № 446, 472, 501, 512, 552; *Сакович С.* Частные коллекции документальных материалов. — В кн.: *Письменные источники в собрании ГИМ. М., 1958, ч. 1, с. 69—70.*

² Существовала с 1889 г.; одним из главных направлений ее деятельности было соби-
рание древних памятников письменности. К 1914 г. библиотека ее насчитывала 5 тыс. редких книг, 9 тыс. актов, 800 столбцов XVII в. (*Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1914, кн. 7, вып. 2, с. 1.*) Другим направлением была публикация документов и памятников письменности. См., например: *Ярославские писцовые, дозорные, межевые, переписные книги XVII в.* — В кн.: *Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1913, кн. 6, вып. 3, 4;* см. также: *Шведова О. И.* Указатель Трудов губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий. — АЕ за 1957 год. М., 1958, с. 430—433.

³ *Лукьянов В. В.* Рукописные собрания Ярославского областного архива и Ярославского педагогического института им. К. Д. Ушинского: (Краткий обзор). — ТОДРЛ. М.; Л., 1955, т. 11, с. 464—470; *Он же.* Краткие сведения о рукописных собраниях гг. Ростова, Щербакова и Тутаева Ярославской области. — ТОДРЛ. М.; Л., 1956, т. 12, с. 514—517; *Он же.* Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX вв. Ярославль, 1957; *Он же.* Описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. — В кн.: *Краеведческие записки. Ярославль, 1958, вып. 3;* *Он же.* Рукописные материалы Переславль-Залесского районного краеведческого музея. — ТОДРЛ. М.; Л., 1958, т. 14, с. 610—612; *Он же.* Пополнение коллекции Государственного архива Ярославской области. — АЕ за 1977 год. М., 1978, с. 286—289.

⁴ *Тверская Д. И.* О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период. — История СССР, 1976, № 1, с. 111. Сведения за 1975—1979 гг. получены нами в Археографической комиссии АН СССР. См.: *Алексеева М. Ю., Амосов А. А., Морозов В. В.* Археографические поиски и находки 1979 г. — В кн.: *Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII—первой половине XIX в. Л., 1981, с. 147—149.*

ствовало, археографы разных учреждений работали разобщенно, и большинство районов области оказались не обследованы. Все это привело к тому, что задачи изучения особенностей бытования книг и рукописей, местных книжно-рукописных традиций не ставились. За это время можно отметить только одну попытку выделения ярославской книжной коллекции⁵.

Созданной в 1981 г. группе предстояло начать работу с учетом всех накопившихся положительных и негативных моментов и в строгом соответствии с научными требованиями современной археографии.

Для осуществления широкого сотрудничества с ЯИАМЗ, ГАЯО, областным отделением ВООПИК, а также со всеми специалистами, заинтересованными в собирании и изучении письменных памятников, руководители группы уже в начале работы выступили во всех этих организациях с информацией о целях ее создания. В дальнейшем представители разных учреждений и организаций объединили усилия в оформившейся комиссии по охране документальных памятников при областном отделении ВООПИК.

Археографическая группа осуществляла свои работы в 1981—1983 гг. в двух направлениях: проводила полевые экспедиции и разведки, начала учет и описание уже сложившихся в хранилищах Ярославля коллекций, не учтенных в известных описаниях⁶.

После того как группа была зафиксирована в Археографической комиссии, а ее члены получили теоретическую подготовку по основам археографии, началось обследование районов области по составленному перспективному плану. Всего удалось провести три археографические экспедиции и семь разведок в Даниловском, Ярославском, Некрасовском, Пошехонском, Первомайском районах области и в Ярославле; в результате было получено около 200 ед. рукописно-печатной кириллической письменности и редких изданий гражданской печати⁷.

Летом 1981 г. первая разведывательная экспедиция отправилась в Даниловский район. Она финансировалась отделением ВОК. Даниловская экспедиция и разведки 1982—1983 гг. выявили в этом районе следы поморского старообрядческого толка и остатки старообрядческих библиотек. В результате состоявшихся контактов с представителями последнего поколения старообрядцев мы узнали о существовании в начале XX в. книжной мастерской в одном из сел района, видимо со своей рукописной традицией. Следы ее отложились в оформлении книг, их реставрации, маргиналиях. Среди найденных даниловских рукописей отметим старообрядческий сборник «в лицах», начинающийся циклом сказаний о Никоне (начало XX в.); «Книгу драгоценный бисер» (начало XIX в.), сборник светских стихов, песен и романсов 1890—1893 гг. («Альбом Вареньки Садовской»). Несколько интересных рукописных певческих богослужебных книг поставлены на учет. Интересны найденные в Даниловском районе старопечатные книги XVII в. Среди них выделим обнаруженный экземпляр «Апостола» 1606 г. Ивана Андроникова Невежи. Одна из записей на нем относится к периоду Смуты и может служить косвенным историческим свидетельством о событиях, связанных с польской интервенцией начала XVII в. в Костроме.

Уже первые результаты разведывательной экспедиции в Данилов поставили перед группой задачу освоения принципов научного описания найденных книг. Таким образом определилось одно из постоянных камеральных направлений занятий группы.

⁵ Ярославское собрание рукописных книг (ф. 739): Краткое описание / Сост.: Ю. Д. Рыков и др. — ЗОР ГБЛ, 1979, вып. 40, с. 181—195; 1980, вып. 41, с. 96—106.

⁶ В настоящее время описаны малые коллекции старопечатных книг ЯГУ, фонда редкой книги ОНБ; см. также: *Козляков В. Н., Севастьянова А. А., Синицина Е. В.* Обзор нового пополнения коллекции рукописей Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника. — В кн.: Краеведческие записки. Ярославль, 1984, вып. 5.

⁷ Все собранные материалы поступили на государственное хранение в фонд редкой книги ОНБ.

Вторая экспедиция проводилась в июле с последующими разведывательными выездами в августе-сентябре 1982 г. на севере области, в Пошехонском районе. Исследования финансировались областным отделением ВООПИК.

Пошехонье имеет свои особенности, которые необходимо знать и учитывать при археографической работе. Административно-территориальное деление этого северного угла Ярославщины много раз менялось. В результате сложившееся историко-географическое понятие «Пошехонье» может быть распространено на собственно Пошехонский район, части соседних с ним Первомайского, Рыбинского, Даниловского районов, а также на пограничные участки районов Вологодской области. Для всей этой местности характерно распространение в прошлом сразу нескольких течений старообрядчества. Самыми активными из них были спасовское и странническое согласия, имевшие в Пошехонье свои крупные центры⁸.

Следы ранее существовавших рукописных собраний встречаются в Пошехонье достаточно часто. В Пошехонском районе было найдено несколько рукописных сборников XVIII и XIX вв., имевших один и тот же круг переписывавшихся текстов, формат и художественное оформление, характерной особенностью которого являются заставки своеобразной раскраски, киноварные инициалы, покрытые сверху серебром. Идентичные находки рукописей сделаны в 1983 г. в соседнем, Первомайском районе.

В результате экспедиции и разведок 1982 г. на государственное хранение было передано 18 рукописей и 40 печатных книг, являющихся письменными памятниками XVII—XX вв. Среди печатных материалов отметим сочинение пошехонского руководителя спасовцев А. О. Комиссарова «Вечная правда» (конец XIX—начало XX в.). Оно напечатано в одной из нелегальных старообрядческих типографий и носит следы местной литературной традиции.

Экспедиция и разведки 1983 г. проводились в Первомайском, Даниловском, Ярославском и Некрасовском районах, а также в Ярославле. Обследованием восточного и северного участков Первомайского района обнаружить сколько-нибудь устойчивых книжно-рукописных традиций не удалось; исключение составляют уже отмеченные находки «скитских» рукописей. Большинство старопечатных и рукописных книг, найденных в Первомайском районе, сохранились у случайных владельцев. Подчеркнем, что археографический поиск в Пошехонье крайне затруднен из-за малого количества сохранившихся населенных пунктов, отстоящих друг от друга на десятки километров сильно заболоченной лесной местности. Проведенная в 1983 г. работа позволила передать в фонд ОНБ 24 рукописи и 49 печатных изданий. Среди находок две рукописи XVII в.⁹, сборник литературного характера «Звезда пресветлая» (первая четверть XIX в.), рукописный сборник начала XX в. с многочисленными миниатюрами.

Вся археографическая работа ведется в основном силами подготовленной и пополняемой группы студентов-историков ЯГУ. Материалы, полученные экспедициями, используются для постановки студенческих курсовых, дипломных работ, научных докладов, что способствует профессиональной подготовке молодых специалистов.

Создание специальной группы делает возможным перспективное развитие археографической работы, связанное для нашего края с научным обследованием, описанием и изучением богатых ярославских книжно-рукописных коллекций.

⁸ См. об этом: *Дмитревский В.* Современный раскол в Ярославской епархии и борьба с ним. Ярославль, 1892, с. 13—14, 32—36.

⁹ «Повесть преподобного отца нашего Макария Египтянина» (Житие Макария Египтянина); Страсти Христовы со Сказанием о явлении иконы Толгской богородицы.

Тихомировские чтения 1984 года

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ «ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ»

31 мая 1984 г. в Археографической комиссии состоялись очередные Тихомировские чтения, организованные ею совместно с Комиссией по связям с высшей школой при Отделении истории АН СССР. Чтения были посвящены вопросам археографической подготовки студентов университетов и педагогических институтов.

Во вступительном слове председатель Комиссии по связям с высшей школой при Отделении истории АН СССР член-корреспондент АН СССР Ю. С. Кукушкин отметил, что заседание состоялось в дни пятидесятилетия постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», открывшего дорогу для развития специальных исторических дисциплин и подготовки квалифицированных кадров исследователей и преподавателей. Не случайно с этого года развернулась работа на историческом факультете МГУ будущего создателя Археографической комиссии М. Н. Тихомирова. Явственно выступает непосредственная связь между проходящей в стране реформой средней общеобразовательной школы, задачами высшей школы и работой специалистов-археографов. Многое предстоит еще сделать для совершенствования научных основ подготовки учителей средних школ в университетах и педагогических институтах страны. В этом необходимо содействовать ученым Академии наук. Задача совместного заседания — обобщить положительный опыт преподавания археографии, причем не столько в вузах Москвы, сколько в вузах других городов.

В докладе Б. А. Сутырина и Р. Г. Пихои (УГУ) говорилось о подготовке специалистов по полевой археографии, ведущейся в Уральском отделении Археографической комиссии на базе университета. Продолжающиеся успешные поиски документальных памятников эпохи феодализма (рукописных и старопечатных книг), выявление их в собраниях музеев, архивов, картинных галерей, описание и издание документов требуют привлечения специалистов, обладающих знаниями, необходимыми для организации и проведения археографических экспедиций, умеющих определить, описать и издать выявленные документальные памятники.

Уже в течение десяти лет на кафедре истории СССР (досоветского периода) исторического факультета УГУ действует специализация по полевой археографии. Кафедра набирает для этой цели на 1-м курсе ежегодно 10—12 студентов, обучающихся на факультете по специальностям «история» и «историко-архивоведение». В течение первых двух лет обучения студенты слушают факультативные спецкурсы и занимаются в спецсеминаре по теме «Круг чтения людей древней Руси». С третьего курса кафедра совместно с археографической лабораторией проводит специализацию в рамках 470 час., выделенных учебным планом факультета на спецкурсы и спецсеминары. Студентам-археографам кафедра предлагает спецкурсы и спецсеминары «Культура древней Руси», «Методика описания рукописей», «Религиозно-оппозиционные движения в России в XV—XVII вв.», «История книгопечатания в России в XVI—XVII вв.», «Старо-

обрядчество Урала в XVIII—XIX вв.», «Культура Урала XVII—XVIII вв.» и «История археографии».

Студенты, успешно выполняющие учебный план и специализирующиеся по археографии, участвуют в экспедициях. В «поле» непосредственно закрепляются и используются знания, полученные во время учебных занятий.

Постоянные участники экспедиций, составляющие абсолютное большинство студентов, приобретают опыт подготовки и проведения экспедиций по выявлению, учету, описанию документальных памятников. Эти знания необходимы будущим выпускникам в их практической работе. Студенты принимают также постоянное участие в работе археографической лаборатории: занимаются обработкой и описанием фондов хранилища древних книг и рукописей, участвуют в создании научно-справочного аппарата хранилища и лаборатории, систематически проводят экскурсии в Музее древних книг университета.

С тематикой специальных курсов и семинаров связаны темы курсовых и дипломных работ. Они выполняются, как правило, на новых материалах, выявленных в ходе археографических экспедиций и из поступивших в хранилище древних книг и рукописей, с привлечением документальных памятников архивов и музеев Урала, Сибири, Москвы и Ленинграда.

Навыки научно-исследовательской работы, полученные в ходе специализации по полевой археографии, позволили ряду выпускников кафедры успешно подготовить и защитить кандидатские диссертации. Опыт, накопленный в Уральском отделении Археографической комиссии может оказаться полезным для подготовки археографов в других вузах страны.

Председатель Северного отделения Археографической комиссии АН СССР *П. А. Колесников* (ВГПИ) в докладе обобщил опыт подготовки студентов к источниковедческой и археографической деятельности, накопленный кафедрой истории СССР ВГПИ. Учебные планы и программы пединститутов не предусматривают курсов источниковедения, археографии, ряда других специальных дисциплин. Кафедра несколько лет отработывала наиболее оптимальный вариант организации обучения студентов отечественной истории, который позволил бы им получить более высокую квалификацию, более широкое историческое образование. Улучшая структуру преподавания, используя межпредметные связи, удалось получить 18—20 учебных час. на источниковедение и археографию. В курсе вспомогательных исторических дисциплин особое внимание уделяется изучению палеографии и исторической метрологии. Это обусловлено задачами подготовки учителей для областей европейского Севера СССР, богатых документальными памятниками истории и культуры. Учитель здесь должен уметь читать древний текст, правильно экспонировать документы в школьных, народных музеях, участвовать в археографических экспедициях.

Студенты готовятся к источниковедческой и археографической деятельности на семинарах и практических занятиях, спецкурсах и спецсеминарах, при написании курсовых и дипломных сочинений, а также в ходе занятий научных кружков. Проблематика их работ прямо или косвенно требует знаний в области археографии и других специальных дисциплин. Им предлагаются такие темы: «Источники по социально-экономической истории края»; «Археографическое наследие северных историков-краеведов и обществ изучения истории Русского Севера»; «Памятники письменности в музеях Вологодской области», «Эпистолярное наследие периода Великой Отечественной войны» и др.

В помощь студентам изданы учебные пособия, собран исчисляемый тысячами единиц фонд копий неопубликованных источников по истории европейского Севера СССР XVI—XIX вв. Большую роль здесь сыграло образование Северного отделения Археографической комиссии, развернувшего работу по выявлению в центральных и местных хранилищах

и изданию массовых источников по истории края. В этом деле приняли участие и многие студенты; некоторые из них стали теперь уже кандидатами исторических наук.

В последнее десятилетие особое внимание было уделено привлечению студентов к выявлению в архивах и к сбору у населения в ходе полевых археографических экспедиций документальных памятников истории и культуры советского периода. Студенческая группа «Поиск» собрала более 3 тыс. фронтовых писем, студенты приняли участие в издании книги «Письма с фронта», а сейчас участвуют в подготовке сборников «Письма с фронта и на фронт».

В 1976—1977 гг. студенты под руководством преподавателей провели рекогносцировочные экспедиции, изучившие состояние хранения и использования документальных источников в районных краеведческих, народных и школьных музеях. Полученный материал послужил обоснованием для необходимости провести каталогизацию памятников письменности в музеях Вологодской области. Облисполкомом принято решение издать Свод документальных памятников области.

Привлечены студенты к созданию и обработке новых документов, относящихся к социальному преобразованию села: анкетированию по широкой программе сельских населенных пунктов области. Поступающие материалы «исторической части» анкет обрабатываются на практических занятиях студентами 3-го курса, причем даются рекомендации, какие деревни необходимо сохранить.

Многолетняя деятельность Северного отделения Археографической комиссии и Проблемного объединения по аграрной истории позволяет широко привлекать студентов к научной работе, добиваться неплохих ее результатов. Это участие в научных конференциях и годичных собраниях названных научных координационных центров, подготовка докладов на внутривузовских научных конференциях, участие в археографических экспедициях, подготовка к изданию массовых источников по истории края, соавторство в пособиях для учителей и студентов. За последние десять лет более 60 студентов под руководством преподавателей кафедр опубликовали 20 статей и различных документальных материалов общим объемом 50 печатных листов.

Велик интерес студентов к источниковедению, археографии, генеалогии, палеографии и неографии. Это объясняется в значительной мере тем, что студенты работают над источниками по истории своего края, своего района. С другой стороны, они видят конкретные результаты своей работы (доклады, статьи, публикации), осмысливают необходимость получаемых знаний для школьного преподавания.

Открывая прения *Л. А. Котлярская* (Калининский государственный университет) говорила, что преподавание археографии в современном университете должно быть ориентировано в первую очередь на подготовку учителя истории, квалифицированного «потребителя» и пропагандиста археографической продукции. Она остановилась на методах обучения студентов анализу документальных сборников и использованию опубликованных документов.

В. И. Гальцов (Калининградский государственный университет) констатировал, что в постановке вузовского преподавания археографии недостаточно мастерства, знаний и энтузиазма отдельных преподавателей, нужна более солидная база в виде системы предметов и методик с учетом специфики данного вуза. В частности, требуются методические рекомендации по работе с новейшими документами, по записи и обработке воспоминаний. Необходимо установить тесные связи преподавания археографии с преподаванием архивоведения и музееведения.

И. В. Поздеева (МГУ) говорила о необходимости готовить в вузах кадры археографов в первую очередь для того, чтобы внести правильные научные и организационные формы в проявившееся за последние годы массовое движение интересующихся прошлым, памятниками истории. Она подчеркивала высокий потенциал вузов в области археографической

деятельности и заметные результаты, достигнутые вузовскими археографами, на долю которых приходится более половины всех собранных в последние годы древних рукописей, а также внесла ряд конкретных предложений по совершенствованию организации комплексных археографических исследований в вузах.

Т. В. Батаева (УДН) отметила слабое еще распространение преподавания археографии в программах вузов страны. Археографию следует выделить среди других специальных исторических дисциплин как профилирующую, вбирающую в себя знания других дисциплин, прививающую студентам культуру научного исследования. Крайне важно обеспечить университетский курс археографии учебными пособиями, в этом Археографическая комиссия должна проявлять инициативу.

В. Я. Воробьева (ОГПИ) поделилась опытом организации студенческой работы по сборанию разнообразных источников краевой истории (материалов по истории сел, городских улиц, анкетирования знаменитых земляков), по учету памятников, мемориальных досок, воинских захоронений. Нужно облегчить возможности занятий студентов в местных архивах.

Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина (ГИМ) рассказали о педагогической работе сотрудников Отдела рукописей этого музея, в течение ряда лет ведущих преподавание палеографии студентам МГУ, МГИАИ, пединститутов, организовавших школьный кружок по истории рукописной книги, читающих лекции перед широкой аудиторией. Л. М. Костюхина высказалась за расширение практики преподавания специалистов музеев и архивов в вузах, что позволит передавать студентам навыки работы с «живыми» памятниками. Эту мысль поддержала *О. А. Князевская* (Археографическая комиссия), напомнившая также о необходимости улучшать преподавание древнерусского языка.

И. П. Сиротинская (ЦГАЛИ СССР) наметила проблемы подготовки кадров археографов для архивов литературы и искусства. Специфика их документации и работы с ней предъявляет особые требования к квалификации археографов: наряду со знанием основ архивного дела и археографии они должны быть специалистами в области истории литературы и искусства. Так как МГИАИ такой подготовки не дает, следует усилить внимание к архивно-археографическому образованию выпускников университетов и пединститутов.

И. А. Альтман (ЦГАНХ СССР), высоко оценив результаты работы археографического отряда МГИАИ во Владимирской области (им проведено описание 5 тыс. фронтовых писем), высказался за включение археографической практики в планы пединститутов, за популяризацию идеи собирания на государственное хранение источников новейшего времени, находящихся в личном владении, в частности писем фронтовиков.

В заключительном слове председатель Археографической комиссии *С. О. Шмидт* подвел итоги обсуждения. Необходимо дифференцированно подходить к задачам археографической подготовки в разных вузах, имеющих различные научные возможности и традиции. Если одни из них могут готовить исследователей духовной культуры, специалистов, ведущих экспедиционную работу, то другие должны ввести систему воспитания у студентов определенного уровня научной археографической культуры. Необходимо тесно взаимодействовать вузам, научным учреждениям Академии наук, архивным органам, музеям и библиотекам для реального улучшения археографической подготовки в вузах. Выступления на заседаниях показывают, что во всех перечисленных организациях наметились новые явления, заслуживающий распространения опыт. Тема заседания связана с памятью М. Н. Тихомирова, который был не только организатором собирания, изучения, популяризации письменных памятников, но и многоопытным педагогом.

В принятых заседаниями рекомендациях отмечается значительная роль университетов и педагогических институтов в осуществлении Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры. В це-

лях дальнейшего улучшения археографической подготовки студентов и распространения накопленного положительного опыта целесообразно Археографической комиссии и Комиссии по связям с высшей школой совместно с Министерствами высшего образования и просвещения СССР и РСФСР, Главархивом СССР подготовить предложения о введении преподавания основ археографии, охраны и использования документальных памятников истории и культуры в учебные планы университетов и пединститутов, поднять вопросы о проведении в 1985—1986 гг. совещаний преподавателей специальных исторических дисциплин, о подготовке необходимых учебно-методических пособий по археографии, о проведении на исторических и филологических факультетах производственной практики по архивоведению, музееведению, археографии, о более широком привлечении сотрудников научно-исследовательских учреждений к преподавательской работе, о материально-финансовом обеспечении вузовских археографических экспедиций, о возможности создания в нескольких вузах, имеющих квалифицированные коллективы археографов, лабораторий по комплексному изучению документальных памятников.

С. В. Чирков

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

Б. Л. Фонкич

ГРЕЧЕСКИЕ РУКОПИСИ А. Н. МУРАВЬЕВА

В истории русских собраний греческих рукописей Андрею Николаевичу Муравьеву (1806—1874) должно быть отведено особое место. Он не был собирателем греческих рукописей, не создал, в отличие от многих других исследователей и путешественников XIX столетия, своей рукописной коллекции. Тем не менее благодаря его знаниям, авторитету и настойчивости русские древлехранилища пополнились греческими рукописями, представляющими большой интерес прежде всего с точки зрения истории греческо-русских связей XVII—XIX вв., а также содержащими важный материал для палеографии и истории византийского искусства. Привезенные в Россию самим Муравьевым или доставленные ему с Востока его корреспондентами, эти рукописи обычно сразу же передавались в те учреждения, для которых они предназначались их дарителями или приобретались Муравьевым во время путешествий¹.

Все рукописи, связанные с именем Муравьева, находятся в разных хранилищах четырех городов — Москвы, Киева, Загорска и Реклингхаузена (ФРГ); некоторые из них не сопровождаются сведениями о путях поступления в библиотеки — судьба таких рукописей может быть восстановлена лишь с помощью архивных документов или упоминаний в изданной переписке и сочинениях Муравьева. Мы поставили задачу, исследуя весь доступный материал, собрать «греческую коллекцию» А. Н. Му-

¹ В конце жизни А. Н. Муравьева среди предметов древности, находившихся в его доме, оставался лишь один фрагмент греческой рукописи с миниатюрой апостола Павла (см.: [Муравьев А. Н.] Описание предметов древности и святыни, собранных путешественником по святым местам. Киев, 1872, с. 10). При передаче части предметов коллекции Муравьева в 1878 г. в Киевскую духовную академию никакие рукописи не упоминались (см.: Петров Н. Муравьевская коллекция в Церковно-археологическом музее при Киевской духовной академии. — ТКДА, 1878, т. 3, с. 193—216). Среди 190 номеров этой коллекции находилось лишь «греческое печатное евангелие» (см. Петров Н. Отчет Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1878 год. — ТКДА, 1879, т. 1, с. 263), отождествляемое, как свидетельствуют материалы, с «Греческим Евангелием среброкованным, которое употреблялось долгое время на Святом гробе», подаренным Муравьеву наместником иерусалимского патриарха митрополитом Петры Аравийской Мелетием в конце 1849—начале 1850 г., во время третьего посещения Муравьевым Иерусалима (см.: [Муравьев А. Н.] Описание предметов древности и святыни, собранных путешественником по святым местам, с. 7—8; Толстой М. Памяти Андрея Николаевича Муравьева: (Письмо к М. М. Евреину). — Душеполезное чтение, 1874, нояб., с. 10. Отд. отд.). Время получения Муравьевым этой книги определяется сравнением фактов его первого и третьего путешествия в Иерусалим (см.: [Муравьев А. Н.] Путешествие ко святым местам в 1830 году. СПб., 1840, ч. 1, с. 228—256; ч. 2, с. 1—228; [Он же]. Письма с Востока в 1849—1850 годах. СПб., 1851, ч. 2, с. 88—295). Эта книга находилась в экспозиции Муравьевской коллекции в Церковно-археологическом музее Киевской духовной академии (см.: Петров Н. Церковно-археологический музей. — В кн.: Протоколы Совета Киевской духовной академии за 1879/80 учебный год. Киев, 1880, с. 19). В результате последовавшей между 20 мая и 20 июня 1879 г. передачи Киевской духовной академии библиотеки А. Н. Муравьева в фонды Церковно-археологического музея поступили еще две греческие рукописи XIX в., о которых подробнее изложено далее. См.: Петров Н. Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за июнь 1879 г. — ТКДА, 1879, т. 2, с. 376, 378—379.

равьева и тем самым выявить его роль в пополнении русских хранилищ греческими рукописями².

Андрей Николаевич Муравьев родился в Москве 30 апреля 1806 г. в семье генерал-майора Николая Николаевича Муравьева (1768—1840), основателя учебного заведения для колонновожатых, преобразованного позже в Академию Генерального штаба. Выдающимися деятелями русской истории XIX в. были братья Андрея Николаевича: Александр Николаевич (1792—1863), Николай Николаевич (1794—1866) и Михаил Николаевич (1796—1866)³.

Получив домашнее образование под руководством С. Е. Раича, А. Н. Муравьев в мае 1823 г. поступил на военную службу. В сентябре 1827 г. он вышел в отставку, и, сдав экзамен в Московском университете на право получения высших чинов, в апреле 1828 г. был определен в ведомство Коллегии иностранных дел и затем причислен к дипломатической канцелярии главнокомандующего 2-й армией. Принимал участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., по окончании которой сразу же отправился в свое первое путешествие на Восток.

Возвратившись из путешествия, он в мае 1831 г. поступил на службу в Азиатский департамент, где более двух лет занимал должность начальника Турецкого стола. С апреля 1833 г. по июнь 1842 г. Муравьев — чиновник св. Синода (сначала — за обер-прокурорским столом, а затем — член Хозяйственного комитета), в 1842—1866 г. вновь служил в Азиатском департаменте. В мае 1836 г. Муравьев был представлен в камергеры, с апреля 1855 г. являлся действительным статским советником.

За заслуги перед русской литературой и наукой А. Н. Муравьев в 1837 г. был избран членом Российской академии, а в 1871 г. — членом Московской и Киевской духовных академий.

Скончался в Киеве 18 августа 1874 г.⁴

А. Н. Муравьев принадлежит к плеяде русских ученых, путешественников, деятелей церкви (А. С. Норов, Порфирий Успенский, В. И. Григорович, Антонин Капустин, П. И. Севастьянов, А. А. Дмитриевский и др.), которые на протяжении всего XIX в. серьезно изучали православный Восток: посещая страны Балканского полуострова, Палестину, Синай, Египет, нередко подолгу оставаясь там по делам службы или ради научных разысканий, они открывали, копировали, приобретали документы по истории Византии и Греции периода османского владычества, Болгарии, Сербии, русско-греческих связей, исследовали и собирали греческие, славянские и восточные рукописи и старопечатные книги, наблюдали современную жизнь христианского населения Востока.

А. Н. Муравьев совершил два больших путешествия: в 1830 г. — в Константинополь, Египет, Палестину, на Кипр и в Малую Азию и в 1849—1850 гг. — в Константинополь, Малую Азию, Грецию, Сирию и Палестину; кроме того, в 1838 г. он вновь побывал в Палестине, а в мае 1874 г., за

² Большая помощь при работе над данной статьей была оказана нам Н. Б. Тихомировым и М. В. Байдиной (ОР ГБЛ), а также Н. П. Визирем и Е. Г. Николаевской (ОР ЦНБАН УССР), которым мы приносим сердечную благодарность.

³ Об отце А. Н. Муравьева см.: *Путья Н. В.* Генерал-майор Н. Н. Муравьев. СПб., 1852. О братьях А. Н. Муравьева см.: СИЭ. М., 1966, т. 9, стб. 810—812 (там же — обширная библиография).

⁴ Об А. Н. Муравьеве см.: *Муравьев А. Н.* Мои воспоминания. — Русское обозрение. 1895, т. 33, май, с. 56—85; *Муравьев А. Н.* Мои воспоминания. М., 1913; *Толстой М.* Указ. соч., с. 1—19.; *Семенов М.* Воспоминание об А. Н. Муравьеве. Киев, 1875; *Сулима С.* Андрей Николаевич Муравьев. — РА, 1876, кн. 2, 1877, с. 353—356; *Путья Н.* Заметка об А. Н. Муравьеве. — Там же, с. 357—358; *Казанский П.* Воспоминание об Андрее Николаевиче Муравьеве. — Душеполезное чтение, 1877, март, с. 359—389; *Лесков Н.* Синодальные персоны. Период борьбы за преобладание (1820—1840 гг.). — ИВ, 1882, т. X, с. 373—409; Муравьев Андрей Николаевич. — Энциклопед. словарь Брокгауз и Ефрон. СПб., 1897, т. XX, 188—189. Кроме того, еведения и материалы об А. Н. Муравьеве находятся в многочисленных работах, посвященных движению декабристов, русской литературе и культуре первой половины XIX в. См., например: *Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871; Из эпистолярного наследия декабристов: Письма к Н. Н. Муравьеву-Карекому. М., 1975. Т. I.

несколько месяцев до своей кончины, еще раз посетил Св. Гору и Константинополь⁵.

Как и большинство перечисленных выше деятелей, Муравьев к своим путешествиям был прекрасно подготовлен: знание греческого (древнего и нового) и других европейских языков, истории (и специально истории греческой и русской церкви), политики России на Балканах и Ближнем Востоке позволяло ему не только удовлетворять свои собственные интересы как паломника к «святым местам» и исследователя древней и средневековой истории Палестины и Греции, но и находить пути укрепления русского влияния на Афоне, в Александрии, Иерусалиме.

Успеху путешествий Муравьева по Востоку способствовал ряд обстоятельств. Его первая поездка к «святым местам» состоялась сразу же после окончания русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и подписания Адрианопольского мирного договора. За многие годы Муравьев был одним из немногих, пусть неофициальным, представителем России, посещавшим находившиеся на турецкой территории памятники истории восточного христианства, интересовавшимся не только древностями, но и современным положением православного населения под властью турок. Все это обеспечило ему горячий прием в среде прежде всего православного духовенства, питавшего надежды на помощь России, и в значительной степени содействовало осуществлению планов его путешествия.

Еще более удачным было второе путешествие. Хотя Муравьев и на этот раз путешествовал как частное лицо, его принадлежность (в прошлом или в момент поездки) к таким учреждениям, как Синод или Азиатский департамент, положение по службе, а также дружеские связи с высокопоставленными лицами, прежде всего в русской и греческой церковной иерархии, влияли не только на отношение к нему представителей восточных церквей, но и на его собственное отношение к задачам своего путешествия: посещение знаменитых памятников истории и культуры, церквей и монастырей Палестины, Синая, Александрии, Каира, Константинополя, Халки, Малой Азии, Афона вызывало у него не только интерес как у теперь уже всем известного знатока истории русской и восточной церкви, но и стремление еще глубже изучить современное ему состояние христианской церкви на Востоке, содействовать более тесному сближению русского и восточного православия, расширению помощи России христианскому Востоку.

Все сказанное позволяет понять характер тех греческих рукописных материалов, которые связаны с именем А. Н. Муравьева. По большей части это краткие исторические очерки Иерусалимского патриархата или афонских монастырей, составленные или скопированные по просьбе Муравьева, жизнеописания или службы святым, особенно заинтересовавшие русского путешественника; это, наконец, рукописи, подаренные восточными иерархами или монастырями русской церкви (главным образом Московской Синодальной библиотеке или Московской духовной академии) или самому Муравьеву.

Греческие рукописи «коллекции А. Н. Муравьева» можно разделить на две группы: I — рукописи, выявленные путем исследования в наших или зарубежных хранилищах, II — рукописи, принадлежность которых Муравьеву в то или иное время известна из источников, но местонахождение пока не установлено.

⁵ Оба путешествия были описаны самим А. Н. Муравьевым. См.: [Муравьев А. Н.] Путешествие ко святым местам в 1830 году. СПб., 1832. Ч. 1, 2 (книга выдержала несколько изданий; мы пользуемся четвертым изданием); [Он же]. Письма с Востока в 1849—1850 годах. СПб., 1851. Ч. I, II. О поездке в Палестину в 1838 г. и проекте создания Русской духовной миссии см.: Безобразов П. О сношениях России с Палестиной в XIX веке. — Сообщения имп. Православного Палестинского общества, 1911, т. XXII, вып. II, с. 185—187; Архим. Никодим. История Русской духовной миссии в Иерусалиме. — Богословские труды, 1979, сб. 20, с. 16. О поездке на Афон в 1874 г. см.: [Муравьев А. Н.] Афон Русск. — ТКДА, 1880, № 11, с. 433—447; Семенов М. Указ. соч., с. 145 и след.

Загорск. Загорский гос. историко-художественный музей-заповедник (ЗМЗ). Евхологий 1546 г.

Московская духовная академия (МДА). Иерусалимский литургический сборник XVIII в.

Киев. Центральная научная библиотека АН УССР (ЦНБАН УССР).

1. ДА 423. Каталог пяти патриарших престолов, середина XIX в.

2. ДА 424. Сборник материалов по истории афонских монастырей, середина XIX в.

Москва. Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ).

1. Ф. 304.III, № 28. Четвероевангелие XII в.

2. Ф. 201, № 29. Описание Иерусалимского патриархата, 1838 г.

3. Ф. 188, картон 10, № 30. Описание Иерусалимского патриархата, 1838 г.

4. Ф. 188, картон 4, № 16. Записка о житии митрополита Петры и епископа Св. Гроба Мисаила, 1839 г.

5. Ф. 173.I, № 281 (греч. 23). Апостол XI и XV вв.

6. Без шифра. Служба и житие Антония Печерского, 1849 г. ГИМ.

1. Греч. № 5. Псалтирь, середина X в.

2. Греч. № 409. Сочинение Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном, начало XVIII в.

Реклингхаузен (ФРГ). Музей икон. Миниатюра «Апостол Павел», XII в.

Связывать перечисленные материалы с именем А. Н. Муравьева позволяют: а) содержащиеся в рукописях прямые указания на их принадлежность в то или иное время к «коллекции Муравьева», упоминание рукописи самим Муравьевым в его трудах или переписке, документальные сведения учреждений, получивших рукописи через Муравьева; б) при отсутствии твердых оснований для включения рукописи в интересующую нас «коллекцию» — различного рода соображения (содержание рукописи, время ее создания, предполагаемое время поступления в русское хранилище с учетом интересов Муравьева и хронологии его связей с Востоком).

II

К рукописям, которые прошли через руки Муравьева, но пока не идентифицированы, относятся:

1. Анастасий Синаит, XV в.

2. Патерик.

3. Служба Богородице Ивирской.

Рассмотрим первую группу рукописей. К подгруппе «а» относятся рукописи ЗМЗ; ЦНБАН УССР, ДА 423, 424; ГБЛ, ф. 304.III, № 28; ф. 201, № 29; ф. 188, картон 10, № 30; ф. 188, картон 4, № 16; ф. 173.I, № 281; ГИМ, греч. № 5, 409; к подгруппе «б» — рукопись МДА; ГБЛ, без шифра; миниатюра из Реклингхаузена.

Обратимся к анализу имеющихся в нашем распоряжении материалов.

ЗМЗ, № 2445. Служебник, переписанный в 1546 г. писцом Софронием ⁶.

⁶ На л. 88 — его колофон: Δόξα σοι ὁ θεὸς ἡμῶν, ἐνεκα πάντων. Θεοῦ τὸ δῶρον καὶ Σωφρονίου πόνος. ἐν ἔτει, ζδ'οι.

А. В. Горский указывает 1528 год как дату этой рукописи. См.: *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1890, ч. 1, с. 43, примеч. 1. Эта же дата приводится в работе: *Архим. Леонид.* Надписи Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1881, с. 49. Ошибка (1528 вместо 1546 г.) произошла, по-видимому, из-за неверного прочтения даты в колофоне: ζλς' вместо ζδ'; см., например: *Архим. Леонид.* Указ. соч., с. 49.

О писце Софронии см.: *Πολίτης Δ.* Ἀγιορείτες βιβλιογράφοι τοῦ 16ου αἰῶνα. — Ἐκκλησιαστικά, 1957, 15, с. 355—365.

Кроме автографов Софрония, указанных Л. Политисом, а также изучаемой здесь рукописи ЗМЗ, нам известна еще одна вышедшая из-под его пера рукопись: ГБЛ, ф. 270 Ia, № 65, л. 17—101 об. (ее краткое описание см.: *Викторов А.* Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881, с. 23).

На обороте верхней крышки переплета рукописи Загорского музея находится запись, сделанная в июне 1850 г. в Троице-Сергиевой лавре: «Служебник кир Филофея, патриарха Константинопольского, XVI в., благоговившего препод. Сергия крестом. Присланный в дар в Лаврскую ризницу от бывшего епископа Мусконисийского Каллиника за посланное ему из лаврской ризницы архиерейское облачение. Доставленный высокопреосвященнейшему Филарету митрополиту Московскому господином Андреем Николаевичем Муравьевым, путешествовавшим по Востоку 1849 года».

Письмо А. Н. Муравьева московскому митрополиту Филарету, написанное на Афоне 9 сентября 1849 г., не только подтверждает данные этой записи, но и содержит сведения о других рукописях, посланных епископом Каллиником в Москву: «... епископ Каллиник, бывший Мусконисийский, муж благочестивый и ученый, для которого вы делаете облачения, посылает вам через меня древние книги, а именно Апостол того же времени (т. е. X в., по определению Муравьева. — Б. Ф.), на пергамене, с помянниками патриархов царьградских, Служебник патриарха Филофея, благоговившего крестом преподобного Сергия, рукопись Анастасия Синаита XV века и, что весьма драгоценно, славянский перевод Исаака Сирина XIV века, с позднейшими исправлениями на листах. Примите все сие как память и благословение Св. Горы в свою лавру»⁷.

Из упоминаемых в этом письме рукописей, помимо Служебника, можно указать на хранящиеся теперь в ГБЛ греческий Апостол «с помянниками патриархов царьградских» (ГБЛ, ф. 173.1, № 281) и славянский список Слов постнических Исаака Сирина (ГБЛ, ф. 171.1, № 151.11)⁸.

Апостол XI в. с дополнениями XV в. содержит важные материалы для изучения устава Великой церкви и греческой агиологии. Впервые исследованный И. Д. Мансветовым этот манускрипт был введен им в науку как рукопись, попавшая в Московскую духовную академию через А. Н. Муравьева⁹. Приведенный выше отрывок из письма Муравьева свидетельствует, что Апостол был вручен ему для передачи митрополиту Филарету на Афоне в сентябре 1849 г.

ЦНБАН УССР, ДА 423. Рукопись представляет собой каталог патриархов и пяти патриарших престолов, переписанный не позже августа — середины сентября 1849 г. (время пребывания Муравьева на Афоне): на л. 47, где завершается список александрийских патриархов, находится следующая запись: Ἱεροφείης ὁ δεύτερος, ἔτει σωτηρίῳ 1846, πατριάρχου ἐστὶν ἕως νῦν. Иерофей II, как известно, был александрийским патриархом в 1846—1859 гг. Можно предположить, что рукопись была изготовлена на Афоне (ср. ее переплет с однотипным переплетом рукописи № 21 «Афонского сборника», ДА 424) не позже середины сентября 1849 г. и подарена Муравьеву во время посещения им Св. Горы. В Церковно-археологический музей Киевской духовной академии рукопись поступила в 1879 г. от наследников Муравьева¹⁰.

⁷ *Муравьев А. Н.* Письма с Востока... ч. I, с. 349—350.

⁸ Сербский список первой трети XIV в. Слов постнических Исаака Сирина, содержащий многочисленные дополнения к тексту на полях и между строк, сделанные русским писцом XV в., известен в научной литературе как «муравьевский» уже с 50-х годов прошлого столетия (см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859, отд. 2, с. 156; *Маслов С. И.* Новый список «Слов постнических» Исаака Сирина древнейшей славянской редакции. Киев, 1912, с. XII). Рукопись, как видно из приведенных данных, получена Муравьевым на Афоне в сентябре 1849 г. Отметим, что, судя по помете Арсения Суханова на л. 1, кодекс находился на Св. Горе по крайней мере с середины XVII в. (рукопись относится к числу книг, отобранных Арсением Сухановым в 1654 г. для патриарха Никона, но так и не доставленных в то время в Москву; подробнее см.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. Греческие рукописи в России. М., 1977, с. 79—80).

⁹ *Мансветов И.* Церковный устав (типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885, с. 242—249.

¹⁰ *Петров Н.* Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за июнь 1879 года. — ТЖДА, 1879, т. 2, с. 376; *Лебедев А.* Рукописи Церковно-археологического музея имп. Киевской духовной академии. Саратов, 1916,

ЦНБАН УССР, ДА 424 является портфелем А. Н. Муравьева и представляет собой «Афонский сборник», в состав которого входят различные рукописные и печатные материалы, относящиеся почти исключительно к истории Афона и собранные путешественником главным образом во время посещения им Св. Горы в августе—сентябре 1849 г. В портфеле — 11 греческих рукописей; большинство из них переписано на Афоне в 1849 г.¹¹ Три (№ 19—21 по каталогу Лебедева) имеют на себе записи, из которых следует, что эти тексты были либо переписаны по заказу Муравьева (№ 19), либо подарены ему (№ 20—21).

№ 19, л. II — запись писца: Τεμάχιον ἐκ τοῦ βίου τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Ἀνδρέου ἤτοι Σύνοψις τῶν κυριότερων ἐκ τοῦ συναξαριστοῦ μετὰ προσθήκης μερικῶν ἄλλων Περί τῆς Λάρνακος καί περὶ τῆς μονῆς τοῦ ἁγίου, ἐκλεχθὲν καὶ συνταχθὲν κατ'αἴτησιν τοῦ τῆς αὐτοῦ μεγαλειότητος τοῦ Αὐτοκράτορος πασῶν τῶν Ῥωσσιῶν κυρίου κυρίου Νικολάου Αὐλάρχου κυρίου Ἀνδρέου Μουραβιέφ, ὑπὸ Παρθενίου ἱερομονάχου ἐφημερίου τοῦ ἐν Πάτραις Ναοῦ τοῦ Ἀποστόλου Ἀνδρέου. Ἐν Πάτραις, τὴν 11 Μαΐου 1850. Ὁ γραφεὺς Αταρβελαῖς.

№ 20, л. 9 об. — дарственная надпись середины XIX в.: Τῷ κυρίῳ Α. Μουραβιέβ.

№ 21, л. I — дарственная надпись, сделанная в Ватопедском монастыре 19 августа 1849 г.: Ἐκ τῶν τοῦ πρώην Ἀδριανουπόλεως Γρηγορίου τοῦ Βυζαντιέως Βατοπαιδινοῦ δωδότηται τῷ ἐκλαμπρωτάτῳ κυρίῳ Ἀνδρέα Νικολαΐδῃ Μουραβιέβ, ἀριθ' Αδγούστου 19, Βατοπαιδίων.

История приобретения одной из рукописей «Афонского сборника» — Жития и службы новомученику Феодору (№ 21) — может быть восстановлена путем сопоставления сведений, содержащихся в колофоне самого манускрипта, в приведенной выше дарственной записи и в «Письмах с Востока» А. Н. Муравьева. Рукопись, как свидетельствует запись писца на нумерованной им самим с. 114, была переписана в марте 1844 г. монахом Иаковом: Ἐγράφη ἐν τοῖς τέσσαροι τῆς τεσσαρακοντάδος / Ὁκτάκις ἅμα ἐκαστὸν τῆς μιᾶς χιλιάδος, / Μηνὶ Μαρτίῳ τῆς σεπτῆς Χριστοῦ θεογονίας, / Τῆς κοσμοσώστου ἀληθῆς καὶ ὄντως σεβασμίας. / Μέμνησθε Ἰακώβου μοναχοῦ ἀμονάχου. Согласно сведениям писца (запись на л. II), манускрипт был изготовлен по просьбе бывшего адрианопольского митрополита Григория: родного брата пострадавшего за веру мученика Феодора Αἰτήσει τοῦ πανιερωτάτου πρώην Ἀδριανουπόλεως κυρίου Γρηγορίου Βυζαντιέου, τοῦ καὶ κατὰ σάρκα γνησίου ἀγαδέλφου τοῦ ἁγίου, ἀριθ', ἐν ἔτει σωτηρίου 1844. В августе 1849 г. Муравьев во время посещения Ватопедского монастыря познакомился с митрополитом Григорием и узнал от него о подвиге его брата. Старец подарил русскому путешественнику Житие и службу новомученику Феодору (и приведенная выше запись на л. I самой рукописи подтверждает слова из письма Муравьева митрополиту Филарету) и просил перевести их на русский язык¹².

ГБЛ, ф. 304.III, № 28. Четвероевангелие имеет на внутренней стороне верхней крышки переплета запись, сделанную, по-видимому, в мае 1850 г. в Троице-Сергиевой лавре: «Евангелие писанное XII-го века, принадлежащее бывшей келии 2-х патриархов Цареградских Афанасия Пателария и Серафима, живших в пределах наших. Благословенное г-ну Андрею Н. Муравьеву в Новом Русском ските св. Апост. Андрея Первозванного, что на Афонской горе, первым игуменом оного Виссарионом 12 сент. 1849. Поднесенное его высокопреосвящ. Филарету митропол. Московскому, вклад в Лаврскую Ризницу мая 1850 г. Гл. ризн. описи л. 53»¹³.

т. 1, с. 172—173. О времени патриаршества Иерофея II см.: *Порфирий (Успенский)*, Александрийская патриархия: Сборник материалов, исследований и записок, относящихся до истории Александрийской патриархии. СПб., 1898, т. 1, с. СХI—СХIV.

¹¹ Краткое описание сборника см.: *Лебедев А.* Указ. соч., т. 1, с. 173—174.

¹² *Муравьев А. Н.* Письма с Востока. . . , ч. I, с. 172, 174, 206—207.

¹³ Описание рукописи см.: *Treu K.* Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR. Eine systematische Auswertung der Texthandschriften in Leningrad, Moskau, Kiev, Odessa, Tbilisi und Erevan. B., 1966, S. 316—318. См. также: *Пуцко В. Г.* Византийские лицевые рукописи Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. —

Известно, что А. Н. Муравьев был тесно связан с Серайской келией. Основанная близ Карей на земле Ватопедского монастыря в 1652 г. бывшим константинопольским патриархом Афанасием Пателаром и ставшая во второй половине XVIII в. приютом для константинопольского патриарха Серафима, эта келия в 20-х годах XIX в. пришла в полный упадок. В 1841 г. выходцы из брянской Белобережской пустыни Виссарион и Варсануфий начали восстановление Серайской келии; к моменту появления в ней в августе 1849 г. Муравьева она представляла собой хорошо устроенную монашескую общину, которая при содействии русского путешественника, тогда же была преобразована в русский скит св. Андрея Первозванного¹⁴. В благодарность за это содействие, а также за 12 икон, пожертвованных московским митрополитом Филаретом для серайского иконостаса, монахи русского скита послали в Москву Четвероевангелие, принадлежавшее (как, вероятно, считали сами афониты) вселенскому патриарху Серафиму¹⁵. Переданное Муравьевым митрополиту Филарету, оно хранилось в ризнице Троице-Сергиевой лавры, а в 1931 г. поступило в ГБЛ¹⁶.

ГБЛ, ф. 201, № 29. Среди рукописей, принадлежавших А. С. Норову¹⁷, находится «Описание Иерусалимского патриархата», составленное, как свидетельствует заглавие манускрипта (л. 1), для А. Н. Муравьева: *Σχέδιον αὐτοσχέδιως σχημαθὲν κατ'ἐπιταγήν τοῦ μακαριωτάτου ἡμῶν δεσπότητος κυρίου Ἀθανασίου. Πρὸς τὸν ἐκζητήσαντα φιλομαθῆ ἄμα καὶ πολυμαθῆ, φιλότιμόν τε καὶ τῶν τοῦ Παναγίου Τάφου συμφερόντων ἐς ἄκρον ζηλωτὴν κύριον Ἀνδρέα Μουραβιέβ, ἐκλαμπρότατον καμεριέρην τοῦ θεοσεκλήπτου ῥωσικοῦ βασιλικοῦ παλατίου καὶ ἱππέα: τῆς ἀγίας γῆς. Περὶ τῶν ὁρίων καὶ ἐκτάσεων τοῦ ἀποστολικοῦ καὶ πατριαρχικοῦ τῶν Ἱεροσολύμων θρόνου*¹⁸.

Рукопись, как следует из сопоставления данных филиграней ее бумаги¹⁹ и сведений, содержащихся в копии этого текста²⁰, а также приводимых самим Муравьевым при издании русского перевода «Описания»²¹, была написана в 1838 г., во время второй поездки Муравьева в Палестину.

ГБЛ, ф. 188, картон 10, № 30. Еще один список «Описания Иерусалимского патриархата», составленного в 1838 г. по просьбе Муравьева секретарем иерусалимского патриарха Афанасия монахом Анфимом²².

ГБЛ, ф. 188, картон 4, № 16. Записка о житии митрополита Петры и эпитропа Св. Гроба Мисаила, составленная в 1839 г. Анфимом по просьбе Муравьева²³.

ВВ, 1982, 43, с. 112—116, рис. 8—18; *Fonkic B. L. Scriptoria bizantini. Risultati e prospettive della ricerca.* — RSNB, n. s., 1980—1982, 17—19 (XXVII—XXIX), p. 111—112.

¹⁴ См.: [Муравьев А. Н.] Описание монастырей и скитов, находящихся на святой Горе Афонской. СПб., 1859, с. 97—102; *Он же.* Письма с Востока. . . , ч. I, с. 351—360; *Smolitsch I. Le Mont Athos et la Russie.* — *Le Millénaire du Mont Athos.* 963—1963. Chevotogne, 1963, I, p. 297—298; *Μαμαλάκης Γ. Π.* Τὸ Ἅγιον Ὄρος (Ἄθως) διὰ μέσους τῶν αἰώνων. Θεσσαλονίκη, 1971, с. 333, 451—452.

¹⁵ *Муравьев А. Н.* Письма с Востока. . . , ч. I, с. 349.

¹⁶ Об этой рукописи см.: *Горский А. В.* Указ. соч., с. 41, примеч. 3. О времени ее передачи в ГБЛ см.: *Архив ГБЛ*, оп. 23, д. 51, л. 24—24 об., 25 об., № 23.

¹⁷ *Кудрявцев И. М.* Рукописное собрание А. С. Норова. — *ЗОР ГБЛ*, 1956, вып. 18, с. 54 (указание на рукопись № 29 как на манускрипт, принадлежащий А. Н. Муравьеву, в работе Кудрявцева отсутствует).

¹⁸ Русский перевод («О пределах апостольского патриаршего иерусалимского престола и о подвластных ему епархиях. Составлено по повелению блаженнейшего патриарха Афанасия письмоводителем его монахом Анфимом в Иерусалиме 1838 года») этого «Описания» издан самим Муравьевым. См.: *Муравьев А. Н.* Путешествие ко святым местам в 1830 году, ч. 2, с. 353—395.

¹⁹ Филигрань защитных листов рукописи, сохранившей первоначальный переплет, имеет «белую» дату — 1838.

²⁰ ГБЛ, ф. 188, картон 10, № 30 (см. сноску 22); на с. 1 рукописи указан автор (монах Анфим), а также место и время написания сочинения (Иерусалим, 1838 г.).

²¹ См. сноску 18.

²² Эта и следующая рукописи находятся в архиве А. Н. Муравьева (ГБЛ, ф. 188). Рукопись (ф. 188, картон 10, № 30) представляет собой писцовую копию того же текста, который принадлежал первоначально Муравьеву, а затем перешел к А. С. Норову (ГБЛ, ф. 201, № 29).

²³ Рукопись состоит из греческого текста сочинения (л. 1—8; автограф Анфима), его русского перевода (л. 9—16 об.), а также письма Анфима к Муравьеву от 1 апреля 1839 г. (л. 17—17 об.), переведенного затем на русский язык (л. 20—21 об.).

ГИМ, греч. № 5. Псалтирь X в. была, согласно сведениям каталога архимандрита Владимира, приобретена А. Н. Муравьевым в Лавре Саввы Освященного в 1849 г. и в 1857 г. пожертвована им в Московскую Синодальную библиотеку²⁴. Сам путешественник, описывая свое пребывание в знаменитом палестинском монастыре (он был там дважды — 5 декабря 1849 г. и 9 января 1850 г.)²⁵, в своих письмах-отчетах московскому митрополиту Филарету ничего не сообщает об этой рукописи²⁶; однако в «Описании предметов древности и святыни, собранных путешественником по святым местам» Муравьев говорит о том, что у него был «Псалтирь греческий» IX в. «из библиотеки Иустиниановой башни», полученный им в дар от игумена Лавры св. Саввы Иоасафа и затем пожертвованный «в книгохранилище Московской патриаршей ризницы»²⁷.

ГИМ, греч. № 409. Рукопись, содержащая в копии начала XVIII в. сочинение Паисия Лигарида о Московском соборе 1666 г., осудившем и низложившем патриарха Никона, была получена Синодальной библиотекой благодаря хлопотам А. Н. Муравьева²⁸. В архиве Муравьева сохранилась его переписка с александрийским патриархом Иерофеем II, которая позволяет установить время и обстоятельства, приведшие эту греческую рукопись из Каира в Москву.

Интерес к делу патриарха Никона возник у Муравьева еще во время его службы в Синоде. В 1834 г. обер-прокурор Синода С. Д. Нечаев по просьбе Муравьева выписал из Москвы Судное дело Никона²⁹; копируя его сложный по составу и обширный по объему текст, Муравьев предполагал в дальнейшем написать «Историю патриарха Никона»³⁰. Не случайно поэтому, узнав от Порфирия Успенского о существовании в библиотеке александрийских патриархов в Каире греческой рукописи, содержащей сочинение Паисия Лигарида о суде над Никонем, он, по-видимому, в конце 1852 или начале 1853 г. обратился к александрийскому патриарху Иерофею II с просьбой снять копию с текста этого памятника³¹. Патриарх Иерофей

²⁴ *Архим. Владимир*. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Часть первая. Рукописи греческие. М., 1894, с. 6; *Παπαδόπουλος—Κεραμύς* Α. Ἱεροζολιμική Βιβλιοθήκη. Ἐν Πετρούπολει, 1897, III, с. 266—267.

²⁵ *Муравьев А. Н.* Письма с Востока. . . , ч. 2, с. 93 и след., 282.

²⁶ Муравьев говорит о другом манускрипте, который он разыскивал, по-видимому, по просьбе Филарета: «Мы посетили еще раз библиотеку в башне Иустиниановой, где я искал для вас древнего патерика и нашел, но не знаю, как доведу. Там их множество, потому что, кажется, собиравшие отеческих сказаний и преданий были любимым занятием старцев св. Саввы» (*Муравьев А. Н.* Письма с Востока. . . , ч. 2, с. 282).

²⁷ *Муравьев А. Н.* Описание предметов древности и святыни. . . , с. 10; *Толстой М.* Указ. соч., с. 11.

²⁸ *Архим. Владимир*. Указ. соч., с. 606; *Фонкич Б. Л.* Иоанн Сакулис (страничка из истории участия греков в деле патриарха Никона). — In: *Festschrift für F. von Lilienfeld*. Erlangen, 1982, S. 165—181.

²⁹ «По моей просьбе Нечаев выписал из Москвы судное дело патриарха Никона, о котором услышал я от митрополита московского, что оно нечаянно было найдено Строевым в числе ненужных свитков под кроватью синодального ризничего». (*Муравьев А. Н.* Указ. соч., с. 36). См. также: Письма митрополита Московского Филарета к А. Н. М. . . 1832—1867. Киев, 1869, с. 28—29, 389—390.

³⁰ «Когда окончу жития святых и где-либо поселюсь на юге, то совершу, наконец, давнее мое предпрятие, потому что у меня собраны все материалы, какие нужны для истории Никона, и теперь я дополняю их в Московском архиве из Греческих дел» (*Муравьев А. Н.* Мои воспоминания, с. 37). В примечании на этой же странице издатели записок Муравьева указывают, что «Историю патриарха Никона» он начал писать в 1862 г.

Н. Б. Тихомиров обратил наше внимание на хранящийся в ГБЛ [ф. 579, № 10 (М. 5444)] «Сборник исторический о Никоне патриархе» начала XVIII в., на л. I которого имеется запись о передаче этой рукописи А. Н. Муравьевым Московской духовной академии.

³¹ ГБЛ, ф. 188, картон 3, № 10 (Письма А. Н. Муравьева к Иерофею, патриарху александрийскому), л. 83—83 об.: «Архимандрит Порфирий, посещавший Каир, нашел в Патриаршей библиотеке Вашей весьма любопытные записки митрополита газского Паисия Лигарида касательно суда над нашим патриархом Никонем. Мне чрезвычайно желательно иметь сии записки, которые для нас более занимательны, чем для Вас, и я бы весьма был благодарен Вашему Блаженству, если бы Вы приказали

в письме от 30 марта 1853 г. отвечал, что ему было трудно найти подходящего переписчика; поэтому, «имея полное доверие» к А. Н. Муравьеву, он 5 марта отослал ему через русского генерального консула в Александрии Фока саму интересующую его рукопись³².

Вероятно, уже в том же 1853 г. Муравьев получил рукопись сочинения Паисия Лигарида; отвечая патриарху³³, он горячо благодарит его за доверие и присылку подлинного манускрипта, а также просит его пожертвовать этот важный для русской истории памятник в Синодальную библиотеку в Москве³⁴. Согласие александрийского патриарха было получено³⁵, и в августе 1855 г. Муравьев, выполняя просьбу Иерофея II, передал рукопись московскому митрополиту Филарету³⁶.

списать с них для меня точную копию и прислали бы их ко мне, изыскав верный случай, дабы не пропали дорожно». Это — копия письма к патриарху, не имеющая даты. Время написания письма определяется датой ответа на него Иерофея II — 30 марта 1853 г., а также сообщением патриарха в этом письме о посылке самой интересующей Муравьева рукописи еще 5 марта того же года (ГБЛ, ф. 188, картон, 6, № 1, л. 88—88 об.; см. далее).

Порфирий Успенский указал сочинение Паисия Лигарида среди замечательных рукописей библиотеки Александрийского патриархата во время своего путешествия по Египту в 1850 г. (*Архим. Порфирий Успенский*. Путешествие по Египту и в монастыри святого Антония Великого и преподобного Павла Фивейского в 1850 году. СПб., 1856, с. 72—73). Поскольку Муравьев имел сведения об этой рукописи от Порфирия уже в начале 1853 г., т. е. за три года до выхода в свет только что названной книги, нужно предположить, что Порфирий, зная об интересе Муравьева к истории патриарха Никона, сообщил ему о кайрском манускрипте в письме.

³² ГБЛ, ф. 188, картон 6, № 1 (Письма к А. Н. Муравьеву патриарха александрийского Иерофея), л. 88 об.: «... τὸ δὲ προλαβόντος γητηθέν χειρόγραφον ἐκ τῆς ἡμετέρας βιβλιοθήκης ἀπεστείλαμεν πρὸ εἰκοσι πέμπετα ἡμερῶν, τούτεστι κατὰ τὴν ε' τοῦ ἡδὴ Μαρτίου διὰ τοῦ ἐναυθα ἡμετέρου γεινικοῦ Προξένου κυρίου Φώκ, ὅστις, ὡς ἐμάθομεν, ἀπέστειλεν αὐτὸ διὰ Τερζέστης, ὅπως φθάσῃ καὶ ταχύτερον καὶ ἀσφαλέστερον. Ἀπεστείλαμεν δὲ αὐτὸ τὸ πρωτότυπον, καὶ οὐχὶ ἀντίγραφον, τοῦτου, τὸ μὲν διότι ἦτον δύσκολον νὰ εὗρωμεν ἐναυθα ἀντιγραφεῖα κατὰλληλον, τὸ δὲ καὶ διότι ἔχομεν πᾶσαν τὴν ἐμπιστοσύνην πρὸς τὴν ἡμετέραν Εὐγένειαν».

³³ ГБЛ, ф. 188, картон 3, № 10, л. 72—73 об. — копия письма без даты. Ответ Иерофея II на это письмо датирован 4 июля 1855 г. (ГБЛ, ф. 188, картон 6, № 1, л. 94—94 об.).

³⁴ ГБЛ, ф. 188, картон 3, № 10, л. 73—73 об.: «Приношу. . . мою глубочайшую признательность за древнюю рукопись, которую Вы ко мне послали. . . приношу Вам мою искреннейшую благодарность, а равно и за доверенность ко мне, оказанную посланием самого подлинника просимой мною рукописи. < . . > Сейчас получил рукопись в целости и приношу усердную благодарность. Она, собственно, для нас, русских, драгоценна по историческим сведениям о Никоне патриархе, а потому я прошу убедительно Ваше Блаженство пожертвовать ее от имени Вашего в библиотеку Св. Синода в Москве».

³⁵ ГБЛ, ф. 188, картон 6, № 1, л. 94—94 об. — письмо Иерофея II из Александрии от 4 июля 1855 г.; л. 94 об.: «... ἀνατίθημεν ἐν τῇ πλουσιωτάτῃ βιβλιοθήκῃ τῆς Μόσχας, ὅπερ φέρει παραλαβούσα ἡ ἡμετέρα ἐξοχότης χειρόγραφον ἐκ τῆς βιβλιοθήκης τοῦ Ἀποστολικοῦ τοῦτου θρόνου τῆς Ἀλεξανδρείας, τὸ ἐμπεριέχον ἔκθεσιν εἰς τὸν διηγήσιν τῆς μερικῆς ἐν Μοσχολίᾳ συζητηθείσης συνόδου κατὰ τοῦ τότε πατριάρχου τῆς Ῥωσσίας Νίκωνος, συνθεθείσαν παρὰ τοῦ μητροπολίτου Γάζης κυρίου Παΐσιου. Τοῦτο οὖν λαβούσα, ἐγχειρίζει τῷ ὑψηλωτάτῳ ἀγίῳ Μόσχας κυρίῳ Φιλάρετῳ. . . ».

³⁶ Рукопись была передана Филарету вместе со следующим письмом (сохранившимся в архиве Муравьева в писарской копии; см.: ГБЛ, ф. 188, картон 3, № 32, л. 246—246 об.): «Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивый Архипастырь! Приятным себе вменяю долгом исполнить пред Вашим Высокопреосвященством поручение блаженнейшего патриарха Александрийского Иерофея, который пишет мне от 5-го июля (письмо Иерофея помечено 4 июля; см. выше. — Б. Ф.) из Каира, что он приносит от себя малую ленту в богатое хранилище книг Патриаршей Библиотеки в Москве и просит доставить Вам, милостивый Архипастырь, древнюю греческую рукопись о соборном суде Никона патриарха, писанную митрополитом Паисием Лигаридом и долго хранившуюся в патриархии Александрийской. Архимандрит Порфирий первый указал на сию рукопись, и по моей просьбе блаженнейший патриарх прислал мне ее для перевода с таким, однако, условием, чтобы я возвратил ему или подлинник, или список, но теперь безусловно жертвую сию рукопись, чрез посредство Ваше, в Синодальную Библиотеку, будучи проникнут благодарностью за все те благодеяния, которые оказала Российская церковь убогому Александрийскому престолу. < . . > 10-е июля (исправлено карандашом: августа. — Б. Ф.) 1855 года. Останкино».

Сообщение патриарху Иерофею о передаче рукописи митрополиту Филарету находится в письме Муравьева от 6 сентября 1855 г.; (ГБЛ, ф. 188, картон 3, № 10,

Загорск, Московская духовная академия. В настоящее время в фондах МДА хранится греческая рукопись конца XVIII в., которая, как можно предполагать, попала в Россию через А. Н. Муравьева. Рукопись является святогробским литургическим сборником, имеющим следующее надписание (л. 1 об.): *Σιωνίτης ὕμνωδὸς ἢ Ἐγχειρίδιον περιέχον τὴν ἀκολουθίαν τῆς Μεγάλης λιτανείας, τῆς ἐν τῷ πανσεβάστῳ ναῶ τῆς τοῦ Κυρίου Ἀναστάσεως τελουμένης, περιερχομένων τὰ ἐν αὐτῷ πάντα προσκυνήματα: ἐστὶ δὲ καὶ τοὺς κδ' πρὸς τὸν Πανάγιον Τάφον πενδοχαρμοζίνους οἴκους, οἷς προσετέθη καὶ ὁ πρὸς τὸν αὐτὸν σεπτὸν καὶ προσκυνητὸν Τάφον Κανὼν παρακλητικὸς, καὶ ἄλλα τινά.* На этом же листе имеется помета рубежа XVIII—XIX вв., свидетельствующая о принадлежности манускрипта в указанное время храму Св. Гроба: *Ἐκ τῶν τοῦ Παναγίου Τάφου.* Никаких данных для связи кодекса с именем Муравьева в самой рукописи не содержится. Высказанное выше предположение основано на следующих соображениях.

При передаче в 1879 г. в Киевскую духовную академию библиотеки Муравьева среди ее 1740 томов и брошюр были описаны две греческие рукописи XIX в.: «*Κατάλογος τῶν πατριαρχῶν*» Афанасия Комнина Ипсиланти» и «*Ὁ Σιωνίτης ὕμνωδὸς*»³⁷. Первая находится в ЦНБАН УССР, ДА 423³⁸. Вторая среди греческих рукописей Киева по каталогам не значится; нет ее и среди изучавшихся нами рукописей ЦНБАН УССР, не вошедших в печатные описания. Как видим, эта рукопись совпадает по содержанию с рукописью МДА, однако их отождествление не представляется возможным, так как рукопись Муравьева в отличие от кодекса МДА имела точную дату («греческая рукопись 1810 года») и «36 изображений страданий Спасителя, сделанных тушью». Можно все же допустить, что и не выявленная пока рукопись из библиотеки Муравьева и рукопись МДА приобретены одним владельцем. Это предположение, основанное лишь на совпадении содержания двух манускриптов, косвенно поддерживается еще и самим фактом пребывания рукописи Загорска, по крайней мере с мая 1845 г., в фондах Московской духовной академии³⁹ — того учебного заведения, куда Муравьев передал многие из привезенных им рукописей.

Если наша гипотеза о причастности Муравьева к приобретению Московской духовной академией рукописи *Σιωνίτης ὕμνωδὸς* верна, можно предполагать, что русский путешественник получил ее либо во время своего первого посещения Св. Земли в 1830 г., либо во время поездки в Палестину в 1838 г.: в мае 1845 г. Московский комитет для цензуры духовных книг рассматривал вопрос об издании ее текста⁴⁰.

ГБЛ, без шифра. Рукопись представляет собой переписанные в феврале 1849 г. Службу и Житие Антония Печерского⁴¹. И в этой рукописи нет никаких указаний на ее принадлежность А. Н. Муравьеву. Зная, однако, об интересе Муравьева к культу Антония Печерского на Афоне, мы можем

л. 63—63 об., копия). По-видимому, в промежуток времени между получением рукописи в 1853 г. и передачей ее митрополиту Филарету в августе 1855 г. Муравьевым был сделан перевод на русский язык этого сочинения Паисия Лигарида. Можно думать, что именно этот перевод хранится в Киеве в одном из портфелей Муравьева. См.: *Лебедев А.* Указ. соч., т. 1, с. 329—330.

³⁷ *Петров Н.* Известия Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за июнь 1879 г. — ТКДА, 1879, т. 2, с. 376, 378—379.

³⁸ *Петров Н.* Указ. соч., с. 376, 378—379; *Лебедев А.* Указ. соч., т. 1, с. 172—173.

³⁹ На л. 1 рукописи МДА имеется следующая запись: «К № 105-му. Поступ. 30 мая 1845. Доклад 31 мая 1845 г. От Московского Комитета для цензуры духовных книг печатать позволяется с тем, чтобы по отпечатании до выпуска из Типографии доставлено было в Цензурный Комитет узаконенное число экземпляров. Августа 20 дня 1845 года. Московская Духовная Академия. Цензор: Протоиерей Феодор Голубинский».

⁴⁰ См. сноску 39.

⁴¹ На л. 16 рукописи находится следующий колофон: *Πέρασ εἴληφεν ἡ τερπνὴ βίβλος αὕτη, / Βίον περιέχουσα τοῦ Πανοσίου / Μονῆς Πρετῆσαχου κτήτορος Ἀντωνίου, / Ἐσφιγμένιτου, ἔλκοντος δὲ τὸ γένος / Ἐκ τῆς εὐσεβοῦς περιφανοῦς Ῥωσσίας, / Εὐσεβέων τέρποντα νοῦν καὶ καρδίαν. / Ὅνησιν παρέχοντα τοῖς μονοτρόποις, / Θεῶ δὲ δόξαν, νῦν καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας. / Ἰακώβου πόνοσ εἰμί, μνημόσυνον προτέρας / Βιοτῆς ἵνα καὶ μετὰ Πότμο, τὴν μνήμηγ φέρει. / Θεὸν δὲ εὐχῶν ἱερῶν, τῶν ταύτην εὐποροῦντων / Ἀξιοῦντος σωτηρίας, ἀντιδοῦναι τὸ γέρας. / αμψ'. κατὰ μῆ α Φευρούριον.*

с достаточной уверенностью относить и эту рукопись к его «коллекции».

Посетив во второй половине августа 1849 г. Есфигменский монастырь, Муравьев был поражен существовавшим там почитанием Антония Печерского. Обратившись к запискам В. Григоровича-Барского, дважды, в 1728 и 1744 гг., побывавшего на Св. Горе и подробно описавшего все ее достопримечательности, он не нашел там никаких сведений об Антонии Печерском в связи с Есфигменом. Это обстоятельство заставило Муравьева заняться исследованием происхождения культа преподобного Антония на Афоне, в результате которого выяснилось, что даже в конце XVIII—начале XIX в. афонские монахи не знали о пребывании Антония на Св. Горе и что имя его появляется в Есфигмене в 40-х годах XIX в. в связи с надеждами обитателей монастыря на восстановление своей пришедшей в полный упадок обители с помощью России. Муравьеву была показана рукопись, содержащая Службу и Житие Антония, составленные известным афонским дидакалом Иаковом. «Я просил, чтобы для меня списали службу и житие», — сообщает Муравьев из Есфигмена митрополиту Филарету⁴².

Рукопись ГБЛ, переписанная в феврале 1849 г., за несколько месяцев до появления Муравьева на Афоне, естественно, не может являться тем списком, который был изготовлен по его просьбе. Такой рукописью мог бы быть, скорее, переписанный с большим старанием в 1849 г. и хранящийся в Киеве список Службы и Жития Антония Печерского⁴³. Существует, однако, предположение Н. Петрова, что Киевский список был прислан монахами Есфигменского монастыря киевскому митрополиту Филарету, от которого и поступил в библиотеку Киевской духовной академии⁴⁴. С этим мнением человека, принимавшего и описывавшего книги Муравьева, едва ли можно не считаться; к тому же первый выпуск каталога рукописей, в котором описан кодекс ДА 207, вышел в свет в 1875 г., а рукописи Муравьева поступили в Киевскую духовную академию лишь в 1879 г. Как бы то ни было, попавший в Москву список Службы и Жития Антония Печерского следует связывать только с именем Муравьева: ни один из собиравших рукописи на Востоке коллекционеров, фонды которых оказались в Москве, не проявлял интереса к указанному памятнику; с другой стороны, среди рукописей тех русских исследователей и собирателей, которые проявляли интерес к культуре Антония Печерского на Афоне и в книжных собраниях которых можно было бы ожидать появление списка Службы и Жития основателя киевского монашества, также нет интересующего нас памятника⁴⁵.

Реклингхаузен. Музей икон, инв. № 134. Находящийся в настоящее время в Реклингхаузене лист с миниатюрой «Апостол Павел», по-видимому, может быть идентифицирован с тем «изображением апостола Павла, IX века, на пергаменте», которое было подарено Муравьеву игуменом Лавры св. Саввы Иоасафом и хранилось у русского путешественника до конца жизни⁴⁶. В. Г. Пуцко считает, что эта миниатюра происхо-

⁴² *Муравьев А. Н.* Письма с Востока. . . , ч. 1, с. 212—213.

⁴³ Краткое описание рукописи см.: *Петров Н.* Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1875, вып. I, с. 155. В рукописи имеются следующие колофоны: л. 21 — Ἐν τελευτῇ τῶν καλῶν Θεῶ χάρις. αὐμθ'. л. 32 об. — α) Πέρας εἰληφεν ἡ τερπνὴ βίβλος αὐτῆ. / Βίον περιέχουσα τοῦ παυσίου / Μονῆς Περτζέσκου κτήτορος Ἀντωνίου, / Ἐσφιγμενίτου, ἔλκοντος δὲ τὸ γένος / Ἐκ τῆς εὐσεβοῦς, περιφανοῦς Ῥωσσίας, / Εὐσεβέων τέρποντα νοῦν καὶ καρδίαν, / Ὅνησιν παρέχοντα τοῖς μονοτρόποις, / Θεῶ δὲ δόξαν, νόον, καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας. β) Ἰακώβου πόνος εἰμί, μνημόσυνον προτέρας, / Βιοτῆς ἵνα καὶ μετὰ πτόμον τὴν μνήμην φέρει. / Θεὸν δι' εὐχῶν ἱερῶν τῶν ταύτην εὐποροῦντων, / Ἀξιούστος σωτηρίας, ἀντιδοῦναι τὸ γέρας. / αὐμθ'. γ) Ἐγράφη τὸ παρὸν διὰ χειρὸς ἱεροδιακόνου Δανιὴλ Βατοπαϊδίου, ἀμαρτολοῦ καὶ ἀναξίου δούλου τοῦ ἁγίου Θεοῦ.

⁴⁴ См. сноску 43.

⁴⁵ *Порфирий Успенский.* Первое путешествие в афонские монастыри и скиты в 1846 году. Киев, 1877, ч. 2, отд. 1, с. 243—244; *Архим. Антонин.* Заметки поклонника Св. Горы. Киев, 1864, с. 293—296; *Дмитриевский А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты. Киев, 1890, с. 62—64.

⁴⁶ *Муравьев А. Н.* Описание предметов древности и святыни, собранных путешественником по святым местам, с. 10; *Толстой М.* Указ. соч., с. 11. На миниатюру из Реклингхаузена наше внимание обратили Г. И. Вздорнов и В. Г. Пуцко, которых

дит из иерусалимской рукописи 'Αγίου Γάφου 37, относящейся к XII в.⁴⁷

Обратимся к рукописям второй группы, которые, как следует из сведений, содержащихся в сочинениях А. Н. Муравьева, прошли через его руки, но нами пока не выявлены.

1. «Рукопись Анастасия Синаита XV века» упоминается среди книг, подаренных митрополиту Филарету епископом Каллиником в сентябре 1849 г.⁴⁸

2. Патерик. 9 января 1850 г. Муравьев вновь побывал в Лавре Саввы Освященного. Он сообщает митрополиту Филарету, что среди книг, хранящихся в Юстиниановой башне, разыскал для него древний патерик⁴⁹.

3. Служба Богородице Иверской. 4 сентября 1849 г. Муравьев писал митрополиту Филарету из Ивирского монастыря: «Сегодня просил я, чтобы отслужили благодарственный молебен перед иконою Пречистой девы Братарницы Иверской, и я вам привезу эту службу на греческом для сравнения с нашею»⁵⁰.

Итак, собранные материалы дают возможность установить, что благодаря А. Н. Муравьеву в русские хранилища из библиотек христианского Востока перешло не менее 27 греческих рукописей. Подводя итоги нашему исследованию, мы хотим расположить все рукописи в хронологическом порядке их приобретения Муравьевым, сделав еще раз указание на происхождение каждого манускрипта. Это позволит наглядно представить себе картину сложения «греческой коллекции» Муравьева.

1830 или 1838 г. Во время первого или второго путешествия в Палестину Муравьевым были приобретены два списка святогробского литургического сборника; один из них сейчас находится в библиотеке Московской духовной академии (Загорск), другой пока не обнаружен.

1838 г. Описание Иерусалимского патриархата, составленное для Муравьева секретарем иерусалимского патриарха Афанасия монахом Анфимом (ГБЛ, ф. 201, № 29; ф. 188, картон 10, № 30).

1839 г. Записка о житии митрополита. Петры и эпитропа Св. Гроба Мисаила, составленная Анфимом по просьбе Муравьева и, по-видимому, присланная ему в Петербург (ГБЛ, ф. 188, картон 4, № 16).

1849 г., август. Список Службы и Жития Антония Печерского был подарен Муравьеву в Есфигменском монастыре на Афоне (ГБЛ, без шифра).

1849 г., сентябрь. Апостол «с помянниками патриархов царьградских» (ГБЛ, ф. 173. I, № 281), Служебник (ЗМЗ, № 2445), Анастасий Синаит XV в. — эти три рукописи (а также сербский список Слов постнических Исаака Сирина — ГБЛ, ф. 173. I, № 151. II) посланы с Афона через Муравьева московскому митрополиту Филарету бывшим епископом муско-нисийским Каллиником. Четвероевангелие (ГБЛ, ф. 304. III, № 28) — подарок игумена русского Андреевского скита Виссариона Муравьеву, который, в свою очередь, передал его митрополиту Филарету. Не позже середины сентября Муравьевым был приобретен и Каталог патриархов и патриарших престолов (ЦНБАН УССР, ДА 423). В Ивирском монастыре Муравьевым был получен список Службы Богородице Иверской, привезенный затем митрополиту Филарету.

1849 г., август—сентябрь. Входящие в состав «Афонского сборника» (ЦНБАН УССР, ДА 424) 11 греческих рукописей по большей части либо переписаны по заказу Муравьева, либо подарены ему во время пребывания его на Св. Горе.

мы сердечно благодарим. Воспроизведение и краткое описание этого памятника см.: *Kunstsammlungen der Stadt Recklinghausen: Ikonen-Museum. Recklinghausen, 1965, N 371.*

⁴⁷ Hatch W. H. P. *Greek and Syrian Miniatures in Jerusalem.* Cambridge (Mass.), 1931, p. 93—95, pl. XXXVI—XXXVIII.

⁴⁸ *Муравьев А. Н. Письма с Востока. . .*, ч. I, с. 350.

⁴⁹ См. сноску 26.

⁵⁰ *Муравьев А. Н. Письма с Востока. . .*, ч. I, с. 343.

1849 г., декабрь—1850 г., январь. Псалтирь X в. (ГИМ, греч. № 5) происходит «из библиотеки Иустиниановой башни» Лавры Саввы Освященного близ Иерусалима и подарена, как и «изображение апостола Павла, IX века», русскому путешественнику игуменом монастыря Иоасафом. В башне Юстиниана найден Муравьевым также древний патерик, предназначавшийся для митрополита Филарета.

1853 г. Сочинение Паисия Лигарида о суде над Никоном (ГИМ, греч. № 409) получено через Муравьева от александрийского патриарха Иерофея II.

В. П. Наумов

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ В ПРОТОКОЛАХ КОНФЕРЕНЦИИ ПРИ ВЫСОЧАЙШЕМ ДВОРЕ И ИМПЕРАТОРСКОГО СОВЕТА (1756—1762)

Политика русского абсолютизма в XVIII в. отчетливо выражалась в деятельности высших государственных учреждений, осуществлявших управление страной от имени монарха. К числу учреждений подобного рода относились Конференция при высочайшем дворе и Императорский совет. Конференция действовала с 14 марта 1756 г. по 28 января 1762 г. как орган для проведения согласованной внутренней и внешней политики в сложных условиях Семилетней войны. После прекращения военных действий Конференция была ликвидирована. Задачи государственного управления и руководства дипломатическими сношениями вскоре перешли к Императорскому совету, просуществовавшему с 18 мая по 28 июня 1762 г.

Делопроизводственные материалы Конференции и Императорского совета до сих пор недостаточно введены в научный оборот. Протоколы Конференции известны главным образом как источник по истории внешней политики¹. Отдельные документы о внутривнутриполитической деятельности учреждения использовались С. М. Соловьевым² и А. Е. Пресняковым³; однако исследования этих авторов не могут дать полного представления о рассматриваемом комплексе источников. Протоколы Конференции за первый год ее деятельности изданы Н. Д. Чечулиным, который в предисловии к сборнику дал краткую оценку опубликованных документов⁴. Что касается делопроизводственных материалов Императорского совета, то они, видимо, вообще не использовались историками.

В настоящей статье предметом исследования являются документы по вопросам внутренней политики из так называемых «протоколов указам», которые составляют основную часть ф. 178 «Конференция при высочайшем дворе» ЦГАДА. Состав этого комплекса до сих пор не был в полной мере определен. Считается, что в него входят лишь документы Конференции⁵. В действительности последняя книга «протоколов указам» включает также делопроизводственные материалы Императорского совета. Объединение документов Конференции и Совета связано с деятельностью Д. В. Волкова, руководившего делопроизводством обоих учреждений.

В фонде имеется 2787 протоколов Конференции и 32 протокола Совета, подшитые в 16 объемных томов⁶. Сохранилось также более 2 тыс. черновиков протоколов, которые объединены в книги и дела⁷. В некото-

¹ Семилетняя война: Материалы о действиях русской армии и флота в 1757—1762 гг. М., 1948.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. 12.

³ История Правительствующего сената за двести лет. СПб., 1911, т. 2, с. 3—314.

⁴ Сб. РИО. СПб., 1912, т. 136, с. XVII—XX.

⁵ Центральный государственный архив древних актов: Путеводитель. М., 1946, ч. I, с. 134.

⁶ ЦГАДА, ф. 178, оп. 1, д. 1—6, 10—12, 16—18, 22—24, 27.

⁷ Там же, д. 7—9, 13—15, 19—21, 25, 26; оп. 2, д. 2, 20, 21, 35 (по описи I номера дел и листов далее указываются в тексте).

рых случаях черновики подшиты в книги заверенных протоколов, именуемых в делопроизводстве того времени «подлинниками» (д. 10, л. 173—184; д. 18, л. 18—26 и др.). Комплекс заверенных протоколов сохранился полностью, за исключением отдельных документов⁸. Благодаря этому мы можем получить представление о всех основных направлениях деятельности Конференции и Совета.

Для понимания значения изучаемых документов как исторического источника важно определить их состав. Протоколы, как правило, состоят из двух частей: собственно протокола заседания с указанием повестки дня и отпуска принятого исходящего документа — экстракта из протокола Сенату или Синоду, рескрипта центральному учреждению или должностному лицу, указа для опубликования и т. д. Указы Конференции и Совета составлялись от имени монарха и отсылались для обнародования в Сенат. При подготовке «Полного собрания законов Российской империи» они были выявлены в делопроизводстве Сената и изданы в качестве «именных» императорских указов. Сличение показало, что отпуски указов в составе протоколов идентичны текстам ПСЗ⁹.

Черновики отличаются от «подлинников» наличием большого количества исправлений, анализ которых может дать сведения о процессе составления указов и других важных документов. Сравнение текстов «подлинных» протоколов с их черновиками позволяет восстановить ход обсуждения отдельных вопросов государственного управления.

Анализ подписей под заверенными протоколами позволяет уточнить состав членов Конференции, именовавшихся также конференц-министрами. Ими были руководители дипломатического ведомства, представители высшего военного командования, наиболее влиятельные сенаторы, а также генерал-прокурор Сената и начальник Тайной канцелярии. Такой состав конференц-министров обеспечивал достаточную компетентность учреждения при решении важнейших вопросов внутренней и внешней политики.

В литературе отмечалось, что, несмотря на подчиненное положение Сената по отношению к Конференции, круг его внутриполитической деятельности был шире¹⁰. Протоколы Конференции показывают, что она действительно занималась не всеми внутриполитическими делами. В ее работе можно выделить четыре основных направления: руководство армией, финансы, кадровые вопросы и особо важные дела, превышающие компетенцию Сената.

Протоколы Конференции отразили особенности внутренней политики России в период Семилетней войны. Специфика военного времени заметно сказалась на деятельности государственного аппарата. Особое внимание уделялось комплектованию армии и обеспечению ее боеспособности, укреплению воинской дисциплины, развитию артиллерии.

В протоколах имеются данные о политике правительства в отношении рекрутской повинности. На заседаниях Конференции обсуждались проекты конференц-министров Н. Ю. Трубецкого и П. И. Шувалова об изменении системы рекрутских наборов. 3 июня 1757 г. Трубецкой представил проект, осуществление которого позволяло увеличить число рекрутов в ближайшее время. В проекте было предложено разрешить помещикам отдавать крестьян в рекруты заранее с зачетом их в число предстоящих наборов (д. 2, л. 474). Это в известной мере обеспечивало и интересы помещиков, поскольку они получали возможность сдавать рекрутов постепенно и тем самым избегали «излишнего вдруг отягощения» в период общегосударственного набора. Предложение Трубецкого легло в основу указа, принятого Конференцией¹¹. 19 августа 1757 г. конференц-

⁸ Например, протокола № 1 за 1757 г., который отсутствует в деле, но значится во внутренней описи.

⁹ При наличии опубликованного источника сноски дается на ПСЗ.

¹⁰ См.: *Ерошкин Н. И.* История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М., 1983, с. 102.

¹¹ ПСЗ, т. 14, № 10736.

министры рассмотрели проект П. И. Шувалова о разделении великорусских губерний на пять равных округов для сбора рекрутов раз в пять лет с каждого округа (д. 3, л. 179). Существовавшие правила одновременных наборов со всего населения Шувалов считал недостаточно эффективными. Проект встретил поддержку Конференции, однако его осуществление было отложено¹².

В условиях войны серьезные изменения сложившейся системы рекрутского набора, по-видимому, вызывали опасения. В протоколах отразились и мероприятия правительства по проведению рекрутских наборов. Конференция давала указания Сенату о начале набора, уточняла критерии годности рекрутов, распределяла новобранцев по воинским частям (д. 4, л. 85—87 об.; д. 6, л. 243, 271; д. 12, л. 88). Набор рекрутов производился преимущественно в великорусских губерниях. Представители других народов формировали местные воинские соединения, объединяемые под общим названием «нерегулярных войск». В их число входили башкиры, калмыки, казанские татары, мещеряки, слободские казаки. Общее руководство мобилизацией нерегулярных войск осуществляла Конференция, которая давала соответствующие распоряжения Сенату, Военной коллегии и местным властям (д. 3, л. 120, 139—140 об., д. 4, л. 301, 416, 448)¹³.

В условиях войны особенно возросла необходимость укрепления армии. Протоколы Конференции дают представление о деятельности высшего военного командования в этом направлении. Представители генералитета не раз выражали на заседаниях Конференции обеспокоенность в связи с побегам из армии (д. 12, л. 33 об.; д. 24, л. 198). Конференц-министр генерал-фельдмаршал А. Б. Бутурлин предложил установить денежное вознаграждение за поимку беглого солдата или рекрута (д. 2, л. 476). Конференция поддержала мнение Бутурлина, и вскоре был издан соответствующий указ¹⁴. Следующей мерой по борьбе с побегам явилось издание указа от 10 сентября 1759 г. о прощении беглых солдат, матросов и рекрутов. Указ побуждал беглых вернуться в армию призывами к их долгу, обещаниями увеличения жалованья и награды за службу. Нежелая воспользоваться таким «милосердием» в случае их поимки грозили жестокие телесные наказания и ссылка на каторгу. Таким же образом предписывалось расправляться с теми, кто дезертирует после издания указа (д. 12, л. 33)¹⁵.

Указ предусматривал и наказания помещиков за прием беглых. В черновике протокола зафиксировано первоначальное намерение ввести неожиданно строгие меры. Так, за каждого укрытого беглого помещик должен был отдать в рекруты десять крестьян. Укрывателям беглых угрожала даже каторга (д. 15, л. 21—25). В ходе доработки указа эти меры были значительно смягчены. В окончательной редакции указ предусматривал лишь штраф в виде двух рекрутов и 200 руб. за каждый год удержания беглых. Более того, можно было обойти даже это наказание. Согласно указу, помещики освобождались от штрафа в случае их «неведения» о запрещении принимать беглых (д. 12, л. 35). Так забота о господствующем классе оказалась на этот раз выше государственных интересов. В протоколах отражено также принятие поправок к указу после его издания. На одном из заседаний Конференции было отмечено, что в период рекрутских наборов из армии часто дезертируют новобранцы (д. 12, л. 117). Поскольку по указу беглых полагалось ссылать на каторгу, армия могла лишиться части своего пополнения. С учетом этого Конференция вынесла решение возвращать беглых в армию и подвергать их более легким наказаниям (д. 12, л. 117—117 об.; д. 24, л. 199).

Протоколы характеризуют пристальное внимание правительства и военного командования к вопросам снабжения и снаряжения армии.

¹² Там же, № 10786.

¹³ Сб. РИО, т. 136, с. 71—72.

¹⁴ ПСЗ, т. 14, № 10737.

¹⁵ Там же, т. 15, № 10987.

Методы снабжения войск за счет населения других государств уже освещались в литературе¹⁶. В пределах России Конференция следила за поставками провианта из городов, утверждала подряды по продовольственному снабжению армии, занималась организацией изготовления обмундирования и решала другие вопросы подобного рода (д. 3, л. 146—148; д. 6, л. 375; д. 11, л. 427—429 и др.).

В документах Конференции имеются сведения о создании в 1756—1757 гг. 30-тысячного observationalного (запасного) корпуса. Это соединение формировалось преимущественно путем вербовки «вольных людей» на Украине и в пограничных городах. Корпус находился в непосредственном ведении Конференции, поэтому протоколы отразили даже мельчайшие детали его организации (д. 2, л. 492—493, д. 4, л. 95, д. 6, л. 42, 291, 318, 419 и др.). Интересны данные протоколов об использовании воинских частей, не участвовавших в Семилетней войне. Оставленные в России полки привлекались к строительным и землемерным работам, охраняли водные пути и места заключения, осуществляли карательные операции (д. 23, л. 21)¹⁷.

Конференция уделяла много внимания руководству артиллерией, в особенности использованию новых образцов орудий: секретных гаубиц и единорогов¹⁸. Гаубицы были изобретены наиболее влиятельным членом Конференции П. И. Шуваловым. Он же приписывал себе заслугу создания единорогов и поэтому проявлял особую заботу о внедрении обоих видов орудий. В протоколах имеются сведения об испытаниях гаубиц и единорогов, а также о распределении их по воинским частям (д. 3, л. 316—317, 251; д. 6, л. 309; д. 9, л. 22—22 об. и др.).

Документы Конференции отражают политику правительства в области финансов. В частности, имеются данные о финансовой реформе П. И. Шувалова, которая сводилась главным образом к увеличению в обращении количества медных денег при одновременном уменьшении веса монет. Ход реформы исследован С. М. Троицким на основании изучения документов Сената и законодательных актов¹⁹. Протоколы Конференции существенно дополняют сведения этих источников о финансовых мероприятиях правительства, и прежде всего об использовании медных денег для кредитных операций. По инициативе П. И. Шувалова Конференция выносила решения об организации и деятельности Медного и Артиллерийского банков²⁰, а также о выдаче крупных ссуд предпринимателям в Екатеринбурге и других городах (д. 3, л. 214, 234; д. 8, л. 100 об.; д. 16, л. 215; д. 22, л. 260; д. 23, л. 137 и др.). Получившие ссуду на местах должны были вернуть деньги в Петербурге и выплатить треть долга серебряной монетой (д. 11, л. 300; д. 12, л. 22). Обычное стремление удерживать в казне золотые и серебряные деньги усиливалось необходимостью финансирования заграничной армии.

В протоколах отражены неудавшиеся намерения представителей светской власти получить деньги на ведение войны от духовенства. Синод отказался выполнить соответствующие требования Конференции, заявив, что она не имеет права распоряжаться финансами духовного ведомства (д. 10, л. 410—410 об.). Протоколы содержат данные о столь же безуспешных попытках Конференции ограничить экономическую самостоятельность монастырей. Подобные мероприятия могут рассматриваться как предпосылки секуляризации; поэтому сведения о них особенно важны. Первые решения Конференции в этом направлении были приняты 28 августа

¹⁶ Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886, вып. I, с. 87—88; Коробков Н. М. Семилетняя война: (Действия России в 1756—1762 гг.). М., 1940, с. 294, 334.

¹⁷ Сб. РИО, т. 136, с. 70.

¹⁸ Об этих орудиях см.: Прочно И. С. История развития артиллерии. М., 1945, т. 1, с. 102—105.

¹⁹ Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966, с. 70—75, 77—78, 208—211.

²⁰ О банках см.: Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII в. — 1861 г.). М., 1958, с. 49—53.

1756 г. В протоколе зафиксировано распоряжение присутствовавшей на заседании императрицы о недопущении произвола монастырских служителей при отдаче крестьян в рекруты. Тогда же было дано указание составить ведомость о всех монастырях с учетом количества имеющих у них деревень (д. 1, л. 258—258 об.)²¹. На заседаниях Конференции 30 сентября и 6 октября 1757 г. был принят известный указ, оказавшийся, как стало видно позднее, первым шагом в осуществлении секуляризации. Согласно этому указу, монастырские деревни переходили в ведение отставных офицеров, а монастыри лишались права распоряжаться частью своих доходов²². В протоколе первого заседания отразилось намерение использовать доходы монастырей для государственных нужд; однако конференц-министры сочли это решение преждевременным и не включили его в окончательный текст указа (д. 3, л. 245, 256 об.). Зафиксированное в протоколах смягчение формулировки указа свидетельствует об осторожном подходе правящих кругов к вопросу о секуляризации, что было связано с важной ролью церкви в жизни феодального общества. Подобная осторожность и нерешительность проявились и в том, что Конференция и Сенат в течение нескольких лет не могли заставить духовенство приступить к исполнению указа от 6 октября 1757 г. (д. 27, л. 88)²³.

Протоколы освещают деятельность Конференции по уточнению штатов Сената и центральных учреждений (д. 22, л. 304—305; д. 23, л. 105—105 об.). Кроме того, имеются сведения о чинопроизводстве, назначениях на должности, увольнении в отставку, выдаче жалованья и наград. В протоколах отразились и более частные вопросы, решенные в Конференции. Два эпизода деятельности учреждения связаны с именами М. В. Ломоносова и А. К. Нартова. На заседании 26 сентября 1760 г. был рассмотрен доклад Сената с изложением плана Ломоносова по созданию монумента в честь Петра I (д. 18, л. 146—150). Конференция одобрила доклад и подала его императрице, которая в тот же день утвердила план Ломоносова²⁴. 6 апреля 1761 г. на заседании Конференции было принято решение об оказании помощи детям Нартова, оставшимся после смерти отца почти без средств к существованию (д. 22, л. 301). В одном из протоколов отразилось внимание Конференции к науке. 8 февраля 1761 г. конференц-министры решили вопрос об отправке в Тобольск группы ученых для наблюдения за «прохождением Венеры между Солнцем и Землей» (д. 22, л. 104).

Конференция внесла заметный вклад в решение внутриполитических вопросов. Императорский совет действовал чуть больше месяца, поэтому не успел оставить значительный след в истории. Совет в известной степени явился преемником Конференции. После ликвидации Конференции канцлер М. И. Воронцов доложил Петру III о необходимости создания подобного ей учреждения (д. 27, л. 45—46 об.). После долгих колебаний император согласился учредить Совет из представителей дипломатического ведомства и военного командования. В их число вошли бывшие конференц-министры М. И. Воронцов и Н. Ю. Трубецкой (д. 27, л. 169 об.). Преемственность задач Конференции и Совета определяла императорская инструкция новому учреждению. В области внутренней политики Совет должен был «иметь об армии попечение» и «о всех государственных доходах попечение возыметь, а лишние расходы сократить» (д. 27, л. 171).

Совет начал свою деятельность с решения финансовых вопросов. В протоколе первого заседания 18 мая 1762 г. отмечено, что проведение финансовой реформы П. И. Шувалова не может в полной мере удовлетворить интересы казны (д. 27, л. 182). В связи с этим Совет постановил деньги «вновь из меди не делать, а велеть, чтоб заводчики отпускали оной больше за море и продавали на ефимки»²⁵. В то же время было решено «передел

²¹ Сб. РИО, т. 136, с. 205—206.

²² ПСЗ, т. 14, № 10765.

²³ См.: ПСЗ, т. 15, № 11441.

²⁴ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.: Л., 1961, с. 342.

²⁵ Иоахимсталеры, серебряные монеты.

медных денег в легчайшую монету из тяжелой по прежнему плану неотменно продолжать» (д. 27, л. 184 об.). С целью увеличения прибыли казны и улучшения денежного обращения Совет распорядился о выпуске «банковских билетов» на сумму в 5 млн. руб., которые бы «за наличную монету ходили» (д. 27, л. 182 об.—183). Для осуществления своих задач по контролю над финансами Совет потребовал от Сената предоставления ведомостей о казенных доходах и расходах (д. 27, л. 200). Совет успел также проявить заботу об армии, распорядившись о комплектовании и снабжении нескольких воинских соединений (д. 27, л. 206—207 об.). Названные постановления Совета были оформлены в виде указов от имени императора ²⁶.

Подобно Конференции, Совет занимался назначением на должности и производством в чины (д. 27, л. 217, 271, 284, 293). Существенным моментом деятельности нового учреждения стала отправка большого воинского соединения с артиллерией против «явившихся в возмутительстве помещичьих крестьян» Клинского и Тверского уездов (д. 27, л. 225—227 об.). Вслед за этим Совет принял манифест о сохранении порядка в имениях и содержании крестьян в повиновении (д. 27, л. 268—269) ²⁷. Таким образом, основные направления внутривластной деятельности Конференции и Совета совпадали, что определялось близостью задач этих учреждений.

Рассмотренные выше источники представляют собой протоколы заседаний с включенными в них отпусками исходящих документов. Анализ вошедших в протоколы указов при сравнении их с черновиками и опубликованными актами позволяет восстановить процесс осуществления законодательной власти. Протоколы дают возможность проследить ряд направлений внутренней политики русского абсолютизма, не нашедших достаточного отражения в историографии.

²⁶ ПСЗ, т. 15, № 11548, 11550, 11552.

²⁷ Там же, № 11577.

Л. И. Демина

«ЗАПИСКИ» Е. Ф. ШМУРЛО ОБ ИСТОРИКАХ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1889—1892)

Развитие русской исторической науки в Петербургском университете в конце XIX в. связано не только с деятельностью виднейших ученых С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского, М. А. Дьяконова, но и с творчеством таких малоизученных историков, как Е. Ф. Шмурло, Н. Д. Чечулин, В. Г. Дружинин, И. А. Козеко и др.¹ В этом отношении представляется важным рассмотреть «Записки» Е. Ф. Шмурло, хранящиеся в ОР ГБЛ² и до сих пор не привлекавшие внимания исследователей.

Творческая биография Евгения Францевича Шмурло (1853—1935) — историка петербургской школы, ученика и последователя научного метода К. Н. Бестужева-Рюмина — началась с опубликования в 1888 г. магистерской диссертации о Е. Болховитинове³. В дальнейшем Е. Ф. Шмурло занимался обзором источников и литературы, относящихся ко времени Петра I⁴, написал ряд работ, посвященных международным

¹ См.: *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. — В кн.: Труды Юбилейной сессии Ленинградского университета: Секция исторических наук. Л., 1948.

² ОР ГБЛ, ф. 178. Муз. собр., карт. 7774 (далее в тексте — указания на страницы).

³ *Шмурло Е. Ф.* Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы его жизни (1767—1804). СПб. 1888.

⁴ *Шмурло Е. Ф.* Петр Великий в русской литературе: (Опыт историко-библиографического обзора). СПб., 1889; *Он же.* О записках Сильвестра Медведева. — ЖМНП.

связям России⁵. Особую известность получила книга Е. Ф. Шмурло о жизни и деятельности К. Н. Бестужева-Рюмина⁶. В 1889 г. Е. Ф. Шмурло был избран приват-доцентом Петербургского, а в 1891 г. — профессором Юрьевского университетов. После 1903 г. его научная деятельность проходила вне России. Будучи постоянным корреспондентом Академии наук в Риме, он изучал русско-католические дипломатические отношения и издавал сборники — результат его разысканий в архивах Италии и Испании⁷.

«Записки» Е. Ф. Шмурло представляют собой дневниковые записи, которые велись автором (зачастую с многомесячными перерывами в течение 1889—1892 гг.) с целью донести до читателя информацию об атмосфере научной жизни Петербургского университета⁸. «Мысль о „Записках“, — признавался Е. Ф. Шмурло, — все чаще и чаще приходила на ум за последнее время; но не о дневнике, интересном лично для себя, а о такого рода заметках, что не были бы лишены значения и для других. . . Мое утверждение приват-доцентом при университете вводит меня в среду, и без того уже мне не чуждую и воспоминание о которой впоследствии может внести страничку в историю нашей культуры. А мне как историку позволительно оценивать события исторической меркой» (с. 1).

Отражена в «Записках» история создания в 1899 г. Исторического общества при Петербургском университете, одним из учредителей которого был Е. Ф. Шмурло. Общество объединяло историков различных специальностей и ставило задачи: обсуждать исследования по различным областям исторической науки, разрабатывать теоретические вопросы и способствовать улучшению преподавания истории⁹. «Записки» уточняют некоторые подробности, в частности связанные с обсуждением устава. Е. Ф. Шмурло писал: «Кареев и позвал к себе 14 марта [1889 г. — Л. Д.] обсудить проект устава; собрались: [Г. В.] Форстен, [А. А.] Васильев, [С. Ф.] Платонов, [Я. Г.] Гуревич, Е. А. Белов, [Н. Г.] Дружинин и я. Докладная записка и проект устава были приняты с небольшими изменениями. Впрочем, Кареев еще предварительно обсуждал и то и другое с ректором, чтобы заручиться его согласием» (с. 27).

«Записки» содержат малоизвестные сведения о «кружке русских историков», состоявшем в основном из молодых ученых, учеников К. Н. Бестужева-Рюмина и В. Г. Васильевского, чьи имена были связаны с развитием новых областей исторической науки в конце XIX—начале XX в. «Несколько лет подряд, — вспоминал участник кружка С. Ф. Платонов, — начиная со 2 января 1884 г., происходили периодические собрания этого кружка для слушания рефератов и исторических бесед. Много ученых диспутов своих сочленов отпраздновал впоследствии этот кружок, многих из нас духовно поддержал на тернистом пути русского ученого»¹⁰. В 1889 г. в состав кружка, по сведениям Е. Ф. Шмурло, в по-

1889, № 4; *Он же*. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912, Вып. I и др.

⁵ Шмурло Е. Ф. XVI-й век и его значение в русской истории. СПб., 1891; *Он же*. Восток и Запад в русской истории: Публичная лекция. Юрьев, 1895, и др.

⁶ Шмурло Е. Ф. Очерк жизни и научной деятельности К. Н. Бестужева-Рюмина (1829—1897). Юрьев, 1899. Список трудов Е. Ф. Шмурло до 1903 г. см. в кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Юрьевского университета за 100 лет его существования. Юрьев, 1903, т. 2, с. 558—562.

⁷ Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. т. 50, с. 320—321.

⁸ «Записки» были переданы в ОР ГБЛ в 1933 г. историком И. И. Полосиным. Это автограф в тетради с кожаным переплетом, состоящей из двух частей, на 80 листах, с двух сторон исписанных черными чернилами мелким почерком. Каждая страница пронумерована автором и имеет сверху заголовок.

⁹ См.: Кононова Н. Н. Историческое общество при Петербургском университете. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1968, т. II; Слонимский А. Г. Возникновение Исторического общества при Петербургском университете. — В кн.: Ученые записки исторического факультета Таджикского государственного университета. Душанбе, 1974, вып. I.

¹⁰ Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах. — Дела и дни, 1921, кн. 2, с. 132.

рядке приема в его члены входили: В. Г. Дружинин, С. Ф. Платонов, И. А. Барбашев, Н. М. Бубнов, Н. Д. Чечулин, С. М. Середонин, И. А. Шляпкин, А. С. Лапо-Данилевский, М. А. Дьяконов, А. И. Савельев, Н. М. Лисовский, И. Ф. Анненский, С. Л. Степанов, И. А. Козеко и Е. Ф. Шмурло (с. 6). Влияние кружка заметно сказывалось на научной работе его членов. Так, приводя отзыв В. И. Сергеевича о магистерской диссертации М. А. Дьяконова¹¹, Е. Ф. Шмурло отмечал: «В то же время он высказал (конечно, невольно) комплимент нашему историческому кружку, заметив, что на книге Дьяконова, совсем неюридического характера, отразилось влияние кружка историков, среди которых он постоянно вращался и подобного которому юристам до сих пор не удалось организовать» (с. 112—113)¹².

Традиционной формой научной полемики являлись диспуты при защите диссертаций. В своих «Записках» Е. Ф. Шмурло описывал две защиты магистерских диссертаций членами кружка В. Г. Дружининым и М. А. Дьяконовым. На диспутах особенно ярко проявилась борьба мнений между старыми профессорами — В. И. Сергеевичем и Е. Е. Замысловским — и молодыми историками-либералами, работы которых были отмечены экономической и социальной направленностью конкретного исторического изучения. Касаясь выступления В. И. Сергеевича на защите диссертации М. А. Дьяконова, Е. Ф. Шмурло подчеркивал консерватизм взглядов оппонента: «Но, по-моему, односторонне-юридическую мерку применил Сергеевич к книге Дьяконова, когда доказывал, что поучения монахов, наставления и проповедь духовенства, поскольку они касались отношений подданных к государю, отнюдь не имели политической подкладки и значения, да и вообще, что будто бы духовенство далеко было от мысли подчинять себя светской власти, а наоборот, стремилось к полной независимости, что особенно ярко проявилось в Никоне» (с. 113—114). Об отношении Е. Ф. Шмурло к Е. Е. Замысловскому можно судить по сатирическому описанию выступления профессора на диспуте В. Г. Дружинина¹³ в 1889 г.: «5-го марта-был диспут В. Г. Дружинина. Все сошло как по маслу. Защищался он свободно, уверенно, вопреки ожиданиям. Замысловский говорил тупые вещи, по существу — ничего серьезного, целых полчаса мозолил вопрос: кого надо называть „казаками донскими“?» (с. 17).

В значительной степени сосредоточены «Записки» на фактах творческой биографии Е. Ф. Шмурло. Особого внимания заслуживает история создания лекционных курсов. О курсе, прочитанном зимой 1889 г., ученый писал: «В поданной факультету программе я заявил, что намерен прочесть „Историю накануне Петровской реформы“, а именно: а) историческое развитие взглядов на Петра В[еликого]; б) исторический обзор литературы о Петре; в) правление царевны Софьи; г) молодость Петра. Точнее: время с 1682 по 1700» (с. 51—52). Сведения эти являются тем более интересными, что прочитаны были всего два раздела из намеченных. В осенний семестр 1889 г. Е. Ф. Шмурло читал историю XVIII в. (1700—1796) и, по его собственному признанию, «успел прочитать только время Петра, а остальное перенес на семестр 1890 года» (с. 105).

Из «Записок» можно узнать о ходе работы Е. Ф. Шмурло над своими произведениями. Как свидетельствуют «Записки», работа «Петр Великий в русской литературе (опыт историко-библиографического обзора)» выросла из названных лекционных курсов (с. 52), а статья «О записках Силь-

¹¹ Дьяконов М. А. Власть московских государей: Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889.

¹² На это обратил внимание и С. Ф. Платонов, который писал М. А. Дьяконову 13 октября 1889 г.: «Сердит его [В. И. Сергеевича. — Л. Д.], вероятно, и то, что Вы стали в ряды историков, чуждых кругу юристов; по крайней мере он высказал в факультете, что слабость юридического элемента в Вашей книге может быть объяснена влиянием на Вас плотного круга молодых исторических сил, к которому Вы примкнули». (Слонимский А. Г. Указ. соч., с. 28).

¹³ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVIII в. СПб., 1889.

вестра Медведева» была предварительно апробирована автором на заседании Филологического общества 10 марта 1889 г. В ее обсуждении приняли участие Е. Е. Замысловский и С. Ф. Платонов, которые советовали историку продолжить работу над данной проблемой. «Оба моих оппонента, — отмечал Е. Ф. Шмурло, — указывали пользу заняться разысканием вопроса, какого рода могли быть и были историко-литературные сборники и не входил ли в состав их, действительно, Медведев? Я, разумеется, не отрицал этой пользы; признавал даже, что и сам по себе этот вопрос ценен и стоит изучения, но по задаче не входит в мою тему (признаться, с этим Медв[едевы]м, давно написанным, хотелось разделаться)» (с. 24).

Как видно из текстологического анализа «Записок», они послужили автору одним из источников для написания биографии К. Н. Бестужева-Рюмина¹⁴. Большое внимание уделяет Е. Ф. Шмурло на страницах «Записок» своему учителю, вводит в атмосферу жизни К. Н. Бестужева-Рюмина в конце 80-х годов XIX в., повествует о планах его научных работ, раскрывает его отношения к коллегам-ученым, в частности к С. Ф. Платонову и Д. И. Иловайскому.

Образным языком рисует Е. Ф. Шмурло облик своего учителя: «...при своей громадной памяти, хотя он и жалуется постоянно на ее упадок, он помнит очень многое, хотя большая часть этого умело отлитая в окаменелую форму, и потому рассказ скорее напоминает сухую схему, абрис, готовый остов, чем картину, полную жизненной правды» (с. 85—86).

Воссоздавая творческую лабораторию К. Н. Бестужева-Рюмина, Е. Ф. Шмурло объяснял, почему не был закончен его учебник русской истории: «Судя по тому, как он работал за эти годы, надо поставить крест над его учебником русской истории: далее 1613 [года. — Л. Д.] он его не поведет. Да этого и желательствуем для него же: работа такая — мозаика, сухая, выписная — противна всей его натуре; и если он выпустил первую часть 2-го тома, напечатав X-ю главу о Смутном времени, то это был порыв, недолго продолжавшийся. К тому же его сильно задевает то, что многие смотрят на его труд как на какую-то справочную книгу, не более, тогда как он видит в ней гораздо больше: исторический путеводитель, ментора для начинающих, свод последнего слова в русской истории. Теперяшняя его литературная деятельность напоминает разменную монету: это почти исключительно некрологи, рецензии, да критики нововышедших книг» (с. 88—89). О процессе дальнейшей работы К. Н. Бестужева-Рюмина над X главой «Русской истории» можно узнать из книги Е. Ф. Шмурло: «Правда, время от времени Бестужев возвращался к ней, вносил на белые листы, вклеенные в авторский экземпляр, дополнения, мысли, поправки, указания на новейшую литературу, одно время даже планировал приступить ко второму изданию первого тома; но все окончилось одними намерениями и пожеланиями»¹⁵.

Повествует Е. Ф. Шмурло и о планах работ Бестужева-Рюмина в 1889 г.: «Позапрошлой зимой и летом 1889 года он все готовился к довольно большому сочинению о Карамзине; это должно было выйти нечто вроде тех Essays, на которые такие мастера французы и англичане... у него складывалась мысль проследить влияние английских историков на вкус, манеру и направления Карамзина — выходило очень интересно» (с. 90). Воспоминания С. Ф. Платонова подтверждают и дополняют эти сведения: «Как кажется, он мечтал написать монографию о Карамзине, но не собрался, ограничившись небольшим и сравнительно бедным очерком для „Биографического словаря русских деятелей“»¹⁶.

Представляют интерес сведения о взаимоотношениях К. Н. Бестужева-Рюмина и С. Ф. Платонова, который был его преемником (после

¹⁴ Шмурло Е. Ф. Очерк жизни и научной деятельности К. Н. Бестужева-Рюмина.

¹⁵ Шмурло Е. Ф. Очерк жизни и научной деятельности К. Н. Бестужева-Рюмина, с. 114.

¹⁶ Платонов С. Ф. Памятник Е. Н. Бестужева-Рюмина: Некролог. — ЖМНП, 1897, № 2, с. 175.

Е. Е. Замысловского) по кафедре русской истории. Судя по «Запискам», К. Н. Бестужев-Рюмин хотел видеть во главе кафедры своего любимого ученика Е. Ф. Шмурло, а не С. Ф. Платонова, «достоинства которого, — отмечал автор „Записок“, — он охотно признавал, но которому все же мало симпатизирует» (с. 68). Истоки подобного отношения сам С. Ф. Платонов определял так: «Бестужев имел полное основание считать меня не сочувствующим тому настроению, какое господствовало вокруг него. С другой стороны, темы, какими я интересовался, давали ему, по-видимому, известное представление о моем научном направлении. Сочинение я писал о земских соборах, реферат ему подал о боярской думе. . . не мудрено было Бестужеву заключить, что я нахожусь под влиянием Сергеевича. Это он осторожно мне и высказал позднее, когда предложил мне оставление при университете. Для него я был „западником“ и „юристом“, а не своим человеком; таким, то-есть „не своим“, остался я для него навсегда»¹⁷.

Чрезвычайно важными являются сведения, сообщаемые Е. Ф. Шмурло, об отношении К. Н. Бестужева-Рюмина к «Истории России» Д. И. Иловайского. Хорошо известно, что К. Н. Бестужев-Рюмин приветствовал выход данного труда и писал хвалебные рецензии на первые два тома; однако, по словам Е. Ф. Шмурло, в 1889 г. «весной развенчал Бестужев одного из своих божков. Известно, как прежде носился он с Иловайским, этим будто бы „истинным художником в исторической литературе“. Картина Византии в половине IX века, картина, которой открывается его первый том „Истории России“, подкупила Константина Николаевича, и с тех пор он особенно находил в его трудах хорошо изложенные страницы (здравый смысл, разумеется, не позволил ему таким же образом восхищаться „Разысканиями“ Иловайского в доисторической эпохе русской истории, может быть не раз подсмеивался над его дребеденью). И вот нынешней зимой в разных журналах стали появляться статьи Иловайского о XVI веке, предвестник III-го тома; в них Бестужев к неудовольствию нашел соприкосновение с Костомаровым, упрек Грозному, зачем-де он не пошел решительной войной на Крым; нашел в описании внутреннего быта Литвы внешний сухой безжизненный рассказ и при этом чуть не пересказ его, Бестужевских, страниц. „Ничего нового нет, — говорит Бестужев, — это не то; видно мне уже не придется писать рецензий на его III-й том!“ — и признал в Иловайском уже не „художника“, а просто-напросто. . . опытного компановщика, но не более» (с. 92—94).

Предпринятая в работе попытка рассмотреть вопросы, связанные с историей исторической науки в Петербургском университете в конце 80-х—начале 90-х годов XIX в., не ограничивает содержания и значения «Записок» Е. Ф. Шмурло.

¹⁷ Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах, с. 124.

Э. И. Бакст

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЦАРИЗМА С РЕВОЛЮЦИЕЙ 1905 Г.

В отделе письменных источников ГИМ хранятся «Рескрипт» и шесть подлинных писем и записок Николая II министру внутренних дел А. Г. Булыгину за февраль—октябрь 1905 г.¹ Они находились за границей у сына жены Булыгина от ее первого брака с А. Хвоцинским, а в 1966 г. в числе других писем русских государственных деятелей XVIII—XX вв. были приобретены музеем у французского коллекционера и антиквара

¹ ОПИ ГИМ, ф. 424 (Собрание документальных материалов периода буржуазно-демократических революций в России), ед. хр. 301, л. 6, 9, 10, 15, 16, 21—22, 54—55.

Л. А. Гринберга. Он писал старшему научному сотруднику музея И. И. Астафьеву: «... у меня не было охоты отдавать эти бумаги американцам. Им место в Вашем музее»².

Приобретенные источники представляют несомненный интерес для историков, изучающих борьбу самодержавия с революцией 1905 г. Письма и записки Николая II Булыгину, кроме «Рескрипта» от 18 февраля 1905 г.³, не были опубликованы.

Наиболее ранним по времени документом является рескрипт. Это первый беловой машинописный экземпляр с подписью-автографом Николая II, помеченный им же датой «18 февраля 1905 г.»⁴. Факт наличия подлинника правительственного документа большого государственного значения в семейном архиве нуждается в пояснении.

В работе В. Н. Обнинского указывается, что в Сенат для опубликования был послан не беловой текст рескрипта, а «черновик, писанный карандашом»⁵. В коллекциях именных и высочайших повелений в составе фондов Сената и Государственного совета⁶ рескрипт Николая II Булыгину отсутствует, хотя имеются беловые экземпляры «Манифеста» и указа от 18 февраля 1905 г.⁷ С. Ю. Витте, присутствовавший на заседании Совета министров, где обсуждался вопрос о рескрипте, пишет, что проект «Рескрипта», составленный Булыгиным, подвергся разного рода замечаниям, но затем министры договорились не спорить о деталях и заявили Николаю II, что не имеют никаких замечаний. После этого царь подписал «Рескрипт»⁸.

Витте не указывает, что проект Булыгина был набело перепечатан до подачи на подпись царю. Поэтому сообщение Обнинского о том, что для опубликования был послан черновик, написанный карандашом, кажется нам вполне достоверным. Следовательно, Николай II, чтобы не задерживать опубликование документа, подписал сначала не перепечатанный набело проект, а затем тот первый беловой машинописный экземпляр рескрипта, который остался в семье Булыгина и ныне хранится в ГИМ.

Следующий по времени документ — письмо Николая II А. Г. Булыгину от 22 мая 1905 г.⁹ в ответ на его прошение об отставке с поста министра внутренних дел. 21 мая генерал Д. Ф. Трепов был назначен товарищем министра внутренних дел и одновременно заведующим полицией и командующим Отдельным корпусом жандармов¹⁰. Трепов становился диктатором. Роль Булыгина сводилась к прикрытию этой диктатуры. Он сделал попытку отказаться, но прошение об отставке было отклонено¹¹. Письмо Николая II интересно тем, как он понимает самодержавную власть: «Возвращаю прошение ваше об увольнении от должности, — пишет он. — Мы живем в России, а не в какой-нибудь республике, где министры ежедневно подают прошение об отставке. Когда царь находит нужным уволить министра, тогда только последний уходит со своего поста. Мое доверие к вам несколько не поколеблено; вы мне еще нужны и поэтому вы останетесь»¹². Письмо хорошо иллюстрирует характеристику самодержавия как формы государственного правления, которую дал В. И. Ленин¹³.

² Там же, ед. хр. 302, л. 80.

³ Правительственный вестн., 1905, 19 февр.

⁴ ОПИ ГИМ, ф. 424, ед. хр. 301, л. 54—55.

⁵ Обнинский В. И. Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора России Николая II. Берлин, Б. г., с. 196.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 965; ф. 1161, оп. 1, ед. хр. 144.

⁷ Там же, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 965.

⁸ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 2, с. 378.

⁹ ОПИ ГИМ, ф. 424, ед. хр. 301, л. 6, автограф на бумаге с царским гербом, чернила.

¹⁰ Правительственный вестн., 1905, 28 мая.

¹¹ О взаимоотношениях Булыгина и Третьякова см.: Витте С. Ю. Указ. соч., М., 1960, т. 3, с. 59—60.

¹² ОПИ ГИМ, ф. 424, ед. хр. 301, л. 6; подчеркнуто в тексте. Обнинский полагает, что отказ в отставке Николай II написал на самом прошении Булыгина. В передаче Обнинского он выражен в аналогичных по смыслу словах. См.: Обнинский В. И. Указ. соч., с. 208).

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 251—252; т. 7, с. 135.

Письмо Николая II от 25 мая 1905 г.¹⁴ посвящено усилению борьбы с проявлениями свободолюбивой мысли в печати. Он пишет: «Печать за последнее время ведет себя все хуже и хуже. В столичных газетах появляются статьи, равноценные прокламациям, с осуждением действий высшего правительства. Назойливые писания о Земском собрании и учредительном собрании, никем не опровергаемые, совершенно искажают смысл возвещенных мною в маниф[есте] и рескрипте от 18 февраля предначертаний.

Такое отношение печати к актам государственной важности поселяет в умах читателей превратное понятие о действительном положении вещей и, сбивая с толку все слои общества, производит смуту.

Против этого необходимо теперь же принять возможные меры»¹⁵. Далее указывается на необходимость «давать директивы», печатать в «Правительственном вестнике» «разъяснения и опровержения». Кончается письмо многозначительным указанием на зависимость официальной и буржуазной печати от правительства: «Я очень надеюсь. . . что вы сумеете найти способы. . . воздействовать на редакторов, напомнив некоторым из них верноподданнический долг, а другим — и те получаемые ими от правительства крупные денежные поддержки, которыми они с такой неблагодарностью пользуются»¹⁶.

Записка Николая II Булыгину от 3 июня 1905 г. имеет значение для понимания актов 18 февраля 1905 г. В ней он пишет: «Посылаю вам случайно попавшее мне объявление Ярославского губернатора. Вот образец разумной и предупредительной деятельности местной власти. Если бы во всей России были такие губернаторы, много спокойнее было бы в стране нашей. Объявите Роговичу мое полное одобрение и удовольствие»¹⁷. Речь здесь идет об «Объявлении Ярославского губернатора крестьянскому населению Ярославской губернии», посвященном разъяснению актов 18 февраля 1905 г.¹⁸ Судя по тому, что «Объявление» получило столь лестный отзыв Николая II, мы можем считать, что он полностью согласен с А. П. Роговичем в толковании и оценке документов от 18 февраля 1905 г. — «Манифеста» о борьбе с революционным движением, «Указа» о праве представлять в Совет министров предложения по усовершенствованию государственного управления и «Рескрипта» о привлечении выборных к участию в обсуждении и предварительной разработке законов (законосовещательное собрание). В «Объявлении» Рогович останавливается главным образом на том, как надо понимать вызвавший различные толкования «Рескрипт» от 18 февраля 1905 г. Он резко ополчается против тех лиц, которые считают, что нужно ограничить власть царя¹⁹. Сославшись на рескрипт, в котором указывается на необходимость сохранения «незыблемости основных законов империи», он делает следующий вывод: воля царя выражена ясно — существо самодержавной власти должно остаться неизменным «и никто и никакие учреждения не могут и не должны ограничивать, умалять власть государя»²⁰. Таким образом, по оценке Роговича, с которой согласен Николай II, и рескрипт и манифест имеют одну и ту же цель — сохранить в неприкосновенности самодержавную власть.

Если же мы обратимся к высказываниям самого Николая II, то увидим, что он рассматривал и манифест и рескрипт как документы, тесно связанные между собой. В цитированном выше письме к Булыгину от 25 мая 1905 г. он прямо указывает, что они имеют единый замысел («смысл воз-

¹⁴ ОПИ ГИМ, ф. 424, ед. хр. 301, л. 21—22, автограф на бумаге с царским гербом, чернила.

¹⁵ Там же, л. 21.

¹⁶ Там же, л. 22.

¹⁷ Там же, л. 9, автограф на бумаге с водяным знаком Royal Irish Linen Marcus Ward & Co, карандаш.

¹⁸ Ярославские губернские ведомости, 1905, 31 мая. Это «Объявление» дважды перепечатывалось отдельными листками как «Прибавление» к «Ярославским губернским ведомостям» от 3 и 7 июня 1905 г.

¹⁹ Ярославские губернские ведомости, 1905, 31 мая.

²⁰ Там же.

вещенных мною в манифесте и рескрипте от 18 февраля предначертаний»). Позже, выступая на июльских совещаниях 1905 г. в Петергофе, посвященных обсуждению практических вопросов созыва законосовещательной Думы, Николай II, прославшись на изданные 18 февраля «Манифест» и «Рескрипт», категорически заявил: «Связь между обоими актами естественная и не нуждается в пояснении»²¹.

Николай II рассматривал манифест и рескрипт в известном идейном единстве, однако, несмотря на это, их оценка и толкование вызвали у современников разногласия. Объяснение этому следует искать в том, как эти документы использовались в конкретной политической борьбе тех дней. Царь и одна часть монархистов, выразителем мнений которых был, в частности, Рогович, видели в «Манифесте» и «Рескрипте» документы, которые провозглашали и защищали неизбежность устоев самодержавия и поэтому подчеркивали их единство и взаимосвязь. Другая часть монархистов (Витте, Кокорцев и др.) рассматривали «Манифест», поскольку он не содержал практических шагов по пути государственных преобразований, как документ, не выражающий новых задач, а «Рескрипт» — как документ, им соответствующий. Отсюда оценка этих актов как противоречащих один другому²².

Либеральная же буржуазия, пытаясь ограничить революционное движение задачами борьбы за конституционную монархию, всячески преувозносила «Рескрипт»²³.

Известно, что оценка актов от 18 февраля 1905 г. была дана В. И. Лениным. Анализируя в конце 1910—начале 1911 г. стачечную борьбу рабочего класса в период революции 1905—1907 гг. и подчеркивая, что рабочий класс «был главной пружиной общего направления событий», он приходит к выводу, что после подъема стачечной борьбы в январе 1905 г. появляются «известные февральские указы, кладущие начало некоторому преобразованию государственного устройства»²⁴. Таким образом, Ленин рассматривает февральские акты 1905 г. как меру, вырванную революцией у самодержавия. Вместе с тем он указывает и на ограниченный характер этих актов — лишь как начало некоторых преобразований.

Изучая акты 18 февраля 1905 г., некоторые историки, видимо учитывая оценки современников, пришли к выводу, что «Манифест» и «Рескрипт» противоречат один другому²⁵. С такой оценкой трудно согласиться. Сопоставление текстов «Рескрипта» и «Манифеста» показывает, что «Рескрипт» по содержанию дополняет «Манифест», а не противоречит ему. В «Манифесте» выражено намерение царя принять меры к «усовершенствованию государственного порядка»²⁶, но при этом резко осуждается революционное движение и говорится о необходимости борьбы с ним. В «Рескрипте» же раскрывается, что практически эти «меры» означают необходимость привлечь выборных к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений. Булыгину поручается учредить особое совещание для обсуждения вопросов, связанных с осуществлением этого желания царя. И при этом так же, как в «Манифесте», подчеркивается «неразрывность» крепкой исторической связи с прошлым и сохранение «незыблемости основных законов империи»²⁷.

²¹ Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Пг., 1917, с. 10.

²² Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд. М., 1970, с. 58—59. С. Ю. Витте прямо пишет, что «в один и тот же день появилось два совершенно противоположных государственных акта» (Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, с. 378). См. также: Кокорцев В. П. Из моего прошлого. Париж, 1933, т. 1, с. 64.

²³ Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 59.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 395.

²⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. М., 1968, т. VI, с. 125. См. также: Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 58—59; Революция 1905—1907 годов в России. М., 1975, с. 62—63. На противоречивость «Манифеста» и «Рескрипта» от 18 февраля указывают и комментаторы «Воспоминаний» С. Ю. Витте (см.: Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, с. 614, примеч. 73).

²⁶ Правительственный вестн., 1905, 18 февр.

²⁷ ОПИ ГИМ, ф. 424, ед. хр. 301, л. 54 об.

В пользу утверждения о «Манифесте» и «Рескрипте» как дополняющих, а не противоречащих друг другу документах говорит также наличие в фонде Николая II другого черногого проекта рескрипта А. Г. Булыгину о созыве законосовещательного собрания, отличного от опубликованного. Это машинописный текст с поправками чернилами и карандашом²⁸. Сравнение текстов опубликованного «Рескрипта» и его проекта из фонда Николая II показывает, что основное отличие проекта от «Рескрипта» состоит в том, что в проекте нет требования сохранить неизменными основные законы империи и отсутствует указание на связь с историческим прошлым. Данный проект действительно находится в определенном противоречии с «Манифестом». Но его Николай II не подписал, а утвердил другой, соответствующий «Манифесту».

Рассматривая вместе, как единые по замыслу и целям, документы, мы сможем правильно понять ленинскую оценку этих актов как меру, вырванную революцией в борьбе с царизмом. Именно «Манифест» 18 февраля 1905 г., рассматриваемый в единстве с «Рескриптом», показывает непосредственную связь февральских актов 1905 г. с революцией, ибо только в нем говорится о необходимости подавления революционного движения, направленного против самодержавия.

Записка Николая II от 14 июля²⁹ была вызвана необходимостью назначить нового генерал-губернатора Москвы вместо графа А. П. Шувалова, убитого эсерами весной 1905 г.³⁰ В записке Николай II сообщает, что объявил генералу П. П. Дурново о назначении его генерал-губернатором Москвы, и просит Булыгина доставить ему соответствующий указ. Возможно, что сложностью обстановки в Москве в условиях нарастания революции можно объяснить признание Николая II, что он не знает, кто должен подготовить ему указ о назначении Дурново: «вы, или военный министр, или государственный секретарь?»³¹.

В записке от 13 августа Николай II сообщает Булыгину, что хочет заменить генерала К. К. Максимовича на посту варшавского генерал-губернатора и командующего войсками Варшавского военного округа генералом Г. А. Скалоном и «что об этом он объявил сегодня военному министру при докладе»³². Максимович в связи с растущим революционным движением в Польше просил 9 августа безотлагательно ввести в Варшаве и уезде военное положение³³. Военное положение было введено с 10 августа, а 15 августа Максимович был заменен генерал-лейтенантом Скалоном³⁴.

Записка Николая II от 18 октября 1905 г. касается отставки А. Г. Булыгина с поста министра внутренних дел. В ней он дает согласие на просьбу Булыгина об отставке и благодарит за преданность «в течение последних трудных месяцев»³⁵.

Таким образом, охарактеризованные документы пополняют круг источников по вопросу о попытках самодержавия подавить революционное движение. Они помогают также более правильно понять февральские акты 1905 г.

²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, ед. хр. 891, л. 1—2.

²⁹ ОПИ ГИМ, ф. 424, ед. хр. 301, л. 10, автограф на бумаге с упомянутым водяным знаком, карандаш.

³⁰ История Москвы. М., 1965, т. 5, с. 668—669.

³¹ ОПИ ГИМ, ф. 424, ед. хр. 301, л. 10.

³² Там же, л. 15, автограф на бумаге с царским гербом, карандаш.

³³ Правительственный вестн., 1905, 14 авг.

³⁴ Там же, 19 авг.

³⁵ ОПИ ГИМ, ф. 424, ед. хр. 301, л. 16, автограф на бумаге с царским гербом, чернила.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ ЗАСЕДАНИЙ ПЕТРОГРАДСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ ЗА 24 ОКТЯБРЯ 1917 Г.—10 ЯНВАРЯ 1918 Г.

В исторические дни Октябрьского вооруженного восстания Петроградская городская дума, в которой большинство принадлежало блоку правых эсеров и кадетов¹, изо всех сил старалась предотвратить падение Временного правительства. После установления Советской власти Дума стала опорным пунктом для сил контрреволюции.

16 ноября 1917 г. В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров о роспуске Думы «ввиду того, что наличный состав думского большинства, утратившего всякое политическое доверие, продолжает пользоваться своими формальными правами для контрреволюционного противодействия воле рабочих, солдат и крестьян, для саботажа и срыва планомерной общественной работы»². Дума была распущена 20 ноября. Состоявшиеся 28 ноября 1917 г. выборы новой Думы принесли победу большевикам (из 200 гласных — 188 большевиков). Несмотря на это, контрреволюционно настроенные думцы в течение некоторого времени противозаконно устраивали нелегальные заседания.

Заседания Думы созыва 20 августа освещались в периодической печати³. Дума после каждого заседания выпускала «Журнал»⁴. Он содержал краткую информацию о докладах и прениях и тексты принятых постановлений. Начиная с 24 октября 1917 г. почти все заседания Думы этого созыва до конца ее существования стенографировались. Эти стенограммы хранятся в Отделе рукописей и редких книг ГПБ⁵. После роспуска Думы ее заправилы тщательно прятали все три экземпляра стенограмм заседаний⁶, а 20 декабря 1917 г. решили передать экземпляр стенографических отчетов «в дар одному из просветительных учреждений Петрограда»⁷. Из конспиративных соображений это учреждение — Публичная библиотека — в стенограмме не было названо⁸.

В начале т. 1 имеется «Опись», подписанная «Городской секретарь», в которой дан перечень заседаний Думы с 24 октября по 24 ноября 1917 г. В стенограммах даты заседаний указаны не всегда. Первый том включает стенограммы 17 заседаний Думы — дневных, вечерних и ночных, состоявшихся с 24 октября по 3 ноября 1917 г. (окончание стенограммы дневного заседания 3 ноября 1917 г. находится в начале 2-го т.)⁹.

¹ Состав Петроградской городской думы, избранной 20 августа 1917 г. — 198 гласных, в том числе: большевиков — 67, эсеров — 75, кадетов и примыкающих к ним групп — 48, меньшевиков — 8.

² ДСВ. М., 1957, т. 1, с. 91—92.

³ Подробные отчеты помещали, в частности, официальный орган Думы «Вестник городского самоуправления» и еженедельный эсеровский журнал «Самоуправление».

⁴ В ГПБ имеются журналы большинства заседаний Думы созыва 20 августа 1917 г. (Журнал Петроградской городской думы. Пг., 1917, № 74—79, 83, 86—105, 116, 117, 123).

⁵ Стенографические отчеты заседаний Петроградской городской думы созыва 20 августа 1917 г. — ОР ГПБ, т. 1—3. 1938 л. Машинопись, (Далее: Стенограммы, том, лист).

⁶ Стенограммы, т. 3, л. 518.

⁷ Там же, л. 556.

⁸ В реестре книг, поступивших в дар библиотеке в 1917 г., имеется следующая запись от 21 декабря: «№ 2430. Отчеты Засед. Гор. думы созыва 20 авг., с. 24. X—29. XI 1917. 35 единиц» (Архив ГПБ, д. № 248, л. 51). Позднее поступило еще шесть единиц: стенограммы нелегальных заседаний с 1 декабря 1917 г. по 10 января 1918 г. Первоначально стенографические отчеты находились в Русском фонде библиотеки. В 1957 г. они были переданы в ОР. Здесь наряду с пагинацией, имевшейся в каждой стенограмме, была дана общая пагинация для каждого тома.

⁹ Стенограммы, т. 1, л. 1—677. Перед стенограммой вечернего заседания 25 октября (сл. 99—132) подшита стенограмма (л. 88—98), на первой странице которой сверху напечатано: «от 2 ч. до 3 час. ночи» — и сделана карандашом пометка: «25 окт.». Содержание стенограммы не оставляет сомнения, что заседание происходило в ночь с 25 на 26 октября.

Во втором томе имеются стенограммы 12 заседаний Думы, начиная с вечернего заседания 3 ноября по 17 ноября 1917 г. (окончание стенограммы последнего заседания в начале 3-го т.)¹⁰. В третьем томе собраны стенограммы заседаний Думы, происходивших 18 и 20 ноября¹¹, и десяти нелегальных заседаний, имевших место с 22 ноября 1917 г. по 10 января 1918 г.¹² Стенограммы дневных заседаний городской Думы, состоявшихся 26 и 27 октября, не были доставлены в ГПБ.

Стенографические отчеты Петроградской думы частично введены в научный оборот в 1957 г.¹³, но до сего времени используются в основном лишь стенограммы заседаний, происходивших в дни Октябрьского восстания и непосредственно после его победы¹⁴. Многочисленные и разнообразные по характеру данные, содержащиеся в стенограммах за ноябрь — декабрь 1917 г., почти не привлекаются исследователями, поэтому их рассмотрению мы уделим больше внимания.

В стенографических отчетах Петроградской думы нашли известное отражение борьбы большевиков за победу Октябрьского вооруженного восстания и укрепление завоеваний пролетарской революции сразу после ее свержения, а в большей мере — деятельность противников революции, их тщетные попытки помешать утверждению в стране Советской власти. Стенограммы содержат также некоторые сведения информационного характера об общественно-политической жизни Петрограда и страны в период Октября.

Несомненный интерес для изучения начального этапа восстания имеют материалы стенограмм о действиях комиссаров Петроградского ВРК во второй половине дня 24 октября в отдельных подведомственных городской управе учреждениях.

Стенограмма вечернего заседания Думы 24 октября — один из немногих источников, который, бесспорно, свидетельствует, что во второй половине этого дня ВРК предпринял действенные меры по овладению продовольственным аппаратом Петрограда. В седьмом часу вечера член ВРК В. П. Милютин (он был членом Управы) явился в Особое присутствие по продовольствию и с помощью работавших там большевиков и сочувствующих им установил охрану продовольственных складов. Из этой же стенограммы видно, что 24 октября другой комиссар ВРК (фамилия не упоминается) прибыл на электростанцию, снабжавшую энергией типографию «Копейка», где печатался орган Петроградского Совета — газета «Рабочий и Солдат»¹⁵. Выступление представителя Петроградского телеграфного агентства в Думе вечером 27 октября содержит мало известные исследователям сведения о действиях комиссара ВРК (им был Л. Н. Старк)

¹⁰ Стенограммы, т. 2, л. 1—587. Стенограммой заседания, состоявшегося 10 ноября, является та, на первом листе которой ошибочно напечатано «11 ноября» (л. 237—346). Это подтверждается сопоставлением текста стенограммы с «Журналом» заседания Думы (10 ноября 1917 г., № 116) и отчетом об этом заседании, помещенным в правоменьшевистской газете «День» (1917, 11 нояб.). Заседание 11 ноября зафиксировано на л. 347—380.

¹¹ Стенограмма последнего открытого заседания Думы опубликована в приложении к «Журналу» этого заседания (№ 123, 20 нояб. 1917 г.).

¹² Стенограммы, т. 3, л. 1—674. В том (л. 115—184) ошибочно включен второй экземпляр стенограммы заседания 8 ноября (первый экземпляр см.: т. 2, л. 198—260). Дата заседания определена по содержанию стенограммы.

¹³ Астрахан Х. М. Выступление М. И. Калинина на заседании Петроградской городской думы 25 октября 1917 г. — ИА, 1957, № 1, с. 248—250.

¹⁴ Астрахан Х. М. К вопросу о начале Октябрьского вооруженного восстания. — В кн.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание. М., 1964, с. 82—87; Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966, гл. IX; Октябрьское вооруженное восстание. Л., 1967, кн. 2, гл. XII; Кручковская В. М. Думский комитет общественной безопасности в дни Октябрьского вооруженного восстания. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сб. статей. М., 1980; Комиссаренко Л. А. В борьбе за массы: Муниципальная деятельность петроградских большевиков в период подготовки Октябрьской революции. Л., 1982; В дни Октября: Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982 (примеч.: с. 360, 375, 391 и др.).

¹⁵ Стенограммы, т. 1, л. 3, 4, 26, 40, 41, 43, 46, 51, 64, 77, 78, 80, 84.

в ПТА начиная с вечера 24 октября, когда, явившись в Агентство во главе группы вооруженных матросов, комиссар, по словам представителя ПТА, заявил, что «они будут производить с этого момента контроль над всеми сведениями, передаваемыми Петроградским агентством», до 26 октября, когда ВРК взял «в полное свое распоряжение Петроградское телеграфное агентство»¹⁶.

В стенографических отчетах зафиксированы выступления видных деятелей большевистской партии, являвшихся гласными Думы: М. И. Калинина, А. В. Луначарского, В. П. Милютина, П. А. Красикова, П. А. Кобозева¹⁷. Остановимся на неопубликованной речи М. И. Калинина, произнесенной им на заседании Думы вечером 27 октября 1917 г.

В начале заседания выступил городской голова Г. И. Шрейдер с провокационным заявлением. Ссылаясь на «достоверные» источники, он утверждал, будто стража совершает насилия над арестованными при взятии Зимнего дворца министрами Временного правительства, юнкерами и ударницами из 1-го Петроградского женского батальона. Шрейдер предложил Думе «высказать по этому поводу свое негодование и довести до сведения населения»¹⁸.

Необходимо было пресечь распространение клеветы. Джон Рид, присутствовавший на заседании, пишет, что после сообщения городского головы «... раздался рев ужаса и возмущения, еще больше усилившийся, когда слово попросила невысокая коренастая женщина в сером. То была Вера Слуцкая, старая революционерка и член Думы от большевиков»¹⁹. Джон Рид, обрисовав точно (это подтверждается стенограммой) обстановку в Думе, однако, допустил ошибку. От имени большевиков выступил М. И. Калинин²⁰, а не В. К. Слуцкая. Он произнес следующую речь: «На все вопросы сразу ответить невозможно, потому что в каждый момент могут сказать всевозможную ложь и эта ложь может распространяться как истина. Мне кажется, большевистское правительство, то правительство, которое сейчас существует фактически, в своем декрете (шум, смех) определено и ясно заявило: отменяется смертная казнь²¹. Этот декрет официальные лица этой партии проводить будут. Разумеется, в такой острый момент, в такой острой атмосфере допустимы отдельные случайные террористические акты. Но, граждане, сколько было слухов с Зимним дворцом, и в Зимнем дворце жертв с нашей стороны оказалось больше, чем среди лиц, арестованных в самом Зимнем дворце. Правительство, «ужасное» большевистское правительство, арестовавшее другое правительство, на другой же день выпускает министров свергнутого правительства²²; и после этого у вас хватает смелости, хватает силы воли говорить, что мы бандиты, что мы не великодушны. . . Покажите во всем мире, во все исторические времена, покажите, где бы свергнутое правительство на второй же день выпускалось из тюрьмы. Большого великодушия вы во всем мире не найдете, и это не потому, что у большевиков хорошие люди, а потому, что большевики являются представителями рабочего класса, пред-

¹⁶ Там же, л. 164—165. Эти материалы не используются еще исследователями истории ПТА в дни Октября.

¹⁷ Речь М. И. Калинина на заседании Петроградской думы 25 октября 1917 г. см.: *Калинин М. И.* Избранные произведения. М., 1960, т. 1, с. 33—34; О выступлениях А. В. Луначарского, В. П. Милютина, П. А. Красикова, П. А. Кобозева на заседании Думы 24 октября 1917 г. см.: *Астрахан Х.* В дни восстания. — Нева, 1963, № 11, с. 151—153; *Комиссаренко Л. А.* Указ. соч.; и др.

¹⁸ Стенограммы, т. 1, л. 148.

¹⁹ *Рид Д.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958, с. 145.

²⁰ Выступление М. И. Калинина отмечалось в отчете о заседании Думы, опубликованном «Новой жизнью» (1917, 28 окт.). В той же стенограмме, где помещена речь М. И. Калинина, есть запись краткого выступления «гласной от партии большевиков» (т. 1, л. 177). Возможно, это была В. К. Слуцкая.

²¹ II Всероссийский съезд Советов 26 октября 1917 г. постановил отменить смертную казнь на фронте. См.: ДСВ, т. 1, с. 9—10.

²² 27 октября по решению Военно-революционного комитета были освобождены под честное слово все бывшие министры-«социалисты». См.: Петроградский Военно-революционный комитет: Документы и материалы: В 3-х т. М., 1966, т. 1, с. 167.

ставителями демократии, а демократия к своим врагам относится великодушно. Поэтому на имя городского головы можно определенно заявить: нельзя ручаться за отдельные случаи. . . но сказать, чтобы ответственные органы провели этот принцип расстрела, этого я никогда не допускаю. Исходя из этого, мне кажется, если городская Дума действительно хочет принести пользу лицам, она должна сделать запрос, указать правительству. . . и, несомненно, революционное правительство сейчас же предпримет меры, чтобы этих случаев не было; и я думаю, если вы действительно дорожите ценностью человеческой жизни, вы сейчас же немедленно пришлите представителей в Военно-революционный комитет о принятии мер»²³.

Большевистский оратор добился того, что враждебная аудитория не только выслушала, но и приняла его предложение. Поднятый городским головой вопрос об издании антисоветского воззвания был снят. Дума вопреки решению не вступать ни в какие переговоры с органами Советской власти постановила послать делегацию в ВРК. С его разрешения представители Думы дважды (27 и 31 октября) побывали в Петропавловской крепости, а 1—3 ноября на станции Левашово, где находились арестованные при штурме Зимнего ударницы. Перед лицом неумолимых фактов даже ярые враги Советской власти вынуждены были признать в своих докладах Думе великодушное и гуманное отношение революционных солдат и красногвардейцев к арестованным. Однако городской голова не выполнил обещания, данного большевикам-гласным, и не издал специального бюллетеня, опровергающего измышления о «насилиях» большевиков, измышления, которые сам же распространял²⁴.

Стенограммы являются чрезвычайно важным источником для изучения тактики большевиков по отношению к Думе. Разумеется, ВРК имел возможность на другой же день после победы Октябрьского восстания, когда контрреволюционная сущность Петроградской думы выявилась достаточно отчетливо, распустить ее²⁵. Но Советское правительство прибегло к этой мере позднее, когда антинародная политика Думы стала очевидной для широких масс столичного населения. К тому же некоторая отсрочка была необходима для того, чтобы крутая мера по отношению к Думе не сказалась отрицательно на работе разветвленного административно-хозяйственного аппарата, обслуживавшего нужды города.

В литературе встречаются ошибочные утверждения, будто большевистская фракция ушла из Думы уже 25, 30 октября²⁶. Стенограммы вносят ясность в этот вопрос. 26 октября большевистская фракция, огласив декларацию протеста против контрреволюционной деятельности Думы и непризнания ею власти Советов, демонстративно покинула зал заседания²⁷. Но как заявила представитель фракции А. П. Товбина на заседании 28 октября, «фракция большевиков из состава Думы не вышла, а ушла только с одного заседания»²⁸. Д. З. Мануильский, обращаясь к политическим противникам, домогавшимся удаления большевиков из Думы²⁹, говорил на том же заседании: «Нас избрало 200 000 рабочих и солдат Петрограда. . . До тех пор, пока за нами стоит доверие народных масс, избравших нас, вам, г. г., не удастся заставить нас сложить свои мандаты»³⁰.

²³ Стенограммы, т. 1, л. 149—151.

²⁴ Петроградский Военно-революционный комитет. . . , т. 1, с. 174; Стенограммы, т. 1, л. 231, 234—236, 240, 603.

²⁵ Небезынтересно следующее суждение петроградского корреспондента «Рижского вестника»: «Если бы Военно-революционный комитет захотел взять Городскую думу — главную цитадель оппозиции, для этого ему достаточно было командировать один взвод вооруженных солдат» (Рижский вестн., 1917, 8 нояб.).

²⁶ *Городецкий Е. Н.* Рождение советского государства. М., 1965, с. 136; *Очерки истории Ленинграда.* М.; Л., 1964, т. 4, с. 124.

²⁷ Журнал Петроградской городской думы, 1917, 26 окт., № 94, с. 3.

²⁸ Стенограммы, т. 1, л. 206.

²⁹ Там же, л. 203.

³⁰ Там же, л. 208.

Большевики-гласные, выступая в Думе (в частности, 2, 6, 10 ноября), требовали отказа от действий против ВРК, прекращения антисоветской агитации и выполнения Думой своих обязанностей по обслуживанию хозяйственных и бытовых потребностей городского населения (см., например, выступления А. П. Товбиной, П. А. Кобозева, М. К. Владимирова, И. Б. Рогальского)³¹. Сами же большевики продолжали работать в исполнительных органах Думы и после ее роспуска.

Стенографические отчеты отразили недовольство и возмущение рабочих Петрограда антисоветской деятельностью думского большинства. 16 ноября на заседании Думы прибыли представители рабочих Петроградского меднопрокатного завода (б. «Розенкранц»), заводов Металлизатора, Барановского, «Лангензишпена», «Нового Лесснера», «Старого Парвайшпена» и огласили резолюции, резко клеймящие контрреволюционную политику думцев и требовавшие немедленного созыва новой Думы³². В стенограмме зафиксировано, что утром 30 ноября 1917 г. новый городской голова М. И. Калинин явился в общее присутствие Управы: «Зашел в кабинет и сел как хозяин в этом кабинете»³³.

Стенографические отчеты содержат большой фактический материал о контрреволюционной деятельности в Петрограде кадетов, эсеров и меньшевиков в дни Октябрьского вооруженного восстания и непосредственно после его победы, лишь отчасти использованный исследователями. Стенограммы заседаний последних дней октября показывают, что контрреволюционное большинство Думы фактически участвовало в подготовке антисоветского выступления Керенского. Вечером 27 октября Дума решила послать в Гатчину навстречу Керенскому, двигавшемуся во главе контрреволюционных войск на Петроград, эмиссаров: эсеров А. В. Нарыжного, М. П. Капицу и меньшевика А. В. Чернева, но благодаря бдительности работников ВРК думские эмиссары не смогли выехать из Петрограда. Эмиссары Думы побывали в частях Петроградского гарнизона, стремясь нейтрализовать солдат и матросов, если их не удастся привлечь на сторону Керенского³⁴. Уверенные в том, что Керенский непременно вступит в город, представители думского большинства на заседании вечером 27 октября обсуждали планы расправы с большевиками, призывая, по существу, к самосудам над ними³⁵. Трудящиеся Петрограда справедливо обвиняли эсеров-кадетскую Думу в подстрекательстве юнкеров к мятежу³⁶.

Особенно преступна была роль Думы в деле организации саботажа. «Вдохновитель и организатор саботажа в городских учреждениях и министерствах», — писала 10 ноября 1917 г. о Петроградской думе «Правда». 27 октября Дума приветствовала представителей служащих центрального управления Министерства народного просвещения, Министерства земледелия, Министерства торговли и промышленности, служащих Мурманской железной дороги, Петроградского телеграфного агентства и других, заявивших о непризнании Советской власти и прекращении работы³⁷. Сте-

³¹ Там же, л. 188, 203, 347—349, 624—628; т. 2, л. 153, 308—309. Об этом см. также: Правда, 1917, 10 нояб.

³² Стенограммы, т. 2, л. 573—575.

³³ Там же, т. 3, л. 418.

³⁴ Там же, т. 1, л. 155—161, 179—187 и др. Представители Думы 28 октября побывали также на «Авроре». Из их доклада видно, что авроровцы были возмущены распространявшейся клеветой, будто они во время штурма Зимнего обстреливали его боевыми снарядами. Команда «Авроры» заявила, «что стрельбы боевыми снарядами от них не было и что с кр. „Авроры“ был единственный холостой выстрел из 6-дюймового орудия». (Стенограммы, т. 1, л. 263). Даже эмиссар Думы вынужден был признать, что во время его речи на крейсере «Аврора» в пользу Керенского «делались возражения определенного большевистского направления» (Стенограммы, т. 1, л. 262).

³⁵ См.: Стенограммы, т. 1, л. 282.

³⁶ Докладывая Думе о результатах поездки во Владимирское училище, эмиссары ее отмечали: «По нашему адресу были возгласы, что мы покрываем юнкеров»; «... в толпе раздавались возгласы о том, что Дума заодно с юнкерами» (Стенограммы, т. 1, л. 283, 284).

³⁷ Стенограммы, т. 1, л. 134, 163, 164, 166 и др.

нограммы изобличают думцев-кадетов и правых эсеров в подстрекательстве к саботажу телефонисток городской телефонной станции. В ответ на декрет СНК от 3 ноября 1917 г. о переходе Петроградской телефонной станции в ведение Народного комиссариата почт и телеграфов Дума 4 ноября по предложению кадета А. Д. Коротнева постановила: «предоставить служащим телефонной станции отпуск до восстановления работ на станции, [с] сохранением содержания»³⁸. ЦК городских рабочих и служащих справедливо расценил это постановление Думы как «призыв телефонисток к оставлению своих постов, служащий делу гражданской войны, а не мирному торжеству народного дела»³⁹.

Стенограммы подпольных сборищ думцев⁴⁰ рельефно отразили позицию после Октября 1917 г. буржуазных и мелкобуржуазных деятелей: бывшие «демократы» и «социалисты» были заняты тем, чтобы сорвать созидательную деятельность органов Советской власти. Члены управы, которые должны были до выборов новой Думы продолжать выполнять текущую работу, втайне обсуждали планы подрыва и дезорганизации городского хозяйства столицы. Не имея никакой поддержки среди трудящихся масс столицы, представители буржуазных и мелкобуржуазных партий делали ставку в борьбе против власти Советов на организацию саботажа и диверсий, на распространение клеветы. На нелегальных собраниях кадеты, эсеры и меньшевики говорили об этом с циничной откровенностью⁴¹.

Стенограммы заседаний 5, 7, 8, 13, 16, 20, 27 ноября содержат большой фактический материал о деятельности Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии, о подготовке кадетами, эсерами и меньшевиками антисоветской демонстрации 28 ноября, когда контрреволюция хотела явочным порядком открыть Учредительное собрание⁴².

В стенограммах много прямых и косвенных свидетельств врагов Советской власти о поддержке ее рабочим классом, широкими трудящимися массами столицы. Так, меньшевик М. Ф. Назарьев признал: «Настроение среди рабочих больших заводов вполне определенное и не в пользу каких-нибудь демонстраций, направленных против большевиков. С этим надо считаться». Другой меньшевик С. Д. Шупак-Владимиров отметил: «Рабочий класс идет за большевиками»⁴³.

Стенограммы содержат речи кадетов П. Н. Милюкова, А. В. Тырковой, М. М. Винавера, А. И. Шингарева, В. Д. Набокова, эсеров Г. И. Шрейдера, С. П. Постникова, Я. Т. Дедусенко, С. А. Раппопорта (Ан-ского), П. К. Молгачева, Е. А. Труппа, меньшевиков А. А. Исаева, М. Ф. Назарьева, представителя правоменьшевистской группы «Единство» В. Н. Катина-Ярцева и др. Их речи, проникнутые ненавистью к Советской власти, к большевистской партии, в то же время отразили бессилие и изоляцию врагов революции. После свержения Временного правительства заправили Думу стремились представить ее в качестве верховного органа власти в стране⁴⁴.

³⁸ Там же, т. 2, л. 66.

³⁹ Правда, 1917, 8 нояб.

⁴⁰ Число их участников быстро таяло. На нелегальном собрании 29 ноября присутствовали 41 человек, а 6 декабря — 24; проходили они все реже и реже: во второй половине ноября собирались четыре раза, в декабре — тоже четыре, в январе 1918 г. — дважды.

⁴¹ Стенограммы, т. 3, л. 371, 445—486.

⁴² Там же, т. 2, л. 115—126, 191—197, 432—433; 520—530; т. 3, л. 305—357.

⁴³ Там же, т. 3, л. 317, 454.

⁴⁴ Еще 24 октября, в первый день восстания, городской голова Г. Шрейдер, выступая в Думе, заявил, будто бы Дума является единственным законным органом власти и поэтому, делал он вывод, вся власть должна перейти к общественному городскому управлению. На заседании Думы в ночь на 26 октября эсер С. Постников провозгласил: «Мы все, здесь собравшиеся, представляем собой вполне правомочную организацию; иной демократической организации нет. Поэтому я думаю, что без дальнейшей траты времени нам нужно заняться вопросом об организации Правительства». 30 октября Г. Шрейдер бахвалился на заседании: «До тех пор пока не создана законная власть, единственной законной и общепризнанной властью является Гор. Общ.

Потеряв чувство реальности, главари Думы всерьез претендовали на роль «верховой власти» в стране, вмешивались во многие важные события, происходившие в столице, связывались с контрреволюционными силами провинции, вошли в контакт с иностранными послами. Дума заслушивала доклады эмиссаров, которые посылались ею в различные политические и общественные организации, предприятия и воинские части Петрограда и в другие города.

В ночь на 30 октября Дума решила послать своих эмиссаров для участия в «общеполитических дебатах», организуемых Викжелем. В стенограммах имеются доклады эсеров С. А. Раппопорта и П. С. Ширского о ходе совещаний в Викжеле и об отношении их участников к вопросу о создании «однородного социалистического правительства». Доклады содержат некоторые дополнительные штрихи, характеризующие оппортунистическую линию Л. Б. Каменева и Д. Б. Рязанова на переговорах в Викжеле⁴⁵.

3 ноября на заседании Думы выступил посланец контрреволюционных сил Москвы, прибывший, по его словам, в Петроград за тем, «чтобы выяснить положение и спросить, есть ли надежда на какую-либо помощь из Петрограда»⁴⁶. В стенограмме заседания 8 ноября имеется пространный доклад городского головы Москвы эсера В. В. Руднева, фактически возглавлявшего контрреволюционный «Комитет общественной безопасности»⁴⁷. Руднев не только не отрицал, но даже подчеркивал, что именно возглавляемая им Дума и юнкера первыми начали военные действия против ВРК.

Дума всячески пыталась помешать Наркомату финансов получить необходимые Советскому правительству средства. С этой целью ее представители неоднократно бывали в Госбанке. Их сообщения зафиксированы в стенограммах⁴⁸.

В стенограммах заседаний от 9, 11, 13 ноября имеется информация (нуждающаяся, конечно, в тщательной проверке) о положении в некоторых частях Петроградского гарнизона⁴⁹.

Известный интерес представляет доклад председателя Адмиралтейской районной думы 11 ноября об осмотре Зимнего дворца назначенной ею комиссией. 12 ноября «Новая жизнь» воспользовалась этим докладом, чтобы вновь «погоревать» о разрушениях, причиненных Зимнему дворцу в ходе восстания. Но газета умолчала о том, что в докладе отмечалась исключительная забота органов Советской власти об охране этого выдающегося памятника архитектуры⁵⁰.

Данный обзор показывает, что стенографические отчеты заседаний Петроградской городской думы представляют несомненный интерес для исследователей. При квалифицированном и строгом критическом отношении они могут существенно пополнить источниковедческую базу по истории Октября и первых шагов Советской власти.

Управление. . . Это факт: посольства теперь не признают никаких других документов, кроме подписанных „Гор. Головой“ (Стенограммы, т. 1, л. 3—4, 88, 345). «Правда» (1917, 5 дек.) остроумно высмеяла эти назойливо повторявшиеся пустые претензии городского головы. Помещенная в газете карикатура изобразила Шрейдера вещающим с думской трибуны перед пустым залом: «Объявляю себя хозяином земли русской и единогласно избранным председателем».

⁴⁵ Стенограммы, т. 1, л. 334, 368—374, 404—414, 455—479, 658—659.

⁴⁶ Там же, т. 1, л. 668—676.

⁴⁷ Там же, т. 2, л. 238—253. См. также информацию представителей Петроградской думы, возвратившихся из поездки в Москву (Там же, т. 2, л. 127—134, 224—238).

⁴⁸ Стенограммы, т. 2, л. 104—114, 158—165, 203—218, 350—354.

⁴⁹ Там же, л. 2, 61—65, 354—360, 416—431.

⁵⁰ Так, докладчик заявил: «Охрана Зимнего дворца поставлена в данную минуту очень серьезно. . . Охрана несетя Преображенским полком и красногвардейцами» (Стенограммы, т. 2, л. 376—378).

МАТЕРИАЛЫ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ В. И. ДМИТРИЕВОЙ
В ОТДЕЛЕ РУКОПИСНЫХ ФОНДОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Биография Валентины Ивовны Дмитриевой (1859—1948) за дореволюционные годы приводится почти во всех справочных изданиях: после гимназии она была сначала сельской учительницей, затем окончила Женские медицинские курсы в Петербурге, работала земским врачом в Воронежской губернии¹. Широкую известность принесли ей литературные произведения (первое из них опубликовано в конце 1870-х годов), отражающие народническое мировоззрение². Сюжеты ее романов, повестей, рассказов, очерков взяты из жизни, подкреплены личными наблюдениями; ее литературные герои — учителя, врачи, передовая учащаяся молодежь, рабочие.

О жизни и деятельности Дмитриевой после 1917 г. известно мало. Личные документы и ее переписка, входящие в фонд писательницы в ОРФ ГЛМ, позволяють восполнить этот пробел.

Постоянным местом ее жительства был г. Сочи. Почти ежегодно до начала Великой Отечественной войны она зимой приезжала на несколько месяцев в Москву, где жила у знакомых. Дмитриева была членом Союза советских писателей, участвовала в работе его секции по детской литературе, сотрудничала в литературном обществе «Камена» (1927—1928 гг.), бывала на заседаниях литературного кружка Н. Н. Фатова³, писала на современные темы — стихи, пьесы, рассказы, повести для детей, работала над воспоминаниями. Много лет руководила литературным объединением при клубе строителей «Профинтерн» в г. Сочи. Была в большой дружбе с Н. А. Островским⁴.

Архив Дмитриевой поступил в ОРФ ГЛМ после смерти писательницы в 1948 г. Бумаги Дмитриевой имеются и в других хранилищах — ЦГАЛИ⁵, ЦГАОР СССР, ЦГАОР г. Москвы, ОР ГБЛ, Воронежском областном краеведческом музее.

Фонд В. И. Дмитриевой в ОРФ ГЛМ (ф. 11) насчитывает 564 ед. хр. за 1869—1943 гг.⁶ Фонд состоит из рукописей литературных произведений

¹ Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1983, т. 10, с. 776; Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат. 2-е изд. стереотип. М., [Б. г.], т. 18, с. 476; БСЭ. 1-е изд. М., 1935, т. 22, с. 698; БСЭ. 2-е изд. М., 1952, т. 14, с. 564—565; МСЭ. М., 1935, т. 3, с. 861—862.

² Литературная энциклопедия. М., 1930, т. 3, с. 318; КЛЭ. М., 1964, т. 2, с. 706 (указана литература); Ласунский О. Г. Творчество писательницы В. И. Дмитриевой и литературное движение конца XIX—начала XX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Воронеж, 1967; Пряжков А. Г. Валентина Ивовна Дмитриева и ее книги. — В кн.: Дмитриева В. И. Повести и рассказы. М., 1976, с. 3—7; История русской литературы: В 4-х т. Л., 1983, т. 4. Литература конца XIX—начала XX в. (1881—1917), с. 249, 577—578, 608.

³ Николай Николаевич Фатов (1887—1961) — литературовед, с 1945 г. — профессор Черновицкого университета.

⁴ Шумихин С. В. Николай Островский в письмах В. И. Дмитриевой. — В кн.: Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. статей. М., 1980, с. 8—12. Ротапр.

⁵ В ЦГАЛИ фонд В. И. Дмитриевой (ф. 1382) состоит из 24 ед. хр. и содержит рукописи художественных произведений. Значительное число писем Дмитриевой хранится в фондах И. П. Белоконого (ф. 86—25 писем, 1911—1928 гг.), И. А. Белоусова (ф. 66—29 писем, 1908—1916 гг.), И. В. Жилкина (ф. 200—10 писем, 1909—1916 гг.), А. Р. Крандиевской (ф. 251—25 писем, 1908—1933 гг.), А. С. Серафимовича (ф. 457—8 писем, 1910—1935 гг.), а также Ю. И. Безродной, И. А. Бунина, А. А. Лукьянова, Е. Е. Нечаева, И. К. Пархоменко и в собрании воспоминаний народовольцев (ЦГАЛИ СССР: Путеводитель. Литература. М., 1963).

⁶ Большая часть дореволюционного архива писательницы, хранившегося в г. Воронеже, погибла. В неопубликованной 2-й части своих воспоминаний «Так было» она писала: «Уезжая в девятнадцатом году из Воронежа, я оставила свою квартиру на попечение племянницы и проживающей у нас женщины-врача с просьбой главным образом беречь рукописи, книги, альбомы, письма. Вернувшись, я не нашла ни

(черновые варианты, отрывки и разрозненные листы романов, повестей, рассказов, пьес, киносценариев), статей, очерков, заметок на историко-революционные и литературные темы; рукописных дневников с 1869 по 1891 г., регулярных, и отрывочных за 1917—1920, 1934, 1940, 1941—1943 гг., записных книжек, документов биографического характера, различных материалов, собранных писательницами, воспоминаний и обширной переписки. Особый интерес представляют переписка писательницы и ее воспоминания, написанные в конце 1920-х—начале 1930-х годов.

Обширная переписка Дмитриевой охватывает период с 1920 по 1943 г. Общее число адресатов очень велико — около 200. Имеющийся в фонде материал состоит в основном из писем к Дмитриевой (ее писем всего 14), но и эта односторонняя информация необыкновенно интересна. Будучи сугубо личными, повествуя о работе, учебе, бытовых трудностях, впечатлениях от прочитанных книг и газетных новостей, увиденных кинокартин и театральных спектаклей, эти письма дают разностороннее представление о жизни в 1920—1930-х годах, зафиксированное современниками. Они пишут Дмитриевой из разных концов страны — Москвы, Ленинграда, Воронежа, Сочи, Харькова, Вышнего Волочка, Ростова-на-Дону, кубанских станиц, Липецка, Лебединя, Ташкента, Алма-Аты, с окраин Тюменской и Омской областей. В основном это представители русской революционной интеллигенции, их дети и внуки, связанные с Дмитриевой многолетней дружбой и совместной общественной деятельностью. Главные московские корреспонденты: семейство Рындиных: Ф. К. и Е. А. Рындины и их дети — В. Ф. Рындин — известный театральный художник и Е. Ф. Маркуцкая (Рындина) (97 писем, 1922—1940 гг.), А. Р. Крадиевская (8 писем, б. д.), А. Л. и А. Ф. Несслеры (58 писем, 1928—1942 гг.), и А. и Н. Добровы (21 письмо, 1930—1940 гг.), Л. С. Федорченко (8 писем, 1925—1926 гг.), К. С. Стародубская (Федорченко) (18 писем, 1925—1932 гг.), Ф. И. и Н. И. Подтынниковы (68 писем, 1923—1943 гг.), И. М. Чупров (62 письма, 1924—1942 гг.), М. О. Шебалина (145 писем, 1929—1942 гг.); ленинградские: семейство Квасковых (68 писем, 1926—1940 гг.), Н. и Н. Малеевы (29 писем, 1928—1940 гг.), С. В. Федоров и А. Кравцова (Федорова) (112 писем, 1924—1941 гг.); воронежские: Н. и С. Дамаскины (15 писем, 1924—1935 гг.), Е. Закс (1 письмо, 30 сент. 1926 г.), В. П. и Н. А. Кортуновы (10 писем, 1925—1927 гг.), А. В. и П. И. Суцеские (16 писем, 1922—1928 гг.), М. Н. и Н. П. Труновы (6 писем, 1927—1941 гг.); харьковские: И. П. и М. А. Белокозские (14 писем 1925—1931 гг.), С. и Н. Азаровы (34 письма, 1929—1943 гг.). Представляют интерес также письма А. Н. Сухотиной из Вышнего Волочка (78 писем, 1926—1940 гг.), семейства Булинских из Ташкента (23 письма, 1923—1930 гг.), Н. Хоецкой из Варшавы (7 писем, 1925—1934 гг.), сочинских знакомых: Л. А. Сидоренко (40 писем, 1936—1941 гг.), Е. Д. Бурматовой (21 письмо, 1934—1941 гг.). Среди корреспондентов — бывшие политкаторжане, научные работники, учителя, врачи, экономисты, инженеры, краеведы, сотрудники библиотек и музеев. Диапазон их интересов широк и разнообразен. Большинство корреспондентов знакомы между собой. Отношения их друг к другу, их симпатии и антипатии легко прослеживаются. Отражение в письмах одних и тех же событий, как сугубо личных, так и общественных, дает представление об участии интеллигенции в жизни страны. Письма поражают человечностью, доброжелательностью, оптимизмом, желанием быть по тезными окружающим и обществу, причастностью ко всему происходящему. Почти все авторы удивительно тепло, с большой любовью и почтением относились к Дмитриевой, к ней обращались по самым разным поводам за советом и помощью, что свидетельствует о ее незаурядных человеческих качествах.

Общественная деятельность Дмитриевой в 1920—1930-х годах была связана с Обществом бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, с ре-

того, ни другого, ни третьего: оказывается всем этим „хламом“ топили печи, и много ценного для меня материала улетело в дым» (ОРФ ГЛМ, ф. 11, оп. 1, ед. хр. 176 — верстка, с. 188—189). Далее ссылки на фонд приводятся в тексте в скобках.

дакцией научно-исторического журнала «Каторга и ссылка». Она собирала и редактировала воспоминания, хлопотала о пенсиях и материальной помощи. Письма Н. А. Головиной (5 писем, 1923—1927 гг.), Лебединской (1 письмо, 1934 г.), Н. И. Лепневой (1 письмо, 1933 г.), А. Макаревского (2 письма, 1935, 1936 гг.), Ф. П. Медведева (18 писем, 1935—1941 гг.), Н. В. Ненарокова (13 писем, 1929—1931 гг.), Ф. И. Подтынникова (17 писем, 1923—1940 гг.), И. С. Ржаткевича (1 письмо, б. д.), П. М. Толмачева (6 писем, 1935—1937 гг.), С. В. Федорова и его жены А. Кравцовой, В. Н. Фигнер (3 письма, 1931, 1932 гг., б. д.) и главным образом И. М. Чупрова и М. О. Шебалиной касаются широкого круга вопросов. Это издание библиографического словаря⁷, деятельность народовольческого кружка Общества бывших политкаторжан и ссыльпоселенцев, постановка пьесы В. М. Волькенштейна «Народовольцы», 80-летие старейших народовольцев-шлиссельбуржцев Н. А. Морозова и В. Н. Фигнер, судьба дома для престарелых политкаторжан. Например, письма Шебалиной, жены народовольца М. П. Шебалина — одного из организаторов и директора музея П. А. Кропоткина в Москве, активного члена народовольческого кружка (ед. хр. 383, 384, 385). Вот выдержки из них.

Письмо от 16 августа 1933 г.: «У нас очередная сенсация. Мейерхольд собирается ставить пьесу „Народовольцы“, написанную каким-то Волькенштейном, не знаю однофамилец или родственник] Л. А. Волькенштейна]. . . Здесь В. Н.⁸ и М. П. Шебалин] высказались за то, чтобы просить автора раньше зачитать пьесу на кружке в начале сен[тября], а что из этого выйдет не знаю, согласится ли автор?! Вот вопрос».

Письмо от 17 сентября 1933 г.: «У нас сейчас народ[овольческий] круж[ок] собирается два раза по 1-ым и по 7-ым чис[лам]; по 7-м для словаря, т. к. в словаре идут уже восьмидесятые годы, и как раз на первом засед[ании] по словарю был зачитан и Ваш муж⁹, я дала Ваш адрес для того, чтобы ред[акция] словаря списалась с Вами для Вашего дополнения, а то у них очень неполные свед[ения] о нем, только из жанд[армских] данных. Эти последние собрания. . . носят деловой характер, без длин[ных] речей; сотру[дник] словаря зачитывает фамил[ии], а присутствующ[ие] отмечают, кто кого знает, чтобы потом прочесть и дополнить . . .».

Письмо от 25 июня 1934 г.: «Вы, конечно, из газет знаете, что после [Ф. Я.] Кона был юбилей Н. А. Морозова, на котор[ый] от кружка было предложено выбрать до пяти чел[овек] на счет О^{на}. . . Увы! Делегаты оказались не на высоте полож[ения], никто не открыл и рта, даже не зачитали адреса и вручили его втихомолку, наедине. . . К сожалению, из его (Морозова. — *Н. П.*) Шлис[сельбургских] товар[ищей] никто не пожелал поехать; В. Н. очень милое приветствие поместила в «Известиях», а проч[ие] даже и этого не сделали: М. П. (Шебалин. — *Н. П.*) и [М. Ф.] Фрол[енко]. . . Очень я пожалела, что не было Вас, мы бы выбрали Вас и Вы бы сумели сказать пару теплых слов юбиляру».

Письмо от 7 июня 1935 г.: «Вы, конечно, уже знаете, что мы все рассеялись как пыль, и от О^{на} П[олит]/К[аторжан], так же как от кружка народ[овольческого], ничего не осталось».

Письмо от 4 ноября 1936 г.: «Хороним, хороним ветеранов революции, а памятников ставить некому, т. е. нет организации, которая взяла бы на себя заботу об увековечивании памяти или вернее о постановке памятника даже такому крупному революционеру, как А. В. Прибылев. . . По предложению Ан. Вас.¹⁰ решили собирать среди стариков, повсеместно. Если найдете возможным, собирайте и Вы».

На протяжении многих лет Дмитриева сотрудничала на общественных началах в музее П. А. Кропоткина в Москве. Сохранилось значительное

⁷ Речь шла о подготовке незавершенного издания библиографического словаря «Деятели революционного движения в России» (М., 1927—1934. Т. 1—3).

⁸ Здесь и далее — Вера Николаевна Фигнер. Сообщения о ней имеются в каждом письме Шебалиной.

⁹ Имеется в виду В. А. Ершов, умер в 1922 г.

¹⁰ О ком идет речь, установить не удалось.

число писем, связанных с делами музея. В письмах Несслер, Подтынникова, Фигнер и главным образом Шебалиной речь идет об истории создания музея Кропоткина в Москве, о музее Кропоткина в Дмитрове, последних годах жизни жены Кропоткина С. Г. Кропоткиной, об увековечении памяти Кропоткина и подготовке полного собрания его сочинений к 20-летию со дня смерти. Письма эти представляют интерес как своего рода летопись музея Кропоткина в Москве, зафиксированная непосредственными участниками событий. В ОРФ ГЛМ имеется несколько автографов работ Дмитриевой о Кропоткине (ед. хр. 135—139). Две из них датированы 1936 и 1937 гг., т. е. временем ее работы в музее.

Очень интересны письма к Дмитриевой участников литературного объединения в Сочи Е. Д. Бурматовой и Г. Ф. Косякова, в которых отразилась литературная жизнь в 1934—1941 гг.: новые имена писателей, новые произведения советской и зарубежной литературы, дискуссии в газетах и журналах, библиотечные проблемы, произведения местных начинающих авторов. Эти же вопросы волнуют большинство других корреспондентов, живущих в разных городах: Крандиевскую, Рындиных, Сидоренко, Федоровых, Чупрова и др. Авторы писем откликаются на смерть М. А. Володина, возвращение из эмиграции Андрея Белого и А. Н. Толстого, Пушкинские дни 1937 г., новые произведения и литературные успехи и неудачи А. В. Авдеенко, И. Э. Бабеля, В. М. Бахметьева, В. В. Вересаева, Ю. П. Германа, А. М. Горького, М. М. Зощенко, И. А. Ильфа и Е. П. Петрова, А. А. Караваевой, М. Е. Кольцова, Л. М. Леонова, Ю. Н. Либединского, Н. А. Островского, Б. А. Пильняка, А. П. Платонова, П. С. Романова, Л. Н. Сейфуллиной, А. Н. Толстого, М. С. Шагинян, М. А. Шолохова, И. Г. Эренбурга, Бруно Ясенского, Д. Голсуорси, Т. Драйзера, Б. Келлермана, Э.-М. Ремарка, Р. Роллана, Г. Уэллса, Л. Фейхтвангера, постановки пьес А. М. Афиногена, М. А. Булгакова, А. М. Горького, В. М. Киршона, А. Е. Корнейчука, кинофильмы 1930-х годов.

46 открыток за 1928—1934 гг. от П. И. Анатольева — сотрудника издательства «Молодая гвардия» — дают представление о кропотливой редакторской работе над воспоминаниями Дмитриевой в серии «Революционное движение России в мемуарах современников». Анатольев был и автором предисловия к ним. Первая часть воспоминаний — «Так было» (Путь моей жизни) — вышла в свет (М.; Л., 1930). Вторая часть¹¹ охватывает первое десятилетие после революции 1905 г., проникнутое поначалу «буйным духом революции, хотя и подавленной, побежденной, но еще живой», сменившейся мрачной реакцией перед началом войны 1914 г. В эти годы писательница жила в Воронеже и изредка выбиралась в Москву и Петербург. Основная ее деятельность, кроме литературной и журналистской (работа в газетах «Воронежское слово», «Донская речь»), была связана с Воронежским обществом народных университетов. В воспоминаниях подробно описана история создания общества, борьба в его правлении за упорядочение программы занятий, повышение профессионального уровня преподавания, привлечение к занятиям рабочих. Сама Дмитриева со своими единомышленниками создала и возглавила секцию внешкольного образования и участвовала в организации «литературно-вокально-музыкальных вечеров, посвященных русским и иностранным писателям»; это были вечера памяти В. М. Гаршина, А. В. Кольцова, Н. А. Некрасова, И. С. Никитина, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, Э. Ожешко, Ф. Шиллера.

В гл. 4 второй части воспоминаний дано подробное описание первого и единственного съезда Общества народных университетов в 1908 г. в Петербурге, на котором Дмитриева присутствовала. «Съезд отличался большим многолюдьем и длился несколько дней. Публика съехалась со всех концов России — с Волги, с Кавказа, из промышленных районов, из глубины черноземных полей. Были учителя и учительницы, врачи, профес-

¹¹ В ОРФ ГЛМ хранится подготовленная к изданию в 1931 г. верстка с авторской правкой (ед. хр. 176, 112 л.).

сора, рабочие — все те, кто еще недавно кипел и горел в огне революции, ожидая от нее установления новых форм жизни, а теперь, после разгрома ее, искал выход в культурной работе, правильно или неправильно считая, что в этом разгrome повинны невежество и несознательность крестьянских масс, которые не поддержали движения и бросились громить и жечь помещичьи усадьбы» (с. 104). В главах 1 и 5 описаны посещения четвергов журнала «Русское богатство» в Петербурге и заседаний Московского литературно-художественного кружка под председательством А. И. Южина, встречи с писателями — В. Г. Короленко, И. А. и Ю. А. Буниными, И. А. Белоусовым, В. В. Вересаевым, В. Е. Ермиловым, А. С. Серафимовичем, Н. Д. Телешевым, И. С. Шмелевым и народовольцами — Г. А. Лопатиным, Н. А. Морозовым, В. Г. Тан-Богаразом, П. Ф. Якубовичем.

В ОРФ ГЛМ хранятся рукописи следующих трех глав воспоминаний (начало третьей части), относящихся к 1916, 1917 гг.: гл. 8 «На переломе», гл. 9 «Великий переворот», гл. 10 «Бескровная революция» (ед. хр. 177—179, 120 л.). Многие авторы писем к Дмитриевой интересовались ее работой над воспоминаниями. В письме Шебалиной от 30 июня 1930 г. говорится: «Вы пишете, что отложили продолжение Ваших воспоминаний. Это напрасно, они читаются с большим интересом; о том, что они написаны талантливо и правдиво, повторять не буду, т. к., думается, Вы в этом не нуждаетесь, ибо не начинающий писатель. Все мы, прочитавшие первую часть, ждем с нетерпением продолжения». В ее же письме от 10 августа 1931 г.: «Вышла ли 2-я часть Вашего „Так было“? Изд[ательство] Кат[орга] и ссыл[ка] очень заинтересовано в таких произведениях, как Ваше». Об издании воспоминаний читаем в ее письмах от 28 августа 1931 г., 30 июня 1932 г. и др. О воспоминаниях спрашивают также Е. Д. Бурматова, Л. А. Сидоренко, С. В. Федоров.

В 1933 г. А. М. Горький в письме из Сорренто от 27 марта писал А. Н. Тихонову (Сереброву): «Да и с биографиями¹² дело идет неважно, а дело-то серьезное! Надо бы включить жевщин: Жорж Занд, м-м Ролан, Луизу Мишель, Розу Люксембург, С. Перовскую, Фигнер. . . Дмитриеву; она кажется еще жива, в 30 г. „Мол[одая] гвардия“ издала книжку ее воспоминаний „Так было“; книжка неплохо изображает 70-ые годы, да и автор как фигура интересен»¹³.

В письмах к Дмитриевой поднимались и вопросы краеведения. Затрагивавшие эту тему педагоги, литераторы, историки, статистики стремились передать молодому поколению конца 1920-х—начала 1930-х годов свою культуру, знания, любовь к родному краю. Бывший народоволец Ф. П. Медведев, проживавший в Новозыбкове (ныне Брянская обл.), создал там краеведческий музей, материалы для которого собирал сам и вместе со школьниками, в течение многих лет путешествуя по селам и деревням. Он руководил школьным кружком юннатов, организовывал туристские маршруты, собирал фольклор. В письме от 29 июня 1935 г. сообщается о его поездке в Москву на совещание по туризму и экскурсиям. Письма Медведева 1936—1938 гг. рассказывают о трудностях существования музея. Эта же тема затронута в письмах брата Дмитриевой К. И. Дмитриева, который учительствовал в с. Касторном (ныне поселок городского типа в Курской обл.) в 1927—1929 гг. Ф. К. Рындин в июле—августе 1927 г. описывает поездку по маршруту Клинцы — Ляличи — Гомель — Санжары — Полтава, а в 1929 г. — Новгород, его окрестности, церкви, музеи. В письмах И. М. Чупрова 1932 г. даны впечатления от поездки в Ясную Поляну. Описания дома Кропоткина в Дмитрове (дом Олсуфьева) и Дмитровского краеведческого музея можно найти в письмах Ф. И. Подтынникова 1935 г.

¹² Горький имел в виду подготовку биографий для серии «Жизнь замечательных людей».

¹³ Горьковские чтения, 1953—1957: Сб. статей. М., 1959, с. 63.

Отдел изобразительных фондов ГЛМ располагает значительным числом фотографий, поступивших в музей вместе с архивом Дмитриевой. Большинство фотографий не идентифицировано и требует исследования.

Материалы фонда Дмитриевой могут представить значительный интерес для изучения общественной жизни конца XIX и первой трети XX в.

С. Д. Воронин

СТАТЬЯ В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА «АРХИВ АНДРЕЯ БЕЛОГО»

Человек большой культуры и разносторонних знаний Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич обладал ценными качествами ученого и практика-организатора. Примером может служить его выдающаяся роль в создании ГЛМ, возникшего в 1934 г. в результате слияния Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики и Литературного музея при ГБЛ. В 1941 г. ГЛМ послужил основой для вновь организованного ЦГАЛИ СССР. Благодаря самоотверженной работе Бонч-Бруевича и его сотрудников ГЛМ в сравнительно короткий срок стал одним из богатейших хранилищ документов по истории отечественной культуры¹.

С собирательской деятельностью Бонч-Бруевича самым тесным образом связана история приобретения архива и формирования фонда одного из крупнейших представителей русского символизма — Андрея Белого (Борис Николаевич Бугаев, 1880—1934). Значительная часть архива писателя была приобретена еще при его жизни, в 1933 г.²

В 1934 г. в связи со скорострительной смертью писателя, последовавшей 8 января, Бонч-Бруевич написал статью «Архив Андрея Белого»³, которая не была опубликована и находится в ОР ГБЛ в фонде В. Д. Бонч-Бруевича⁴. Объем статьи всего десять машинописных страниц, но информационная ценность ее несомненна. Использование мемуарного и эпистолярного элемента, а также части описи архива, составленной самим Андреем Белым, сделало статью более емкой и более сложной в композиционном отношении. Она интересна и тем, что дает представление о некоторых методах работы Бонч-Бруевича по собиранию документов. Основная цель статьи очевидна — склонить владельцев рукописей Андрея Белого к передаче их в музей. Известно, что для привлечения внимания обладателей документов Бонч-Бруевич часто использовал периодическую печать, публикуя статьи о новых поступлениях⁵.

Желая приобрести архив писателя, Бонч-Бруевич встретился с ним при содействии его давнего друга В. О. Нилендера⁶. Вот что по этому поводу пишет в своей статье Бонч-Бруевич: «Еще в 1932 году, когда была создана комиссия по организации Центрального музея художественной

¹ Дементьев Ю. Г. Вклад В. Д. Бонч-Бруевича в советское архивное строительство. — СА, 1971, № 3, с. 27—31; Межова К. Г. Деятельность В. Д. Бонч-Бруевича по собиранию документов личного происхождения. — СА, 1973, № 3, с. 37—42; Черныш В. А. В. Д. Бонч-Бруевич и получение из-за границы рукописных материалов по истории русской культуры. — АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 133—146; Межова К. Г. Протоколы заседаний фондовой комиссии как источник по истории комплектования рукописных фондов Государственного Литературного музея в Москве. — Там же, с. 147—155.

² Информация об этом поступлении опубликована: Бонч-Бруевич В. Д. Новые поступления в Центральный литературный музей. — Литературное наследство. М., 1933, т. 7/8, с. 458—461.

³ Статья впервые упоминалась в обзоре фонда В. Д. Бонч-Бруевича. См.: Житомирская С. В., Гапочка Л. В., Шлихтер Б. А. Архив В. Д. Бонч-Бруевича. — 30 Р ГБЛ, 1962, вып. 25, с. 34.

⁴ ОР ГБЛ, ф. 369, карт. 26, ед. хр. 9.

⁵ Бонч-Бруевич В. Д. Указ. соч.; Межова К. Г. Деятельность В. Д. Бонч-Бруевича. . . , с. 37—42.

⁶ Нилендер Владимир Оттонович (1883—1965) — переводчик, филолог.

литературы, критики и публицистики, я вошел в сношение с Андреем Белым на предмет получения от него его архива в нашу сокровищницу. Начало собрания произведений Андрея Белого положил его друг В. О. Нилендер, который доставил нам большое количество черновых бумаг кружка поэтов, изучавших в 1910—[19]11 гг. ритмику русского стиха при издательстве „Мусaget“ по непосредственной инициативе, под руководством и деятельном соучастии Андрея Белого. Это огромное количество записей, которые требуют еще своего изучения. С легкой руки В. О. Нилендера, который впервые переговорил с покойным писателем о моем предложении, мы быстро дотолковались с Андреем Белым о приобретении нашим музеем всего того, что он только пожелает нам отдать из своего архивного хранилища. Когда я говорил с ним об этом, он осторожно спросил меня, что же ему передавать в наш музей. Я ответил ему, что нужно передавать все решительно, от самой маленькой записочки до всех больших произведений еще не напечатанных, также корректуру и черновики и его рукописи. „Как все? — воскликнул Борис Николаевич, — да у меня, батенька, целый воз всяких бумаг“. „Вот и прекрасно, — ответил я ему. — Это очень хорошо, что вы все сохранили. Вы, как писатель, будете интересны еще долгое время и вас есть по чему изучать“. „К сожалению, конечно не все, — ответил мне Борис Николаевич, — часть пропала, разошлась по рукам, а некоторые вещи находятся на сохранении, но только не у меня“.

Я успокоил его, что и то, что не находится у него, мы постараемся отыскать и тщательно и бережно присоединить к его фонду, который мы сейчас же открыли в нашем музее. „Как, будет мой фонд?“ — недоверчиво и с некоторым волнением спросил меня Борис Николаевич. „Конечно, — ответил я ему, — раз мы приобретаем хотя бы небольшую часть архива писателя, то этот архив не разрозниваем, а, наоборот, все более и более увеличиваем, отыскивая и другие его части“. „Это хорошо, это прекрасно, писатели будут очень довольны таким отношением к их творчеству“, — сказал Борис Николаевич, быстро, быстро заходящий по комнате⁷.

В ответ на официальное предложение музея приобрести у него архив Андрей Белый 28 мая 1932 г. направил Бонч-Бруевичу письмо следующего содержания: «Многоуважаемый Владимир Дмитриевич! Идя навстречу моему желанию отдать архив бумаг в Центральный литературный музей, Вы обратились ко мне с любезным предложением осуществить это; к сожалению, в годах я утратил значительное количество рукописей, писем, фотографий, дневников и т. д. Но и оставшиеся бумаги представляют собой значительный материал, годный для архива. Считаю основным материалом в нем 14 рукописей (из них иные уникамы), не видевших еще печати; сейчас печатание их по многим причинам неудобно для меня; но в будущем они могли бы появиться в печати, так как они интересны в художественном отношении.

К этому письму я прилагаю и предварительную опись имеющегося у меня или достижимого для меня материала; она не исчерпывает всего „архива“, но дает ясное представление о так сказать контуре его; она обнимает в среднем свыше 8000 страниц.

Мне хотелось бы с Вами поговорить лично, условиться о подробностях описи и после уже заняться приведением в исполнение Вашего предложения (пришлось бы ехать в Детское Село за извлечением части бумаг). Примите уверения в совершенном уважении, готовый к услугам Борис Бугаев (Андрей Белый)⁸.

Далее в статье говорится, что 20 июля этого же года Бонч-Бруевич получил еще одно письмо от Андрея Белого, где тот сообщал о рукописях, которых у него нет, но которые ему хотелось бы приобщить к своему фонду. К числу таких рукописей он относил следующие: «1) „О самосознаю-

⁷ ОР ГБЛ, ф. 369, карт 26, ед. хр. 9, л. 3.

⁸ Там же. Здесь и далее тексты сверены с автографами А. Белого, хранящимися в ЦГАЛИ СССР (ф. 53, оп. 1, ед. хр. 104).

щей душе“ (ремингтон), 2) „Рудольф Штейнер“ (литерат[урный] портрет, 25 печатных листов (ремингтон), 3) „Дневник 1925—[19]34-ых годов“ (до 150 печ[атных] листов, рукопись); в последнем — бытовые записи, выписки, рецензии о книгах, дневники путешествий, интимно-биографические воспоминания, ряд начатых работ и т. д.»⁹. Ответить на вопрос, занимался ли Бонч-Бруевич поисками этих рукописей, пока не представляется возможным.

После неоднократных встреч с Андреем Белым Бонч-Бруевич 9 января 1933 г. получил опись его документальных материалов, предназначенных к передаче в музей. В основу этой описи легла схема «Предварительной описи архива бумаг Б. Н. Бугаева (Андрея Белого)», присланная Бонч-Бруевичу с письмом от 28 мая 1932 г. и согласованная с ним. «Эта опись, — пишет в статье Бонч-Бруевич, — является как бы его (А. Белого — С. В.) литературным завещанием, когда и что можно печатать и издавать, и, главное, в ней мы находим подразделение всего материала, сохранившегося у него, на условные рубрики и некоторую даже критическую оценку тех или других его собственных произведений»¹⁰. Далее в статье приводятся с некоторыми купюрами предисловие и первый раздел описи — «Рукописи, не видевшие света». В предисловии к описи говорилось: «Я делю описываемый материал на четыре квартала: в первом содержатся рукописи, не бывшие в печати; автор отказывается от него в пользу музея. Среди этих рукописей имеются и такие, которые автор считает ценными в художественном отношении («Зовы времен»¹¹, «Африканский дневник»)»¹². Не надеясь вернуться к ним при жизни, они требовали некоторой переработки, но не в художественном отношении, а в цензурном; автор предоставляет музею право на них.

Во втором квартале я соединяю исследовательский и биографический материалы. В третьем квартале я соединяю рукописи, черновики, наброски; среди рукописей иные даны в первой редакции, сильно отличающиеся от основного текста (так: черновики «Путевых заметок» отличаются от печатного текста и помещенного в первом квартале «Африканского дневника»).

В четвертом квартале я соединяю материал, не подходящий к первым трем, но могущий иметь интерес для будущих исследований эпохи¹³.

Некоторые номера отдаваемого материала автор не хотел бы видеть использованными для опубликования, или потому, что они касаются интимных сторон жизни Б. Н. Бугаева и лиц близких к нему (или некогда близких), еще живых, или потому, что идеология бывшего владельца „архива“ изменилась, или потому, что тон написания их вызывает к подробному объяснению его автором рукописей, без чего выглядели бы превратно; относительно этого рода рукописей я ставлю условие, чтобы они не выдавались для работы до смерти автора; вне соблюдения этих условий я этого рода рукописей не отдаю в „Архив“»¹⁴.

К числу таких рукописей А. Белый относил: «Почему я стал символистом», 9-ю и 10-ю главы воспоминаний «Начало века» (Берлинская редак-

⁹ ОР ГБЛ, ф. 369, карт. 26, ед. хр. 9, л. 2.

¹⁰ Там же, л. 3.

¹¹ Над книгой стихотворений «Зовы времен» А. Белый работал с 1929 по 1931 г. Согласно авторскому плану, эта книга должна была стать 1-м т. предполагаемого собрания стихотворений.

¹² „Африканский дневник“ — это второй том „Путевых заметок“. „Путевые заметки“ впервые написаны в 1911 г.; два не вышли в книгоиздательстве „Сирин“ в 1914 г. Война прекратила деятельность издательства. В 1919 г. оба тома заново переработались. В 1922 г. 1-й т. вышел в Москве (под заглавием „Офейра“) и в Берлине („Путевые заметки“, т. 1-й, издательство „Геликон“). Второй том не смог выйти ни в Москве, ни в Берлине (в Москве кризис бумаги, в Берлине — крах издательства „Геликон“). Автор получил лишь гранки второго тома». — Комментарий А. Белого (ЦГАЛИ СССР, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 104, л. 5 об.). Гранки этого тома сохранились в фонде А. Белого.

¹³ Сюда вошла переписка А. Белого, иконографический материал, а также рисунки самого писателя.

¹⁴ ОР ГБЛ, ф. 369, карт. 26, ед. хр. 9, л. 5.

ция)¹⁵, «материал биографический, интимный», 9 рисунков к лекциям по истории культуры и черновик статьи «Утопия»¹⁶.

Отметив Андрея Белого, как «интереснейший документ», который свидетельствует о том, что писатель с «тщательностью и любовью относился к своему архиву»¹⁷, Бонч-Бруевич заканчивает статью такими словами: «Первейшей задачей всей нашей литературной общественности является выявление и собирание всего того, что нам оставлено не напечатанного этим большим оригинальным писателем своей эпохи»¹⁸.

¹⁵ «Вторая половина трехтомия „Начало века“ приготовлена для к[нигоиздательств]ва „Эпоха“ (Берлин) в 1923 г. Она заключается в радикальной переработке материала „Воспоминаний о Блоке“, напечатанных в №№ 1—4 журнала „Эпопея“ (Берлин); воспоминания эти в переработанном виде увеличились вдвое; „Блок“ стал лишь предлогом к воспоминаниям. Вся переработка пошла в сторону интимных воспоминаний. 1-й том, уже бывший в наборе, пропал после того, как к[нигоиздательств]во „Эпоха“ перестало существовать, а автор уехал в СССР. Пропала и половина 2-го тома. Позднее, в 1930 г., автор заново переработал для ГИХЛа часть воспоминаний, считая преждевременным интимный тон воспоминаний; в позднейшей редакции подчеркнут общественный момент; „Начало века“, которое появится в ГИХЛе в 1933 г., совсем другое по тону, краскам и воспоминательным моментам. — Комментарий А. Белого (ЦГАЛИ СССР, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 104, л. 6 об.)

¹⁶ Все перечисленные материалы хранятся в ЦГАЛИ СССР (ф. 53).

¹⁷ ОР ГБЛ, ф. 369, карт. 26, ед. хр. 9, л. 5.

¹⁸ Там же, л. 10.

С. В. Журавлев

МАТЕРИАЛЫ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПЕРВОЙ ОЧЕРЕДИ МОСКОВСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА В ФОНДЕ ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ «ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ» ЦГАОР СССР

В 1931 г. началось проектирование, а в 1932 г. — строительство первой очереди Московского метрополитена, завершённое за три года. 15 мая 1935 г. открылось регулярное движение на трассе¹. Метро вошло в жизнь советских людей как символ новой, социалистической культуры. Оно отразило характерные черты строек первых пятилеток — энтузиазм молодежи, идейную убежденность, готовность к преодолению трудностей². Особенностью строительства метрополитена явилось то, что среди рабочих была большая партийная и комсомольская прослойка.

Проблемы, связанные с изучением истории строительства Московского метрополитена, привлекали внимание исследователей³. Большинство работ по этой теме имеют научно-популярный характер. Источнико-

¹ Начало метростроению в СССР было положено решением июньского 1931 г. Пленума ЦК ВКП(б) «О московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства СССР». Пленум постановил: «... немедленно приступить к подготовительной работе по сооружению метрополитена в Москве. . . с тем, чтобы в 1932 г. уже начать строительство» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., доп. и испр. М., 1970, т. 4, с. 552).

² Очерки истории Московской организации КПСС, 1883—1965. М., 1966, с. 528; История Москвы: В 6-ти т. М., 1959, т. 6. Период построения социализма (1917 — июнь 1941), кн. 2, с. 34; и др.

³ *Вирен Т. И.* Московский комсомол в борьбе за строительство метро первой очереди (1931—1935 гг.): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1952; *Емельянов О. Е., Карпухин Л. Л.* Московский метрополитен. М., 1960; История Москвы, т. 6, кн. 2, с. 30—35; *Катцен И. Е.* Метро Москвы. М., 1947; *Маковский В. Л.* Первая очередь Московского метрополитена. — ВИ, 1981, № 8, с. 91—100; *Окунева Р. Я.* Источники по истории фабрик и заводов в советской литературе 30-х годов: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1964, с. 12—14; Очерки истории Московской организации КПСС. М., 1983, кн. 2. Ноябрь 1917—1945, с. 529—531; *Поletaев В. Е.* Из истории строительства первой очереди Московского метрополитена. — ИЗ, 1953, т. 42, с. 19—44; и др.

ведческих исследований нет. Изданы сборники документов и воспоминаний⁴. Имеющиеся работы свидетельствуют о том, что написание полной истории метро следует рассматривать как один из важных этапов создания истории фабрик и заводов СССР.

Материалы о строительстве первой очереди Московского метрополитена, обзор которых предлагается в данной статье, находятся в фонде Главной редакции «История фабрик и заводов»⁵. Они использовались в ряде исследований и публикаций⁶. Рассматриваемый в настоящем обзоре комплекс источников, крупнейший и наиболее информативно насыщенный в фонде, интересен во многих отношениях. Он отложился в связи с деятельностью редакции «История метро», до сих пор не изученной.

Редакция «История метро» была образована 16 декабря 1933 г. Она подчинялась Главной редакции «История фабрик и заводов», в финансовых вопросах зависела и от Метростроя⁷. Архивные материалы свидетельствуют о значительной организаторской, методической, библиографической работе, проделанной сотрудниками редакции «История метро»⁸. Они просмотрели документацию большого круга учреждений, музеев, архивов и библиотек, где были скопированы наиболее важные источники по истории метро, которые вместе с дневниками и воспоминаниями рабочих составили основу Научного архива редакции. Этот архив служил источниковой базой для создания книг по истории Московского метрополитена.

Комплекс источников о строительстве первой очереди метро можно рассматривать как совокупность трех разделов: материалов Научного архива редакции «История метро», документации этой редакции, а также подготовительных материалов к книгам⁹.

В данной работе будет дан обзор материалов Научного архива редакции и подготовительных материалов к книгам по истории метро, которые предполагалось издать.

Хронологически материалы, собранные в Научном архиве редакции, можно разделить на две группы: 1) о проектах метрополитена в царской России и 2) об осуществлении его строительства в годы Советской власти.

⁴ Дни и годы Метростроя. М., 1984; Как мы строили метро: Сборник. М., 1935; Метро: Сб., посвященный пуску Московского метрополитена. М., 1935; Рассказы строителей метро: Сборник. М., 1935; Федорова Т. В. Наверху — Москва. М., 1975. Синхронные ведомственные издания документов: Ганьшин П. А., Каменнов С. Е. Сборник основных постановлений и директив по труду на строительстве метрополитена. М., 1935; Московский метрополитен: (Свод заключений экспертных комиссий) . . . М., 1932; Московский метрополитен: Сб. отчетных документов и материалов о пуске первой очереди Московского метрополитена. М., 1935. Рассказы метростроевцев в книгах «Как мы строили метро» и «Рассказы строителей метро», в основе которых лежат воспоминания Р. Я. Окунева (Указ. соч., с. 12), на наш взгляд, не вполне правомерно относить к разряду очерков.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 7952, оп. 7, д. 97—502. Краткий обзор материалов фонда, в том числе по истории метро, см. в кн.: А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов: Сб. документов и материалов / Сост. Л. М. Зак, С. С. Зимица. М., 1959, с. 255—256; 268—269. В указанном обзоре, по всей вероятности, допущена опечатка в количестве дел по истории метро. Несовпадение поисковых данных обзора и теперешней описи объясняется тем, что она, как свидетельствует дело фонда, подвергалась переработке в 1966 г. В настоящее время в фонде Главной редакции «История фабрик и заводов» хранится 3310 дел, которые, согласно нашим подсчетам, дают довольно полное представление по истории 94 фабрик, заводов, железных дорог Московской и Ленинградской областей, Украины, Белоруссии, Урала и Сибири. Из них 406 дел — по истории Московского метрополитена. Материалы о строительстве первой очереди метро имеются в ф. 665 Метростроя ЦГАОР г. Москвы.

⁶ Дни и годы Метростроя, с. 18—27; Дьячкова Т. Первый орден. — В кн.: В бою и в труде: Страницы истории Московского комсомола. М., 1958, с. 74—75; История Москвы, т. 6, кн. 2, с. 30—35; Как мы строили метро; Окунева Р. Я. Указ. соч.; Рассказы строителей метро.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 7952, оп. 7, д. 219, л. 7 об. Далее по этому фонду в тексте указаны только номера дел и листы.

⁸ Подробнее см.: Журавлев С. В. Материалы редакции «История метро» (1933—1935). — СА, 1984, № 4, с. 42—44.

⁹ Расположение материалов в описи не соответствует принятой нами группировке. Опись составлялась, по-видимому, по мере поступления документов по истории метро в архив, поэтому в ней отсутствует четкая систематизация.

Документы первой группы (д. 97—115, 358, 375) охватывают период 1902—1917 гг. Среди них преобладают копияные материалы, много дубликатов¹⁰. Они дают представление о различных проектах создания метро в дореволюционной Москве — Е. К. Кнорре, К. К. Руина, Я. И. Утина, А. И. Вышнеградского, А. П. Генперта и др. Материалы убедительно показывают, что за всеми этими проектами стояли интересы иностранных монополий. Их авторы вели ожесточенную конкурентную борьбу, стремясь заполучить концессию на строительство метро. Среди документов — копии протоколов всевозможных совещаний, переписка по различным вопросам, масса доказательств и подробнейших описаний, в которых учитывалось все, вплоть до доходности метро через 20 лет; справки, объяснительные записки, фотографии с чертежей копии стенограмм выступлений авторов проектов и т. д. Имеются также копии документов Московской Думы, выдержки из книг, журналов и других источников того времени, газетные статьи о проектах и перспективах строительства Московского метро (д. 363—367).

Перейдем к характеристике второй группы источников. В Научном архиве редакции «История метро» сконцентрированы разноплановые источники о строительстве первой очереди метро в 1931—1935 гг. Значительное место занимают дневники, воспоминания рабочих и служащих, стенограммы вечеров встреч с ударниками Метростроя (д. 230, 240—269; 288—323; 341—343; 447—460). Эти источники имеют большую ценность, так как события передаются очевидцами, непосредственными участниками строительства первой очереди метро, многих из которых уже нет в живых. Сохранилось несколько десятков дневников метростроевцев. Записи, ведшиеся в основном рабочими и охватывающие события 1931—1935 гг., содержат сведения о социалистическом соревновании, борьбе за укрепление дисциплины, о людях, строивших метро, и др. Ценность дневников как исторических источников о строительстве метро состоит в том, что рабочие, руководствуясь «Методическими указаниями о ведении рабочих дневников» (д. 446), разработанными сотрудником редакции Г. А. Медынским, вели записи по горячим следам событий и только о том, что видели сами, а не с чужих слов. Инструкция требовала правдивости, конкретности, откровенности, полноты и систематичности записей, обязательной их датировки. Дневники являются важным источником для изучения психологии рабочего класса 30-х годов, они насыщены богатым фактическим материалом. Однако главное внимание в них уделено производственной деятельности, мало оценочных моментов, анализа событий. Имеет место и разная степень подробности записей, они не всегда датируются. Написанные карандашом, в ряде случаев на плохой бумаге и сплошным текстом (без абзацев и знаков препинания), рукописи дневников трудночитаемы. Часть дневников была перепечатана сотрудниками редакции «История метро», и в фонде имеются как рукописи, так и машинописные копии.

Воспоминания метростроевцев, которых сохранилось около 100, записывались в основном на вечерах встреч в 1934 г. В материалах Научного архива имеются стенограммы воспоминаний строителей разных национальностей, разного социального и служебного положения: рабочих, бригадиров, начальников шахт и дистанций, партийных, советских и комсомольских руководителей. Метро строила главным образом молодежь, которая, по существу, начинала свою биографию на Метрострое. Однако сохранившиеся воспоминания рабочих старшего поколения носят характер автобиографий и являются источником не только о строительстве метро, хотя главная их тема: «Метрострой в моей жизни». В них рассказывается о первой мировой войне, о революционном движении, о периоде гражданской войны и первых лет Советской власти.

¹⁰ Подлинники хранятся в фондах Министерства финансов и Министерства путей сообщения за 1902—1917 гг. (ЦГИА СССР) и в фондах Московской Думы и Управы за те же годы (ЦГИА г. Москвы).

В Научном архиве редакции «История метро» сохранилось много переписки, планово-отчетной, организационно-распорядительной, бухгалтерской, технической, сметной и другой документации (д. 116—139, 144—163, 165—211, 214, 215, 218, 325—328, 336—340, 352—357), главным образом копийного характера. Здесь хранятся копии постановлений МК ВКП (б) и Моссовета о строительстве метро за 1931—1934 гг. (д. 139, 140); целый комплекс копийных материалов, связанных с деятельностью Метростроя и Метропроекта в 1931—1935 гг. (д. 147, 149, 165—171, 198, 204—211, 336—339, 352—355), и др. Имеются также материалы, характеризующие литературное творчество рабочих (рассказы, очерки, стихи) (д. 447—460). В делах № 497—502 содержатся рисунки, диапозитивы, а также большое количество фотографий, на которых запечатлены различные моменты стройки, знаменательные даты, портреты ударников Метростроя. Группа дел состоит из документов за советский период на английском и французском языках (д. 472—475, 485, 488—495). Среди них — отзывы иностранцев о метро, материалы и схемы зарубежных линий метрополитена, журналы, брошюры и рекламы фирм.

Необходимо отметить, что многие подлинники документов, хранящихся в фонде, в настоящее время утеряны, и таким образом, имеющиеся копии по своей значимости заменяют оригиналы. Так, копийные материалы о А. В. Косареве — главном редакторе «Истории метро» — являются пока единственным свидетельством его плодотворной деятельности на этом посту.

Материалы, собранные в Научном архиве редакции, удачно дополняют друг друга и позволяют осветить различные проблемы, связанные с историей строительства первой очереди Московского метрополитена. Поэтому характеристика материалов будет дана по тематическому принципу.

Значительная группа дел показывает подготовку строительства метро. В 1931—1932 гг. решаются вопросы проектирования первой трассы, проводятся иностранные и советская экспертизы, разворачивается дискуссия о методах производства работ, проходит окончательное уточнение проекта, разрабатываются смета расходов, план финансирования строительства, решается проблема кадров. По этим вопросам в фонде имеется большое количество организационно-распорядительной документации, переписки (д. 117, 138—140, 144, 161, 216); сохранились также стенограммы бесед и воспоминаний рабочих о проектировании метро (д. 264—266).

Отложился значительный комплекс технической документации, связанной с проектированием и началом строительства Московского метрополитена (д. 117—137, 181—188). Умелая обработка книг смотровых колодцев, расценочных ведомостей, расчетов конструкций, пояснительных записок, чертежей, геологических разрезов и т. д. может дать интересные результаты. Например, в д. 117 имеются основные характеристики буровых скважин на первой трассе метрополитена. Эти материалы особенно ценны для археологов и историков Москвы, так как в них указано точное место бурения скважин¹¹. По таким описаниям можно составить представление об облике некоторых районов Москвы начала 30-х годов, о названиях улиц и площадей тех лет. Они дополняют сведения из других источников¹². Интересны также встречающиеся в технических документах данные о толщине, прослойках культурного слоя и порядке их расположения в разных районах Москвы.

¹¹ К примеру, «Охотный ряд, против 1-го Дома Советов на месте снесенной часовни». Скважин (с такими описаниями) была пробурена не одна сотня, и располагались они на расстоянии 50—100 м одна от другой.

¹² По трассе первой очереди Московского метрополитена. Архивно-исторические и археологические работы Государственной Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1934 г. Л., 1936. См. также труды А. В. Арциховского и других исследователей.

Целая группа дел отражает ход строительства первой очереди метро — трудности и ошибки, достижения строителей. Кроме организационно-распорядительной, планово-отчетной документации (д. 161—163) и значительного комплекса учрежденческой переписки по ходу строительства (д. 150—159; 165—169; 189—193; 195, 196, 198, 325—328), здесь имеются воспоминания метростроителей (д. 259—262, 269, 270—274 и др.). Большой интерес представляют материалы архивов шахт и дистанций Метростроя (копии и подлинники), которые частично представлены в фонде (д. 159 и др.). Среди этих документов — переписка, служебные записки, сметы, приказы, протоколы совещаний рабочих и административно-технического персонала, позволяющие уловить повседневный ритм стройки.

В материалах Научного архива редакции «История метро» имеются справки, отчеты, а также проект сводного плана книги по истории Московского метрополитена, в которых рассказывается о новых технических методах, примененных впервые на Метрострое для ускорения хода строительства и улучшения качества работ (д. 158, л. 17; д. 170, л. 67; д. 171, л. 18; д. 219, л. 63; д. 262, л. 50; и др.). Речь идет прежде всего о щитовом способе проходки грунта, о кессонных работах (применение сжатого воздуха), о советском методе силикатизации, заключающемся в закреплении неустойчивых грунтов путем впрыскивания жидкого стекла, а также о методе искусственного замораживания грунта, признанном единственным способом проходки наклонных ходов для эскалаторов. Воспоминания непосредственных участников освоения передовых методов работ живо рисуют трудности их внедрения (д. 260, 263 и др.). Источники убедительно доказывают, что успешное осуществление сложных инженерно-технических решений в ходе строительства метро было торжеством советской науки и техники, подкрепленным массовым героизмом рабочих.

Строительство Московского метрополитена было делом всего советского народа. Среди материалов шахт и дистанций, в переписке по ходу строительства, в справках, сводках, отчетах, а также в воспоминаниях и дневниках рабочих зафиксирована огромная помощь, которая оказывалась Метрострою. Лозунг: «Метро строит вся страна!» успешно осуществлялся на деле. Более 20 областей и краев, 539 предприятий включались в борьбу за лучший в мире метрополитен. Гравий на строительство метро везли из Кинешмы, бут — из Калуги, щебень — из Одессы, а цемент делали поворошиевские заводы. Подольский завод на десять дней раньше срока выполнил заказ метростроителей на тьюбинги, Ковровский завод дал сверх плана экскаватор. Компрессоры, которые хотели заказать в Англии, взялся изготовить Сумской завод, а рабочие Бежецкого завода овладели производством коленчатых валов и кривошипов для метро, которые раньше не выпускали (д. 218, л. 67; д. 219, л. 66; д. 388, л. 33; и др.). Рабочие московских заводов взяли шефство над шахтами и дистанциями Метростроя, обязавшись отработать по два дня на подшефном объекте¹³. Хранившиеся в фонде протоколы президиума горисполкома и Моссовета за 1931—1934 г., напечатанные типографским способом (д. 138), свидетельствуют об неослабном внимании к проблемам строительства метро. Так, 15 января 1934 г. президиум Моссовета с целью разгрузить Метрострой от работ, не связанных с его основной деятельностью по проходке, кладке, бетонированию тоннелей и т. д., обязал целый ряд организаций — Мострамвайтрест, Мосочиствод, Мосводопровод, Мосгаз, Гордоротдел и др. — взять на себя вспомогательные работы по прокладке и перекладке труб, трамвайных путей, водопроводов и т. д. (д. 138, л. 240—244 об.). Документы показывают, что на заседаниях обсуждались также вопросы об обеспечении строительства необходимой техникой, рабочей силой, денежными ассигнованиями и др.

¹³ Подробнее о помощи москвичей Метрострою см.: Очерки истории Московской организации КПСС, 1883—1965., с. 526—527; и др.

Мемуарные источники рассказывают о помощи, оказанной строителям во время субботников и воскресников, на которых трудились рабочие московских заводов, студенты, партийные и советские руководители. Субботники на Метрострое запечатлены также на сохранившихся в архиве фотографиях (д. 497—500). «Народу полно . . . Идут, идут, со всех концов города идут сотни людей с лозунгами: „Вся Москва строит метро!“ . И кажется, что действительно весь город двинулся на помощь нам» — так пишет в своем дневнике о начале субботника 24 марта 1934 г. рабочий Фишин¹⁴ (д. 295, л. 139).

Постановления, протоколы заседаний, обзоры и другие хранящиеся в фонде документы Комитета научного содействия метрополитену при ВАРНИТСО, созданного в апреле 1933 г. по инициативе академика Г. М. Кржижановского (д. 142, 178, 179, 275—286; д. 219, л. 64), позволяют оценить большую помощь, оказанную его членами строителям метро в деле решения сложных инженерно-технических задач.

Известно, что исключительно важную роль в строительстве Московского метрополитена сыграл Ленинский комсомол. Особые заслуги принадлежат Московской организации ВЛКСМ, всявшей шефство над Метростроем. Золотыми буквами вписаны в летопись метро комсомольские мобилизации, давшие стройке более 13 тыс. квалифицированных рабочих. О причинах и ходе мобилизаций подробно рассказывается в проекте сводного плана книги по истории метро (д. 219, л. 58—59), в воспоминаниях комсомольцев и в других источниках¹⁵.

Успешное строительство и досрочный пуск первой очереди метрополитена были бы невозможны без социалистического соревнования, приобретенного на Метрострое большой размах. Сведения о социалистическом соревновании имеются среди материалов о ходе строительства, в воспоминаниях (д. 149—159, 169, 198; 288—323 и др.). Переписка, справки, сводки, отчеты и другие документы повествуют о лучших бригадах Метростроя, о достигнутых ими трудовых успехах. В д. 175 собраны карточки ударников-метростроевцев, договоры по социалистическому соревнованию¹⁶. Они позволяют судить об основных направлениях, по которым шло соревнование, и обязательствах, а воспоминания рабочих дополняют документы рассказом о ходе и результатах выполнения принятых обязательств. Анализ источников показывает, что соцсоревнование было распространено не только среди рабочих, но и среди инженерно-технических работников Метростроя, коллективные формы соревнования преобладали над индивидуальными (звено вызывает звено, бригада — бригаду, смена — смену). Социалистические обязательства касались производственной деятельности строителей, укрепления трудовой дисциплины, повышения политического уровня и развития общественной активности метростроевцев. Довольно распространено было принятие встречных планов.

Попыткой создать научные основы социалистического соревнования можно считать хронометраж рабочего времени, проведенный на ряде шахт. Хронометраж выявил резервы для соцсоревнования, в частности для принятия встречных планов. Сохранились документы о передовиках соцсоревнования, лучших ударниках Метростроя М. Матросове, В. Реброве, Е. Краевском, П. Масловой, А. Проценко и др. (д. 362, 497—500 и др.).

К материалам фонда о соцсоревновании тесно примыкают хранящиеся в нем документы по укреплению трудовой дисциплины и воспитанию нового отношения к труду. Дневники, воспоминания метростроевцев, справки, отчеты и другие источники свидетельствуют о том, что главной силой в борьбе против негативных явлений был рабочий коллек-

¹⁴ Инициалы некоторых рабочих нами не найдены.

¹⁵ См. также: *Вирен Т. И.* Указ. соч., с. 5; *Славный путь Ленинского комсомола: История ВЛКСМ.* М., 1978, с. 246; и др.

¹⁶ Эти документы составлены рабочими, которые порой были не сильны в грамматике, однако, по существу, материалы с огромной силой и выразительностью отразили дух соцсоревнования тех лет.

тив. Против лодырей, прогульчиков, пьяниц создавалось общественное мнение. Рабочая Маланьина отметила в дневнике, что приход двух рабочих на работу в нетрезвом состоянии «страшно возмутил всю смену» (д. 342, л. 165). О бурной реакции бригады на подобный же поступок одного из рабочих пишет в своих воспоминаниях бригадир проходчиков Н. А. Лушник. На собрании бригады вопрос был поставлен в категорической форме: если не бросишь пить, выгоним из бригады. «И это подействовало, — вспоминает Лушник, — он дал слово. И слово свое не нарушил»¹⁷ (д. 297, л. 21). Архивные материалы свидетельствуют о том, что к нарушителям дисциплины применялись самые разнообразные меры воздействия: их фамилии вывешивались на так называемой «черной доске», они подвергались штрафу. Широкое распространение, как свидетельствуют источники, получили товарищеские суды. Силу морального воздействия испытали на себе мужчины, которых посылали на перевоспитание в знаменитую женскую бригаду Ольги Устиновой, считавшуюся «исправительной» (д. 342, л. 236; д. 297, л. 47—48; д. 142, л. 26; д. 295, л. 71)¹⁸.

В борьбе за социалистическое отношение к труду большая роль принадлежала рабочей молодежи Метростроя, прежде всего комсомольцам. Официальные документы, дневники, воспоминания и другие источники рассказывают о многих славных трудовых делах молодежи. Особый интерес представляют стенограммы бесед с работниками метро на тему: «Партия и комсомол», хранящиеся в фонде (д. 241—243). В них показано партийное руководство комсомолом, становление комсомольских организаций на строительстве и выполнение ими различных задач.

В воспоминаниях метростроевцев, в проекте сводного плана книги повествуется о том, что посланцы Метростроя показали чудеса героизма на погрузке необходимого стройке леса в суровых условиях Севера¹⁹ (д. 219, л. 59; д. 242, л. 86—106). Осенью 1933 г. комсомольцы сделали почти невозможное — построили Веневскую железнодорожную ветку для подвоза стройматериалов не за четыре месяца, как предполагалось, а за 20 дней (д. 219, л. 59 и др.). Воспоминания рабочих раскрывают атмосферу энтузиазма, царившую на строительстве Веневской ветки. «На работу и с работы мы ходили с песнями . . . Для развлечения нам прислали баяниста. Но слушать было некогда. Кончаешь работать, поужинаешь и скоро спать ложиться, а в пять часов уже надо с солнышком снова идти на работу» (д. 297, л. 240). Энтузиазм молодых рабочих, их самоотверженное отношение к делу вызвали уважение у кадровых рабочих со стажем. Макс Мильке, немецкий специалист, участвовавший еще в строительстве Берлинского метрополитена, признавался в воспоминаниях: «У меня не было столько терпения, как у них. Они смотрели на это дело, как на свое . . . Они делали все, что было нужно, не считаясь со временем»²⁰ (л. 297, л. 69).

Материалы Научного архива редакции убедительно показывают огромное воспитательное значение строительства, которое стало подлинной школой коллективизма для тысяч молодых людей разных национальностей, дав им путевку в жизнь. Об этом с большой гордостью говорила на недавней встрече в ЦК КПСС с ветеранами партии ударница Метростроя 30-х годов, пришедшая добровольцем на метро с завода «Каучук», ныне — заместитель начальника Московского Метростроя, Герой Социалистического Труда Татьяна Викторовна Федорова²¹. Среди материалов о знатных людях шахт и дистанций — лучших строителях метро первой очереди — сохранилась и ее характеристика (д. 362, л. 4—6).

¹⁷ Рассказы строителей метро, с. 109.

¹⁸ Там же, с. 161—166.

¹⁹ См. также: *Н. С. Лес* — шахтерам метро: 200 комсомольцев выехали в Архангельск. — Комс. правда, 1934, 5 марта; Как мы строили метро, с. 683.

²⁰ Рассказы строителей метро, с. 286—287.

²¹ Правда, 1983, 16 авг.; *Могилат А.* Поднимайся в небесную высь, опускайся в глубины земные. — Комс. правда, 1983, 28 окт.; *Федорова Т. В.* Указ. соч.; и др.

19-летней девушкой пришла Таня Федорова на Метрострой. Работая проходчицей, затем бетонщицей, она одновременно овладевала техникой, сдав техэкзамен как по проходке, так и по бетону на «отлично». В характеристике отмечено отличное качество ее работы и большое ежемесячное перевыполнение планов, за что Федорова неоднократно поощрялась. Когда окончились строительные работы и приступили к отделке станций метро, Т. Федорова, как и многие ее товарищи, освоила профессию мраморщицы, продолжая «показывать образцы работы и борьбы за план». В дневнике рабочей Маланьиной подчеркивается исключительно добровольное отношение Т. Федоровой и ее подруги Насти Варламовой к работе, в которую «они вкладывали много сил, много труда, никогда ни на что не жалуясь» (д. 342, л. 171). А работали Федорова и Варламова так быстро, что не все мужчины могли за ними угнаться (д. 342, л. 170). В 1937 г. двадцатидвухлетняя ударница Метростроя Т. В. Федорова была избрана депутатом Верховного Совета СССР I созыва. Нет сомнения, что в становлении ее характера, как и характеров других молодых строителей Московского метрополитена, огромная роль принадлежала той совершенно особой атмосфере, сложившейся на Метрострое, о которой пишут в своих воспоминаниях рабочие. Стройка стала родным домом, работать было интересно, трудиться шли, как на праздник. «На метро я вырос: все лучшее, что у меня сейчас есть, я приобрел на метро», — писал в своих воспоминаниях бригадир проходчиков А. И. Холод (д. 295, л. 182)²². В обстановке товарищества и взаимопомощи исправлялись негативные стороны характера и раскрывались лучшие качества людей²³.

Сохранившиеся среди материалов Научного архива редакции «История метро» источники, особенно воспоминания и дневники метростроевцев, дают возможность судить о людях, строивших метрополитен, их мыслях и думах, идеалах и стремлениях, об особенностях психологии рабочего класса 30-х годов.

Метро строили романтики, мечтатели, глубоко верившие в торжество идей социализма. К такому выводу приводит анализ документов. «Метро — это замечательное дело. Подумать только, что под землей, где мрак и черви, пролетает поезд с живыми людьми, будет светло, как на улице, можно будет дышать, как в парке, можно читать, как в библиотеке. Под землей, подумайте! Ведь это же чудо! Чудо из чудес!» — писал в своих воспоминаниях один из метростроевцев (д. 431, л. 8). Но еще большим чудом были люди, строившие метро. Среди материалов Научного архива хранятся подлинники отзывов (на англ. яз.) о посещении строительства Генерального консула США в СССР Д. Хэнсона, журналиста В. Ф. Симмса и председателя американско-русской торговой палаты в СССР С. Вильямса. Что же больше всего поразило иностранцев? «Энергия и энтузиазм инженеров и рабочих», которые находили удовлетворение и даже «наслаждение» в своем труде, «тот прекрасный дух, которым воодушевлены рабочие» (д. 485, л. 1—6).

Архивные документы дают представление не только о производственной деятельности метростроевцев, но и об их быте, спортивной и культурной жизни стройки. Строители метро активно занимались физкультурой, военно-прикладными видами спорта. Как писала одна из газет того времени, вырезка из которой без названия газеты и даты сохранилась в фонде, Метрострой имел целый оборонный комбинат: пять учебных пунктов, аэроклуб и аэродром, планерную, парашютную и летную школы. Среди строителей было 1,5 тыс. ворошиловских стрелков, 2,5 тыс. значкистов ГТО (д. 140, л. 42). О физкультурной работе на шахтах рассказывают воспоминания метростроевцев (д. 243, л. 82—83 и др.). Из числа воспитанников аэроклуба Метростроя вышло 32 Героя Советского Союза²⁴.

²² Рассказы строителей метро, с. 200.

²³ См.: Дьячкова Т. Указ. соч., с. 87.

²⁴ Наржымский В. А. Орлиное племя — пилоты: Интервью с Героем Советского Союза. — Комс. правда, 1976, 10 дек.

Материалы фонда показывают, что, по-ударному работая, метростроевцы находили время для учебы, повышения общеобразовательного уровня 1 ноября 1933 г. на строительстве метро был открыт рабфак с обучением без отрыва от производства²⁵. Как свидетельствуют дневники и воспоминания рабочих, они активно занимались самообразованием, много читали, ходили в театры и кино (д. 431, л. 6; д. 297, л. 22, 29, 32; и др.).

Среди строителей Московского метрополитена было много талантливых людей, писавших стихи и прозу. В Научном архиве редакции имеются рукописи очерков, рассказов и стихов работников первой очереди метро (д. 447—460). Как свидетельствуют справки, отчеты, вырезки из газет и другие источники, на Метрострое работала литературная группа из 13 человек. В ее составе были поэты, прозаики и рабкоры по профессии кессонщики, арматурщики, проходчики, бетонщики. Анализ рукописей, планов глав книги, материалов периодической печати, имеющих в фонде, позволяет сделать вывод, что массовый характер приобрело на строительстве рабкоровское движение, в котором на 1 января 1935 г. участвовало 15 тыс. человек (д. 375, л. 130; д. 461, л. 13).

Большую помощь оказали строители метро в деле написания истории Московского метрополитена. Сохранились стенограммы вечеров воспоминаний, в которых они принимали активное участие (д. 240—274). Метростроевцы присутствовали при обсуждении рукописей, вели дневники, писали очерки, рассказы по истории метро. Среди материалов фонда находится машинописная копия письма Генерального секретаря ЦК ВЛКСМ, Главного редактора книг по истории метро А. В. Косарева комсомольцам и ударникам Метростроя (д. 217, л. 1) с призывом широко развернуть написание истории строительства Московского метро²⁶. «Вы должны помочь создать достойную вас книгу — книгу о самих себе», — писал Косарев, обращаясь к рабочим. Призыв Генерального секретаря ЦК ВЛКСМ вызвал большой резонанс среди метростроевцев. 27 июля 1934 г. Главная редакция «История фабрик и заводов» провела слет рабочих авторов Метростроя, на котором обсуждалось письмо Косарева. Они приняли на себя конкретные обязательства написать об отдельных эпизодах строительства и вызвали друг друга на соревнование по написанию лучшего очерка и воспоминаний о метро. Сохранились протоколы рабочих собраний, на которых обсуждалось письмо Косарева. Так, рабочие шахты № 18 в ответ на обращение взялись написать три очерка. 3 августа 1934 г. на кессонах были проведены две рабочие массовки. В результате 15 человек приняли на себя обязательство собрать архивы шахт № 21—23 к 15 августа, а трое рабочих решили принять участие в написании истории метро (д. 142, л. 142). На массовой рабочих шахты № 30 5 августа 1934 г. 500 строителей обсудили письмо А. В. Косарева и выдвинули ряд тем по истории метро, которые поручили осветить своим товарищам (д. 142, л. 138). Документы фонда позволяют раскрыть плодотворную деятельность Генерального секретаря ЦК ВЛКСМ, вожака молодежи 30-х годов А. Косарева в качестве Главного редактора «Истории метро»²⁷, о чем даже не упоминается в биографической литературе о нем. Как свидетельствуют справки, списки, отношения, извлечения и другие источники, Косареву приходилось заниматься литературными, организационными и хозяйственными вопросами (д. 142, л. 136, 137, 200 «Г»; д. 213, л. 13—14, 38—40, 44, 51, 59; д. 212, л. 144; д. 482, л. 7, 18, 19, 24; д. 212, л. 93 и др.)²⁸, много внимания он уделял работе с авторами книг. В этом убеждаешься, анализируя документы о совещаниях авторского коллектива, проходивших под председательством

²⁵ Сотсков. Каждому комсомольцу — среднее образование. — Ударник Метростроя, 1933, 13 дек. Отдельные экземпляры этой многотиражной газеты имеются в фонде.

²⁶ Подлинник письма в ЦА ВЛКСМ нами не обнаружен.

²⁷ Журавлев С. В. Верный сын Ленинского комсомола. — Комс. жизнь, 1983, № 22, с. 24—25.

²⁸ См. также: Ф. С. Метро в истории. Как будет создана книга? — Комс. правда, 1934, 27 июля; История метро. — Ударник Метростроя за технику, 1934, 20 окт.

А. В. Косарева в ЦК ВЛКСМ и редакции «История фабрик и заводов»²⁹. В сохранившихся приглашениях, уведомлениях о заседаниях, справках, отчетах и других документах имеются сведения о совещаниях 21, 23, 28 июля, 16 и 31 августа, 17, 22 октября 1934 г. и 25 февраля 1935 г. (д. 142, л. 133, 136, 137, 139, 200 «а» и «г»; д. 212, л. 100; д. 229, л. 1—5, 8, 9; д. 335, л. 41, 47; д. 348, л. 2). К сожалению, в фонде отсутствуют протоколы этих совещаний³⁰. Однако сохранились списки приглашенных на них лиц, извещения о времени и месте совещаний с указанием повестки дня, а иногда — краткая информация о ходе и результатах совещаний. На них приглашались писатели, рабочие авторы, представители администрации и общественных организаций Метростроя. На совещаниях обсуждались рукописи, решались организационные вопросы.

В силу ряда причин работа над серией книг по истории метро не была завершена. Увидели свет только два сборника — «Рассказы строителей метро» и «Как мы строили метро», вышедшие в Москве в 1935 г. и получившие высокую оценку современников³¹. Главным достижением сборников является создание из множества биографий метростроевцев, представленных в книгах, биографии цельного типа нового человека — строителя коммунистического общества. В фонде имеются подготовительные материалы к сборникам, гранки воспоминаний, не вошедших в сборники, а также варианты рукописей отдельных глав (д. 461—467, 471).

Значительный комплекс источников раскрывает подготовку третьей книги по истории метро (не издана). Сохранившиеся предварительная программа, первоначальные проекты книги, планы глав позволяют судить о ее содержании и размерах. Освещающая в хронологическом порядке основные этапы строительства метро, она должна была опираться на широкий круг источников: архивные материалы, текущую документацию Метростроя, рабочие дневники, воспоминания и опросы участников стройки. Объем предполагавшейся книги 25—30 п. л. с публикацией около 100 фотоиллюстраций, чертежей, карт и художественных репродукций (д. 376, л. 3—10; д. 376, 375; д. 375, л. 172 об.; д. 376, л. 6). В отличие от двух вышедших сборников, написанных самими участниками строительства, третья книга должна была создаваться в основном профессиональными писателями. В фонде имеются как подлинники, так и машинописные копии рукописей А. Жаковой, Б. Иллеша, И. Ильфа и Е. Петрова³², Г. Медынского, Д. Хаита, В. Б. Шкловского и др. (д. 377—467; д. 335, л. 5). Написание истории строительства Московского метрополитена было знаменательным явлением литературной жизни 30-х годов, требующим еще тщательного изучения.

Таким образом, исследование материалов фонда Главной редакции «История фабрик и заводов» ЦГАОР СССР по истории строительства первой очереди Московского метрополитена позволяет существенно расширить источниковую базу для глубокого изучения истории этой грандиозной стройки и для историографического исследования одного из важных этапов создания истории фабрик и заводов СССР.

²⁹ А. Косарев был одновременно и членом Главной редакции «История фабрик и заводов».

³⁰ В ЦА ВЛКСМ протоколы совещаний авторского коллектива под председательством А. В. Косарева также отсутствуют.

³¹ Попов М. Рассказы строителей метро. — Правда, 1935, 16 марта; Чернявская А. Рассказы строителей метро. — Лит. газ., 1935, 30 апр.; Теплов А. Как мы строили метро. — Лит. критик, 1936, кн. 2, с. 233—235; Петров Б. Как мы строили метро. — За большевистскую книгу, 1935, № 17—18, с. 11—13; и др.

³² Ильф И., Петров Е. Метрополитеновы предки. — Дни и годы Метростроя, с. 18—27.

ТВОРЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНОГО ФОНДА И. А. КУДРЯВЦЕВА

Документальные материалы советского историка Ивана Архиповича Кудрявцева (1903—1972) поступили в Архив АН СССР в ноябре 1975 г. от его дочери Л. И. Деревниной

Кудрявцев был одним из первых комсомольцев г. Рязани. Начав свое образование в Рязанской совпартшколе, он последовательно прошел путь от слушателя Института Красной профессуры до помощника руководителя отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Много сил Кудрявцев отдал деятельности в журналах «Историк-марксист», «Исторический журнал», «Вопросы истории». Работая на посту заведующего Отделом истории ВКП(б) и Советского общества, а затем и заместителем главного редактора журнала «Вопросы истории», Кудрявцев внес значительный вклад в дело развития исторической науки. Педагогическая деятельность его началась уже в 1921 г. в Рязанском рабоче-крестьянском университете и продолжалась до последних дней его жизни. Более 20 лет он отдал работе в МГИАИ (1949—1970), находясь на должности заведующего кафедрой истории СССР, проректора института по учебной и научной работе¹.

Изучение документального наследия Кудрявцева представляет интерес не только в плане познания биографии историка, но и в плане изучения истории социалистических преобразований в нашей стране, истории советской исторической науки и высшей школы². Материалы фонда включают 135 дел за 1919—1972 гг. Наибольший интерес в фонде представляют документальные материалы о творческой деятельности Кудрявцева, насчитывающие 95 ед. хр., обзорение которых и является задачей данной статьи.

Основные научные интересы Кудрявцева сосредоточивались в области отечественной истории XVIII—XIX вв., развития общественно-политической мысли в России XIX в. и историографии отечественной истории³. Он редактировал такие книги, как «История Москвы», т. 1 (1951), монография В. Е. Иллерицкого «Русская историография 2-й половины XIX в.» (1957).

Среди документов фонда сохранились рукописи И. А. Кудрявцева, содержащие формулировки замечаний о работах ряда авторов и отдельные абзацы, текстуально совпадающие с материалом некоторых редакционных статей в журналах, где он работал. Это позволяет утверждать, что Кудрявцев был одним из авторов редакционных статей «Об образовании Русского централизованного государства»⁴, «Против объективизма в исторической науке»⁵.

После дискуссии на страницах журнала «Вопросы истории» о проблемах централизации Российского государства Кудрявцев, судя по материалам фонда, занялся в широком плане изучением историографии этого вопроса, начиная с XVIII в. Сохранились сжатые формулировки основ-

¹ Иван Архипович Кудрявцев: [Некролог]. — ВИ, 1972, № 5, с. 220.

² Этот материал был частично использован в дипломной работе 1981 г. студента МГИАИ С. Кондракова «Обзор фонда И. А. Кудрявцева, хранящегося в Архиве АН СССР», написанной под руководством С. П. Бутько (преимущественно биографические материалы и некоторые документы, связанные с творческой деятельностью Кудрявцева).

³ К числу его опубликованных работ относятся: История СССР: Пособие для студентов-заочников педагогических вузов (М., 1948); Русская историография: Учебное пособие студентов МГИАИ (М., 1959—1960. Вып. 1, 2). Ред. совм. с В. Е. Иллерицким; Наша великая Родина. 2-е изд. (М., 1949); Ярославский Е. М. — редактор «Историка-марксиста» и «Исторического журнала» (ИЖ, 1944, № 56); статьи и заметки о революционных событиях и деятелях, напечатанные в «Историко-революционном календаре» в 1938, 1939 гг.

⁴ ВИ, 1946, № 11, 12.

⁵ Там же, 1948, № 12.

ных положений известных историографических концепций, выписки из трудов историков и первоисточников. Имеется развернутый план доклада «Вопрос об образовании централизованного государства». Обилие сохранившихся материалов дает основание предполагать, что в замыслы Кудрявцева входило написание специальной работы (видимо, монографического характера) по этой проблематике. Детальное изучение историографии начала XIX в. привело Кудрявцева к монографическому изучению трудов Н. М. Карамзина и М. Т. Каченовского и к написанию одной из первых советских диссертаций по историографии «„История государства Российского“ Н. М. Карамзина в русской историографии», защищенной в 1955 г. В предварительном отзыве на эту диссертацию академик М. Н. Тихомиров отметил: «Труд И. А. Кудрявцева написан на очень интересную тему, притом такую тему, которая крайне редко изучается в наших специальных работах; обычно ограничиваются краткими и часто устаревшими историографическими замечаниями о «Истории государства Российского». Между тем многотомная история России, написанная Карамзиным, на протяжении долгого времени была предметом не только ученых, но и политических споров. И хотя это произведение решительно устарело уже к середине XIX в., оно продолжало еще являться основным пособием для составителей разного рода описаний городов и монастырей даже в начале XX в.

Труд И. А. Кудрявцева очень подробно и основательно следит за тем, какие споры возникали вокруг «Истории государства Российского» в русской историографии. . . Она (диссертация. — А. М.) дает много нового и ценного материала не только для русской историографии в узком смысле этого слова, но и для истории русской общественной мысли. В поле внимания исследователя попадают давно забытые, но крайне интересные с историографической точки зрения работы, о которых ничего не сообщают наши книги и статьи по историографии XIX в. Здесь много ценных и новых материалов, которые заново изучаются диссертантом. Этот исследовательский характер труда И. А. Кудрявцева придает ему особую ценность»⁶. (Тот же отзыв находится в личном фонде М. Н. Тихомирова⁷.) До последних дней Кудрявцев продолжал заниматься этой темой, что нашло воплощение в его напечатанных трудах⁸ и рукописных материалах о Карамзине и Каченовском, в частности в неопубликованной статье «М. Т. Каченовский и его работы по вопросам русской истории». Можно полагать, что она должна была войти в монографию «Скептическая школа в русской историографии», замысел которой вынашивал историк.

В фонде имеются черновые материалы и библиографические выписки по таким проблемам, как русская историография, русская общественно-политическая мысль, вопросы социально-экономического развития России XIX в., история русской журналистики, современная зарубежная историография по истории СССР. О широте кругозора Кудрявцева может свидетельствовать тематика его докладов: «О древнейшей переводной и об оригинальной древнерусской литературе» (1940-е годы), «Историческое значение Отечественной войны 1812 г.» (1962); «Буржуазия и „прогрессивный блок“» (1933); «Советская интеллигенция в Отечественной войне» (1944).

Сохранилось большое количество документов, позволяющих составить картину напряженной работы И. А. Кудрявцева в редакциях журналов. В частности, имеется стенограмма заседания читательского и авторского актива журнала «Вопросы истории» от 23 апреля 1948 г., где он выступил с отчетным докладом о деятельности редакционной коллегии.

⁶ ААН, ф. 1960, оп. 1, д. 90.

⁷ Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР: Науч. описание / Сост. И. П. Старовойтова. М., 1974 (№ 321).

⁸ Н. М. Карамзин — представитель реакционной дворянской историографии. — В кн.: Историография истории СССР. М., 1961; 2-е изд. М., 1971; Карамзин Н. М. — СИЭ, 1965, т. 7; «Вестник Европы» М. Т. Каченовского об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. — ТМГИАИ, 1965, т. 22.

Особое место среди творческого наследия И. А. Кудрявцева занимают рецензии и отзывы, принадлежащие его перу. В их числе отзывы на докторскую диссертацию Н. Н. Яковлева «Вооруженные восстания в декабре 1905 г.» (1956); на докторскую диссертацию В. Е. Иллерицкого «Революционно-демократическое направление в русской историографии» (1961); рецензия на рукопись «В. И. Ленин и историческая наука» для Института истории АН СССР (1966); рецензия на рукопись VI т. много-томной «Истории СССР», подготовленной Институтом истории АН СССР (1967).

Рецензии Кудрявцев писал, детально анализируя работы авторов. Сохранившиеся документы свидетельствуют о большом авторитете Кудрявцева у советских историков как рецензента, умевшего не только указать на ошибки, но и дать позитивную постановку решения вопроса, старавшегося определить перспективы дальнейших исследований. В фонде сохранились отзывы на труды многих авторов, нередко с постраничными замечаниями: на рукопись Н. Н. Петровского «Воссоединение украинского народа в едином украинском советском государстве»; статью П. Гагарина «О так называемом „завоевании“ Забайкалья»; курс лекций К. В. Базилевича «История СССР от древнейших времен до конца XVII века» (М., 1950); книгу Э. Б. Генкиной «Ленин — председатель Совнаркома и СТО. Из истории государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1922 годах» (М., 1960); лекцию В. Е. Иллерицкого «Современная буржуазная историография о развитии России в конце XIX—начале XX вв.» и др. Охарактеризовав книгу И. И. Смирнова «Иван Грозный», изданную в 1944 г., Кудрявцев писал: «Мне думается, что настала пора потребовать от советских историков не популярной работы, а серьезной монографии, в которой бы подводился итог всей научной разработки эпохи Грозного, и, в частности, в сравнительно-историческом освещении. . . Нужно было бы более подробно остановиться на политическом и теоретическом анализе земских соборов, сопроводив этот анализ сравнениями с Европой. Это тем более необходимо сделать, что по вопросу о роли земских соборов среди историков до сих пор нет еще единого мнения»⁹. Высоко оценив книгу М. М. Штранге «Демократическая интеллигенция России в XVIII веке» (М., 1965), Кудрявцев писал, что «едва ли правомерно связывать развитие и распространение идей Просвещения только с деятельностью разночинной интеллигенции. Ведь и значительные круги дворянской интеллигенции оказались под влиянием идей Просвещения»¹⁰. В этом же отзыве Кудрявцевым было сформулировано важное для историков и, в частности, археографов положение: «Нужно отказаться от неправильной установки — публиковать только новые документы, и притом только хранящиеся в государственных архивах»¹¹.

Уделяя особенное внимание историографии, в частности выявлению историографических фактов в русской периодической печати XIX в., Кудрявцев выступал и с оценкой докладов других авторов. Например, полемизируя с Е. А. Луцким по его докладу «М. Н. Покровский и советская историческая наука» (1962), он высказывал мнение, «что едва ли правильно Покровского в годы 1905—1917 оценивать как историка-марксиста»¹². В рецензиях встречаются замечания методического и одновременно историографического характера. Так, в одной из рецензий читаем: «Автор страдает болезнью молодых историков: у него взгляды не вытекают из анализа фактов, а анализ фактов подгоняется под выводы»¹³.

Значительное место в фонде занимают документальные материалы, связанные с педагогической деятельностью Кудрявцева. Это лекции по истории СССР (IX—XIX вв.) и материалы к ним и, в частности, «Россия

⁹ ААА, ф. 1960, оп. 1, д. 48, л. 2, 4.

¹⁰ Там же, д. 56, л. 4.

¹¹ Там же, л. 1, 2.

¹² Там же, д. 59, л. 1.

¹³ Там же, д. 123, л. 1.

в первой половине XVII в.», «Борьба украинского народа с польским владычеством и присоединение Украины к русскому государству», «Крестьянская реформа 1861 года», «Завоевание Средней Азии» и др. Сохранились и его методические замечания к проведению лекций. Кудрявцев писал: «Чтобы курс лекций был интересен для студентов, нужно коренным образом его перестроить. Фактологическое направление лекционного курса, может быть, и заинтересует студентов, если лекции читаются живо и образно; но они, как правило, не будят творческой мысли студентов, толкают их на заучивание, зубрежку. В большинстве же случаев, особенно когда лекции читаются сухо, фактологическое направление их, как правило, не вызывает интереса студентов, они скучают на них. Если же студенты вынесли довольно прочные знания из средней школы, то наши лекции им кажутся знакомыми, повторением того, что они уже проходили.

Мне кажется, что наши лекционные курсы необходимо строить в проблемном и историографическом направлении. Это обозначает, что лектор должен не стремиться излагать все события, а исходить из того, что события эти студенты уже знают или могут познаться по учебнику. Лектор должен сосредоточить все внимание на раскрытии основных проблем или вопросов темы, давать им марксистскую трактовку, показывать различные точки зрения на данный вопрос и раскрывать пути решения вопроса. Особенно важно раскрывать перед студентами пути решения проблемы, лабораторно-научной работы. Мне думается, что при такой постановке лекционных курсов студенты быстро поймут, что они не повторяют учебника, а возвышаются над ним, что они расширяют кругозор слушателя, помогают овладеть материалом учебника и т. д., а, поняв все это, они будут лучше относиться к лекциям, лучше слушать их.

Все это правильно и хорошо, но как воплотить эти идеи, установки? Мне думается, что здесь следует усиленно поработать лектору. Создать фактологический курс лекций гораздо проще и легче, чем проблемно-историографический курс. Но его нужно создавать, идя от темы к теме. На первый раз пусть не все темы будут разработаны в таком плане, зато во второй раз тем, разработанных таким образом, будет больше. К сожалению, нет рецептов, как разрабатывать в этом плане отдельные темы курса. Это должен решать сам лектор. Здесь все решает эрудиция лектора, его чутье и опыт. Именно в таком плане я попытался построить лекцию о декабристах. Удалась ли она?»¹⁴.

Много внимания Кудрявцев уделял вопросам построения семинаров, роли руководителя семинара, оценке студенческой работы. Он писал: «Руководитель семинара обязан назубок знать всю источниковедческую базу доклада, иметь точное представление о ее содержании и особенностях, а также досконально изучить доклад самого студента»¹⁵. Не случайно, многие из учеников Кудрявцева стали преподавателями, которые читают лекции нынешнему поколению студентов.

О широте интересов И. А. Кудрявцева как историка и наставника молодого поколения говорит и тематика дипломных работ в МГИИ (1958—1970), выполненных под его руководством. Эти работы связаны с проблематикой истории первой революционной ситуации в России. Среди них — «Мировые посредники первого призыва»; «Депутаты и редакционные комиссии в подготовке крестьянской реформы 1861 г.»; «Либерал Кавелин в период подготовки и проведения реформы 1861 г.»; «Крестьянский вопрос в „Журнале земледельцев“ 1858—1860 гг.»; «Журнал „Сын Отечества“ в период первой революционной ситуации в России»; «„Земледельческая газета“ в период подготовки и проведения крестьянской реформы (1857—1863 гг.)»; «Крестьянское движение на страницах „Колокола“ в период подготовки и проведения реформы (1857—1863 гг.)»; «Журнал „Атеней“ в период подготовки крестьянской реформы (1858—

¹⁴ ААН, ф. 1690, оп. 1, д. 102.

¹⁵ Там же, д. 104, л. 121.

1859 г.); «„Московские ведомости“ в период подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г.»; «Крестьянский вопрос на страницах журнала „Экономический указатель“ в период обсуждения и проведения крестьянской реформы 1861 г.»; «„Русский вестник“ в период подготовки крестьянской реформы 1861 г.»; «„Отечественные записки“ в период подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г. (позиция журнала по крестьянскому вопросу, об экономическом развитии России и некоторым другим вопросам внутренней политики)»; «Воскресные школы в период первой революционной ситуации в России (1859—1861 гг.)»; «Малый театр в период подготовки и проведения крестьянской реформы», а также работы по истории второй революционной ситуации: «Газета „Порядок“ в период второй революционной ситуации»; «История военной организации партии „Народная Воля“»; «Газета „Русские ведомости“ в период второй революционной ситуации (1879—1881 гг.)»; «Журнал „Русское богатство“ в период второй революционной ситуации (1879—1881 гг.)» и др. Многие работы его учеников связаны с историей русской исторической науки первой половины XIX в.: «Вопросы русской истории в журнале „Московский вестник“, издаваемом М. П. Погодиным в 1827—1830 гг.»; «Вопросы истории России в „Вестнике Европы“ М. Т. Каченовского (1804—1830 гг.)»; «Сергей Михайлович Строев (Скромненко) — историк и археограф (1815—1840 гг.)»; «Вопросы русской истории в журнале „Московский телеграф“ Н. А. Полевого (1825—1834 гг.)»; «Вопросы русской истории в журнале О. И. Сенковского „Библиотека для чтения“».

Интересные для историка данные обнаруживаются и в некоторых письмах Кудрявцева и письмах, ему адресованных, связанных с редакционной деятельностью (Н. М. Дружинина, В. К. Яцунского, В. В. Мавродина).

Научную деятельность Кудрявцева высоко оценивали видные советские историки. В фонде имеются отзывы на его работы, написанные в 1933—1935 гг. С. А. Пионтковским, Б. Д. Грековым, В. И. Пичетой, М. Н. Тихомировым, А. М. Панкратовой; В. В. Мавродиным, В. Е. Иллерицким, Е. Н. Городецким и другими видными учеными.

Рассмотренное документальное наследие представляет существенный интерес для изучения истории советской исторической науки, и в частности для исследования творчества видного ее представителя И. А. Кудрявцева.

Г. М. Арагамия

НОВИНКИ ГРУЗИНСКОЙ АРХЕОГРАФИИ (1982—1983)

Археографическая деятельность, традиционно занимающая ведущее место в работе грузинских источниковедов, в настоящее время ведется в нескольких научных центрах Грузии: Институте истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили, Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе¹, Институте востоковедения им. Г. В. Церетели АН ГССР, на кафедрах Тбилисского государственного университета, в государственных архивах республики. Работу по подготовке к изданию древнегрузинских письменных памятников, а также иноземных источников, повествующих о Грузии, координирует Комиссия по источникам истории Грузии при Президиуме АН ГССР (председатель — академик АН ГССР Ш. В. Дзидзигури), ставящая также целью разработку и совершенствование методов публикации исторических текстов. Эти два основ-

¹ См.: *Абуладзе Ц. А.* Описание и изучение восточных письменных памятников в Институте рукописей АН ГССР. — АЕ за 1981 год. М., 1982, с. 89—94.

ных направления — издание письменных памятников и работа над общетеоретическими вопросами — были определяющими в грузинской археографии и в 1982—1983 гг. Учитывая опыт публикации как оригинальных, так и переводных памятников, грузинские археографы в каждом отдельном случае разрабатывают соответствующие рекомендации, обращают особое внимание на выявление, текстологическое изучение и издание грузинских письменных исторических источников. Обобщения и наблюдения, полученные в результате длительной работы над древнегрузинскими историческими источниками, касающиеся коренных вопросов грузинской археографии и эдической практики, ставят вопрос о разработке специальных правил научной публикации древнегрузинских письменных памятников.

Большинство текстов древнегрузинских исторических памятников дошло до нас в сильно искаженном виде, что вызывает необходимость их глубокого текстологического исследования и реконструкции. В первую очередь это касается сборника древнегрузинских летописей «Картлис цховреба», над изданием текста которого трудилось не одно поколение ученых XIX—XX вв. Основные итоги, полученные в данной области, нашли отражение в двухтомном издании упомянутого свода². В настоящее время на повестке дня стоит вопрос о целесообразности издания реконструированных текстов сочинений «Картлис цховреба» (каждого в отдельности). Предварительная работа предусматривает тщательное изучение важнейших рукописей свода, дальнейшее уточнение и восстановление искаженных и неясных мест (а их довольно много), разработку методики публикации. В изданных исследованиях особое внимание уделяется текстам «Истории и восхваления венценосцев» (XIII в.) и «Столетней летописи» анонимного историка XIV в., дошедшим до нас в наиболее плохом состоянии. На основе изучения грузинского материала разрабатываются такие узловыe проблемы археографии, как типы издания, основные принципы и методы публикации письменных исторических источников, подчеркивается недопустимость смешения разных редакций, необходимость изучения генетических связей текстов, возможность частичной реконструкции текстов, но поддающихся исправлению на основе показаний списков, и т. д.³

В последнее время значительное внимание уделяется разработке вопросов историографии грузинского источниковедения. Изучение богатых традиций грузинской археографии, выявление ее характерных особенностей имеют важное значение для определения новых направлений исследовательской работы в этой отрасли. Изучению деятельности известного грузинского историка, члена-корреспондента Российской АН, Д. З. Бакрадзе (1828—1890) в области грузинского источниковедения и археографии посвящена работа Г. З. Анчабадзе⁴. В ней излагаются взгляды Д. З. Бакрадзе на правила и методы публикации письменных памятников. В работе рассматриваются заслуги Д. З. Бакрадзе в области выявления, изучения и публикации эпиграфических, документальных и повествовательных источников, оценивается научный уровень осуществленных им изданий, вполне отвечающий степени развития археографии того времени. Проведенная Д. З. Бакрадзе работа по выявлению и изданию грузинских надписей тем более важна, что часть памятников с этими надписями ныне находится вне пределов СССР.

В рассматриваемый период осуществлено издание критически установленного текста сочинения Теймураза Багратиони «Новая история»,

² Картлис цховреба (История Грузии): Текст, установленный по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955. Т. 1; 1959. Т. 2.

³ Кикнадзе Р. К. Вопросы источниковедения истории Грузии. Тбилиси, 1982. Т. 1; На груз. яз.; Кикнадзе Р. К. Очерки по источниковедению истории Грузии. Парсадан Горгиджанидзе и «Картлис цховреба»: Автореф. дис. . . д-ра ист. наук. Тбилиси, 1982.

⁴ Анчабадзе Г. З. Дмитрий Бакрадзе как источниковед и археограф. Тбилиси, 1982. На груз. яз.

содержащего рассказ о событиях истории Грузии 1744—1819 гг.⁵ Наряду с повествовательными источниками издаются и документальные. Они занимают большое место в сборнике материалов по истории Южной Грузии. В него вошли 46 документов XIII—XV вв., а также синодик Алского монастыря (Южная Грузия) с исследованием и комментариями; описанные рукописи 1241 г. Пархальского монастыря (Южная Грузия) и ее приписки, имеющие историческое значение. К публикации приложены фотокопии рукописей⁶.

В 1983 г. было отмечено 200-летие дружественного договора между Восточной Грузией и Россией. В связи с юбилейной датой Г. Г. Пайчадзе и В. Г. Мачарадзе осуществили два самостоятельных издания грузинского и русского текстов договора. Публикации включают текст, подписанный в Георгиевске 24.07 1783 г., текст, ратифицированный 24.01 1784 г. царем Восточной Грузии Ираклием II, официальные документы на грузинском и русском языках, связанные с оформлением договора. К изданию прилагаются факсимиле грузинских текстов⁷.

В последние годы заметно активизировалась деятельность по переводу грузинских исторических источников на русский язык. К этой сложной и важной работе подключены и специалисты, работающие в московских и ленинградских научных учреждениях.

В посмертную публикацию С. С. Какабадзе включены русские переводы грузинских исторических документов IX—XV вв., хранящихся в ЛО ИВАН, с комментариями и разъяснениями. Большая часть документов переведена и стала доступной русскому читателю впервые⁸. Издан также новый русский перевод известного грузинского исторического сочинения XI в. из свода «Картлис цховреба» — «Летопись Картли». Переводу предпослано пространное исследование, в котором рассматриваются вопросы источниковедческой критики «Летописи Картли», в примечаниях даются необходимые разъяснения и комментарии⁹.

История грузинских печатных изданий берет начало в Италии, в Риме, где в первой половине XVII в. (1629 и 1643 гг.) в типографии «Пропаганда фиде» трудами и усилиями грузина Н. Ирбаха (Ирубаксидзе-Чолокашвили) и итальянцев С. Паolini и М. Маджо были напечатаны первые грузинские книги. Первые образцы грузинской печатной продукции переизданы недавно в виде фототипных копий. В предпосланных изданию исследованиях излагается история грузинского книгопечатания¹⁰.

В последнее время широко развернулась работа по подготовке к печати древнегрузинских переводных текстов. В частности, изданы две книги (т. V, VI) серии «Памятники древнегрузинской литературы». Это дидактические «Поучения» византийского церковного деятеля IV в. Василия Кесарийского, переведенные на грузинский язык видным представителем древнегрузинской литературы Евфимием Афонским (X—XI вв.), и грузинские переводы XII в. двух сочинений византийского неоплатоника конца V—начала VI в. Аммония, сына Гермия, — «Толкование „Введения“ Порфирия» и «Толкование „Категории“ Аристотеля». Критические тексты указанных переводов снабжены обширными исследованиями и словарями¹¹.

⁵ *Багратиони Теймураз*. Новая история / Текст подгот., исследованием, указателями снабдила Л. В. Микиашвили. Тбилиси, 1983. На груз. яз.

⁶ *Материалы по истории Южной Грузии (XIII—XV вв.)* / Подгот. Х. Г. Шарашидзе. Тбилиси, 1982. На груз. яз.

⁷ *Георгиевский трактат* / Подгот., снабжен введ. и примеч. Г. Г. Пайчадзе. Тбилиси, 1983; *Георгиевский трактат* / Исслед. документы, фотокопии В. Г. Мачарадзе. Тбилиси, 1983.

⁸ *Грузинские документы IX—XV вв. в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР* / Пер. и коммент. С. С. Какабадзе. М., 1982.

⁹ *Летопись Картли* / Пер., введ. и примеч. Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982.

¹⁰ *Чикобава А. С., Ватейшвили Д. Л.* Первые грузинские печатные издания. Тбилиси, 1983.

¹¹ «Поучения» Василия Кесарийского в переводе Евфимия Афонского / Подгот., исслед. и словарем снабдила Ц. И. Курцикидзе. Тбилиси, 1983; *Сочинения Аммония, сына*

Продолжается критическое издание так называемой «Мцхетской рукописи», редактированной известным грузинским писателем конца XVII—начала XVIII в. С.-С. Орбелиани. Памятник имеет важное значение для изучения древней грузинской социально-экономической терминологии и вообще древнегрузинского языка. В 1982—1983 гг. вышли две книги этого пятитомного издания с исследованием и указателями¹² (первая книга издана в 1981 г.).

По рукописям XIII—XVI вв. издан также текст грузинского перевода XI—XII вв. византийского сочинения о построении храма св. Софии в Константинополе. Текст снабжен научным аппаратом. Во введении дано описание рукописей, рассмотрены вопросы взаимоотношений греческого и грузинского текстов¹³.

Продолжается изучение и перевод на грузинский язык иностранных исторических источников. В 1982—1983 гг. было издано несколько ценных сборников и отдельных работ, посвященных публикации древнегреческих, арабских, персидских, турецких, западноевропейских исторических материалов о Грузии.

Опубликована V книга корпуса «Сведения греческих писателей о Грузии», в которую включены греческие тексты с комментированным грузинским переводом фрагментов о Грузии из сочинений древнегреческих авторов Иосифа Флавия (I в.) и Флавия Арриана (II в.)¹⁴.

Подготовлена к печати и издана с исследованиями и примечаниями греческая версия «Жития Иоанна, Евфимия и Георгия Афонских», известных церковных деятелей, книжников и переводчиков XI в., составленная в первой половине XVIII в. монахом-греком из грузинского монастыря на Афонской горе¹⁵.

Академик АН АЗССР З. М. Буниятов опубликовал русский перевод и арабский текст выдержки сочинения арабоязычного историка XIII в. Муваффака ад-Дина ибн ал-Лабада «Китаб ат-Тарих», в которой излагаются события из истории Грузии 20-х годов XIII в.¹⁶

Специальная работа посвящена публикации персоязычных писем, хранящихся в Матенадаране. Эти письма представляют копии посланий, отправленных в 80-х годах XVIII в. ереванскими ханами царскому двору Грузии. Публикуются как персидские тексты писем с факсимиле, так и их грузинские переводы. К работе приложены также сокращенные грузинские переводы более 50 писем, посланных ереванскими ханами во второй половине XVIII в. различным лицам в Грузию. Во введении дана археографическая характеристика издаваемых документов¹⁷.

Опубликованы тексты с факсимиле и грузинские переводы пяти турецких документов XVI в. с соответствующими разъяснениями, отражающие социальное и политическое положение завоеванной турками Южной Грузии в первой четверти XVI в.¹⁸

Продолжается публикация османских документов XVII—XVIII вв. о Грузии, хранящихся в Болгарии, в восточном отделе Софийской национальной библиотеки им. Кирилла и Мефодия. Документы подобраны

Гермия, в грузинской литературе / Подгот. текста Н. Кечагмадзе, М. А. Рапава. Исслед., словарь и указатели М. А. Рапава. Тбилиси, 1983.

¹² Мцхетская рукопись / Текст подгот. к изд. Е. И. Дочанашвили (Книга царства, Паралипоменон, Книги Эздры). Тбилиси, 1982 (Книги Товита, Иудифи, Есфири, Иова, Псалтырь, Книги притчей Соломоновых). Тбилиси, 1983.

¹³ Византийский трактат о построении храма св. Софии и его средневековый грузинский перевод / Подгот. текста к изд., исслед., коммент. и словарь О. Беридзе. Тбилиси, 1982.

¹⁴ Сведения греческих писателей о Грузии. Кн. V / Пер. с древнегреч., предисл. и указатели Т. С. Каухчишвили. Тбилиси, 1983.

¹⁵ Греческое житие Иоанна, Евфимия и Георгия Афонских / Греч. текст с груз. пер. и исслед. подгот. к изд. М. Мачханели. Тбилиси, 1982.

¹⁶ Буниятов З. М. Еще одна неизвестная страничка из истории средневековой Грузии. — Изв. АН ГССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусств, 1982, № 4.

¹⁷ Чейшвили А. С. Письма, присланные ереванскими ханами в Грузию. Тбилиси, 1982.

¹⁸ Турецкие источники по истории Самцхе-Саатабаго первой четверти XVI в. / Пер. с тур., исслед. и коммент. Ц. А. Абуладзе. Тбилиси, 1983.

тематически и касаются Анаклийской, Рухской и Кутаисской крепостей в Западной Грузии. Публикации снабжены введением, грузинским переводом, факсимиле документов, терминологическим словарем и указателями¹⁹.

Увидали свет грузинские комментированные переводы материалов по истории Грузии из европейских архивов и книгохранилищ, относящиеся к первой четверти XVIII в. и составленные на французском, латинском и турецком языках²⁰.

Плодотворная деятельность ведется в Грузии по выявлению, фиксации и изучению эпитафических памятников. В настоящее время работают две постоянные археографические экспедиции Комиссии по источникам истории Грузии.

Экспедиция по изучению греческих надписей в Грузии в составе члена-корреспондента АН СССР Т. С. Каухчишвили (руководитель экспедиции) и В. В. Вашакидзе в 1982—1983 гг. изучала греческие надписи, сохранившиеся на культовых зданиях и в музеях, расположенных на территории Западной и Южной Грузии, сняла с них фотокопии и прорисы. Материалы экспедиции предназначены для намечающегося к изданию Корпуса греческих надписей на территории Грузии.

В 1982—1983 гг. Атенская эпитафическая экспедиция (руководитель З. Н. Алексидзе) продолжала обработку, всестороннее текстологическое изучение и подготовку к изданию фресковых надписей, выявленных в результате многолетней деятельности в Атенском Сионе. Определенная часть из материалов экспедиции опубликована З. Н. Алексидзе, в работе которого детально изучены тексты четырех фресковых надписей, датирующихся IX в., представлены фотокопии и прорисы названных надписей²¹.

Начиная с 1979 г. Комиссия по источникам истории Грузии в различных городах республики регулярно проводит научные сессии, на которых наряду с важными проблемами общего и теоретического источниковедения обсуждаются и вопросы археографического изучения и издания письменных исторических источников. В октябре 1982 г. в г. Сухуми была проведена Всесоюзная научная сессия «Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников». Вместе с грузинскими источниковедами в работе сессии приняли участие ведущие специалисты из Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Баку, Еревана, Махачкалы²².

¹⁹ Шенгелия Н. Н. Османские документальные источники об Анаклийской и Рухской крепостях. Тбилиси, 1983. На груз. яз.; Она же. Османские финансовые документы первой четверти XVIII в. о Кутаисской крепости. — Изв. АН СССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусств, 1983, № 1, с. 155—169.

²⁰ Табагуа И. М. Материалы по истории Грузии первой четверти XVIII в. Тбилиси, 1982 (турецкий текст перевел акад. АН СССР С. С. Джикия).

²¹ Алексидзе З. Н. Четыре фресковые надписи Атенского Сиона. Тбилиси, 1983. На груз. яз.; рез. на рус. яз.

²² См.: ВИ, 1982, № 4, с. 152.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В. Р. ЛЕЙКИНОЙ-СВИРСКОЙ¹

1922

Ф. М. Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской, — Былое, № 20, с. 304—309.

1924

Петрашевцы: С библиографическим указателем и биографическим алфавитом / Под ред. П. Е. Шеголева. М. 148 с.

Петрашевец Н. А. Момбелли. — Былое № 26, с. 61—70.

Петрашевец Н. А. Спешнев. — Былое, № 25, с. 12—31.

¹ Составитель О. Н. Ансберг. Указанные в списке работы опубликованы за подписями В. Лейкиной, В. Р. Лей-

киной, В. Р. Свиурской, В. Р. Лейкиной-Свиурской.

Октябрь по России. — ПР, № 2, с. 185—234; № 11, с. 234—255; № 12, с. 238—254.

Рец. на кн.: Добраницкий М. М. Систематический указатель литературы по истории русского революционного движения. М.; Л., 1926. 152 с. — ПР, № 12, с. 206—267.

Сост.: Петрашевцы в воспоминаниях современников: Сб. материалов / Под ред. П. Е. Щеголева. М.; Л. 295 с.

1927

Сост., подгот. публ.: Петрашевцы: Сб. материалов. Т. 2. Статьи, доклады, показания / Ред. П. Е. Щеголева. М.; Л. 261 с.

1928

Подгот. публ.: Докл. генерал-аудиториата. — В кн.: Петрашевцы: Сб. материалов. Т. 3 / Ред. и предисл. П. Е. Щеголева. М.; Л., с. 3—341.

Сост.: Биографический алфавит лиц, судившихся и привлекавшихся к следствию по делу Петрашевского и подвергшихся взысканиям. — Там же, с. 345—357.

Сост.: Библиография, 1840—1927. — Там же, с. 373—389.

1929

Поход Юденича. Л. 84 с.
Реакционная демократия 60-х годов. Почвенники. — Звезда, № 6, с. 168—182.

Подгот. публ.: Безднинское восстание 1861 г.: [Показания крестьян по делу об Антоне Петрове]. — КА, № 5 (36), с. 180—191.

1930

Октябрь в литературе. — Книга и оборона СССР, № 3/4, с. 9—12.

1931

К вопросу о методологии библиографии гражданской войны. — Книга и оборона СССР, № 3, с. 38—41.

Новая выставка в Ленинградском музее Революции. — Сов. музей, № 6, с. 33—41.

Покушение на царскую яхту [«Ливадия»]. — Каторга и ссылка, № 3, с. 149—155.

1932

Игра [лото] «Красная Армия» / Под ред. Г. А. Вещезерского. Л. [Надписи на таблицах-картинках].

Подгот. публ., примеч.: Архив «Земли и Воли» и «Народной воли» / Ред. и вступ. статья С. Н. Валка. М. 451 с. (совм. с Н. Л. Пивоварской).

1933

Краткий путеводитель по первой части I отдела Государственного музея Революции в Ленинграде: От Пугачевщины до зарождения рабочего движения. Л. 38 с.

Государственный музей Революции. — В кн.: Ленинград: Путеводитель. Т. 2. Прогулки по городу. Музеи. Научные учреждения. М.; Л., с. 450—458.

Ленинград в гражданской войне. В кн.: Ленинград: Путеводитель. Т. 1, История, экономика, культура. М.; Л., с. 151—168.

Выставка по истории гражданской войны в Ленинградском государственном музее Революции. — Сов. музей, № 2, с. 56—62.

1937

Подгот. публ.: Дело петрашевцев. М.; Л. Т. 1. 584 с. Предисл., с. V—XXIII (совм. с М. В. Нечкиной).

1941

Подгот. публ.: Дело петрашевцев. М.; Л. Т. 2. 460 с. Предисл., с. 5—12.

1945

Академическая типография за 220 лет. — ВАН, № 5/6, с. 228—232.
Караванный бунт. — ВИ, № 3/4, с. 118—123.

1946

Из истории славянских научных связей. Первый съезд русских славистов. — Науч. бюл. ЛГУ, № 11/12, с. 85—89.

1947

Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо. — Вестн. ЛГУ, № 4, с. 151—158.

Подгот. публ., примеч.: Переписка А. А. Шахматова с академиком И. В. Ягичем (1881—1894). — В кн.: Академик А. А. Шахматов. М.; Л., с. 13—104 (совм. с С. А. Шахматовой-Коплан).

1948

Коми-пермяки в составе царской России. Великая Октябрьская социалистическая революция и коми-пермяки. — В кн.: Коми-Пермяцкий национальный округ. М.; Л., с. 124—148.

Из истории славянских научных связей. 1. Первый съезд русских славистов. 2. Союз славянских академий. — Учен. зап. Ин-та славяноведения. Т. 1, с. 358—368.

Сост., подгот. публ., примеч., аннот. имен. указ. Документы к истории славяноведения в России (1850—1912) / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 402 с. (совм. с Л. В. Разумовской).

1949

Российская Академия наук в борьбе за равноправие украинского языка. — В кн.: Мовознавство. Київ, с. 60—71 (Наук. зап. АН УРСР, т. 7).

1950

Рец. на кн.: Перевалов В. А. Ломоносов и Арктика. М.; Л., 1949. 504 с. — ВИ, № 10, с. 104—106.

Сост.: Летопись Академии наук (1917—1947). — В кн.: Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947) / Под ред. С. И. Вавилова. М.; Л., с. 17—354 (совм. с А. А. Елисеевым).

Сост.: Научный состав Академии наук СССР. — Там же, с. 356—459 (совм. с Л. Б. Модзалевским, М. В. Крутиковой).

Документы о Ломоносове в Центральном государственном архиве военно-морского флота в Ленинграде. — В кн.: Ломоносов. М.; Л., т. 3, с. 457—470.

Документы о Ломоносове в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде. — Там же, с. 427—455 (совм. с Е. Н. Сусловой).

Подгот. публ.: Дело петрашевцев / Общ. ред. С. Н. Валка. М.; Л. Т. 3. 518 с. Предисл., с. 3—11; аннот. имен. указ. к т. 1—3, с. 465—512.

1952

Подгот. к печати: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747—1765 гг. М.; Л. 685 с. Примеч. к работам 3, 5—15, 19; к 1, 2, 4, 16—18, 20 — совм. с А. И. Андреевым, с. 627—668.

1954

Революционная практика петрашевцев. — ИЗ, т. 47, с. 181—223.

Рец.: Публицистика петрашевцев. (Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. 821 с.). — Новый мир, № 9, с. 278—281.

1955

Атеизм петрашевцев. — Вопр. истории религии и атеизма, М., т. 3, с. 214—236.

Утопический социализм петрашевцев. — В кн.: Из истории социально-политических идей: Сб. статей. К 75-летию акад. В. П. Волгина. М., с. 401—441.

Рец.: Забытый историк-публицист. (Кабанов П. И. Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Шапова. М., 1954, 88 с.). — Новый мир, № 6, с. 310—312.

Коммент. к публ.: Письма А. А. Чумикова к Герцену / Подгот. к печати М. Поляков. — Лит. наследство, М., т. 62, с. 719, 722—723, 725 (без подписи).

1956

Петрашевцы. Л. 45 с.

Петрашевцы и общественное движение 40-х годов XIX в.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Л. 24 с.

О характере кружков петрашевцев. — ВИ, № 4, с. 96—106.

Подгот. публ., вступ. статья, коммент.: Записка о деле петрашевцев: Рукопись Ф. Н. Львова с пометками М. В. Бутаевича-Петрашевского. — Лит. наследство, М., т. 63, с. 165—190.

1957

История. — В кн.: История Академии наук, т. 1. XVIII век. М.; Л., с. 397—405.

Просвещение. — В кн.: Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия во 2-й четверти XVIII в. М., с. 441—450.

1958

Формирование разночинской интеллигенции в России в 40-х годах XIX в. — История СССР, № 1, с. 83—104.

«Казанский заговор» 1863 г. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., с. 423—449.

Zeznania sledcze (Показания о январском восстании 1863 г.). — В кн.: Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., с. 675—682.

1961

Столетие первой революционной ситуации и падения крепостного права в России. Л. 66 с.

Из истории Ленинградского музея Революции. — В кн.: Очерки истории музейного дела в России. М., вып. 3, с. 55—79.

Архивариус А. П. Баласогло. — ВА, № 4, с. 98—100.

Статья: Ахшарумов Д. Д. — СИЭ, т. 1, стб. 1011².

Первый этап освободительного движения в России в исторической литературе, изданной в 1956—1959 гг. — История СССР, № 1, с. 167—176 (совм. с Л. А. Мандрыкиной, Н. М. Пирумовой).

1962

Польская военно-революционная организация в Петербурге (1858—1864 гг.) — В кн.: Русско-польские революционные связи 60-х годов и польское восстание. М., с. 7—48 (совм. с В. С. Шидловской).

Рец.: Интересное исследование. (Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961. 413 с.). — ВА, № 3, с. 202—204.

1963

Андрей Потемня. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., с. 83—114.

1964

Андрей Потемня. — В кн.: За нашу и вашу свободу. Герои 1863 г. М., с. 121—165.

Революционная поэма Яна Возняковского. — В кн.: Славянская филология: Сб. статей. Л., с. 154—162.

1965

Петрашевцы. М. 163 с.

Публицистика Г. З. Елисеева в 60-х годах. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., с. 463—486.

Статьи: «Казанский заговор». Карманый словарь иностранных слов. — СИЭ, т. 6, стб. 780; т. 7, стб. 60.

Новая советская литература о восстании 1863 г. — История СССР, № 6, с. 136—142.

² Далее указаны статьи в СИЭ, имеющие подпись; без подписи напечатано 37 статей, в том числе 16 — о петрашевцах.

Рец. на кн.: Виленская Э. С. Революционное подполье в России 60-х годов XIX в. М., 1965. 484 с. — Новый мир, № 12, с. 274—275.

Рец. на кн.: Дьяков В. А., Миллер И. С. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. — Сов. славяноведение, № 3, с. 104—106.

Рец.: Польская монография о петрашевцах. (Śliwowska W. Sprawa pietraszewców. Warszawa, 1964. 318 s.) — История СССР, № 3, с. 230—233.

1967

Рец. на кн.: Malia M. Alexander Herzen and the birth of Russian socialism. N. J., 1965. 486 p. — История СССР, № 3, с. 187—190.

Рец. на кн.: Śliwowska W. Mikolaj I i jego czasy (1825—1855). Warszawa, 1965. 262 s. — Сов. славяноведение, № 4, с. 108—110.

1968

Статьи: Петрашевский М. В., Петрашевцы. — СИЭ, т. 11, стб. 101—102, 102—105; Разночинцы. — СИЭ, т. 11, стб. 843.

1969

Основание «Товарищества С.-Петербургского механического производства обуви». — В кн.: История ленинградской обувной фабрики «Скороход» им. Я. Калинина. Л., с. 7—14.

Публицистика Г. З. Елисеева в «Отечественных записках». — Вопросы историографии и источниковедения, Казань, сб. 4, с. 62—80.

1970

Утопический социалист 60-х годов Н. В. Соколов. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., с. 139—154.

1971

Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М. 368 с.

1972

Рец. на кн.: Śliwowska W. W kręgu porządników Herzena. Wrocław, 1971. 365 s. — ВИ, № 6, с. 161—163.

1973

Статья: Толь Ф.-Э. Г. — СИЭ, т. 14, стб. 302—303.

Пер. трех стихотворений: В кн.: Эрдия Ж.-М. де Трофеи. М., с. 111—112, 270.

1974

Статья: Харьковско-Киевское тайное общество. — СИЭ, т. 15, стб. 542—543.

1975

Статьи: Петрашевский. — БСЭ, 3-е изд. М., т. 19, стб. 1422—1423; Петрашевцы. — Там же, стб. 1423—1425 (совм. с Е. М. Филатовой).

1976

К вопросу о выборе профессий интеллигенцией в России в XIX в. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., с. 209—219.

1978

Зарубежная историография о русской дореволюционной интеллигенции. — Историографический сборник. Саратов, вып. 4 (7), с. 146—165.

Петрашевец Н. А. Спешнев в свете новых материалов. — История СССР, № 4, с. 128—140.

1981

Русская интеллигенция в 1900—1917 гг. М. 285 с.

1982

Формирование и историческая роль интеллигенции как исследовательская проблема: (Историографический обзор). — В кн.: Социальная структура общества в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму. М., с. 44—54.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ К. Н. СЕРБИНОЙ¹

1930

Выявление документов, подгот. к печати: Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. Тульские и Каширские железные заводы. Л. XXXIV, 503 с. (совм. с Н. Г. Богдановой, С. Б. Веселовским, В. Г. Гейманом, Б. Д. Грековым и др.). (ТАК; Т. 2. Материалы по истории экономического развития России).

Карта железных заводов средней полосы России во второй половине XVII в. — Там же, прил. Прил. к карте, с. 501—503.

1931

Карта Олонекких железных заводов второй половины XVII в. — В кн. Крепостная мануфактура в России. Ч. 2. Олонеккие медные и железные заводы. Л., прил. Прил. к карте, с. 246—247.

1932

Подгот. к печати: Крепостная мануфактура в России. Ч. 3. Дворцовая полотняная мануфактура XVII в. Л. XXXIV, 382 с. (совм. с Р. Б. Мюллер и др.). (ТАК; Т. 5. Материалы по истории экономического развития России).

¹ Составитель А. П. Павлов.

1933

Подгот. к печати: Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Л. LXXXIII, 349 с. (совм. с Р. Б. Мюллер и В. Г. Гейманом). (ТИАИ; Т. 8. Материалы по истории феодально-крепостного хозяйства. Вып. 1).

Карта: Вотчины Б. И. Морозова и пути вывоза из них. — Там же, прил. Прил. к карте, с. 344—349.

1934

Карта: Разинщина в Нижегородском крае. — В кн.: Разгром Разинщины. Л. Прил. (ТИАИ и Публ. б-ки СССР им. В. И. Ленина; Т. 10. Материалы по истории крестьянского движения. Вып. 1).

Ред.: Крепостная мануфактура в России. Ч. 4. Социальный состав рабочих первой половины XVIII в. Л. XL, 198 с. (совм. с Б. Д. Грековым и С. Г. Томсинским). (ТАК; Т. 11. Материалы по истории экономического развития России).

Ред.: Крепостная мануфактура в России. Ч. 5. Московский суконный двор. Л. LII, 255 с. (совм. с С. Г. Томсинским). (ТАК; Т. 13. Материалы по истории экономического развития России).

1935

Карта Булавинского восстания (1707—1708 гг.). — В кн.: Булавинское восстание (1707—1708 гг.). М., прил. (ТИАИ; Т. 12. Материалы по истории крестьянских движений. Вып. 2. Крестьянские и национальные движения накануне образования Российской империи).

Подгот. к печати: Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в. Т. 1. М.; Л. ХСIII, 427 с. (ТИАИ; Т. 15). *Ред. указателей.* — Там же, с. 391—425.

1936

Несколько новых документов из истории восстания С. Разина. — ИА, т. 4, с. 73—84.

Правила издания документов XVI—XVII вв. — ПИ, сб. 2, с. 316—331 (совм. с Б. Д. Грековым, В. Г. Гейманом, Р. Б. Мюллер и Н. С. Чаевым).

Ред. (участие): Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л. XXXII, 280 с. (совм. с Р. Б. Мюллер, А. В. Пруссак). (ТИАИ; Т. 14. Материалы по истории народов СССР. Вып. 5).

1937

Карта Сибири XVI—XVII вв. (по 1618 г.). — В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., т. I, прил.; Замечания к историко-географической карте Сибири, с. 571—574.

1941

Карта Сибири * первой половины XVII в. — В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М.; Л., прил.; Замечания к историко-географической карте Сибири, с. 587—588.

Карта: Слободы Верхотурского, Туринского, Пельмского и Тюменского уездов. — Там же, прил.

Карта: Волости Верхотурского, Туринского, Пельмского и Тюменского уездов. — Там же, прил.

1945

«Книга Большого Чертежа» и ее редакци. — ИЗ, т. 14, с. 129—147.

1946

К вопросу об ученичестве в ремесле русского города XVII в. — ИЗ, т. 18, с. 148—168.

Устюжский летописный свод. — ИЗ, т. 20, с. 239—270.

1947

Источники Книги Большого Чертежа. — ИЗ, т. 23, с. 290—324.

1948

Внутренняя торговля Тихвинского посада в XVII в. — ИЗ, т. 25, с. 104—134.

Подгот. к печати: Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472 гг. М.; Л. 227, [4] с. Археографический комментарий, с. 131—134. Варианты к спискам Троицкому и Ундольскому, с. 135—139.

Карта: Путь Афанасия Никитина за три моря. — Там же, прил.

1950

Подгот. к печати, ред.: Книга Большому Чертежу. М.; Л. 230 с.

Подгот. к печати, ред.: Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л. 515 с. Предисл., с. 3—6.

Подгот. к печати, ред.: Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л. 128 с.

Археогр. оформ.: Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в. Т. 2. Текстильная промышленность Московской губернии в XVIII и начале XIX в. М.; Л. 563 с.

1951

Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.; Л. 488 с.²

1952

К вопросу о бобылях (бобыли Тихвинского посада). — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М., с. 172—177.

Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. — Социалистическая стройка, Тихвин, 18, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 27, 30 апр., 9 мая.

1953

Рец. на кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI—начала XVII в. М., 1952. 264 с. — ВИ, № 3, с. 104—107.

² Переиздано фототипически в 1970 г. (The Hague, Mouton. 492 p.).

Рец. на кн.: Материалы по истории земледелия СССР. Сб. 1. М., 1952. 632 с. — СК, № 2, с. 57—61.

1955

Историко-географический очерк района Петербурга до основания города. — В кн.: Очерки истории Ленинграда. Т. 1. Период феодализма (1703—1861 гг.). М.; Л., ч. 1, гл. 1, с. 11—27.

1956

Рец. на кн.: Очерки истории СССР периода феодализма, XVII век. М.; Л., 1955. 1032 с. — ВИ, № 11, с. 165—169 (совм. с А. И. Копаневым и А. Г. Маньковым).

1958

Крестьянская война начала XVII в. в России. Разгром польско-шведской интервенции. — В кн.: Всемирная история. М., т. 4, гл. XX, § 1—8, с. 512—541. Развитие феодально-крепостнических отношений в России и укрепление централизованного государства в XVI в. — Там же, гл. XIX, § 1—5, с. 456—498 (совм. с А. А. Зиминим).

1959

Послужные списки рабочих Урала как исторический источник (80-е годы XIX в.). — ПИ, сб. 7, с. 105—111. *Рец. на кн.: Археографический ежегодник за 1957 год.* М., 1958. 520 с. — ИА, т. 4, с. 226—230.

1960

Александр Игнатьевич Андреев. — В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.; Л., с. 477—482. (ТЛОИИ; Вып. 2). *Сост.* (совм. с И. А. Баклановой и И. П. Шаскольким), *ред.:* Положение рабочих Урала во второй половине XIX—начале XX в., 1861—1904: Сб. документов М.; Л. 666 с.

1961

О происхождении сборника № 645 Синодального собрания Государственного Исторического музея. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М. с. 237—241. *Рец. на кн.: Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.).* М., 1960. 715 с. — ВИ, № 3, с. 158—161. *Чл. редкол.:* Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород. 279 с. (на обл.: 1962).

1962

Из истории местного рынка XVII в. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. 5. К семидесятилетию В. К. Яцунского. М., с. 96—104. *Рец. на кн.: Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культур-*

ной жизни: Сб. статей. М., 1961. 440 с. — История СССР, № 6, с. 161—164.

1963

Из истории русского летописания конца XV в.: (Летописный свод 1497 г.). — ПИ, вып. 11, с. 391—428. Летописный свод 1518 г. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., с. 587—608. (ТЛОИИ; Вып. 5). *Подгот. к печати, ред.:* ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л. 411 с.

1964

Указные книги Земского приказа второй половины XVI и первой половины XVII в. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященный 75-летию С. Н. Валка. М.; Л., с. 337—344. (ТЛОИИ; Вып. 7). *Чл. редкол.:* Город Ленина в дни Октября и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сб. статей. М.; Л. 208 с. *Чл. редкол.:* Исследования по истории феодально-крепостнической России: Сб. статей. М.; Л. 210 с. *Чл. редкол.:* Очерки истории, экономики и классовых отношений в России конца XIX—начала XX в.: Сб. статей. М.; Л. 180 с.

1966

Из истории возникновения городов в России XVI в. — В кн.: Города феодальной России: Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., с. 135—143.

1967

Борьба крестьян с заводчиками во второй половине XVII в. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сб. статей памяти И. И. Смирнова. Л., с. 319—328. (ТЛОИИ; Вып. 9).

1971

Крестьянская железодельная промышленность Северо-Западной России XVI—первой половины XIX в. Л. 264 с. Крестьянские промыслы Северо-Западной России в конце XV—начале XVI в. — В кн.: Аграрная история Северо-Запада России, Вторая половина XV—начало XVI в. Л., с. 298—320.

1972

Ремесло и мануфактура в России в XVI—XVII вв. — В кн.: Материалы к советско-финскому научному симпозиуму по истории ремесла и возникновения мануфактурной промышленности (XIV—XIX вв.), 11—15 дек. 1972 г. Л., с. 3—20.

1973

Двинский летописец. — ВИД, т. V, с. 196—219. *Рец. на кн.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в. М., 1972. 392 с. — ВИ, № 6, с. 159—161.*

1975

Ремесло и мануфактура в России в XVI—XVII вв. — В кн.: Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике: Материалы II советско-финского симпозиума по социально-экономической истории, 13—14 дек. 1972. Л., с. 20—31.

1976

Чл. редкол.: Летописи и хроники: Сб. статей, 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М. 360 с.

1977

Сост. (совм. с Я. С. Лурье), ред.: ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л. 250 с.

1978

Крестьянская железодельная промышленность Центральной России XVI—первой половины XIX в. Л. 192 с.

Крестьянские промыслы Северо-Западной России в XVI—первой четверти XVII в. — В кн.: Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Л., с. 113—135.

Торговые и ремесленные поселения Новгородской земли в конце XV—первой четверти XVII в. — Там же, с. 155—171.

Торговые связи тихвинских торговых людей со Швецией в XVII в. — Скандинавский сборник, Таллин, вып. 23, с. 7—19.

1979

Устюжское летописание XVI—XIX вв.: (Краткий обзор списков). — ВИД, т. XI, с. 42—48.

1980

Отв ред.: Маньков А. Г. Уложение 1648 г. Кодекс феодального права России. Л. 274 с.

1981

Внутренняя торговля и промыслы Северо-Западной России в XV—XVII вв. — В кн.: Россия и Финляндия. Торговля, промыслы, крупная промышленность. Материалы V советско-финляндского симпозиума по социально-экономической истории, 9—11 окт. 1978 г. Л., с. 27—39.

[Выступление на V советско-финляндском симпозиуме по социально-экономической истории]. — Там же, с. 55—56.

Устюжские летописи о восстаниях в Устюге Великом в XVI—XVII вв. — ВИД, т. 12, с. 60—66.

Чл. редкол.: Летописи и хроники: Сборник, 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М. 256 с.

1982

Ученый и человек. — В кн.: Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова. М., с. 118—119.

Сост. (совм. с Н. А. Казаковой), ред.: ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв. Л. 228 с.

1985

Устюжское летописание XVI—XVIII вв. 12 п. л.

А. И. Андреев — ученый и педагог. (Из воспоминаний об учителе. — ВИД, т. XVII, с. 357—363.

Рец. на кн.: Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII—начала XV в. М., 1983. 215 с. — ВИ, № 5, с. 126—127.

Подготовлены к печати (машинпись): Комментарии законов, относящихся к истории русского города XVI—XVII вв. — В кн.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в., ч. 2.

III. ПУБЛИКАЦИИ

ЗАПИСКА К. К. ЗЛОБИНА ОБ ИЗДАНИИ РОССИЙСКОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО СБОРНИКА

История издания дипломатических документов в России насчитывает уже более 200 лет. Начало было положено деятельностью Г. Ф. Миллера, затем в XIX в. продолжено попечением и трудами Н. П. Румянцева, Н. Н. Бантыш-Каменского, А. Ф. Малиновского, возглавлявших деятельность Комиссии печатания государственных грамот и договоров при МГА МИД¹. В 1851 г. 2-е отделение императорской канцелярии приступило к публикации «Памятников дипломатических сношений древней России с державами иностранными». Позже, в 1876 г., это издание было передано в РИО и продолжало публиковаться до 1916 г.² В нем были помещены документы внешней истории России по начало XVIII в. Попытка издания современных дипломатических документов была предпринята в 1822—1825 гг. выпуском двухтомного сборника «Документов для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 до конгресса в Вероне в 1822 г., изданных Министерством иностранных дел». Следующую публикацию внешнеполитических источников нового времени, включая XIX век, относят уже к 1870-м годам, к деятельности Ф. Ф. Мартенса и появлению его «Собрания трактатов». Между тем хранящийся в Архиве внешней политики России и публикуемый ниже проект неосуществленного издания российского дипломатического сборника датирован 16 августа ст. ст. 1863 г. Проект подписан управляющим С.-Петербургским главным архивом и временно исполняющим обязанности управляющего Государственным архивом МИД К. К. Злобиным.

К. К. Злобин (1814—1877), известный архивист, один из основателей РИО, с 1861 г. управляющий С.-Петербургским главным архивом, в 1864 г. был назначен первым директором обоих петербургских архивов МИД — Государственного и Главного. Именно он при активном участии П. П. Пекарского впервые в истории Государственного архива систематизировал все дела, хранящиеся в нем, и составил к ним описи и алфавитный указатель имен³.

Задуманный Злобиным «российский дипломатический сборник» должен был стать первым в истории России документальным пособием для дипломатов. С древнейших времен дипломатические сношения основывались на исторических прецедентах. Поэтому, как представляется, публикация договоров должна была послужить практическим нуждам внешнеполитической деятельности. В связи с этим становится понятен отбор документов для издания в первых трех отделах сборника. При этом впервые предполагалось довести публикацию договоров до начала царствования Александра II. Именно поэтому, очевидно, автора проекта не сму-

¹ Очерк деятельности Комиссии печатания государственных грамот и договоров. М., 1877; Собрание государственных грамот и договоров. М., 1894. Ч. V.

² Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957, с. 143.

³ Подробнее о нем см.: РБС. Пг., 1916, т. VII, с. 415—417; Воспоминания П. П. Пекарского об его службе в Государственном архиве. — ЛЗАК за 1926 г., Л., 1927, вып. 1 (34), с. 267—275; Очерк истории Министерства иностранных дел. СПб., 1902; Николай Михайлович, вел. кн. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 2.

тило уже осуществлявшееся издание «Памятников дипломатических сношений», так как цели и задачи этих публикаций были совершенно различны.

В четвертом отделе сборника должен был разместиться разного рода справочный материал (списки министров иностранных дел, послов и другие сведения). В данном случае напрашивается аналогия с начавшим издаваться в 1861 г. «Ежегодником МИД», где печатались подобные сведения, но относящиеся к текущему моменту.

Таким образом, в проекте сборника, на наш взгляд, делалась попытка собрать источники по истории внешнеполитического ведомства России путем публикации всего, «что признано будет полезным для изучения истории нашей дипломатии». В составе комиссии для издания сборника не названы управляющие петербургскими архивами МИД. Вероятно, это произошло случайно, так как для Злобина, объединявшего в своем лице в то время руководство обоими архивами, его собственное участие, надо думать, не подлежало сомнению.

Общая тенденция проекта Злобина связана с возросшим историзмом общественного сознания в преддверии буржуазных реформ в России. Однако в 60-х годах это издание не было осуществлено. Только через 10 лет началась систематическая публикация «Собрания трактатов», но уже по другой программе и на иных принципах⁴.

Публикация подготовлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969).

Е. А. Чиркова

«Проект Комиссии для издания российского дипломатического сборника

Для издания российского дипломатического сборника учреждается в Министерстве иностранных дел особая комиссия. Председателем оной назначается товарищ министра иностранных дел. Она будет состоять из обоих старших советников Министерства иностранных дел и из одного лица по назначению г. вице-канцлера, на которое сверх занятий по званию члена комиссии возлагается все делопроизводство и заведывание письменными делами комиссии.

Управляющий Московским главным архивом будет также членом этой комиссии. Он присутствует в ее заседаниях каждый раз, как он находится в С.-Петербурге, утверждает свою подписью журналы ее заседаний, состоявшихся в его отсутствие, если только он согласен с ее заключением, в противном случае подает отдельное мнение.

Канцелярия комиссии состоит из одного чиновника, исправляющего должность помощника секретаря, и двух чиновников для переписки. Первый из них получает 600 руб., а последние — по 400 руб. добавочного оклада. Сверх того, в переписке по делам комиссии будут участвовать все чиновники Московского и С.-Петербургского главных архивов Министерства иностранных дел.

В состав российского дипломатического сборника войдут все договоры, заключенные нашим правительством до восшествия на престол государя императора Александра II и, сверх того, все декларации и ноты, состоявшиеся по соглашению с другими государствами и, следовательно, имеющие характер обоюдности. Это издание состоит из четырех отделов. В первом будут заключаться в хронологическом порядке все трактаты до 1649 года, которым начинается Полное собрание законов Российской империи. Подлинники этих трактатов хранятся в Московском главном архиве. Из этих трактатов многие были заключены с политическими обществами, давно уже утратившими свою самобытность и никогда не имевшими особого значения, как, например, с имперскими городами, с татарскими племенами и даже с деревнями, как, например, Андинскою

⁴ См.: *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1874. Т. I.

или Андреевскою, или касаются духовных предметов. Все эти государственные акты, без сомнения, имеют некоторый интерес для истории как политической, так и духовной; тем не менее напечатание их слишком усложнило бы занятия комиссии, и потому в дипломатическом сборнике следует поместить только те из договоров прежнего времени: а) которые представляют существенную важность для нашей дипломатии; в) были заключены с государствами, еще и теперь существующими, и с) имели последствием изменение: 1) границ Российской империи и 2) состава императорского герба.

Во второй отдел сборника войдут все трактаты, уже помещенные в Полном собрании законов Российской империи от времени царя Алексея Михайловича до вступления на престол государя императора Александра I.

Третий отдел будет вмещать все трактаты царствования императоров Александра I и Николая I, в том же собрании напечатанные, с надлежащими в случае надобности дополнениями.

Основанием текста трех первых отделов будут служить подлинные ратификации, хранящиеся в архивах Министерства иностранных дел, высочайше утвержденные документы и официальные переводы. Если встретится текст на азиатском языке, то к оному будет приложен перевод на французский язык. Все договоры напечатаны будут по-русски с подлинным текстом на том иностранном языке, который был употреблен другой договаривающеюся стороною. Оба текста, как русский, так и иностранный, будут вновь проверены по подлинным ратификациям, хранящимся в архивах Министерства иностранных дел. В означенных трех отделах и поместятся только те акты, которых официальные подлинники хранятся в архивах Министерства иностранных дел и которых достоверность, следовательно, не подлежит сомнению.

По окончании первых трех отделов будет приступлено к изготовлению четвертого, который послужит продолжением трех первых и дополнением к оным. В него войдут: а) договоры, которых подлинники у нас не находятся и которые известны только из летописей или иностранных источников; б) акты и манифесты, изданные не для преходящих обстоятельств, но служившие выражением постоянной воли нашего правительства для сношений в мирное время с иностранцами; с) уставы дипломатических наших учреждений и генеалогические таблицы; d) исторические данные, как-то: списки министров иностранных дел, послов, дипломатических особ — одним словом, все, что признано будет полезным для изучения истории нашей дипломатии. Для содействия при обработке четвертого отдела будут назначены в состав комиссии два члена ведомства Министерства народного просвещения.

Дипломатический сборник будет напечатан в $\frac{1}{8}$ долю листа большого формата, без особенной роскоши, так, чтобы он был доступен для публики. Издержки на издание дипломатического сборника не могут быть исчислены вперед. Они будут заключаться в жалованье чиновникам канцелярии, составляющем для всех троих 1400 руб. серебром ежегодно, и в расходах на напечатание. Может быть, признано будет удобным исходатайствовать высочайшее повеление о напечатании этого сборника в типографии II отделения собственной е. и. в-ва канцелярии, но во всяком случае Министерству иностранных дел надобно будет принять на себя издержки за бумагу и переплет.

Злобин»

АВПР, ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Справочный материал, оп. 664/1, д. 17, л. 1—6. Подлинник.

ПРОЕКТ А. А. ШАХМАТОВА ОБ ИЗДАНИИ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

Во второй половине 80-х годов XIX в. в сферу научных интересов Алексея Александровича Шахматова вошли труды хорватского ученого и писателя-публициста XVII столетия Юрия Крижанича. В эти годы

Шахматов занялся проблемой сербскохорватского ударения, в связи с чем и были использованы работы Крижанича.

Идея издания собрания сочинений Юрия Крижанича зародилась, вероятно, в 1887—1888 гг., когда А. А. Шахматов посещал семинарские занятия Ф. Ф. Фортунатова¹. Осенью 1887 г. молодой ученый был избран в действительные члены Общества истории и древностей российских при Московском университете (ОИДР), с помощью которого он и решил начать осуществление своего замысла.

С докладом «о необходимости издания полного собрания сочинений Юрия Крижанича» на собрании членов ОИДР А. А. Шахматов выступал 15 апреля 1889 г. Он мотивировал свое предложение тем, что «все изданное — издано крайне неудовлетворительно в научном отношении». После обсуждения доклада Шахматову было поручено подготовить к следующему заседанию план такого издания². 19 мая 1889 г. состоялось очередное заседание Общества, на котором и был принят предложенный Шахматовым план³.

Вместе с Шахматовым в комиссии по подготовке сочинений Крижанича к печати должны были участвовать П. А. Лавров, В. Н. Щепкин, М. Н. Сперанский, Б. М. Ляпунов и И. И. Козловский; однако Шахматов, Лавров и Сперанский «успели только переписать немного из того большого труда Крижанича, за которым в последнее время довольно прочно установилось название „Политика“; Козловский же и Ляпунов выбыли из комиссии, не успев ничего сделать: Козловский умер, а Ляпунов уехал из Москвы»⁴. Сам Шахматов также довольно скоро отошел от активной работы в Обществе и уехал в Саратовскую губернию⁵. Уже в ноябре 1890 г. в письме к Щепкину он рекомендовал избрать главным редактором сочинений Крижанича профессора Московского университета, специалиста по славянским литературам М. И. Соколова. «Он может дать отличное исследование о жизни и трудах Крижанича», — писал Шахматов⁶.

22 декабря 1890 г. М. И. Соколов выступал в заседании ОИДР с докладом «о новооткрытом сочинении Юрия Крижанича»⁷, после которого члены Общества предложили ему руководство всем изданием работ Крижанича и тогда же передали некоторые бумаги, касающиеся этого предприятия⁸. Вероятно, публикуемый текст доклада А. А. Шахматова находился как раз среди этих бумаг, хотя М. И. Соколов в своем выступлении об издании работ Крижанича на заседании ОИДР 19 мая 1897 г. и не говорит об этом. Он отмечает, что среди принятых им материалов была памятная записка, писанная рукою М. Н. Сперанского, с планом издания «Политики», а также десять листов этого труда Крижанича, переписанных П. А. Лавровым, и полтора листа, перепечатанного А. А. Шахматовым⁹.

Несмотря на то что Шахматов довольно быстро отошел от активной издательской деятельности в Обществе, личность Крижанича и публика-

¹ См.: *Ляпунов Б. М.* Памяти академика Алексея Александровича Шахматова. — ИОРЯС, 1923, т. 28, с. 218.

² См.: ЧОИДР, 1889, кн. I, протоколы, с. 27. В письме к Н. А. Попову от 2 июня 1889 г. Шахматов упоминает о заседании ОИДР 17 марта 1889 г., на котором был «резко» поставлен вопрос, «следует ли издавать Крижанича» (ОР ГБЛ, ф. 239, п. 21, ед. 38, л. 5), однако протокол этого заседания обнаружить не удалось. В ЛО ААН хранятся материалы об участии А. А. Шахматова в издании сочинений Крижанича, в частности черновики доклада в ОИДР, датированные 23 марта 1889 г. (см.: ЛО ААН, ф. 134, оп. 1, № 312, л. 1—10).

³ См.: ЧОИДР, 1889, кн. I, протоколы, с. 28. Сам Шахматов считал, что это заседание «прошло чрезвычайно благополучно» и «вопрос об издании Крижаничевых сочинений можно теперь считать делом решенным» (ОР ГБЛ, ф. 239, п. 21, ед. 38, л. 5. Письмо Н. А. Попову от 2 июня 1889 г.).

⁴ Библиографические записки. М., 1892, № 2, с. 137.

⁵ См.: *Макаров В. И.* А. А. Шахматов. М., 1981, с. 53—57.

⁶ ОПИ ГИМ, ф. 276, ед. 118, л. 41.

⁷ См.: ЧОИДР, 1892, кн. I, протоколы, с. 51.

⁸ См.: ОР ГБЛ, ф. 203, кн. 31, л. 811—812 об.

⁹ Там же, л. 812—812 об.

ция его произведений постоянно интересовали ученого. Об этом свидетельствуют его письма к В. Н. Щепкину за 1889—1900 гг.¹⁰ и письмо С. А. Белокурову от 26 января 1903 г.¹¹

ОИДР не смогло по различным причинам полностью выполнить программу издания произведений хорватского ученого. В 1891—1892 гг. вышло всего три выпуска собрания сочинений Юрия Крижанича. В первый вошли три работы писателя, подготовленные В. Н. Щепкиным — «Putno opisanie ot Lewowa do Moskwi», «Besida ko Czirkasom wo osobi Czirkasa upisana» — и одна работа — «Объясненіе виводно о писме словенском», подготовленная В. И. Колосовым¹². Второй выпуск подготовил к печати М. И. Соколов, поместив в нем открытое в 1890 г. сочинение Крижанича «Толкование исторических пророчеств»¹³. Третий выпуск составили два труда писателя, подготовленные А. В. Башкировым: «Об светом крещенію» и «Обличеніе на Соловечскую челобитну»¹⁴. Каждый выпуск сопровождался вступительной статьей, в которой издатели сообщали историю открытия публикуемых сочинений, давали их археографический и палеографический анализ. Кроме того, к каждому выпуску было приложено по две страницы фототипических снимков с рукописей публикуемых сочинений.

Кроме отдельных выпусков, собрание сочинений Юрия Крижанича печаталось в «Чтениях» ОИДР¹⁵.

Всего «Собрание сочинений» Крижанича включило в себя семь произведений писателя, из них пять отмечены в плане издания, подготовленном А. А. Шахматовым. Редакционное предисловие ко всему изданию, помещенное в первом выпуске, извещало, что хронологический порядок публикации, которого собирались придерживаться издатели, может быть нарушен в связи с возможным обнаружением новых работ Крижанича. Таким «нарушением» и явился второй выпуск, подготовленный М. И. Соколовым.

В плане Шахматова не отмечена опубликованная В. Н. Щепкиным работа Крижанича «Usmotrenie o Carskom Weliczestwu»; однако, она, конечно, была ему известна, так как перечисляется в публикуемом проекте среди ранее напечатанных работ Крижанича.

Отсутствие в плане Шахматова работы Крижанича «История Сибири» объясняется, думается, тем обстоятельством, что «вполне определенные доказательства» авторства Крижанича были опубликованы Н. Тыжновым лишь в 1887 г.¹⁶ О том, что Шахматов занимался вопросом определения авторства опубликованного в 1822 г. Григорием Спасским анонимного «Повествования о Сибири»¹⁷, свидетельствует выписка конспективного характера, сделанная Шахматовым из предисловия Спасского к этой публикации¹⁸. В том же фонде М. И. Соколова в ОПИ ГИМ сохранился список работ хорватского ученого, сделанный рукой неустановленного

¹⁰ ОПИ ГИМ, ф. 276, ед. 118, л. 35, 37, 41, 42; ед. 119, л. 3.

¹¹ ЦГАДА, ф. 184, оп. 1, ед. 1010, л. 15.

¹² Крижанич Ю. Собрание сочинений. М., 1891, вып. 1, 72 с. + 2 л. ил.; Владимир Иванович Колосов — преподаватель Тверской духовной семинарии; в 1888 г. обнаружил работу Крижанича в библиотеке той же семинарии и сделал об этом сообщение. См.: ЖМНП, 1888, № 12, с. 179—207.

¹³ Крижанич Ю. Собрание сочинений. М., 1891, вып. 2, XIV, 122 с., 2 л. ил.

¹⁴ Крижанич Ю. Собрание сочинений. М., 1892, вып. 3, XIV, 78 с., XI, 8—167 с., 2 л. ил.

¹⁵ Вып. 1 опубликован: ЧОИДР, 1890, кн. IV; 1891, кн. I; вып. 2 — 1891, кн. II; вып. 3 — 1892, кн. III; 1893, кн. II.

¹⁶ См.: Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903, с. 95.

¹⁷ См.: Повествование о Сибири, переведенное с латинской рукописи XVII столетия. — Сиб. вестн., 1822, ч. XVII, кн. 1, с. 3—24; кн. 2, с. 25—46; кн. 3, с. 47—68; ч. XVIII, кн. 4, с. 69—92.

¹⁸ ОПИ ГИМ, ф. 38, ед. 25, л. 16. А. А. Шахматовым законспектированы с. 3—5 предисловия «От издателя», на которых Г. Спасский анализирует рукописи «Истории Сибири» из собраний Ю. Залуского и П. П. Дубровского.

лица. Список в основе своей соответствует плану Шахматова, с той лишь разницей, что в него включена История Сибири»¹⁹.

Принадлежность публикуемого проекта издания собрания сочинений Юрия Крижанича перу А. А. Шахматова определялась путем сверки почерка документа с письмами Шахматова конца 1880-х—начала 1890-х годов. Датировать документ, вероятно, можно весной 1889 г., когда в ОИДР обсуждался вопрос об издании сочинений хорватского ученого. Текст документа написан на четырех спаренных листах размером 220 × 180, причем использована только левая половина листа.

В имеющихся библиографиях работ А. А. Шахматова публикуемый текст не отмечен.

Публикация подготовлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов СССР» (М., 1969 г.). Текст, подчеркнутый А. А. Шахматовым, печатается курсивом.

В. В. Ишутин

«Сочинения Юрия Крижанича интересны не только потому, что дают важные указания исторические или лингвистические, интересны не только как один из важнейших источников для разнообразного изучения допетровской Руси — эти сочинения представляются интересными литературными произведениями, которые можно изучать в связи: частью с литературными произведениями русскими XVII в. (ср., напр., сочинения Крижанича полемического характера), частью в связи с историко-политической и богословской литературой Запада.

Издатели сочинений Крижанича не могут относиться к ним только с точки зрения того интереса, который представляют содержащиеся в них сведения: эти сочинения заслуживают интереса и издания сами по себе как оригинальные произведения литературы. Уже это обязывает издавать все сочинения Крижанича, и не в отрывках, а сполна.

Но эти сочинения распадаются на два главные отдела: сочинения переводные или несамостоятельные (выборка из других авторов, выписки из других сочинений) и сочинения самостоятельные. Кроме того, в Загребских архивах сохранилась переписка Крижанича на латинском языке, относящаяся к 40-м годам XVII ст[олетия] (ср.: Безсонов, Православное обозрение, 1870, 1, с. 389 и 694)¹. Таким образом, мы получаем три разряда сочинений Крижанича, которые не должны быть опущены издателями: I. Сочинения оригинальные, II. Переписка, III. Переводы и выписки.

Первые два разряда должны быть изданы целиком, причем и при издании переписки, и при издании оригинальных произведений Крижанича желательно держаться хронологического порядка: все почти сочинения Крижанича содержат собственноручные указания автора на время их написания. Хронологический порядок, между прочим, важно наблюдать потому, что в произведениях, писанных по-славянски, заметна перемена в языке и правописании в зависимости от различных промежуточных времени. Только его «Граматично изказанје» не может быть хронологически определено ни по отношению ко времени составления, ни ко времени переписки, так как хронологическое указание: «писано . . . лита $\neq$ год (т. е. 1666 г.), октября въ 3 ден» — относится лишь к Предисловию, составленному уже после переписки набело всей Грамматики. Принимая во внимание, что «Граматично изказанје», по словам Крижанича, является плодом слишком двадцатилетней работы, можно исключить издание (или, точнее, переиздание) этого сочинения Крижанича из хронологического порядка и отнести его к концу 1-го отдела, т. е. издания самостоятельных произведений Крижанича.

Из оригинальных произведений Крижанича до сих пор были изданы следующие:

¹⁹ ОПИ ГИМ, ф. 38, ед. 25, л. 18 об.

Грамматично изказанје об руском језику, изд[ано] Бодянским в приложении к Чтениям Общ[ества] и[стории] и д[ревностей]. 1849—1859; отд[ельно]. Москва, 1859².

Русское государство в половине XVII века, изд[ано] Безсоновым в приложении к Русской Беседе за 1859 год: под этим произвольным заглавием изданы в двух томах часть сочинения «Razgoworі ob Wladatelystwu» и находящиеся в одной рукописи с ним мелкие статьи историко-политического содержания³.

О Промысле, изд[ано] Безсоновым. Москва, 1860 г.: под этим заглавием издана часть сочинения «De Providentia Dei sive de Causis Victoriarum et Cladium»⁴.

Письмо к царю Феодору Алексеевичу, изд[ано] Добротворским в Изв[естиях] и Уч[еных] зап[исках] Казанского университета 1865 г., вып. 1 (по списку)⁵.

Путно описане отъ Левова до Москви лета 1659, Бесіда ко чиркасомъ въ особі чиркаса уписана, Усмотрение о Царском Величеству, изд[ано] Кулишем в Чтениях Общ[ества истории] и др[евностей] рос[сийских]. 1876, III, Материалы иностранные, с. 111—126⁶.

Из этих изданий удовлетворительным является только издание Добротворского, по-видимому довольно точно передающее оригинал (это не автограф Крижанича вопреки мнению Безсонова. — Православ[ное] обозрение, 1870, 1, с. 386—387); очень хорошо издание Бодянского, но в нем много произвольных пропусков и немало опечаток, неверных чтений и пр. Изданиям Безсонова можно предъявить упрек в неполноте, отрывочности; сам он говорит об издававшейся им рукописи (под названием *Русское государство*. . .): «известно ли то, что изданные нами два тома вовсе еще не кончают дела; напротив, осталось в рукописи и многое важнейшее, на два тома еще таких же?» (Правосл[авное] обозрение, 1870, 1, с. 356). Помимо этого, издания Безсонова и Кулиша передают латинское письмо подлинников русскими буквами; проводя это неточно и опуская знаки ударения, Безсонов и Кулиш лишают лингвистов возможности пользоваться их изданиями.

Как ни важны все упомянутые издания, впервые познакомившие ученый свет с сочинениями Крижанича, они не только не могут препятствовать переизданию тех же сочинений, но, напротив, вызвали своею недостаточностью сознание необходимости нового и точного издания всех сочинений Крижанича.

Предполагаемое издание должно примыкать к периодическому изданию нашего Общества, составляя приложение к отдельным книжкам Чтений: в отдельных оттисках каждое сочинение Крижанича должно составить особый выпуск, объемом от 2-х до 30 и более печатных листов. Все издание делится на отделы: I. Отдел оригинальных сочинений, II. Переписка, III. Переводы и выписки.

I-й отдел. Порядок издания.

1659 г. (март—октябрь): Putno opisanie od Lewowa do Moskwi. — Besida ko czerkassom wo osobi czerkasa upisana (хранятся в Архиве Министерства ин[остранных] дел, в делах польских 1659 года, в 80-й связке, под № 18)⁷.

1661 г. (8-го августа) труд окончен: Обясньенје изводно о писме Словенскомъ (хранится в библиотеке Тверской духовной семинарии)*].

1663—1664 г. (Последняя) хронол[огическая] помета 22 окт[ября] 1664): Razgoworі ob Wladatelystwu и целый ряд примыкающих к этому сочинению статей однородного содержания (в Типографской библиотеке № 1022)⁸.

1666—1667 г. (1-й том, черновой, начат 25 мая 1666, 2-й том, в первой половине белой, начат 15 апр[еля] 1667 г.): De providentia Dei, sive

* Против этой позиции объединяющая сноска и помета: к изданию уже приготовлено В. Колосовым⁸.

de Causis Victoriarum et Cladium (оба тома в Типографской библиотеке под №№ 1019 и 1018) ¹⁰.

1668—1669 г.: Об светом крещеню (в Синодальной библиотеке под № 826) ¹¹.

1675 г.: Соловецка челобитна, об суеверству и об раздору (только частью писана рукою Крижанича, хранится в Синод[альной] библ[иотеке] № 889) ¹².

1676 г.: Litterae pro liberatione: послание к царевичу Феодору Алексеевичу (найдено Безсоновым среди дел, касавшихся Крижанича, ср. Православное обозрение, 1870, 1, с. 379; но где теперь хранится неизвестно; содержание сообщено Безсоновым. Там же, с. 381—383).

1676 г.: На счастливое государское венчание червя Юрки Сербянина благоприветствование и за свое освобождение нижайшее поклонение и благодарение (в списке XVII в. в сборнике бывшей Соловецкой библ[иотеки], ныне Каз[анской] дух[овной] академии] № 929) ¹³.

Грамматично изказанје об руском језику: предисловие, позже написанное, помечено 7-м октября 7174 г. (1666 г.) (хранится в Типог[рафской] библ[иотеке] № 1060) ¹⁴.

II-й отдел.

Переписка Крижанича (по-видимому, немногочисленная) хранится в Загребских библиотеках и архивах: может быть, приготовить ее издание возмет на себя И. В. Ягич, обещавший «свое живейшее участие в издании полного собрания сочинений Крижанича» ¹⁵.

III-й отдел.

Сочинения переводные должны быть тщательно описаны, а изданы лишь в том случае, если оригиналы их, не известные в печати, представляют важный исторический или литературный интерес. Выписки из других авторов должны быть сверены с подлинными сочинениями и описаны. Русская летопись может быть издана в том случае, если представляет список с неизвестного (ненапечатанного) извода. Хронологический порядок относящихся сюда сочинений таков:

Nilus Thessalonicensis Archiepiscopus Schismaticus Libri duo: I. De causis Ecclesiasticae Divisionis, II. De principatu Papae. Latine reddita a Crisano (хранится в Римской Казанатовой библ[иотеке], в Домин[иканском] монастыре «Santa Maria sopra Minerva»)*.

1656 г.: Bibliotheca Schismaticorum universa, omnes Schismaticorum libros, hastenus impressos, duobus tomis comprehendens. Primum quidem a duodecim auctoribus, tribus linguis, Graece antiquae, Graece modernae et Moscoviticae composita, et in pluribus codicibus impressa. Tomi prioris pars prior. Georgio Crisano interprete. Romae, MDCCLVI (в той же Казанатовой библиотеке, причем сохранилась только часть, начало первой книги 1-го тома) ¹⁷.

1661—1662 г. (последняя хронол[огическая] помета — 16 февр[аля] 1662): сборник, заключающий в себе: 1) русскую летопись (начало не сохранилось), доведенную до 1652 г., точно переписанную латинскими буквами, 2) выписки из какого-то сибирского летописца, 3) выписки из «Истории» Петра Петрея, 4) одну страницу из начатого Крижаничем латино-польско-русского словаря, 5) выписки из Кромера, 6) выписки из Барония, 7) выписки из «Commentaria Filippi Cominsei» (хранится в Типогр[афской] библ[иотеке] № 1023) ¹⁸.

Вместе с этими рукописями должен быть описан латино-русский словарь (Типогр[афская] библ[иотека] № 1024) ¹⁹, писанный не Крижаничем, но несомненно ему принадлежавший: на полях сохранились поправки и дополнения, писанные рукою Крижанича. Все издание по приблизительному расчету будет содержать 175 печат[ных] листов и обойдется в 7000 рублей ²⁰.

ОПИ ГИМ ф. 38, д. 25, л. 12—15.

* Против этой позиции объединяющая скобка и помета: сделан ли перевод с греческого или с сербского перевода Нила Солунского, о котором ср. Оп[исание] Гор[ского] и Нев[оструева]. II, 2, № 175 и 176? ¹⁶

Примечания

- ¹ А. А. Шахматов имеет в виду работу П. А. Безсонова «Католический священник серб хорват Юрий Крижанич, Неблужский, явканица, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке. По вновь открытым сведениям об нем. — Православное обозрение, М., 1870, 1-е полугодие: № 1, с. 129—159; № 2, с. 338—394; № 4, с. 661—723; № 5, с. 854—871; 2-е полугодие: № 11, с. 646—702; № 12, с. 800—830. У Шахматова римская цифра I означает, вероятно, номер полугодия. На указанных страницах речь идет о найденных в Загребе И. Кукулевичем-Сакцинским письмах Крижанича и переписке о нем.
- ² Работа Крижанича «Грама̀тично изказанje об руском jeziku» опубликована О. М. Бодянским не в приложении, а в самих «Чтениях». См.: ЧОИДР, 1849, кн. I, с. 1—120; 1859, кн. IV, с. 121—256. В 1859 г. вышло отдельное издание.
- ³ См.: *Безсонов П. А.* Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича: Сокращенное издание. Приложение к журналу «Русская беседа». М., 1859, № 1—6. Дополненное издание. М., 1859—1860. Т. 1, 2.
- ⁴ См.: *Безсонов П. А.* О промысле. Сочинение того же автора, как и «Русское государство в половине XVII века». Сведения об открытой рукописи. М., 1860.
- ⁵ См.: Послание Юрия Крижанича царю Феодору Алексеевичу / Изд. подготовил И. Добротворский. — Изв. и учен. зап. Казан. ун-та, Казань, 1865, т. 1, вып. 1, с. 1—21.
- ⁶ См.: Малорусские козаки между Россией и Польшей в 1659 году по взгляду на них серба Юрия Крижанича. С предисловием П. А. Кулипа. — ЧОИДР, 1876, кн. III, с. 109—124. Три перечисленные Шахматовым работы Крижанича опубликованы в разделе «Смесь».
- ⁷ В настоящее время: ЦГАДА, ф. 79, 1659 г., № 18.
- ⁸ В настоящее время: ГАГО, ф. 1409, д. 1374.
- ⁹ В настоящее время: ЦГАДА, ф. 381, оп. 1, д. 1799.
- ¹⁰ В настоящее время: ЦГАДА, ф. 381, оп. 1, д. 1756 — черновой экз.; белой экз. — Там же, д. 1757.
- ¹¹ В настоящее время: ОР ГИМ, Синодальное собрание, № 826.
- ¹² В настоящее время: ОР ГИМ, Синодальное собрание, № 889.
- ¹³ В настоящее время: ОР БАН, № 32.4.4.
- ¹⁴ В настоящее время: ЦГАДА; ф. 381, оп. 1, д. 1798.
- ¹⁵ См. письмо И. В. Ягича к А. А. Шахматову из Вены от 23 февраля 1889 г. — В кн.: Шахматов А. А. 1864—1920: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947, с. 70.
- ¹⁶ В «Описании славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» (Отд. II. Описания св. отпов. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859), сделанном А. Горским и К. Невоструевым, под указанными номерами помещены следующие описания: «№ 175 (по преж. кат. 383). Св. Григория (Паламы) и Нила (Кавасилы), архиепископов Солунских, против латинян, об исхождении св. духа, в 4 д., полууставом, XV в., на хлопчатой бумаге, 360 л.» — с. 471. Само описание см. с 471—476; «№ 176 (по преж. кат. 45) Св. Григория Паламы и Нила Кавасилы, архиепископов Солунских, сочинения против латинян, в лист, полууставом, XVI в., 359 л.» — с. 477.
- ¹⁷ Казанатовская библиотека в Риме названа по имени кардинала Г. Казанате (1620—1700), который завещал Доминиканскому монастырю св. Марии свою богатую библиотеку из 25 тыс. томов. С 1873 г. является государственной библиотекой. Современный историографический, археографический и палеографический анализ названных Шахматовым рукописей Крижанича проведен югославским исследователем И. Голубом. См.: *Golub I.* L'autographe de l'ouvrage de Krizanic Bibliotheca Schismaticorum Universa des archives de la Congrégation du Saint Office à Rome. — *Orientalia Christiana Periodica*, Roma, 1973, vol. 39, fasc. 1, p. 131—161.
- ¹⁸ В настоящее время: ЦГАДА; ф. 381, оп. 1, д. 1801, 293 л.
- ¹⁹ В настоящее время: ЦГАДА; ф. 381, оп. 1, д. 1760, 259 л.
- ²⁰ В 1884 г. ОИДР стало получать правительственную субсидию в 5 тыс. руб. серебром в год (см. ЧОИДР, 1884, кн. IV, протоколы, с. 4). Если А. А. Шахматов подсчитывал стоимость издания произведений Крижанича также в серебряных рублях, то становится очевидным, что эта публикация должна была бы довольно значительно сократить другие работы Общества. Можно предположить, что недостаток средств явился одной из причин того, что работа по изданию произведений Крижанича не была выполнена в том объеме, в каком ее планировал А. А. Шахматов.

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1984 Г.

10 января Археографическая комиссия продолжила регулярные обсуждения работы своих сотрудников. С сообщением о ходе подготовки возобновленного издания «Хроники» Георгия Амартола выступила *О. А. Князевская*. Рассмотрев рукопись древнерусского перевода этого памятника с позиций палеографа и языковеда, она раскрыла ряд ее особенностей, важных для текстологической стороны издания. В обсуждении сообщения приняли участие *В. А. Черных, В. В. Морозов, Н. Б. Шеламанова, С. О. Шмидт*. Отмечалось, что публикация «Хроники» Амартола была начата при жизни *М. Н. Тихомирова*, который и был ее инициатором. Археографическая комиссия, участвуя в подготовке издания, ведущейся во ВНИИ искусствознания, естественно, сохранила свой гриф на его титульном листе.

Сотрудники Археографической комиссии приняли участие в подготовке совместного заседания Бюро Отделения истории АН СССР и коллегии Главного архивного управления при Совете Министров СССР, состоявшегося 24 января, на котором был рассмотрен вопрос «О совершенствовании творческого сотрудничества учреждений Отделения истории АН СССР и учреждений Государственной архивной службы СССР». Доклад по этому вопросу сделал начальник Главархива СССР *Ф. М. Ваглов*, с содокладом выступил председатель Археографической комиссии АН СССР *С. О. Шмидт*¹.

30 марта состоялось совместное заседание Археографической комиссии и Отдела рукописей ГИМ, посвященное памяти *М. В. Щепкиной*. Заседание открыл заведующий Отделом рукописей *И. В. Левочкин*. Присутствовавшие почтили память *М. В. Щепкиной* минутой молчания. Были прочитаны телеграммы соболезнования, направленные в ГИМ Отделом древнерусской литературы ИРЛИ, Институтом славянских исследований в Австрии и др.

В выступлении *Т. Н. Протасьевой* (ГИМ) были охарактеризованы этапы научной деятельности *М. В. Щепкиной* в Отделе рукописей ГИМ².

С. О. Шмидт в своем выступлении сказал, что творческий путь *М. В. Щепкиной* отнюдь не только история изуче-

ния памятников письменности или изобразительного искусства; это культурный феномен русской интеллигенции. *М. В. Щепкина* отличалась редким и чрезвычайно достойным качеством — трудолюбием, не мыслила себя вне труда, любила трудиться. Это качество унаследовано ею от ее знаменитых предков, внесших огромный творческий вклад в развитие культуры и науки. Она сумела перенять подлинное мастерство ученого у *В. Н. Щепкина* и способствовала возрождению его славы как палеографа. Все знают работы *М. В. Щепкиной*, опубликованные в последние десятилетия. Но она занималась исследованием древности тогда, когда заниматься этим было трудно. Она настолько хорошо понимала важность предмета своих изучений, что писала непрерывно, хотя первоначально и не могла надеяться на скорое напечатание написанного. В числе первых она оценила значение миниатюр как исторического источника, этой идеей пронизана и ее докторская диссертация. *М. Н. Тихомиров* всегда отдавал *М. В. Щепкиной* дань глубокого уважения. Их сближало подлинное мастерство, представление о высоком ремесле ученого. *Тихомиров* всегда прислушивался к ее мнению, привлек ее в Археографическую комиссию, где она долго оставалась чуть ли не единственным хранителем-рукописником. Ею оказана большая помощь в подготовке Сводного каталога рукописных книг. Без ее знаний, равно обстоятельных и в источниковедении, и в искусствоведении, и в истории русской и славянской рукописной книжности, вообще нельзя было бы составить этот каталог. Вспоминаются занятия по палеографии, которые проводила *М. В. Щепкина* со студентами-дипломниками истфака МГУ в Отделе рукописей в 1944 г. (руководителем этих занятий был *М. Н. Тихомиров*). Это была продуманная, насыщенная, сделанная с большим мастерством система изучения палеографии. Марфа Вячеславна долго присматривалась к студентам, пока не убеждалась, что они действительно интересуются делом, а тогда начинала раскрывать и подсказывать то, что, кроме нее, никто не мог знать. Еще больше было ее значение как педагога для тех, кто уже вышел из возраста учащегося, но нуждается в консультанте. Этим во многом определилось то истинное почтение, какое оказывали ей и зарубежные коллеги, для которых ее усилиями Исторический музей стал школой знания и гостеприимным домом. Патриотическая деятельность *М. В. Щепкиной* помогала

¹ См. об этом: ВИ, 1984, № 3, с. 109—110; СА, 1984, № 5.

² Текст выступления *Т. Н. Протасьевой* стал основой для некролога *М. В. Щепкиной* в настоящем томе.

создать достойное представление о нашей науке за рубежом. Продолжая традиции, восходящие к Ф. И. Буслеву, М. В. Щепкина была удивительно разносторонним знатоком рукописной книжности, расширившим в своих трудах эту область науки до истории культуры в широком смысле.

Нужно продумать, что сделать для опубликования и переиздания ее трудов, материалов о ее жизни и деятельности. М. В. Щепкина заслужила, чтобы память о ней сохранилась надолго. Важно продолжать в Отделе рукописей те традиции, которые связаны с именем М. В. Щепкиной. Это — внутренняя обязательность выполнения всех хранительских работ, традиция, очень важная для музея как учреждения культуры, традиция высокого уровня обслуживания посетителей. М. В. Щепкина была образцом в этом деле: человек такой культуры не жалел времени на обучение посетителей. Нужно добиваться, чтобы Отдел рукописей ГИМ всегда оставался образцом в этом отношении, чтобы сохраняли и оберегали эти традиции.

В выступлении Л. М. Костюжиной (ГИМ) шла речь о палеографических исследованиях М. В. Щепкиной (статья на тему выступления будет опубликована в Археографическом ежегоднике за 1985 год).

Л. П. Жуковская (ИРЯ) остановилась в своем выступлении на работах М. В. Щепкиной о «Слове о полку Игореве». Серия ее статей о «Слове» практически составляет законченную монографию. М. В. Щепкина считала, что работа над раскрытием неясных мест «Слова» требует бережного отношения к тексту первого издания его и наблюдений об употреблении отдельных букв. Начиная свои исследования она с целью истолкования неясных мест «Слова», для чего надо было восстановить правописание рукописи Мусина-Пушкина. Но сделанные ею замечания палеографического и кодикологического характера получили более широкое значение. Был осуществлен полостный и построчный расчет рукописи Мусина-Пушкина на основании издания и Екатерининской копии. Графика рукописи «Слова» была впервые выделена как предмет изучения. Было установлено, что наравне с орфографией рукописи графика имела особые черты, связанные с болгарским влиянием. В изучение орфографии также внесена существенная новизна: отмечена необходимость учитывать орфографию оригинала и списка. М. В. Щепкина занималась проблемой датировки памятника, интересовалась проблемой соотношения протографа и списков. При изучении первого издания «Слова» она первой высказала мысль о существовании списка, предшествовавшего Екатерининской копии; отмечала построчный характер этой копии; утверждала, что издатели стремились добросовестно передать текст, но видела их ошибки. Хотя не со всеми положениями М. В. Щепкиной соглашаются новейшие исследователи «Слова», ее работы представляют ценный вклад в изучение знаменитого памятника.

В начале своего выступления О. А. Князевская (Археографическая комиссия) говорила о работах М. В. Щепкиной по изучению болгарской миниатюры. Эти работы выделяются по своей методике, по своим выводам. Хотя М. В. Щепкина не была болгаристом в современном нашем понимании, ее разносторонняя ориентация в истории славянских народов, глубокое знание их рукописного наследия позволили ей достичь выдающихся результатов. Признание значения ее книги о миниатюрах — в предисловии, написанном И. Дуйчевым. В этой книге — удивительное проникновение в суть взаимоотношения орнамента, письма, исторического фона, в суть искусства рукописной книги. В исследовании дан широкий сравнительный материал, сделаны открытия, не получившие, к сожалению, дальнейшего развития. М. В. Щепкина привлекла материалы рукописей, повторяющих орнаментику Лондонского евангелия, отождествляя с ним Елисаветградское евангелие (ГБЛ); до сих пор язык и графико-орфографические особенности этих памятников остаются без сопоставления. Открытия М. В. Щепкиной тем удивительнее, что в ряде случаев она строила заключения без оригиналов, по опубликованным данным. Авторитет М. В. Щепкиной как ученого и человека необычайно высок и в Болгарии, и вообще в среде исследователей-славистов.

Далее О. А. Князевская говорила о М. В. Щепкиной как о руководителе коллектива Отдела рукописей. В 20-х годах, когда М. В. Щепкина была молодым сотрудником, Отдел рукописей пополнился огромным количеством новых поступлений. Принять и обработать их — стало важнейшей и трудоемкой задачей, причем это работа была прервана войной и эвакуацией. Возможность рационального описания рукописей появилась только после войны. Настоящий научный подвиг представляет описание пергаменных рукописей ГИМ, в основном результат усилий и организационно-педагогической деятельности М. В. Щепкиной.

О. И. Подобедова (ВНИИИ) охарактеризовала роль М. В. Щепкиной в изучении иллюстрированной рукописной книги. Ко времени появления трудов М. В. Щепкиной в науке утвердилось мнение о миниатюре как «подчиненном» источнике в сочетании с вниманием к искусству живописи как таковой. Вопросами интерпретации книги как целого почти не занимались, слабо этот аспект развит и ныне. М. В. Щепкина счастливо сочетала познания филолога, археографа, историка литературы и блестящего знатока древнерусской культуры. В ней было необычайно развито умение почувствовать эпоху. Восстанавливая традиции XIX в., она сказала новое слово в подходе к исследованию книжности: не только обследование рукописи как таковой, ее рисунков, реалий, но проникновение в задачу соотношения текста и интерпретирующего его образа. Миниатюра рассматривалась как выражение поэтического творчества русского народа. М. В. Щепкина приме-

нила подход с точки зрения фольклорной поэтики к рукописям житий. Это видение миниатюры позволило прочесть целый мир, скрытый для читателя. Метод поэтического параллелизма текста и изображения применен и в исследовании псалтирей Томича и Хлудова. Особенно интересна работа о Хлудовской псалтири, возникшей в эпоху борьбы с иконоборчеством. Изучая эту псалтирь, М. В. Щепкина раскрыла глубину теологических сиюров и умозрительных положений, отражение чаяний и страстного накала эпохи. Прозорливо внимательная к вопросам стиля, она расслаивала образы текста и миниатюр во времени, показывала их связи, касаясь проблемы отношения мастера к тексту, соотношения писца и иллюстратора, описателя и редактора рукописи. М. В. Щепкина являлась последним исследователем великой школы изучения миниатюры, основателем которой был Ф. И. Буслаев, продолжателем В. Н. Щепкин. Ее методы сегодня позволяют поставить вопрос об интерпретации текста миниатюристом на всем протяжении развития славяно-русской книжности.

В. С. Голышенко (ИРЯ) рассказала об участии М. В. Щепкиной в издании памятников письменности, в частности в работе сектора публикации ИРЯ. М. В. Щепкина, по существу, готовила кадры археографов-лингвистов. Современная публикаторская работа ведется ее учениками. Она принадлежала к категории педагогов, щедро делящих идеи. Руководила ненавязчиво, воспитывая собственным примером. Вся жизнь ее проникнута требовательностью к себе в сочетании с глубоким достоинством и нравственной основой личности. В. С. Голышенко прочла выдержки из писем к ней М. В. Щепкиной, существенно дополняющие представление о ее личности. Обычно сдержанная и немногословная, М. В. Щепкина отличалась тонким чувством юмора. Собравшиеся прослушали запись голоса М. В. Щепкиной: лекцию по палеографии, прочитанную в 1958 г.

А. Д. Черяков (ОР ГБЛ) говорил о психологических чертах М. В. Щепкиной — русского человека по сути и сердцу. Все ее работы отличает высокая гражданская ответственность. Ее внимательное и пристрастное отношение к исследователям было проявлением той же ответственности, по-настоящему государственного подхода к делу, так как, понимая, что отвечает за «национальную ризницу», она допускала в нее тех, кто продолжает дорогое ей дело. Возглавляемый ею Отдел рукописей никогда не запытал честь науки. Задача его — продолжать традиции М. В. Щепкиной.

С 1 марта по 14 июня в Москве в павильоне «Советская культура» на ВДНХ была открыта межотраслевая тематическая выставка «Использование Государственного архивного фонда СССР для дальнейшего развития советской культуры». Среди других экспонатов на выставке были представлены издания Археографической комиссии АН СССР и ее региональных отделений, схемы, фотогра-

фии и другие материалы, характеризующие их деятельность, результаты археографических экспедиций, организацию научных конференций и заседаний. В рамках выставки был проведен ряд научно-методических семинаров и заседаний «круглого стола», в которых приняли активное участие сотрудники Археографической комиссии. С докладами и сообщениями выступали Ю. В. Андрушайтите, А. А. Курпосов, В. А. Черныш С. О. Шмидт. Под председательством С. О. Шмидта было проведено совещание «Документы Государственного архивного фонда СССР как историческая база общественных наук» (5—7 июня).

Серебряной медалью «Участник ВДНХ» награжден ответственный редактор «Археографического ежегодника» С. О. Шмидт; бронзовой медалью — редактор издания «Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель», председатель Северного отделения Археографической комиссии А. П. Колесников.

31 мая были проведены традиционные Тихомировские чтения³.

28 июня в Археографической комиссии состоялась встреча сотрудников Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны, работавшей в 1941—1945 гг.⁴

6 сентября на заседании Археографической комиссии обсуждался доклад профессора университета г. Ренн (Франция) *Д. Шаховского* «Генеалогические и ономастические методы изучения архивных фондов XVIII—XX веков». Открывший заседание *С. О. Шмидт* охарактеризовал докладчика как специалиста в области русской генеалогии, сумевшего объединить сведения русских и зарубежных исследователей, руководителя работы по изданию генеалогических справочников о русском дворянстве. Доклад продолжает давние и прочные традиции связей ученых Академии наук СССР с зарубежными учеными. В докладе *Д. Шаховского* был обобщен опыт работы над архивными фондами ЦГАДА, ЦГВИА СССР, ЦГИА СССР и других хранилищ по извлечению и обработке с использованием современной вычислительной техники информации по генеалогии и ономастике русского дворянства. (Предполагается публикация статьи на тему доклада в Археографическом ежегоднике.)

А. Л. Хорошкевич (Институт истории СССР) отметила актуальность и своевременность доклада. В последние годы все более насущными становятся задачи создания межархивных справочников, еще не пользующихся у нас должным вниманием. Перспективы внедрения в работу по их составлению электронно-вычислительных машин весьма заманчивы — это повлечет настоящую революцию в труде историка. Помимо ценных генеалогических данных, материалы,

³ См. хронику заседания в настоящем томе.

⁴ См. информацию А. А. Курпосова в настоящем томе.

привлеченные докладчиком, могут представить интерес в аспекте исторической демографии, рисуя процессы иммиграции и ассимиляции иностранцев в России. Генеалогия позволяет также изучать социальную психологию дворянства на больших отрезках времени. А. Л. Хорошенич выразила надежду на дальнейшее сотрудничество докладчика с советскими учеными.

И. В. Борисов (МГИАИ), полагая желательным включить в генеалогический справочник геральдические материалы, предложил докладчику воспользоваться данными проведенной им обработки «Общего гербовника дворянских родов». По его мнению, в деле составления генеалогических и геральдических справочников применение ЭВМ представляет наиболее перспективное направление.

В. Б. Кобрин (МГПИ) отметил широту замысла и большой труд докладчика, предпринявшего издание справочника, сочетающего библиографические, архивные и генеалогические сведения. Такого рода издание позволит проследить конкретные проявления процессов классового образования, становления бюрократии, истории русской армии. К решению проблем исторической демографии следует относиться с большой осторожностью. Так, вероисповедание не было адекватно этническому самосознанию, поэтому перемена его не обязательно означала ассимиляцию иностранцев. При изучении этнического самосознания следует учитывать круг родственных связей, принятый в семье язык, графику рукописей и другие факторы.

Е. Н. Кушева обратила внимание на большое значение для разработки вопросов генеалогии архивных фондов губернских депутатских собраний. Многие из них изучаются местными историками и краеведами. Советские ученые, исследующие историю XIX—начала XX в., используют общие выводы генеалогических изысканий для решения таких общих проблем, как вопрос о дворянской колонизации разных областей страны (многое здесь сделано казанскими историками) или проблема раздворянивания, связанная с вопросом о «нервных» браках в дворянской среде. Последняя проблема важна и для истории советского общества: в пореволюционные годы многие из бывших дворян нашли свое место в новом обществе.

С. Е. Князьков (ЦГАДА) коснулся практического значения обсуждаемой работы для советских архивов. Учитывая сложность научно-справочного аппарата ЦГАДА, устарелость ряда описей, незавершенность разработки именного каталога, этот архив кровно заинтересован в издании генеалогического справочника. Стоит подумать о привлечении к его составлению сотрудников архива, среди которых есть специалисты по генеалогии. Для полноты справочника необходимо привлечь обширный фонд Поместного приказа, имеющий составленные в XVIII в. алфавиты.

В. А. Черных (Археографическая комиссия), положительно оценив доклад,

высказал пожелание о продолжении подобного рода заседаний специалистов по генеалогии, которые могли бы найти в этих заседаниях подходящую форму для обмена мнениями; в настоящее время им явно не хватает возможностей научного общения.

За более регулярное научное общение специалистов по генеалогии, за дискуссии о проблемах вспомогательных исторических дисциплин ратовала *М. Е. Бычкова* (Институт истории СССР). По ее мнению, заседание подтвердило представление о тесных взаимосвязях генеалогии и ономастики, генеалогии и демографии, других специальных дисциплин. В то же время, хотя несомненно, что генеалогия связана с исторической демографией, ей необходимо разрабатывать свои специфические методы, в том числе позволяющие применять машинные способы обработки данных. Коснувшись процессов ассимиляции иностранцев в России, *М. Е. Бычкова* призвала рассматривать эти процессы исторически. Например, отношение к вероисповеданию очень изменилось от XVI к XVIII в.: прежде иностранцев на русской службе заставляли принимать православие. Она поставила вопрос о публикации ценнейшего генеалогического источника — «Росписей, поданных в Палату родословных дел», представляющего незаменимый материал по истории классов и сословий, государственного аппарата.

В заключительном слове *С. О. Шмидт* отметил большое значение завершения и публикации работы, проводимой *Д. Шаховским*. Тема ее важна для изучения вопросов демографической, социальной и культурной, государственной истории. Без этого научного выхода специалисту по генеалогии трудно работать. Не случаен поэтому большой интерес к докладу исследователей разных областей истории, проявившийся в обсуждении. Многие ценные рекомендации в ходе обсуждения следует учесть, рассмотреть практические возможности сотрудничества. Заседание стало свидетельством и роста интереса к тематике специальных исторических дисциплин, и успешности контактов советских историков с зарубежными учеными.

25 сентября на заседании Археографической комиссии с сообщением об открытии издания, напечатанного около 1579 г. в Казани шрифтом московской анонимной типографии, выступил *А. А. Турилов*⁵. В обсуждении приняли участие *В. А. Черных*, *О. А. Князевская*, *Н. А. Долобанова*, *Н. Б. Шелманова*, отметившие, что эта находка существенно расширяет наши представления о начальных этапах русского книгопечатания.

30 октября на заседании Археографической комиссии состоялось обсуждение доклада профессора *И. Кеннеди-Гримстед* (Гарвардский университет, США) «Новые издания справочников по мате-

⁵ Статья по теме сообщения опубликована в «Книжном обозрении» (1984, № 44, 2 нояб.).

риалам советских архивов в США». Докладчица ознакомила с новейшими справочными изданиями, подготовленными ею по материалам хранилищ республик Советской Прибалтики, информировала о предполагаемом появлении подобного справочника по хранилищам Украины. Вместе со справочниками по собраниям Москвы и Ленинграда, вышедшими ранее, они являются продолжением темы «Архивы и рукописные хранилища Советского Союза», разрабатываемой П. Кеннеди-Гримстед в историческом, архивоведческом и библиографическом аспектах. Докладчица рассказала также о предпринятом ею в сотрудничестве с польскими учеными новом исследовании архивной судьбы Литовской метрики. Вышло издание, содержащее факсимильное воспроизведение описания Литовской метрики С. Л. Пташицкого, дополненное сопоставлениями шифров томов метрики по разным описаниям, причем результаты этих сопоставлений обработаны на компьютере, а материалы обработки приложены к изданию⁶. П. Кеннеди-Гримстед предприняла также попытку установить, что имеется в виду в литературе под названием «Литовская метрика», реконструировать, что представляло собою это собрание в разное время. Рассказав о своих новых находках при изучении материалов Литовской метрики в ЦГАДА, а также в польских архивах, докладчица предложила создать коллектив специалистов, который сможет реконструировать Литовскую метрику как исторический источник.

Выступившая при обсуждении доклада А. Л. Хорошкевич (Институт истории СССР) отметила полезность указанных изданий, ценность обобщения достижений польской дипломатики (точнее — канцеляреведения), осмысления состава Литовской метрики и ее архивных судеб. В центре внимания докладчицы оказались последние столетия истории этого собрания. Для архивистов и исследователей полезно переиздание описания Пташицкого с новыми архивными шифрами. Сопоставление их с номерами всех описей, начиная с XVII в., выясняет поэтапную перемену этих номеров и состава Литовской метрики. Важно было бы издать опись Ханкевича, значение которой можно сравнить с значением известных описей Посольского приказа: она не менее ценна для истории архивистики XVII в. А. Л. Хорошкевич выразила надежду на плодотворность сотрудничества специалистов разных стран в изучении Литовской метрики.

А. С. Светенко (ЦГАДА), отметив большое практическое значение издания опи-

сания Литовской метрики, рассмотрел изменение значения этого термина, начиная с наименования канцелярии Великого княжества Литовского. По его мнению, нельзя добиться «чистоты» состава Метрики: получившееся в результате сложного развития собрание имеет свою внутреннюю логику. При изучении хранящихся в ЦГАДА материалов Литовской метрики используются разнообразные приемы, показавшие свою состоятельность в исследовании близких по характеру фондов.

Н. В. Синицына (Институт истории СССР) сказала, что недавние исследования Литовской метрики раскрывают возможности кодикологического анализа этого источника, до сих пор еще недостаточно используемые. Следует подвергнуть анализу пометы на обложках, способы шивки тетрадей, бумагу рукописей, что очень важно для изучения происхождения памятного.

По мнению М. Е. Бычковой (Институт истории СССР), изучение фонда любого средневекового учреждения ставит примерно одинаковые проблемы. Такого рода проблемы еще в 40-х годах решал Л. В. Черепнин по отношению к русским феодальным архивам. Такие же вопросы можно поставить при изучении фонда Разрядного приказа в ЦГАДА. Поэтому при изучении не самого обширного фонда Литовской метрики необходимо учитывать методы, выработанные советской наукой. Следует различать историю делопроизводства и архивного фонда. Само наименование «Литовская метрика» — не историческое, а архивное, появившееся в XVII в. Оно приводит к двойственности в определении круга охваченных собранием материалов. Представленная работа ценна не тем, что дает окончательное решение сложных вопросов происхождения Метрики, а тем, что открывает новые горизонты работы.

Н. Б. Шеламанова (Археографическая комиссия) подчеркнула смешанный характер фонда Литовской метрики. Особенности работы литовской великокняжеской канцелярии состояла в разнообразии документов и отсутствии четкой их градации при включении в книги Метрики. Отсюда во многом и происходит спутанность представлений об этом собрании.

Заклучая обсуждение, С. О. Шмидт отметил, что новейшие изыскания П. Кеннеди-Гримстед не случайно привлекли внимание. Тематика этих изысканий близка к направлению развития советской исторической науки, для которой после трудов А. Е. Преснякова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина особенно характерен интерес к истории архивов. Весьма плодотворными представляются попытки реконструировать средневековый архив, изучить его складывание и описание. Для исследования в этом аспекте Литовской метрики со времен С. Л. Пташицкого уже многое сделано, прежде всего советскими и польскими учеными. Научное сотрудничество специалистов разных стран имеет большое значение, так как позволяет организовать разностороннее изучение сложных источ-

⁶ The «Lithuanian Metrica» in Moscow and Warsaw: Reconstructing the Archives of the Grand Duchy of Lithuania. Including an Annotated Edition of the 1887 Inventory Compiled by Stanislaw Ptaszicki. P. Kennedy Grimsted with the collaboration of I. Sulowska-Kurasowa. Cambridge (Mass.), 1984.

ников, осуществлять его с применением современной методики и техники.

13 декабря состоялось совместное заседание Археографической комиссии и Сектора истории СССР периода Великой Отечественной войны Института истории СССР АН СССР. Заведующий сектором *Г. А. Куманев* выступил с докладом «Звукозаписи воспоминаний военачальников и командиров тыла военных лет (из опыта работы Сектора истории СССР периода Великой Отечественной войны)». Доклад сопровождался демонстрацией звукозаписей воспоминаний и интервью видных советских государственных и военных деятелей. На заседании отмечалось, что наша страна была в числе тех, которые начинали собирание звуковых воспоминаний. В последние годы большую роль в этом патриотическом деле сыграла инициатива Сектора истории СССР периода Великой Отечественной войны по созданию ценнейшего фонда фонограмм и стенограмм, по подготовке издания воспоминаний.

* * *

27 марта 1984 г. Бюро Отделения истории АН СССР заслушало и обсудило сообщения д. и. ч. *С. О. Шмидта* и чл.-корр. АН СССР *В. Л. Янина* о деятельности Археографической комиссии со времени предыдущей проверки ее работы, состоявшейся в декабре 1979 г., и приняло соответствующее постановление. В постановлении отмечается, что за последние годы Археографическая комиссия проделала значительную работу. Совмещая функции научного совета по археографии и смежным научным дисциплинам и научного подразделения Отделения истории АН СССР, Комиссия осуществляет исследование проблем археографии, архивоведения и специальных исторических дисциплин, а также координацию деятельности академических научных учреждений, вузов, архивов, библиотек, музеев, общественных организаций в области собирания, учета, изучения, описания и публикации документальных памятников истории и культуры. Комиссия опирается в работе на свои региональные отделения и Секцию восточной археографии, действующие на общественных началах, а также на археографические группы и лаборатории, созданные в ряде вузов. Комиссия работает в постоянном контакте с учреждениями различных ведомств: АН СССР и союзных республик. Главархива, Министерств культуры, высшего и среднего специального образования, просвещения СССР и союзных республик, а также с ЦПА и ИМЛ при ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры и др.

Наиболее важными направлениями работы Археографической комиссии, ее отделений и секций являются подготовка «Сводного каталога рукописных книг (по XV в. включительно), хранящихся в СССР», «Каталога личных фондов отечественных историков», издание «Археографического ежегодника», ежегодника «Вспомогательные исторические дис-

циплины», а также координация деятельности археографических экспедиций, изучающих и собирающих памятники старинной письменности, научно-методическая помощь учреждениям и общественным организациям, занимающихся сбором у населения документальных памятников советского общества, их хранением и использованием. Археографическая комиссия регулярно проводит научные конференции и заседания (в том числе ежегодные «Тихомировские чтения»), на которых анализируются и обобщаются актуальные проблемы развития археографии и смежных научных дисциплин и изучения их истории. Эти проблемы находят отражение в изданиях Археографической комиссии и ее региональных отделений. Рекомендации Археографической комиссии используются в практической работе по собиранию, описанию и публикации документальных памятников истории и культуры, а также в преподавании археографии и других специальных исторических дисциплин.

В 1980—1983 гг. Археографическая комиссия подготовила первый выпуск «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг», опубликовала два тома каталога-путеводителя о памятниках письменности в музеях Вологодской области, четыре тома «Археографического ежегодника», пять томов ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины», а также ряд других изданий, вызвавших положительный резонанс у советской и международной научной общественности. Деятельность Археографической комиссии способствует углубленному изучению документальных памятников и разработке специальных научных дисциплин. Она важна не только для специалистов по отечественной истории и культуре, но и для славяноведов, а также для филологов, литературоведов, искусствоведов. Большая работа проводится комиссией по выявлению и учету документальных памятников, проаганде дела охраны и использования этих памятников, укреплению связей учреждений АН СССР с учреждениями-хранителями памятников, с высшей и средней школой, общественными организациями.

Вместе с тем в постановлении отмечается, что в работе Археографической комиссии имеются определенные трудности и недостатки: ограничены ее издательские возможности; переносятся сроки завершения некоторых важных работ; недостаточно развиты связи с научными учреждениями ряда союзных республик; в штате комиссии мало специалистов, имеющих опыт описания древних рукописей; требует активизации деятельности Секции восточной археографии; в связи с расширением археографической деятельности в ряде регионов страны назрел вопрос о создании новых отделений Археографической комиссии (в Поволжье, в центре РСФСР и др.), необходимо также активизировать деятельность Археографической комиссии АН УССР.

Бюро Отделения истории АН СССР постановило одобрить в целом деятельность Археографической комиссии и ее

отделений; считать важнейшей задачей комиссии на ближайшие годы работу над «Сводным каталогом рукописных книг, хранящихся в СССР»; обратить внимание Комиссии на необходимость своевременной подготовки «Каталога личных фондов отечественных историков», рекомендовав шире привлекать к этой работе специалистов на общественных началах.

Признана полезной практика подготовки и издания Археографической комиссией совместно с заинтересованными учреждениями и общественными организациями методических пособий по сбору, учету, описанию и использованию документальных памятников советской эпохи как соответствующая Закону Со-

юза ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры»; рекомендовано Археографической комиссии разработать предложения об издании совместно с Министерством культуры СССР и другими заинтересованными учреждениями научного описания и материалов, собранных Афонской археографической экспедицией, а также о публикации наиболее ценных из них; совместно с другими заинтересованными учреждениями разработать предложения о дальнейшем расширении работы по выявлению документальных памятников отечественной истории и культуры в зарубежных хранилищах.

С. В. Чирков

ВСТРЕЧА СОТРУДНИКОВ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ АН СССР

28 июня 1984 г. на заседании Археографической комиссии АН СССР выступили бывшие сотрудники Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР: Р. И. Голубева, Е. Н. Городецкий (ИИ СССР АН СССР), Л. М. Зак (НИИ культуры Министерства культуры РСФСР), Р. И. Кроль, академик И. И. Мянц, М. Г. Седов (МГУ), Н. С. Трусова, З. И. Фазин.

Выступление академика И. И. Мянца

Я с воодушевлением и большим удовлетворением узнал о работе Археографической комиссии по изучению деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны. В нашей науке огромное значение имеют свидетельства участников событий. Очень часто, встречая в печати сведения, не чувствуешь живой жилки! Читал очерк о нас, опубликованный в «Археографическом ежегоднике». Очень приятно было увидеть, что наша работа не пропала даром. Но я, конечно, не мог найти подробностей, как все действительно происходило в жизни.

Как зачиналось это дело? Это был июль 41-го года. Тяжелое время. Армии наши отступали с боями. В это трудное время я написал письмо в Центральный Комитет партии, в котором говорилось: понимаю, сейчас тяжелые условия. Но насколько богаче были бы наши представления об Отечественной войне 1812 г., если бы ее участники оставили свои рассказы. Сейчас мы не должны терять времени. Необходимо запечатлеть нынешние события. Потом человечество будет спрашивать, как это все происходило. Я предлагаю создать Комиссию, которая будет собирать материал, изучать, анализировать, создавать летопись величественной эпохи. Проходила неделя за неделей. Ответа не было. Я думал: не до истории сейчас.

Это верно, если между историей и сегодняшним днем нет прямой связи. А прямая такая связь была и я очень волновался. И вдруг мне позвонил начальник ПУРККА, секретарь ЦК А. С. Щербаков и говорит: у меня лежит Ваше письмо с резолюцией Сталина «Согласен». При-

ходите, поговорим, как это дело организовать.

14 или 15 декабря произошел разговор о деятельности будущей комиссии. Я рассказал приблизительно, чем будем заниматься. Самое главное: из рассказов участников событий, военачальников узнать их замыслы. Ведь приказы не всегда регистрировались, а это имеет огромное значение для понимания событий. Темами работ будущей комиссии и назвал Смоленское сражение, события под Можайском и др. А с кого начать? Предложил начать с командиров и политработников, вышедших из окружения и еще не получивших новых назначений. По приказу А. С. Щербакова было выделено несколько десятков офицеров, которые рассказывали о пережитом, а некоторые из них получали от нас задания, ездили и описывали эти события со слов очевидцев. Кое-кто из этих людей стал постоянным сотрудником комиссии.

Начало партизанское движение. Мне было поручено написать статью о партизанском движении эпохи гражданской войны, подчеркнуть его разницу с современным. Брошюра была опубликована¹. В связи с этим стали записывать рассказы партизан и подпольщиков. Первая группа материалов связана с партизанами Подмосковья. Это был исключительный материал, который сохранил свою ценность и сейчас.

Вместе с тем мне удалось договориться с управлением кадров нашей армии о том, чтобы каждый, кому присвоено звание Героя Советского Союза, приходил к нам, чтобы мы его записывали. Вот однажды к нам зашел солдатик. Я спрашиваю: «Кто мне?» — «А я не знаю, зачем меня прислали». — Тут он переходит на «ты». — «Понимаешь, рота наша отошла, а я и не заметил. Остался один. Заполз в воронку, стал отстреливаться. Когда кончились патроны, стал швырять гранаты. Потом

¹ Мянц И. И. Партизанская война. М., 1941.

стал хватать на лету немецкие гранаты и кидать их обратно. Подошла наша рота. Я присоединился. Вот за это мне дают звание Героя». — Можете представить, какая окраска играет в этом маленьком эпизоде, как он содержателен.

Или другой случай: партизаны во главе с бывшим председателем сельсовета ворвались в село, разбили гарнизон. Но группа фашистов заперлась в доме самого председателя. А там были его старики-родители. Партизаны решили было отказать от гранат, но председатель возразил: рвите, не упускать же фашистов, они опять уничтожат много людей. . . Партизаны взорвали дом. К счастью, старики спрятались за печью и уцелели. А врагов взяли. Об этом эпизоде я рассказывал в докладе о партизанской войне, который сделал в Коминтерне. А этот доклад дал начало и работе над брошюрой о партизанском движении.

У нас 11 600 Героев Советского Союза военных лет. Мы записали примерно 10 % — тысячу, тысячу сто. Из записанных нами больше половины погибли. Например, мы записали рассказ Ю. Талалихина о первом ночном таране над Москвой. Позднее он погиб. Эти предсмертные записи приобретают совсем особый характер и окраску. Я мечтал издать галерею «Герои Советского Союза», в которой каждому отвести хотя бы по 20 строк. Была бы потрясающая книга. Я поставил этот вопрос. Но дело не двинулось и до сих пор.

Работа комиссии широко пропагандировалась. Иначе бы мы не смогли работать. Печатались материалы о результатах ее деятельности. Например, в «Правде» был опубликован акт, составленный нами после освобождения Ясной Поляны. Публиковались наши выступления, письма. Конечно, это была пропаганда и нашей работы. В той или иной мере комиссия сыграла какую-то роль и в создании Чрезвычайной государственной комиссии по учету ущерба, нанесенного фашистами. В частности, в январе 1942 г. было направлено в ЦК письмо о необходимости такой организации. Убеждение в этом у нас окрепло после посещения освобожденных в ходе Московского сражения городов — Яхромы и других.

В заключение хочу сказать еще одно: ничто не пропадает в истории. Доказательство тому — работа, сделанная нами. Я только жалею о том, что никто не рассказывал, в каких условиях она происходила. А я помню, перед наступлением под Москвой мы посетили командующего 5-й армией генерала Л. А. Говорова. Я его лично знал еще по гражданской войне. Беседа происходила у него на командном пункте под непрерывным аргоном. Мне это было немножко более привычно. А стенографистке А. И. Шампиной совсем непривычно. А она записывала. Нередко работа выполнялась с опасностью для жизни. Например, во время осады и штурма Кенигсберга.

Такой встречей Археографическая комиссия делает большое дело во имя нашей любимой исторической науки. Без собранных нами и другими материалов

многое выглядит слишком сухо. А с ними, да еще и с рассказами о том, как они собирались, получается другая картина, живая, интересная.

Хроника заседания¹

Открывая заседание, С. О. Шмидт высоко оценил заслуги коллектива Комиссии по истории Великой Отечественной войны в формировании фонда источников, в собирании личных свидетельств и других документов служебного и личного характера на фронте и в тылу. Он отметил, что сотрудники комиссии опирались на опыт подготовки изданий по истории фабрик и заводов, истории гражданской войны и других. Это — один из немногих примеров создания источникового фонда исторической науки во время самих событий. Вместе с тем было положено начало и научному историческому осмыслению этого периода. С. О. Шмидт напомнил о том, что деятельность этого коллектива ученых в какой-то степени уже отражена в «Археографическом ежегоднике» (за 1973 и 1981 гг.) и в других изданиях. Работа сотрудников комиссии заслуживает не только признания, уважения, но и еще более углубленного изучения.

На заседании выступил академик И. И. Минц (текст выступления публикуется)

Е. Н. Городецкий напомнил о том, что традиция собирания документов и свидетельств участников событий восходит к А. М. Горькому. Комиссия по истории Великой Отечественной войны сформировалась на базе Главной редакции истории гражданской войны, где работали И. И. Минц и другие ее сотрудники, в том числе недавно окончившие ИФЛИ. Е. Н. Городецкий и другие участники встречи отметили решающий вклад И. И. Минца во всю деятельность коллектива: в выработку общих задач, в установление связей с другими учреждениями, в методику и организацию всех работ. Молодые историки прошли в комиссии хорошую профессиональную школу. Количество и качество собранных материалов во многом определялось опытом и требовательностью руководителя. Уже в 1942 г. комиссия начала издавать брошюры, статьи, методические пособия (в частности, по сбору материалов и написанию истории воинских частей).

Е. Н. Городецкий рассказал о поездке в Ясную Поляну вскоре после ее освобождения. Кроме Минца и Городецкого, там были С. А. Есенина-Толстая, известные архитекторы, литературоведы. Собирали свидетельства сотрудников музея — М. И. Щеголевой и др., местных крестьян. Результаты этой работы отражены в книге, изданной в 1942 г., которая имела огромный резонанс во всем мире. Участники поездки увидели и узнали из свидетельств очевидцев массу фактов осквернения дома и могилы великого писателя.

¹ Краткий отчет об этом заседании см.: СА, 1985, № 1, с. 91—92. Фонограмма заседания передана в ЦГАЗ и в НА ИИ.

Позднее Городецкий ездил в Клин, в дом-музей П. И. Чайковского. Запомнилась встреча с местными партизанами, состоявшая во время этой поездки.

Вскоре после создания «центральной» Комиссии организуются ее филиалы. Сначала — в блокадном Ленинграде, а затем — республиканские и областные комиссии. Их работе большое внимание уделяли партийные органы. Опираясь на формирующийся архив, сотрудники комиссии написали ряд работ (многие из них остались неопубликованными). При этом не прерывалась работа над историей гражданской войны. В 1942 г. были изданы 2-й том «Истории гражданской войны», сборники документов, научно-популярные работы.

М. Г. Седов участвовал в работе совещания, на котором обсуждался вопрос об организации работы Комиссии. Председатель Комиссии Г. Ф. Александров сказал, что историки должны создать материалы, достойно отражающие историю войны. А. С. Шербаков оказывал практическую помощь в работе. Седов работал с генералами, которые находились на излечении в Москве. Он провел беседу с командующим Западным фронтом А. И. Еременко. Его рассказы отразили трагедию первых месяцев войны. Чтобы устоять, нужно было проявить необыкновенную энергию. Приходилось сражаться в окружении. Седовым были проведены беседы с генералом Г. П. Софроновым, который командовал Отдельной Приморской армией, защищавшей Одессу, с генералом И. Е. Петровым и др. М. Г. Седов заметил, что подчас приходилось много усилий прилагать для того, чтобы убедить участников событий рассказать о пережитом. И это не всегда удавалось. Категорически отказался от записи, например, К. К. Рокоссовский, сказав: «У меня нет пока начала для воспоминаний. Приходите после войны». Л. М. Зак рассказала о том, что и генерал Л. А. Говоров, у которого она была с Минцем, не сразу согласился на запись беседы. Лишь после «психологической обработки» со стороны Минца он оттаял. В результате появилась чрезвычайно содержательная стенограмма о Московском сражении. О таких же трудностях говорила и Н. С. Трусова, которая добилась встречи с белорусскими партизанами благодаря случайности: их командиру запомнился еще довоенный разговор с Трусовой во Владивостоке о необходимости бережного отношения к архивам. В результате было записано все, что можно было записать, и получено все, что можно было получить.

Н. С. Трусова сказала и о больших трудностях, связанных с условиями работы: война еще продолжалась, события не закончились, а развивались. Активные участники войны по-разному были осведомлены об обстановке, часто знали только одну из сторон происходивших событий, по-разному освещали один и тот же факт. Запись рассказов часто происходила в не совсем спокойной обстановке. Чтобы стенограмма получилась ценной, недостаточно слушать, надо было руково-

дить записью, а для этого надо было знать чуть-чуть больше, чем тот, кто рассказывает, или хотя бы хорошо представлять общую обстановку, при которой происходили события. А это было не всегда возможно. *Н. С. Трусова, Л. М. Зак, Р. И. Кроль* и все другие участники встречи отметили, что эти и другие трудности, в том числе бытовые, повседневные, легче преодолевались благодаря преданности сотрудников делу, их полной самоотдаче, высокому профессионализму, теплой товарищеской атмосфере в коллективе. Подчеркивалась высокая квалификация стенографисток Шамшиной, Бондаренко и др., секретаря комиссии Печенковой. Особенно важным моментом, в конечном счете обеспечившим успех работы комиссии, были завоеванный ею высокий авторитет, доверие, которым пользовались ее сотрудники, всесторонняя поддержка и помощь со стороны партийных, военных и гражданских органов.

В методическом отношении важно свидетельство *Р. И. Кроль* о том, что во время записей рассказов очень точно фиксировались особенности речи участников войны, не исправлялись погрешности, своеобразие языка героев. Ведь стенографировались уроженцы разных районов нашей страны со своими особенностями речи.

Участники заседания поделились воспоминаниями об особенно запомнившихся им встречах. *Л. М. Зак* сообщила подробности работы с Героями Советского Союза; вспомнила, как составлялась история 12 гвардейского истребительного авиационного полка, из состава которого осталось в живых два-три человека. *Л. М. Зак* рассказала о встрече с М. И. Калининым, в связи с подготовкой к публикации книги о событиях ноября 1941 г. М. И. Калинин считал излишними слишком пышные эпитеты, настаивал на ясных и скромных определениях. Довелось ей встретиться и с партизанами из отряда, в котором сражалась Зоя Космодемьянская. В результате появилась статья «Две Тани».

Р. И. Голубева работала в военном отделе комиссии. В 1942 г. ей был поручен сбор материалов о латышских воинских частях. С письмом А. Я. Пельше — тогда секретаря ЦК КП(б) Латвии, председателя Комиссии по истории Великой Отечественной войны при ЦК КП(б) Латвии — Голубева была в 201-й латышской стрелковой дивизии, сделала первые записи бесед с командирами, бойцами и политработниками. Она встречалась с А. Я. Пельше, проявлявшим большое внимание к сбору документальных материалов. В 1943 г. были записаны рассказы о боях 1941 г. под Боровском и Наро-Фоминском, где начался боевой путь соединения, о действиях в районе Демянского плацдарма. Много записей бесед дали поездки 1944–1945 гг. в 130-й Латышский стрелковый корпус. В итоге был собран уникальный мемуарный и документальный материал обо всем боевом пути латышских частей в годы войны.

Р. И. Голубева собирала также материалы в 4-м гвардейском кавалерийском корпусе и 8-й Пафилловской гвардейской

дивизии. Стенографировались воспоминания командования и курсантов училища им. Верховного Совета РСФСР о боях под Москвой, а также участников московского ополчения. Собраны материалы об участии женщин в войне.

З. И. Фазин был прикомандирован к комиссии Главным политуправлением Военно-Морского флота весной 1943 г. Еще в марте-апреле 1942 г. направлен в осажденный Севастополь. Он записал свидетельства моряков — участников обороны Севастополя, Крыма, Одессы и на их основании написал очерки. В 1944 г. вместе с Н. С. Трусовой и П. И. Белецким был командирован в освобожденный Крым, где записывал рассказы бойцов и командиров 51-й армии.

Все участники встречи говорили о ценности собранных ими документов и личных свидетельств. Они подчеркивали необходимость тщательного сохранения

этого бесценного документального комплекса и введения его в обиход исторической науки.

В завершение встречи И. И. Минц ответил на вопросы присутствующих и сообщил дополнительные сведения о деятельности комиссии. Заключая заседание С. О. Шмидт особо выделил вопрос о том, что его материалы вместе с уже опубликованными работами, опирающимися на изучение архивных документов, могут послужить основой для подготовки специального издания, посвященного деятельности комиссии. Такое издание было бы полезно не только для изучения периода Великой Отечественной войны, но и для собственно историографических представлений об особенностях развития советской исторической науки.

А. А. Курносов

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI—XIII вв.) / Гл. ред. С. О. Шмидт; Редкол.: Л. П. Жуковская (отв. ред.), Н. Б. Тихомиров, Н. Б. Шеламанова. М., 1984. 405 с. (Академия наук СССР. Отделение истории. Археографическая комиссия). Каталог включает описания 494 древнейших славянских рукописей, находящихся в 23 центральных и местных хранилищах.

Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и личные летописи времени Ивана Грозного / Отв. ред. акад. Д. С. Лихачев. М., 1984. 277 с. (Академия наук СССР. Археографическая комиссия. Ин-т истории СССР).

Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в.: Справочник. Сост. В. И. Савва; Изд. подгот. к печати В. Ю. Афиани, С. А. Морозовым; Под ред. и с предисл. С. О. Шмидта. М., 1983. 422 с. (Академия наук СССР. Ин-т истории СССР. Археографическая комиссия). Ротапр.

Публикации и описания документальных памятников истории и культуры; труды по археологии и смежным научным дисциплинам: Библиогр. указ. Ч. I (1968—1972) / Сост. С. С. Баранцева; Редкол.: О. А. Князевская, К. К. Мироненко, В. А. Черных (отв. ред.). М., 1984. 175 с. (Академия наук СССР. Археографическая комиссия. Главное архивное управление при Совете Министров СССР). Ротапр.

Предварительный список для «Каталога личных архивных фондов отечественных историков» / Отв. ред. С. О. Шмидт; Сост.: В. Ю. Афиани, М. П. Мироненко. М., 1984. 148 с. (Главное архивное управление СССР. Археографическая комиссия АН СССР). Ротапр.¹

Охрана и использование документальных памятников истории и культуры / Отв. ред. С. О. Шмидт. Вологда, 1984. 111 с. (Центральный Совет ВООПИК; Вологодское областное отделение ВООПИК; Археографическая комиссия АН СССР; Северное отделение Археографической комиссии; Вологодский государственный педагогический институт). Ротапр. Отглавление: Предисловие. I. Статьи: Е. И. Макаровский. Вологодское областное отделение ВООПИК; П. А. Колесников. Деятельность Вологодского отделения Общества и Северного отделения Археографической комиссии по выявлению, учету, собиранию и использованию документальных памятников; С. О. Шмидт. Выявление, собирание, учет, описание и использование документальных памятников и задачи секции документальных памятников Центрального совета; А. А. Курносов. Научно-методическая помощь Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Археографической комиссии АН СССР музеям, работающим на общественных началах; Е. М. Зенц. Некоторые проблемы комплектования документальных материалов в музеях РСФСР; Н. И. Баландин. Формы и методы поисковой работы документов Великой Отечественной войны; А. А. Амосов. «Вологодская программа»: итоги и перспективы. II. Сообщения: Н. В. Полянский, И. В. Поздеевой, Л. Н. Краснопева, А. А. Александрова, Ю. Н. Жукова, А. М. Блинова, А. Г. Букштынович, М. А. Ильина, А. А. Севастьяновой, Т. В. Черторицкой, А. В. Фролова, Н. И. Решетникова, В. Ф. Козлова, Л. Ф. Фоминой, А. И. Лаптева, З. П. Иноземцевой, В. Е. Туманова.

¹ ВИ, 1984, № 9, с. 147—148.

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Ленинградское

25 октября состоялось годовичное заседание отделения, посвященное итогам археографических экспедиций 1984 г. С сообщениями о результатах экспедиций выступили В. П. Бударягин (ИРЛИ), И. Е. Евсеева (ЛГУ), А. Г. Бобров (ГПБ), Н. Ю. Бубнов (БАН), А. А. Петрова (БАН), А. Н. Власов (ЛГУ), А. А. Амосов (БАН).

Северное

Вышли в свет две части научного описания «Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель» под общей редакцией П. А. Колесникова: Ч. 4, вып. 2. Документы XVI—XVIII вв. в Череповецком краеведческом музее / Сост. Б. Н. Морозов. Вологда, 1984. 208 с. (БАН, Северное отделение Археографической комиссии, ВГПИ, Секция документальных памятников ВООПИК); Ч. 5. Документы советского периода / Отв. сост. Н. И. Решетников, составители: А. А. Амосов, Б. Н. Морозов, В. В. Морозов, С. А. Морозов. Вологда, 1984. 312 с. (Центральный музей Революции, БАН, Северное отделение Археографической комиссии ВГПИ, Управление культуры Вологодского облисполкома, Секция документальных памятников ВООПИК).

Исполнительный комитет Вологодского областного Совета народных депутатов 27 апреля 1984 г. принял решение «Об издании Свода документальных памятников истории и культуры Вологодской области». Согласно этому решению, управление культуры облисполкома, областное отделение ВООПИК и ВГПИ должны завершить издание Свода документальных памятников в форме каталогов-путеводителей в 1986 г. Для научной классификации памятников, описания их и составления каталогов на уровне современных научных требований привлечены специалисты Археографической комиссии АН СССР и Центрального музея Революции СССР. Общая координация работы по составлению Свода и общее редактирование подготавливаемых каталогов-путеводителей возложено на профессора ВГПИ П. А. Колесникова.

На расширенном заседании Бюро Северного отделения комиссии в ноябре 1984 г. утвержден перспективный план подготовки очередных выпусков каталога-путеводителя на 1985—86 гг. Всего должно быть издано 14 выпусков, а также сводный указатель архивных фондов личного происхождения, хранящихся в музеях, архивах и библиотеках Вологодской обл. Начата подготовительная работа по составлению аналогичных каталогов-путеводителей, находящихся в хранилищах Архангельской области.

Северное отделение Археографической комиссии оказывает помощь Государственному архиву Вологодской области в разборке и описании коллекции дел-

производственных документов (столбцов) XVI—XVII вв.

В ходе археографических экспедиций вряду с памятниками старинной письменности получены документы по истории советского периода, в частности письма с фронтов Великой Отечественной войны.

Уральское

В феврале 1984 г. в Свердловске состоялись вторые Уральские археографические чтения «Археографические исследования и изучение духовной культуры Урала», организованные Уральским отделением Археографической комиссии, УГУ, Институтом эконоимики УНЦ АН СССР и Голольным советом по комплексной проблеме «Духовная культура Урала» Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР. В работе конференции приняли участие исследователи, преподаватели и студенты высших учебных заведений, сотрудники музеев, библиотек и архивов Свердловска, Перми, Челябинска, Соликамска, а также Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Сыктывкара. На пленарных и секционных заседаниях заслушаны и обсуждены более 40 докладов и сообщений. В принятом конференцией решении отмечается, что на Урале за последние годы сложился плодотворно работающий научный коллектив, осуществляющий полевые археографические исследования на высоком профессиональном уровне. Эти исследования организационно увязываются с изучением духовной культуры уральского горнозаводского населения XVI—XIX вв. В УГУ налажена подготовка квалифицированных кадров археографов. Отмечается необходимость организации научного описания собранных рукописных, книжных и документальных коллекций, расширения работы по сборанию документальных памятников советской эпохи.

Южноуральское

Вышли в свет монография: *Гвоздика И. М.* Салават Юлаев: Исследование документальных источников. Уфа, 1984 (в пер. на башк.) и сборник статей молодых ученых «Источниковедение и источники изучения истории и культуры Башкирии». Уфа, 1984 (совм. с ИИЯЛ БФ АН СССР).

Подготовлены к изданию три археографических сборника, составленные совместно с ИИЯЛ БФ АН СССР: «Малоизученные источники по истории Башкирии»; «Вопросы описания и каталогизации восточных рукописей»; «Башкирские шежере. Статьи и документальные публикации».

Группа археографии и текстологии ИИЯЛ БФ АН СССР ведет работу по научному описанию восточных рукописей и печатных изданий, собранных археографическими экспедициями института.

Сотрудники группы провели каталогизацию арабоязычной части фонда Отдела редкой книги и рукописей Башкирской республиканской библиотеки им. Н. К. Крупской (140 ед. хр.).

Сибирское

Вышли в свет: сб. ст. «Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России» (Археография и источниковедение Сибири, сб. VIII) / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1984. 247 с. и кн.: *Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами М.*, 1984.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1984 Г.

Полевые исследования кириллической книжной традиции

Экспедиции Древлехранилища им. В. И. Малышева ИРЛИ (руководитель В. П. Бударагин) и филологического факультета ЛГУ под руководством И. А. Евсевой продолжали работу в Архангельской обл. (на С. Двине и Мезени). Как и в предшествующие годы, рукописные книги, полученные в этих экспедициях, поступили в ИРЛИ, а старопечатные — в Научную библиотеку ЛГУ. Археографы БАН провели экспедиции в ЛитССР (руководитель А. А. Амосов), а также совместно с ВГПИ и ВГКМ — в Вологодской обл. (Н. Ю. Бубнов, Л. А. Петрова, Ю. С. Васильев). ГПБ совместно с Псковским музеем-заповедником вела работы в Псковской обл. (руководитель А. Г. Бобров; рукописи поступили в ГПБ, печатные издания — в Псковский музей).

Археографическая группа МГУ продолжала комплексные исследования в Пермской обл. (Верхокамье и бассейн р. Колва; руководители — И. В. Поздеева, Е. Б. Смилянская) совместно с ПГУ (Г. Н. Чагин), а также в Поволжье (Ульяновская, Пензенская, Саратовская, Волгоградская области; руководитель Е. А. Агеева), Молдавской ССР (А. Д. Паскаль), Москве и Подмосковье (И. В. Поздеева, Л. А. Игошев). С. Е. Никитина (ИЯ) изучала песенный и устный фольклор в районах Урала и Ветки; ею сделано около 20 час. магнитофонных записей. В ходе экспедиций оказана помощь местным музеям по определению и датировке рукописей.

Сибирское отделение Археографической комиссии, объединяющее работу археографов ИИФФ СО АН, НГУ и ГПНТБ СО АН, провело экспедиции в Хабаровском и Приморском краях, Амурской обл. (В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп, Т. Н. Илюшечкина, Н. Д. Зольникова), Кемеровской обл. (В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп), Тюменской обл. (Д. О. Серов, Т. Ф. Чалкова), КиргССР (Н. С. Гурьянова, О. Д. Горелкина, С. А. Языков).

В экспедициях Уральского отделения

191 с. Подготовлено научное описание книг кириллической печати, хранящихся в ГПНТБ (составитель — В. Н. Алексеев).

ИИФФ, ГПНТБ и НГУ провели совместную археографическую конференцию «Федоровские чтения»; на организованной в связи с этим выставке были представлены 17 экземпляров книг печати Ивана Федорова и другие старопечатные издания, полученные в результате археографических экспедиций в Сибири. В НГУ проведена встреча археографов — выпускников университета.

Археографической комиссии, организуемых лабораторией археографических исследований УГУ, приняли участие сотрудники Отдела истории Института экономики УНЦ АН СССР, Пермской областной публичной библиотеки, преподаватели и студенты Уральской государственной консерватории и Свердловского педагогического института, а также С. Е. Никитина (ИЯ). Работа проходила на территории Свердловской, Пермской, Тюменской, Курганской, Кировской, Куйбышевской областей и Башкирской АССР. Руководитель экспедиции — В. И. Байдин, руководители отрядов — Н. Н. Барминская, О. К. Беляева, А. А. Гриненко, Н. А. Мудрова.

Археографические экспедиции ГГУ (руководитель — Т. В. Чарторицкая), ЯГУ (руководитель — А. А. Севастьянова), СГУ (Т. Ф. Волкова), Псковского объединенного музея-заповедника (Н. П. Осипова) работали в пределах соответствующих областей и АССР.

В результате названных экспедиций получено 655 рукописей (XV в. — 1, XVI в., — 3, XVII в. — 21) и 266 старопечатных книг кириллической традиции (XVI в. — 10, XVII в. — 77).

Древлехранилище ИРЛИ пополнилось в результате экспедиций 114 рукописями (XVII в. — 2). Большая их часть привезена экспедицией студентов ЛГУ с Северной Двины. Среди них: сборник литературного содержания 70—80-х годов XVII в. с видением пономаря Тарасия, житием Прокопия Устюжского, повестью о царице Динаре, сказанием о Тихвинской иконе Богородицы; «Ответы архангелогородские» в списке середины XIX в. с указанием на полях рукописи возможного автора этого сочинения — инока Анофрия; дополнения к крестьянскому архиву П. Ф. и Н. П. Шестаковых (семейная переписка, материалы по истории старообрядчества). Из бассейна Мезени привезено 16 рукописей XVII—XX вв., преимущественно служебного содержания, но представляющих интерес для истории местного скрытничества.

В БАН поступили 31 рукописная книга и 7 печатных изданий; среди них

Учительное евангелие второй четверти XV в., две рукописи XVI в.: Часовник и Евангелие-апракос. Наиболее интересны по содержанию сборник-конволют XVII—XVIII вв., содержащий сочинения Арсения Суханова: «Прение с греками о вере» в списке 1670-х годов и «Проскинитарий» в списке начала XVIII в., три сборника XVIII в. («Праздники на крюковых потах» и два литературно-полюемических сборника). Следует назвать также литературный сборник первой трети XIX в., принадлежащий трем поколениям крестьянской семьи Чахутиных, оставившим на книге свои записи с 1828 по 1912 г. Среди старопечатных книг выделяются Постная триодь издания Ивана Андроникова Невежи (М., 1607) и Часослов (1714). Кроме того, шесть старопечатных книг, в том числе Часовник (М., 1644) поступили в ВГКМ.

Экспедиция ГПБ получила 31 рукопись, в том числе сборник-конволют XVIII—XIX вв., содержащий службу, «слово похвальное и сказание о Мирожской иконе Богородицы, а также службу Довмонту. Представляют интерес «Сказание о Наполеоне-антихристе», переписанное в 1853 г., а также «Целебник» начала XX в. Для изучения старообрядческой музыки интересны 6 нотированных рукописей XIX—XX вв. Особое место среди находок занимает конволют XVII—XIX вв. Его печатная часть оказалась фрагментом Часовника начала 1650-х годов, расположенные орнаменты в котором не совпадают с известными изданиями.

В научную библиотеку ЛГУ поступили 9 старопечатных книг (XVII в. — 2).

Научная библиотека МГУ пополнилась 148 рукописями (XVI в. — 1, XVII в. — 8) и 63 старопечатными книгами (XVI в. — 4, XVII в. — 25). В бассейне р. Колвы (Пермская обл.) получена 21 рукопись XVIII—XX вв. — местные памятники поморской и бегунской традиции; наиболее интересны среди них тексты духовных стихов и учебные рукописи бегунских общежитий. Среди 6 полученных печатных изданий наибольший интерес представляют Учительное евангелие (Вильно, Мамоничи, 1595) с вкладной записью архимандрита Ионы, чрезвычайно редкая «Служба положению рыц господней» (М.: Печ. двор, ок. 1625) и первое издание Капонника (М., В. Ф. Бурцев, 15.I 1641) с послесловием об учении книжном. В Москве и Московской обл. приобретены 5 рукописей и 1 старопечатная книга (XVII в.). Среди рукописей — ранний список Хронографа редакции 1620 г., сделанный в конце 1640-х годов; Толковая Псалтирь, дополненная 30 стихами XVII в. в списке последней трети XVII в.; певческий сборник 1620-х годов, с редкими и необычными записями; сборник конца XIX в. с роскошным гуслицким орнаментом, включающий Праздничный обиход демеством; сборник последней трети XVIII в., включающий десятки наиболее популярных в старообрядческой среде древнерусских сочинений.

В Верхотамье получены 31 рукопись (рубеж XV—XVI вв. — 1, XVII в. —

1) и 15 старопечатных книг (XVI в. — 2, XVII в. — 13). Древнейшей находкой является Миняя за сентябрь. 1670-ми годами датируется январская Миняя, сохранившая запись XVII в. троицкого попа Макара, вложившего книгу в Троице-Сергиев монастырь. Получены также рукописи поморского письма с орнаментом XVIII в. («Альфа и омега») и сборник церковно-учительного состава; ряд поздних оригинальных старообрядческих памятников местного происхождения (список максимовского Подлинника о разделе рубежа XIX—XX вв.; сборник, содержащий пять полемических писем 1810 г. против воззрений федосеевцев); три стиховника и 11 четких сборников XIX в. Среди печатных книг — Триодь цветная (М., А. Т. Невежа, 24.XII 1591), Василий Великий. Книга о постничестве (Острог, 3.III 1594), Миняя за октябрь (М., И. А. Невежин, 23.IX 1609), 11 изданий Московского печатного двора первой половины XVII в., в их числе — крайне редкие Часовник (1.IV 1631) и Псалтирь (1.VIII 1649). Из приобретенных книг 10 содержат записи. На октябрьской Минее 1609 г. — большая (около 80 слов) вкладная запись духовника царя Алексея Михайловича — протопопа Стефана Вонифатьева в церковь Троицы в Касимовский уезд, отражающая старообрядческие взгляды автора; на Октоихе (М., А. Ф. Фофанов, 23.IX 1618) в 1620 г. оставил запись «государев гость Надея Андреев сын Светешников»; августовская Миняя (М., 8.VI 1630) содержит несколько записей князей Куракиных; через неделю после напечатания февральской Миней (М., 25.I 1646) ее купил и вложил во Введенскую церковь в Бараших под сосенками» государев певчий дьяк Семен Денисов.

Из Молдавии привезено Евангелие — тетр конца XVI—начала XVIII в. с кинноварной вязью. Поволжской экспедицией получены 87 рукописей (XVII в. — 1) и 41 печатная книга (XVI в. — 1, XVII в. — 9). Большинство памятников происходит из библиотеки Е. И. Погорелова, умершего около 20 лет назад. Эту библиотеку сохранил и передал МГУ зять Погорелова А. Т. Зузанов. В составе библиотеки — рукописи выговского письма, бытовавшие в окрестностях Иргиза, четьи сборники XVIII—XIX вв., полемические произведения, крюковые рукописи XIX—начала XX в. Самая ранняя рукопись — Цветник второй половины XVII в.; следует выделить также два списка «Поморских ответов» чрезвычайно тонкого письма с роскошными заставками (первая половина XVIII в.). Среди полученных печатных изданий — Острожская библия прекрасной сохранности с выходным листом 1580/81 г., принадлежавшая Л. Ф. Пичугину; редкие издания Московского печатного двора: Часовник (15.II 1645); Псалтирь (20.IX 1645), принадлежавшая в середине XVII в. кожевнику Г. Я. Сузьмееву; Учительное евангелие (4.V 1629), вложенное в июле 1629 г. «по указу великие княгини иноки Марфы Ивановны... ко Знамению пречистыя Богоро-

дицы, что у Государева старого двора»; 20 чрезвычайно редких изданий Московской синодальной типографии XVIII в.

Экспедициями Сибирского отделения Археографической комиссии получено 37 рукописей — (XVII в. — 4) и 44 старопечатные книги (XVI в. — 2, XVII в. — 19). Наиболее интересны: сборник житий, слов и поучений (1630-е годы), содержащий, в частности, жития Алексея митрополита, Антония Римлянина, Игнатия епископа ростовского, фрагменты Печерского патерика; сборник поморский литературного и исторического содержания (конволют конца XVII—начала XIX в.), включающий Историю о вере и челобитную о стрельцах Саввы Романова, Сказание о страдании Павла епископа Коломенского, проложное житие Феодосия Печерского, документальное сказание о посольстве В. Коробьина и О. Кувшинова и прислании к Москве ризы Христовой в 1625 г.; лицевой сборник середины XIX в. с 46 красочными миниатюрами; сборник конца XVII—начала XVIII в., содержащий синодик с именами сибирских наставников поморцев; полемические старообрядческие сборники XIX в. Из печатных изданий следует отметить экземпляр Острожской библии, полученный в Амурской обл., Постную триодь (М., 1650) с владельческой записью Строгановых; Часовник (М., 1634); два издания типографии Бурцева: Требник (М., 1642) и Канонник (М., 1641); Псалтирь типографии М. Слезки (Львов, 1642, дефектный экз.); Апокалипсис (фрагмент издания: Новый завет с Псалтирью. Вильно, 1596) с записью 1673 г.; Минеею общую (М., Н. Ф. Фофанов, 1609) с многочисленными рукописными вставками; Минеею общую (М., 1625) с записями XVII в. летописного характера («Во 141-м году ходил Шеин под Смоленец», «Во 153-м году соль была дорога, по четыре гривны за пуд» и т. п.); Беседы Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла (Киев, 1623). В Амурской обл. получены также ксерокопии части архива наставника «средников» — ответвления часовенного согласия.

Уральской объединенной археографической экспедицией получено 219 рукописей (XVII в. — 1) и 45 старопечатных книг (XVI в. — 3, XVII в. — 12). Наиболее ранняя рукопись — Изумруд (1650-е годы) с записями XVIII—XIX вв. Следует также отметить ряд старообрядческих сборников XVIII в., содержащих, в частности, «Сказание священника Феодора страдальца», выписки из произведений Аввакума, Изумрада, Кормчей, книги аввы Дорофея и т. д.; полемические сочинения XIX—начала XX в. Среди печатных изданий — Острожская библия (получена в Башкирии), Апостол (Вильно, тип. Мамоничей); издания Московского печатного двора: Триодь цветная (24.XI 1591) и Грамматика М. Смотрицкого (2.II 1648).

Научная библиотека ГГУ пополнилась в результате экспедиций 3 рукописями конца XIX—начала XX в. (среди них — старообрядческий четий сборник, содержащий житие Андрея Юродивого, и

выписки из Кормчей, Потребника, Устава, книги Никона Черногорца) и 15 старопечатными книгами (XVII в. — 4), из которых наиболее интересны Киево-Печерский патерик (Киев, 1602), Ефрем-Сирия и авва Дорофей, Поучения (М., 1.I 1652).

Археографами ЯГУ получены 16 рукописей XVIII—XIX вв. и 19 старопечатных книг (XVII в. — 2). Из рукописей наиболее интересны сборник-конволют конца XVIII—XIX в., содержащий духовные стихи (с многочисленными разночтениями по сравнению с опубликованными вариантами), канон св. ангелу Грозному воеводе, отрывок из канона русским чудотворцам; Псалтирь с исследованием первой половины XIX в., исполненная поморским полууставом с цветными заставками и инициалами в старопечатном стиле; «Устав о христианском житии» второй половины XIX в.; певческий нотированный сборник второй половины XIX в. Из печатных изданий интересно Евангелие (М., 1649).

Экспедицией СГУ получено 46 рукописей XVIII—XX вв. и 5 старопечатных книг (XVII в. — 1). Среди рукописей — сборники духовных стихов, слов и поучений, житие Нифонта (рубеж XVIII—XIX в.), Слово Елифана Кипрского-Слово Иоанна Златоуста, Ирмологий нотированный (XVIII в.); среди книг — Псалтирь (М., 1657).

В Псковский объединенный музей-заповедник поступило 10 рукописей (XVII в. — 1) и 53 старопечатные книги (XVII в. — 9). Часть книг происходит из коллекции Т. Г. Мисеникова. Среди полученных — Синодик Благовещенской церкви погоста Опоки (XVII в.); 6 крюковых рукописей XVIII—XX вв.; старообрядческий сборник-конволют XIX в., содержащий выписки из Апокалипсиса, Кормчей, сочинений отцов церкви, посланий митрополита Фотия. Среди печатных книг — издания Московского печатного двора: Октоих, ч. II (7.V 1631), Миная общая (20.I 1632), Устав (Ооцерковное, 30.IX 1633), Октоих, ч. II (1649), Евангелие учительное (12.VI 1652), Октоих, ч. I (25.I 1666), Миная служебная на май (1693), а также Миная служебная на сентябрь (М., В. Ф. Бурцев 30.VIII 1636), издания старообрядческих и единоверческих типографий XIX—начала XX в.

Полевые исследования книжной традиции на восточных языках

ИИЯЛ БФАН проводил полевые археографические исследования в Челябинской обл. (руководитель — И. Г. Галляудинов) и Башкирской АССР (М. Х. Надергулов). В результате этих работ в ИИЯЛ поступило 15 рукописей XVIII—начала XX в. и 41 печатное издание XIX—начала XX в., исполненные арабским шрифтом на турецких и арабском языках. Среди полученных рукописей — трактат по основам фикха (мусульманского права) в списке конца XVIII в., сказание о Сайид Баттале,

толкование книги «Субат ал-гажизин» Аллаяра-Суфий, записи по истории бап-кир, сборники стихотворений, религиозные сочинения.

ИЯЛИ КФАН организовал две археографические экспедиции в районы Татарской АССР, Горьковской, Кировской и Пермской областей (руководители М. И. Ахметзянов и Р. А. Ахметов). В результате этих экспедиций получено 177 рукописей и 13 литографированных изданий на тюркских, арабском и персидском языках. По сведениям, обобщенным заведующим сектором литературы ИЯЛИ Н. Г. Юзеевым, самая ранняя датированная рукопись — пособие по мусульманскому праву на арабском языке — переписана в 1665 г.; 5 рукописей датированы второй половиной XVIII в.; 40 недатированных рукописей по палеографическим особенностям и бумаге относятся к XVII—XVIII вв. Помимо рукописей религиозного содержания, получены также трактаты научного характера (по арабскому языкознанию, правоведению, логике, истории, народной медицине, астрономии); среди них особый интерес представляет фрагмент трактата по истории Ирана периода античности и раннего средневековья на персидском языке в списке XVIII в. Интересны также выписки из трудов татарских ученых XIX в. Абунасыра Курсави и Шигабутдина Марджани. Обнаружено неизвестное произведение татарского философа XIX в. под названием «Рисали-и Хабибулла Оруви». Среди рукописей литературного характера — списки произведений татарских поэтов и прозаиков Х. Муслими, Х. Салихова, Т. Ялыгулова, Г. Тукая, М. Гафури, Ф. Амирхана. Большую научную ценность представляет сборник на татарском языке «Хикаятнама», состоящий из 42 рассказов и датированный 1830 г. Литература других восточных народов представлена списком поэмы персидского писателя XIV в. А. Джамии «Юсиф и Зулейха», переписанным Габдулгазизом сыном Забира в с. Угуз Иман (ныне Черемшанский район Татарской АССР), а также переводом «Поэмы тайи» персидского поэта Ф. Атара, выполненным в XVIII в. Ахмедом сыном Камала.

Археографические экспедиции КГУ (руководитель М. А. Усманов) работали в Татарской и Марийской АССР. Ими получены 172 рукописи XVII—XX вв., 40 печатных изданий, а также более 70 актов документов XIX в. Как сообщает научный руководитель экспедиций, заведующий кафедрой истории СССР до советского периода КГУ М. А. Усманов, полученные материалы существенно обогащают репертуар татарской рукописной литературной традиции. В нем представлены не только новые списки уже известных литературных, фольклорных, научных сочинений, но и образцы народных песен, которые ранее не были известны в таком сочетании текстов. Особый интерес представляют два сборника так называемых «коротких песен», обнаруженные в Марийской АССР. Не менее интересен список архаичной об-

рядовой песни «Яр-яр», найденный в Татарской АССР. Получены новые списки известных произведений татарских поэтов и прозаиков Кул Гали, Г. Утыз Имяни, М. Акмуллы, Т. Ялыгула и др. Среди исторических произведений заслуживает внимания список «Истории Булгарии» Х. Муслими. Для изучения татаро-узбекских культурных связей представляют интерес список стихотворений узбекского поэта-вольномудца XVII в. Б. Машраба, а также список (дефектный) сочинения по истории среднеазиатских ханств XVIII—XIX вв., написанного в Поволжье. Частно-юридические документы из Марийской АССР (акты купли-продажи, долговые, арендные, брачные договоры, мирские приговоры, завещания и т. п.) представляют собой остатки «служебной канцелярии» одной «династии» местных мулл и содержат ценные сведения по социально-экономической истории татарских аулов в XIX в.

В Бурятский ИОН, по сообщению ученого секретаря института Л. Г. Ивашиной, поступила коллекция рукописей и киелографов Б.-М. Дашиева, подаренная вдовой собирателя. В ней имеются списки обрядовой литературы, догматических буддийских сочинений, астрологических и медицинских трактатов. Получен также личный архив поэта и фольклориста И. Н. Мадасана, содержащий, в частности, ценные сведения по генеалогии бурятских родов.

В результате экспедиции ИИЯЛ ДФАН, проводившейся на территории Дагестанской АССР (руководитель А. Р. Шихсаидов), получены 10 рукописных книг на арабском языке, в том числе датированные XIV—XVI вв. и переписанные в Дагестане в начале XVII в., а также собрание официальных бумаг 1864—1870 гг. из Табасарана (около 150 документов в подлинниках и рукописях). Выявлены в местных библиотеках книги, печатавшиеся в 1903—1917 гг. на аварском, кумыкском и даргинском языках. Выявлены и взяты на учет собрания рукописных и старопечатных книг, хранящиеся при мечетях и у частных лиц, а также эпиграфические памятники.

Институт рукописей АНУзССР в результате семи экспедиционных выездов (в Бухарскую, Кашка-Дарьинскую и Ферганскую обл.) и повседневных закупок приобрел 470 рукописей и 240 старопечатных книг. По сообщению председателя закупочной комиссии института М. Хакимова, наибольшую ценность представляют рукописи: Хафиз. Диван в списке XVIII в. с 50 миниатюрами; Хазик. «Йусуф и Зулейха» в списке 1842 г.; Низомуддин Ишрат. Диван, автограф; «Баяз» — сборник произведений 45 персоязычных поэтов (список XIX в.); Навои. «Хамса» (список 1853 г.); Мирхонд. «Равзат ус-сафо» в узбекском переводе Муниса; «Рисолаи мусики» — о музыкантах XV в.; «Ахлоки Алои» — турецкий медицинский трактат в списке 1565 г.

В статье Д. И. Тверской «О некоторых итогах развития полевой археографии

Количество памятников славяно-русской (кириллической) письменности, полученных в результате археографических экспедиций 1975—1984 гг.

Год	Рукописные книги				Старопечатные книги		
	всего	в том числе			всего	в том числе	
		XV в.	XVI в.	XVII в.		XVI в.	XVII в.
1975	324	1	9	9	174	5	60
1976	572	—	12	24	323	5	66
1977	707	4	11	23	438	16	145
1978	381	3	3	7	371	11	95
1979	380	1	7	9	270	6	60
1980	500	2	6	16	390	14	89
1981	405	—	6	39	368	7	107
1982	630	—	7	18	366	5	134
1983	617	1	4	12	267	10	77
1984	655	1	3	21	266	10	77
Итого	5048	13	68	178	3143	89	910

на территории СССР в послевоенный период» (История СССР, 1976, № 1, с. 114) была опубликована таблица, отражающая количественные результаты работы экспедиций по сбору памятников славяно-русской письменности за 1948—1974 гг. Публикуемая ныне таблица подводит аналогичные итоги работы археографических экспедиций за последующие десять лет. Эти итоги свидетельствуют, что, несмотря на интенсивную работу археографов по сбору у населения старинных документальных памятников, несмотря также на непрекращающуюся, к сожалению, деятельность незаконных собирателей, спекулирующих памятниками истории и культуры, количество старинных книг и рукописей, поступающих на государственное хранение в результате археографических экспедиций, не обнаруживает тенденции к спаду

(хотя и подвергается колебаниям от года к году).

В значительной степени это объясняется расширением масштабов археографического поиска, возникновением новых центров, занимающихся собиранием памятников старинной письменности и книжности, совершенствованием методики проведения экспедиций, укреплением контактов с носителями и хранителями средневековой письменной традиции. Вместе с тем это свидетельствует о том, что на руках у населения в отдельных районах продолжает еще оставаться значительное количество старинных книг и рукописей, и можно рассчитывать, что археографические экспедиции в ближайшие годы будут продолжать приносить существенные плоды.

В. А. Черныш

СОБИРАНИЕ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ В ЦГАОР СССР

В 1974 г. в ЦГАОР СССР был создан отдел (с 1979 г. — архивохранилище) личных фондов. За 10 лет принято более 40 тыс. документов большевистского подполья, участников Великой Октябрьской социалистической революции, советских государственных и общественных деятелей. Биографические документы, воспоминания, фотоснимки передали участники революционного движения в России, рабкоры большевистской «Правды», ветераны социалистической революции, бывшие работники СНК РСФСР, ЦИК СССР, ВЦСПС, других учреждений, фонды которых хранит архив. Поступили фонды Героя Социалистического Труда А. В. Артюхиной, руководителя Истпрофа ВЦСПС профессора Ю. К. Милонова, члена Петроградского ВРК М. П. Ефремова, документы многих других активных участников Великого Октября. 30 октября 1984 г. состоялось заседание Научного совета ЦГАОР СССР. С докладом

«Комплектование ЦГАОР СССР в 1981—1984 гг. документами личного происхождения и некоторые вопросы дальнейшего приема на государственное хранение документов участников Октябрьской революции и социалистического строительства» выступил заведующий архивохранилищем личных фондов Н. С. Зелов. В докладе были поставлены вопросы работы с владельцами документов личного происхождения, совершенствования методики отбора и приема документов.

На заседании выступило 16 человек: В. Н. Автократов, К. И. Рудельсон (ВНИИДАД), Л. Г. Сырченко (МГИАИ), Л. В. Тиганова (РО ГБЛ), А. М. Гак (ЦМР), представители ЦПА ИМЛ, ЦГАНХ, ЦГАСА, сотрудники ЦГАОР СССР, Центрального архива ВЦСПС, других ведомственных архивов, родственники участников Великой Октябрьской социалистической революции. А. И. Мельчин рассказал о своих встречах с членом

КПСС с 1905 г. В. П. Голионко, другими видными участниками революционного движения, об использовании их личных архивов в работе над биографическими книгами о Г. К. Орджоникидзе, Н. М. Швернике.

Участники заседания внесли предло-

жения по координации работы государственных хранилищ в деле собирания документов личного происхождения, совершенствования методики их отбора и приема, периодической информации о новых поступлениях.

Н. З.

90-летие В. А. МОШИНА

9 октября 1984 г. исполнилось 90 лет Владимиру Алексеевичу Мошину, крупнейшему специалисту в области южнославянской палеографии. Начав свой путь в науку с проблем византиноведения (византийско-славянские отношения, историческая этнология Восточной Европы; следует отметить издание греческих грамот, ставшее настольной книгой византинистов¹), Мошин от греческих источников перешел к изучению славянских рукописей. Они-то и стали главным делом его жизни.

Палеославистика приобрела в лице Мошина редкого специалиста — широко и глубоко образованного историка, палеографа, искусствоведа, филолога, прекрасно знающего древние языки, а также историю и содержание церковнославянских текстов. Усвоив и продолжив лучшие традиции русской славистической археографии, заложенные А. Х. Востоковым, А. В. Горским и К. И. Невоструевым, А. И. Соболевским, В. Н. Щепкиным, С. М. Кульбакиным, Е. Ф. Карским, В. А. Мошин разработал новые методологические принципы, на основании которых в течение нескольких десятилетий занимался вместе со своими учениками систематизацией и описанием южнославянских кириллических рукописных памятников из хранилищ Югославии². Немало внимания уделял Мошин изданию памятников южнославянской письменности³.

Принципиально значимым стал труд

Мошина по южнославянским филиграммам⁴. Накопленный ученым богатейший материал по водяным знакам XIII—XIV вв. и разработанная им методика работы позволяют проводить датировку бумажных рукописей с точностью до двух-трех десятилетий, чего до него южнославянская палеогеография не знала. Новая методология дала возможность Мошину провести пересмотр датировок рукописей ряда собраний и сделать много уточнений, в том числе богатейшего собрания А. Ф. Гильфердинга в Государственной публичной библиотеке Ленинграда⁵.

Надежным подспорьем для исследователей древнеславянских рукописей явились разработки Мошина о палеографическо-орфографических нормах важнейших южнославянских писцовых школ⁶, о периодизации русско-южнославянских литературных связей в X—XV вв.⁷, о проблеме аутентичности средневековых актов и другие исследования палеографическо-филологического характера.

Огромный опыт работы со славянскими рукописным наследием подсказал Мошину обратиться к наименее исследованным частям палеографического корпуса памятников, которые таят в себе еще неучтенные, но важные характеристики рукописей. Так, появляется его большая работа об орнаменте южнославянских рукописей XI—XIII вв.⁸ и серия работ его ученицы О. Неделькович о надстрочных знаках, которые во многом стимулировали развитие славянской исторической акцентологии.

Придавая большое значение древнейшим эпиграфическим памятникам (благодаря усилиям Мошина важнейшие из них, найденные на территории Югославии, собраны в Охридском музее в постоянной экспозиции «Славянская письменность»), Мошин, вероятно, первый привлек их для сопоставительного палеографического анализа древних рукописей, чтобы получить в них опору для атрибуции наиболее древних начертаний букв. Этот и другие аргументы — исто-

¹ Грчке повеље српских владара. Објавили др. А. Соловјев и др. В. Мошин. Београд; Изд-во Српска академија. 1936.

² *Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije. I dio, Opis rukopisa; II dio. Reprodukcije.* Zagreb, 1955, 1952; Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966; *Ћирилски рукописи Повијесног музеја Хрватске.* Копитарева збирка. Београд, 1971. Т. I, II; *Словенски рукописи во Македонија.* Скопје, 1971. Т. I, II; *Рукописи Пећке патријаршије.* — Старице Косова и Метохије, Приштина, 1968—1971, књ. IV, V; и т. д.

³ *Ljetopis popa Dukljanina. Latinski tekst sa hrvatskim prijevodom i «Hrvatska kronika».* Zagreb, 1950; *Македонско евангелие на поп Јована.* Скопје, 1954; и др. С 1975 г. под редакцијом В. А. Мошина начало выходить в Скопле периодическое издание «Споменици за средновековата и повновата историја на Македонија».

⁴ *Filigranes des XIII et XIV siècles par V. Mošin et S. Traljić.* Zagreb, 1957. Т. I, II.

⁵ См.: ТОДРЛ, 1958, т. XV, с. 409—417.

⁶ См.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». М., 1973, вып. I, с. 43—75.

⁷ См.: ТОДРЛ, 1963, т. XIX, с. 372—380.

⁸ *Radovi Naučnog društva Bosne i Hercegovine.* Sarajevo, 1957, t. VII, s. 1—79.

рические, филологические и палеогеографические — легли в основу последнего исследования Мошина об Остромировом евангелии и Новгородских листках, которые, как полагает ученый, являются остатком сделанного в X в. в Македонии перевода греческого апракоса, послужившего оригиналом для Остромирова евангелия⁹.

Научные заслуги В. А. Мошина в развитии палеославистики получили широкое признание и известность во всех странах, где занимаются древними памятниками письменности славян, особенно в Югославии, в академических институтах и архивах которой Мошин работает более 60 лет, и в Советской стране, гражданином которой он является¹⁰.

⁹ См.: Археографски прилози. Београд, 1983, т. 5, с. 7—64.

¹⁰ См. полную библиографию трудов В. А. Мошина в сборнике в честь его

В свой славный юбилей Владимир Алексеевич Мошин полон новых научных планов, осуществления которых ему пожелали от всего сердца собравшиеся его приветствовать сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР (секторы славянского этногенеза, международных отношений в новое и новейшее время, группа общекарпатского диалектологического атласа), Института истории СССР АН СССР (сектор истории древнейших государств на территории СССР), Археографической комиссии АН СССР, филологического факультета МГУ (кафедра славянского языкознания), Отдела рукописей ГБЛ.

Н. И. Толстой, Р. В. Булатова

80-летия (Зборник Владимира Мошина. Београд, 1977, с. 7—16) и дополнения (Археографски прилози. Београд, 1983, т. 5, с. 75—77).

ПОСТУПЛЕНИЕ ЛИЧНОГО ФОНДА В. И. ЛЕБЕДЕВА В АРХИВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

К 90-летию известного советского историка профессора Владимира Ивановича Лебедева (1894—1966)¹ исследователям стали доступны материалы его личного фонда, недавно поступившие в Архив МГУ. Часть материалов ученого находится в фондах учреждений и лиц, с которыми была связана его многообразная деятельность. Так, его письма имеются в фонде М. Н. Тихомирова (ААН, ф. 693)²; историков объединяло многолетнее творческое содружество по работе в университете и подготовке ряда учебных пособий.

Основу фонда составляют материалы о работе кафедры истории СССР, которую он возглавлял, согласно данным его анкеты, в 1935—1942 гг.; подготовительные материалы к изданным в 1939 г. курсу лекций В. И. Лебедева «История СССР до XIX в.» и т. 1 учебника для вузов «История СССР», вышедшему в свет под его редакцией (совместно с С. В. Бахрушиным и Б. Д. Грековым); наброски и машинописи его неизданных трудов. Это очерки «Антифеодальные крестьянские войны XVII—XVIII вв.» (250 л., 1956 г.), монография «Народные движения 1707—1708 гг. на южных ок-

раинах России» (640 л., 1960 г.), сборник документов «Памятники истории России 1-й четверти XVIII в.» (986 л., 1964 г.).

В числе документов кафедры сохранились копии некоторых предвоенных протоколов ее заседаний и учебных планов, протокольные записи выступлений С. В. Бахрушина, Ю. В. Готье, Б. Д. Грекова, В. И. Лебедева, В. И. Пичеты, Н. Л. Рубинштейна на совещании авторов т. 1 2-го издания учебника «История СССР» от 6 сентября 1940 г. под председательством В. И. Лебедева, отчеты о работе кафедры за вторую половину 1937/38 уч. г. и 1942/43 уч. г. Имеются тезисы заслушанных на заседаниях кафедры докладов М. Н. Тихомирова «Неизданная Вологодско-Пермская летопись XV—XVI вв.», «Феодальные повинности в вотчинах Волоцкого монастыря в XVI в.» (машинопись, 1940 г.). Интересны памятные фотографии студентов-выпускников 1939 (1-й выпуск), 1940, 1950, 1959, 1960 гг. и ведущих преподавателей истфака.

В фонде есть неуправленная стенограмма доклада Лебедева «Об участии народов феодально-крепостнической России в крестьянских войнах XVII—XVIII вв.» на состоявшемся 13 декабря 1944 г. пленарном заседании конференции МГУ «Современные проблемы науки» и выступлений по докладу. Автографами представлены программа спецкурса «Антифеодальные крестьянские войны XVII—XVIII вв.» и календарный план спецкурса «Дворянско-бюрократическая империя Петра I». Сохранились стенограммы лекций, прочитанных на истфаке в предвоенные годы: «Борьба с польско-литовской интервенцией в начале XVII в.», «Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева».

¹ Сведения о биографии ученого и его научно-педагогической деятельности см.: ВИ, 1965, № 3, с. 161—162; 1966, № 6, с. 220; История СССР, 1966, № 6, с. 222—224 (здесь приведен также список его опубликованных работ). См. также кн.: Историческая наука в Московском университете, 1934—1984. М., 1984, с. 95, с. 100—101 и др.

² Рукописное наследие М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание / Сост. И. П. Старовойтова. М., 1974, с. 138.

Копия ходатайства акад. Б. Д. Грекова, Е. А. Косминского, чл.-кор. М. Н. Тихомирова, проректора МГУ проф. А. Л. Сидорова, декана истфака проф. Б. А. Рыбакова и других ведущих преподавателей факультета (1954 г., всего 17 подписей) о присвоении В. И. Лебедеву ученой степени доктора исторических наук без защиты диссертации, на основании опубликованных трудов и общественной и педагогической деятельности, свидетельствует об авторитете ученого. Ему, члену КПСС с 1927 г., принадлежит заметная роль в утверждении марксистско-ленинского принципа партийности в области преподавания отечественной истории. Подготовительные материалы к курсу лекций «История СССР до XIX в.», а также к упомянутому учебнику для вузов, изданным после известного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР»³, отражают работу в качестве руководителя авторского коллектива и свидетельствуют о немалом вкладе В. И. Лебедева в становление советской исторической науки.

Монография о народных движениях 1707—1708 гг. на южных окраинах России и научно-популярные очерки об антифеодальных крестьянских войнах XVII—XVIII вв. в России позволяют составить более полное представление о нем как об ученом-исследователе. Эти материалы публиковались лишь частично. Остались неопубликованными документы подготовленного к печати сборника «Памятники истории России 1-й четверти XVIII в.», основанного на изданной в 1937 г. небольшой хрестоматийной подборке «Реформы Петра I». Имеются в фонде машинописные и рукописные копии архивных документов, например, не вошедшие в известное многотомное издание «Письма и бумаги имп. Петра Великого», переписка М. И. Кутузова и др. Они позволяют уточнить ход восстания на Дону, в Придонуе, Слободской Украине, возглавляемого первоначально К. Булавиным, а также Астраханского восстания; содержат сведения о более поздних малоизвестных локальных крестьянских «бунтах» 1709—1710 гг. в 12 уездах центральной России, освещают некоторые малоизвестные стороны деятельности Кутузова.

³ СЗ СССР, 1934, № 26, ст. 206.

И. В. Лебедева, В. В. Лебедев

**МАРФА
ВЯЧЕСЛАВНА
ЩЕНКИНА
(1894—1984)**

23 февраля 1984 г. скончалась Марфа Вячеславна Щенкина, доктор исторических наук, заслуженный работник культуры РСФСР, член Археографической комиссии со дня ее основания. Свыше 60 лет Марфа Вячеславна проработала в Отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве, куда она пришла в 1919 г. после окончания Высших женских курсов молодой девушкой и где она выросла в большого ученого и организатора. С 1944 г. свыше 30 лет она заведовала Отделом рукописей и руководила его научной работой, а затем была научным консультантом.

Творческая научная жизнь Марфы Вячеславны как бы срослась с Отделом рукописей. Вся ее деятельность была посвящена изучению и хранению его рукописных сокровищ. Ее научные интересы концентрировались прежде всего на всестороннем изучении славяно-русского письменного наследия. Стала крупнейшим специалистом с мировым именем и признанным лидером в области славянской палеографии, исследовательница в своих трудах раскрыла значение и богатство рукописных источников. Все работы Марфы Вячеславны отличает предельная ясность и четкая последовательность изложения. Всегда поражали ее энциклопедическая образованность и великолепные знания русских летописных источников. Характерной чертой трудов М. В. Щенкиной является исчерпывающая, всесторонняя обрисовка той исторической эпохи, в которой возник и бытовал интересующий ее памятник письменности, будь то «Московские лицевые рукописи XVI века» (М., 1934) или среднеболгарская рукописная миниатюра XIV века» (М., 1964).

В последней работе автор, по сути дела, раскрывает для нас культурные связи всего славянского мира в бурное время XIV в. Кроме того в ней дается убедительная атрибуция рукописи Елисавет-

градского евангелия, хранящейся в ОР ГИМ и считавшейся утраченной.

Марфа Вячеславна плодотворно разрабатывала проблематику «Слова о полку Игореве». С 1950 по 1958 г. в «Трудах Отдела древнерусской литературы» ежегодно выходили ее статьи, посвященные разбору и восстановлению текста «Слова». В них она дала новое и оригинальное объяснение ряду неясных мест поэмы и на основе собственно палеографических разработок реконструировала орфографию и буквенные начертания исчезнувшего памятника. В те же годы Марфа Вячеславна принимала деятельное участие в подготовке издания Полного собрания русских летописей капитального труда, предпринятого академиком М. П. Тихомировым. С ее участием вышли тексты 25- и 26-го томов ИСРЛ.

Однако прежде всего Щенкина была выдающимся палеографом. Образцовый палеографический анализ находим в работах «Два памятника Новгородской письменности» (М., 1952), в рецензии на книгу А. В. Арцишевского и М. П. Тихомирова «Новгородские грамоты на бересте» (М., 1954).

Под руководством и со вступительной статьей Марфы Вячеславны коллектив сотрудников ОР ГИМ выполнил работу по описанию древнейших русских и славянских памятников XI—XIV вв., написанных на пергамене¹. К работам по описанию фондов отдела относится также обзор всех собраний отдела, изданный под названием «Сокровища древней пись-

¹ Щенкина М. В., Прохасьева Т. П., Костюгина М. М., Голышевко В. С. Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. 1. Русские рукописи. — АЕ за 1964 год. М., 1965. То же. Ч. 2. Рукописи болгарские, сербские, молдавские. — АЕ за 1965 год. М., 1966.

менности и старой печати в собраниях ГИМ» (М., 1958), получивший высокую оценку.

Последним капитальным трудом Марфы Вячеславны было исследование эпохи возникновения и бытования памятника древнегреческой письменности, знаменитой Хлудовской псалтыри IX в. В этом труде отразились не только широкая эрудиция Марфы Вячеславны, но и ее глубокое проникновение в смысл изображений, находящихся на полях рукописи, возникшей в Византии в бурную эпоху иконоборчества, что дало ей возможность высказать свое мнение о личности автора миниатюр Хлудовской псалтыри (М., 1977). Все работы Марфы Вячеславны написаны простым, ясным языком; ей одинаково были чужды как усложненная, часто мало понятная, изощренная манера изложения, так и любые неточности стиля.

Щепкина много времени и труда уделяла воспитанию молодых специалистов. Она всегда охотно и щедро делилась своими знаниями. И часто, не числясь «официальным» руководителем диссертационных, дипломных работ молодых специалистов или их статей и монографий, она фактически не только осуществляла научное руководство исследованиями, но зачастую была и строгим наставником, и добрым другом всех, кто попадал в поле ее зрения. Вспоминая научно-организационную работу Марфы Вячеславны, нельзя не сказать о тех больших задачах хранения и каталогизации фондов, которые ей пришлось решать в 20—30-х годах.

Как известно, коллекция рукописей Исторического музея к 1917 г. насчитывала немногим более 8000 ед. хр. После Великой Октябрьской революции начинается быстрый рост собраний за счет передачи в ведение государства многих частных и монастырских фондов. В это время в ГИМ переводится собрание рукописей Московской Синодальной библиотеки вместе с собраниями Кремлевских соборов, а также собрания рукописей Уварова, Хлудова, Вострякова и др.

В результате рукописный фонд ОР ГИМ вырос до 22 тыс. номеров. Естественно, что с расширением состава перед Отделом рукописей встала задача расстановки, учета и каталогизации рукописных и старопечатных источников. Роль и участие Марфы Вячеславны в этой работе чрезвычайно велики. Именно на ее долю пришлось завершение инвентарных описей собраний и создание научного карточного каталога. Составление инвентарных описей продолжалось до 1954 г. Карточный каталог был закончен в 30-х годах. Работа над ним потребовала значительных усилий. Каталог создавался на протяжении ряда десятилетий, и было важно последовательное соблюдение тех принципов, которые разработали первый заведующий Отделом рукописей В. Н. Щепкин (отец Марфы Вячеславны и ее научный руководитель) и М. Н. Сперанский. В результате этой труднейшей работы ОР ГИМ располагает полным систематическим алфавитным карточным каталогом.

Вся жизнь Марфы Вячеславны была отдана Отделу рукописей и любимому делу. Высокие научные достоинства ее трудов многократно освещались в печати. Ее труды известны во всем мире. Авторитет ее суждений чрезвычайно высок.

За свою многолетнюю, плодотворную научную деятельность Марфа Вячеславна была награждена: в 1945 г. медалью «За трудовую доблесть», в 1963 г. — знаком «За отличную работу»; Министерством культуры СССР в 1967 г. Марфа Вячеславне было присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР.

В 1969 г. правительство Народной Республики Болгарии наградило М. В. Щепкину орденом Кирилла и Мефодия I степени.

Вся жизнь и труды Марфы Вячеславны являются благородным примером бескорыстной преданности науке и своему делу. Светлая память о ней сохранится навсегда в сердцах людей, имевших счастье с ней работать.

О. А. Князевская, Т. Н. Протасьева

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН** — Архив Академии наук СССР
АВПР ИДУ — Архив внешней политики России Историко-дипломатического управления МИД СССР
АД — «Архивное дело»
АЕ — «Археографический ежегодник»
АИ — «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией»
АЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР
АОН — Академия общественных наук при ЦК КПСС
АРГ — «Акты Русского государства 1505—1526 гг.»
АСЭИ — «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.»
АФЭХ — «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков»
БАН — Библиотека Академии наук СССР
Бурятский ИОН — Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР
БШПД — Белорусский штаб партизанского движения
ВА — «Вопросы архивоведения»
ВАН — «Вестник Академии наук»
ВАРНITCO — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР
ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина
ВВ — «Византийский временник»
ВГКМ — Вологодский государственный краеведческий музей
ВГПИ — Вологодский государственный педагогический институт
ВИ — «Вопросы истории»
ВИД — «Вспомогательные исторические дисциплины»
ВНИИДАД — Всесоюзный научно-исследовательский институт документо-ведения и архивного дела
ВНИИИ — Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствоведения Министерства культуры СССР
ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГААО — Государственный архив Архангельской области
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГАПО — Государственный архив Пермской области
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГАУ СССР — Главное архивное управление при Совете Министров СССР
ГАФ — Государственный архивный фонд СССР
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГВНП — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова»
ГГУ — Горьковский государственный университет
ГИМ — Государственный исторический музей
ГКЭ — «Грамоты Коллегии экономии»
Главархив СССР — см. ГАУ СССР
ГЛМ — Государственный Литературный музей
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГПНТБ СО АН — Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР
ДДГ — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI веков»
ДАИ — «Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией»
ДРВ — «Древняя российская Вивлиофика»
ДСВ — «Декреты Советской власти»
ЕГАФ — Единый государственный архивный фонд РСФСР
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
ЗОР ГБЛ — «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина»
ИА — «Исторический архив»
ИАИ — Историко-архивный институт

- ИАН — «Известия Академии наук»
 ИВАН — Институт востоковедения АН СССР
 ИЖ — «Исторический журнал»
 ИЗ — «Исторические записки»
 ИИФФ СО АН — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
 ИИЯЛ БФАН — Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
 ИИЯЛ ДФАН — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
 ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук»
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
 ИРЯ — Институт русского языка АН СССР
 ИЯ — Институт языкознания АН СССР
 ИЯЛИ КФАН — Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
 КА — «Красный архив»
 КГПИ — Казанский государственный педагогический институт
 КГУ — Казанский государственный университет
 КЛЭ — «Краткая литературная энциклопедия»
 ЛГЛЛИ — Ленинградский государственный архив литературы и искусства
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 ЛЗАК — «Летопись занятий Археографической комиссии»
 ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива АН СССР
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
 ЛО ИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
 ЛОЦИА — Ленинградское отделение Центрального исторического архива
 МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
 МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел
 МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
 МГПИ — Московский государственный педагогический институт
 МГУ — Московский государственный университет
 МСЭ — «Малая советская энциклопедия»
 НАИИ — Научный архив Института истории СССР АН СССР
 НГУ — Новосибирский государственный университет
 Общество РАД — Общество российских архивных деятелей
 ОГПИ — Орловский государственный педагогический институт
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности
 ОНБ — Областная научная библиотека им. Н. А. Некрасова (г. Ярославль)
 ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
 ОР БАН — Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР
 ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
 ОР ГИМ — Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея
 ОР ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ОР ГТГ — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи
 ОРМ ГММК — Отдел рукописных, печатных и графических материалов Государственных музеев Московского Кремля
 ОРФ ГЛМ — Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея
 ОР ЦНБ АН УССР — Отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР
 ПА ИИП при ЦК КПБ — Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Белоруссии
 ПГПИ — Пермский государственный педагогический институт
 ПГУ — Пермский государственный университет
 ПИ — «Проблемы источниковедения»
 ПДСДР — «Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными»
 ПКМГ — «Писцовые книги Московского государства»
 ПОКМ — Пермский областной краеведческий музей
 ПР — «Пролетарская революция»
 ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи»
 ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей»
 ПСЭИ — «Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVIII вв.»
 РА — «Русский архив»
 РИБ — «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией»
 РИО — Русское историческое общество

СА	— «Советские архивы»
Сб. РИО	— «Сборник русского исторического общества»
СГУ	— Свердловский государственный университет
СЗ СССР	— «Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР»
СИЭ	— «Советская историческая энциклопедия»
СК	— «Советская книга»
Союз РАД	— Союз российских архивных деятелей
СУ РСФСР	— «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР»
СЭ	— «Советская этнография»
ТАК	— «Труды Археографической комиссии»
ТВНИИДАД	— «Труды Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела»
ТИАИ	— «Труды историко-археографического института»
ТКДА	— «Труды Киевской духовной академии»
ТЛОИИ	— «Труды Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР»
ТМГИАН	— «Труды Московского государственного историко-архивного института»
ТОДРЛ	— «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР»
УГУ	— Уральский государственный университет
УДН	— Университет дружбы народов им. П. Лумумбы
УНЦ АН СССР	— Уральский научный центр Академии наук СССР
ЦАУ СССР	— Центральное архивное управление СССР
ЦГА ВМФ	— Центральный государственный архив Военно-Морского флота СССР
ЦГА Калм. АССР	— Центральный государственный архив Калмыцкой АССР
ЦГА РСФСР	— Центральный государственный архив РСФСР
ЦГА Удм. АССР	— Центральный государственный архив Удмуртской АССР
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЗ	— Центральный государственный архив звукозаписей СССР
ЦГАЛИ СССР	— Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАМЛИ БССР	— Центральный государственный архив-музей литературы и искусства БССР
ЦГАНХ	— Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
ЦГАОР г. Москвы	— Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы
ЦГАОР СССР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов управления СССР
ЦГАОР УССР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов управления УССР
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА г. Москвы	— Центральный государственный исторический архив г. Москвы
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР
ЦГИАЛ	— Центральный государственный исторический архив (в Ленинграде)
ЦГИАМ	— Центральный государственный исторический архив (в Москве)
Центрархив РСФСР	— Центральное архивное управление РСФСР
ЦПА ИМЛ	— Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ЧОИДР	— «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете»
ЯГУ	— Ярославский государственный университет
ЯИАМЗ	— Ярославский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>В. А. Еремченко, Э. П. Иноземцева, А. А. Курносов.</i> К вопросу о комплектовании государственных архивов РСФСР документами личного происхождения . . .	3
<i>Н. Н. Покровский</i> (Новосибирск). Археографическое изучение памятников древней письменности и печати в Сибири в 1965—1983 гг.	13
<i>Е. П. Метревели</i> (Тбилиси). 25-летие деятельности Института рукописей Академии наук Грузинской ССР	26
<i>В. Н. Автократов.</i> Понятие «архивный фонд» в советском архивоведении 1920-х годов	42
<i>С. В. Чирков.</i> К истории разработки правил издания исторических источников в начале XX в.	64
<i>С. М. Каштанов.</i> Современные принципы издания латинских грамот (часть вторая)	75
<i>В. М. Виноградов.</i> Некоторые тенденции развития архивоведения в США	88
* * *	
<i>Г. В. Семенченко.</i> О хронологии троичских актов конца XIV—первой половины XV в.	100
<i>Д. А. Дрбоглав.</i> Первые результаты поисков «Анонима» Дабелова в архиве магистрата Тарту	110
<i>Т. А. Тутова.</i> Из истории архива Соловецкого монастыря	116
<i>Н. П. Парфентьев</i> (Челябинск). О деятельности комиссий по исправлению древнерусских певческих книг в XVII в.	128
<i>Н. А. Казакова</i> (Ленинград). Статейные списки русских послов в Испанию XVII в.	140
<i>Е. И. Самгина.</i> Письма царевича Алексея. (Новые поступления Государственного исторического музея)	158
<i>Р. Г. Пилюя</i> (Свердловск). Книга в культуре Урала XVIII в. (Круг чтения уральского горнозаводского населения)	160
<i>Я. Г. Солодкин</i> (Кустанай). К истории введения в научный оборот «Временника» Ивана Тимофеева	171
<i>Т. П. Коржигина.</i> Документы добровольных обществ переходного периода от капитализма к социализму в СССР (1917—1936). Состояние и потребности исследований	173
<i>В. В. Кабанов.</i> Собрание и публикация в 20-х годах крестьянских воспоминаний об аграрной революции и гражданской войне в России	182
<i>А. В. Рябов.</i> О критике провинциализма в советской архивоведческой литературе 30-х годов	188
<i>Е. Н. Кушева.</i> Археографический совет и публикаторская работа Института истории Академии наук СССР (1948—1951)	197
<i>М. Ф. Шумейко</i> (Минск). Источники изучения партийно-патриотического подполья Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (по материалам ЦА ИИП ЦК КП Белоруссии)	210
<i>Г. И. Злоказов.</i> Обобщение писем читателей газеты «Труд» о проекте Конституции СССР 1977 г. в сводках редакции (К вопросу о репрезентативности сводок)	220
<i>А. А. Севастьянова</i> (Ярославль). Организация археографической работы в Ярославской области в 1981—1983 гг.	227

Тихомировские чтения 1984 года

<i>С. В. Чирков.</i> Хроника заседания «Об археографической подготовке студентов университетов и педагогических институтов»	230
---	-----

II. Обзоры, описания, библиография

<i>Б. Л. Фонкич.</i> Греческие рукописи А. Н. Муравьева	235
<i>В. П. Наумов.</i> Вопросы внутренней политики в протоколах Конференции при высочайшем дворе и Императорского совета (1756—1762)	247

<i>Л. И. Демина.</i> «Записки» Е. Ф. Шмурло об историках Петербургского университета (1889—1892)	252
<i>Э. И. Бакст.</i> Документы по истории борьбы царизма с революцией 1905 г.	256
<i>Х. М. Астрахан</i> (Ленинград). Стенографические отчеты заседаний Петроградской городской думы за 24 октября 1917 г. — 10 января 1918 г.	261
<i>Н. М. Рубашева.</i> Материалы писательницы В. И. Дмитриевой в Отделе рукописных фондов Государственного литературного музея	268
<i>С. Д. Воронин.</i> Статья В. Д. Бонч-Бруевича «Архив Андрея Белого».	273
<i>С. В. Журавлев.</i> Материалы о строительстве первой очереди Московского метрополитена в фонде Главной редакции «История фабрик и заводов» ЦГАОР СССР	276
<i>А. Н. Мельник.</i> Творческие материалы личного фонда И. А. Кудрявцева	286
<i>Г. М. Арагазия</i> (Тбилиси). Новинки грузинской археографии (1982—1983)	290
Список печатных трудов В. Р. Лейкиной-Свирской (подг. <i>О. Н. Ансберг</i> , г. Ленинград)	294
Список печатных трудов К. Н. Сербиной (подг. <i>А. П. Павлов</i> , г. Ленинград)	297

III. Публикации

Записка К. К. Злобина об издании российского дипломатического сборника (подг. <i>Е. А. Чиркова</i>)	301
Проект А. А. Шахматова об издании собрания сочинений Юрия Крижанича (подг. <i>В. В. Ишутин</i>)	303

IV. Хроника

<i>С. В. Чирков.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1984 г.	310
<i>А. А. Курносков.</i> Встреча сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (Выступление академика И. И. Минца. Хроника заседания)	316
Новые издания Археографической комиссии	319
В отделениях Археографической комиссии	320
<i>В. А. Черныг.</i> Археографические экспедиции 1984 г.	321
<i>Н. З.</i> Собираание личных фондов в ЦГАОР СССР	325
<i>Н. И. Толстой, Р. В. Булатова.</i> 90-летие В. А. Мошина	326
<i>И. В. Лебедева, В. В. Лебедев.</i> Поступление личного фонда В. И. Лебедева в архив Московского государственного университета	327
<i>О. А. Князевская, Т. Н. Протасьева.</i> Марфа Вячеславна Щецкина (1894—1984)	329
Список сокращений	331

**Археографический ежегодник
за 1984 год**

*Утверждено к печати
Отделением истории АН СССР*

Редактор издательства Ю. Г. Гордина
Художественный редактор Г. П. Валлас
Технический редактор А. М. Сатарова
Корректоры К. П. Посева, В. С. Федечкина

ИБ № 29458

Сдано в набор 03.12.85. Подписано к печати 28.07.86.
Т-09897. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага книжно-жур-
нальная импортная. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 29,4. Усл. кр.-отт. 29,4.
Уч.-изд. л. 34,8. Тираж 1550 экз. Тип. зак. 1108.
Цена 4 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

1984